

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

AP50
.N688
g.2
t.6
okt.-
dek.
1898

939

3 - j

Новый Журнал
НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ
иностранной литературы
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,
искусства и науки
ИСКУССТВА И НАУКИ

ТОМЪ IV

(ОКТАБРЬ—НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ 1898 г.)

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

(Годъ второй.—Т. VI-й)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1898

Дозволено цензурою 25 сентября 1898 г. С.-Петербургъ.

Редакторъ-издатель **Ө. И. Булгаковъ.**

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И НАУКИ.

Т. IV.

ОКТАБРЬ 1898 г.

№ 10.

СОДЕРЖАНИЕ.

СТАТЬИ СЪ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ:

	СТР.		СТР.
I. Интересное чтеніе. Съ картины Мадленны Лемеръ	1	VII. Генрикъ Ибсенъ. Критическ. этюдъ С. П. Нани. (Гл. V — VII). (Съ виньет.)	23
II. Книги. (Съ 5 иллустр.)	2	VIII. Поэтессы-самоучки. Критическій этюдъ Е. М. Шершевской. (I. Прошлое женской нѣмецкой поэзіи)	27
III. Лука Синьорелли. (Изъ графа фонъ-Платена). Стихотвореніе В. С. Лихачова.	9	IX. Дѣтство королевы (съ 2 портретами королевы Вильгельмины и виньет.)	31
IV. Жизнь и ученіе Джона Раскина. Ст. проф. Ч. Э. Тэрнера. (VIII. Раскинъ объ обязанностяхъ челоѣка къ обществу. — IX. О томъ, что нужно народу). (Съ 2 виньет.)	10	X. Въ сѣтяхъ. (Изъ Фридриха Дармера). Стихотв. В. С. Лихачова. (Съ иллустр.)	36
V. Его любимый романъ. (Рис. Макса Купера).	16	XI. О народныхъ повѣрьяхъ въ Европѣ. (Съ 4 рисунками Кастенья)	37
VI. Императрица Австрійская (съ 4 портретами и виньеткой)	17	XII. Дамская страница въ астрономіи. В. Разинькова. (Съ 5 ллустр.)	44

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

19 статей и замѣтокъ съ 40 иллустр. (Подробное оглавленіе см. стр. 54) 53

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Женщина въ искусствѣ. Художественно-историческая монографія съ многочисленными автотипіями съ произведеній живописи и скульптуры, изображающихъ женщину, съ портретами женщинъ-художницъ и покровительницъ искусствъ	33—64
Такъ говорилъ Заратустра. Мистическая поэма Фридриха Ницше. Переводъ съ нѣмецкаго	49—64
Избранныя произведенія Стендаля (Анри Бейля). (Съ его портретомъ). Переводъ и примѣчанія В. П. Горленко	1—16

РОМАНЫ, ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

Норманны въ Византіи. Историческій романъ Гюга Ле-Ру. Съ французскаго переводъ А. Н. Толстой. (Окончаніе)	33—66
Эйалинъ ангелъ. Романъ Тролопа. Съ англійскаго переводъ О. М. Соловьевой	81—144
Сентъ-Марсъ или заговоръ въ царствованіе Людовика XIII. Историческій романъ графа Альфреда де-Виньи. Съ франц. переводъ О. М. Соловьевой. (Съ рисунками)	145—160
Арахнея. Новый историческій романъ Георга Эберса. Съ нѣмецкаго переводъ Е. В. Кившенко. (Окончаніе)	145—176
Объявленія.	

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Годовая (съ 1-го января 1898 г. по 31-е декабря 1898 г.) 4 р., съ доставкой и пересылкой 5 р.; полугодовая 2 р. 50 к., съ доставкой и пересылкой 3 р. За переѣзду адреса: иногородняго на иногородній 28 к., иногородняго на петербургскій и петербургскаго на иногородній 50 к.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: С.-Петербургъ, Конногвардейскій бульваръ, 13. (Пріемъ для личныхъ объясненій—по субботамъ, отъ 2 до 3 час. пополудни). **Телефонъ 2327.**

Я. БЕККЕРЪ

ПОСТАВЩИКЪ

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССИЙСКАГО

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

ИМПЕРАТОРА АВСТРІЙСКАГО

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

КОРОЛЯ ШВЕЦИИ И НОРВЕГИИ

и

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

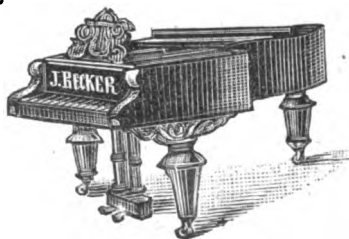
КОРОЛЯ ДАТСКАГО

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ

Великаго Князя Владиміра Александровича, Великаго Князя Николая Николаевича, Великой Княгини Александры Іосифовны, Великаго Князя Константина Константиновича.

С.-Петербургъ, Казанская площ., уг. Невскаго пр., № 27—18.

РОЯЛИ И

ПІАНИНО

ВЫСШІЯ НАГРАДЫ:

1893
Чикаго

1894
Антверпенъ

1896
Н.-Новгородъ

1897

Стокгольмъ

Званіе поставщика его величества короля Швеции и Норвегии и высшая награда—«Золотая медаль».

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ БЕЗПЛАТНО.

Интересное чтение.
(Съ картины Матвея Ледкова, Грамера Людерса).

КНИГИ.

Безсмертный Кеплер сравнивал число кометъ съ количествомъ рыбъ: «кометъ въ небѣ столько, сколько рыбъ въ океанѣ». Уже и теперь пмѣются основанія, чтобы въ будущемъ, можетъ быть, и не особенно далеко, примѣнить подобное сравненіе къ книгамъ. Въ самомъ дѣлѣ, книжный рынокъ на нашихъ глазахъ растетъ не по днямъ, а по часамъ. Ежедневно типограф-

скія машины выпускаютъ тучи печатной бумаги. Гора книгъ все увеличивается. Годъ два-три тому назадъ въ Нью-Йоркѣ возникла идея произвести генеральный, такъ сказать, смотръ этой бумажной арміи—составить полный каталогъ всѣхъ книгъ міра отъ начала книгопечатанія до нашихъ дней включительно. Это будетъ внушительный, капитальнѣйшій трудъ, и Богъ вѣсть, когда

онъ приблизится къ концу. Тогда къ существующимъ книжнымъ горамъ прибавится новая—великая во всѣхъ отношеніяхъ книга о книгахъ, столь необходимая для каждого, кто хочетъ изучить основательно тотъ или иной вопросъ въ той или иной области жизни, труда, знанія, искусства, кто хочетъ составить по своему вкусу, сообразно со своими нуждами полную бібліотеку. И, дѣйствительно, какъ трудно въ настоящее время разобраться въ хаосѣ печатной бумаги — всякихъ книгъ, брошюръ, периодическихъ изданій, атласовъ, альбомовъ и т. п., безъ общаго руководителя-каталога! Какъ трудно выбрать изъ этой горы все существенно необходимое, дѣйствительно цѣнное, для хорошей, къ извѣстнымъ цѣлямъ приуроченной, бібліотеки! Вспомнимъ богатую литературу по всѣмъ отраслямъ знаній Франціи, Англіи, Германіи. Вспомнимъ о той безднѣ всевозможныхъ статей различнаго характера, какая расеяна въ ежемѣсячникахъ и еженедѣльникахъ, какъ общедоступныхъ, такъ и специальныхъ. Это — настоящій лабиринтъ, которому недостаетъ только Аріадниной нити, и если указанная выше благая затѣя американцевъ осуществится — мы будемъ имѣть въ видѣ ихъ всемірнаго каталога такую путеводную нить. Правда, и теперь существуютъ бібліографическіе указатели и систематическіе справочники, но ихъ такъ мало; при томъ

весьма немногіе изъ нихъ отличаются желаемою полнотою, и, наконецъ, они относятся къ литературамъ отдѣльныхъ языковъ, а не всѣхъ въ совокупности. Но все-таки и то немногое, что есть въ данной области, представляетъ уже болѣе или менѣе значительную поддержку для каждого имѣющаго дѣло съ книгами. Съ помощью нынѣшнихъ указателей можно кое-какъ ориентироваться въ темныхъ нѣдрахъ книжнаго

рынка. Говоримъ мы это главнымъ образомъ о книгахъ спеціальнаго содержанія, посвященныхъ наукѣ или искусству; что же касается паящевой словесности, беллетристики и поэзии, то въ выборѣ такихъ книгъ на первое мѣсто выступаетъ вкусъ и здѣсь указатели, собственно, ни при чемъ. Но оставимъ специалистовъ, оставимъ любителей романовъ и стиховъ и взглянемъ на книги пошире, побѣсѣдуемъ о «библіотекѣ образованнаго человека».

Книга въ настоящее время играетъ роль положительно необходимаго предмета домашняго обихода. Вы найдете ее вездѣ — и во дворцахъ, и въ богатыхъ палаццо, и въ скромныхъ буржуазныхъ квартирахъ, и даже въ бѣдныхъ хижинахъ. Книга сопутствуетъ грамотности; она не требуетъ ни большой денежной затраты для пріобрѣтенія ея, ни особенныхъ помѣщеній. Съ удобствомъ она помѣщается и на столѣ, и на полкѣ, и въ книжномъ шкапѣ. И съ теченіемъ

Дѣвочка передъ книжкой съ картинками.

(Съ картины Августа Гейна).

(На Мюнхенской выставкѣ 1898 г.).

ніемъ времени все рѣже и рѣже приходитъ вспоминать изреченіе Цицерона о комнатѣ безъ книгъ, которую «можно сравнить съ тѣломъ, лишеннымъ души». Книга сдѣлалась другомъ человѣка, особенно полезнымъ своими утѣшеніями въ тяжелыя минуты жизни. «Когда я читаю, я забываюсь.» Какъ часто можно теперь услышать эту фразу! И дѣйствительно—хорошая, увлекательно написанная книга, вырываетъ насъ изъ душной сферы повседневныхъ житейскихъ заботъ въ чистую, свѣтлую область мысли, гдѣ и страданія являются предъ нами въ красивыхъ формахъ, еще болѣе возбуждающихъ наше сочувствіе. Въ нашъ вѣкъ, погрязшій въ служеніи золотому тельцу и въ погонѣ за эфемерной славой, вѣкъ съ густо наложеннымъ на него отпечаткомъ матеріализма, практичности, книги едва ли не единственные вѣрные, безкорыстные друзья; они даютъ намъ такъ много, а требуютъ такъ мало. Уже пятьсотъ лѣтъ тому назадъ знаменитый Петрарка оцѣнилъ эту великую дружбу въ такихъ словахъ: «Я имѣю друзей, общество которыхъ для меня чрезвычайно пріятно: эти друзья существовали какъ въ прежніе вѣка, такъ живутъ они и теперь; эти друзья разбѣяны по различнымъ странамъ міра; они отличились своими заслугами какъ на полѣ сраженія, такъ и въ скромномъ кабинетѣ ученаго и получили наивысшія награды за тѣ полезныя свѣдѣнія, которыми они надѣляли всѣхъ. Доступъ къ нимъ чрезвычайно легокъ, и всегда они къ моимъ услугамъ; я принимаю ихъ или отказываюсь отъ ихъ общества тогда, когда мнѣ это угодно. Они не беспокоятъ меня и всегда готовы отвѣтить на любой вопросъ, заданный имъ мною. Нѣкоторые изъ этихъ друзей объясняютъ мнѣ событія прошлыхъ вѣковъ, между тѣмъ какъ другіе раскрываютъ предо мною великія тайны природы; одни изъ нихъ учатъ меня, какъ жить, другіе—какъ умирать. Одни изъ нихъ своею занимательностью прогоняютъ мою скуку и пріятно возбуждаютъ мой упавшій духъ, тогда какъ другіе укрѣпляютъ мой умъ и даютъ мнѣ мудрый совѣтъ, какъ обуздать свои страсти и надѣяться во всемъ только на свои собственныя силы. Они раскрываютъ предо мною разнообразныя отрасли искусства и науки, и я могу смѣло рассчитывать на ихъ помощь для пріобрѣтенія все-

возможныхъ свѣдѣній по самымъ трудно-разрѣшимымъ вопросамъ. Въ благодарность за всѣ эти услуги, они требуютъ отъ меня только одного,—пристроить ихъ въ удобной комнатѣ въ какомъ-либо углу моего скромнаго жилища, гдѣ бы они могли мирно покоиться, такъ какъ наслаждаться обществомъ этихъ друзей удобнѣе въ тишинѣ и спокойствіи, нежели среди шумной толпы.»

Приведенныя слова Петрарки лучше всего объясняютъ сущность и значеніе библиотеки образованнаго человѣка, для девиза которой слѣдовало бы ваять слова лорда Брума: «Весьма цѣлесообразно—читать все понемногу и немного обо всемъ.» Въ такой библиотекѣ должны найти себѣ мѣсто всѣ музы, увѣковѣчивающія письменами мысль. Здѣсь—и науки, и искусства, и поэзія. Здѣсь откроетъ намъ астрономія далекіе загадочные міры въ небѣ, географія—разныя страны на землѣ; исторія отопретъ своимъ ключемъ двери старинныхъ дворцовъ, ворота старинныхъ городовъ, познакомитъ насъ съ тайнами прошлаго, воскреситъ угасшую жизнь; царство Флоры распахнетъ намъ свои объятія въ ботаникѣ; зоологія поведетъ насъ въ міръ животныхъ; спустимся въ нѣдра земли вмѣстѣ съ минералогіей и остановимся подъ руководствомъ геологіи у колыбели нашей планеты; метеорологія вознесетъ насъ къ облакамъ; физика покажетъ намъ интересныя явленія, позабавитъ подчасъ фокусами, а химія расскажетъ о строеніи и составѣ тѣлъ, объ ихъ измѣненіяхъ, о газахъ и жидкостяхъ; анатомія обнажитъ и вскроетъ передъ нашимъ изумленнымъ взоромъ человѣческое тѣло, а въ медицинѣ мы изучимъ болѣзни и ихъ лѣченіе. Пойдемъ дальше: передъ нами чудеса техники, чудеса инженернаго искусства—всевозможныя машины, желѣзныя дороги, пароходы, броненосцы, мосты, дамбы, каналы, туннели; мы залюбуемся величественными храмами, красивыми зданіями, изяществомъ и гармоніею архитектурныхъ линій. Вотъ многочисленные альбомы съ гравюрами и фототипіями: взоръ восхищается красотой и благородствомъ формъ классическаго зодчества и ваянія. Цѣлая галлерея знаменитыхъ статуй проходитъ передъ нашими глазами; за нею слѣдуетъ нескончаемая галлерея живописи отъ Рафаэля до Бернъ-Джонса, отъ Сандро Боттичелли до прерафаэлитовъ вашихъ дней. Длинною-длинною вереницею пройдутъ красивые образы, картины природы,

воплощенные гениальною кистью мечты художниковъ. Когда мы отдохнемъ на этихъ сокровищахъ человѣческаго гения,—переходимъ къ другимъ, скрытымъ въ печатныхъ страницахъ: тутъ романъ, поэзія. Нѣтъ уже болѣе спокойствія науки, утрудою сосредоточенности техники, нѣмой прелести пластическаго искусства! Теперь мы въ области буривосторговъ, водоворота страстей, тихихъ радостей и тайныхъ драмъ семейнаго очага, порывовъ любви, сладкаго яда наслажденій, человѣческаго горя и счастья; въ области паренія души къ недосигаемымъ, заманчиво блещущимъ въ таинственной дали идеаламъ; въ области поющихъ словъ, божественныхъ звуковъ поэзіи, въ области виѣшней красоты ренемъ и внутренней красоты содержанія.

Любимъ ли мы, страдаемъ ли мы, печальны ли или счастливы, тяготитъ ли насъ горе или восторгаемся мы жизнью, смущаютъ ли насъ какія-нибудь мысли или изнываемъ мы отъ пустынности души,—всегда, во всѣхъ обстоятельствахъ, мы найдемъ въ этой области библіотеки сочувствіе себѣ, облегченіе, утѣшеніе или даже нѣмой совѣтъ; въ унисонъ нашему состоянію мы найдемъ такое же состояніе души созданныхъ фантазіею поэта людей; если наша душевная жизнь неполна почему-либо, мы можемъ замѣстить эту пустоту, почерпая изъ литературныхъ произведеній подходящій матеріалъ.

Такова библіотека истиннаго интеллигента; научный отдѣлъ ея всегда готовъ къ его услугамъ для всякихъ справокъ, для пополненія образованія; литературный — отвѣтитъ запросамъ души; художественный — удовлетворитъ эстетическія требованія. Здѣсь идетъ рѣчь вовсе не о глубокомъ энциклопедизмѣ, но и не о легкомысленно-поверхностномъ знаніи. Въ этомъ отношеніи такъ умѣстно—собиюсти Гораціеву «золотую середину». Мозгъ всегда работаетъ, умъ всегда проявляетъ интересъ къ чему-либо. Библіотека, о которой мы говоримъ, должна оказать помощь въ такой пытливости ума; готовый отвѣтъ, въ видѣ разнообразныхъ книгъ, долженъ пойти немедленно навстрѣчу

назрѣвающему у интеллигента какому-либо вопросу.

Разносторонность содержанія описываемой нами библіотеки интеллигента, удовлетворяющей разнообразнымъ потребностямъ человѣческаго духа, соотвѣтствуетъ такому же характеру одного крупнаго явленія современной жизни, безъ котораго трудно вообразить теперь себѣ цивилизацію нашего вѣка: это — газета. Въ газетѣ вы найдете все: и извѣстія о текущихъ событіяхъ, и историческія свѣдѣнія, и научныя статьи, и романъ, и новеллу, и стихи, и даже рисунки. Нынѣшняя газета, поистинѣ, энциклопедична. Къ цѣлесообразному чтенію хорошей газеты (мы, разумѣется, не имѣемъ здѣсь въ виду бульварныхъ листовъ и театральныхъ содержанокъ въ прессѣ) нужно быть извѣстнымъ образомъ подготовленнымъ — обладать предварительными познаніями особенно по части политической исторіи и географіи. При всей необходимости для насъ этого сравнительно новаго продукта типографской промышленности, нельзя закрывать глазъ на отрицательныя стороны газеты: какъ дешевый, обильный и разнообразный матеріалъ для чтенія, заполняющаго краткій дневной досугъ нынѣшняго погруженнаго въ работу, жестоко борящагося за существованіе, человѣка, газета незамѣтно подрываетъ спросъ на книги. Съ теченіемъ времени образованность распространяется все болѣе и болѣе, а между тѣмъ чуть не вездѣ жалуются на застой книжнаго рынка. Этотъ застой, можетъ быть, и нѣсколько преувеличиваемый, но все-

таки существующій, обусловливается, съ одной стороны, перепроизводствомъ книгъ (чего только теперь ни печатаютъ!), а, съ другой, увеличеніемъ числа публичныхъ библіотекъ и разрастаніемъ газетнаго дѣла. Частныя, домашнія библіотеки теперь не въ

модѣ. Сплошь и рядомъ случается, что по смерти какого-нибудь библіофила его коллекція книгъ безжалостно распродается наслѣдниками, идетъ чуть не за безцѣнокъ, выселяется изъ тихихъ кабинетовъ и библіотечныхъ залъ на пыльную, шумную толкучку. Если такой разгромъ вызывается нуждою—извинительно, даже болѣе чѣмъ достаточно извинительно. Но что сказать, если книги продаются потому лишь, что онѣ занимаютъ «лишнее мѣсто», что послѣ нихъ освободится комната для будуара любовницы, что на деньги, вырученныя за нихъ, приобретутъ скаковую лошадь, сногшибательный велосипедъ или просто растратятъ ихъ на какіе-нибудь пустяки, прокутятъ, пустятъ, какъ говорится, на вѣтеръ?! Въ оправданіе застоя книжнаго рынка, пожалуй, приведутъ указаніе на сравнительное обдѣніе: «денегъ нѣтъ». Деньги-то, положимъ, есть, да онѣ уходятъ на другія потребности; а такихъ потребностей народилось въ новѣйшей цивилизаціи не мало. Напримѣръ, спортъ—эта язва человѣческаго прогресса, стремящаяся вернуть насъ ко временамъ древне-римскихъ ристалищъ; и, собственно, не спортъ, а злоупотребленіе спортомъ. Оздоровленіе человѣчества такимъ путемъ, какъ тщетно слятся доказать это рьяные спортсмены,—не болѣе, какъ пустая, жалкія слова. Здоровье обуславливается нормальною свободою отъ предразсудковъ, согласно съ требованіями природы, жизнью, а не безсмысленными упражненіями рукъ и ногъ. Развѣ подниманіе гирь и верченіе на турникахъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ атлетическихъ клубовъ могутъ замѣнить человѣку свѣжій воздухъ? Многое принесено въ жертву спорту; пмъ заполнили чуть не всѣ досуги дѣйствительные и воображаемые; чрезмѣрное увлеченіе имъ отняло у книгъ достаточно поклонниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, прежде вкусъ и любовь къ книгамъ были болѣе развиты, о чемъ свидѣлствуютъ и исторія и сохранившіеся донынѣ старинныя библіотеки, болѣе развиты, можетъ быть, потому, что книги тогда были предметами роскоши, доступными только богачамъ. Но вкусъ этотъ притупился благодаря многимъ обстоятельствамъ, въ томъ числѣ и разнымъ дешевкамъ книжнаго рынка, пущеннымъ въ ходъ скопидомными нѣмцами; книги сдѣлались доступными всѣмъ по своей цѣнѣ, сдѣлались обыденными предметами. Правда, прежней вражды къ книгамъ нѣтъ теперь, но

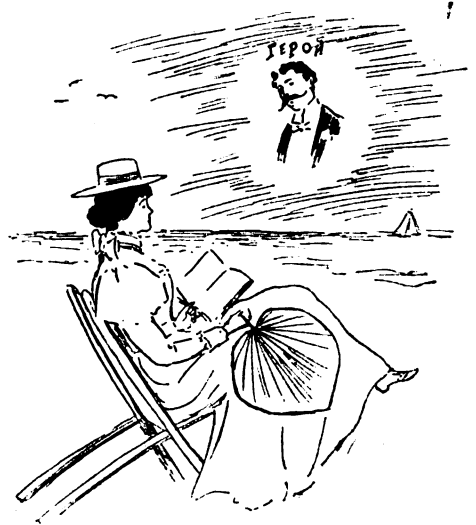
зато замѣчается въ большинствѣ случаевъ поразительное, позорное равнодушіе къ нимъ. Лишнія деньги теперь предпочитается затратить на покупку велосипеда, чѣмъ на книги.

А число книгъ все-таки умножается и умножается: знанія растутъ, умъ человѣка прогрессируетъ. Прогрессъ отражается и на внѣшности книгъ. Сравните грузные неуклюжіе фоліанты старины, времени начала книгопечатанія, съ изящными томиками нашихъ дней. Какая разница! Это—да позволено будетъ намъ такое вульгарное сравненіе—грубый сапогъ и изящная туфелька. Тамъ толстый шероховатый пергаментъ грязноватаго цвѣта, дѣтскій рисунокъ крупнаго шрифта, погрѣшности въ типографскомъ отношеніи—въ смыслѣ неправильности набора и верстки—такія, отъ которыхъ въ ужасъ пришесть бы современный нашъ метранпажъ, и не только метранпажъ, а и самый заурядный наборщикъ. А теперь—гладкая, атласистая бумага, граціозные контуры литеръ, все подтянуто, выровнено въ струнку,—не печатная страница, а узоръ какой-то! А ужъ объ иллюстраціяхъ и говорить нечего! Иная современная книга своимъ изяществомъ скорѣе походитъ на бонбоньерку, чѣмъ на книгу, такъ и вызываетъ о бѣлыхъ перчаткахъ на руки! Прямо-таки не читать ее, а любоваться ею! Эволюція внѣшности книги не прекращается съ первыхъ дней ея. Къ чему она приведетъ въ будущемъ? Это зависитъ, конечно, отъ успѣховъ техники. Четыреста пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ изъ-подъ примитивныхъ типографскихъ ручныхъ станковъ выходили въ свѣтъ первые книжные листы. Теперь въ типографіяхъ весело жужжатъ сложныя ротационныя машины, выбрасывая въ сутки умопомрачительную массу печатной бумаги. Являлась на помощь фотография—и иллюстрированіе книгъ пошло быстрыми шагами впередъ благодаря простой и сравнительно дешевой автотипіи или цинкографіи. Быть можетъ, какъ мечтаютъ нѣкоторые утописты, книга въ будущемъ замѣнится фонограммою. Подписчики газетъ будутъ получать тогда каждое утро не нынѣшнія печатныя простыни, а маленькія трубочки фонограммъ; зарядитъ будущій счастливецъ-человѣкъ свой фонографъ такою трубочкою и за утреннимъ кофе прослушаетъ со всею семьею всѣ текушія извѣстія. Пожалуй, тогда при редакціяхъ газетъ будутъ состоять цѣлыя оперныя труппы: бась—для отдѣла политиче-

скаго, альтъ — для телеграммъ, меццо-сопрано — для обывательскихъ воплей въ городской хроникъ и сладчайшій теноръ — для беллетристики. Это, конечно, шутка, но что рано или поздно книгопечатаніе вырождается въ какую-нибудь новую, еще не извѣстную нынѣ, отрасль техники — это можно предполагать съ тѣмъ же правомъ, съ какимъ говорятъ о замѣнѣ паровыхъ машинъ въ будущемъ электромоторами, приводимыми въ движеніе, конечно, не силою пара, какъ теперь, а иною, хотя бы, наприимѣръ, силою гальваническаго тока или другихъ химическихъ процессовъ. Мечтать о будущемъ — очень благодарная тема, но не будемъ ею увлекаться.

Обратимъ вниманіе только вотъ на что: сущность технического прогресса состоитъ въ упрощеніи приспособленій, въ упрощеніи условий работы и въ сокращеніи участія рабочей силы человека. Вспомните усовершенствованія въ телеграфномъ дѣлѣ, въ ткацкомъ производствѣ. Вспомните, сколько людей устранили отъ работы новѣйшія машины, къ слову сказать, та же самая ротационная машина, сама печатающая на безконечной лентѣ бумаги съ двухъ сторонъ, разрѣзывающая ее на листы, аккуратно фальцующая ихъ. Заглянемъ въ древность, посмотримъ, какъ люди увѣковѣчивали свою мысль, дѣлали то, что составляетъ теперь сущность типографскаго искусства: высѣкали слова на камнѣ, вырѣзывались на глиняныхъ дощечкахъ, обжигаемыхъ затѣмъ; позже появляются длинные свитки папируса; отъ временъ книжныхъ лавокъ древняго Рима до Гуттенберга арміи переписчиковъ корили надъ манускриптами; для одновременнаго изданія ста экземпляровъ требовалось сто человекъ, да одинъ диктующій, а теперь десять-двѣнадцать душъ справятся съ такимъ дѣломъ въ современныхъ типографіяхъ. Вы видите, какая бездна разницы легла, на прогаженіи трехъ столѣтій, между каменными и глиняными досками и глянцевитою, нѣжною бумагою нашихъ книгъ! И эволюція внѣшности книги будетъ, безъ сомнѣнія, продолжаться и далѣе, — замѣтьте, только внѣшности, потому что суть ея вѣчна, какою она была ранѣе, такою она остается и теперь, такою перейдетъ и въ далекое будущее: суть эта — увѣковѣченіе мысли, воплощеніе ея въ доступномъ по возможности большинству видѣ посредствомъ письменъ,

или видимыхъ знаковъ. По такому опредѣленію сути письменности мы можемъ установить крайніе предѣлы въ данной области: съ одной стороны — мысль, возникающая въ мозгу, съ другой — пользованіе ею безъ ограниченія во времени и пространствѣ. Сближить эти абстрактное съ конкретнымъ между собою, эти предѣлы, и составляетъ задачу книгодѣльнаго искусства или техники письменности. Исторія показываетъ намъ, какъ постепенно они сближались. Связующее ихъ звено дѣлается все меньше и изящнѣе, не теряя прочности; оно все сокращается отъ каменныхъ скрижалей древности до бумажныхъ листиковъ настоящаго. Быть можетъ,

настанетъ когда-нибудь время, когда звено это сократится чуть не до нуля, то-есть сама книга изведется на нѣтъ. Это кажется чудовищною фантазіею, но вспомните фотографію мысли, опыты которой уже были не такъ давно произведены и дали нѣкоторую, покаместъ еще довольно туманную надежду на успѣхъ въ будущемъ. Осуществившись эта фотографія мысли — и тогда книги, даже объемистыя книги, замѣнятся легкими фотографическими пластинками. Вы подумайте только, какой это увѣсисый томъ выйдетъ, если записать послѣдовательно, безъ малѣйшихъ пропусковъ, мысль за мыслью въ теченіе двухъ-трехъ дней! Вы подумайте только, какое поразительное сокращеніе труда и времени для человѣчества произведетъ эта фотографія мысли! Тогда вся эта нынѣшняя

тяжелая, громоздкая, свинцовая артиллерія типографій безвозвратно будетъ сдана въ архивъ, если, разумѣется, она доживетъ до тѣхъ блаженныхъ, увы, еще далекихъ дней, что весьма сомнительно. Мы уже владѣемъ теперь чудеснымъ аппаратомъ, увѣковѣчивающимъ событія до мельчайшихъ подробностей—кинематографомъ. Вообразите себѣ такой кинематографъ мысли будущаго! Вообразите себѣ эту безконечную ленту свѣточувствительной бумаги, на которой отпечатываются ваши мысли, даже самыя сокровенныя, во всей ихъ послѣдовательности! При наличности такого изобрѣтенія исчезаетъ всякая необходимость записывать, набирать, печатать. Мелькнула мысль, и она уже увѣковѣчена, она сдѣлалась общимъ достояніемъ. Изъ этого можно заключить о той высокой степени строгой нравственности, какую вызоветъ будущая фотографія мысли!

«Это убьетъ то», говоритъ Клодъ Фролло въ извѣстномъ романѣ Виктора Гюго, указывая сначала на книгу, а затѣмъ—на величественный готическій соборъ Notre-Dame, и эту мысль талантливый французскій романистъ развиваетъ въ цѣлой главѣ, одной изъ остроумнѣйшихъ и гениальныхъ страницъ его твореній: онъ показываетъ намъ постепенный упадокъ архитектурнаго творчества и параллельно съ этимъ прогрессъ типографскаго искусства, онъ приводитъ въ связь эти два явленія, указываетъ на то, что творческія способности человѣческаго ума, ярко выражавшіяся прежде въ созданіи каменныхъ громадъ, полныхъ гармоніи и красоты, обратились теперь въ другую область дѣятельности—къ книгопечатанію, заботясь о красотѣ книгъ. «Это убьетъ то!» Если книга убила архитектуру, то не найдется ли чего-нибудь такого, что, въ свою очередь, убило бы книгу?.. Трудно покажетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Но, внимательно обзрѣвая всѣ явленія нынѣшней культуры, нельзя не остановиться на одномъ изъ нихъ, весьма замѣтномъ, именно на поразительныхъ успѣхахъ фотографіи, уже открывающей въ безднахъ небесъ такія свѣтила, которыя никакому человѣческому глазу, вооруженному самымъ сильнымъ рефракто-ромъ, не доступны. Не сегодня—завтра человѣчество овладѣетъ секретомъ цвѣтной фотографіи, и это открытіе сильно подорветъ живопись, особенно современную про-

токольную живопись. Фотографія передаетъ вѣрности все, и восхитительные пейзажи, и народныя толпы, и картины художниковъ, передаетъ событія, лица и предметы съ неподражаемою точностью, запечатлѣваетъ черки, страницы рукописей, книгъ. Последніе дни подарили фотографіею невидимаго, столько намумѣвшею фотографіею X-лучей. Фотографіи открываются обширнѣйшее поле блестящей будущности. Помимо копирования натуральныхъ цвѣтовъ предметовъ, фотографію ожидаетъ еще другое, весьма важное усовершенствованіе—скорое, одновременное умноженіе снимковъ, ускореніе печатанія позитивовъ. Когда послѣдняя задача будетъ рѣшена исполнѣ успѣшно, что помѣшаетъ тогда повторенію изданій уже существующихъ книгъ путемъ фотографіи? И теперь можно сфотографировать любую книгу отъ первой до послѣдней страницы, а разъ умноженіе позитивовъ сдѣлается легкимъ, скорымъ дѣломъ, то мы будемъ имѣть фотографированныя книги, а вмѣсто шумныхъ машинныхъ отдѣленій типографій—тихія лабораторіи свѣтописи. Къ фотографированію, навѣрное, примѣняютъ электричество: существуетъ вѣдь у насъ уже Рентгеновская фотографія.

Предрѣшать будущее—очень рискованно. Весьма назидательнымъ въ этомъ отношеніи является слѣдующій примѣръ. Сравнительно недавно, въ 1842 году, извѣстный философъ Контъ въ своемъ «Курсѣ позитивной философіи» заявлялъ съ аллобомъ, достойнымъ лучшей участи: «Мы можемъ надѣяться, что будемъ въ состояніи опредѣлить форму, разстоянія, величину и движеніе небесныхъ свѣтилъ, но никогда и ни въ какомъ случаѣ мы не будемъ въ состояніи изучить ихъ химическаго состава или минералогическаго строенія.» А теперь, полюбуясь, спектральный анализъ раскрылъ и не перестаетъ раскрывать тайны великихъ міровъ именно въ химическомъ отношеніи; благодаря ему, мы знаемъ не мало интерес- ныхъ подробностей о составѣ солнца, атмосферы планетъ, о звѣздныхъ туманностяхъ, даже о движеніяхъ звѣздъ, знаемъ вообще много такого, чего и не снилось Конту.

«Это убьетъ то!» Неизвѣстно—что убьетъ книгу. Но какимъ бы видоизмѣненіемъ она ни подверглась, въ какомъ бы видѣ она ни предстала будущимъ поколѣніямъ,—она никогда не лишится своего выдающагося зна-

ченія въ человѣческой цивилизаціи, она Байрона. Умовъ или душъ нашихъ невѣдо-
всегда сохранить свою глубокую суть. И до мыхъ далекихъ потомковъ коснется и ме-
ланихоличная прелест-
ная проза Альфонса
Додэ, и роковыя стра-
сти героевъ Зола, и
юморъ Диккенса, и за-
душевные, полныя про-
стоты и граціи повѣ-
ствованія Тургенева.
Безсмертное останется
безсмертнымъ. Это сдѣ-
лаетъ книга, въ какую
бы внѣшность она ни
была облечена прогрес-
сирующею техникою.

ЛУКА СИНЬОРЕЛЛИ.

(ПІСЬ ГРАФА ФОНЪ-ПЛАТЕНА)

Темно... Что дѣлать! Синьорелли
Разстаться съ кистью принужденъ.
Передъ уходомъ, взгляды любовный
На полотно бросаетъ онъ.

Но что за шумъ? Что за тревога?
Пісь мастерской Лука спѣшитъ...
И вѣсть разить его: «Учитель!
«Твой сынъ единственный убить!»

«Всеобщій баловень, красавецъ,
«Какихъ едва ли видѣлъ свѣтъ, —
«Онъ заплатилъ цвѣтущей жизнью
«За сладость вѣтреныхъ побѣдъ.

«Почти при насъ онъ, пораженный
«Рукой соперника, уиалъ
«И отнесенъ уже въ часовню,
«Какъ долгъ святой повелѣвалъ.»

— «О, горе! горе! Для чего же
«Я жилъ? Къ чему стремился я?
«Одно мгновеніе — и навѣки
«Померкло солнце бытія!

«Волшебный міръ лучей и красокъ
«Толпѣ Кортонъ я открылъ,

«Созданьемъ юношеской грезы
«Я храмъ Орвieto оживилъ:

«Что пользы въ томъ? Что пользы въ славѣ,
«Въ почетѣ, въ творческомъ огнѣ?
«Искусство, ты — моя опора!
«Ко мнѣ, безцѣнное, ко мнѣ!»

Ни слова больше, — и въ часовню
Идетъ онъ поступить живою;
За нимъ что нужно для картины
Ученики несутъ гурьбой.

Вошелъ. Со стѣнъ, его же кисти,
Глядѣлъ суровыхъ лицъ рядъ.
Вотъ и мертвецъ. Надъ нимъ монахи
Молитвы тихія творятъ.

Мольбертъ готовъ. Ни слезъ, ни вздоховъ!..
Старикъ въ работу погруженъ:
Черты любимыя усердно
На полотно наноситъ онъ.

Минуетъ ночь. Лука все пишетъ.
— «Сейчасъ, сейчасъ, дитя мое!
«Довольно. Я свое исполнилъ.
«Монахи, дѣлайте свое!»

В. О. Лихачевъ.

ЖИЗНЬ И УЧЕНИЕ ДЖОНА РАСКИНА.

СТАТЬЯ ПРОФ. Ч. Э. Тёрнера.

VIII¹⁾.

Раскинъ объ обязанностяхъ человѣка къ обществу.

Почти во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, отбрасываемъ, какъ пригодные, можетъ за исключеніемъ специально посвященныхъ какому-нибудь предмету, Раскинъ говоритъ объ обязанностяхъ человѣка въ жизни въ его отношеніяхъ къ обществу. Въ ученіи его мы должны ожидать найти многое, съ чѣмъ сначала намъ не захочется согласиться. Но мы не должны забывать, что лучшую помощь себѣ мы найдемъ въ этихъ же самыхъ писаніяхъ, которыя будятъ насъ, можетъ быть, немножко грубо отъ нашего соннаго соглашенія съ общепринятыми понятіями и заставляютъ доискиваться, дѣйствительно ли правильны наши религіозныя и социальныя убѣжденія. Большая часть людей въ этомъ отношеніи лицемеры и трусы. Они будутъ вамъ повторять безъ запинки, въ стереотипныхъ выраженіяхъ, во что они вѣрують, и въ то же время будутъ считать за личное оскорбленіе всякое предложеніе изслѣдовать основы этой вѣры. Мы считаемъ себя христианами и хотимъ, чтобы и другіе на насъ такъ же смотрѣли, а на дѣлѣ мы признаемъ обязательными для себя только тѣ изъ Христовыхъ законовъ, соблюденіе которыхъ не противорѣчитъ нашимъ интересамъ; всѣ же остальные мы преспокойно отбрасываемъ, какъ пригодные, можетъ быть, для общества идеальнаго склада, но совершенно несомѣстимые съ настоящимъ строемъ жизни. Если такой взглядъ вѣреть, то мы должны предположить, что Христосъ пришелъ для того, чтобы сохранить существующій порядокъ вещей, но дать людямъ для ихъ руководства законы, которые нельзя выполнять иначе, какъ со вредомъ для себя; поэтому было бы безуміемъ ожидать, что ихъ будутъ выполнять. Подобно Льву Толстому, нашъ Раскинъ строго возстаётъ и безвременно и безвременно противъ всѣхъ такихъ ловкихъ сдѣлокъ между долгомъ и интересомъ. Первая и единственная обязанность человѣка заключается въ томъ, чтобы признавать не на словахъ только, а дѣлами своими Христа внутри себя. Пока люди не научатся направлять свою общественную жизнь по тѣмъ же нравственнымъ законамъ, какихъ требуютъ отъ человѣка въ его частной жизни; пока мы не будемъ признавать, что другіе должны пользоваться такими же правами, какъ и мы сами, наши свидѣтельства, что мы вѣруемъ божественному ученію нашего Великаго Учителя, не принесутъ намъ пользы и сдѣлаютъ только то, что послѣднія

¹⁾ См. «Новый Журн. Ин. Лит.», Сентябрь.

условія существованія рода человѣческаго будутъ хуже первыхъ.

Великое зло въ жизни, которое всѣ честные люди обязаны исправлять, бываетъ, по мнѣнію Раскина, троякаго происхожденія: оно происходитъ отъ незнанія себя самихъ, отъ незнанія окружающихъ насъ людей и отъ незнанія существующихъ несправедливостей, требующихъ немедленнаго исправленія.

Наша жизнь не можетъ быть полезна ни намъ, ни другимъ, если мы хорошо не узнаемъ, на что мы болѣе всего можемъ быть пригодны. Большая часть нашихъ ошибокъ въ жизни происходитъ отъ чересчуръ высокаго мнѣнія о нашихъ личныхъ способностяхъ. Если бъ Раскинъ писалъ по-русски и для русскихъ, онъ, весьма вѣроятно, выбралъ бы типичную русскую молодежь нашего времени, какъ самый подходящий примѣръ этого общаго заблужденія. Въместо того, чтобъ довольствоваться какимъ-либо полезнымъ трудомъ, который они призваны совершить въ своемъ родовомъ имѣніи, какъ бы оно ни было мало, ихъ сѣдаетъ жаръ «служить своей родинѣ»; или они вступаютъ на такое поприще, которое и такъ уже биткомъ набито народомъ, такъ что, избирая себѣ эту дѣятельность, они едва могутъ рассчитывать заработать себѣ на насущное пропитаніе. Въ провинціи они легко могли бы сдѣлаться полезными членами государства, хорошо обрабатывая землю и служа нуждамъ и потребностямъ своего крестьянскаго населенія. Но это слишкомъ скромное занятіе для ихъ высокихъ дарованій, а потому они лучше даромъ будутъ растрчивать жизнь и проводить ее въ праздноствіи въ какомъ-либо министерствѣ. «Cultive ton petit jardin», я полагаю, есть самый мудрый изъ когда-либо преподаваемыхъ совѣтовъ; а чловѣкъ, который пренебрегаетъ своимъ маленькимъ садомъ, задавшись мыслью, что надъ нимъ онъ расточитъ понапрасну свои исключительныя дарованія, не давъ имъ простора, есть жалкое созданіе, которое навѣрно кончитъ полною нравственною несостоятельностью, такъ какъ онъ пренебрегъ тѣмъ трудомъ, въ которомъ онъ что-либо смыслить, ради болѣе широкой сферы дѣятельности, въ которой онъ ничего не знаетъ и въ которой поэтому ничего не можетъ сдѣлать такого, что было бы хоть сколько-нибудь нужно или полезно.

Но недостаточно, если люди будутъ знать

только себя самихъ; они должны ознакомиться съ стремленіями, разочарованіями, возможными радостями и невозможными скорбями окружающихъ ихъ, черезъ посредство которыхъ достигается ихъ собственное довольство и благосостояніе. Глупо закрывать глаза на дѣйствительныя происшествія только потому, что видимыя нами неправда и страданія волнуютъ нашу нервную систему и мучительны для нашего чувствительнаго сердца. «Здѣсь, какъ и гдѣ бы то ни было», — говоря выразительными словами Раскина, — «невѣдѣніе есть смерть.» Будемъ смѣлы и честны. Спросимъ себя, многіе ли изъ нашихъ зажиточныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ знаютъ что-либо о людяхъ, которые пахутъ и обрабатываютъ ихъ землю; о малыхъ дѣтяхъ, которыя, согнувшись, съ запачканными лицами, трудятся въ теченіе цѣлаго долгаго унылаго дня въ отравленномъ воздухѣ ихъ мрачныхъ каменноугольныхъ копей, не согрѣтыя ни однимъ радостнымъ лучомъ Божьяго солнца; о женщинахъ, умирающихъ съ голоду, которыя со впалыми щеками и скорбными глазами, требующими сна и отдохновенія, должны шить, шить, не разгибая спины, по пятнадцати часовъ въ сутки, чтобъ заработать на свое жалкое пропитаніе четыре пенса въ день за рубашки и платья, которыя ихъ хозяинъ продаетъ въ двадцать разъ дороже суммы ихъ заработной платы. «Епископъ», — пишетъ Раскинъ, — «долженъ знать исторію съ дѣтства всякой живой души въ своей епархіи и ея состояніе въ настоящее время. Вонъ тамъ въ отдаленной улицѣ Билль и Нанси выколачиваютъ другъ другу зубы! Знаетъ ли епископъ всю эту исторію? Обращено ли на нихъ око его? Было ли оно прежде обращено на нихъ? Можетъ ли онъ подробно выяснить намъ, какимъ образомъ Билль приобрѣлъ привычку бить Нанси по головѣ? Если не можетъ, то онъ не епископъ, хоть бы у него митра была съ башню Салисбюри¹⁾; онъ не епископъ — онъ дальше своего носа ничего не видитъ.» Исправлять, насколько то въ моихъ силахъ, положеніе вещей, съ которыми я имѣю дѣло, есть моя первая обязанность. Значеніе ихъ можетъ быть дѣйствительно ничтожно по отношенію ко всему міру, но ими нельзя пренебрегать, если онѣ

¹⁾ Самая высокая башня въ Англіи.

касаются моего личнаго счастья и счастья тѣхъ, кто зависить отъ меня. Но для того, чтобъ исправлять что-либо, я все долженъ знать о томъ; чтобъ лечить болѣзнь со сколько-нибудь разумной надеждой на исцѣленіе, я долженъ сначала извѣдать ея причину, ея свойство и до какой степени она развилась. Только такимъ путемъ мы можемъ создать благодатныя отношенія человѣка къ его собственной духовной природѣ и къ подобнымъ ему твореніямъ. Мы хорошо сдѣлаемъ поэтому, если взглянемъ, какъ Раскинъ прилагаетъ это основное правило ко всей своей системѣ общественныхъ отношеній, къ обязанностямъ человѣка, какъ члена государства, къ его торговымъ и денежнымъ отношеніямъ съ другими, а также и родственнымъ.

Нѣтъ надобности долго останавливаться на первомъ пунктѣ. Это вовлекло бы насъ въ политическіе вопросы чрезвычайно спорнаго характера. Идеи Раскина о взаимныхъ обязанностяхъ между государемъ и его подданными въ главныхъ чертахъ тѣ же, какія поддерживаетъ и проповѣдуетъ Карляйлъ. Вождей народа слѣдуетъ искать среди величайшихъ и умнѣйшихъ его представителей, которыхъ Карляйлъ называетъ его героями. Никакая отдаваемая имъ почесть не можетъ быть чрезмѣрной, и въ повиновеніи имъ мы найдемъ лучший и вѣрнѣйшій залогъ народнаго преуспѣянія и движенія впередъ. А когда законы страны станутъ плохи — таковъ ужъ неизбѣжный удѣлъ всѣхъ чело-вѣческихъ учрежденій — и зло прокрадется въ самое ея управленіе, то, хотя это и обязанность наша противостоять злу, мы всегда должны стараться о томъ, чтобы не употреблять «ни злобныхъ, ни тайныхъ, ни противозаконныхъ, насильственныхъ средствъ», но чтобъ наше противодѣйствіе было прямо-душно и осмотрительно. Законы, по мнѣнію Раскина, должны, главнымъ образомъ, за-няты воспитаніемъ, здоровьемъ и благосостояніемъ народа. Цѣна на съѣстные припасы, необходимыя для поддержанія жизни, должна быть ограничена до крайней степени, чтобъ быть всѣмъ доступной; трудъ долженъ вознаграждаться такъ, чтобы работникъ имѣлъ свою законную долю въ прибыли, получаемой за него; земля должна быть осво-бождена отъ монополіи малаго числа приви-легированныхъ; дома бѣднѣйшихъ классовъ должны быть такъ распланированы и вы-

строены, чтобъ представлять здоровое и удоб-ное жилище; количество рабочихъ часовъ не должно быть такъ неумѣренно, чтобъ отни-мать у работника все время, какое онъ могъ бы употребить на развитіе и совершенство-ваніе своего ума; и правительство должно устраивать театры, музеи, картинныя гал-лерей и другія учрежденія для поученія и развлеченія народа. Люди, которые только о томъ и хлопочутъ, чтобъ набить свои кар-маны, поработавъ всѣхъ, кто бѣднѣе ихъ, и которые смотрятъ на своихъ рабочихъ, какъ на машины, устроенныя для ихъ обогаще-нія, — никогда не перестанутъ считать такіе планы пустыми затѣями мечтателей филан-троповъ; но въ наши дни уже не разъ мы были свидѣтелями осуществленія этихъ фан-тастическихъ преобразованій.

Такъ какъ я пишу подъ впечатлѣніемъ невознаградимой утраты, понесенной народа-ми міра со смертью настоящаго героя и мудрѣй-шаго государственнаго человѣка нашего вре-мени ¹⁾, то, хотя всѣ слова будутъ недостаточ-ны, чтобъ выразить, чѣмъ англичане ему обяза-ны, но было бы большою неблагодарностью не упомянуть о томъ, что главнымъ образомъ благодаря либеральной и великодушной си-стемѣ государственнаго управленія, поддер-живаемой Гладстономъ, тысячи несправед-ливостей были исправлены, отъ которыхъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій безропотно стра-дали англійскіе бѣдняки. Есть у Маколея извѣстное мѣсто, всѣмъ намъ знакомое, въ которомъ авторъ смотритъ впередъ, въ то время, когда какой-нибудь путешественникъ изъ Новой Зеландіи остановится среди обширной пустыни на одномъ изъ разрушив-шихся сводовъ лондонскаго моста, чтобы срисовать развалины собора Св. Павла. И вотъ что мы можемъ смѣло пророчествовать: въ отдаленномъ будущемъ, когда слава Англіи станетъ разсказомъ давно минувшихъ дней, въ темныхъ преданіяхъ о вѣкогда мо-гущественной имперіи не разъ встрѣтятся упоминаніе о чело-вѣкѣ, чистота жизни кото-раго и благородная преданность дѣлу чело-вѣколюбія воздвигли ему болѣе прочный памятникъ, чѣмъ самыя величественныя ка-менные пирамиды.

Дойдя до обсужденія отношеній, какія должны бы существовать между хозяевами и работниками, Раскинъ упоминаетъ о поло-

¹⁾ Рѣчь идетъ о Гладстонѣ.

женіи, въ какомъ они стоятъ другъ къ другу по принятому нами своду законовъ. Спросите хозяина, какая его первая обязанность, и онъ скажетъ вамъ: изготовленіе самаго полезнаго и прочнаго товара при возможно меньшихъ издержкахъ и по наиболѣе дорогой цѣнѣ. И спокойный въ своей совѣсти добрякъ, который, очень вѣроятно, часто ходитъ въ церковь и чуть не каждую недѣлю причащается, вызывающимъ взглядомъ поглядитъ на васъ. На самомъ же дѣлѣ это хотя тоже обязанность, но второстепенная, совѣтъ второстепенная, потому что, какъ пишетъ Раскинъ, «первая великая отвѣтственность хозяина въ земледѣльческомъ, архитектурномъ или фабричномъ дѣлѣ есть жизнь его рабочихъ». Они не для него созданы, не ради его прибытка, чтобъ оплачивать выпитое имъ шампанское. Развѣ въ самомъ дѣлѣ не грѣхъ губить душу и здоровье людей, подвергая ихъ въ теченіе десяти часовъ въ сутки тяжелому труду, который не можетъ ихъ интересовать, такъ какъ вызванъ горькой необходимостью ради заработка жалкихъ грошей. Присмотрите за тѣмъ, чтобъ они были хорошо размѣщены, примите участіе въ ихъ личныхъ дѣлахъ, помимо ихъ обязательной работы; давайте имъ всякую возможность поднять и улучшить ихъ положеніе; показывайте имъ, что вы готовы и желаете цѣнить и щедро награждать ихъ работу, если она хороша. Тогда ихъ трудъ, вмѣсто того чтобъ быть обиднымъ и унижительнымъ, будетъ здоровымъ и облагораживающимъ.

Для человѣка свое гнѣздо, — а ни одинъ человѣкъ не можетъ быть дѣйствительно счастливъ, пока самъ себѣ не устроитъ своего гнѣзда, — должно быть единственнымъ мѣстомъ, гдѣ онъ только и можетъ найти покой и благоденствіе. Нѣтъ надобности, чтобъ это было такое жилище, которымъ бы онъ гордился передъ другими, потому что оно больше и богаче обставлено, чѣмъ у его друзей и товарищей — другихъ рабочихъ. А настоящее его гнѣздо, гдѣ онъ можетъ найти радость и довольство, должно быть скорѣе ниже, чѣмъ выше уровня его общественнаго положенія. Раскинъ очень удачно выбралъ для этого слѣдующее поясненіе: «Эшестейль (Ashestell) былъ вполне подходящимъ жилищемъ для Вальтера Скотта, и Вальтеръ Скоттъ былъ вполне счастливъ тамъ. Абботсфордъ (Abbotsford) былъ тоже вполне подходящимъ мѣстопробываніемъ для сэра Валь-

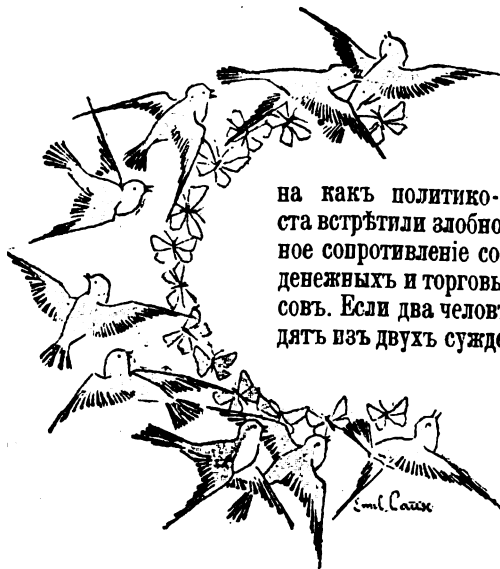
тера Скотта, и если бъ онъ имъ удовлетворился, то жизнь его была бы образцовой; но онъ все хотѣлъ прибавлять поле къ полю и умеръ бездомнымъ.»

Будемъ же выбирать себѣ скромное жилище; не будемъ стараться, чтобъ оно соотвѣтствовало нашему дѣйствительному положенію; а пусть лучше оно будетъ напоминать намъ ту прошедшую борьбу и успѣхи, посредствомъ которыхъ оно приобретено. Все завершающей и всѣмъ управляющей силой для всякаго счастливаго домашняго очага всегда будетъ женщина, въ нравственныхъ достоинствахъ которой, какъ жены и матери, мужъ обрѣтаетъ свое вдохновеніе, а дѣти — свою надежду. Защищаемая и охраняемая отъ опасности и соблазна послушнымъ исполнителемъ ея верховной власти, она одаряетъ ласкою за услугу, сдѣланную отъ души, и дѣлаетъ то, что домъ подъ ея веденіемъ становится источникомъ безконечнаго наслажденія. Средства ея могутъ быть скудны, но она постарается обогатить свое жилище книгами, хотя немногими, но избранными; украсить стѣны его гравюрами, можетъ быть и недорогими, но напоминающими намъ ихъ оригиналы, и наполнить окна цвѣтами. Въ ея сообществѣ мужъ и дѣти найдутъ свое величайшее наслажденіе, передъ которымъ блестящія приманки и шумныя забавы вѣшняго міра должны будутъ поблѣднѣть. Ея одобреніе должно быть ихъ самой драгоценной наградой; ея порицаніе — вѣрнѣйшимъ предостереженіемъ противъ какого-нибудь нехорошаго или низкаго поступка. Равнымъ образомъ, установившіяся и поддерживаемыя между барыней и служанкой отношенія преисполнены всего такого, что увеличиваетъ прелесть семейной жизни. Ни объ одномъ вопросѣ, можетъ быть, не писалось столько вздора, какъ о домашней прислугѣ. По большей части стоитъ только взглянуть на подпись автора, пишущаго объ этомъ предметѣ, чтобъ знать напередъ къ какому заключенію мы придемъ. Обыкновенно, баринъ или барыня обвиняютъ во всемъ прислугу; а прислуга жалуется на злобное тиранство господъ, которому она подвергается. Раскинъ говоритъ объ этомъ вѣчно жгучемъ вопросѣ съ своей обычной ясностью рѣчи, и, я думаю, много мудрости въ сужденіи, высказываемомъ имъ объ этомъ досадномъ спорѣ... «Есть только одно средство», — пишетъ Раскинъ, — «имѣть хорошихъ слугъ: это быть

достойнымъ того, чтобъ вамъ хорошо служили. Вся природа и все человѣчество будетъ служить хорошему господину и возставать противъ ничего не стоящаго. И нѣтъ болѣе вѣрнаго мѣрила свойствъ народа, какъ свойства его слугъ, потому что слуги это тѣни своихъ господъ, съ лестной перемичивостью воспроизводящія всѣ ихъ недостатки въ искаженномъ видѣ.»

VIII.

О томъ, что нужно народу.

на какъ политико-экономиста встрѣтили злобное и сильное сопротивление со стороны денежных и торговых классовъ. Если два человѣка исходятъ изъ двухъ суждений, рас-

х о д я
щ и х
в ѣ с а
м о м
с в о е м
о с н о в а
н и ю ,
т о
д о в о д ы ,
у п о т р е б

ляемые однимъ будутъ совершенно непонятны другому, — иначе и быть не можетъ. Раскинъ вноситъ библию въ контору и дѣлаетъ изъ нея наше руководство въ торговыхъ дѣлахъ; а противники его изгоняютъ ее исключительно въ церкви и часовни, чтобъ тамъ читали и объясняли ее во время нашихъ религіозныхъ собраний по воскресеньямъ и затѣмъ быстро откладывали бы на полку на всю остальную недѣлю. Въ трактатахъ по политической экономіи мы читаемъ, что предметъ этой науки есть накопленіе богатствъ, а богатство опредѣляется въ широкомъ значеніи слова, какъ извѣстное количество условій, удовлетворяющихъ нуждамъ человѣка. Если мы спросимъ, въ чемъ же заключаются нужды человѣка, намъ скажутъ, что политическая экономія не касается свойства человѣческихъ нуждъ; это значило бы во-

дить въ науку нравственныя соображенія, чуждое наукъ начало, и что сфера дѣятельности экономистовъ ограничивается лишь удовлетвореніемъ этихъ нуждъ. Поэтому цѣнность какого-либо товара измѣряется тою выгодой, какую онъ приноситъ производителю, а не пользою или удобствомъ потребителя; и говорятъ, что преуспѣваніе народа опредѣляется тѣмъ, когда предложене равняется спросу и покрывается его.

Покупать продукты по возможно дешевой цѣнѣ и продавать по возможно дорогой есть золотое правило торговца; подорвать болѣе дешевой продажей своихъ конкурентовъ, даже съ временнымъ убыткомъ для себя, имѣя цѣлью разорить ихъ, захватить торговлю въ свои руки и затѣмъ навестать убытки повышеніемъ цѣнъ — считается несомнѣннымъ признакомъ ловкаго дѣльца. Удовлетворять своей личной алчности и обнаруживать полное равнодушіе къ закону для всѣхъ праву жить; устраивать хорошія сдѣлки, убивъ другихъ конкурентовъ; накоплять запасы золота, нисколько не заботясь о томъ, притекаетъ ли это золото путемъ честнаго промышленнаго труда или оно приходитъ отягченное человѣческими слезами и гибелью ближнихъ, это есть принятое правило и основное начало современной торговли. Поле остается за юркимъ и побѣда за сильнымъ. И если такой человѣкъ, какъ Раскинъ, осмѣлится намекнуть, что справедливость и честность должны управлять нашею жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ, то такого непрактичнаго простака выслушаютъ съ удивленіемъ и, пожимая плечами, станутъ ласково увѣрять, что нельзя плыть противъ теченія безъ того, чтобъ не стать банкротомъ, и чего ради разорять себя, устраивая свои торговые дѣла иначе, чѣмъ ихъ ведутъ другіе народы! Они предпочли бы быть честными и справедливыми въ своихъ торговыхъ дѣлахъ, но вѣдь это имъ не принесетъ никакой прибыли, если они хотятъ удержать свое мѣсто, а не быть раздавленными какимъ-нибудь менѣе добросовѣстнымъ конкурентомъ.

Они будутъ сваливать вину на «тѣхъ нѣмцевъ», безъ которыхъ они могли бы, не нанося ущерба своимъ карманамъ, быть честными въ своихъ конторахъ, складахъ и лавкахъ. «Чай, братъ, знаешь, какъ нѣмцы въ своихъ магазинахъ нашихъ баръ обираютъ. Положимъ, что мы не нѣмцы, а христіане

православные, да тоже пироги-то съ начинкой ѣдимъ.»

Если мы повѣримъ этимъ людямъ, то политическая экономія окажется ничѣмъ инымъ, какъ руководствомъ къ тому, чтобъ сдѣлаться богатымъ, и мы принуждены будемъ заключить, что единственный законъ жизни есть: «складывай деньги въ свой кошель», честно, конечно, если можешь. Вѣрный ученику Того, чьими учениками и послѣдователями и мы себя признаемъ, Раскинъ не можетъ забыть, что всѣ наши общественныя дѣла должны быть основаны на началѣ взаимной любви и что человѣкъ, входящій съ нами въ торговляя сношенія, не перестаетъ быть намъ братомъ. Экономисты не обращаютъ вниманія на существенную разницу между недостаткомъ и нуждой. Есть множество предметовъ, въ которыхъ мы чувствуемъ недостатокъ, а между тѣмъ они намъ не нужны и, слѣдовательно, вредны; всѣ же нужды—естественны и удовлетворять имъ настолькоъ полнѣе и обильнѣе, насколько это въ нашей власти, есть вмѣстѣ нашъ долгъ и наше исключительное право.

Изъ многихъ поясненій, данныхъ Раскиномъ, я привожу наиболѣе выдающееся: «Народу нужно сто тысячъ винтовокъ, чтобъ перекатчить мужское населеніе и опустошить города и деревни сосѣдней страны,—это недостатокъ; но если народу нужны хорошіе инструменты и сильные люди, чтобъ преодолѣть и подчинить себѣ естественныя преграды своей родной почвы—это нужда.» Странно, что эта истина, на которой здѣсь настаиваетъ Раскинъ, не принята и не признана повсемѣстно. Первая нужда народа есть «сильные люди», крѣпкіе тѣломъ, нравственнымъ стремленіемъ и духомъ. Но такіе люди не создаются грандіозными торговыми предпріятіями, громадными барышами или набѣгами морскихъ разбойниковъ. Вещественное богатство, праведно нажитое и правильно расходное, способствуетъ народному преуспѣянію и составляетъ признакъ процвѣтанія народа. Богатство же, приобретенное инымъ путемъ, Раскинъ въ одномъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ мѣстъ своего сочиненія сравниваетъ съ «горстью денегъ, которыя wreckers¹⁾ собираютъ на берегу, подма-

нивъ большое торговое судно; съ ворохомъ тряпокъ, снятыхъ мародерами съ грудей убитыхъ красавцевъ-воиновъ; съ деньгами, употребляемыми на покупку земли у горшечника для погребенія иноземныхъ, а вмѣстѣ и своихъ гражданъ».

Пока эта система торговли будетъ имѣть перевѣсъ, особенно въ той крайней степени, до какой она дошла за послѣднее время, процвѣтаніе Англіи въ торговомъ отношеніи будетъ покупаться цѣною ея нравственнаго упадка.

Англичане сдѣлали много, чтобы подвинуть народное образованіе, хотя ни въ какомъ случаѣ не все, что отъ насъ можно требовать. Не ошибочное ли, однако, это мнѣніе, что только народъ нуждается въ образованіи? Необходимо, чтобъ и господа и хозяева не хуже своихъ слугъ и работниковъ изучили свои обязанности. Велико, въ самомъ дѣлѣ, должно быть ихъ невѣжество, если они: хоть одну минуту воображаютъ, что могутъ безнаказанно для себя или для тѣхъ, кто имъ служить накоплять богатства неправыми путями. Господинъ, очевидно, долженъ нравственно портиться, но, къ несчастію, эта порча идетъ далѣе и заражаетъ всѣхъ тѣхъ, кто находится подъ его управленіемъ. Допустимъ, что они трудятся надъ изготовленіемъ подмѣси при какомъ-либо производствѣ, при чемъ плохое качество товара ловко замаскировывается; невозможно, чтобы не ослабло нравственное чувство людей, ежедневно обманывающихъ такимъ образомъ публику. Конечно, намъ сейчасъ же возражать старой глупой отговоркой, что такъ всегда было и такъ всегда будетъ въ этомъ мірѣ. Доказывать несостоятельность такого возраженія было бы пустой тратой бумаги и чернилъ. Мой обманъ не оправдывается тѣмъ, что мой сосѣдъ извѣстенъ какъ плутъ.

Самые горячіе поклонники Раскина охотно готовы допустить, что въ его твореніяхъ объ искусствѣ и особенно въ его разсужденіяхъ о социальныхъ вопросахъ онъ иногда бываетъ неправъ и впадаетъ въ явныя ошибки. Я не знаю ни одного писателя, заслуживающаго быть прочитаннымъ, въ произведеніяхъ котораго мы не могли бы по временамъ находить нелогичныя сужденія и ложныя заключенія. Раскинъ не пьетъ ребяческаго притязанія на непогрѣшимость. «Что касается меня»,—откровенно говоритъ онъ университетскимъ студентамъ въ своей всту-

¹⁾ Wrecker—нѣчто въ родѣ пирата; но люди, называемые этимъ именемъ, живутъ на берегу и приманиваютъ ложными сигналами суда на такія мѣста, гдѣ они подвергаются неминуемой гибели.

пительной лекціи, — «я никогда не бываю удовлетворенъ и не думаю, что хорошо справился съ предметомъ, пока самъ себя не опровергну, по крайней мѣрѣ, три раза». Но основное положеніе, на которомъ зиждутся всѣ его теоріи, правильно. Вся его жизнь была посвящена тому, чтобъ пробудить людей къ сознанію своего личнаго достоинства и вывести ихъ изъ состоянія бездушныхъ, недумающихъ машинъ. Онъ научилъ насъ понимать настоящій смыслъ жизни и то, что каждый изъ насъ долженъ выполнить свое особое дѣло, цѣнность котораго зависитъ не отъ его грандіозности, а отъ той доброй воли и сердечности, съ которыми мы его исполняемъ. Многие изъ насъ впервые узнали отъ него практическое примѣненіе давно извѣстной

истины, что не въ домахъ и земляхъ, не въ пищѣ и одеждѣ можемъ мы найти удовлетвореніе нашихъ лучшихъ надеждъ и высшихъ стремленій. Онъ ободрилъ насъ настойчиво освобождаться изъ-подъ Навуходносорова проклятія, обрекающаго насъ пастись на травѣ, какъ быковъ. Въ каждой его фразѣ видно горячее желаніе передать намъ изъ всего, что въ немъ есть лучшаго: внимательную серіозность, безъ примѣси пуританской угрозы; правдивость, никогда ему не измѣняющую; неослабную вѣру въ божественное и всепрощающую любовь ко всему человѣческому. Нѣтъ ничего удивительнаго, что такіа, какъ его, произведенія давно приобрѣли высокое и неизмѣнное положеніе въ англійской литературѣ XIX-го столѣтія.

Его любимый романъ.
(Послѣ медоваго мѣсяца).
(Рис. Макса Купера).

ИМПЕРАТРИЦА АВСТРІЙСКАЯ.

Императрица Елизавета, погибшая отъ руки убійцы-анархиста въ Женевѣ, происходила изъ младшей линіи Баварскаго дома. Родилась она въ Мюнхенѣ 24-го декабря 1837 года, отъ герцога Максимилиана-Иосифа и принцессы Луизы, дочери короля Максимилиана I. Елизаветѣ еще не было и 17 лѣтъ, когда ея двоюродный братъ Францъ-Иосифъ влюбился въ нее и вступилъ съ нею въ бракъ. Отъ этого союза родилось трое дѣтей: эрцгерцогиня Гизела—въ 1856 году, эрцгерцогъ Рудольфъ—въ 1858 и 10 лѣтъ спустя эрцгерцогиня Марія-Валерія. Эрцгерцогъ Карлъ-Теодоръ, одинъ изъ трехъ братьевъ императрицы Австрійской, посвятилъ себя наукѣ и приобрѣлъ извѣстность какъ врачъ-окулистъ. Изъ четырехъ сестеръ ея слѣдуетъ упомянуть объ эксъ-королевѣ Неаполитанской, овдовѣвшей четыре года тому назадъ, и герцогинѣ Алансонской, одной изъ жертвъ пожара на благотворительномъ базарѣ въ Парижѣ.

Первое появленіе въ Вѣнѣ Елизаветы, какъ императрицы Австрійской, оставило по себѣ неизгладимое впечатлѣніе. Молва о ея необыкновенной красотѣ уже заранѣе расположила въ ея пользу всѣ сердца; появленія ея ждали съ нетерпѣніемъ и восторгомъ. И, дѣйствительно, торжественна была та минута, когда она первый разъ предстала взорамъ своихъ подданныхъ во всемъ обаяніи

молодости и красоты. Восторженный приѣмъ австрійцевъ она приняла какъ должную дань; все существо ея было проникнуто свѣтлой надеждой на счастье, жизнь улыбалась ей; она казалась олицетвореніемъ счастья, красоты и молодости; неудивительно, что многіе изъ ея подданныхъ въ этотъ вечеръ поклонялись ей не только какъ императрицѣ, но и какъ женщиנѣ. Обаянію ея личности много содѣйствовало и ея одѣяніе,—вся стройная, изящная фигура молодой женщины ясно обрисовывалась въ тѣсно облегавшемъ ея платьѣ, отдѣланномъ цвѣтами и драгоценными камнями; чудные золотистые волосы, составлявшіе главное украшеніе императрицы, переплетенные изумрудами, брилліантами и жемчугомъ, шелковистой массой спускались до самаго пояса и красивыми волнами обрисовывали добъ; маленькая изящная головка покоилась на гибкой, стройной шеѣ; небольшой носъ, своей классической красотой, напоминалъ греческія статуи, а тонкія, отчетливо очерченныя брови отбѣляли великолѣпные глаза, обрамленные длинными рѣсницами.

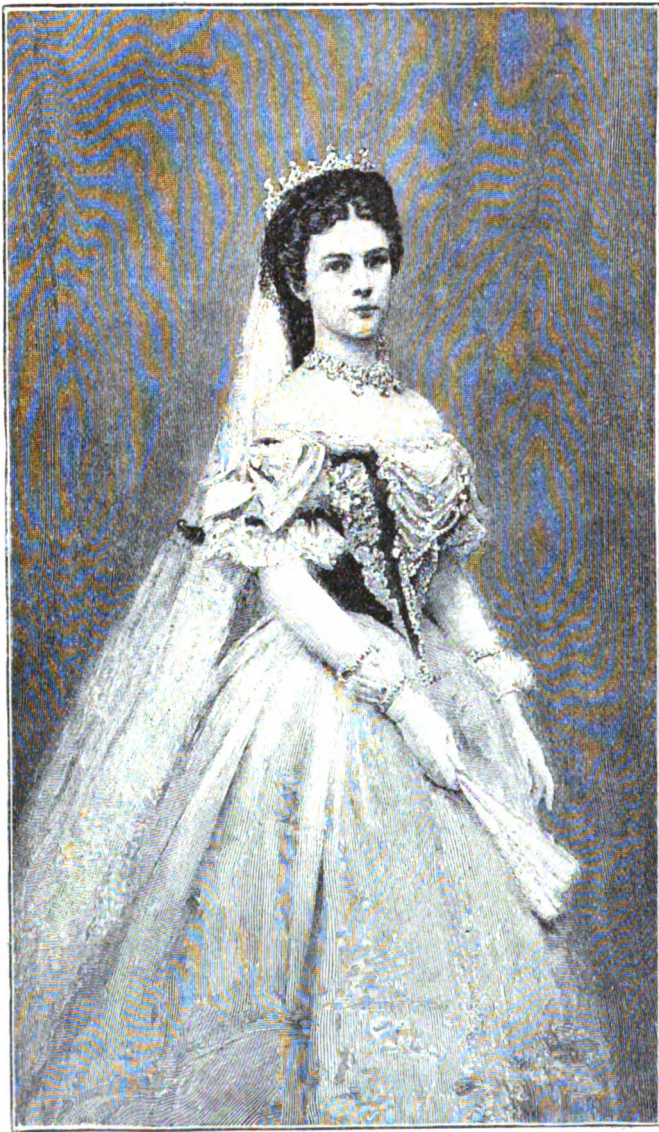
Успѣхъ императрицы въ этотъ вечеръ былъ полный, но, странное дѣло, среди всего блеска и великолѣпія, окружавшаго Елизавету, тонкій наблюдатель могъ бы ужъ тогда замѣтить на ея очаровательномъ лицѣ тѣ таинственныя черты, которыя отличаютъ

всегда существа, самую судьбою обреченныя на страданія, существа, удѣлъ которыхъ—идти своею отдѣльною дорогою, отличною отъ избитаго пути остальнаго человѣчества; а между тѣмъ на долю Елизаветы, помни-

мъ-Іосифомъ былъ заключенъ по взаимному влеченію, а не вслѣдствіе какихъ-либо политическихъ соображеній.

Францъ-Іосифъ вступилъ на престолъ, когда ему еще не было и 24 лѣтъ, но лица,

близко стоявшія къ нему, желая обезпечить, какъ можно скорѣе, продолженіе династіи, настаивали на немедленномъ бракѣ. Все затрудненіе состояло въ томъ, чтобы выбрать достойную преемницу короны Маріи-Терезіи. Баварскій домъ въ этомъ отношеніи стоялъ на первомъ планѣ, такъ какъ находился въ родствѣ съ царственными семьями почти всѣхъ государствъ, и выборъ совѣтниковъ короля остановился на дочери Максимилиана, Софіи; но молодой императоръ, идеалистъ въ душѣ, не хотѣлъ рѣшиться на такой важный шагъ, не познакомившись заранѣе съ будущей подругой своей жизни. Несмотря на протесты своихъ приближенныхъ, онъ явился въ одинъ прекрасный день во дворецъ Максимилиана, пользуясь привилегіей родственника и извѣстной простотой нравовъ, распространяющейся въ Германіи даже на царственные семьи. Судьбѣ угодно было, чтобы первое лицо, встрѣтившее Франца-Іосифа во владѣніяхъ его будущаго тестя, была Елизавета. Она и въ тотъ день, какъ всегда имѣла обыкновеніе, встала съ зарей и гуляла въ саду, наслаждаясь чуднымъ утромъ; при видѣ Франца-Іосифа она нисколько не смутилась и обошлась съ

Австрійская императрица Елизавета.

всѣхъ преимуществъ ея высокаго положенія, выпало еще рѣдкое счастье, почти недоступное другимъ царственнымъ особамъ: она вышла замужъ за любимаго человѣка. Всѣмъ, конечно, извѣстно, что бракъ ея съ Фран-

нимъ ласково и просто, какъ съ самымъ близкимъ родственникомъ, такъ какъ отъ нея, конечно, не была тайной цѣль его пріѣзда. Но судьба судила иначе,—молодой человѣкъ съ первой минуты безумно влю-

бился въ нее и настоялъ на томъ, чтобъ не Софія, а Елизавета сдѣлалась его женой.

Извѣстіе объ этомъ бракѣ, заключавшемъ въ себѣ, казалось, всѣ надежды на долгое и счастливое царствованіе, наполнило радостью государства, соединенныя подъ скипетромъ Габсбурговъ. Въѣздъ молодой императрицы въ столицу былъ сплошнымъ торжествомъ; стоило ей только показаться передъ публикой, чтобы возбудить общій восторгъ; не даромъ говорили, что у нея было столько же поклонниковъ, сколько и подданныхъ.

Трудно было бы найти существо, болѣе одаренное отъ природы: рѣдкій умъ соединялся у нея съ красотой; въ артистическихъ ея наклонностяхъ сказывался тонкій вкусъ и пониманіе; она являлась компетентнымъ судьей въ вопросахъ поэзіи и литературы; могла восхищаться въ одно и то же время Гомеромъ и Генрихомъ Гейне, могилу котораго собственноручно украсила цвѣтами. Поклоненіе ея красотѣ доходило иногда даже до

крайности; она сама сознавалась въ этомъ, но не могла избавиться отъ этой слабости. Подобно своему отцу Максимилиану, Елизавета отличалась необыкновенной щедростью, но благотѣлствовала преимущественно тѣмъ, кто такъ или иначе затрогивалъ въ ней эстетическое чувство.

Никогда ни одна императрица не интересовалась меньше ея вопросами политики; по ея мнѣнію, это не входило въ область знаній женщины, и только, если дѣло касалось лично самого императора, она проявляла участіе и во всемъ оказывала ему поддержку.

Стройная и подвижная, полная силы и огня, императрица страшно любила всякія

физическія упражненія; она прекрасно плавала, въ совершенствѣ ѣздила верхомъ, проводила цѣлыя дни на охотѣ и не разъ старалась физической усталостью заглушить въ себѣ нравственную муку.

Насколько внѣшнія условія сложились для нея благоприятно, настолько же горестна и печальна была ея семейная жизнь. Первые годы безоблачнаго счастья были скоро нарушены цѣлымъ рядомъ ударовъ, одинъ ужаснѣе другого.

Смерть ея первенца, появившагося на свѣтъ, только для того, казалось, чтобы заставить оплакивать себя родными и всею монархіей, привѣтствовавшей уже въ немъ наследника престола, положила начало ея страданіямъ. Ея beautiful Максимилианъ (мексиканскій императоръ) былъ разстрѣлянъ въ Кверетаро; Рудольфъ, ея второй сынъ, надежда государства, погибъ въ ужасной и таинственной драмѣ, разыгравшейся въ Мейерлингѣ; сестра ея, принцесса Алансон-

ская, какъ уже замѣчено выше, погибла на пожарѣ; два кузена, Людовикъ Баварскій и его братъ король Оттонъ, кончили сумасшествіемъ; пораженія австрійской монархіи при Сольферино и Садовѣ тоже не могли не отозваться на ней, и ея гордая, возвышенная душа въ своей печали замкнулась въ самой себѣ.

Подобныя испытанія, конечно, были бы въ состояніи нарушить равновѣсіе и болѣе сильныхъ натуръ, чѣмъ воспримчивую и легко поддающуюся возбужденію душу императрицы. И съ этихъ поръ начинается тотъ тревожный періодъ въ ея жизни, когда она, избѣгая почестей, сопряженныхъ съ ея вы-

Австрійская императрица Елизавета.

Императрица Елизавета на своей виллѣ на о. Корфу.

сокимъ саномъ, искала утѣшенія въ уединеніи и, несмотря на просьбы близкихъ ей людей, переѣзжала съ мѣста на мѣсто, показываясь всюду, но только не у себя въ столицѣ.

Какъ блестящій метеоръ, она почти одновременно появлялась и на сѣверѣ и на югѣ; ее можно было встрѣтить и въ Шотландіи и въ Ирландіи, въ Нормандіи и въ Біаррицѣ, и повсюду о ней сохранилось самое теплое и хорошее воспоминаніе.

Но, казалось, одна суша не могла удовлетворить императрицу; ея яхта съ австрійскимъ штандартомъ показывалась то у береговъ Мадеры или Португаліи, то въ голубыхъ водахъ греческаго Архипелага, у Спорадскихъ или Цикладскихъ острововъ.

Но гдѣ бы ни находилась царственная путешественница, никогда не теряла она изъ виду своего августѣйшаго супруга; духовная связь, соединявшая ихъ, не ослабѣвала ни на минуту, и часто императоръ, бросивъ всѣ дѣла, прѣзжалъ отдохнуть къ ожидавшей его супругѣ и находилъ у нея утѣшеніе и поддержку.

Въ своемъ стремленіи къ героизму, она не находила героя среди окружавшихъ ее людей (въ наше время герои—большая рѣдкость) и стала искать его въ прошломъ, сначала въ исторіи, потомъ въ поэзіи; въ выборѣ этого героя сказались вполне возвышенность ея натуры, классическое направленіе ума: она искала его не въ скандинавскихъ или германскихъ сказаніяхъ, — Зигфридъ и Сигурт не плѣняли ее, она обратилась къ древнему греческому міру, видѣвшему расцвѣтъ человѣчества.

Если многіе поклонялись Елизаветѣ, какъ идеальной супругѣ, матери и королевѣ, то еще большее удивленіе вызываетъ она, какъ мученица, вѣчно страдающая за своихъ близкихъ, за свой народъ, за свое отечество, не преклоняющаяся передъ ударами судьбы и не избѣгающая ихъ.

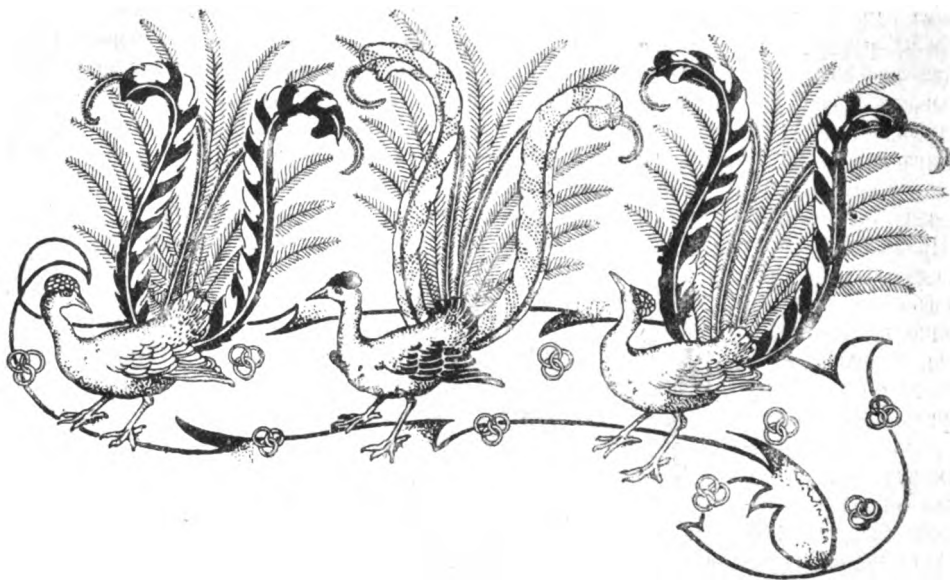
По свидѣтельству извѣстнаго венгерскаго писателя Морица Юкая, близко ее знававшего,

она была такая же фаталистка, какъ и ея сынъ Рудольфъ. Онъ никогда не задумывался поставить на карту свою жизнь; цѣлыми днями бродилъ онъ одинъ по дремучимъ лѣсамъ, не разъ грудь съ грудью встрѣчался съ медвѣдемъ, на всѣ предостереженія близкихъ онъ отвѣчалъ, что, все равно, отъ судьбы своей никуда не уйдешь. Императрица тоже никогда не испытывала страха ни передъ людьми, ни передъ стихійными силами природы. Возвращаясь какъ-то съ острова Мадеры, куда она ѣздила для поправленія своего разстроеннаго здоровья, она была застигнута жестокой бурей. Напрасно капитанъ корабля умолялъ ее уйти въ каюту, она все время оставалась на палубѣ, такъ что, наконецъ, оберъ-гофмейстеръ, заслужен-

Эрцгерцогиня Валерія, дочь австрійской императорской четы.

ный венгерскій магнатъ и генералъ, былъ принужденъ привязать ее къ мачтѣ, — иначе волны смыли бы ее съ палубы. Какъ знать, если бы этотъ храбрый и рѣшительный челоѣкъ находился при императрицѣ въ Женевѣ, можетъ быть, онъ сумѣлъ бы отвести гнусный ударъ, сведшій въ преждевременную могилу столько душевной прелести и возвышенной красоты, соединявшихся въ обаятельной личности всѣми оплакиваемой императрицы.

ГЕНРИКЪ ИБСЕНЪ.

КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ С. П. Нани.

V¹⁾.

Въ 1854 году въ руки Ибсена случайно попалъ сборникъ исландскихъ сагъ въ красивомъ и звучномъ переводѣ Петерсена; саги эти сильно увлекли Ибсена и дали ему темы для нѣсколькихъ пьесъ, между прочимъ, для «Сѣверныхъ богатырей». Ибсенъ говоритъ: «Изъ этихъ фамильныхъ хроникъ Исландіи, въ которыхъ такъ ярко выступаютъ разнообразнѣйшія отношенія между людьми—мужчины къ мужчинамъ, женщины къ женщинамъ, вообще человека къ человеку,—на меня повѣяло личной, живою жизнью. Изъ моего общенія съ этими законченными, простыми, индивидуальными натурами въ моемъ умѣ возникъ первый, правда, еще довольно неопредѣленный, набросокъ «Сѣверныхъ богатырей». Я задался цѣлью передать въ драматической формѣ то, что въ сагѣ о Вольсунгахъ было воплощено въ эпосъ.»

Содержаніе этой драмы, темой для кото-

рой послужили отголоски германскихъ сказаній о Нибелунгахъ (Зигфридъ Смѣлый), тѣсно слившихся съ сѣвернымъ духомъ исландскихъ сагъ,—слѣдующее. Викинги Сигурдъ и Гуннаръ, съ юныхъ лѣтъ дѣлившіе удачу и невзгоды жизни, поклялись въ вѣчной дружбѣ. Они свято хранятъ свою клятву и, когда оба влюбляются въ одну и ту же женщину, Сигурдъ великодушно отказывается быть соперникомъ своего друга. Гуннаръ принимаетъ отъ него еще одну жертву: Хьердисъ, гордая властная красавица, которую они оба любятъ, ставитъ цѣной своей руки условіе совершить смѣлый подвигъ: она будетъ женою только того, кто сумѣетъ похитить ее изъ дома ея пріемнаго отца, Орнульфа, и для этого отважится сразиться одинъ на одинъ съ медвѣдемъ, охраняющимъ входъ въ ея покой. У Гуннара не хватаетъ мужества на этотъ подвигъ, Сигурдъ же совершаетъ

¹⁾ См. «Новый Журн. Пн. Лит.», Сентябрь.

его; но, вѣрный дружбѣ, онъ уступаетъ свои права Гуннару, который становится мужемъ Хьердись, не подозревающей, что не Гуннаръ, а Сигурдъ—тотъ герой, доблесть котораго она полюбила. Великодушный поступокъ Сигурда, вызванный высокимъ чувствомъ дружбы, не приноситъ, однако, счастья никому: гордая Хьердись тоскуетъ въ домѣ своего мужа Гуннара, живущаго мирной жизнью земледѣльца,—ея душа жаждетъ подвиговъ славы, она можетъ любить только истиннаго героя. Разочарованная, она становится жестокой и мстительной, какъ бы мстя всѣмъ людямъ за то, что она сама лишена счастья въ жизни. И Сигурдъ тоже несчастливъ: женившись на дочери Орнульфа, кроткой, но незначительной Дагни, онъ не могъ позабыть своей любви къ гордой и властной красавицѣ. Завидуя счастью Дагни и славѣ Сигурда, затмевающей славу Гуннара, Хьердись заводитъ ссору на праздничномъ пиру. Превознося подвиги своего мужа, она глумится надъ Сигурдомъ и Орнульфомъ, отцомъ Дагни. Дружба Сигурда выносить и это испытаніе; но за честь Орнульфова рода вступается младшій братъ Дагни, Торольфъ, который и падаетъ отъ руки Гуннара. Это—месть Хьердись: Орнульфъ нѣкогда убилъ ея отца, Юкула, смерть котораго до сихъ поръ не была отомщена, такъ какъ въ родѣ Юкула не оставалось болѣе ни одного мужского отпрыска, но, умирая, ея отецъ въпсалъ: «Родъ Юкула всегда будетъ приносить лишь несчастье убійцамъ его.» Теперь приемная дочь Орнульфа отомстила ему за смерть Юкула, лишивъ его любимаго единственнаго сына. Но, когда Хьердись гордо и жестоко хвастается своей местью, какъ славнымъ подвигомъ Гуннара, Дагни въ негодованіи выдаетъ тайну, довѣренную ей Сигурдомъ: Гуннаръ—трусъ; не онъ, а ея мужъ, Сигурдъ,—герой, убившій медвѣдя и похитившій Хьердись, которую онъ отдалъ въ жены своему другу. Пусть же всѣ знаютъ, что она жена труса и что Торольфъ палъ тоже отъ руки труса! Такое оскорбленіе равносильно смерти для Хьердись: кто-нибудь, или она или Сигурдъ, долженъ теперь умереть. И она плететъ изъ своихъ волосъ тетиву для лука, отъ котораго Сигурдъ долженъ погибнуть. Но она любитъ доблестнаго героя: когда она потребовала отъ искателей ея руки подвига, она думала только объ одномъ Сигурдѣ, зная, что его мужество

не остановится ни передъ какой опасностью; а Сигурдъ, не понявъ ея любви къ нему, самъ пожертвовалъ своей любовью изъ великодушія къ другу. Злая судьба, соткавшая это недоразумѣніе, разъединила ихъ, созданныхъ другъ для друга. И когда Хьердись узнаетъ, что она любима Сигурдомъ, она бросаетъ мужа, чтобы послѣдовать за нимъ: Гуннаръ ее обманулъ,—она свободна и вправѣ такъ поступить. Но Сигурдъ, любя ее, не считаетъ себя свободнымъ: между нимъ и ею стоятъ Гуннаръ и Дагни. «Что въ томъ, если погибнуть двѣ жалкія жизни? Чѣмъ можетъ быть для тебя Дагни, а для меня Гуннаръ съ этихъ поръ?!»—говоритъ Хьердись. Тогда Сигурдъ спрашиваетъ, что она сдѣлаетъ, если онъ станетъ убійцей ея мужа? И на ея отвѣтъ, полный ужаса, что тогда она должна будетъ мстить ему,—онъ вызываетъ на бой Гуннара за смерть Торольфа. Или онъ самъ погибнетъ, или же, убивъ Гуннара, онъ станетъ, по обычаямъ страны, врагомъ Хьердись; тогда ихъ сближеніе невозможно. Чтобы добыть себѣ счастье хотя въ иномъ мірѣ, переселившись на Валгаллу, Хьердись рѣшается убить Сигурда и умереть самой. Она убиваетъ его стрѣлой изъ заколдованнаго лука, тетиву котораго она сплела изъ своихъ собственныхъ волосъ. Но они не встрѣтятся въ Валгаллѣ. Сигурдъ—христіанинъ; онъ умираетъ, сраженный стрѣлой язычницы, которая, подобно валькирии, на черномъ конѣ возносится въ Валгаллу. Они разстались навсегда.

Такая развязка, хотя и способствуетъ накопленію силы трагизма, въ первую минуту, звучитъ рѣзкимъ, неподготовленнымъ диссонансомъ въ величавой гармоніи драмы, выдержанной въ высокомъ стилѣ греческой трагедіи фатума.

Мы говоримъ «въ первую минуту», потому что не можемъ согласиться съ мнѣніемъ нѣмецкихъ критиковъ (Golther, Wogner), считающихъ христіанство Сигурда (раскрывающееся читателю лишь въ самомъ концѣ пьесы) ничѣмъ не мотивированнымъ, а навязаннымъ ему авторомъ ради драматическаго эффекта, усиливающаго трагизмъ и безъ того мрачной развязки драмы. Если хорошенько проштудировать всю пьесу, не ограничившись только простымъ прочтеніемъ ея, приходится измѣнить свое первое впечатлѣніе: Сигурдъ рѣзко отдѣляется отъ остальныхъ лицъ драмы; въ то время какъ

принадлежащіє къ языческому міру слѣдуютъ нсобоуданнымъ порывамъ личнаго чувства и страстей отождествляющихъ для нихъ правду и справедливость, поступки Сигурда отличаются кротостью, уступчивостью и самопожертвованіемъ—признаками истиннаго христіанства. Сигурдъ, доблестный герой, не имѣющій равнаго себѣ, позволяетъ болѣе слабому человѣку присвоить свой лучшій подвигъ и тѣмъ занять первое мѣсто среди храбрѣйшихъ; въ немъ нѣтъ презрѣнія къ слабому и дикаго честолюбія противныхъ христіанскому духу; онъ отказывается отъ личнаго счастья, чтобы утѣшить страдающаго друга, т. е. любитъ ближняго болѣе самого себя. Онъ не мститъ и не наказываетъ, не считая себя въ правѣ воздавать зломъ за зло. Жизнь его, полная самоотреченія, тяжела, и онъ привѣтствуетъ смерть, какъ избавленіе... Эта пассивная черта утомленія жизнью тоже свойственна христіанству. Язычникъ всегда умираетъ въ борьбѣ, сраженный врагомъ или судьбою.

Изъ всего этого видно, что христіанство Сигурда достаточно мотивировано Ибсеномъ, смутное же впечатлѣніе, которое получается при первомъ чтеніи, зависитъ не отъ промаха автора въ недостаточно яркомъ освѣщеніи дѣйствующаго лица, а отъ специально Ибсеновской манеры—заставлять читателя самого разбираться въ своихъ впечатлѣніяхъ, не приходя къ нему на помощь.

Характеры остальныхъ лицъ интересны своими рѣзкими контрастами, создающими яркую и полную картину той величавой и поэтической среды, въ которой разыгрывается дѣйствіе трагедіи. Хердись является величавымъ образомъ женщины-героини, чарующей мощною силою духа. Ея гордая злоба и всеразрушающая месть вызваны окружающими ее низшими, неравными ей, людьми. У нея нѣтъ ничего общаго съ человѣкомъ подобнымъ Гуннару, у котораго боязнь за самого себя управляетъ всѣми чувствами.—Хердись готова каждую минуту погибнуть въ борьбѣ, пдя туда, куда ее влечетъ ея чувство, которое и есть для нея правда и справедливость. Гордый образъ Хердись притягиваетъ къ себѣ читателя, оставляя въ тѣни кроткую, добродѣтельную Дагни. Миролюбивый Гуннаръ представляетъ изъ себя довольно жалкую и пошлую, но прекрасно очерченную, фигуру: это безхарактерный человѣкъ, котораго мож-

но натолкнуть на всякую несправедливость, человѣкъ безъ воли и гордости и вмѣстѣ съ тѣмъ эгоистъ, которому ничего не стоитъ принимать жертвы отъ другихъ (изъ дружбы, любви, великодушія и т. д.), зная, что онъ самъ никогда не отплатитъ за нихъ тѣмъ же.

Характерно эгоистичное его восклицаніе, когда онъ находитъ трупъ Сигурда, убитаго Хердись: «Она убила его въ ночь передъ поединкомъ: значитъ, она любила меня!»,—т. е., другими словами, она убила Сигурда, чтобы спасти его, Гуннара, отъ опаснаго поединка.

VI.

«Сѣверные богатыри» имѣли крупный и вполне заслуженный успѣхъ (въ 1858 году); норвежская публика съ восторгомъ привѣтствовала красивое, поэтическое произведеніе, навѣянное гордыми сказаніями Сѣвера, воскрешающими величіе его прошлаго. Но слѣдующая пьеса Ибсена, «Комедія Любви», (1862 г.) привела многихъ въ негодованіе и сильно возстановила общественное мнѣніе противъ молодого драматурга, начинавшаго пріобрѣтать любовь и популярность среди своихъ соотечественниковъ. Въ «Комедіи Любви» заключается ѣдкая и остроумная сатира на псевдо-идеальные взгляды общества по отношенію къ любви и браку. Передъ нашими глазами Ибсенъ проводитъ нѣсколько паръ, соединенныхъ любовью (въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаетъ общество); мы видимъ ихъ, начиная отъ влюбляющихся до помолвленныхъ и, наконецъ, примѣрныхъ, любящихъ только себя и свою семью, супруговъ. Свѣтлый, возвышающій порывъ любви исчезаетъ, какъ только любящіе достигли фазы помолвки; любовь угасаетъ, задыхаясь подъ гнетомъ приличій свѣта, несноснаго внимательства участливыхъ родственниковъ и знакомыхъ, берушихъ на себя обсужденіе вопросовъ, касающихся устройства ихъ будущей жизни et cetera... Каждый слѣдитъ за ними, каждый въ правѣ ихъ поучать... Въ концѣ концовъ они не принадлежатъ болѣе ни себѣ, ни другъ другу; онъ долженъ совершенно отказать отъ своего «я», такъ какъ и безъ того изнемогаетъ подъ бременемъ обязанностей, возложенныхъ на него обществомъ и семьей; она пріучается видѣть въ немъ раба, отдающаго всѣ свои силы и способности для благоденствія семьи, и счи-

таетъ каждое проявленіе его самостоятельной воли за нарушеніе правъ ея и семьи; если она не дойдетъ сама до такихъ понятій, ее просвѣтять въ этомъ усердные и любящіе родственники и знакомые. Въ результатъ—полное подавленіе личности. И хуже всего то, что люди мало-по-малу привыкаютъ къ этой рабской покорности и ополняются до того, что могутъ чувствовать себя довольными и счастливыми, не замѣчая тяжести ярма, обуздавшего ихъ гордые порывы къ свободѣ.

Бдкія, злая насмѣшки надъ твердо установившимися взглядами общества произвели неблагоприятное впечатлѣніе на публику Христіаніи, отличавшуюся чрезвычайнымъ консерватизмомъ, и пьеса была осуждена. Ибсену ставили въ упрекъ, что онъ глумился надъ свѣтлымъ чувствомъ любви и бракомъ (одинъ изъ критиковъ Христіаніи выразился объ этой пьесѣ такъ: «это жалкое произведеніе литературной безсовѣстности»...), тогда какъ въ этой пьесѣ онъ скорѣе беретъ общее отношеніе человѣка въ борьбѣ за существованіе при современныхъ условіяхъ жизни общества; утомленіе борьбою приводитъ къ покорности и безразличному отношенію къ своему «я», тому «я», которое въ юности, когда еще человѣкъ не сломленъ заботами о жизни, полно гордыхъ замысловъ и увѣренности въ своей силѣ. Общество же считаетъ эту метаморфозу вполнѣ нормальной и ставитъ личность въ такія условія, которыя непремѣнно приводятъ къ этому безразличію.

Говорятъ, Ибсенъ былъ обязанъ своей «Комедіи Любви» множествомъ затрудненій, возникшихъ по поводу выдачи ему писательской стипендіи, обѣщанной ему раньше... Между тѣмъ Ибсенъ очень нуждался въ матеріальной поддержкѣ. Съ 1857-го по 1862-ой годъ онъ былъ директоромъ норвежскаго театра въ Христіаніи, маленькаго и довольно бѣднаго театра, открываго на частныя средства, который поставилъ себѣ задачей введеніе національнаго репертуара и борьбу съ иностраннымъ датскимъ элементомъ: въ то время городской театръ Христіаніи давалъ драму исключительно на датскомъ языкѣ. Когда же послѣдній измѣнилъ своему направленію, принявъ національную программу—норвежскій языкъ и произведенія норвежскихъ драматурговъ,—существованіе частнаго театра, располагавшаго

весьма скудными средствами, сдѣлалось немислимымъ, да и ненужнымъ болѣе. Въ 1862 г. онъ закрылся, и Ибсенъ остался совершенно не у дѣлъ. Литературный трудъ давалъ ему очень мало: «Сѣверные богатыри», имѣвшіе несомнѣнный успѣхъ, привнесли ему за два года всего 1000 кронъ (около 500 руб.). Получивъ, наконецъ, государственную стипендію (въ 1864 году), выданную ему, несмотря на ярое противодѣйствіе университетскихъ и общественныхъ дѣятелей Христіаніи, Ибсенъ уѣхалъ за границу и поселился въ Римѣ. Съ тѣхъ поръ онъ возвращался на родину лишь изрѣдка и не надолго, живя преимущественно за границей—до восьмидесятихъ годовъ въ Италіи, а затѣмъ въ Германіи.

VII.

Драматическія поэмы Ибсена «Brand» (1866 г.) и «Peer Gynt» (1867 г.), мало сценичны.

Первая изъ нихъ, носящая заголовокъ имени своего героя — Бранда (Brand — пожаръ, иносказательно—огонь, зажигающій души), передаетъ стремленіе человѣка подняться выше всего земного, человѣческаго. Брандъ—молодой пасторъ небольшой, бѣдной общины въ фіордахъ Норвегіи; идеалистъ и человѣкъ, возвышающійся надъ толпою, онъ требуетъ отъ людей полнаго самоотверженія и готовности вынести всѣ испытанія жизни, ради сохраненія своихъ убѣжденій и свободы воли. Онъ не признаетъ компромиссовъ: его девизъ — «все или ничего!» Воля человѣческая для него выше милосердія. И Брандъ остался одинокимъ, несмотря на то, что вначалѣ ему удалось зажечь сердца своихъ прихожанъ, вселивъ въ нихъ жажду къ свободѣ: «Тысячи людей шли за мною толпою, но никто не достигъ высоты. Правда, въ ихъ сердцахъ запечатлѣлось желаніе грядущей, великой поры, и они стремятся къ высотѣ. Но пожертвовать?—это устрашаетъ ихъ. Желать сильно, непоколебимо? — это слабость ихъ. Одинъ уже страдалъ за всѣхъ, зачѣмъ же идти всѣмъ на гибель!»

Идеалистъ, мечтавшій о возвышеніи человѣка, погибаетъ въ борьбѣ съ дѣйствительностью, въ борьбѣ, ради которой онъ пожертвовалъ всѣмъ, что у него было дорогого на свѣтѣ—семьею, женою и ребенкомъ;

онъ погибаетъ, оставленный всѣми, изгнанный людьми, признанный ими врагомъ и искусителемъ челоуѣчества.

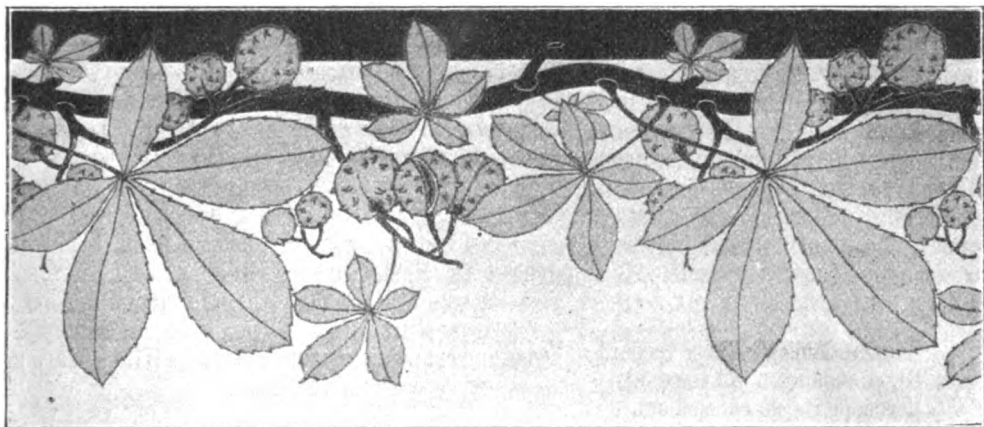
«Брандъ» производитъ сильное, но тяжелое впечатлѣніе. По идѣе, это — философское произведеніе, но оно остается художественнымъ, такъ какъ отвѣченная идея воплощена въ живые образы поэзіи и дѣйствительности. Такъ, для фигуры Бранда Ибсенъ воспользовался личностью норвежскаго пастора Ламмерса, котораго онъ зналъ въ свои юные годы. Ламмерсъ, послѣдователь идей норвежскаго философа Sören Kirkegaard, былъ горячимъ проповѣдникомъ независимости и свободы личности; онъ имѣлъ сильное вліяніе и увлекъ многихъ за собою, но въ концѣ своей дѣятельности остался такъ же одинокъ, какъ и Брандъ Ибсена.

Хотя въ «Брандѣ» встрѣчаются сцены, въ которыхъ проглядываетъ сатира на общество и его дѣятелей (пробстъ, фогтъ), которые готовы идти на всѣ компромиссы и даже на самыя низкія уловки, лишь бы сохранить въ своихъ рукахъ власть надъ толпою, но общій тонъ произведенія — лирическій. Въ «Peer Gynt», наоборотъ, преобладаетъ сатирическій элементъ. Говорятъ, что въ этомъ произведеніи Ибсенъ изобразилъ духъ современнаго норвежскаго народа. Но пусть о внутренней идѣе «Пеера Гинта» говоритъ тотъ, кому понятенъ каждый намекъ, каждое слово этой подчасъ добродушной, подчасъ ѣдкой національной сатиры норвежскаго автора, слѣдовательно, тотъ, кто знаетъ Норвегію и условія ея жизни. Не даромъ «Пееръ Гинтъ» имѣлъ наибольшій, даже громадный успѣхъ на своей родинѣ, въ Норвегіи, и остался произведеніемъ туманнымъ и непонятнымъ для иностранной публики. Для насъ, иностранцевъ, это произведеніе разбивается на массу отдѣльных сценъ, почти не имѣющихъ связи между собою, и цѣнныхъ для насъ по своей вѣшной красотѣ; всѣ онѣ чрезвычайно ярки: однѣ своей жизненностью, другія — фантастичностью, не имѣющей границъ и предѣловъ, третьи — своей трогательною поэтичностью (смерть Оазы, пѣснь Сольвейги). Между дѣйствующи-

ми лицами встрѣчаются загадочныя фигуры; уже одни ихъ названія: Кривой, Тошій, Зеленая переносятъ читателя въ странную, необычную обстановку, напоминающую нѣсколько вторую часть «Фауста» Гете.

Послѣ «Императора и Галилеянина» Ибсенъ уже не возвращался къ своимъ излюбленнымъ лирико-историческимъ сюжетамъ; съ семидесятыхъ годовъ онъ посвятилъ себя всецѣло разработкѣ социальныхъ вопросовъ изъ жизни современнаго общества и далъ намъ цѣлый рядъ социальныхъ драмъ (тѣсно связанныхъ между собою), содержаніемъ которыхъ взяты вопросы объ отношеніяхъ общества къ индивидууму и обратно. Вопросы эти, наконецъ, перенесены Ибсеномъ на вполне реальную почву — будничную жизнь и, стоя ближе къ современной жизни, дѣйствуютъ на публику гораздо сильнѣе и неотразимѣе, чѣмъ тѣ же взгляды Ибсена, переданные въ его историко-и лирико-мистическихъ драмахъ предыдущаго періода, который мы назовемъ переходомъ Ибсена отъ романтизма къ реализму. Весь этотъ второй періодъ, начиная съ «Сѣверныхъ Богатырей» и кончая «Пееромъ Гинтомъ», блещетъ красотой и мощью поэзіи (которая значительно ослабѣваетъ въ послѣднихъ твореніяхъ Ибсена, его социальныхъ драмахъ). Богатство фантазій, отражающейся въ безконечномъ разнообразіи сюжетовъ, а также свобода и мастерство, съ которыми великій норвежскій писатель владѣетъ ими, положительно несравненны: саги Исландіи, героическія сказанія, историческій колоритъ времени междоусобій въ Норвегіи, жизнь Римской имперіи первыхъ вѣковъ христіанства; мрачная и величавая природа угрюмага Сѣвера и яркія сказочно-фантастическія картины «Peer Gynt'a», — все одинаково доступно гениальному таланту Ибсена. Вездѣ, однако, видна печать его индивидуальной личности: въ своихъ глубоко-поэтическихъ произведеніяхъ онъ дѣйствуетъ на насъ не только какъ поэтъ, но и какъ мыслитель, обладающій смѣлыми, оригинальными взглядами на жизнь, — на дѣйствительность и идеалъ жизни.

ПОЭТЕССЫ-САМОУЧКИ.

КРИТИЧЕСКИЙ ЭТЮДЪ **Е. М. Шершевской.**

I.

Прошлое женской нѣмецкой поэзіи.

Какъ извѣстно, съ начала нынѣшняго вѣка, Германія дала такую массу женщинъ-поэтовъ, что даже трудно всѣхъ перечесть. Разумѣется, случилось это не внезапно: женщины, писавшія стихи, были въ Германіи всегда; съ начала XVI вѣка подъ вліяніемъ религіознаго возбужденія появляются священные гимны, пѣсни, молитвы, написанныя женщинами. Разумѣется, въ этихъ стихахъ нѣтъ и слѣда оригинальности, личнаго отпечатка. Это—главнымъ образомъ стихотворное переложеніе молитвъ и библейскихъ поученій, удручающее своею монотонностью. И этого недостатка, т. е. пристрастіе къ шаблоннымъ религіознымъ изліяніямъ, проходитъ яркой чертой черезъ всю женскую нѣмецкую поэзію. Шраттенталь въ своемъ этюдѣ о женской нѣмецкой лирикѣ нашихъ дней говоритъ: «Такъ называемая христіанская повѣсть и религіозныя стихотворенія фабрикуются женщинами въ громадныхъ количествахъ; но серьезный критикъ, разобравшійся въ тен-

денціозной пустынѣ такихъ произведеній, часто испытываетъ искушеніе воскликнуть, обращаясь къ писательницѣ: «Не пріемли имени Господа Бога Твоего всуе!» Это остроумное замѣчаніе примѣнимо ко всѣмъ нѣмецкимъ поэтессамъ во всѣ времена, хотя, конечно, съ извѣстными оговорками. Религіозныя пѣсни, писанныя подъ непосредственнымъ вліяніемъ реформации, принимаются нами совсѣмъ иначе, чѣмъ современные «божественныя» стихи. Женщина XVI и XVII в. не знала ничего, кромѣ дома и церкви, но домъ, т. е. личную жизнь, ей еще надо было научиться опозитизировать, тогда какъ церковь давала ей готовый матеріалъ. Торжественное богослуженіе въ полумракѣ прохладнаго собора, звуки органа, причудливый свѣтъ, проникающій сквозь узорныя стекла стрѣлчатыхъ оконъ,—все это непосредственно вліяло на фантазію, все это было живою поэзіей. И эта поэзія нашла живой откликъ въ чуткой женской душѣ. Свои неясныя чувства она стала перелагать въ стихи; сначала

она не рѣшалась даже на самостоятельное выраженіе этихъ чувствъ, она старается вложить ихъ въ сухія, черствыя формы церковныхъ пѣснопѣній, подводитъ всякое душевное движеніе подъ определенную молитву. Но живая душа не признаетъ этой мертвечины; то тутъ, то тамъ прорывается живое чувство. Такъ, напримѣръ, въ длинной и монотонной «Покаянной пѣснѣ» Луизы Генриетты, жены курфюрста Фридриха Вильгельма (XVII в.) мы встрѣчаемъ такія строки ¹⁾:

Довнынъ спать я безъ тревогъ,
Въ спокойномъ убѣждены;
Я говорилъ: не скоро Богъ
Караеъ преступленье,
Не слишкомъ строго тамъ Онъ судить,
Къ своимъ овечкамъ, вѣрно, будетъ
Исполненъ Онъ терпѣнья.

Это уже попытка выразить собственное душевное состояніе, дать что-нибудь другое, кромѣ ничего не говорящихъ избитыхъ жалобъ и молевій. Но даже и повторяя библейскія истины, женщина выкладываетъ въ нихъ такую немудрую, но глубокую вѣру, такую увѣренную покорность, столь характерно выражаемую словомъ «Ergebung», на которую способна именно только женская душа, выпысывая отдавать себя всецѣло и безраздѣльно въ руки болѣе сильнаго и мудраго. Вотъ напримѣръ:

Въ рукѣ я Божьей пребываю,
Онъ счелъ мой каждый волосокъ,
Безъ волн Божіей, я знаю,
Меня сразить не можетъ рокъ.
И всѣмъ довольна я исполъ,
Что мой Господъ даруетъ мнѣ.

(Aemilie Gräfin zu Schwarburg-Rudolstadt)

Но чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ тусклѣе и безсодержательнѣе становятся религиозныя пѣсни; онѣ теряютъ свою непосредственность и наивность, а то, что въ нихъ было личнаго, психологическаго, — выдѣляется въ обыкновенную любовь и описательную лирику. Прежде религиозная поэзія удовлетворяла всѣмъ душевнымъ потребностямъ, теперь же, съ ростомъ и развитіемъ женской личности, прежнія рамки становятся

узки, жизнь сердца требуетъ равныхъ правъ съ жизнью духа. Правда, религиозное направленіе преобладаетъ, но оно кажется все болѣе и болѣе искусственнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, передъ нами проходятъ графини, гувернантки, абатиссы, жены ученыхъ, актрисы, — и вездѣ тотъ-же добродѣтельно-христіанскій тонъ, тѣ-же выраженія; очевидно, тутъ уже мы имѣемъ дѣло съ литературной условностью. Яркимъ исключеніемъ изъ общаго тона поэзіи являются слѣдующія строки изъ стихотворенія «Сила любви» графини Маріи Кёнигсмаркъ, любовницы Августа II Польскаго и курфюрста Саксонскаго:

Кто осуждаетъ страсти жаръ?
Любовь — небесъ прекрасный даръ,
Лишь сердце крѣпко закуетъ,
Кто верхъ надъ ней возьметъ?

Проникаетъ въ кровь,
Распалаетъ вновь,
Побѣждаетъ нашъ духъ любовь,
Она намъ врождена...

Такое яркое, смѣлое выраженіе своихъ чувствъ составляетъ исключеніе не только въ прежней, но и въ современной женской поэзіи. Она страдаетъ именно отсутствіемъ яркихъ красокъ, рѣшительныхъ взглядовъ, сильныхъ чувствъ. Да оно и не удивительно, если мы вспомнимъ, какъ отстала Германія въ «женскомъ вопросѣ», какъ недавно закипѣло въ ней это движеніе. Недостатокъ оригинальности поэзіи коренится въ личности нѣмецкой женщины. Въ лирикѣ ярче, чѣмъ гдѣ-либо, отражается человекъ, и если въ данномъ случаѣ отраженіе не лестно — виновато не зеркало!

Но въ XVIII вѣкѣ религиозная лирика блѣднѣетъ и выдѣляется изъ себя обычную лирику. Дѣлается и это не сразу. Переходной ступенью являются нравственные разсужденія: они еще основываются на той-же церкви, но даютъ больше простора личнымъ взглядамъ. Вотъ примѣръ изъ стихотворенія *Ermunterung zur Frödligkeit* Иоганна Унцеринга (жены врача XVIII в.):

Не жалуйтесь, друзья, пусть вами управляеъ
Премудрая судьба, она умнѣ васъ.
Все новые виды здѣсь, счастье принимаетъ,
Не въ золотѣ одномъ оно встрѣчаетъ насъ.

¹⁾ Не слѣдуетъ забывать, что всѣ переводы, сдѣланные по возможности точно и въ размѣрѣ подлинника, невольно отражаютъ слабость содержанія и формы оригиналовъ.

И если духъ вашъ бодръ въ здоровыхъ, силь-
ныхъ членахъ,
И если родина и отчий домъ вамъ данъ,—
Что-жъ вамъ? Звучить лишь гордость въ сѣ-
тованьяхъ черни,
Надмѣнность—въ жалобахъ мѣщанъ.

Это стихотвореніе, кромѣ правоучительнаго тона, вмѣстѣ еще одинъ мотивъ, ярко выраженный въ двухъ послѣднихъ строкахъ: это—полное непониманіе жизни трудовыхъ людей. Эта особенность заставляетъ насъ тутъ-же отмѣтить одинъ фактъ, а именно: какъ можно было видѣть изъ цитатъ, всѣ приведенныя доселѣ поэтессы принадлежали не только къ высшимъ сословіямъ, но даже прямо къ аристократіи. И это не случайность. Въ лежащемъ передъ нами сборникѣ стихотвореній мы встрѣчаемъ почти исключительно имена высокопоставленныхъ особъ. Только къ концу XVIII вѣка появляется аристократія ума—тоже аристократія. Несомнѣнно, что это налагаетъ отпечатокъ на всю женскую поэзію, а если принять во вниманіе подчиненное и несамостоятельное положеніе женщины, то не покажется удивительнымъ и то, что сначала непрямо поражаетъ, а именно: какая-то оторванность отъ жизни, мелочность и узость большинства стихотвореній даже до половины XIX вѣка. Въ то время, какъ послѣ литературнаго застоя XVII вѣка творческія силы Германіи встаютъ съ новой энергіей, когда бушуетъ «Буря и натискъ», кипятъ горячіе споры классиковъ и романтиковъ,—женское творчество течетъ спокойнымъ, невозмутимымъ ручейкомъ, мило журча о зеленыхъ берегахъ и нестрыхъ цвѣточкахъ, и только рѣдко, очень рѣдко смущаетъ кристальную струю слабый отголосокъ кипящей вокругъ духовной битвы, борьбы за независимость и прочихъ современныхъ событій. Кое-гдѣ прозвучитъ патріотическое воззваніе, но прозвучитъ такъ одиноко и вяло, что только рельефнѣе выкажетъ, какъ чуждо оно женскому міровоззрѣнію. Кое-гдѣ встрѣтятся баллада въ духѣ романтиковъ, но безъ ихъ бурныхъ страстей, безъ ихъ подчасъ несуразнаго, но несомнѣнно кипучаго нагроможденія всевозможныхъ ужасовъ (напр., у жены Шиллера, у Амалии фонъ-Хельвигъ).

Но если внѣшняя жизнь не отражается въ женской поэзіи, то какова-же отраженная ею внутренняя жизнь, жизнь ума и сердца? Скажемъ тотчасъ-же, что жизнь

ума почти совсѣмъ не отражается въ женской нѣмецкой лирикѣ XVII—XVIII вѣковъ. Кромѣ своихъ чувствъ, женщина знаетъ только религію; все происходящее принимаетъ эту религіозную окраску, все объясняется религіей, а, значитъ, нѣтъ мѣста для собственныхъ размышленій. На всемъ, увы, весьма безплодномъ пространствѣ двухъ съ половиною столѣтій мы можемъ отмѣтить только три имени поэтессъ, въ произведеніяхъ которыхъ мы встрѣчаемъ отвлеченныя идеи, не новыя и не оригинально выраженные, но все-же идеи. Вспомнимъ, что это было самое горячее время, когда мысли и взгляды однихъ смѣлѣе другихъ выбрасывались ежедневно на жизненную арену. Вотъ, напримѣръ, разсужденія княгини Маріи Видъ-Неувидъ (ум. 1823) о «Человѣческомъ достоинствѣ»:

Всего, что Богъ повелѣваетъ,
Самъ разумъ требуетъ того-жъ;
Ихъ цѣль—твое лишь совершенство,
Лишь для того ты здѣсь живешь.

... По долгу жизнь могу отдать я!
Но если въ лучшей сторонѣ
Мнѣ нѣтъ награды — противорѣчишь
Ты самъ себѣ, мой духъ, во мнѣ!
Вѣдь ради цѣли всеблаготы
Себя сгубилъ бы разумъ мой!

И это стихотвореніе заканчивается такимъ обращеніемъ:

О, дай мнѣ быть всегда покорной,
Богъ, давшій Библію и Разумъ намъ!

А вотъ еще разсужденія, хотя менѣе отвлеченныя, зато болѣе жизненныя. Авторъ ихъ — Каролина Рудольфи была гувернанткой, потомъ начальницей школы, и судьба ея имѣетъ много общаго съ Бетти Паоли, поэтессой, писавшей много лѣтъ позже, и о произведеніяхъ которой мы будемъ говорить впослѣдствіи. Одно изъ стихотвореній Рудольфи представляетъ изъ себя прототипъ стихотворенія Фрейлиграты, переведеннаго на русскій языкъ А. Н. Плещеевымъ: «Люби, пока любить ты можешь». У Фрейлиграты эта мысль выражена мягче и задушевнѣе, у Рудольфи — болѣе сжато и мѣтко. Въ другомъ стихотвореніи: «Настоящее» поэтъ воспѣваетъ здорое наслажденіе жизнью:

Жить сегодня, жить безъ ожиданья!
Въ наслажденіи только обладанье;

Кто-жъ стремится лишь впередъ,
Кто не ловитъ быстрого мгновенья,
Лишь въ грядущемъ жаждетъ настажденья,
Тотъ лишь грезить — не живеть.
... Хочешь жить — живи сейчасъ, сегодня!
Кто живеть — лишь тотъ живеть.

Стихотворенія Annette von Droste-Hülshoff отличаются своей содержательностью, своимъ простымъ, жизненнымъ языкомъ, объективностью изображенія. Она также имѣетъ сходство съ Бетти Паоли.

Этимъ и исчерпывается жизнь ума. Посмотримъ, что даетъ намъ жизнь сердца. Сначала мы видимъ лишь робкія попытки, заглушаемыя тотчасъ словами молитвы; потомъ — туманныя описанія природы и, конечно, преимущественно весны. Вообще слѣдуетъ отмѣтить (и это относится не только къ прошлому, но и къ настоящему женскаго нѣмецкаго поэтическаго творчества), что во всѣхъ описаніяхъ отсутствуетъ пластичность. Все какъ-то «напоминаетъ что-то», все шаблонно и вяло. Исключенія есть, но ихъ очень мало, такъ же мало, какъ поэтовъ съ направленіемъ Бетти Паоли.

Насъ могутъ, однако, спросить: что же остается на долю женской поэзіи, если мы отбросимъ стихотворенія идейныя и описательныя? Остается женская душа, остается дѣвушка, остается мать. Вотъ эти-то два мотива намъ и остается отмѣтить, чтобы затѣмъ перейти къ современной поэзіи.

Женщина всегда остается женщиной, и чувства ея не мѣняются; мѣняется только ихъ выраженіе, несомнѣнно много усовершенствовавшееся за послѣднее время. Вотъ почему мы отмѣтимъ только нѣкоторыя стихотворенія, напр., Магдалины Энгельгардтъ: «Будущій супругъ». Уже одно заглавіе забавляетъ своей наивностью. Она мечтаетъ не о какомъ-то туманномъ героѣ, а о весьма реальномъ «будущемъ супругѣ». Подслушаемъ эти простодушные мечты:

Въ моихъ вопросахъ нѣтъ дурныхъ желаній,
О Боже мой!
Мнѣ мужа дашь Ты безъ моихъ стараній
Твоей рукой.

... Какъ полюблю того я, кто мнѣ въ этомъ
Дастъ клятву тамъ! ¹⁾
Послушна буду всѣмъ его совѣтамъ,
Его словамъ!

¹⁾ Передъ алтаремъ.

... И ты, о лира, будешь одиноко
Забыта у стѣны;
Другихъ заботъ и дѣла будетъ много
У молодой жены.

Какъ наивно, какъ патриархально это отношеніе къ браку, какъ къ чему-то необходимому и святому, это спокойное ожиданіе своей «судьбы», покорность будущему мужу; какъ безхитростно это отреченіе отъ любимой поэзіи ради домашнихъ обязанностей! И мысленно переносишься въ кукольный городъ Нюренбергъ (гдѣ жила Энгельгардтъ) съ его мирными дремлющими улицами, старинными домиками, крытыми черепицей, лѣниво текущимъ Пегницемъ, куда глядятся покривившіяся отъ ветхости разнокалиберныя окна стѣрыхъ, коричневыхъ, голубыхъ домиковъ. Тамъ, я думаю, и теперь возможны подобныя взгляды и мирная жизнь течетъ такимъ же патриархальнымъ порядкомъ. Однако, даже такихъ стихотвореній мы встрѣчаемъ мало. Женщина какъ будто еще прислушивается къ чужимъ пѣснямъ, поетъ съ чужого голоса. Ибо мы не отводимъ къ характернымъ стихотвореніямъ тѣхъ, гдѣ рѣчь идетъ только о любви. Такихъ можно набрать томы, но въ женщинѣ важно не столько то, что она говоритъ, сколько то, какъ она говоритъ. Вотъ, напр., истинно-женское по мягкости стихотвореніе, въ которомъ, однако, рѣчь ведется отъ имени его:

Скажи мнѣ, мѣсяцъ (нашей дружбѣ
Ты не откажешь въ этой службѣ),
Ты такъ высоко надо всѣмъ
Стояшь, скажи... Да ты вѣдь нѣмъ!

... Взгляни въ окно, гдѣ, какъ и я,
Присѣла милая моя;
Что тамъ?.. Но мой вопросъ нелѣпъ!
Что ты увидишь? Ты вѣдь слѣпъ!

Когда въ вечерній чудный часъ
Здѣсь съ нею шелъ я, ты на насъ
Свѣтилъ и, напрягая слухъ,
Хотѣлъ услышать... Нѣтъ! ты глухъ!

Нѣмъ, слѣпъ и глухъ? О, милый мой,
Тебя люблю я всей душой!
И хоть ты врядъ ли понялъ это,
Я все жъ люблю и безъ отвѣта.

(«An den Mond» Henriette von Gilten).

Мать встрѣчаемъ мы даже чаще, чѣмъ женщину, но форма еще такъ слаба, что положительно не стоитъ даже цитировать подобныхъ стихотвореній.

ДѢТСТВО КОРОЛЕВЫ.

Теперь, когда голландская королева Вильгельмина является передъ лицомъ всего міра въ блескѣ официальныхъ торжествъ, увѣнчанная короной, интересно показать ее въ простотѣ ея дѣтства и въ безыскусственной прелести первой ея юности.

Официальные органы голландской печати передали подробности коронованія молодой голландской королевы Вильгельмины; корреспонденты всѣхъ газетъ въ мірѣ прославляли пышность и великолѣпіе грандіозныхъ празднествъ по этому поводу. Мы же остановимся на болѣе скромномъ, хотя и не менѣе поэтичномъ и не менѣе привлекательномъ образѣ королевы въ дѣтскомъ ея возрастѣ, — на порогѣ юности, лѣтъ четырнадцати, когда она дебютировала въ своей роли маленькой королевы, шествуя по пути, усыпанному цвѣтами.

Въ 1894 году, въ чудные весенніе дни, особенно роскошные на берегахъ Эй-Деръ-Зе, — маленькая королева покинула великолѣпныя сѣни своего Særdijk'sкаго замка, съ тѣмъ, чтобы посѣтить вѣрную ей Зеландію, куда давно обѣщала пріѣхать и гдѣ ее ожидали съ большимъ нетерпѣніемъ.

Въ этой странѣ, вѣрной традиціямъ лояльности, — какъ сказали бы въ Англіи, —

вѣсть о прибытіи Вильгельмины вызвала взрывъ всеобщаго восторга, какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ слояхъ общества.

Путешествіе вѣнценоснаго ребенка представило одну сплошную и продолжительную овацію. Желѣзнодорожное полотно по обѣимъ сторонамъ окаймлялось крестьянами въ праздничныхъ костюмахъ. Поѣздъ проходилъ подъ арками изъ зелени. Станціи имѣли видъ грандіозныхъ букетовъ, какъ бы преподносимыхъ молодой дѣвушкѣ.

Крайнимъ пунктомъ путешествія королевы былъ городъ Миддельбургъ. Вступленіе ея въ этотъ городъ имѣло особенный характеръ — торжественный и трогательный за разъ. Съ подходомъ королевскаго поѣзда на самой высокой башнѣ города выкинули флагъ національных цвѣтовъ, солдаты сдѣлали на караулъ, забили барабаны, и горнисты заиграли нидерландскій гимнъ. Изъ вагона показалась юная королева, прелестная въ расцвѣтъ четырнадцатилѣтняго возраста — настоящей весны ея жизни, — скорѣе слишкомъ высокая для своихъ лѣтъ, стройная и изящная.

Въ глазахъ ея отражается ласкающая кротость, а на устахъ играетъ крайне тонкая улыбка. Природная величественность ко-

ролевы, хотя и смягченная привѣтливостью, сразу бросается въ глаза. Дамы въ восторгѣ отъ блага ея туалета — блага платья, бѣлой накладки съ фестонами, шляпы съ бѣлыми перьями, легкой, какъ дуновение вѣтерка, которая очень пристала къ бѣлому цвѣту ея лица, кокетливо отгбная гладкое и ясное чело. Изъ-подъ шляпы развѣвается по плечамъ золотисто-шелковистая волна прекрасной шевелюры. Въ виду юности, на королевѣ не надѣта лента ея ордена. Но она съ замѣтнымъ удовольствіемъ принимаетъ преподносимые ей цвѣты, какъ дань обожающаго ее народа.

Посреди тѣсной толпы, разступающейся для пропуска кортежа королевы, какъ бы съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ, — послѣдняя подвигается впередъ, привѣтствуемая несмолкаемыми возгласами и криками «ура!», на которые она отвѣчаетъ улыбкой.

На всемъ городѣ, расцвѣченномъ флагами, на балконахъ, разукрашенныхъ гирляндами, цвѣтами, коврами и знаменами, — повсюду печать ликования, — народнаго торжества и державнаго юбилея. Красивые и статные молодые люди изъ лучшихъ семействъ провинціи составляютъ конный почетный конвой маленькой королевы. Форма ихъ — образцовой строгости и корректности, какъ то и подобаетъ настоящимъ аристократамъ: черные мундиры и бѣлые рейтузы, жокейскіе штиблеты съ серебряными шпорами и черезъ плечо перекинута шарфы цвѣтовъ королевскаго дома. Невозможно описать энтузіазма толпы, привѣтствовавшей послѣдній отпрыскъ древняго рода, распустившійся на вѣковомъ тронѣ, столь тѣсно связанномъ съ народомъ. Въ почестяхъ этихъ столько же любви, сколько уваженія и искренняго радушія.

«Это наша дочь!» говорятъ про нее старики.

«Это наша сестра!» восклицаетъ молодежь.

Съ рожденіемъ королевы Вильгельмины, дѣйствительно, снова возгорѣлся свѣтильникъ знаменитаго рода, почти угасшаго.

Отецъ ея, Вильгельмъ III, король Нидерландскій, вдовствовавшій по смерти жены своей, королевы Софіи, принцессы Вюртембергской, рано потерялъ двухъ сыновей — принца Оранскаго, хорошо знакомаго французамъ, и принца Морица. Послѣдній, Александръ, страшно больной отъ рожденія,

медленно подвигался къ могилѣ. Король пережилъ всѣхъ своихъ близкихъ. И вотъ, будучи уже шестидесяти лѣтъ, онъ рѣшился вступить во второй бракъ съ двадцатилѣтней принцессой, — по имени Адель-Эмма-Вильгельмина-Тереза, — дочерью царствовавшаго князя Вальдекъ-Пирмонтскаго и принцессы Нассауской.

Нынѣ коронованная королева есть плодъ этого счастливаго супружества. Смерть отца, наступившая десять лѣтъ спустя, сдѣлала изъ нея самую молодую королеву въ Европѣ.

Первое официальное вступленіе ея въ столицу ея королевства совершилось 21-го мая 1891 года. Ей не было тогда и двѣнадцати лѣтъ. Приѣмъ, оказанный ей въ большомъ соборѣ города, заключалъ въ себѣ что-то умилительное. Королева крайне милостиво приняла юныхъ сиротокъ, поднесшихъ ей простой букетъ изъ полевыхъ цвѣтовъ, и тѣмъ сразу расположила къ себѣ всѣхъ присутствовавшихъ, ибо они отгадали въ ней какъ бы порывъ великодушной натуры, подвигнувшій царственнаго ребенка на ласковый привѣтъ обиженнымъ судьбой и обездоленнымъ малюткамъ, которымъ она такъ милостиво дарила свое покровительство.

«Это будетъ мирная покорительница сердецъ!» выразилась про Вильгельмину супруга одного посла, въ настоящемъ прозрѣвавшая будущее. Пророчество ея сбылось. Повсюду, гдѣ появляется королева, ее встрѣчаютъ съ горячей симпатіей.

Женщина съ серьезнымъ и спокойнымъ характеромъ, разумно уравновѣшенная, мать Вильгельмины не упустила изъ виду ничего, что могло сдѣлать дочь ея достойной той высокой будущности, которая ее ожидала. Юная королева должна была учиться и заниматься всѣмъ, что полагалось въ ея возрастѣ. Но занятія ея всегда были разумно урегулированы. По утрамъ, въ половинѣ девятаго она принималась за свои уроки и вставала изъ-за нихъ лишь послѣ трехъ часовъ усидчиваго труда. Съ любимымъ старательнымъ ребенкомъ могла бы она поспорить въ желаніи быть исполнительной, которымъ вознаграждается рвеніе и самопожертвованіе учителя. Исполнительность была единственнымъ ея желаніемъ. Молодой умъ ея, крайне гибкій, легко усваивающій, оказался богато одареннымъ способностью къ естественной исторіи, которою королева интересовалась до мельчайшихъ подробно-

стей, и къ новѣйшимъ языкамъ, представляющимъ собой необходимое дополненіе всякаго царственнаго образованія. Помимо природнаго, голландскаго языка, съ очень ранняго возраста вполне правильно и съ большимъ изяществомъ, и въ то же время безъ всякаго иностраннаго акцента, говорила она на французскомъ и англійскомъ языкахъ. Нѣмецкому языку она научилась поздно.

За уроками, длившимися до половины двѣнадцатаго, слѣдовала прогулка въ каретѣ — любимое удовольствіе принцессы. Любительница всякихъ спортивныхъ, она умѣла уже ловко управлять своей закладкой понн. И выборъ же у нея былъ богатый для пріятныхъ прогулокъ. Дѣйствительно, немало найдется городовъ съ такими прелестными и столь разнообразными окрестностями, какъ Гаага съ ея поэтическимъ прудомъ, въ родѣ озера, съ прохладными лѣсами, аллеями, лугами, лужайками и чудеснымъ шоссе, ведущимъ изъ города на свѣтскій Швингскій пляжъ, проходящій на туннель изъ зелени, закрытый сверху вершинами вязаовъ, каштановыхъ деревьевъ и дубовъ, наклоненными въ видѣ свода. Эта прогулка всегда была самою любимой для маленькой королевы.

Въ половинѣ третьяго снова начинались занятія, которыя длились часто до обѣда.

Въ болышинствѣ случаевъ мать съ дочерью

обѣдали вмѣстѣ и одѣтъ — въ tête-à-tête. Изрѣдка къ нимъ присоединялось нѣсколько приглашенныхъ.

Во время сессіи сейма бывали также частые банкеты политическихъ особъ, и для нихъ было настоящимъ и прелестнымъ праздникомъ, когда маленькая королева оживляла и тѣшила ихъ своимъ присутствіемъ. Впрочемъ,

она удалялась очень рано къ себѣ. Таковъ былъ порядокъ, но она усилъвала всегда хоть немного поболтать со своими гостями, плѣняя ихъ своею миловидностью, чарующею живостью своихъ остротъ и правильностью сужденій. Весело было смотрѣть, какъ это привѣтливое дитя расхаживало среди блестящихъ и расшитыхъ мундировъ, вполне наивное, но уже обольстительное, — обольстительное и безъ своего вѣдома, что собственно и служило лучшимъ и вѣрнымъ средствомъ для обольщенія. Всѣ любовались глбокимъ ея станомъ,

Голландская королева Вильгельмина.

изящными движеніями, прозрачнымъ цвѣтомъ лица блондинки съ голубыми глазами и съ улыбкой юныхъ губокъ.

Какъ ребенкомъ, такъ и въ возрастѣ молодой дѣвушки королева Вильгельмина дѣлила свое время между четырьмя резиденціями: королевскимъ дворцомъ въ Гаагѣ, живописнымъ замкомъ въ Særdyk'ѣ, замкомъ Loo и дворцомъ короля, — теперь слѣдовало бы сказать: дворцомъ королевы, гдѣ она живетъ во время болѣе или менѣе продолжительнаго

пребыванія ея, — обязательнаго по уставу конституціи, по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ, — въ коммерческой столицѣ Амстердамѣ, богатомъ и буржуазномъ городѣ, столицѣ большого банка и крупныхъ предпріятій. Въ правой сторонѣ этого массивнаго зданія, въ углу, въ маленькомъ окнѣ всякое послѣ-обѣда выставлялась миниатюрная и хорошенькая головка съ золотыми волосами, нетерпѣливо ожидавшая собиравшейся толпой, которая никогда не расходилась, пока не награждалась милымъ взглядомъ и улыбкой маленькой королевы.

Каждое лѣто Вильгельмина на вѣскольکو недѣль поселялась въ *Saerdyk*'ѣ, представляющемъ собой самый прелестный ландшафтъ по дорогѣ изъ Амстердама въ Утрехтъ, — настоящій голландскій пейзажъ, оживленный каналами, осѣненными большими лѣсами, гдѣ виллы, шале, коттеджи и фермы тянутся другъ за другомъ разнообразной и пестрой цѣпью.

Но нигдѣ не нравилось такъ Вильгельминѣ, какъ въ замкѣ Loo, великолѣпной резиденціи посреди прелестнѣйшаго для глазъ пейзажа.

Только тамъ во всей полнотѣ испытывала она радость жизни, обрѣтая тамъ идеаль бытія. У Вильгельмины всегда было особое пристрастіе къ этому очаровательному мѣстопробыванію. Это пристрастіе унаслѣдовано ею отъ отца. Вильгельмъ III часто говорилъ, что нигдѣ, какъ въ Loo, не видалъ онъ такихъ высокоствольныхъ деревьевъ, болѣе прохладныхъ лѣсовъ, болѣе голубыхъ небесъ, болѣе бѣлыхъ лилій и болѣе ароматныхъ розъ. Здѣсь, какъ и повсюду, помнила королева, что трудъ есть великій законъ жизни, не исключая и жизни королевы. И потому она никогда не манкировала ежедневными занятіями, даже посреди наслажденій этой чудной дачной жизнью. Зато тамъ она съ удовольствіемъ проводила много времени на открытомъ воздухѣ и пользуясь яркимъ солнцемъ. Галопируя на своей маленькой бѣлой лошаdkѣ, она совершала большіе объѣзды по своему парку или же обходила цѣшкомъ поросли вереска, разстилающіяся пурпуровымъ ковромъ вокругъ замка. Иногда она дѣлала прогулки въ своемъ *petit duc*'ѣ въ сопровожденіи любимой своей собаки Swelly, добраго пса съ длинной шерстью. Но пребываніе въ Loo имѣло еще нѣныя прелести для маленькой королевы. Прежде всего надо упомянуть объ

ея голубятнѣ и объ ея шале. Нѣсколько разъ въ день отправлялась она сама кормить голубей изъ своихъ бѣленькихъ ручекъ. Вслѣдствіе такого постояннаго общенія, они сдѣлались вполне ручными и окружали королеву, налетая на нее съ легкимъ шумомъ крыльевъ, хватая на лету бросавшійся имъ хлѣбъ, а болѣе экспансивные усаживались къ ней на плечи.

Кромѣ того, королева обожала свой шале, устроенный съ комфортомъ и той блестящей чистотой, которая является первымъ предметомъ роскоши въ голландскихъ жилищахъ. Тамъ есть у нея хорошенькая, миниатюрная кухонька, гдѣ всякую субботу она забавлялась à la Marie-Antoinette и наподобіе кокетливой Форварны пекла вкусныя бабы, которыми съ удовольствіемъ и полнымъ одобреніемъ угощались придворныя дамы.

Страстно увлекаясь всякими спортами, какъ и полагается женщинѣ нашего практическаго вѣка, — дочь Вильгельма III гребла не хуже какого-нибудь кэмбриджскаго или оксфордскаго fellow и скользила въ легкомъ своемъ ялботѣ по голубымъ водамъ прудовъ Loo. Въ качествѣ истой голландки, она очень любила также бѣганье на конькахъ, и однимъ изъ величайшихъ ея удовольствій было порханье по ледяной поверхности каналовъ, посреди носящагося роя конныхъ ея подругъ, предоставляя окружающимъ возможность любоваться изяществомъ ея тали и граціей мягкихъ движеній.

У королевы Вильгельмины долго сохранялись вкусы счастливаго ея дѣтства, котораго не касались еще заботы дѣйствительной жизни. Оставаясь наивною въ томъ возрастѣ, когда другія дѣвушки бывають уже свободны отъ такого предразсудка, королева искренно увлекалась игрой въ куклы, которыхъ у нея была цѣлая масса. Она любила ихъ всѣхъ, но къ нѣкоторымъ чувствовала особое пристрастіе, съ материнской заботливостью ухаживала за ними и даже вѣрила въ ихъ заболѣванія, которыя сама же имъ выдумывала.

«Осторожнѣе, monsieur», — обратилась она къ одному камергеру, слишкомъ близко подошедшему къ одной изъ выздоравливавшихъ ея куколъ, — «у нея была оспа, и она не со- всѣмъ еще поправилась.»

Воспитанная матерью съ той нѣжностью, благодаря которой ей удалось вполне сохра- нить вѣру въ себя самое и въ другихъ, безъ

Королева Вильгельмина въ фрисландскомъ народномъ костюмѣ.

уступокъ этикету на счетъ ея природы, — маленькая королева часто отдавалась порывамъ, исполненнымъ юмора, веселья и увлеченія, составляющимъ прелесть нестѣсняемаго дѣтства.

Однажды, находясь не въ ладахъ со своей англичанкой - гувернанткой, — во всякомъ случаѣ, почтенной женщиной, миссъ Saxton-

Winter, — маленькая королева, приглашенная въ присутствіи этой миссъ, преподавателемъ географіи начертить на доскѣ карту Европы, взяла мѣлъ и изобразила разныя государства соответствующими имъ очертаніями, но, дойдя до Англіи, удовольствовалась постановкой незамѣтной точки, затерявшейся въ безконечности морей... и взгля-

нула при этомъ на свою гувернантку. Конечно, миссъ Saxton-Winter была слишкомъ умна, чтобы не посмѣяться надъ подобной шаловливой, хотя и крайне безобидной насмѣшкой, которую нельзя было поставить въ упрекъ маленькому дѣтскому сердечку ребенка, доброта котораго, проявлявшаяся на дѣлѣ, болѣе, чѣмъ на словахъ, была всегда преобладающей чертой Вильгельмина.

Голландцы положительно обожаютъ свою

маленькую королеву. По всякому поводу готовы они водрузить ея знамя. Портретъ ея можно видѣть повсюду, какъ въ хижинахъ, такъ и въ замкахъ, иногда въ красивомъ свѣтскомъ нарядѣ, но чаще въ національномъ костюмѣ, съ батистовымъ уборомъ на головѣ и съ золотыми пластинками въ видѣ украшенія на лбу, столь любимаго молодыми фрисландками.

ВЪ СѢТЯХЪ.

(изъ Фридриха даумера).

О, сладкій поцѣлуй! И нѣженъ онъ и жгетъ...

Сдается мнѣ, мой вѣроломный котикъ,
Змѣенышъ милый мой, — что самый лучший
медъ

Со всѣхъ цвѣтовъ собрать твой алый
ротикъ.

Я страстно лъву къ тебѣ, а долженъ про-
клонять;

Но какъ же я смѣненъ въ своихъ про-
клятьяхъ!

Я долженъ отъ тебя, какъ отъ чумы, бѣ-
жать...

Но сердцу такъ тепло въ твоихъ объ-
ятьяхъ!

И, день за днемъ, всю жизнь я путаюсь въ
сѣтяхъ

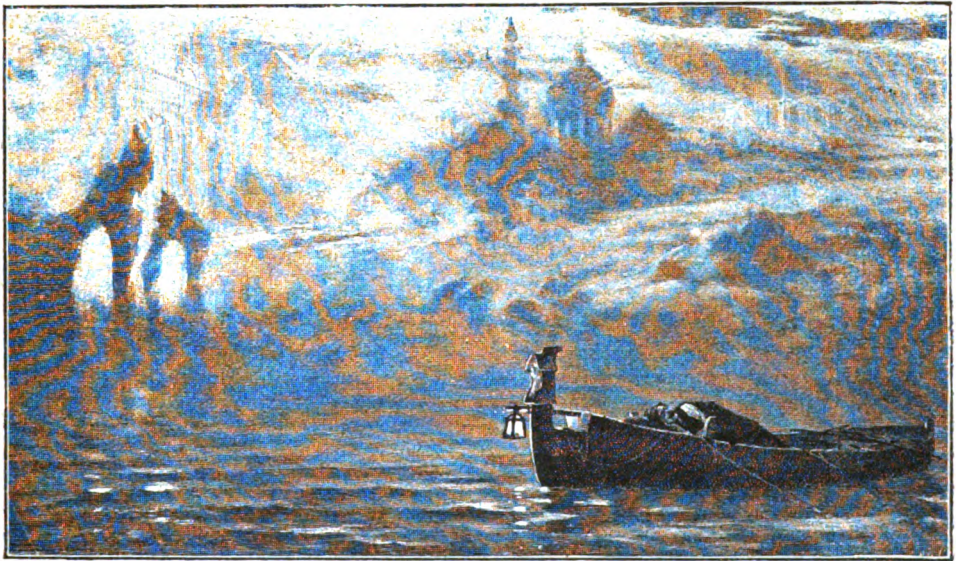
То одного желанья, то другого.

А гдѣ твои щипки, твои уколы?... Ахъ!

Спроси о томъ у вѣтра озорного.

В. С. Лихачовъ.

Fata Morgana.

(Рис. Кастенья).

О НАРОДНЫХЪ ПОВѢРЬЯХЪ ВЪ ЕВРОПѢ.

Глубоко въ сердцѣ человѣка коренится увѣренность, что его окружаетъ какой-то невидимый міръ, населенный могущественными существами, которыя принимаютъ дѣятельное участіе въ его жизни. На каждомъ шагу онъ сознаетъ присутствіе ихъ, онъ чувствуетъ ихъ, хотя они ускользаютъ отъ него, какъ только онъ захочетъ убѣдиться въ реальности ихъ существованія. Они располагаютъ по своему усмотрѣнію судьбою человѣка, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ предохраняютъ его. Эти-то предостереженія и выражаются тѣми предчувствіями, тѣмъ угнетеннымъ состояніемъ, которое овладѣваетъ иногда нашей душой.

Вотъ въ глухой деревушкѣ сидитъ старуха у пылающаго камелька; разбитымъ, старческимъ голосомъ рассказываетъ она собравшейся около нея группѣ о привидѣніяхъ, двойникахъ, блуждающихъ огняхъ,

бѣлыхъ женщинахъ и всякихъ ужасахъ, преслѣдующихъ человѣка.

Въ преріяхъ, вокругъ лагернаго огня, полунагіе пидѣйцы проводятъ всю ночь, слушающая повѣствованіе о великомъ магѣ, который постигъ всю тайную науку и даже покорялъ дикихъ звѣрей.

Обратите вниманіе на группу, которая тѣснится въ узкой галлерей, идущей вокругъ базарной площади: она совершенно загородила дорогу, въ глубокомъ молчаніи прислушиваясь къ голосу рассказчика, забавляющаго толпу увлекательными сказками Фердуси или же своими собственными. Отнесемся съ уваженіемъ къ его призванію: вѣдь такимъ же точно образомъ появились на свѣтъ и классическія милезскія сказки, пробудившія воображеніе Европы отъ тяжелаго сна средневѣкового варварства.

Почти вплоть до настоящаго времени уче

ные относились съ пренебреженіемъ къ этой области, считая народныя преданія и повѣрія «бабыми сказками», забавой невѣждъ и клоуновъ. Но съ нѣкоторыхъ поръ въ научныхъ сферахъ обнаруживается новое направление. Ученые признали, что даже непристойныя ребяческія сказки дикихъ заслуживаютъ изученія точно такъ же, какъ и не менѣе «непристойная» греческая мѣология. Волшебныя сказки и народные рассказы о привидѣніяхъ имѣютъ, несомнѣнно, право на наше вниманіе, потому что благодаря имъ, ихъ наивной и непосредственной формѣ обнаруживаются такія стороны человѣческой природы, разобратъся въ которыхъ врядъ ли было бы возможно какимъ-либо другимъ путемъ. На основаніи сказаннаго, можно смѣло назвать изслѣдованія въ данной области народной наукой.

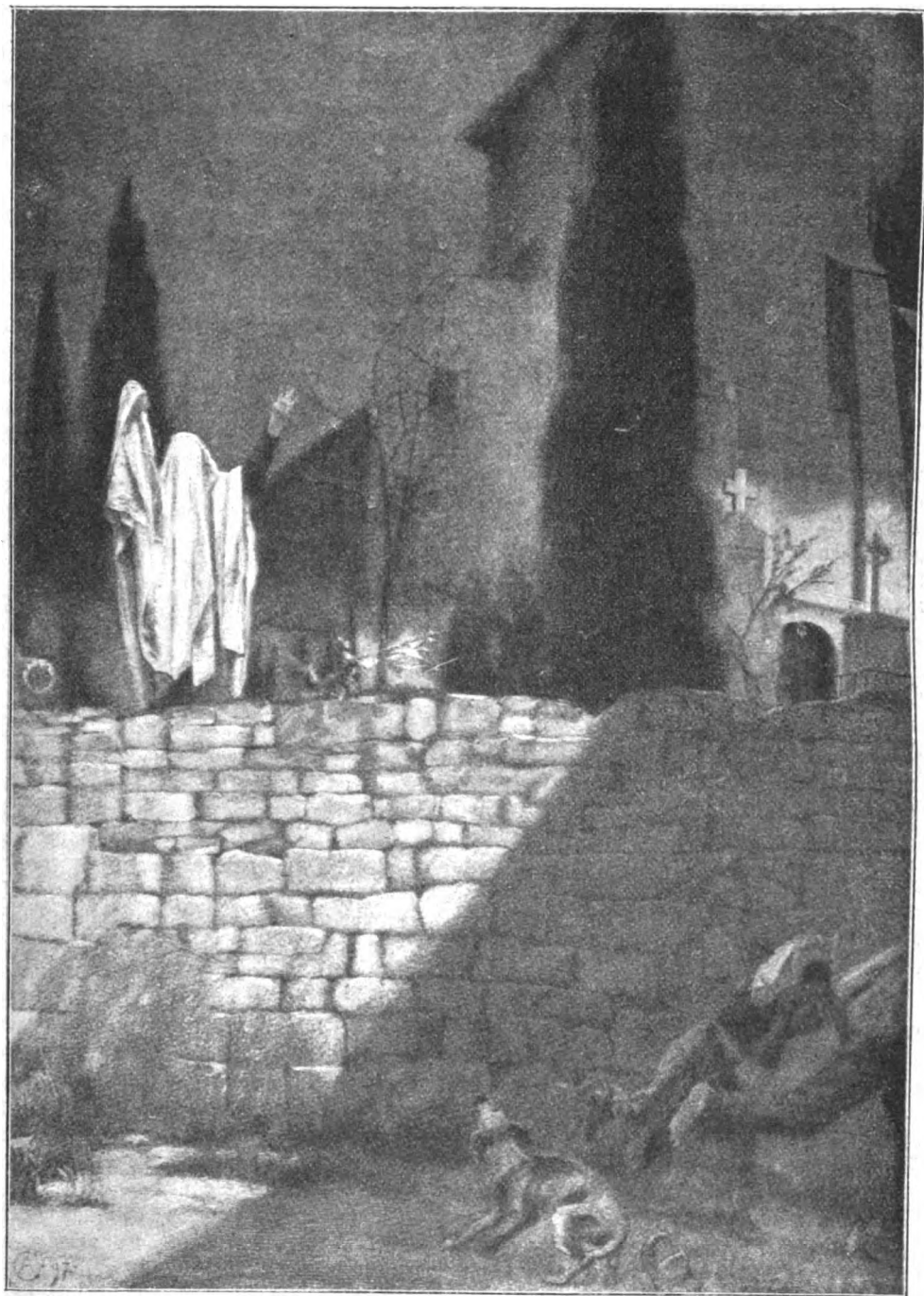
Нѣкоторые результаты, полученные такимъ путемъ, весьма интересны и поучительны, по всѣ они приводятъ насъ къ слѣдующему выводу, не особенно лестному для насъ: пресловутый прогрессъ человѣчества, о которомъ всѣ мы говорили такъ много и такъ красиво, есть не что иное, какъ тоненькая фанерка, украшающая—если можно такъ выразиться—лицевую сторону человѣчества, тогда какъ все, находящееся подъ ней, вся народная масса ничѣмъ не отличается отъ первобытныхъ дикарей, нашихъ предковъ: она живетъ все тѣми же надеждами и желаніями, проникнута тѣми же недостатками и страхами. Присматриваясь внимательно къ тому, что мы называемъ «моднымъ суевѣріемъ», не трудно убѣдиться, что и оно основывается на той же склонности нашей натуры, унаслѣдованной отъ нашихъ почтенныхъ прародителей, нещерныхъ людей и каннибаловъ, излагавшихъ въ тѣ отдаленныя времена свои первыя представленія объ окружающемъ мірѣ, о своемъ происхожденіи и назначеніи.

Привидѣнія рисуются нашему воображенію безтѣлесными существами, но всѣ дикари, равно какъ и современные теософы признаютъ, что они обладаютъ такъ называемымъ астральнымъ тѣломъ, несравненно болѣе легкимъ и прозрачнымъ, чѣмъ человѣ-

ческое. Привидѣніе далеко не всегда бываетъ духомъ умершаго,—часто это бываетъ душа спящаго человѣка, оставившая его тѣло и совершающая далекія путешествія. Такая освободившаяся отъ тѣла душа обладаетъ удивительною скоростью; для нея не существуетъ пространства, точно такъ же, какъ и времени,—она живетъ внѣ того и другого. Вотъ потому-то призраки, являющіеся къ намъ ночью, открываютъ намъ событія, совершающіяся на далекомъ разстояніи отъ насъ, или же тѣ, которыя должны произойти въ будущемъ. Иногда случается, что душа сбивается съ пути и не можетъ найти тѣла, въ которомъ она обитаетъ. Если владѣлецъ ея просыпается въ это время, то онъ глядитъ какъ безумный, бормочетъ безсвязныя рѣчи и не можетъ придти въ себя, пока душа не вернется къ нему.

Само собою разумѣется, что привидѣнія встрѣчались гораздо чаще въ тѣ времена, когда каждый человѣкъ считался обладателемъ нѣсколькихъ душъ. Въ доброе старое время каждый имѣлъ нѣсколько душъ, и одна изъ нихъ должна была безотлучно находиться при своемъ владѣльцѣ, въ противномъ случаѣ наступала смерть. Мы уже говорили о душѣ сва, странствующей внѣ времени и пространства, пока человѣкъ спитъ; кромѣ нея, заслуживаетъ вниманія душа имени, придающая каждому изъ насъ его индивидуальныя особенности, сообразно съ данными намъ именами. Не останавливаясь на перечисленіи всѣхъ другихъ душъ, упомянемъ еще только о душѣ костей, которая должна оставаться въ костяхъ человѣка даже послѣ того, какъ сгніетъ все тѣло. Этой душѣ приписывалось особо важное значеніе, такъ какъ шансы вторичнаго возрожденія на землѣ находятся въ зависимости исключительно отъ ея живучести. Это повѣріе было распространено между многими народами. По ученію раввиновъ, душа умершаго живетъ въ крайнемъ позвонкѣ спинного хребта. Она неразрушима, учатъ раввины, и самый сильный человѣкъ не можетъ разбить ее даже самымъ тяжелымъ молотомъ.

Не слѣдуетъ думать, что эти повѣрія относятся только къ прошлому. Эскимосы пола-

Привидѣніе.
(Рис. Кастенья).

гаютъ, что у каждаго человѣка три души: одна изъ нихъ погибаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, другая живетъ около жилища умершаго довольно долгое время, пока не смѣнятся нѣсколько поколѣній его потомковъ, третья, душа плени, бессмертна; она поднимается на небо, теряется въ Млечномъ пути и носится потомъ въ роскошныхъ переливахъ сѣвернаго сіянія.

Слѣды этого повѣрья можно замѣтить и среди болѣе культурныхъ народовъ Европы. Спросите у любого французскаго крестьянина его имя, — онъ ни за что не скажетъ вамъ его, постарается отдѣлаться шуткою или же скажетъ только свое прозвище. Какъ же можно сказать свое имя неизвѣстному человеку? А что, если это колдунъ, который, уловивъ ваше имя, овладѣетъ и душой назвавшегося и навлечетъ на него какую-нибудь неизгоду? Крестьяне Сѣверной Англіи избѣгаютъ давать ребенку имя котораго-нибудь изъ ихъ извѣстныхъ предковъ: это можетъ не понравиться умершему, тогда ребенокъ скоро умретъ или будетъ несчастенъ всю жизнь.

Сказки о феяхъ распространены главнымъ образомъ у кельтовъ, древнихъ бретонцевъ, галловъ и ирландцевъ; особенно большой популярностью пользуются онѣ въ Ирландіи и Валисѣ. Что касается Соединенныхъ Штатовъ, то въ этой странѣ феи фигурируютъ только въ произведеніяхъ пэщной литературы, въ народныхъ же повѣрьяхъ и сказкахъ о нихъ совершенно не упоминается, какъ это видно по сборнику Mrs Bergen, напечатанному американскимъ Обществомъ изученія народной литературы.

Обыкновенно народное воображеніе рисуетъ себѣ фей въ видѣ крошечныхъ граціозныхъ созданій, забавляющихся людьми и издѣвающихся надъ ними; такими изображаетъ ихъ Шекспиръ въ своемъ гениальномъ произведеніи: «Сонъ въ лѣтнюю ночь». Судя по повѣрьямъ, сохранившимся и до настоящаго времени въ земледѣльческихъ округахъ Германіи, иногда бывають и добрыя феи, приносящія благополучіе людямъ, въ общеніи съ которыми онѣ живутъ. Тотъ ребенокъ, крестною матерью котораго пожелаетъ быть фея, непременно будетъ счастливецомъ, но слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы при рожденіи фея не унесла его и не подмѣнила другимъ. Феи очень благоволятъ къ добрымъ дѣтямъ и часто дѣлають имъ цѣнные подарки,

на что указываетъ, наиримѣръ, преподобный Горслей Нортгумберландскій.

Ирландская фея «banshee» находится исключительно при семьяхъ древняго аристократическаго происхожденія; она постоянно живетъ при семейномъ домѣ, но появляется только въ тѣхъ случаяхъ, когда кому-нибудь изъ семьи грозитъ смерть.

Многіе извѣстные художники брали сюжетомъ для своихъ картинъ «кобольтовъ» и «корригановъ», часто упоминаемыхъ въ ирландскихъ повѣрьяхъ. Рассказываютъ, что они окружають иногда путника, сбивають его съ пути и нерѣдко начинаютъ потѣшаться надъ нимъ («Виндзорскія кумушки»). Народъ вѣритъ, что тѣ же кобольты, чтобы сбить съ дороги прохожаго и завлечь его въ рѣку или въ болото, принимаютъ иногда видъ «блуждающихъ огоньковъ», прыгающихъ въ теплыя лѣтнія ночи по болотистымъ лужайкамъ или отражающихся въ темныхъ омутахъ.

Десятое столѣтіе особенно богато легендами и волшебными разсказами. Особенной популярностью пользовалась фея Моргана. Напомнимъ читателямъ исторію одного изъ паладиновъ Карла Великаго, датчанина Ogier, которому фея Моргана обѣщала при появленіи его на свѣтъ безсмертіе и славу. Когда Ogier достигъ преклоннаго возраста, онъ пустился въ плаваніе искать новыхъ странъ для завоеванія. Но корабль его погибъ вмѣстѣ со всѣмъ экипажемъ у скалистаго острова Авилонъ, и только самъ Ogier благополучно добрался до берега. Тамъ онъ встрѣтилъ очаровательную дѣвушку, фею Моргану, которая возвратила ему молодость, надѣвъ на его палецъ волшебное золотое кольцо. Затѣмъ она украсила его голову вѣнкомъ изъ мурты и лавра — и рыцаръ забылъ все прошлое, и войну, и рѣдкую страну и наслаждался блаженною жизнью цѣлыхъ двѣсти лѣтъ, пока вопли находившейся въ опасности Франціи не вернули его къ дѣйствительности.

Мы не можемъ указать, гдѣ находится волшебный островъ Авилонъ, гдѣ лежитъ та чудная страна, которую средневѣковые писатели называли страной фей. Но и безъ этого мы прекрасно знаемъ ее по тѣмъ подробнымъ описаніямъ, которыя имѣются у насъ.

Эта страна лежитъ на островѣ, который скрывается отъ нашихъ глазъ непроницаемой

стѣнной тумана. Тамъ вѣчный день и вѣчное лѣто, тамъ цвѣты не увядаютъ, а деревья гнутся подъ тяжестью плодовъ. Счастливые обитатели этой страны не знаютъ ни старости, ни болѣзней; они живутъ въ роскошныхъ дворцахъ, передъ которыми разстилаются лазурныя равнины. Величественные фасады и башни этихъ дворцовъ рисуются иногда на безоблачномъ небѣ, и иному смертному удастся посмотреть издали на чудную страну—родину Fata Morgana, феи Морганы, когда онъ задремлетъ на утренней зарѣ или въ вечернихъ сумеркахъ подъ итальянскимъ небомъ.

Люди, мало знающіе море и его сокровища, полагаютъ, что эта волшебная страна находится подъ землей—не въ мрачныхъ владѣ-

нашего горизонта. Нѣкоторые народы, какъ, напримѣръ, камчадалы, глубоко убѣждены въ томъ, что когда-нибудь земля наша перевернется, и тогда мы встрѣтимся вновь съ умершими, дорогими нашему сердцу.

Повѣсть о приключеніяхъ датчанина Ogi-ег имѣетъ одну черту, характерную для большинства европейскихъ сказокъ: это та сверхъестественная быстрота, съ которой проходитъ время для человѣка, поддавшагося чарамъ волшебства. Годы, десятилѣтія и цѣлыя вѣка проходятъ, но смертный, поддавшійся очарованію, не сознаетъ теченія времени. Возьмемъ для примѣра слѣдующій рассказъ. Однажды, въ ясный лѣтній вечеръ, въ графствѣ Кларъ справляли веселую свадьбу. Празднество было въ полномъ разгарѣ, гости по-

Блуждающіе огни.

(Рис. Кастенья).

ніяхъ Плутона, а въ веселомъ парствѣ королевы Мабъ и Оберона. Тамъ тоже царитъ вѣчная юность и вѣчное лѣто, и цвѣты никогда не увядаютъ. Феи иногда поднимаются изъ своего царства къ намъ на землю, танцуютъ, сплетаясь въ волшебныхъ хороводахъ, или заглядываютъ въ очаги добрыхъ хозяекъ.

Этотъ циклъ легендъ примыкаетъ къ мѣстамъ самаго древняго происхожденія. У самыхъ разнообразныхъ племенъ, живущихъ на огромныхъ разстояніяхъ одно отъ другаго, встрѣчается повѣрье, что мѣсто блаженнаго упокоенія праведныхъ душъ находится подъ землею. Въ этой странѣ солнце свѣтитъ ночью, когда оно уходитъ отъ насъ, тамъ же сіяютъ звѣзды, скрывающіяся съ

здравляли новобрачныхъ, какъ вдругъ молодому доложили, что его спрашиваетъ кто-то у воротъ. Онъ вышелъ и увидѣлъ тамъ старуху, державшую въ рукахъ золотой вѣнокъ. «Это для вашей прелестной жены»,—сказала она,—«но только позвольте мнѣ взглянуть, какъ онъ будетъ выглядѣть на васъ.» Съ этими словами она положила вѣнокъ ему на голову. «А теперь поцѣлуйте меня и возвращайтесь домой»,—добавила старуха. Онъ поцѣловалъ ее и направился къ дому. Но кругомъ было темно и безмолвно. Онъ началъ стучаться въ двери, но никто не отвѣчалъ ему. Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія къ нему вышелъ какой-то незнакомый человѣкъ. Наумленный новобрачный принялся разспрашивать его о своей женѣ и гостяхъ, но хозяинъ ничего не зналъ

о них и только припомнилъ, что слышалъ отъ своего дѣда рассказъ о томъ, какъ когда-то въ этихъ самыхъ мѣстахъ праздновали свадьбу, и какъ въ этотъ же вечеръ исчезъ молодой мужъ и никогда болѣе не возвращался.

Сидней Гартлэндъ, разсматривая волшебныя сказки съ психологической точки зрѣнія, совершенно справедливо отмѣчаетъ значеніе указанной нами особенности ихъ, — именно, власти сверхъестественныхъ существъ надъ временемъ. Раздѣленіе во времени несравненно болѣе ужасно, чѣмъ раздѣленіе какими угодно большими пространствами. И вотъ, европейскіе народы довели представленіе объ ужасномъ до высшихъ предѣловъ, введя въ свои волшебныя сказки этотъ послѣдній элементъ.

Въ тевтонскихъ преданіяхъ мы точно такъ же встрѣчаемъ многое, способное навести ужасъ на довѣрчиваго слушателя. Возьмемъ для примѣра легенду объ «Охотѣ призраковъ». Содержаніе этой легенды слѣдующее. Порою по небу бѣшено мчится верхомъ на лошади привидѣніе, сопровождаемое цѣлой свитой, со стаей собакъ, со страшнымъ шумомъ, при звукахъ охотничьихъ рожковъ. Иногда эти привидѣнія выѣзжаютъ въ полномъ вооруженіи, и тогда раздаются звонъ стали, звуки трубъ, крики и стоны сражающихся. То Герли, не разбирая пути, мчится по небу надъ нѣмецкими окраинами съ многочисленной свитой мужчинъ и женщинъ, съ व्यюками и припасами, съ охотничьими птицами и собаками. Аналогично только-что приведенному рассказу французское преданіе о такъ называемой «Chasse-galerie», о которой упоминаетъ Жервазъ Тюльберійскій. Иногда въ лунную ночь по небу несется съ крикомъ и бранью безпорядочная кучка солдатъ и охотниковъ въ сопровожденіи собакъ. Бретонскіе крестьяне говорили Жервазу, что это король Арпизръ возвращается съ охоты со своими веселыми рыцарями.

Я. Гримъ считаетъ основой этихъ повѣрій преданіе о героѣ-богѣ Воданѣ (Одинѣ). Преданіе гласитъ, что онъ вмѣстѣ со своими полководцами и дружиною жилъ въ Валгаллѣ, гдѣ вмѣсто кубковъ употреблялъ во время попойекъ черепа своихъ враговъ. Иногда, по данному сигналу, вся его дружина вскакивала на коней и съ бряцаніемъ оружія, при звукѣ рожковъ устремлялась въ небесныя пространства на битву съ врагами. Когда Вал-

галла была уничтожена христіанствомъ, Воданъ скрылся въ глубинѣ германскихъ горъ, и только теперь изрѣдка проносится по полумночному небу со своей дикой дружиной.

Въ суевѣріяхъ дикихъ племенъ важную роль играютъ животныя, которыхъ нѣкоторые изъ нихъ обоготворяютъ, другія же считаютъ ихъ стоящими выше себя или, по крайней мѣрѣ, равными себѣ. Вѣра въ таинственную силу животныхъ, распространенная среди дикарей, объясняется тѣмъ почтеніемъ, которое возбуждаетъ въ душѣ некультурнаго челоука ловкость ихъ въ плаваньи и летаньи, а также способность ихъ предчувствовать опасность и избѣгать ея. Не только народъ, но и образованные классы общества до сихъ поръ не вполне еще свободны отъ подобныхъ суевѣрій: есть что-то зловѣщее въ крикѣ совы ночью или во внезапномъ появленіи черной кошки. По словамъ мистрессъ Бергенъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Массачусетса мычаніе коровы послѣ полуночи служить примѣтою близкой смерти кого-нибудь изъ живущихъ въ домѣ.

Суевѣрный страхъ передъ животными вмѣстѣ съ вѣрой въ волшебство породилъ повѣрья о такъ называемыхъ оборотняхъ, т. е. колдунахъ, принимающихъ видъ какого-нибудь животнаго. Не только въ сказкахъ многихъ европейскихъ народовъ упоминаются оборотни: они фигурируютъ также въ многочисленныхъ процессахъ противъ колдуновъ и колдуній. Судя по документамъ, сохранившимся отъ этихъ процессовъ, въ тѣ времена существовала твердая увѣренность, что колдунъ или колдунья могутъ превращаться въ волковъ; въ такомъ видѣ они бѣгаютъ ночью по полямъ и деревнямъ, опустошаютъ крестьянскія хозяйства и пожираютъ дѣтей. Во французскихъ преданіяхъ упоминается еще одна подробность относительно образа жизни оборотней, а именно, что они спятъ только двѣ ночи въ мѣсяцъ, во все же остальное время, съ вечера до утра, рыщутъ по полямъ. Это повѣрье распространено также и въ Центральной Америкѣ, гдѣ населеніе вѣритъ, что туземцы обладаютъ способностью обращаться въ волковъ и тигровъ. Такъ патеръ Ваеза упоминаетъ о томъ, что нѣкоторые изъ его прихожанъ казались на исповѣди въ этомъ грѣхѣ.

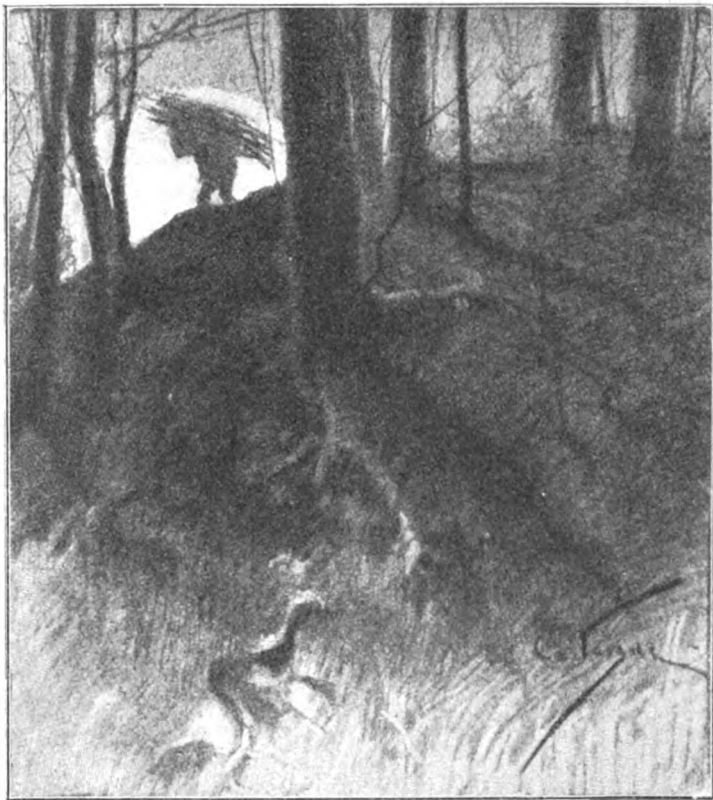
Чтобы дополнить циклъ народныхъ преданій и суевѣрій, упомянемъ еще о тѣхъ, которыя касаются луны, этого древняго божѣ-

ства, до сихъ поръ не утратившаго еще своего мистическаго значенія въ глазахъ народа. Mrs Bergen указываетъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ болѣе всего распространены повѣрья, связанныя съ луною: «человѣкъ на лунѣ» придвѣщаетъ людямъ будущее, а молодая дѣвушка гадаютъ по лунѣ о суженомъ. Лунный свѣтъ издавна считается неабѣжною пренадлежностью любовныхъ похаживаній; неудивительно поэтому, что преданія о самой лунѣ пѣвуютъ романтическую окраску. Такъ, въ эстонскихъ легендахъ «человѣкъ на лунѣ» влюбляется въ молодую дѣвушку Видевикъ. Въ ея объятіяхъ онъ забываетъ свои обязанности и перестаетъ освѣщать по ночамъ землю. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, тѣсной грабитель-волкъ передошилъ скоть родителей Видевикъ. Старый отецъ, узнавъ о причинѣ этого несчастья, разлучилъ влюбленныхъ. Съ тѣхъ поръ каждый изъ нихъ видитъ только отраженіе другого въ водѣ: всѣ мы не разъ видѣли, какъ «человѣкъ на лунѣ» спускается къ рѣкѣ и ждетъ, не придетъ ли его возлюбленная.

Не всѣ народы различаютъ человѣческія черты на поверхности луны; такъ, напримѣръ, аптеки и нѣкоторые азіатскія племена видятъ на лунѣ изображеніе кролика, сидящаго на заднихъ лапкахъ съ приподнятой мордочкой и закинутыми назадъ ушами.

Даже по этому краткому перечню повѣрій и преданій различныхъ народовъ и различныхъ временъ достаточно ясно видно огромное сходство между всѣми ими. Это объяс-

няется тѣмъ, что всѣ они основаны на присущей человѣческой природѣ потребности проникнуть какимъ-либо путемъ въ невѣдомый міръ. Человѣкъ глубоко убѣжденъ въ существованіи какихъ-то таинственныхъ, могучихъ, непрерывно дѣйствующихъ силъ, которыя руководятъ его судьбою. На каждомъ шагу его преслѣдуетъ страшная печать смерти, настоящее положеніе не удовлетворяетъ его, и вотъ страстное желаніе жить и насла-

Человѣкъ на лунѣ.
(Рис. Кастенья).

ждать заставляетъ его искать знаній, выходящихъ за предѣлы точной науки, которая не въ состояніи удовлетворить всѣмъ его запросамъ. Этимъ объясняется успѣхъ такихъ мистиковъ, какъ Юнгъ и Каліостро, которые всегда готовы ввести въ свои призрачные храмы жаждущее таинственности человѣчество.

Ы ЧИТАЕМЪ

которая вдохновила стихотворца. Въ живописи, какъ и въ скульптурѣ мы видимъ массу красивыхъ женскихъ лицъ, лицъ веселыхъ и скорбныхъ. Пойдемъ ли мы въ театръ, заглянемъ ли на художественную выставку, возьмемъ ли какое-нибудь произведение изящной литературы, — вездѣ мы встрѣчаемъ поклоненіе женщинѣ, безъ которой немыслима любовь, немыслимо существованіе человѣческаго рода на землѣ. Обширная область искусства, скрашивающая жизнь человѣчества и озаряющая яркимъ свѣтомъ полные дѣловой суетою дни его, эта лучезарная область обязана очень многимъ женщинамъ-вдохновительницамъ, — находитъ

ся подъ ея властью. Поэтъ, романистъ, художникъ, композиторъ несли дань своего таланта къ алтарю любви, на которомъ уже цѣлыя тысячелѣтія, съ тѣхъ поръ, какъ возникла любовь, пылаетъ пронзенное стрѣлою Амура сердце. «Place aux dames!» — такъ должно было бы быть начертано на входныхъ вратахъ этой священной области, созданной гениемъ человѣка.

Но есть и другая область умственной дѣятельности обитателя земного шара — область тоже громадная, полная чудесъ, полная красоты, — къ сожалѣнію, непонятныхъ многимъ, — но свободная отъ вліянія женскихъ чаръ. Это область науки. Въ ней все такъ тихо, величественно, спокойно, выглядит все такъ солидно, нѣтъ ни бурныхъ страстей, ни воплей раненаго сердца. Но все-таки, несмотря на это, нѣтъ-нѣтъ, да гдѣ-нибудь и проглянетъ въ ней власть прекраснаго пола, — доносятся и сюда отголоски житейскихъ исторій.

Вотъ передъ нами великая книга астрономіи. Съ ея страницъ тысячелѣтія смотрятъ на насъ; съ ея страницъ открывается очаровательное зрѣлище далекихъ невѣдомыхъ міровъ. Въ ней цифры, въ ней алгебраическія формулы, геометрическія фигуры, колонки чиселъ, чертежи, и во всемъ этомъ царитъ удивительная гармонія, мудрость, раскрывающая многія тайны. Упорный трудъ

Мишень.

(Съ картина Буше).

цѣлыхъ сотенъ человѣческихъ поколѣній со- одинъ умъ властвовалъ здѣсь. А есть-таки и
здавалъ эту книгу. Пастухи, жрецы, монахи, въ ней маленькая страничка, оправдывающая
учителя, профессора, академики принимали извѣстное «Cherchez la femme!» Въ самомъ
участіе въ такой гигантской работѣ. Умъ, дѣлѣ, среди поразительныхъ откровеній вы-

сокой науки о небѣ, послѣ закованныхъ въ броню математики истинъ о размѣрахъ солнечнаго міра, о параллаксѣ Солнца, о силѣ тяготѣнія, объ эксцентрицитетахъ орбитъ, углахъ аномалій, долготахъ перигелія и т. п. — вдругъ пышный букетъ женскихъ именъ!.. Аглая, Юлія, Елена, Марія, Вѣра, Софія, Анна, Эмма, Алиса, Елизавета... Что это за длинный перечень такой, точно въ святцахъ? Это все — малыя планеты, или астеронды, или же, какъ еще ихъ называютъ, планетоиды. Въ публикѣ знаютъ о нихъ вообще мало сравнительно съ большими планетами, а между тѣмъ побыть въ подобномъ дамскомъ обществѣ — не безынтересно. Войдемъ же въ этотъ планетный дамскій салонъ и познакомимся если и не со всеми присутствующими тамъ, то, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторыми наиболее выдающимися. Ориентируемся сначала и припомнимъ, на всякій случай, для устраненія возможныхъ недоразумѣній и недоумѣній, старыя истины.

Извѣстно, что вокругъ неустанно несущагося въ какую-то таинственную даль нашего Солнца вращаются планеты, въ ихъ числѣ и наша Земля. Какъ все это теперь просто говорится! Подобныя фразы тысячами печатаются, повторяются устно и письменно. Ихъ произносятъ съ каедръ въ многолюдныхъ аудиторіяхъ, публично; за незнаніе такихъ вещей школьниковъ даже наказываютъ! А попробовали бы вы прежде заикнуться о вращеніи Земли!.. Что бы запѣла тогда вамъ святая (съ позволенія сказать) Германдада! Этотъ позорный для человѣчества судъ надъ Галилеемъ! Эта ужасная жестокая казнь провозвѣстника зари новой науки — Джордано Бруно, сожженного на кострѣ гнусными разбойниками-инквизиторами, цивилизованными башибузуками среднихъ вѣковъ. Какимъ страшнымъ несмыслимымъ пятномъ легла эта трагическая смерть на исторію человѣчества, и безъ того обильно напоенной кровью! Да, человѣчество, хотя и медленно, а все-таки прогрессируетъ. Задушить окончательно мысль никогда не удавалось врагамъ прогресса. Инквизиція лопнула, какъ зловонный, злокачественный нарывъ, — и рана затянулась. Истина, усердно потопляемая въ потокахъ крови, восторжествовала. Порадуемся торжеству правды, побѣдѣ прогресса. Тѣнь Ватикана, окутывавшая мракомъ всю Западную Европу въ теченіе сто-

лѣтій, исчезла. Теперь уже безнаказанно каждый можетъ радостно и упѣренно крикнуть въ упоръ этимъ ветхимъ, покрытымъ плѣсенью, отжившимъ свои дни всемогущества, обогреннымъ невинной кровью стѣнамъ: «Земля вращается, планеты всѣ вращаются вокругъ Солнца и вокругъ себя, Солнце-звѣзда движется!» Прошли уже, слава Богу, времена мрака, жестокости, костровъ, времена лицемѣрія, подлости, злодѣйствъ и удручающаго невѣжества! Наука избавилась отъ постыдныхъ цѣпей. Астрономія теперь свободна...

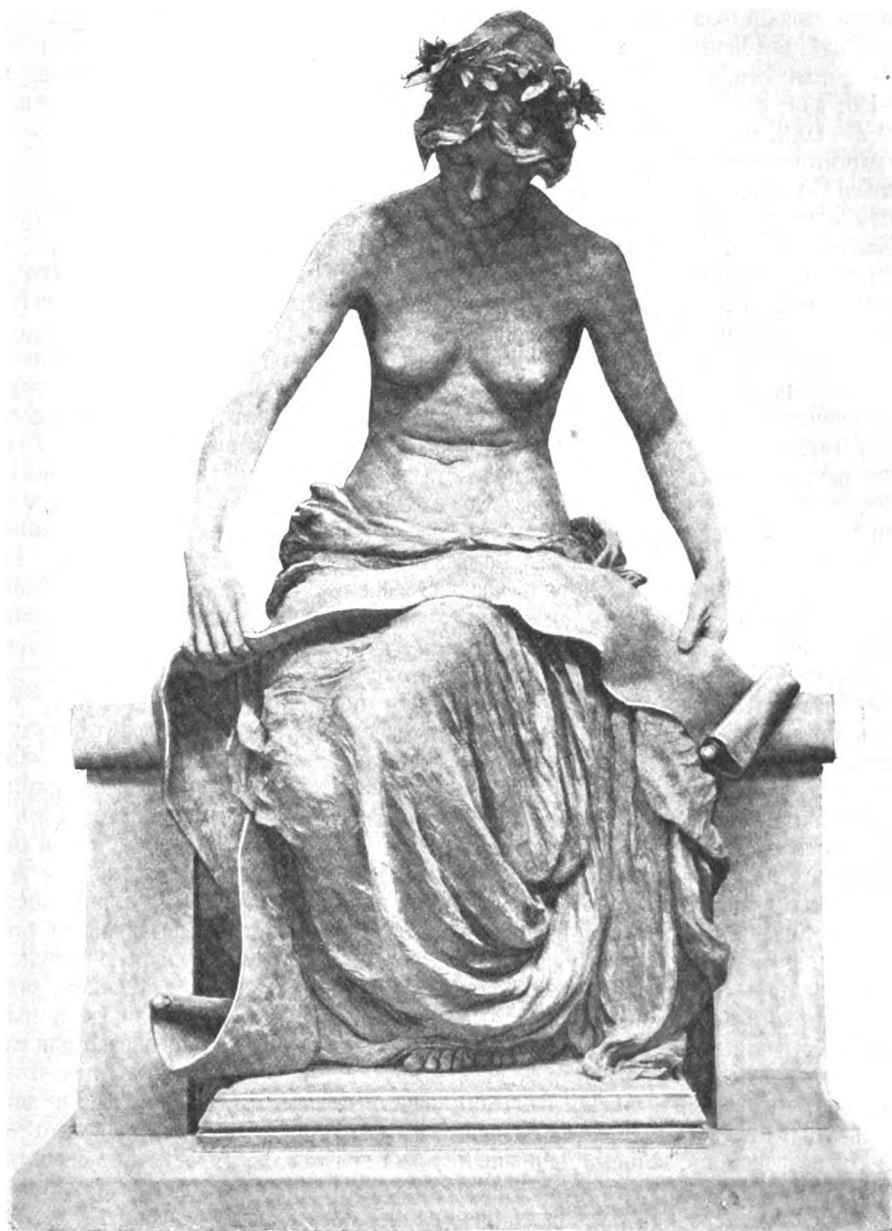
Итакъ, вопреки папскому распоряженію и несмотря на всѣ козни инквизиціи, вокругъ Солнца вращаются планеты. Въ древности ихъ было извѣстно пять за исключеніемъ земли: Меркурій, Венера, Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ. Затѣмъ Гершель открылъ Урана, а Леверрье — Нептуна. Члены этой дружной прочной семьи нашего дневного свѣтила располагаются въ такомъ порядкѣ и на такихъ разстояніяхъ отъ своего главы: Меркурій — 53.868.800 верстъ; Венера — 100.639.000 вер.; Земля — 139.196.000 вер.; Марсъ — 212.137.000 вер.; Юпитеръ — 728.420.000 вер.; Сатурнъ — 1.335.460.000 вер. Взявъ за единицу мѣры не версту, а разстояніе между Землею и Солнцемъ и переложивъ предыдущія числа на такую мѣру, получимъ слѣдующую табличку:

Меркурій	. 0,387,	или приближенно:	0,4
Венера	. . 0,723,	»	0,7
Земля	. . 1,000,	»	1,0
Марсъ	. . 1,524,	»	1,5
Юпитеръ	. 5,203,	»	5,2
Сатурнъ	. 9,539,	»	9,2

Мысль о гармоніи во вселенной непрестанно преслѣдовала ученыхъ, которые старались замѣтить эту гармонію по имѣющимся даннымъ. Въ XVII столѣтіи астрономъ профессоръ Титіусъ открылъ замѣчательное соотношение между разстояніями планетъ, простое и весьма гармоничное. Открытіе такого пропорціональнаго ряда явилось результатомъ долгихъ попытокъ найти постоянный законъ, которому были бы подчинены указанные выше величины.

Вотъ пропорціональный рядъ Титіуса, полученный такимъ путемъ: взяты числа, начиная съ 3, изъ коихъ каждое послѣдующее вдвое болѣе предыдущаго:

3, 6, 12, 24, 48, 96;

Наука.

(Статуя проф. Овслова Форда).

(На выставкѣ въ Лондонской королевской академіи 1898 г.).

Начнемъ этотъ рядъ нулемъ:

0, 3, 6, 12, 24, 48, 96.

Прибавляя къ каждому изъ этихъ чиселъ по 4, получаемъ:

4, 7, 10, 16, 28, 52, 100;

Уменьшимъ каждое въ 10 разъ:

0,4; 0,7; 1,0; 1,6; 2,8; 5,2; 10,0.

Сравнивая съ предыдущею таблицю, мы видимъ почти полное совпаденіе между членами ряда Титіуса и действительными вели-

чинами разстояній планетъ отъ Солнца. Въ самомъ дѣлѣ, для Меркурія—0,4; для Венеры—0,7; для Земли—1,0; для Марса—1,5—1,6; для Юпитера—5,2; для Сатурна—9,2—10,0. Но въ первой таблицѣ мы не находимъ ни намека на какое-то 2,8. Что это такое? Гармонія нарушена? Или?.. Этотъ пробѣлъ страшно заинтриговалъ тогдашнихъ астрономовъ. Гармоническій рядъ Титіуса, кстати замѣтимъ, называется также закономъ Бодѣ. Дѣло въ томъ, что Титіусъ опубликовалъ свое открытіе въ нѣмецкомъ переводѣ «Созерданія природы» («Contemplation de la nature») Шарля Бонне; директоръ Берлинской обсерваторіи Бодѣ, прочтя замѣтку Титіуса, такъ увлекся открытіемъ его, что не переставалъ говорить о замѣчательномъ арифметическомъ рядѣ, представляющемъ, по его мнѣнію, настоящій законъ природы. Эта рѣдкая восторженность Бодѣ и послужила причиною того, что рядъ прослылъ подъ его именемъ. Такъ было и съ Америкю: ее открылъ Колумбъ, а описалъ Америго Веспуччи—и вотъ она называется не Колумбією, а Америкю. Важно не только открыть или изобрѣсти что-либо, а также и пустить въ ходъ новинку, поставить на ноги любимое дѣтище своего или чужого ума.

Сторонники закона Титіуса-Бодѣ заподозрили присутствіе планеты между Марсомъ и Юпитеромъ, на что, — какъ они были убѣждены, — ясно указывало число 2,8. Впрочемъ, еще Кеплеръ писалъ въ одной изъ своихъ книгъ: «*Intra Martem et Jovem interposui planetam*» — «Между Марсомъ и Юпитеромъ я помѣстилъ планету.» Ревностный астрономъ, страстный любитель этой науки, баронъ Захъ въ 1784 году вычислилъ даже орбиту подразумеваемой планеты. Въ 1800 году въ Лиліенталѣ состоялся небольшой конгрессъ астрономовъ, которые порѣшили искать невѣдомую планету. Съ этою цѣлью образовалось общество, гдѣ Захъ былъ президентомъ, а Шретеръ — секретаремъ. Зодіакальную зону неба распредѣлили по равнымъ частямъ между наблюдателями для тщательнаго изслѣдованія ея. Приходилось, значитъ, наводить телескопъ на каждую точку указанной области неба и «ловить» планету. Ловить планету! Но какъ ее поймашь? А очень просто. На небесномъ сводѣ мы видимъ изъ свѣтила днемъ — Солнце, а ночью — большую часть Луны, всегда звѣзды и планеты и изрѣдка — кометы и мете-

оры. Неопытный глазъ не отличить звѣзды отъ планеты, а въдѣ разница между ними громадная. Каждая звѣзда есть солнце, т. е., мировое тѣло самосвѣтѣющееся; планета же заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца, она — темное мировое тѣло и свѣтитъ на небѣ отраженнымъ солнечнымъ свѣтомъ. Далѣе, звѣзды находятся на такихъ громадныхъ разстояніяхъ отъ Земли, что даже при разсматриваніи ихъ въ сильные телескопы остаются только блестящими точками, безъ всякаго намека на дискъ; планеты же нашей солнечной системы, несравненно менѣе удаленныя отъ насъ, чѣмъ звѣзды, являютъ свой дискъ даже въ сравнительно небольшую астрономическую трубу. Затѣмъ та же разница въ разстояніяхъ звѣздъ и планетъ отъ Земли обуславливаетъ то весьма важное обстоятельство, что движеніе звѣздъ въ пространствѣ вселенной почти не обнаруживается, движеніе же планетъ довольно ясно замѣтно. Звѣзды называются съ глубокой древности неподвижными, потому что, дѣйствительно, онѣ какъ будто прикрѣплены къ небесному своду и совершаютъ вмѣстѣ съ нимъ суточное вращеніе, не измѣняя видимыхъ взаимныхъ разстояній; планеты же, принимая участіе въ суточномъ вращательномъ движеніи небесной сферы, т. е., восходя, описывая на небѣ дугу и заходя, движутся также и самостоятельно, мѣняя постоянно свое мѣсто между неподвижными звѣздами: сегодня, напримѣръ, какую-нибудь планету видѣли, скажемъ, у такой-то звѣзды, завтра или черезъ нѣсколько дней мы замѣтимъ ее уже у другой, вправо или влѣво, вверху или внизу отъ предыдущей. Такимъ образомъ, разъ будетъ замѣчено и неопровержимо установлено, что какая-то звѣздочка кочуетъ, не имѣетъ, такъ сказать, постоянного опредѣленнаго мѣста жительства на небесномъ сводѣ, — значитъ, она представляетъ изъ себя планету, хотя бы въ телескопъ мы и не увидѣли ясно очерченнаго ея диска вслѣдствіе весьма малыхъ размѣровъ. Вотъ по такому признаку и можно отличить планету отъ звѣзды. Слѣдовательно вся «ловля» планеты сводится къ отысканію блуждающаго свѣтила между неподвижными. Принципъ этотъ очень простъ, но выполненіе требуетъ бездны терпѣнія и настойчивости. Мѣста всѣхъ, такъ называемыхъ, «неподвижныхъ» звѣздъ на небес-

ной сферѣ точно опредѣлены; производилась и производилась обстоятельная перепись ихъ, результатомъ которой являются звѣздные каталоги. Какъ положеніе какого-либо мѣста на землѣ опредѣляется географическими долготою и широтою, т. е. разстояніями въ градусахъ отъ перваго меридіана и экватора, такъ и положеніе свѣтила на небѣ опредѣляется прямымъ восхожденіемъ и склоненіемъ—разстояніями градусными отъ точки весенняго равноденствія (такъ называется одна изъ двухъ точекъ пересѣченія небеснаго экватора съ эклиптикою) и отъ экватора (небеснаго). Прямое восхожденіе и склоненіе планетъ измѣняются сравнительно быстро, и такое измѣненіе служитъ главнымъ отличіемъ этого рода свѣтилъ. Такимъ путемъ найдена была первая малая планета астрономомъ Пиацци, составителемъ обширѣйшаго каталога неподвижныхъ звѣздъ и членомъ кружка, организованнаго въ Лиліенталѣ для отысканія видимой только въ ариѳметическомъ рядѣ Титіуса планеты.

Найденъ былъ первый астероидъ, можно сказать, случайно. Это было вечеромъ 1-го января 1801 года въ Палермо, на островѣ Сициліи. Пиацци наблюдалъ мелкія звѣзды созвѣздія Тельца для опредѣленія ихъ положенія. Понимается ему, между прочимъ, одна звѣздочка, которая, по его мнѣнію, отмѣчена была въ каталогѣ Майера. Проверилъ—и оказалось, что у Майера нѣтъ ея, такъ же какъ нѣтъ и въ его собственномъ каталогѣ. Вѣроятно, ее раньше пропустили вслѣдствіе малой величины. А, можетъ быть, это свѣтило обладало собственнымъ движеніемъ? Послѣдній вопросъ могло рѣшить только время, и вотъ на другой день Пиацци вновь обращается къ заинтригованной его звѣздочкѣ, положеніе которой опредѣлилъ онъ наканунѣ. Звѣздочки на прежнемъ мѣстѣ уже не было! Послѣ непродолжительныхъ поисковъ Пиацци нашелъ ее въ $4'$ къ западу по прямому восхожденію и въ $3\frac{1}{2}'$ по склоненію—тамъ, гдѣ въ предшествующій вечеръ ничего не замѣчалось. Въ слѣдующіе вечера звѣздочка отодвигалась все дальше и дальше, и Пиацци ухаживалъ за нею со всею страстностью яраго любителя неба. 12-го января звѣздочка остановилась и затѣмъ начала двигаться въ обратномъ направленіи. Именно въ это время Пиацци заболѣлъ и его интересныя

наблюденія были прерваны. Онъ написалъ о своемъ открытіи въ Берлинъ Боде и еще Орнани, не рѣшившись, однако, вслѣдствіе малочисленности наблюденій, назвать найденное новое свѣтило планетою. Боде, не колеблясь, принялъ свѣтило за планету. На основаніи данныхъ Пиацци, вычислена была Ольберсомъ, Буркгартомъ и Гауссомъ орбита(или путь)этой планеты. По вычислениямъ оказывалось, между прочимъ, что она вращается вокругъ Солнца между Марсомъ и Юпитеромъ. Но покаместъ письмо Пиацци (изъ Палермо въ Берлинъ) дошло по адресу—воды утекло не мало. Телеграфовъ да желѣзныхъ дорогъ въ то время не существовало еще; почта соперничала съ черепахою въ медленности. А планета тѣмъ временемъ приблизилась въ своемъ движеніи по своду небесному къ Солнцу и, скрытая въ его лучахъ, перестала быть видимою. Ее искали, тщетно искали въ теченіе цѣлаго года... Наконецъ, молодой Гауссъ примѣнилъ свой новый методъ для вычисленія планетныхъ орбитъ по немногимъ даннымъ къ исчезнувшей планетѣ; потребовались сложныя вычисленія, результатами которыхъ воспользовались какъ указаніемъ мѣстоположенія планеты. Навели на эту точку неба телескопъ и, дѣйствительно, нашли тамъ скрывающуюся бѣглянку. Впослѣдствіи, съ накопленіемъ наблюденій, орбиту ея перевычислили, при чемъ оказалось, что она близко подходит по своимъ элементамъ къ той орбитѣ, какую еще въ 1784 году вычислилъ приблизительно баронъ Захъ.

Пиацци назвалъ новую планету Церерою—именемъ богини плодородія, мифологической покровительницы Сициліи, на ясномъ небѣ которой впервые замѣчено было это свѣтило. Церера находится на среднемъ разстояніи 2.77 отъ Солнца, принимая за единицу мѣры разстояніе Земли отъ послѣдняго; годъ ея, или время обращенія вокругъ Солнца, равняется 1681 дню.

Затѣмъ 28 марта 1802 года Ольберсъ въ Бременѣ нашелъ такимъ же путемъ другой астероидъ, принятый сначала за комету. Его назвали Палладою. Астрономы ревностно принялись послѣ этого изслѣдовать небо.

Изучая довольно сходныя между собою орбиты этихъ двухъ планетокъ, взаимно пересѣкавшіяся въ созвѣздіи Дѣвы, Ольберсъ пришелъ къ заключенію, что новыя свѣти-

ла могутъ быть осколками большой планеты, разлетѣвшейся вслѣдствіе какой-то невѣдомой катастрофы вдребезги. По закону механики, такіе обломки несчастной планеты должны проходить при своемъ обращеніи вокругъ Солнца мѣсто крушенія, откуда они и получили начало своего самостоятельнаго сепаративнаго существованія. Высказанное Ольберсомъ такое предположеніе было принято многими за достовѣрное. Въ началѣ сентября 1804 года Гардингъ въ Лиліенталѣ открылъ въ намѣченной Ольберсомъ области неба третій астероидъ — Юнону. Это упрочило гипотезу Ольберса о происхожденіи малыхъ планетъ и доставило ей новыя данныя, которыя вмѣстѣ съ предыдущими позволили знаменитому астроному уяснить и развитіе его соображенія. 29 марта 1807 года Ольберсъ, дѣйствительно, нашелъ въ созвѣздіи Дѣвы еще одинъ астероидъ — четвертый по счету, названный имъ Вестой.

На этомъ дѣло и остановилось на довольно продолжительное время: въ теченіе тридцати восьми лѣтъ о новыхъ планетахъ — ни слуха, ни духа. Только въ 1845 году, въ первыхъ числахъ декабря, отставной берлинскій почтмейстеръ, большой любитель астрономіи, Карлъ-Людвигъ Генке открылъ новый астероидъ, пятый; его назвали Астрею. А года черезъ два ему посчастливилось опять уловить еще планетку, названную, по предложенію Гаусса, Гебою. Ступившійся было вопросъ о планетоидахъ вновь приобрѣлъ популярность въ астрономическомъ мірѣ, вновь привлечь къ себѣ вниманіе ученыхъ; рьяные поиски новыхъ членовъ Солнечной системы возобновились, и открытія ихъ послѣдовали одно за другимъ.

Теперь не проходитъ ни одного года безъ нихъ, и списокъ астероидовъ все удлиняется. Такъ, къ 1897 году число малыхъ планетъ достигло 423. На такую семейку и именъ не напасешься! Сначала израсходовали съ этою цѣлю мифологію, затѣмъ принялись за христіанскія имена, а теперь уже ихъ обозначаютъ довольно просто — порядковымъ числомъ, поставленнымъ въ кружкѣ. Такое необыкновенное планетное *embaras de richesses*, замѣнившее прежнюю томительную пустоту, поколебало Ольберсову гипотезу о крушеніи цѣлаго міра и распаденіи его на мелкіе мировые индивидуумы. Орбиты всѣхъ астероидовъ, конечно, вычислены, и тщательныя изслѣдованія въ этомъ направле-

ніи не подтвердили предположеній Ольберса. Можетъ быть, планетойды произошли обыкновеннымъ путемъ, общимъ для всѣхъ планетъ, отъ Солнца, отдѣлявшаго, по знаменитой гипотезѣ Лапласа, отъ себя кольца, разрывавшіяся и отбрасываемыя въ видѣ огненныхъ клубовъ на далекое растояніе; можетъ быть, такой клубъ раздробился на сотни отдѣльныхъ по какой-либо причинѣ... Какъ бы тамъ ни было, вопросъ о происхожденіи ихъ считается теперь, строго говоря, открытымъ. Однимъ словомъ, они разбѣжались изъ своего родного гнѣзда.

Само ли это гнѣздо рушилось, или разбило его что-нибудь постороннее — неизвѣстно. Только фактъ на лицо: болѣе четырехсотъ родныхъ сестрицъ! Цѣлый институтъ или пансіонъ особъ прекраснаго пола (и, безъ сомнѣнія, весьма зрѣлаго возраста) въ рекреационныя часы! Последнее обстоятельство не помѣшало, однако, сосѣду ихъ Марсу завести любовную интрижку съ двумя сестрицами и сманить ихъ къ себѣ: въ самомъ дѣлѣ, недавно, въ восьмидесятыхъ годахъ, появилась гипотеза, по которой спутники Марса, Фобосъ и Деймосъ, не что иное, какъ бывшіе астероиды, вошедшіе въ сферу тяготѣнія этой планеты и превратившіеся такимъ образомъ изъ вассаловъ Солнца въ вассалы Марса. Все возможно, тѣмъ болѣе, что гипотеза подкрѣплена довольно убѣдительными примѣрами благопріятнаго для такого казуса въ планетномъ мірѣ положенія нѣкоторыхъ орбитъ планетойдовъ относительно орбиты Марса; но, съ другой стороны, «свѣжо преданіе, да вѣрится съ трудомъ». Впрочемъ, Фламмаріонъ допускаетъ возможность такого случая.

Присмотримся теперь поближе къ астероидамъ. Прежде всего, насъ поразитъ малая величина ихъ. Неворуженнымъ глазомъ ихъ нельзя видѣть на небѣ; только хорошее зрѣніе уловитъ иной разъ Весту или Цереру. Даже въ телескопы они за немногими исключеніями являются блестящими точками. Пытались съ помощью фотометрическаго измѣренія ихъ блеска опредѣлять ихъ діаметры. Такъ, нашли, что діаметръ Весты (самой большой изъ малыхъ планетъ) равенъ 375 в., Цереры — 330, Паллады — 250, Юноны — 190, а затѣмъ пойдетъ такая мелюзга, малъ мала меньше, что астрономіи, играющей сотнями тысячъ, миллионами и миллиардами верстъ и миль, какъ будто и не пристало

возиться съ подобнымъ арифметическимъ скряжничествомъ. Напримѣръ, Сафо, Мая, Эхо имѣютъ діаметры верстъ въ тридцать! Подобный астероидъ свободно улегся бы между Петербургомъ и Петергофомъ.

Больше мы собственно о планетоидахъ и не знаемъ. Они такъ малы, что вѣру только замѣтить ихъ существованіе, а ужъ о подробностяхъ и думать нечего. Планета—и больше ничего! Вращаются они обильнымъ роємъ вокругъ Солнца, въ громадномъ болшинствѣ по ясно выраженнымъ эллипсамъ, тогда какъ орбиты большихъ планетъ, кромѣ Меркурія,—почти круговыя, или, выражаясь языкомъ астрономовъ, имѣютъ малый эксцентриситетъ. Орбиты астероидовъ наклонены къ плоскости эклиптики (пути вращенія Земли вокругъ Солнца) подъ разными углами, часто весьма значительными. Наибольшее наклоненіе орбиты (34°) замѣчается у Паллады (изъ большихъ планетъ больше всѣхъ наклонена орбита Меркурія—именно 7°). Поясъ астероидовъ между Марсомъ и Юпитеромъ, ограничиваемый известными до сихъ поръ крайними планетами, въ среднемъ имѣетъ 255 милліоновъ верстъ ширины. Вообще, что касается орбитъ—то известны всѣ подробности, благодаря успѣхамъ математическаго анализа, но мы опасаемся утомить вниманіе читателя цифрами и потому не будемъ касаться этого вопроса.

Особенную славу въ открытіи астероидовъ стяжалъ себѣ директоръ Вѣнской обсерваторіи Пализа—знаменитый «ловецъ планетъ». Онъ открылъ ихъ 75. Петерсъ въ Клинтонѣ, въ Америкѣ, нашелъ 49. Въ послѣднее время успѣшно ловятъ планеты Вольфъ (въ Гейдельбергѣ) и Шарлуа (въ Ниццѣ); такъ, изъ 15 открытыхъ въ 1896 году астероидовъ на долю перваго приходится 8, а втораго—6. Любитель астрономіи, живописецъ Германъ Гольдшмидтъ (въ Парижѣ) въ теченіе десяти лѣтъ (1852—1861 гг.) открылъ 14 астероидовъ. Отличались на этомъ поприщѣ также Гиндъ, Лютеръ и другіе.

Изъ увѣковѣчившихъ свое имя открытіемъ астероидовъ, Генке и Гольдшмидтъ не были астрономами по профессіи и, горячо любя интересовавшую ихъ науку, производили свои наблюденія въ обстановкѣ, мало соотвѣтствовавшей такому трудному и благородному занятію. Роль обсерваторіи у Генке игралъ чердакъ, а у Гольдшмидта—комнат-

ка въ мансардѣ, служившая ему въ то же время и жильемъ. Генке открылъ Астрею черезъ отверстіе въ черепичной крышѣ на южной сторонѣ, а Гебу—въ слуховое окно на восточной; у него была, конечно, труба, но небольшая—съ объективомъ $32\frac{1}{2}$ парижскихъ линій въ діаметрѣ. Гольдшмидтъ тоже имѣлъ трубу, объективъ которой равнялся 23 линіямъ. И съ такими ничтожными средствами, при такихъ стѣснительныхъ условіяхъ достигнуты были такіе блестящіе результаты! Вотъ что значить любовь къ дѣлу! «Терпѣніе и трудъ все перетрутъ», и это какъ нельзя лучше доказывается успѣхами Генке и Гольдшмидта въ астрономіи. Кстати вспомнимъ по этому поводу, что и Коперникъ, и Галилей, и Кеплеръ, и Ньютонъ владѣли тоже самыми примитивными приборами и не могли и помышлять о хорошей трубѣ, какую теперь рублей за полтора можно приобрести въ любомъ крупномъ оптическомъ магазинѣ. Сравните «обсерваторіи» этихъ гениальныхъ корифеевъ астрономіи, заложившихъ прочный фундаментъ величественной науки о небѣ, съ современными. Теперь—громадные объективы гигантскихъ рефракторовъ, масса сложныхъ приспособленій, примѣненіе электричества; а прежде обходились раздѣленными на градусы кругами и дугами да палочками. И все-таки подобное несовершенство технической стороны дѣла не помѣшало гениямъ совершать великія открытія.

Всѣ малыя планеты носятъ женскія имена, болшинство—мифологическія и историческія. Въ 1850 году была открыта Гиндомъ 12-я планета, и такъ какъ открытіе произошло въ Англіи, то свѣтило назвали Викторією (въ честь англійской королевы). Имя французской императрицы Евгеніи дано 45-й планетѣ (Гольдшмидтъ, въ 1857 г.). Героиня научнаго романа К. Фламмаріона «Uranie»—поэтической Иклевѣ тоже посвящена планета (286-я, открыта Пализа въ 1889 г.).

Однажды вечеромъ въ 1888 году княгиня Полина Метернихъ прибыла со своею свитою въ обсерваторію къ знаменитому Пализа, который, улыбаясь, сказалъ: «Я увѣренъ, что ваше сіятельство принесете мнѣ счастье—и я въ эту же ночь открою планету.» Дѣйствительно, шутливое предсказаніе вполне оправдалось,—и Пализа назвалъ новый астероидъ (278-й) Полиною, о чемъ

обсерваторія официально уведомила свѣтлѣйшую княгиню.

Разсказываютъ, что старикъ Петерсъ, прославившійся тоже открытіемъ планетовъ, влюбился въ дочь извѣстнаго въ ученomъ мѣрѣ оптика Мерца; первую найденную имъ послѣ этого планету онъ назвалъ дорогомъ для него именемъ— Барбары (234-я, въ 1883 г.).

Нѣтъ сомнѣнія, что не мало другихъ именъ астероидовъ обязано своимъ появленіемъ въ строгихъ лѣтописяхъ величественной астрономіи подобнымъ же романическимъ причинамъ. Астрономы тоже вѣдь люди. «*Номо sum et nihil humani a me alienum puto.*» Устремляя свой умъ къ небу, они не забыли и сердца на землѣ...

Когда просматриваешь эту «дамскую» страничку, невольно напрашивается мысль видѣть въ длинномъ спискѣ названій малыхъ планетъ кое-гдѣ отголоски симпатій, волновавшихъ сердца тружениковъ науки. Любовь здѣсь увѣковѣчена самымъ достойнымъ образомъ. Пройдутъ вѣка, поколѣнія

смѣнятся поколѣніями, а въ небѣ попрежнему будутъ горѣть свѣточы, блескъ которыхъ нѣкогда посвященъ былъ сердцамъ, уже угасшимъ нынѣ, и на скрижаляхъ астрономіи попрежнему будутъ красоваться немеркнушія имена, начертанныя огненными литерами. Пусть поэзія увѣнчаетъ дорогой образъ возлюбленной розами и липлями, — цвѣты—увы!— въ концѣ концовъ увядають, теряють свой аромать... Памятникъ, воздвигнутый изъ несокрушимыхъ цифръ и математическихъ истинъ, — правда, не такъ красивъ, но зато болѣе проченъ: онъ исчезнетъ вмѣстѣ съ мыслящимъ человѣчествомъ, но съ этимъ человѣчествомъ вѣдь исчезнетъ все— и слава, и любовь, и побѣды ума. Останутся лишь голые камни, равнодушные къ теплящимся въ темно-лазурныхъ небесахъ золотымъ блескамъ отдаленныхъ міровъ, на которыхъ, быть можетъ, въ это время пышно цвѣсти будетъ иная жизнь, свидѣтельствуя о гармоніи труда и любви во вселенной...

В. Разиньковъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

На современные темы.
Изъ прошлаго.
Литературныя новости.
Художественныя новости.
Научная хроника.
Изъ артистическаго міра.
Изъ иностранной журналистики.
Мелочи.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАГРАНИЧНОЙ ХРОНИКИ.

НА СОВРЕМЕННЫЯ ТЕМЫ.

Милитаризмъ и отчаяніе.—О современной Франціи и французяхъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Шатобрианъ и его подруги.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Китайская литература и ея характеръ.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ.

Фелисьентъ Ропсъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Утилизациа движенія волнъ.—Колесные коньки.—Передача изображеній по телефону.—Паровой котель Серподлета.—Разбирающаяся пушка.—Колесо круговыхъ качелей.—Прогрессъ электрическаго освѣщенія.—Машинка для фабрикованія желѣзнодорожныхъ билетовъ въ моментъ ихъ выдачи.—Новый способъ окраски обоевъ.—Перевозка грузовъ по рѣкамъ и каналамъ.—Подводная лодка «Аргонавтъ».—Устройство самодвижущихся торпедъ.

ИЗЪ АРТИСТИЧЕСКАГО МІРА.

Клеронъ.

ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

Университетскія колоніи въ Англіи.

МЕЛОЧИ.

Умноженіе на пальцахъ.

НА СОВРЕМЕННЫЯ ТЕМЫ.

Милитаризмъ и отчаяніе.

Положительно правъ былъ Лейбницъ, когда утверждалъ, что вѣчный миръ возможенъ только на кладбищѣ. Въ справедливости этого заключенія приходится убѣждаться теперь, пробѣгая многочисленныя статьи, обсуждающія съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ гуманное предложеніе русскаго правительства прекратить, наконецъ, крайне тяжелыя для всѣхъ народовъ вооруженія. Особенно интересна въ этомъ отношеніи статья извѣстнаго ученаго г. Новикова, появившаяся въ «Revue des Revues». Авторъ обращаетъ въ ней вниманіе на одно изъ очень существенныхъ и едва ли не самыхъ тяжелыхъ послѣдствій милитаризма, — а именно — отчаяніе, угнетенное ссостояніе народовъ, имѣющее гораздо болѣе губительныя послѣдствія, нежели самыя большія матеріальныя траты. Иллюстрируетъ онъ свое положеніе главнымъ образомъ характеристикой современнаго настроенія французовъ, этой живой, повидимому очень бодрой, энергичной и самоувѣренной націи.

Г. Новиковъ наблюдалъ французовъ въ іюль 1897 года, т.-е. какъ разъ въ то время, когда происходили восторженные манифестаціи по поводу союза съ Россіей.

И, несмотря на эти бурные восторги, несмотря на кипучую жизнь, г. Новиковъ, однако, подмѣтилъ, что въ глубинѣ души все французское общество испытываетъ крайне угнетенное настроеніе, начало котораго лежитъ въ войнѣ 1870 г. Печальныя результаты этой войны нисколько не забыты до сихъ поръ и живо чувствуются каждымъ французомъ. «Мы были разбиты, наша пѣсенка спѣта», говорилъ Новикову одинъ французскій социологъ, далекій отъ всякаго подозрѣнія въ шовинизмъ. Французы не могутъ примириться съ потерей ими давнишняго первенства въ военномъ дѣлѣ, не могутъ равнодушно относиться къ тому, что они вышли изъ послѣдней войны побѣжденными. На каждомъ шагѣ вы встрѣчаете факты, свидѣтельствующіе о такомъ угнетенномъ настроеніи націи. На-дняхъ, на-примѣръ, появился популярный географическій атласъ и въ немъ встрѣчаемъ такого рода «жалкое слово»: «...Съ соборомъ Парижской Богоматери связаны нѣкоторые изъ наиболѣе славныхъ воспоминаній нашей исторіи. Послѣ битвы при Флери (Наполеонъ на голову разбилъ здѣсь Блюхера) онъ буквально утѣ-

паль въ знаменахъ... Пій VII здѣсь короновалъ Наполеона... Наконецъ, здѣсь, въ этомъ соборѣ, было пропѣто въ 1859 году послѣднее *Te Deum* французскимъ побѣдамъ.»

Правда, печальнымъ памятникомъ, постоянно напоминающимъ французамъ объ ихъ поражении, является насильно, вопреки желанію населенія, отторгнутая Эльзась-Лотарингія. Еще графъ Л. Н. Толстой обратилъ вниманіе на тѣ мѣста французскихъ учебниковъ исторіи, гдѣ французскому юношеству разсказывается о совершившейся въ свое время несправедливости, вопіющей о мщеніи. Г. Новиковъ, однако, предполагаетъ, что корень угнетеннаго настроенія французомъ лежитъ не столько въ потерѣ самой провинціи, сколько въ томъ, что она была у нихъ отнята. «Положимъ,—говоритъ онъ,—что на международномъ конгрессѣ предоставлено было бы право каждой народности самостоятельно располагать своей судьбой. Путемъ плебисцита выяснилось бы, что большинство населенія Эльзась-Лотарингіи желаетъ вернуться въ прежнее свое отечество. Германия, вѣрная постановленію конгресса, выводитъ изъ страны войска,—и Эльзась-Лотарингія присоединяется къ Франціи. Всѣ другіе спорные вопросы улаживаются такимъ же образомъ, избранный трибуналъ рѣшаетъ всякаго рода международные споры. Всѣ разоружаются.» Была ли бы, однако, довольна такимъ исходомъ Франція? Исчезло ли бы угнетенное состояніе духа французскаго народа? Г. Новиковъ думаетъ, что нѣтъ. Пораженія 1870 и 1871 годовъ остались бы въ полной своей силѣ. Они не были бы смѣты новыми побѣдами, и позоръ Седана навсегда остался бы неотомщеннымъ. Съ другой стороны, до 1871 г. Франція была первой въ мірѣ по своему военному значенію, націй. Затѣмъ она вынуждена была уступить это первенство Германіи. Возвращая мирнымъ путемъ Эльзась-Лотарингію, Франція восполнить свои матеріальныя утраты, но никогда уже не возвратитъ военного первенства, которое навсегда останется за Германіей и которымъ такъ дорожатъ французы.

Г. Новиковъ недоумѣваетъ, почему французы такъ сильно привязаны къ военной славѣ. Правда, военная слава является всегда однимъ изъ предметовъ гордости всѣхъ народовъ, но далеко не единственнымъ. Дикія времена, когда война, военные успѣхи составляли единственный предметъ гордости и зависти, къ счастью, давнымъ-давно миновали. Поэтому совершенно непонятно то отчаяніе, которое овладѣваетъ французами при мысли о томъ, что они побѣждены и не въ состояніи будутъ отмстить за свое поражение побѣдами; непонятно, почему французы считаютъ свою пѣсенку спѣтой.

Война, приготовленія къ войнѣ отнимали до сихъ поръ у нихъ всѣ лучшія нравственныя и экономическія силы. Уничтожена будетъ возможность войны, нечего будетъ опасаться всякаго рода несправедливостей, насилій,—и нація вздохнетъ свободнѣе. Съ момента, когда это свершится, французское юношество, вмѣсто военныхъ маршировокъ, займется какой-либо болѣе производительной работой, и 880 мил. франковъ, составляющихъ теперь военный бюджетъ Франціи, останутся въ казнѣ. Трудно допустить, чтобы такая мѣра повлекла за собой какіе-либо неблагоприятные результаты или способствовала вырожденію нации. «Прошу сторонниковъ войны,—говоритъ г. Новиковъ,—объяснить мнѣ ясно и точно, почему при общемъ спокойствіи, которое наступитъ послѣ разоруженія, во Франціи будутъ рождаться болѣзненные дѣти и рахитики, почему они должны рождаться идиотами и почему вообще французская нація должна будетъ утратить свои физическія и интеллектуальныя качества, которыми она обладаетъ въ настоящее время.» По мнѣнію г. Новикова, все это ни на чемъ рѣшительно не основанные страхи. Уничтоженіе войны если и внесетъ какія-либо перемѣны въ жизнь французской націи, то перемѣны во всякомъ случаѣ благоприятныя для ея дальнѣйшаго развитія, а не такія, которыя будутъ способствовать ея вырожденію. На свободѣ, уйдя изъ-подъ Дамоклова меча, Франція расширитъ свою торговлю; земледѣліе, науки, литература и искусства несомнѣнно получатъ гораздо большее и сильное развитіе. Война до сихъ поръ въ этомъ отношеніи сопровождалась только печальными послѣдствіями, отнимала у страны лучшія, наиболѣе жизненные силы.

Наконецъ, можно ли быть увѣреннымъ, что новая война принесетъ Франціи побѣды, а не новыя, быть можетъ, еще болѣе тяжелыя, поражения? Допустимъ даже, что Франція выйдетъ побѣдительницей изъ войны. Неужели же Германія не пожелаетъ съ своей стороны вернуть утраченное ею первенство и рано или поздно вновь начать войну съ Франціей? Благодаря такой политикѣ получится кровавый заколдованный кругъ, изъ котораго никогда нельзя будетъ выйти. Это своего рода родовая мѣсть, къ счастью, выходящая мало-по-малу изъ употребленія даже у дикихъ народовъ. Неужели же величіе націи зависитъ отъ того, кто убьетъ послѣднимъ? «Это,—говоритъ г. Новиковъ,—самое большое заблужденіе изъ всѣхъ заблужденій въ мірѣ. Нація велика, когда она производитъ возможно больше какъ въ сферѣ экономической, такъ и въ сферѣ интеллектуальной. Народъ начинаетъ умирать, когда онъ впадаетъ въ апатію, когда его производство во всѣхъ отрасляхъ становится слабымъ.

Какимъ образомъ военныя убійства могутъ вдохнуть жизнь въ дряхлѣющій организмъ, когда они сами вносятъ начало враждебное жизни, — смерть? Наполеоновскія гекатомбы нисколько не оживили Франціи, а, наоборотъ, сильно ее ослабили во многихъ отношеніяхъ.

Не менѣе тяжело, чѣмъ войны, отзывается на жизни народной также «вооруженный миръ». Печальныя послѣдствія его многочисленны. Они всѣмъ извѣстны, и потому говорить о нихъ подробно не стоитъ. Но изъ всѣхъ бѣдствій, являющихся результатомъ милитаризма, самое ужасное это — отмѣчаемое г. Новиковымъ, отчаяніе. Въ самомъ дѣлѣ, такой народъ, какъ Франція, которая владѣетъ одной изъ лучшихъ странъ въ мірѣ, нація, которая въ теченіе вотъ уже многихъ вѣковъ, подобно вѣчному вулкану, не перестаетъ производить чудеса во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, та нація впала въ уныніе, мрачно смотритъ на свое будущее, считаетъ свою пѣсенку спѣтой только потому, что остался неотомщеннымъ Седанъ. Дѣйствительно, изъ всѣхъ результатовъ милитаризма — это самый горькій и самый вредный. Народъ, который сомнѣвается въ самомъ себѣ, теряетъ способность совершить что-нибудь великое, и не потому, чтобы онъ дѣйствительно утратилъ творческую силу, но потому, что онъ утратилъ вѣру въ себя, вѣру въ собственныя силы. А безъ этой вѣры, силы, какъ бы онѣ велики ни были, теряются, атрофируются, замѣняются тяжелымъ и мрачнымъ отчаяніемъ.

О современной Франціи и французяхъ.

Прискорбная картина политической жизни Франціи невольно наводитъ на печальныя размышленія и подрываетъ вѣковую вѣру самихъ французамъ въ преимущества французской цивилизаціи. Разобравшись въ настоящей неурядицѣ довольно трудно, такъ какъ у насъ нѣтъ еще науки, которая подвергала бы безпристрастному изслѣдованію моральное сипленіе историческихъ событій, устанавливала бы связь между причиной и слѣдствіемъ и ставила бы грядущее развитіе народовъ подъ охрану разумнаго знанія, повѣреннаго вѣковымъ опытомъ. Съ этой точки зрѣнія весьма цѣннымъ и любопытнымъ трудомъ является недавно вышедшая книга англичанина Бодлея «О современной Франціи» («France», by I. M. Bodley).

Авторъ прожилъ семь лѣтъ во Франціи; онъ изучилъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ провинцію и Парижъ, народъ и его учрежденія и на основаніи своихъ наблюденій старается выяснитъ современное состояніе Франціи.

Что дала Франціи французская революція? Бодлей приходитъ къ прискорбному выводу, который тѣмъ любопытнѣе, что самъ онъ не реакціонеръ, а убѣжденный демократъ. *Liberté, Egalité, Fraternité* — по мнѣнію Бодлея — во Франціи, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, составляютъ достойныя бібліотекъ и школъ, а не дѣйствительной жизни. На всѣхъ публичныхъ монументахъ красуются эти три слова, но ненависть и злоба наполняютъ сердца гражданъ со времени кровавыхъ дней, вызывая недовѣріе, вражду и постоянныя преслѣдованія.

Существуетъ ли во Франціи свобода? Бодлей пораженъ упорнымъ заблужденіемъ, будто время Французской революціи было настоящей эрой свободы; по мнѣнію Бодлея, это было время самага необузданнаго деспотизма, и онъ убѣжденъ въ томъ, что Вольтеръ, Дидро и Руссо были бы, несомнѣнно, казнены, если бы дожили до кровавыхъ дней. Можетъ ли быть рѣчь о свободѣ тамъ, гдѣ каждый гражданинъ ежеминутно подвергается опасности быть задержаннымъ полицейскимъ агентомъ или же подвергнутымъ обыску по малѣйшему подозрѣнію, что онъ хранитъ у себя табакъ или спички? Народъ, который терпитъ нѣчто подобное, не знаетъ даже азбуки политической свободы. Общественное мнѣніе безмолвствуетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нарушается принципъ свободы личности. Впрочемъ, по мнѣнію Бодлея, общественное мнѣніе во Франціи — это бульварная пресса, тогда какъ въ Англіи все общество негодуетъ въ подобныхъ случаяхъ и спѣшитъ выразить свое негодованіе въ письмахъ, адресованныхъ въ редакціи разныхъ газетъ.

Если во Франціи не существуетъ неприкосновенности личной свободы, то еще болѣе чувствуется тамъ отсутствіе свободы совѣсти. Въ Англіи вѣковая вражда между сектами закончилась широкой терпимостью, тогда какъ во Франціи клерикализмъ и свободомысліе разбились на два враждебныхъ лагеря, которые съ ожесточеніемъ преслѣдуютъ другъ друга. Во имя свободы запрещены процессіи на улицахъ и крестъ изгнанъ изъ школъ. Кардиналъ Манингъ и Матью Арнольдъ въ Англіи были личными друзьями, а во Франціи, когда Литтрэ былъ избранъ въ Академію, епископъ Дюпанлу заявилъ, что онъ выходитъ изъ нея. Изъ страха передъ бульварной прессой президентъ не рѣшается присутствовать въ церкви при торжествѣ открытія памятника Жаннѣ Д'Аркъ въ Реймсѣ, а социалистъ Жоресъ подвергается жестокимъ нападкамъ за то, что, уступая желанію семьи, крестилъ своихъ дѣтей водой изъ Іордана.

Въ чемъ проявляется во Франціи *Fraternité*? Бодлей нигдѣ не находитъ и слѣдовъ ея. Онъ рисуетъ глубокую рознь,

существующую тамъ между разными партиями. Старыя раны еще не зажили, картины кровавыхъ дней живутъ еще въ душѣ народа и наполняютъ его безотчетнымъ страхомъ: каждый французъ боится самого себя и своихъ сосѣдей. Только тогда, когда уваженіе къ личности сдѣлается прочнымъ достояніемъ націи, души могутъ оттаять и проникнуться взаимнымъ довѣріемъ. Смерть Гладстона соединила въ Англіи всѣ партіи, и даже алѣйшіе враги его преклонились предъ великимъ образомъ усопшаго. Французъ относится съ дикой ненавистью, не знающей предѣловъ, къ своимъ противникамъ. Если мы будемъ просматривать газеты различныхъ направленій, то должны прійти къ заключенію, что всѣ извѣстные дѣятели во Франціи—воры, мошенники и предатели. «Французское слово «fraternité»—писалъ еще Меттернихъ—произвело на меня такое дѣйствіе, что если бы у меня былъ братъ, я предпочелъ бы называть его кузеномъ.»

Страхъ, взаимное недовѣріе и страстность въ борьбѣ заставляютъ народъ поддерживать централизцію и авторитетъ власти, чтобы защитить себя отъ анархизма.

По мнѣнію Бодлея, единственный прочный результатъ революціи—великое сооруженіе Наполеона, та всемогущественная централизція управленія, которая должна служить цѣлямъ абсолютнаго влстителя и желѣзными тисками сдерживать государство отъ распада. Послѣ него учреждались и падали династіи и республики, но основныя формы этого сооруженія остались неизмѣнными. Обширное войско чиновниковъ служить въ настоящее время министерской и бюрократической политикѣ и можетъ на первый взглядъ казаться гарантіей общественнаго спокойствія, между тѣмъ, какъ вся эта система возложенія власти и отвѣтственности на быстро смѣняющихся другъ друга политическихъ дѣятелей способствуетъ только нравственному разлаганію все большаго и большаго круга людей.

Бодлей относится крайне пессимистически къ политической будущности Франціи. По его мнѣнію, Франція не подготовлена къ демократическому образу правленія. Требуется полное моральное обновленіе, чтобы поборотъ дѣйствіе ужасныхъ революціонныхъ дней, вызвавшихъ очерствѣніе отношеній между людьми, недвѣріе и ослѣпленіе. Всѣ эти факторы бросаютъ народъ въ объятія абсолютизма и компрометируютъ демократію въ глазахъ общества. Въ теченіе одного столѣтія насиліе было санкціонировано во Франціи столько разъ и съ такихъ различныхъ точекъ зрѣнія—во имя государственныхъ или національныхъ выгодъ,—что мы не должны удивляться тому, если и теперь здѣсь ежедневно приносятся въ жертву

самыя элементарныя приобрѣтенія цивилизаціи, и народъ не протестуетъ. Только тогда, когда нація радикально отречется отъ іезуитизма революціонныхъ средствъ и проникнется почтеніемъ къ личности человѣка, хотя бы преступнаго или заблуждающагося,—только тогда она можетъ служить прочнымъ основаніемъ истинно-свободнаго государства.

Заслуга книги Бодлея состоитъ главнымъ образомъ въ изложеніи и обсужденіи затрудненій, вытекающихъ изъ соединенія автократической системы правленія и заимствованной у Англіи парламентской системы. Два диаметрально противоположныя, вызванныя различными общественными потребностями учрежденія осуждены на совмѣстное дѣйствіе! Эту двойственность необходимо принять во вниманіе при обсужденіи политическаго состоянія современной Франціи. Англичане отстаивали шагъ за шагомъ свои права, и исторія англійскаго парламента есть исторія естественнаго роста этого учрежденія при постоянно измѣняющихся требованіяхъ націи. Исторія французскихъ палатъ—не что иное, какъ исторія безплодныхъ экспериментовъ, исторія насильственнаго разрыва съ традиціей. Этотъ разрывъ съ традиціей кажется Бодлею основной ошибкой политическаго развитія Франціи, французскія учрежденія—*raguenus*, къ которымъ народъ не чувствуетъ уваженія и которыя не успѣли еще пустить корней въ народъ; политическіе выборы не вызываютъ въ странѣ замѣтнаго волненія, народъ не особенно интересуется ими. Прошлое, говоритъ Бодлей, нельзя стереть однимъ взмахомъ руки; печать Людовика XI, Генриха IV и Людовика XIV продолжатъ тяготѣть надъ всѣмъ складомъ жизни французскаго народа, несмотря на всѣ потоки крови, которыми хотѣли смыть ея слѣды...

Взглядъ Бодлея на политическую будущность Франціи довольно одностороненъ, но нельзя не согласиться съ тѣмъ, что современное положеніе Франціи внушаетъ серіозныя опасенія за ея будущее и тревожить лучшихъ людей Франціи. Передъ нами цѣлый рядъ книгъ и статей, обсуждающихъ съ различныхъ точекъ зрѣнія вопросъ о современномъ положеніи Франціи и о томъ, какія мѣры слѣдуетъ принять, чтобы предотвратить моральный кризисъ. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Гастонъ Рутъе, авторъ недавно вышедшей книги: «Величіе и паденіе французовъ» (*Grandeur et Décadence des Français*) признается, что негодованіе заставило его взять въ руки перо Ювенала. Онъ надѣется, что если современники откажутся отъ далеко не лестнаго изображенія, которое даетъ эта книга, то потомство несомнѣнно оцѣнитъ его. Съ глубокой скорбью останавливается онъ на есе бо-

лѣе и болѣе распространяющейся во Франціи склонности ограничить число дѣтей, на пристрастіи народа къ спиртнымъ напиткамъ, къ порнографіи, къ сенсационнымъ скандаламъ, къ низостямъ политическихъ интригъ. Онъ констатируетъ, точно врачъ, болѣзни, конвульсивныя движенія, застои и кризисы общественнаго организма. Паденіе брака, семьи, прессы, университета, арміи, парламента—всѣ эти явленія подробно изучаются въ его книгѣ, и необыкновенная точность діагноза и смѣлость выраженій автора увлекаетъ читателя: онъ оплакиваетъ вмѣстѣ съ авторомъ политическія разногласія, онъ стонетъ при видѣ умственнаго и физическаго вырожденія націи, онъ констатируетъ оскуднѣніе благородной крови, пролитой Франціей на поляхъ самыхъ славныхъ битвъ, и перечисляетъ банкротства, слѣдовавшія одно за другимъ послѣ Седанскаго пораженія. Но авторъ не предается отчаянію; онъ не можетъ и не хочетъ допустить, чтобы Франція, шедшая въ теченіе десяти вѣковъ впереди другихъ народовъ, могла сдѣлаться жертвой подобнаго разгрома. Слишкомъ много всемірныхъ интересовъ связано съ сохраненіемъ и процвѣтаніемъ нѣкогда великой страны, чтобы возможно было допустить ея паденіе. Она, несомнѣнно, поднимается отъ временнаго упадка, потому что это необходимо для прогрессивнаго движенія всего міра.

Рутъе, впрочемъ, ограничивается констатированіемъ болѣзни. Извѣстный французскій ученый А. Фулье, пользующійся большою популярностью среди французской молодежи, соглашаясь съ діагнозомъ Рутъе, предлагаетъ и способъ лѣченія болѣзни въ своемъ изслѣдованіи: «Psychologie des Français». Способъ этотъ основанъ на его извѣстной теоріи—*idéees-forces*.

Идеи, по теоріи Фулье, это принципы нашихъ дѣйствій. Отпечатокъ ихъ въ нашемъ мозгу управляетъ нашими поступками и даже словами. Есть идеи «подавляющія». Если мы, напримѣръ, станемъ увѣрять себя, что находимся въ періодѣ паденія, то въ концѣ концовъ мы безусловно должны пасть. Самовнушеніе можетъ довести человѣка до совершеннаго безсилія. Если мы съ машинальнымъ упорствомъ будемъ твердить безмысленныя слова въ родѣ «fin de race», fin de peuple», «fin de siècle», мы будемъ роковымъ образомъ увлечены въ бездну идеями, лежащими въ основаніи этихъ словъ. Наоборотъ, есть благотѣльные идеи, вызывающія въ насъ подъемъ духа и заставляющія насъ идти съ высоко поднятой головой, по самымъ тернистымъ путямъ—къ свѣту и свободѣ. Эти идеи освобождаютъ насъ отъ фатальностей, тяготящихъ надъ нашей расой, надъ нашей средой, надъ историческимъ моментомъ, въ который бросила насъ судьба.

Между этими идеями, которыя могутъ сдѣлаться для насъ источниками новыхъ энергій, есть въ особенности одна, которую мы должны всѣми силами охранять отъ забвенія.

Это—идея права, присущаго всѣмъ народамъ, права свободно распоряжаться собой. Это идея высшей справедливости, которая должна рано или поздно наказывать тѣхъ, кто прибѣгаетъ къ насилію и считаетъ возможнымъ овладѣть очагомъ и душой народа, какъ овладѣваютъ скотомъ, прикрѣпленнымъ къ землѣ. Эта идея, стоящая выше узкихъ государственныхъ интересовъ, несомнѣнно, подниметъ націю и укажетъ ей, какъ исполнить свой долгъ.

Фулье надѣется поднять французовъ своими *idéees-forces*. Другой французъ, Э. Демуленъ, задается еще болѣе широкой задачей въ своемъ послѣднемъ трудѣ: «Les Français d'aujourd'hui».

Авторъ этой книги не терпитъ тайны, онъ собирается сорвать всѣ покровы. Онъ подходит съ всѣми къ невѣсомому, съ математическими законами къ неизмѣримому; онъ твердо убѣжденъ въ томъ, что точный анализъ продукта дастъ возможность получать его синтетическимъ путемъ. «Мнѣ хотѣлось бы,—говоритъ Демуленъ въ своемъ предисловіи,—постигнуть, какъ фабрикуется овернецъ, севенецъ, провансалецъ или корсиканецъ.» Авторъ умышленно употребляетъ слово «фабрикуется». Каждый изъ этихъ типовъ кажется ему столь же осязаемымъ, какъ и любой продуктъ индустріи. Стоитъ только узнать его составныя части, и можно будетъ по заказу фабриковать его. Быть можетъ, недалеко уже время, когда французское правительство будетъ посылать въ провинцію заказы въ родѣ слѣдующаго: «Приготовить и выслать въ Парижъ лѣтъ черезъ двадцать партію веселыхъ, остроумныхъ гасконцевъ или сто тысячъ сильныхъ нормандцевъ!»

Перелистывая эту книгу, читатель въ первый моментъ склоненъ считать автора сумасшедшимъ. Но ближайшее ознакомленіе съ оригинальными выводами автора серіозно приковываетъ вниманіе.

Человѣкъ, по мнѣнію Демулена,—продуктъ многихъ тысячъ видимыхъ, осязаемыхъ предметовъ, непрерывно дѣйствующихъ на него, обтесывающихъ и полирующихъ его. Онъ творитъ предметы, а тѣ творятъ его самого. Онъ, напримѣръ, сажаетъ дерево и воспитываетъ его, но съ теченіемъ времени оказывается, что дерево воспитало человѣка. Наши настояще воспитатели—почва, климатъ и занятія. Вотъ именно съ точки зрѣнія дѣйствія этихъ агентовъ авторъ разбираетъ характерныя черты населенія разныхъ французскихъ провинцій.

Онъ начинается съ жителей горъ—пиренейцевъ и севенцевъ, которыхъ почти

не коснулась культура. Единственное занятие их—овцеводство—почти не требует затраты сил: трава, служащая кормом для овец, не требует ухода и принадлежить всем. Потребности их крайне ограничены, ибо только труд возбуждает желание вознаграждения в той или другой формѣ. Система общих пастбищ преобладает в горах; земля принадлежит цѣлой семьѣ, всѣ члены которой живутъ вмѣстѣ. Вѣ этихъ мѣстностяхъ и теперь еще встрѣчаются крестьянскіе маюраты, несмотря на дѣйствіе кодекса Наполеона: население находитъ средства обходить законы: младшіе сыновья добровольно отказываются отъ своей части, дочери—отъ замужества, чтобы вся земля оставалась въ рукахъ старшаго въ семьѣ, который обязанъ содержать младшихъ. «Всѣ для одного, и одинъ для всѣхъ»,—говорятъ горцы, но эта солидарность парализуетъ волю личности. Население неспособно на черную работу, на самостоятельное существованіе, въ немъ нѣтъ ни предприимчивости, ни склонности къ торговлѣ или какой-нибудь отрасли промышленности. Могущественныя горы производятъ умственно слабыхъ дѣтей, по крайней мѣрѣ, во Франціи.

Исключеніе составляютъ овернцы. Авторъ утверждаетъ, что мелкая торговля находится въ Парижѣ исключительно въ рукахъ овернцевъ. Гдѣ у дверей лавчонки вывѣшено старое платье для продажи, тамъ, за тусклымъ стекломъ, непременно увидите овернца, считающаго гроши. Но какимъ образомъ попадаетъ сюда овернскій крестьянинъ? По мнѣнію автора—благодаря торговлѣ рогатымъ скотомъ и лошадьми. Овернскіе вола и лошади славятся во всей Франціи и способствуютъ развитію въ народѣ коммерческихъ способностей. Правда, и тутъ сохранились крестьянскіе маюраты, и младшіе сыновья нерѣдко оказываются выброшенными на улицу, но въ то время, какъ въ Пиренеяхъ обездоленные члены семьи остаются нахлѣбниками въ родномъ домѣ, въ Оверни они уходятъ въ большіе города искать счастья; тамъ они торгуютъ старымъ платьемъ, кожей, костями, старымъ желѣзомъ и большею частью добиваются обезпеченнаго положенія. Во всякомъ случаѣ въ борьбѣ за существованіе овернецъ оказывается болѣе способнымъ, чѣмъ соседъ его, лимузинецъ.

Лимузинца, говоритъ авторъ, губитъ каштановое дерево. Но—спросить удивленный читатель, не разъ, можетъ быть, отдыхавшій подъ тѣнью этого благороднаго дерева,—что же можетъ быть общаго между деревомъ и характеромъ цѣлаго народа?

Каштановое дерево не требуетъ никакого ухода; оно щедро надѣляетъ пищей какъ человѣка, такъ и животныхъ. Почти

весь сборъ остается въ странѣ и потребляется на мѣстѣ. Во Франціи есть обширныя пространства, населеніе которыхъ живетъ исключительно каштанами. Но такое существованіе разслабляетъ населеніе, лишаетъ его мужественности, развиваетъ лѣнь. Въ Корсикѣ рѣшено было въ прошломъ столѣтіи уничтожить каштановое дерево, дабы заставить населеніе работать; при томъ же въ Корсикѣ народныя возмущенія особенно упорны благодаря тому, что инсургенты всегда находятъ готовую пищу въ плодахъ каштановаго дерева. Въ Лимузинѣ, утверждаетъ авторъ, каштановое дерево убило всякую энергію. И всюду, гдѣ природа работаетъ для человѣка, мы встрѣчаемъ дряблѣе, обезсиленное населеніе. Такъ и хочется пропѣть гимнъ безплоднымъ землямъ!

На самомъ югѣ Франціи мы видимъ нѣсколько иную картину, обусловленную необыкновеннымъ богатствомъ плодовъ. Одинъ департаментъ Вара выручаетъ ежегодно 10 милліоновъ франковъ продажей оливковаго масла; на Герскихъ островахъ есть фруктовые сады, ежегодно сбывающіе однихъ персиковъ на 25 тысячъ франковъ. Торговля сливами приноситъ ежегодно 15 милліоновъ. Говоря объ этой полосѣ, Вольтеръ сказалъ: «Почва Франціи покрываетъ всѣ глупости французовъ». Но энергія населенія не растетъ съ его благосостояніемъ. Оливковое дерево не нуждается въ особенномъ уходѣ, природа оберегаетъ силы своихъ дѣтей, работаетъ для нихъ. Южане пользуются широкой свободой и проводятъ, благодаря ровному, мягкому климату, почти весь день на воздухѣ; сосѣди встрѣчаются, собираются группами, болтаютъ и пьютъ вмѣстѣ вино. Въ силу этихъ условій южанинъ—французъ превратился въ теченіе вѣковъ въ самое болтливое существо на свѣтѣ; словоизверженіе такъ же необходимо ему, какъ воздухъ и свѣтъ. Слово у южанина предшествуетъ мысли; Нума Руместанъ сознается чистосердечно, что онъ не думаетъ, если не говорить. Эта болтливость ведетъ прямо къ политикѣ. О чемъ же говорить, какъ не объ общественныхъ дѣлахъ? Но и въ политикѣ южанинъ проявляетъ болѣе склонности къ «régime de la cueillette», чѣмъ къ упорному, серіозному труду. Онъ и тутъ хочетъ собирать плоды съ такой же легкостью, съ какой собираетъ плоды съ своихъ деревьевъ; государство для него дерево, съ котораго каждый по желанію можетъ срывать плоды. Если бы распредѣлили пресловутые списки панамскихъ дѣятелей по землячествамъ, то, безъ сомнѣнія, южане оказались бы преобладающимъ элементомъ въ этомъ спискѣ.

Но картина сразу мѣняется, какъ только мы попадаемъ въ чудесную страну виноградной лозы. Виноградная лоза—драгоценный продуктъ, и обработка ея га-

рантируетъ большой барышъ. Кто владеетъ хоть небольшимъ участкомъ земли, можетъ считать себя богачемъ. Но уходъ требуетъ самый тщательный, и потому рѣдко встрѣчается, чтобы обширныя пространства сосредоточивались въ однѣхъ рукахъ; машина не является въ этомъ дѣлѣ на помощь человѣку, требуется личный надзоръ. Такимъ образомъ, виноградная лоза дѣлаетъ человѣка трудолюбивымъ и ведетъ къ образованію мелкаго землевладѣнія; она не способствуетъ къ скрѣпленію семейныхъ узъ, какъ овцеводство и огородничество, а, наоборотъ, разрушаетъ семью, превращая землю въ шахматную доску съ безчисленнымъ множествомъ маленькихъ полей, каждое изъ

которыхъ вполне обезпечиваетъ самостоятельное существованіе владѣльца.

Въ книгѣ Демулена собрано много другихъ интересныхъ фактовъ, вызывающихъ на размышленіе и показывающихъ, какъ образуютъ человѣка предметы, которые онъ употребляетъ и вырабатываетъ, какъ вырабатывается его характеръ почвой и образомъ жизни. Авторъ не ограничивается діагнозомъ національных недуговъ, онъ указываетъ и на средства исцѣлить ихъ, возбуждая въ насъ надежду, что въ близкомъ будущемъ будутъ систематически лѣчить и излѣчивать цѣлые народы отъ ихъ наслѣдственныхъ или приобретенныхъ недуговъ. Конечно, потребуются хорошіе врачи...

Купидонъ и его стрѣла.

(Съ картины Уэстона).

Шатобрианъ и его подруги.

Въ августовской книгѣ «Нов. Жур. Ин. Лит.» вспоминалась грустная исторія любви итальянскаго поэта Леопарди, всю жизнь страдавшаго отъ ядовитыхъ стрѣлъ Амура. Шаловливый божокъ любви безжалостно издѣвался надъ бѣднымъ поэтомъ и постоянно дразнилъ его призракомъ счастливой, раздѣленной любви. Чувствительное сердце поэта во всѣ годы пылало отъ нѣжной страсти то къ одной, то къ другой женщинѣ. Но—увы!—всегда это были только одинъ призракъ любви, и бѣдный Леопарди терпѣлъ одно любовное фиаско за другимъ, тщетно стараясь найти доступъ въ женское сердце. Полную противоположность представляетъ собою жизнь Шатобриана. Въ отношеніи женщинъ онъ всегда былъ счастливымъ баловнемъ судьбы. Тотъ же Амуръ, постоянно подшучивавшій надъ Леопарди, былъ на его сторонѣ и приносилъ своему любимцу, одно за другимъ, женскія сердца. Объ этомъ въ парижской печати разсказывается цѣлый рядъ эпизодовъ по поводу 50-лѣтня кончины знаменитаго писателя. Самъ Шатобрианъ шутливо замѣчалъ, что ему вѣчно грозила опасность быть заживо погребеннымъ подъ ворохомъ раздушенныхъ женскихъ писемъ. «Если бы всѣ эти письма не были бы теперь письмами бабушекъ,—говорилъ онъ въ старости,—то мнѣ было

бы неловко разсказывать, не нарушая скромности, какъ женщины спорили изъ-за одного слова, написаннаго моею рукою, какъ подбирали конверты съ моею надписью и прятали ихъ съ краской стыда на лицѣ...»

Со своей обычной легкомысленностью Шатобрианъ пользовался своимъ вліяніемъ на женщинъ и нерѣдко въ отвѣтъ на пылкія посланія своихъ прекрасныхъ корреспондентокъ онъ являлся къ нимъ самъ; а М-ше де-Шатобрианъ, «моя вдова», какъ называлъ онъ въ шутку свою жену, сидѣла въ то время одна, покинутая своимъ мужемъ, и горько оплакивала тѣ немногіе дни счастія, которые дала ей бракъ съ Рене.

Между тѣмъ этотъ бракъ былъ заключенъ вполнѣ романически. Въ 1792 г. 24-лѣтній Рене по возвращеніи своемъ изъ Америки былъ представленъ М-ше Ларигъ. Это была бѣленькая, худенькая, но очень хорошенькая блондиночка. Рене вскорѣ же влюбился въ нее и рѣшилъ жениться. М-ше Ларигъ происходила изъ хорошей фамиліи и обладала состояніемъ до 500 тысячъ франковъ; ей уже шелъ семнадцатый годъ. Шатобрианъ сдѣлалъ формальное предложеніе ея дѣду,—она была сиротой,—и получилъ рѣшительный отказъ. Тогда онъ похитилъ ее и обвѣнчался съ ней въ С.-Мало.

По настоянію родственниковъ М-ле Ларигъ бракъ былъ признанъ недействительнымъ; но вслѣдъ за расторгненіемъ брака состоялось примиреніе съ обѣихъ сторонъ, и надъ Рене Шатобрианомъ и М-ле Ларигъ былъ снова совершенъ обрядъ вѣнчанія. Шатобриану вскорѣ же пришлось раскаться въ своей поспѣшности. М-ле Ларигъ ни по своему характеру, ни по развитію не могла стать подругой жизни талантливаго писателя. Въ первые же мѣсяцы совместной жизни Шатобрианъ понялъ, что легкомысленно связалъ себя на всю жизнь, принявъ простую влюбленность за серьезную, глубокую любовь.

Позднѣе, окончательно охладѣвъ къ своей женѣ, онъ началъ считать себя вполне свободнымъ отъ всякихъ супружескихъ обязанностей и открыто сходилъ то съ одной, то съ другой женщиной, совершенно игнорируя свою жену.

Еще въ 1793 г., черезъ годъ послѣ женитьбы, Шатобрианъ увлекся Шарлоттой Ивесь. Послѣ осады Тювилля онъ принужденъ былъ бѣжать въ Англію и тамъ познакомился съ семействомъ мистера Ивеса, выдающагося эллиниста. Шарлотта была еще почти ребенкомъ, и долгія прогулки съ молодымъ человѣкомъ, веселымъ и красивымъ, легко возродили въ ея сердцѣ нѣжную привязанность къ Рене. Ея мать, простая и добрая м-съ Ивесь, покровительствовала сближенію молодыхъ людей и давала понять Рене, что она съ радостью согласится на ихъ бракъ. Тогда Шатобрианъ вынужденъ былъ открыть семейству Ивесь свое семейное положеніе и растаться съ Шарлоттой.

«Вернувшись въ Лондонъ,—писалъ онъ послѣ разлуки съ Шарлоттой,—я не находилъ себѣ успокоенія. Я бѣжалъ отъ своей собственной судьбы, какъ злоумышленникъ отъ своего преступленія.» Онъ проклиналъ свой бракъ, мѣшавшій его счастью

Образъ Шарлотты преслѣдовалъ его; онъ порывался писать ей, но тотчасъ же разрывалъ свои письма. Всѣ мысли Рене были поглощены ею. «Въ Лондонѣ,—писалъ онъ,—всѣ были удивлены моимъ поведеніемъ. Я не смотрѣлъ ни на кого, я не отвѣчалъ на вопросы, я не слышалъ, о чемъ мнѣ говорили; мои прежніе друзья заподозрѣли во мнѣ приступъ помѣшательства.»

Образъ Шарлотты постоянно носился передъ его глазами, граціозный образъ темноволосой дѣвушки съ ясными доверчивыми глазами; и Рене почти терялъ свою волю и не разъ собирался вернуть

свою обратную въ семью любимой женщины.

Но Шатобриану суждено было встрѣтиться съ Шарлоттой лишь черезъ 29 лѣтъ, въ 1822 г. Онъ былъ тогда посланникомъ французскаго короля въ Лондонѣ. Вмѣсто прежней Шарлотты онъ встрѣтилъ леди Султонтъ, жену адмирала. Она еще помнила своего Рене, и прежняя любовь начинала пробуждаться въ ней. Шатобрианъ обошелся съ ней по дружески, но тише искала она въ его сердцѣ отвѣта на свое чувство. Въ слѣдующемъ году она видѣлась съ нимъ въ Парижѣ, гдѣ Шатобрианъ былъ

Шатобрианъ.

уже министромъ иностранныхъ дѣлъ. Здѣсь ее ждало грустное разочарованіе. Рене былъ весь поглощенъ своей любовью къ М-ше Рекамье и встрѣтилъ свою прежнюю подругу крайне холодно.

Въ 1800 году, получивъ, наконецъ, возможность вернуться во Францію, Шатобрианъ съ первыхъ же дней по своему возвращеніи сталъ наиболѣе желаннымъ гостемъ въ салонѣ графини Полины де-Бомонъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ салоновъ начала XIX вѣка. Фонтанъ и Жуберъ, завсегдатаи салона де-Бомонъ, представили Шатобриана графинѣ. Полинѣ де-Бомонъ было уже за тридцать лѣтъ. Здоровье ея было сильно расшата-

но; съ каждымъ днемъ она все болѣе и болѣе увядала. «Я аналъ эту женщину только въ дни ея угасанія,—писалъ позднѣе Шатобрианъ,—смерть уже подкрадывалась къ ней, и я посвятилъ себя ея страданіямъ.»

Шатобрианъ производилъ неотразимое впечатлѣніе на Полину. Одинъ стиль ея заставлялъ, по ея словамъ, испытывать «непонятное волненіе любви; точно онъ игралъ на всѣхъ фибрахъ ея души, какъ на клавишинѣ». Присутствіе Шатобриана сдѣлалось для нея потребностью. Онъ приходилъ къ ней раза два въ день и читалъ ей отрывки будущего своего «*Génie du Christianisme*». Чтобы окончить этотъ трудъ, Шатобрианъ рѣшилъ уединиться, уйти отъ всего общества. Полина де-Бомонъ наняла для него домъ въ тихомъ Савиньи; и тамъ Рене провелъ нѣсколько мѣсяцевъ наединѣ со своей подругой, усердно работая надъ своимъ капитальнымъ трудомъ.

«Я никогда не видѣла его болѣе спокойнымъ, болѣе веселымъ, болѣе разсудительнымъ»,—писала Полина де-Бомонъ про эти дни. «Все, не исключая самого Пижо (хозяинъ дома), служить для насъ предложеномъ веселья... Сегодня утромъ «*le Sauvage*» (т. е. Рене) читалъ мнѣ первую часть своего труда, указывая при этомъ тѣ измѣненія, которыя нужно будетъ сдѣлать. Я могу только желать ему болѣе безпристрастныхъ и свѣдущихъ критиковъ, нежели я, потому что я все еще не пришла въ себя отъ восхищенія и гораздо менѣе строга, нежели онъ самъ...»

Для самого Шатобриана это были дни лихорадочной продуктивной работы. Полина де-Бомонъ являлась для него добрымъ геніемъ, возбуждавшимъ въ немъ усиленную творческую дѣятельность ума. Въ минуты отдыха въ бесѣдахъ съ нею онъ находилъ вдохновеніе для дальнѣйшей своей работы. Съ какимъ хорошимъ чувствомъ вспоминалъ онъ впоследствии свои тихія вечернія прогулки съ Полиной: «Ночью, когда окна нашей дачи были раскрыты, де-Бомонъ находила на небѣ различныя созвѣздія и говорила, что я вспомню когда-нибудь, какъ она меня научила распознавать ихъ; и съ тѣхъ поръ, какъ я ее потерялъ, много разъ, недалеко отъ ея могилы, въ Римѣ я искалъ на небесномъ сводѣ тѣ звѣзды, которыя она мнѣ называла... мѣсто, гдѣ я видѣлъ ихъ, эти звѣзды, и тѣ мѣста, гдѣ мнѣ суждено было снова увидѣть ихъ; измѣнчивость нашей судьбы; это воспоминаніе, которое оставила для меня на небѣ женщина,—все это заставляло разрываться мое сердце.»

Написавъ свой «*Génie du Christianisme*», Шатобрианъ снова вернулся въ общество. Онъ началъ серьезно думать о дипломатической карьерѣ. Свои замыслы онъ скрывалъ отъ графини Бомонъ, и назначеніе его секретаремъ французскаго посольства въ Римѣ было для нея неожиданностью.

Напрасно старалась она стойчески перенести разлуку съ Рене. Здоровье ея окончательно разстроилось, и она рѣшилась ѣхать вслѣдъ за своимъ другомъ, въ благодатный климатъ Италіи. Печальныя вѣсти о состояніи здоровья и грустномъ настроеніи Полины встревожили Шатобриана. «Наша общая подруга,—писалъ онъ Жуберу,—пишетъ мнѣ письма, которыя разбиваютъ мое сердце: она чувствуетъ, что уже нѣтъ болѣе масла въ лампѣ, она говоритъ о послѣднихъ ударахъ своего сердца... Мы чувствуемъ цѣну нашимъ друзьямъ лишь въ моментъ, когда намъ грозитъ ихъ гибель.»

Шатобрианъ встрѣтилъ графиню Бомонъ во Флоренціи. Онъ былъ пораженъ ея печальнымъ видомъ; она была такъ слаба, что едва нашла въ себѣ силы улыбнуться своему Рене милой доброй улыбкой. Только послѣ недѣльнаго отдыха она смогла отправиться дальше вмѣстѣ со своимъ другомъ, въ Римъ.

Тамъ Шатобрианъ нанялъ для нея домъ у «площади Испаніи». Римскіе знакомые молодого дипломата съ участіемъ отнеслись къ печальной судьбѣ графини де-Бомонъ. Состояніе ея здоровья все ухудшалось. Надежды на выздоровленіе уже не было. Всего нѣсколько разъ она каталась въ каретѣ вмѣстѣ съ Рене. Въ одинъ изъ октябрьскихъ дней они сдѣлали прогулку въ Колизей. У самыхъ развалинъ древняго аданія она почувствовала себя нехорошо. По возвращеніи домой она слегла и больше уже не вставала. Рене проводилъ дни около ея постели и едва могъ сдерживать свои рыданія. «Вы совсѣмъ дитя,—говорила она ему съ улыбкой, протягивая ему свои маленькія блѣдныя руки,—развѣ вы не должны были ожидать этого?»

Вскорѣ наступила печальная развязка. Шатобрианъ былъ возлѣ Полины де-Бомонъ въ послѣднія ея минуты... «Она чувствовала приближеніе припадка»,—рассказывалъ онъ. «Она вдругъ откинула одѣяло, протянула мнѣ руку и сильно пожала мою; ея глаза помутнились, голова безсильно откинулась. Другой рукой она держалась за грудь; «это тамъ!»—говорила она... потомъ она закрыла глаза и слабо опустилась на подушки; я приложилъ свою руку къ ея сердцу; оно уже не билось болѣе. Все было кончено!»

Шатобрианъ самъ заботился о похоронахъ своей погибшей подруги. Надъ ея могилой онъ поставилъ памятникъ. Мраморный барельефъ изображаетъ лежащую и мертвую женщину. Внизу надпись, указывающая, что онъ поставленъ другомъ умершей, де-Шатобрианомъ.

Еще до смерти графини Бомонъ, передъ своимъ отъѣздомъ въ Римъ Шатобрианъ познакомился съ маркизой Дельфиной де-Кюстинъ. Она была дочерью графини де-Сюбранъ, извѣстной по своей перепискѣ, представляющей собою чрезвычайно

цѣнные матеріалы для характеристики XVIII-столѣтія. Рано вышла она замужъ за маркиза де-Кюстинъ, который погибъ на эшафотѣ во времена террора. Шатобрианъ засталъ ее въ полномъ расцвѣтѣ ея красоты; это была женщина съ тонкими красивыми чертами, то съ страстнымъ, то съ меланхоличнымъ выраженіемъ лица, съ граціозными манерами, то капризная, то покорная, съ особенной нѣжностью и искренностью въ голосѣ. Несмотря на 33 года, она сохраняла еще свѣжій, нѣжный цвѣтъ лица. Шатобрианъ быстро увлекся и, забывая своего друга, графиню де-Бомонъ, еще до отъѣзда въ Римъ писалъ ей письма, въ которыхъ сказывалась влюбленность писателя.

За нѣсколько дней до отъѣзда въ Римъ онъ писалъ ей: «Я живу одной только надеждой увидѣть васъ снова. Сжалтесь и пришлите одно слово, одно только слово, чтобы я могъ спокойно провести день. Вчера, послѣ полудня, я блуждалъ по улицамъ Парижа, самъ не зная того, куда я шель. Ахъ, общайте мнѣ прѣхать въ Римъ!.. Вотъ еще одинъ день безъ васъ. Вы станете рисовать и забудете, что есть люди, которые васъ любятъ!» Въ другихъ письмахъ, все еще до отъѣзда въ Римъ, видно было все это же увлеченіе его маркизой де-Кюстинъ и ревность, которую вызывалъ въ немъ нѣкій г-нъ Б. Этотъ Б. былъ не кто иной, какъ Берштекеръ, учитель сына маркизы... Шатобрианъ не разъ слышалъ намеки на существующую связь между маркизой и Берштекеромъ, и это начинало вызывать въ немъ мучительную ревность.

Уѣхавъ въ Римъ, Шатобрианъ прервалъ на нѣкоторое время всякія сношенія съ маркизой. Онъ былъ весь поглощенъ заботами о своемъ другѣ, Полини де-Бомонъ. Послѣ ея смерти онъ поспѣшилъ вернуться въ Парижъ. Прежняго влеченія къ Дельфинѣ де-Кюстинъ въ немъ уже не было; онъ не добивался болѣе ея любви, какъ это было до отъѣзда въ Римъ. Его письма къ ней иногда были холодны и сдержанны. Случились размолвки, и онъ мучилъ Дельфину. Она уже искала примиренія и звала къ себѣ Рене.

Въ ноябрѣ 1804 г. умерла одна изъ сестеръ Шатобриана, Люсиль. Рене былъ глубоко опечаленъ ея преждевременной

смертью, и настроеніе его сдѣлалось мрачнымъ. Маркиза де-Кюстинъ отъ этого еще болѣе страдала. «Я безумствую болѣе, чѣмъ когда-либо,—писала она Шенедолле, общему другу ея и Шатобриана,—я люблю его, какъ никогда не любила, и я такъ несчастна, что не могу этого передать словами... «Геній» (т. е. Рене) радъ васъ видѣть. Онъ сочувствуетъ вашимъ страданіямъ (Шенедолле любилъ сестру Рене, Люсиль), и когда онъ говоритъ о васъ, то можно повѣрить, что у него доброе сердце.»

Между тѣмъ Шатобриана тянуло покинуть Францію. Онъ мечталъ о Греціи и Испаніи. Дельфина де-Кюстинъ предчувствовала, что отъѣздъ Рене будетъ роковымъ для ея любви. Въ письмѣ къ Шенедолле она искренно выражала эти свои опасенія: «...черезъ два дня «Геній» уѣзжаетъ, и это не обычный его отъѣздъ. Мечта о Греціи, наконецъ, осуществилась. Онъ уѣзжаетъ, чтобы удовлетворить свои желанія и чтобы разбить мои. Онъ увѣряетъ, что вернется въ ноябрѣ. Но я не могу этому вѣрить. Вы знаете, какъ я была печальна прошлый годъ, подумайте только, что будетъ со мною теперь...»

Предчувствія Дельфины оправдались. За все время своего долгаго путешествія Шатобрианъ упорно молчалъ и не написалъ ни одной строчки маркизѣ Кюстинъ. Вернувшись, наконецъ, въ 1807 году, онъ

Г-жа де-Бомонъ.

(Съ картины де-Ла-Туръ).

встрѣтилъ въ ней ту желющую и преданную женщину, какъ и раньше. Но самъ онъ былъ равнодушенъ и холоденъ. Онъ только-что провелъ три мѣсяца среди красотъ Испаніи въ обществѣ увлекательной г-жи М., и его сердце и его мысли всецѣло были заняты этимъ новымъ увлеченіемъ. Онъ называлъ ее очаровательницей, которая сразу увлекла его и не скоро сдалась сама; только ее любилъ онъ настоящею любовью.

Объ этой таинственной г-жѣ М. интересныя подробности писала герцогиня де-Диора одной изъ своихъ подругъ: «...вмѣстѣ со мной вы удивлялись превосходству ея ума, возвышенности ея чувствъ, ея гордости и особой чуткости, которыя уже давно отравляли ея существованіе, потому что нѣтъ болѣе тяжелаго положенія, по-моему, какъ сознать, что стоишь

большаго, нежели о томъ говорить свое же собственное поведение; въ этихъ условіяхъ паденіе невыносимо тяжело... Все это вмѣстѣ произвело то, что и должно было произойти: ея разсудокъ помутился. Съ ней случились приступы внезапнаго страха, и тогда ей всюду чудились враги... Она поручила мнѣ оправдать ее послѣ смерти и сказать всѣмъ, что она не заслуживала того, чтобы ее всѣ покинули... Я знаю, что только вы и Шатобрианъ можете съ участіемъ прочесть эти мои слова. Онъ (т. е. Шатобрианъ) будетъ сильно огорченъ.»

Печальная судьба М-ме М. заставила Шатобриана забыть маркизу де-Кюстинъ. Цѣлыми мѣсяцами онъ не появлялся у нея. Напрасно она звала его къ себѣ; нерѣдко онъ обѣщалъ навѣстить ее, но не всегда, и съ видимой неохотой, сдерживалъ свои обѣщанія.

Въ то же время онъ сталъ все чаще и чаще появляться въ салонѣ герцогини Дюра и сдѣлался тамъ скорѣе своимъ человѣкомъ. Среди своихъ друзей герцогиня считала тогда Кювье, Гумбольдта, Ремюза; нерѣдко бывалъ въ ея салонѣ и Талейранъ. Дружба Шатобриана и герцогини Дюра росла съ каждымъ днемъ. Шатобрианъ искренно сожалѣлъ, что судьба не свела его раньше съ М-ме Дюра, тѣмъ болѣе что во время его пребыванія въ Лондонѣ она жила тамъ со своимъ мужемъ. «Сколько разъ въ жизни, ничего не подозревая, проходишь мимо того, что могло бы усладить, скрасить эту жизнь,—замѣчалъ онъ по этому поводу,—это все равно, что мореплаватель, который проходить черезъ воды обѣтованной земли, не замѣчая ея, всего на разстояніи одного дня пути.»

Герцогиня Дюра видѣла въ Шатобрианѣ не только талантливаго писателя, но и способнаго дипломата. Ей онъ обязанъ многими своими успѣхами въ началѣ дипломатической карьеры. Какъ и Полина Бомонъ въ былые годы, она была первой читательницей и первымъ критикомъ его новыхъ произведеній. «Я нашла его въ лучшемъ настроеніи, болѣе спокойнымъ», — писала она своей подругѣ, г-жѣ Свѣчиной. «Все

это улучшеніе произвела въ немъ вновь предпринятая имъ работа, «Мемуары» его жизни... Читать ихъ крайне интересно, но я надѣюсь, что онъ никому не дастъ читать ихъ, кромѣ меня; я была бы недовольна по многимъ причинамъ.»

Дружба Шатобриана и г-жи Дюра прервалась съ назначеніемъ его посланникомъ въ Берлинъ. Тамъ Шатобрианъ имѣлъ большой успѣхъ среди молодыхъ принцессъ. Особая симпатія онъ сумѣлъ заронить въ сердце принцессы Вильгельмы. На самого же Шатобриана сильное впечатлѣніе произвела герцогиня Кумберландская, которая въ послѣдствіи стала королевой Ганновера. Каждое утро онъ совершалъ съ ней прогулки по Шарлоттенбургскому парку; она всегда ждала его тамъ и съ милой наивностью сознавалась, что она приходила только для него. Когда Шатобрианъ долженъ былъ покинуть Берлинъ по случаю новаго назначенія, между ними завязалась переписка, которая указываетъ, если не на любовь, то на взаимныя горячія симпатіи.

По возвращеніи въ Парижъ Шатобрианъ сблизился скорѣе съ знаменитой М-ме де-Рекамье, и съ ней онъ быстро забылъ всѣхъ нѣмецкихъ принцессъ.

М-ме Рекамье окончательно овладѣла его сердцемъ и мыслью. Это была его послѣдняя и, можетъ быть, наиболѣе сильная страсть. Самъ же онъ искренно вѣрилъ въ то, что онъ раньше никого такъ не любилъ, какъ эту женщину, которая покоряла всѣхъ и не сдавалась ни передъ кѣмъ. Эта недоступность и дразнила Шатобриана, который былъ избалованъ легкими побѣдами надъ женщинами. Видя, что его любовь не въ силахъ свести ее съ того пьедестала, на которомъ она держалась долгіе годы, игнорируя страстные мольбы своихъ поклонниковъ, — Шатобрианъ долженъ былъ заглушить въ себѣ страсть къ этой женщинѣ и продолжать любить ее платонически. Однако, овдовѣвъ въ 1847 г., онъ нашелъ въ себѣ достаточно смѣлости, чтобы просить ея руки, но его предложеніе встрѣтило рѣшительный отказъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Китайская литература и ея характеръ.

Отличительной чертой характера почти всѣхъ восточныхъ народовъ является презрѣніе, подчасъ даже ненависть ко всѣмъ другимъ европейскимъ и вообще иноземнымъ народамъ. Этимъ объясняется и современное враждебное отношеніе восточныхъ народовъ, какъ, напр., китайцевъ къ европейцамъ, выражающееся подчасъ въ избиеніяхъ миссіонеровъ и другихъ насильяхъ, и это чувство не уступаетъ не времени, ни культурѣ. Европейскіе народы, по мѣрѣ своего развитія, приходятъ къ сознанію необходимости международнаго общенія. Оно возникаетъ вслѣдствіе сознанія государствами необходимости взаимной помощи и содѣйствія для достиженія общими силами полнаго развитія своихъ силъ и удовлетворенія разумныхъ потребностей. Напрасно мы будемъ искать того же у народовъ Востока: идея солидарности интересовъ, сознаніе необходимости взаимныхъ сношеній у нихъ совершенно отсутствуетъ, и если фактически народы Востока (въ особенности за послѣднее время) и входятъ въ сношенія съ европейцами, такъ отнюдь не по добромъ желанію, а подчиняясь только силѣ принужденія. Это сознаніе превосходства сохранилось и до самаго послѣдняго времени; въ особенности оно сильно развито у китайцевъ, и потому сильно вліяетъ на характеръ ихъ литературы. Все, что выходитъ за предѣлы ихъ непосредственнаго міросозерцанія, не находитъ отголоска въ произведеніяхъ ихъ литературы; никакія социальныя, духовныя, политическія идеи, — продуктъ ума европейскаго гения, — не проникаютъ въ ихъ сознаніе. Единственная страна, да и то азіатская, которая имѣла еще вліяніе на развитіе сознанія китайскаго народа, — это Индія; и всѣмъ тѣмъ, что поставило на извѣстную высоту ихъ философскія воззрѣнія, китайцы обязаны этой странѣ.

Наиболѣе мудрыми, необходимыми для изученія китайцы считаютъ именито всѣ произведенія съ философскимъ содержа-

ніемъ: изученіе этихъ книгъ составляетъ главную цѣль ихъ развитія; все остальное — забава, матеріальная выгода; мірскія страсти не должны касаться парящей въ этихъ философскихъ идеяхъ души. Въ сочиненіяхъ этого рода высказывается совокупность высшихъ силъ разума; въ нихъ замѣтно то же общее всѣмъ народамъ стремленіе разрѣшить такъ называемые «вѣчные вопросы». И эти сочиненія въ Китаѣ, какъ ни въ какомъ другомъ государствѣ, служатъ основой религіи — имѣютъ громадное вліяніе на государственный строй. Наиболѣе извѣстными философами являются Конфуцій и Лао-цзы. Повсюду въ Китаѣ изучаютъ Конфуція. Творенія Конфуція являются главными темами на конкурсныхъ испытаніяхъ, и только выказавшіе основательное знакомство съ твореніями Конфуція могутъ быть допущены къ занятію государственныхъ должностей. Весь Китай и теперь смотритъ на Конфуція, какъ на главнаго оракула во всемъ, касающемся нравственности, управленія и нравовъ: онъ представляется лучшимъ идеаломъ, олицетворяетъ собою все лучшее, благороднѣйшее, съ китайской точки зрѣнія. Изъ такого рода философско-нравственно-религіозныхъ произведеній Конфуція извѣстны: «Чунь-цю», «Ши-цзинъ», «Шу-цзинъ» — такъ называемыя афоризмы Конфуція «Лунь-юй». Послѣднее произведеніе особенно популярно въ Китаѣ; оно извѣстно и доступно каждому. Кратцѣ, какъ «Лунь-юй», такъ и другія произведенія Конфуція учатъ: обуздывать себя, украшать себя честностью, знаніями, благополучіемъ, — таковы обязанности человѣка въ отношеніи себя; отъ семейныхъ отношеній, выраженныхъ въ сердечной любви, почтительности къ младшимъ и старшимъ, оно ведетъ къ той же почтительности въ обществѣ, предписываетъ честность, справедливость и человеколюбіе. Хотя Западъ и претендуетъ, что ему первому принадлежитъ наставленіе: «не дѣлай другимъ

того, чего себѣ не желаешь», но эти же слова повторяются во многих произведеніяхъ Конфуція. Еще болѣе распросграняется «Лунь-юй»: объ отношеніяхъ гражданина къ государству, о самопожертвованіи служащихъ царю, требованіи, чтобы они стоили его долѣрія; «правительство должно заботиться о народѣ»; «за что его наказывать, если его не учили?», «какъ можно облагать податями, если не дадутъ средствъ къ существованію?» и т. п. Конфуціанство—религія, нисколько не похожая на всѣ прочія. Всѣ религіи привязываютъ человѣческую нравственность къ своимъ теологическимъ принципамъ; всѣ онѣ говорятъ о будущей жизни и о воздаяніи за настоящую, но конфуціанство особенно рельефно признаетъ ихъ обязательную потребность не для будущей, а для настоящей жизни, для жизни государства. Въ его глазахъ принципы нравственности космополитичны, только потому что оно признаетъ Китай за вселенную. Разрабатывая эти принципы во имя всемірной истины, оно руководилось только потребностями государства и народа.

Не менѣ замѣчательнымъ, но въ другомъ родѣ—представляется ученіе другого знаменитаго китайскаго философа Лао-цзы—автора знаменитаго трактата «Дао-дэ-цзинъ» и основателя даоцизма. Европейцы уже полтора столѣтія тому назадъ ознакомились съ этимъ трактатомъ; многие миссіонеры (отчасти увлекаясь) стремились видѣть сходство между многими странностями «Дао-дэ-цзинъ» и Священнымъ писаніемъ. Такъ, миссіонеръ Монтукки говоритъ: «Многія положенія о трединомъ Богѣ въ «Дао-дэ-цзинѣ» выражены такъ ясно, что никто изъ читавшихъ эту книгу, не можетъ усомниться, что истина троичности лицъ Божества была извѣстна китайцамъ въ V вѣкѣ до Р. Х.»

Согласно ученію этого замѣчательнаго трактата, «Дао» (по-китайски значитъ «путь»,—въ отвлеченномъ смыслѣ—«средство, методъ») заключается въ томъ, чтобы не дѣйствовать изъ какихъ бы то ни было личныхъ мотивовъ, чтобы признавать большее за малое, малое за большее, и чтобы воздавать за обиду добромъ. Эта послѣдняя мысль невольно привлекаетъ особенное вниманіе. Принципы управленія обществомъ по Дао-дэ-цзину могутъ европейцамъ показаться неудовлетворительными, но, какъ это ни странно, отчасти сходные принципы проповѣдывалъ и Жанъ-Жакъ Руссо. Лао-цзы обладаетъ необычайною добротою сердца, онъ усердно осуждаетъ примѣненіе смертной казни, оплакиваетъ фактъ существованія войны. Но въ то же время въ его ученіи можно прослѣдить тоже стремленіе Руссо къ первобытной простотѣ (*état sauvage*). Лао-цзы не симпатизируетъ прогрессу общества. Разсматривая вопросъ о происхожденіи міра, Лао-цзы высказываетъ слѣдующее: всѣ предметы природы происходятъ изъ су-

ществующаго, существующее же происходитъ изъ несуществующаго. Слѣдовательно, небытіе предшествуетъ бытію. Это небытіе является въ то же время только потенциальнымъ, предполагаемымъ, и видимый міръ имѣетъ своимъ началомъ не отрицательное, а нѣчто положительное: до бытія неба и земли существовалъ хаосъ, сохранявшій полное спокойствіе, единый и неизмѣняющійся, все собою обнимающій. Этотъ хаосъ является какъ бы матеріею всего существующаго; онъ и есть «Дао». «Дао» вѣчно и не имѣетъ имени, оно непостижимо чувствами; «Дао» не даетъ ни впечатлѣній, ни вкуса для рта, ни свѣта для глазъ, ни звука для ушей. Но въ то же время глубоко и неистощимо «Дао»; это бездна, породившая всѣ предметы (природы); изъ него возникли небо и земля: «Какимъ же образомъ изъ «Дао» произошелъ міръ?» «Изъ «Дао» произошло единство, изъ единства—двойственность, изъ двойственности—тройственность, изъ тройственности—всѣ предметы міра.» Видимый міръ есть не что иное, какъ «Дао», принявшее форму многообразія. Всѣ индивидуальности, какъ условно существующія, переходящи: предметы (природы), достигнувъ уменьшенія, стремятся увеличиться; увеличившись, стремятся уменьшиться... Когда предметъ достигаетъ полноты своего развитія, то онъ старѣетъ. Это (т. е. индивидуальные предметы) не есть «Дао», а что не есть «Дао»—того существованіе непродолжительно. Слѣдовательно, возникновеніе и уничтоженіе индивидуальностей есть не что иное, какъ обнаруженіе жизни вѣчнаго, сущаго «Дао», единаго самого въ себѣ, но двойственнаго въ проявленіи своихъ силъ: «предметы природы заключаютъ въ себѣ, съ одной стороны, «Инь» (отрицательную силу), а съ другой «Янь» (силу положительную); взаимодействіемъ этихъ силъ обуславливается гармонія природы». Возникая изъ «Дао», индивидуальности по прекращенію ихъ временнаго существованія тѣмъ же «Дао» и поглощаются. Предметы природы сперва процвѣтаютъ, какъ трава, а потомъ возвращаются къ своему корню (т. е. прекращаютъ свое индивидуальное существованіе). Прекращеніе индивидуальнаго существованія называется покоемъ; достиженіе покоя называется исполненіемъ своего назначенія; исполненіе назначенія называется вѣчностью. Великое «Дао» повсюду присутствуетъ (одновременно), предметы природы отъ него получаютъ существованіе и въ него возвращаются. Многообразіе видимаго міра, по ученію Лао-цзы, есть только выраженіе жизни «Дао»—вѣчнаго, единаго, абсолютнаго; «Дао» является и міровую матеріей, и міровую силу, и міровымъ разумомъ.

Изъ этой краткой характеристики ученія Лао-цзы нельзя не видѣть сильнаго философскаго ума автора разбираемаго трактата. И всѣмъ интересующимся во-

просами философін нельзя не посовѣтовать ближайшаго знакомства съ этимъ замѣчательнымъ китайскимъ мудрецомъ. Нѣкоторые даже видятъ связь между доктриною Лао-цзы и учениемъ одного изъ лучшихъ мыслителей Гегелианской школы, Шеллинга; существуетъ брошюра Гарлеца: «Лао-цзы, первый философъ китайскій, или предшественникъ Шеллинга въ VI вѣкъ до Р. X».

Въ краткомъ очеркѣ нельзя составить какъ бы энциклопедію всѣмъ философскимъ, нравственно-религіознымъ произведеніямъ китайской литературы. Мы остановились только на самыхъ выдающихся. Такую же роль играютъ въ Китаѣ сочиненія, имѣющія отношеніе къ третьей религіи, распространенной въ Китаѣ, а именно буддизму. Буддизмъ занесенъ въ Китай изъ Индіи и утвердился не ранѣе 60 г. по Р. X. Поэтому основныя сочиненія буддизма имѣютъ своей родиной Индію и уже съ санскритскаго языка переведены на китайскій. Нѣкоторыя книги имѣютъ по нѣсколько переводовъ, но это дѣлаетъ ихъ значительнѣе. Буддискія сочиненія, составленныя въ самомъ Китаѣ, тоже не лишены интереса; для китайцевъ такіа сочиненія представляютъ верхъ краснорѣчія по выспреннымъ мыслямъ и отборному слогу.

Всѣ произведенія этого рода литературы имѣютъ громадное значеніе въ Китаѣ и стоятъ на первомъ планѣ. Остальныя произведенія китайской литературы можно раздѣлить на два отдѣла: научныя и беллетристическія.

Къ произведеніямъ перваго рода нужно отнести историческія сочиненія, которыми особенно богата китайская литература. Исторіи китайскія отличаются многотомностью и кропотливостью описанія самыхъ мелкихъ подробностей. Изъ сочиненій такого рода особенной извѣстностью пользуется: «Исторія трехъ царствъ». Темою служить одинъ періодъ въ китайской исторіи, когда Китай раздѣлился на три части. Авторъ очень удачно повѣствуетъ о взаимныхъ междоусобіяхъ этихъ трехъ соперниковъ, рельефно очерчиваетъ ихъ характеры. Читатель также узнаетъ закулисныя тайны дворцовыхъ интригъ и гаремовъ, героини которыхъ и въ Китаѣ играли подчасъ большую роль, оправдывая извѣстное изрѣченіе: «Cherchez la femme». Сверхъестественное тоже имѣется въ изобилии; китайскіе историки особенно любить примѣшивать къ историческимъ фактамъ чудесное, фантастичное, ни одно ихъ произведеніе не свободно отъ этого. Такимъ образомъ, ихъ историческія произведенія являются какъ бы историческимъ романомъ; основанныя въ главныхъ чертахъ на дѣйствительности, они весьма часто переходятъ въ область фантазіи.

Также много томовъ и много разныхъ произведеній по географіи Китая. Врядъ ли существуютъ въ какомъ-либо европей-

скомъ государствѣ такіа точныя до мелочности топографическія описанія мѣстностей, городовъ и селъ, какія имѣются у китайцевъ. Императоры каждой династіи считаютъ священнымъ долгомъ оставлять съ качествъ памятника своего просвѣщеннаго вниманія къ наукамъ возможно полное описаніе государства. По этимъ послѣдовательнымъ измѣненіямъ можно прослѣдить постепенныя измѣненія въ административномъ раздѣленіи имперіи; они же представляютъ богатый статистическій матеріалъ.

Имѣется также масса разнохарактерныхъ произведеній по военному искусству, праву, медицинѣ, астрономіи, естественнымъ наукамъ (ботаникѣ и зоологіи), черной и бѣлой магіи, хиромантіи и пр.

Конфуцій.

(Статуэтка).

Всѣ они обладаютъ однимъ крупнымъ недостаткомъ—пристрастіемъ къ мелочнымъ описаніямъ и неспособностью къ обобщеніямъ.

Весьма богатый беллетристическій отдѣлъ китайской литературы менѣе другихъ извѣстенъ европейцамъ и представляетъ непочатое поле для изслѣдованія.

Китайцы считаютъ войну великимъ зломъ, поэтому ихъ бытописатели избѣгаютъ описанія сраженій, кровавыхъ сценъ съ отвращеніемъ, равнымъ пристрастію къ подобнаго рода сценамъ западныхъ писателей и читающей публики.

У насъ, европейцевъ, знаменитый полководецъ, военный герой, является народнымъ кумиромъ, и каждый народъ имѣетъ свои національныя произведенія, въ которыхъ онъ и воспѣваетъ любимыхъ героевъ. Не то мы видимъ у китайцевъ. Во-

енная доблесть не создает народных героев. Въ ихъ глазахъ достойнымъ всеобщаго уваженія и всеобщаго подражанія является успѣшно выдержавшій всѣ экзамены, получившій высшее званіе. Правда, и онъ можетъ быть героемъ «безъ страха и упрека», онъ можетъ побѣждать всѣхъ враговъ, но это никоимъ образомъ не должно служить его профессіей: это его уронило бы въ глазахъ всѣхъ цивилизованныхъ классовъ. Онъ въ то же время долженъ являться высокодобродѣтельной личностью; онъ долженъ уничтожать зло, защищать обиженныхъ, наказывать пороки. Типичнымъ произведеніемъ такого рода является рассказъ подъ заглавіемъ: «Счастливый союзъ». Герой этого рассказа удовлетворяетъ всѣмъ вышеуказаннымъ даннымъ. Въ этомъ рассказѣ есть завязка дѣйствія, но само дѣйствіе проходитъ передъ читателемъ въ рядѣ картинъ; и хотя характеръ дѣйствующихъ лицъ и очерченъ довольно ясно, но не видно въ рассказѣ мотива поступковъ даннаго дѣйствующаго лица, и всѣ герои являются или олицетворенной добродѣтелью, или мрачными злодѣями. Средній характеръ героевъ неизвѣстенъ китайскимъ писателямъ. Но, несмотря на всѣ эти недостатки, рассказъ отлично характеризуетъ любопытныя стороны китайской жизни и народныхъ стремленій и идеалы.

Но наиболее яркимъ недостаткомъ, свойственнымъ всѣмъ произведеніямъ китайской литературы, является ужасная растянутость дѣйствія и многословіе. Видно, что какъ въ частной жизни китаецъ не дорожитъ нисколько временемъ, такъ и въ писаніи рассказовъ китаецъ не торопится и не торопитъ дѣйствовать своихъ героевъ. И поэтому онъ съ любовью выписываетъ самыя мелочныя подробности, совершенно удовлетворяя вкусу своихъ соотечественниковъ. Этотъ недостатокъ свойствененъ всѣмъ восточнымъ народамъ, начиная съ «Арабскихъ ночей». Отъ этого недостатка свободны только немногіе китайскіе рассказы. Авторы, имѣя въ своемъ распоряженіи небольшое число страницъ, не имѣютъ возможности, такъ сказать, разводить канитель и сокращаютъ размахи своего не въ мѣру вдохновеннаго пера. Но всѣхъ этихъ исторій въ Китаѣ безчисленное множество, и писатель въ Китаѣ, какъ ни въ какой другой странѣ, является любимымъ человекомъ. Это, впрочемъ, свойственно всѣмъ народамъ Востока. На базарахъ ли Египта, подъ деревенскими ли деревьями Индіи, или въ храмахъ, — вездѣ мы можемъ видѣть, какъ любимымъ занятіемъ народа является слушаніе какого-нибудь странствующаго рассказчика, степень вознагражденія которымъ зависитъ отъ умѣнія рассказчика увлечь слушателей. Въ Китаѣ, гдѣ печатаніе такъ дешево и гдѣ много грамотныхъ, книжныя лавки имѣютъ огромные запасы такихъ

произведеній, способныхъ удовлетворить невзыскательные вкусы своихъ покупателей; и вотъ вечеромъ, когда дневныя работы окончены, можно видѣть сборища китайцевъ, внимательно слушающихъ, какъ одинъ изъ наиболѣе образованныхъ среди нихъ читаетъ рассказы изъ любимыхъ сборниковъ. Они изданы съ особенной тщательностью, и рассказы поражаютъ чрезмѣрнымъ изобиліемъ чрезвычайныхъ чудесъ. Критическая способность не особенно развита у сыновъ Неба. Какъ бы ни казался необычайнымъ извѣстный фактъ, китаецъ безъ труда ему повѣритъ; его не смутитъ даже противорѣчіе даннаго факта съ основными условіями рассказа; онъ вѣритъ двумъ взаимно исключаящимъ другъ друга положеніямъ и не даетъ себѣ труда въ стараніи согласовать ихъ. Это легковѣріе освобождаетъ авторовъ отъ обязанности быть постоянными и позволяетъ имъ блуждать въ странѣ чудеснаго. Привидѣнія и чудесныя превращенія любимыя атрибуты китайскихъ повѣстей, какъ, напримѣръ, въ рассказѣ: «Невѣрная вдова»; этотъ рассказъ переведенъ на многіе европейскіе языки и далъ даже канву для произведенія Вольтера «Zadig». Нѣкоторые произведенія не лишены и юмора. Такъ, въ одной повѣсти говорится объ одномъ пьяницѣ, которому однажды приснилось, что пріятель прислалъ ему бутылку чуднаго вина. Не теряя времени, пьяница сейчасъ поставилъ вино согрѣться (китайцы всегда пьютъ вино подогрѣтымъ), но онъ проснулся, прежде чѣмъ оно успѣло согрѣться. Проснувшись и сожалея о потерянномъ винѣ, пьяница восклицаетъ: «Какъ жаль, какъ жаль, что я его не выпилъ холоднымъ!» И такой краткій рассказъ авторъ ухитряется помѣстить чуть ли не на 20 страницахъ, рассказывая о малѣйшихъ подробностяхъ сна и сновидѣнія этого любителя вина. Или вотъ еще рассказъ о должникѣ и заимодавцѣ. Должникъ въ бесѣдѣ съ заимодавцемъ имѣетъ весьма печальный видъ; заимодавецъ спрашиваетъ о причинѣ такого удрученнаго состоянія. Должникъ тогда говорить, что ему остается недолго жить: вчера ночью онъ видѣлъ-де во снѣ, что умеръ. Заимодавецъ утѣшаетъ его тѣмъ, что то, что видишь во снѣ, на яву совершается наоборотъ: если видишь во снѣ смерть — такъ, значитъ, долго проживешь. Обрадованный должникъ тогда восклицаетъ: «Еще видѣлъ сонъ». — «Какой?» — «Видѣлъ, что уплатилъ тебѣ долгъ». Нѣкоторые рассказы имѣютъ видъ анекдотовъ. Такъ, напримѣръ: Близорукій, сбившись съ дороги, увидѣлъ сидѣвшую на камнѣ ворону; думая, что это человѣкъ, сталъ спрашивать ее съ настоятельностью; вскорѣ ворона улетѣла. «Вотъ! Когда я спрашивалъ тебя, ты не отвѣчалъ; а теперь, когда твою шапку сдуло вѣтромъ, такъ и я тебѣ не скажу.» Или извѣстный въ Китаѣ рассказъ про почталіона, которому надлежало пе-

редать весьма важную бумагу: въ виду спѣшности порученія, ему дали лошадь. Почталонъ погонялъ лошадь, а самъ шель пѣшкомъ; кто-то спросилъ его, почему онъ не сядетъ на лошадь при такомъ спѣшномъ дѣлѣ. «Что же скорѣй можетъ дойти: шесть ли ногъ, или только четыре?»

Также многочисленны въ Китаѣ рассказы о семейныхъ отношеніяхъ мужа и жены. Жена всегда представляется тираномъ, угнетающимъ мужа (хотя на дѣлѣ происходитъ какъ разъ противоположное). Напримѣръ: Одинъ китайскій чиновникъ однажды до того разгнѣвалъ свою благовѣрную супругу, что она до крови исцарапала ему все лицо. На слѣдующій день онъ представлялся своему начальнику, который спросилъ его о причинѣ такихъ ужасныхъ пораненій лица. Подчиненный со смиреннымъ видомъ отвѣчалъ: «Вчера въ саду упала мнѣ на лицо виноградная лоза и исцарапала мнѣ лицо.» Его просвѣщенный начальникъ, знавшій нескромный характеръ его жены, сказалъ: «Не говорите глупостей, это ваша жена причинила ущербъ вашему лицу; пошлите полицейскаго и пусть онъ приведетъ вашу жену ко мнѣ.» Но лишь только это было сказано, жена начальника, подслушивавшая все время у дверей, бросилась, полная гнѣвныхъ порывовъ, на своего мужа въ защиту своей подруги. Просвѣщенный начальникъ тогда торопливо сказалъ своему подчиненному: «Уходите, не присылайте вашей супруги! Моя виноградная лоза готова упасть на меня!»

Другой благодарной почвой для подобнаго рода анекдотическихъ рассказовъ является женское любопытство, которое однажды явилось причиною смерти одного долголѣчнаго, какъ Маеусайлу, китайца. Согласно вѣрованіямъ китайцевъ, царь ада имѣетъ книгу жизней всѣхъ живыхъ существъ; каждому живому существу предназначена въ этой книгѣ отдѣльная страница; и, какъ скоро эта страница заполняется, человекъ, жизненный путь котораго связанъ съ этою страницею, предстаетъ передъ грознымъ повелителемъ подземнаго царства. Случилось однажды, что этотъ грозный владыка замѣтилъ, что переплетъ его книги испортился, и съ цѣлью поправить его онъ вырвалъ одну страницу изъ своей книги. Человекъ, которому принадлежала эта страница, лишился ея такъ какъ страница не заполнялась, то онъ, найдя въ контролѣ подземнаго царя, имѣлъ счастье прожить 962 года, когда онъ потерялъ свою 72-ю супругу. Эта почтенная дама, будучи по природѣ весьма любопытною, часто стремилась вывѣдать причину столь необычайнаго долголѣтія своего супруга. Попавъ въ адъ, она первымъ деломъ обратилась съ запросомъ по поводу этого къ владыкѣ ада. Подземный царь велѣлъ моментально произвести слѣдствіе и, когда ошибка была обнаружена, бѣд-

ному китайскому Маеусайлу пришлось спуститься въ подземное царство.

Не меньшій интересъ представляютъ и драматическія произведенія китайской литературы. Какъ и многія, упомянутыя выше религіозныя и философскія сочиненія, эти произведенія были занесены изъ Индіи въ VI столѣтіи. Труппа странствующихъ гимнастовъ, переодѣтыхъ въ шкуры дикихъ животныхъ, впервые познакомила китайцевъ съ пантомимными превращеніями. Въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій искусство это мало прогрессировало, и только въ IX и X столѣтіяхъ дикіе танцы и пѣсни начинаютъ принимать законченный видъ. Но и съ этого времени подобныя представленія мало совершенствуются, и только съ нашествіемъ монголовъ это искусство начинаетъ быстро двигаться впередъ. Въ продолженіе династіи, основанной Чингизъ-ханомъ, драмъ было оказываемо особенное покровительство, и благодаря ему возникли произведенія, которые признаются лучшими драматическими пьесами китайской литературы. И въ теперешнее время любовь китайцевъ ко всевозможнаго рода зрѣлищамъ весьма велика. На всѣхъ официальныхъ торжествахъ, жертвоприношеніяхъ театральныя представленія являются необходимымъ ихъ атрибутомъ. Ни одно семейное торжество не обходится безъ того, чтобы глава дома не пригласилъ труппы актеровъ. Постоянныя театры находятся въ изобиліи почти во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ городахъ и даже селеніяхъ. Игдѣ таковыхъ не имѣется, импровизированный балаганъ моментально воздвигается при первомъ появленіи труппы странствующихъ актеровъ. Но если даже сооруженіе такого балагана встрѣтитъ какія-либо затрудненія, то китайцы, не задумываясь, отдадутъ подѣ спектакли свой храмъ. Какъ это зданіе, такъ и всякое другое весьма легко приспособить для китайскаго театра. Декораціи имъ неизвѣстны и все требованіе актеровъ сводится только къ устройству отдѣльной уборной, изъ которой они могли бы выйти на сцену и куда они удаляются. На сценѣ, согласно китайскому театральному искусству, за разъ можетъ появляться не болѣе двухъ актеровъ, и это, за недостаткомъ декорацій, заставляетъ каждого актера, при выходѣ на сцену, объяснить въ монологъ, кого онъ изображаетъ и какъ онъ будетъ дѣйствовать; впрочемъ, этого правила придерживаются не безусловно и въ исключительныхъ случаяхъ поволяется выходъ нѣсколькихъ актеровъ. Сюжетами пьесъ обыкновенно бываютъ любимыя историческія темы, а также и различныя положенія изъ повседневной жизни; китайцы—большіе охотники и до легкаго жанра: фарсы и водевилы у нихъ тоже весьма многочисленны. Одной изъ самыхъ извѣстныхъ историческихъ пьесъ является переведенная на европейскіе языки драма подъ заглавіемъ:

«Несчастіе хана». Сюжетомъ служить слѣдующее. Одинъ ханъ влюбленъ въ молодую дѣвушку и, пользуясь взаимностью, онъ хочетъ на ней жениться. Но одинъ изъ его министровъ недоволенъ имъ и задумываетъ жестокий планъ мщенія: онъ крадетъ одинъ изъ портретовъ невесты своего повелителя и бѣжитъ съ нимъ въ лагерь врага хана. Этому врагу онъ показываетъ портретъ этой замѣчательно красивой дѣвушки и убѣждаетъ его потребовать ея выдачи. Будучи болѣе могущественнымъ, ему это легко исполнить и онъ соглашается на миръ только подъ условіемъ выдачи ханомъ своей невесты. Бѣдный ханъ, зная превосходство силъ противника, принужденъ ради спасенія своего государства удовлетворить его требованію и отказаться отъ любимой дѣвушки. Тутъ въ немъ происходитъ весьма удачно выраженная борьба между чувствомъ долга и влеченіемъ сердца. Горячо любящая его дѣвушка соглашается пожертвовать собою ради спасенія чести и независимости любимого человѣка. Она отправляется, терзаемая горемъ, въ лагерь противника. Татарскій ханъ, восхищенный ея красотой, немедленно заключаетъ миръ съ ея бывшимъ женихомъ, а ее дѣлаетъ своею женою. Но она вѣрна своей любви: однажды, окруженная свитою, она подѣзжаетъ къ границѣ, которая отдѣляетъ государство ненавистнаго ей человѣка отъ государства ея жениха; въ этомъ мѣстѣ протекала рѣчка; подойдя къ рѣчкѣ, она осушаетъ бокалъ за здоровье татарскаго хана, посылаетъ послѣднее прощаніе по направленію къ дворцу своего жениха и бросается въ воду. Всѣ усилія татарскаго хана спасти ее остаются безуспѣшными, онъ испытываетъ угрызенія совѣсти за погибель молодой дѣвушки и за несчастнаго влюбленнаго хана, его гнѣвъ обрушивается на негоднаго царедворца, главнаго виновника всего происшедшаго, и онъ его выдаетъ его повелителю. Царедворецъ этотъ несетъ заслуженную казнь, но несчастнаго хана ничто уже болѣе не можетъ утѣшить. На этомъ и кончается пьеса.

Нѣкоторые сцены написаны очень удачно и совершенно правдиво изображаютъ столь тягостную борьбу между чувствомъ долга и сердца.

Какъ это ни странно, но въ нѣкоторыхъ пьесахъ содержаніемъ служатъ различныя библейскія сказанія. Такъ, напримеръ, очень популярна пьеса, содержаніе которой совершенно похоже на библейское сказаніе объ Іосифѣ и женѣ Пентефрія. Исторія о «Валаамской ослицѣ» воспроизведена во многихъ китайскихъ сборникахъ. По китайской версіи этотъ рассказъ совершенно схожъ съ библейскимъ сказаніемъ. Въ одной пьесѣ есть тоже упоминаніе о знаменитомъ судѣ Соломона

надъ матерью и ребенкомъ. Вообще, несмотря на свое относительное несовершенство, всѣ эти произведенія представляютъ большой интересъ.

Что касается до произведеній легкаго жанра, то, какъ уже замѣчено выше, они тоже весьма многочисленны въ Китаѣ. Извѣстный въ Европѣ фарсъ подъ заглавіемъ: «*Prêtez-moi votre femme*», или «Жена на прокатъ», представляетъ точную копію съ весьма популярнаго въ Китаѣ фарса подъ тѣмъ же заглавіемъ. Содержаніе китайскаго фарса заключается въ слѣдующемъ. Одинъ племянникъ, чувствуя недостатокъ въ деньгахъ, отправляется къ своему богатому дядюшкѣ съ просьбой о помощи; дядюшка не отказывается помочь, но ставитъ непремѣннымъ условіемъ женитьбу племянника. Послѣдній не прочь жениться, но, къ несчастію, не можетъ найти милой своему сердцу; поэтому онъ отправляется къ своему другу и проситъ уступить ему свою супругу, чтобы сдѣлать визитъ своему дядюшкѣ, который живетъ поблизости. Къ вечеру онъ общалъ вернута. Другъ на это соглашается. Племянникъ съ чужою женою отправляется къ своему дядюшкѣ, но, въ силу случайныхъ препятствій по дорогѣ, онъ пріѣзжаетъ къ дядюшкѣ уже поздно. Дядюшка и тетушка очень рады женитьбѣ племянника и въ восхищеніи отъ его выбора. Въ разговорахъ и взаимныхъ комплиментахъ время протекло быстро, и, прежде чѣмъ кончился данный въ честь ихъ дядюшкою обѣдъ, наступилъ уже вечеръ. Теперь дядюшка настаиваетъ на томъ, чтобы они остались у него ночевать, и, несмотря на всѣ ихъ протесты, велитъ приготовить имъ лучшую комнату. Отчаяніе жены на прокатъ и смущеніе племянника живо и забавно написаны въ этомъ фарсѣ, и съ чувствомъ страха передъ покинутымъ супругомъ и другомъ они торжественно приводятся дядюшкою въ приготовленную комнату. Оставшись одни, они утомительно разсуждаютъ о томъ, какъ выйти имъ изъ этого положенія и въ концѣ концовъ принуждены бодрствовать всю ночь и забавляютъ другъ друга самыми безсодержательными разговорами. Рано утромъ вдругъ слышится страшный стукъ въ двери, и служанка приходитъ съ докладомъ, что пришла человѣкъ съ требованіемъ выдать ему находящуюся въ этомъ домѣ супругу. Боясь, что все это можетъ разбудить дядюшку, нашъ герой отправляется съ женою успокоить своего друга. Но это оказывается выше его силъ; происходитъ ужасная сцена между взбѣшеннымъ другомъ и имъ, которая поднимаетъ на ноги весь домъ. Наступаетъ всеобщее смятеніе: дядюшка, тетушка мечутся по сценѣ, но въ концѣ концовъ все объясняется, и несчастный племянникъ жестоко платится за свой обманъ.

Люнеть (круглое окошко въ сводѣ).

(Съ картины Генрика Брюне).

(На Мюнхенской выставкѣ 1898 г.).

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ.

Фелисьенъ Ропсъ.

Скончался Фелисьенъ Ропсъ, замѣчательнѣйшій офортистъ, акварелистъ, рисовальщикъ, художникъ-философъ. Въ лицѣ его искусство лишилось одного изъ тѣхъ рѣдкихъ художниковъ, которые въ себѣ самихъ носятъ цѣлую систему замисловъ, которые стремятся не къ тому, чтобы достигнуть славы и богатства, а къ тому, чтобы добиться вліянія на своихъ современниковъ въ ясно отечаненномъ направленіи.

Ропсъ родился въ 1846 году, т. е. ровно черезъ сто лѣтъ послѣ великаго своего прототипа—испанскаго художника Гойа. Въ жилахъ его текла мадьярская кровь,—еще дѣдъ его, въ послѣдствіи перебравшійся въ Бельгію, былъ родомъ изъ Венгрии. Мать Фелисьена была фламандка. Молодой человѣкъ промоталъ унаслѣдованное имъ довольно значительное состояніе въ обществѣ веселыхъ гомтеухъ и парижскихъ *petites femmes*,—здѣсь же, быть можетъ, дѣлалъ онъ предварительные наброски для будущихъ своихъ произведеній и положилъ первый основной камень для будущихъ своихъ воззрѣній. Познавъ нужду, долгое время кое-какъ перебивался онъ, сперва въ качествѣ литографа, а затѣмъ гравера. Предпріятія его не удавались; одинъ за другимъ прогорѣли оба основанные имъ сатирическіе листки: «Le crocodile» и «Eulenspiegel», затѣмъ его созданіе—«Société internationale des aqua-

fortistes». Только въ послѣдствіи, когда кругъ интимныхъ друзей постигъ геніальность этого человѣка, ему удалось достигнуть во Франціи и въ Англіи громадныхъ успѣховъ, которые со дня на день увеличивали его славу и богатство. И не даромъ: 829 нумеровъ литографій и офортовъ Ропса, насчитываемыхъ Рамиро въ его «Catalogues» и «Suppléments», представляютъ исполинскій трудъ жизни, много потратившейся на наслажденіе, но еще болѣе посвященной самому серіозному интенсивному труду.

Взгляды Фелисьена Ропса легко выражаются въ слѣдующихъ словахъ: Миръ,—такой, какимъ онъ былъ издревле и какимъ онъ въ особенности представляется въ наше время,—развращенъ, подгнилъ и зачумленъ въ своихъ основахъ. И ферментомъ, который подѣйствовалъ на него столь разрушительно, столь разлагающимъ образомъ, является женщина.

Такимъ образомъ, представитель крайней новизны въ этомъ взглядѣ сходитсѣ съ фанатизмомъ древняго аскетизма,—ученія, возникшаго почти двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ: «femina diaboli machina»,—«super bestiam femina». Современный художникъ, развращенное дитя развращеннаго вѣка, возвращается къ тѣмъ первымъ чистымъ людямъ, которые жили исключительно культomъ невещественнаго.

Въ настоящее время парижанка вообще

считается развращенной и испорченной представительницей женского типа. Чѣмъ была римлянка во времена Римской имперіи, во времена Мессалинѣ, — тѣмъ, по взглядамъ Ропса, является теперь французка вообще и въ особенности обитательница Сенскаго Вавилона. Какъ продуктъ извращенной культуры и искусственного воспитанія изыщества, въ концѣ концовъ, она унизилась до такого существа, которое не можетъ быть опредѣлено, а вопреки всякимъ правиламъ логики, просто именуется: «La Parisienne». Все дышетъ въ ней нездоровымъ, наркотическимъ, обезсиливающимъ дыханіемъ декадента. Ея помыслы и туалеты говорятъ о vampiroобразныхъ чарахъ, которыми она умѣетъ завлечь въ свои сѣти мужа и обморочить жену. Не даромъ утверждаютъ, что почти всѣ зазорныя новшества современнаго распутства — галльскаго происхожденія.

Художникъ Ропсъ наблюдалъ это въ теченіе всей своей жизни, посѣщая не только роскошные аристократическіе салоны, наружно приличные дома буржуа, надъ дверьми которыхъ красуется девизъ: «Mensonge conventionnel», — но и проводя большую часть жизни въ дрянныхъ подозрительныхъ кабачкахъ и притонахъ, при чемъ повсюду констатировалъ онъ одно и то же явленіе: женщину, которая губитъ мужчину и низвергаетъ его въ самую пропасть. Здѣсь на картины перенесенъ тотъ же мотивъ, который лежитъ въ основѣ романа Эмиля Зола «Нана»: изображена женщина, властвующая надъ слабыми и исто-

шенными. Cherchez la femme, гдѣ дѣло не чисто! Cherchez la femme, гдѣ порокъ, торжество, подымаетъ знамя! Cherchez la femme, гдѣ гибнетъ все, что добро и непорочно, и гдѣ сатанинскій принципъ беретъ верхъ!

Произведенія Ропса дышатъ полнымъ отвращеніемъ ко всему, рѣшительно ко всему, что зовется женщиной. Ропсъ обливается ее кипящей смолой своей ненависти. Возьмемъ, на примѣръ, его акварель «Le

scandale». За чистымъ накрытымъ кофейнымъ столомъ сидятъ рядышкомъ зажиточныя фламандскія женщины, — тутъ нѣтъ ни единой, которой не слѣдовало бы заткнуть гадкія, коварныя уста, ни единой, которая на волосокъ была бы лучше продажной обитательницы съ парижскихъ бульваровъ. Все до послѣдней ниточки у этихъ честныхъ женщинъ подло и гнусно, какъ у молодыхъ, такъ и у старыхъ, какъ у господъ, такъ и у служанокъ. Художникъ не выбралъ для картины старинной темы «Кумушки», — нѣтъ, намѣреніе его, очевидно, сводится къ изображенію женскаго порока, именуемаго «страстью къ злословію».

И благодаря именно карти-

намъ съ подобнымъ взглядомъ на женщину имя Фелисьена Ропса въ исторіи искусствъ обезсмертится не только какъ художника, но также какъ и историка культуры.

Самое ужасное искусство глядитъ съ произведеній Ропса въ «Buveuses d'absynthe» и «Vieille garde», тогда какъ «Maternité» и «Innocence» относятся къ самымъ привѣтливымъ, когда-либо изображавшимся рукой художника. На первыхъ видимъ

Фелисьенъ Ропсъ.

Современная Локуста (изготовительница лдовъ).

нахальныя, звѣрскія лица мегеръ, предающихъ пороку во всѣхъ его видахъ; на послѣднихъ,—прелестъ, очарованіе, присушія настоящей непорочной женщинѣ. Зритель приходитъ въ умиленіе, когда среди страницъ, отъ которыхъ вѣетъ тяжелымъ удручившимъ воздухомъ испорченности, разложенія, паденія,—вдругъ онъ начинаетъ дышать теплыми, мягкими ароматами весны, изливающимися отъ этихъ юношески-чистыхъ, прелестныхъ образовъ. Вѣрно, и Ропсъ зналъ цѣломудренную женщину въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова, онъ, Фелисьенъ Ропсъ, который видѣлъ въ женщинѣ исключительно разнузданнаго звѣря? Значитъ, и его дрожавшую руку водило грустное воспоминаніе, когда онъ въ тиши ночной (онъ обыкновенно работалъ свои офорты по ночамъ) набрасывалъ тѣ нѣсколько картинъ далекаго прошлаго, когда онъ не признавалъ еще демона въ каждой дочери Евы?..

Лучшимъ изъ произведеній Ропса считается его «Искушеніе Св. Антонія». Здѣсь наиболѣе ярко выразилась своеобразная манера Ропса, такъ что эта картина, по психологическому своему выполненію, можетъ считаться образцомъ для всѣхъ остальныхъ его произведеній въ этомъ родѣ. Святой Антоній горячо молится колѣнопреклоненный передъ распятіемъ. И вдругъ тѣло Христа мало-по-малу начинаетъ скрываться, а на его мѣстѣ появляется съ пышными формами женщина, съ бѣлыми зубами, алыми губами и наглымъ взглядомъ, которая сверху съ дерзки вызывающимъ взоромъ улыбается святому.

Картина эта прямо ведетъ насъ къ психологіи Ропса. Въ искусствѣ его слѣдуютъ одинъ за другимъ три періода. Первый относится къ тому времени, когда Ропсъ еще студентомъ иллюстрировалъ въ Брюсселѣ сатирическій листокъ «Le crocodile»; второй—когда онъ по преимуществу трактовалъ пейзажныя поэмы въ манерѣ художниковъ XIV вѣка; и, наконецъ, третій періодъ,—когда онъ гравировалъ для Брюссельскихъ изящныхъ изданій Кистемекера, какъ, напримѣръ, «Sa Majesté la Femme» и др.,—затѣмъ заставки и виньетки, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрнымъ своимъ tradi-

ціямъ. Педантичность, съ какой онъ старался на своихъ гравировальныхъ доскахъ избѣжать малѣйшихъ ошибокъ, привела къ тому, что очень многіе его офорты имѣются въ двухъ или трехъ различныхъ états (состояніяхъ).

По своей психологіи, Ропсъ былъ необходимымъ слѣдствіемъ, реакціей противъ Фра Анджелико, Мемлинка и Матиаса Грюневальда, ибо врядъ ли кого, кромѣ Фелисьена Ропса, съ большимъ правомъ можно было бы назвать лейбъ-художникомъ сатаны. А сатана также относится къ представленіямъ католицизма. Въ Фелисьенѣ Ропсѣ нашла художественную свою обработку именно та сторона католицизма, которая до тѣхъ поръ находила свое выраженіе только въ литературѣ.

Протестъ его противъ милитаризма выразился въ литографіи: «La médaille de Waterloo». Содержаніе ея такое: двѣ грязныя женщины держатъ медаль, изображающую Наполеона въ отвратительной карикатурѣ; вокругъ кружатся въ дикомъ неистовомъ хороводѣ скелеты павшихъ «pour la Patrie», являющіе собой жертву Цезарева безумія, стоившую сотенъ тысячъ жизней. Надо имѣть фантазію Эдгара Поэ, чтобы создать живописный текстъ къ этому рисунку.

Какъ офортистъ, покойный художникъ не имѣлъ себѣ соперниковъ. Правда, у нѣмцевъ въ этой области искусства знаменитъ Максъ Клингеръ. Несомнѣнно, онъ соединяетъ въ себѣ все, что требуется для истиннаго художника—умъ и образованіе, интеллигентность и фантазію, отличную подготовку и мастерское обладаніе техникой, но, чтобы сравниться съ Ропсомъ, Клингеру недостаетъ того полета въ область великаго, того полнаго обладанія идеей и выполненія ея, которое не отступаетъ ни передъ какимъ рискомъ. При всемъ ослѣпительномъ талантѣ Ропса, при всей баснословности его мастерства, современники не обязаны ему такимъ чисто-эстетическимъ наслажденіемъ, какимъ обязаны они Максу Клингеру. Зато Ропсъ былъ художникомъ, который въ высокой степени способствовалъ уразумѣнію его времени, преобладавшихъ современныхъ ему стремленій, что и подтверждается его успѣхомъ, который обезсмертитъ его имя.

Утилизация движенья волнъ.—Колесные коньки.—Передача изображеній по телефону.—Паровой котель Серполета.—Разбирающаяся пушка.—Колесо круговых качелей.—Прогрессъ электрическаго освѣщенія.—Машинка для фабрикованія желѣзнодорожныхъ билетовъ въ моментъ ихъ выдачи.—Новый способъ окраски обоевъ.—Перевозка грузовъ по рѣкамъ и каналамъ.—Подводная лодка «Аргонавтъ».—Устройство самодвижущихся торпедъ.

Утилизация движенья волнъ. Эксплуатируя въ свою пользу силы природы, человѣкъ не только не можетъ истощить весь ихъ громадный запасъ, но едва ли когда-либо успѣетъ воспользоваться въ надлежащей степени различными ихъ проявленіями. Взять, хотя бы, одну воду; мы пользуемся ея теченіемъ, силой ея пара и, пожалуй, еще силой ея паденія, но до сихъ поръ ни къ чему почти не успѣли приложить движенья прилива и отлива, а ужъ въ особенности движенья волнообразнаго, тогда какъ оно можетъ служить неисчерпаемымъ источникомъ живой силы. Отъ времени до времени дѣлались, правда, попытки приспособить его къ служенію нуждамъ человѣка, но попытки эти оставались безуспѣшными, благодаря тому, что волнообразное движеніе воды совершается сильнѣе всего въ открытомъ морѣ, то есть тамъ, гдѣ человѣкъ не можетъ устроить ничего прочнаго и постояннаго. Только теперь, когда передача живой силы на далекое разстояніе стала возможной, благодаря электричеству, только теперь сдѣлалось возможнымъ и приспособленіе морскихъ волнъ къ полезной для человѣка работѣ.

Первая попытка въ такомъ родѣ сдѣлана одной американской промышленной компаніей въ Калифорніи. Въ концѣ мостковъ, выступающихъ на 110 метровъ въ море (рис. 1), устроены три поплавка, съ поверхностью въ три квадратныхъ метра каждый. Поплавки эти то опускаются, то поднимаются на волнахъ, накачивая, при помощи придѣланныхъ къ нимъ вертикальныхъ стержней, воду, которая, затѣмъ, вращаетъ Пельтоновское колесо, въ свою очередь приспособленное къ вращенію динамо-машины, служавшей для освѣщенія.

По сдѣланнымъ до настоящаго времени наблюденіямъ, наименьшая амплитуда движенья, сообщаемыхъ волнами поплавокъ, равняется пятнадцати сантиметрамъ, а наибольшая—двумъ съ половиной метрамъ. Средняя частота волнъ—отъ трехъ до пяти въ минуту. Живая сила, получаемая такимъ образомъ, равняется, въ среднемъ, четыремъ лошадинымъ силамъ,

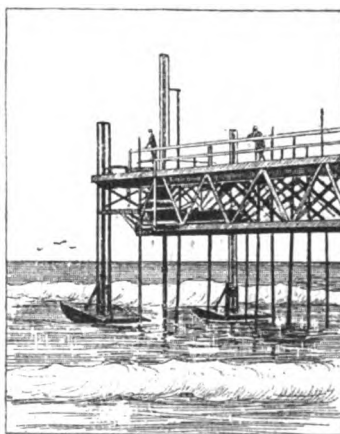

Рис. 1. Утилизация движенья волнъ.

но компанія полагаетъ, что, при болѣе усовершенствованномъ устройствѣ приспособленій, можно будетъ получить напряжение гораздо болѣе значительное, при чемъ оно обойдется не дороже 65 франковъ въ годъ или двадцати сантимовъ въ часъ за лошадиную силу.

Что касается Пельтоновскаго колеса, то оно, какъ это видно на прилагаемомъ

рисункъ (№ 2), отличается рядомъ кюветокъ или чашечекъ, расположенныхъ по ободу и подставляющихся подъ удары хотя и не толстой, но обладающей большой скоростью струи воды. Сила, развиваемая въ такомъ колесѣ, зависитъ, во-первыхъ, отъ его діаметра (отъ рычага, на который дѣйствуетъ вода), а, во-вторыхъ, отъ скорости, приобретенной движущею жидкостью. Изъ опытовъ, произведенныхъ въ Калифорніи, выяснилось, что колесо, діаметръ котораго равенъ одному метру, при давленіи столба жидкости въ 600 метровъ высотой, можетъ дать сто лошадиныхъ силъ, дѣлая, при этомъ, 1150 оборотовъ въ минуту. При дешевизнѣ устройства такихъ колесъ и повсемѣстномъ нахожденіи движущей для нихъ силы (по тѣмъ же калифорнійскимъ опытамъ оказывается, что достаточно давленія столба воды въ шесть метровъ, для того, чтобы работу колеса уже можно было утилизировать), особенно же при возможности приспособить ихъ къ вращенію динамо-машины,

гаемомъ рисунокъ. Длина коньковъ—0,30 м., діаметръ колесъ—отъ 0,15 до 0,20 м.: ско-

Рис. 3. Колесные коньки.

рость движенія—отъ 15 до 20 километровъ въ часъ.

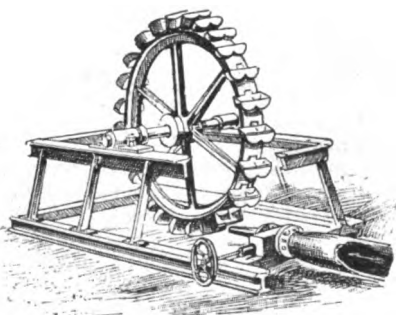

Рис. 2. Колесо Пельтона, утилизирующее воду.

имъ, повидимому, суждено играть большую роль въ будущемъ.

Колесные коньки. Въ двадцатомъ столѣтіи никто, вѣроятно, не будетъ ходить пѣшкомъ. Помимо велосипеда, пользование которымъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе распространяется, въ Парижѣ начинаютъ входить въ моду колесные коньки, для катанья по обыкновеннымъ дорогамъ. Такого рода коньки, собственно говоря, существуютъ уже давно, и въ томъ же Парижѣ любители катались на нихъ по полу особо устроеннаго зала. Но эти коньки—на трехъ маленькихъ колесцахъ были удобны только для совершенно гладкой и ровной поверхности, а теперь изобрѣтены такіе, на которыхъ можно ходить гдѣ угодно. Они представляютъ собою нѣчто въ родѣ маленькаго велосипеда (рис. 3),—тѣ же два колеса, одно впереди другаго, и тѣ же дутыя резиновые шины, какъ это видно на прила-

Передача изображеній по телефону давно уже занимаетъ присяжныхъ изобрѣтателей, но до сихъ поръ не удавалась. Въ настоящее время, въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Парижской Академіи Наукъ, d'Arsonval представилъ отъ имени Dussaud новый аппаратъ, который хотя и не разрѣшаетъ задачи окончательно, но близко подходитъ къ ея разрѣшенію.

Устройство этого аппарата основано на свойствѣ селенія тѣмъ лучше проводить гальванической токъ, чѣмъ сильнѣе онъ, селеній, освѣщенъ. Пользуясь такимъ свойствомъ, можно, стало бытъ, усиливать и ослаблять токъ, идущій на разстояніе, пропорціонально освѣщенію введенной въ цѣпь селеніевой пластинки. Но пластинка эта, въ данную минуту, передаетъ, такимъ образомъ, болѣе или менѣе сильное освѣщеніе одной только точки изображенія, а для того чтобы передать всѣ, нуж-

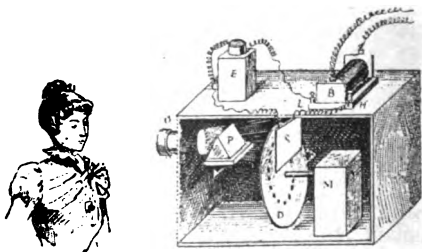

Рис. 4. Аппаратъ Дюссо для передачи изображеній по телефону.

но провести ихъ послѣдовательно передъ нею. Для того, чтобы достигнуть этой цѣли,

Dussaud устроилъ свои аппараты слѣдующимъ образомъ:

На станціи отправленія (рис. 4) имѣется ящикъ съ объективомъ *O*. Въ этомъ ящи-

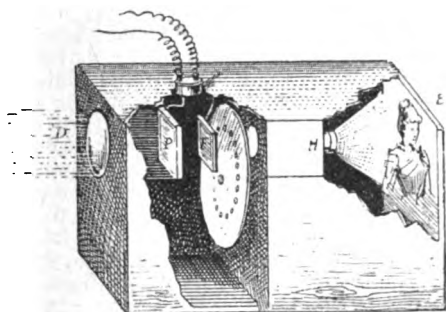

Рис. 5. Приемникъ при передачѣ изображеній его телефону.

къ, какъ разъ противъ объектива, помѣщена призма *P*, предназначенная для превращенія изображенія изъ обратнаго въ прямое. За призмой вращается непрозрачный кругъ *D*, приводимый въ движеніе часовымъ механизмомъ, заключающимся въ коробкѣ *M*. Въ этомъ кругѣ пробитъ рядъ отверстій, черезъ которые лучи, идущіе отъ разныхъ точекъ освѣщеннаго предмета, падаютъ на селеніевую пластинку *S*, входящую въ составъ гальванической цѣпи. Токъ, идущій отъ элемента *E*, проходя черезъ эту пластинку и бобину Румкорфа *B*, направляется по проводникамъ *a* и *j* къ станціи полученія. На этой послѣдней устроенъ такой же ящикъ (рис. 5), въ которомъ дневной свѣтъ, входя сквозь отверстие *L*, падаетъ на телефонную пластинку *P*, прорѣзанную, въ поперечномъ направленіи, цѣлымъ рядомъ длинныхъ и узкихъ щелей. Противъ этой пластинки находится другая такая же *F*, тоже прорѣзанная щелями, но неподвижная, а за нею опять вращается непрозрачный кругъ съ отверстиями, отъ которыхъ лучи идутъ къ объективу *H* и падаютъ, черезъ него, на экранъ *E*.

При такомъ расположеніи аппарата, лучи, падающіе отъ всѣхъ точекъ передаваемого изображенія, послѣдовательно проходя черезъ отверстие круга *O* и освѣщая селеніевую пластинку пропорціонально своей интенсивности, дѣ-

лаютъ ее то лучшимъ, то худшимъ проводникомъ электричества, а потому то усиливаютъ, то ослабляютъ токъ, идущій къ станціи полученія и заставляющій телефонную пластинку *P* дрожать то сильнѣе, то слабѣе. Въ спокойномъ состояніи прорѣзы этой пластинки не совпадаютъ съ прорѣзами пластинки *F*, такъ что ни одинъ лучъ свѣта не можетъ проникнуть до экрана *E*. Но когда пластинка *P* начинаетъ дрожать, то прорѣзы ея становятся противъ прорѣзовъ *F*, лучи падаютъ на вращающійся кругъ съ отверстиями, и если онъ вращается съ тою же скоростью, какъ и соответствующій ему кругъ на станціи отправленія, то на экранѣ послѣдовательно появляется рядъ разнѣ освѣщенныхъ точекъ, соответствующихъ точкамъ передаваемого изображенія. Если, при томъ, скорость вращенія круговъ разсчитана такимъ образомъ, чтобы освѣщенные точки слѣдовали другъ за другомъ съ промежутками, не превышающими $\frac{1}{10}$ секунды, то-есть времени сохраненія образовъ на ретинѣ, то глаза лицъ, смотрящихъ на

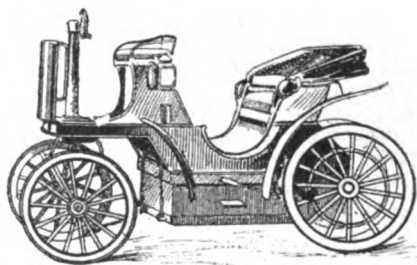

Рис. 7. Электрический фіакръ.

экранъ *E*, получать впечатлѣніе полной картины...

Сложно, несовершенно, но все же шагъ впередъ.

• • •

Паровой котелъ Serpollet, предназначенный, главнымъ образомъ, для механизма самодвижущихся экипажей, состоитъ, какъ это видно на рисункѣ (6), изъ тонкой спиральной стальной трубки *ES*, положенной на керосиновый очагъ *A*. Вода, накачиваемая самымъ движеніемъ экипажа, поступаетъ въ отверстие *E* и испаряется такъ быстро, что изъ отверстия *S* выходитъ уже въ видѣ пара, способнаго двигать поршень. Отработавшій паръ тутъ же охлаждается и вновь превращается въ воду, годную для дальнѣйшей работы аппарата.

Паровые самодвижущіеся экипажи, впрочемъ, скоро будутъ замѣнены электрическими—совершенно безшумными и постоянно готовыми къ употребленію, тогда какъ въ паровыхъ экипажахъ нужно время на разведеніе паровъ. Электрическіе

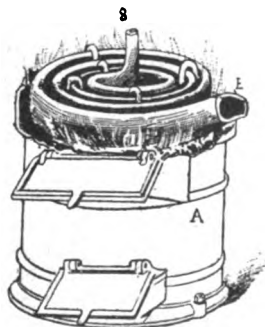

Рис. 6. Паровой котелъ Серполета.

факры уже изготовляются въ Парижѣ, фирмой Peugeot, но форма ихъ, какъ это видно на рисункѣ 7, еще не особенно кра-

того и въ случаѣ порчи можетъ быть возобновляема по частямъ.

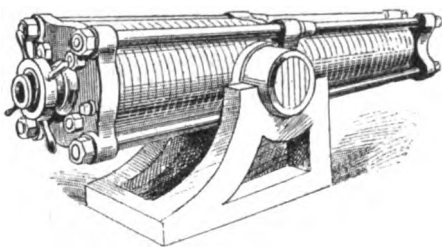

Рис. 8. Разбирающаяся пушка.

сива, благодаря необходимости помѣстить, подъ сидѣньемъ, довольно объемистый аккумуляторъ. Содержаніе ихъ, впрочемъ, и теперь уже стоитъ дешевле, чѣмъ содержаніе экипажей паровыхъ.

Разбирающаяся пушка. Въ виду затруднительности перевозить орудія, въ Америкѣ изобрѣтена недавно пушка, которая, для перевозки, можетъ быть разбираема по частямъ. Эта пушка представляетъ собою тонкую стальную трубку съ нарезками, на которую накладывается рядъ толстыхъ стальныхъ колецъ, скрѣпленныхъ затѣмъ винтовой рамкой (рис. 8). Какъ центральную трубку, такъ и кольца и рамку можно перевозить отдѣльно. Кромѣ удобства для перевозки, такая пушка еще

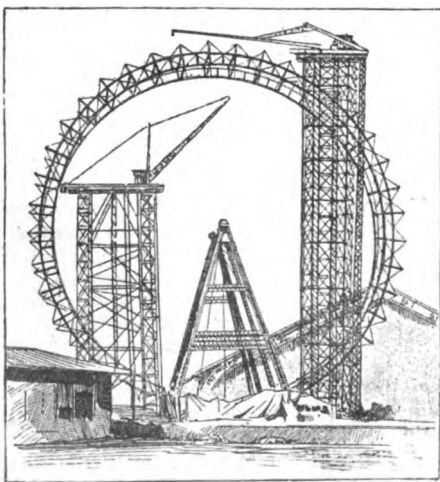

Рис. 9. Колесо круговыхъ качелей.

и выгоднѣе обыкновенныхъ, такъ какъ, для своей фабрикаціи—отливки, выковки и проч.—не требуетъ такихъ громоздкихъ и дорого стоющихъ сооружений, а кромѣ

Колесокруговыхъ качелей, долженствующихъ быть «гвоздемъ» Парижской выставки 1900 года, строится уже, какъ извѣстно, и ободъ его совершенно готовъ, представляя собою картину, изображенную на рисункѣ 9. Справа и слѣва этого рисунка видны лѣса, вышиною въ 105 и 65 метровъ, на вершинахъ которыхъ помѣщены подвижные краны. Посрединѣ находятся громадныя стальные козлы, въ 60 метровъ высотой, для оси колеса, имѣющей 13 метровъ въ длину и вѣсящей 32 тонны. Эта ось будетъ соединена стальными спицами съ ободомъ, къ которому будутъ подвѣшены сорокъ вагоновъ, на сорокъ человекъ каждый. Диаметръ колеса—сто метровъ.

Прогрессъ электрическаго освѣщенія, очень еще не совершеннаго съ экономической точки зрѣнія, такъ какъ

Рис. 10. Освѣщеніе Мура.

современные освѣтительныя аппараты утилизируютъ не болѣе 5% расходуемой на нихъ энергіи, выражается попытками избѣжать образованія теплоты, на которую тратится большая часть этой энергіи. Къ числу такихъ попытокъ слѣдуетъ отнести фосфоресценцію Гейслеровскихъ трубокъ, которую воспользовался американскій инженеръ Мооре, чтобы освѣтить небольшую часовню, построенную именно для этой цѣли. На архитектурныхъ линияхъ потолка этой часовни, какъ видно на рисункѣ 10, расположены Гейслеровы трубки,

дающія, при прохождении тока, достаточно сильный свѣтъ. Но для того, чтобы сообщить ему такую интенсивность, Мооге

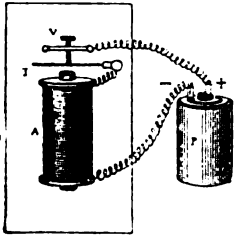

Рис. 11. Электрический прерыватель.

долженъ былъ измѣнить нѣсколько прерыватель или молоточекъ, употреблявшійся до сихъ поръ для образования прерывистаго тока, обусловливающего свѣщеніе трубокъ. До настоящаго времени прерыватель этотъ, состоящій изъ электромагнита и желѣзнаго молоточка на пружинѣ, просто приспособлялся къ бо-

Рис. 12. Прерыватель Мура.

бинѣ, какъ это показано на рис. 11, но, благодаря окружающему воздуху, при каждомъ перерывѣ тока, между магнитомъ и молоточкомъ проскакивала искра, уменьшавшая свѣтовую энергію электричества. Для того, чтобы устранить это нежелательное явленіе, Мооге помѣстилъ молоточекъ въ безвоздушномъ пространствѣ (рис. 12) и Гейслеровы трубки стали свѣтить гораздо сильнѣе.

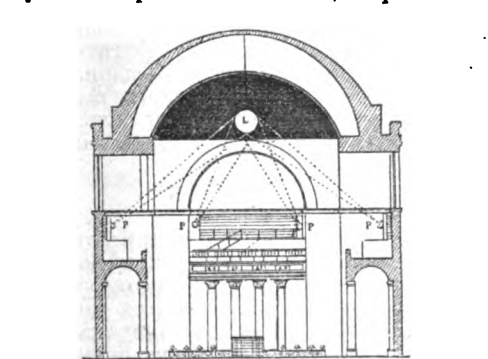

Рис. 13. Искусственная луна.

отъ глазъ за ширмами или карнизомъ, направляются на бѣлый потолокъ и отъ него уже разсѣиваются по всей комнатѣ

(какъ это сдѣлано въ одной изъ гостиныхъ Зимняго дворца), давая освѣщеніе, совершенно подобное дневному свѣту, когда солнце скрыто облаками.

Для того, чтобы сдѣлать такое освѣщеніе болѣе эффектнымъ, строители библиотеки Колумбійскаго университета придумали отразить лучи четырехъ электрическихъ лампъ, скрытыхъ за карнизомъ одной изъ залъ этой библиотеки, отъ подвѣшеннаго къ потолку матово-бѣлаго шара. Получилась искусственная луна, (рис. 13), но свѣтъ, даваемый ею, говорятъ, слишкомъ слабъ, такъ что работающіе въ библиотекѣ принуждены прибѣгать къ переноснымъ столовымъ лампамъ.

Машинка для фабрикованія желѣзнодорожныхъ билетовъ въ моментъ ихъ выдачи.

Продажа желѣзнодорожныхъ билетовъ, на крупныхъ вообщее и узловыхъ станціяхъ въ особенности, крайне затруднительна для кассировъ и скудна для публики. Первымъ приходится отыскивать билеты извѣстнаго класса на извѣстную станцію и штемпелевать ихъ, а послѣдняя должна терпѣливо дожидаться конца

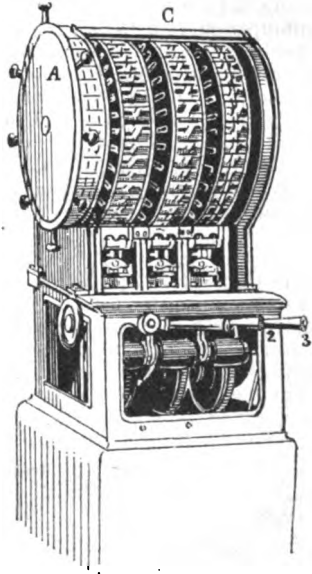

Рис. 14. Машинка для фабрикованія желѣзнодорожныхъ билетовъ въ моментъ ихъ выдачи.

дѣло и ускорить выдачу билетовъ, во Франціи изобрѣтена машинка, фабрикующая послѣдніе тутъ же на мѣстѣ. Машинка эта (рис. 14) состоитъ изъ цилиндра С, на которомъ намотана полоска чистаго картона. На одной оси съ цилиндромъ вращается колесо А и на его окружности написаны названія всѣхъ станцій, до которыхъ билетъ можетъ быть выданъ. Кассиру стоитъ только повернуть это колесо, такъ чтобы названіе нужной станціи показалось въ нарочно для того продѣланномъ окошечкѣ, а затѣмъ нажать рукоятку (1, 2, 3 на рисункѣ), соответствующую классу билета, и послѣдній выпадетъ со-

всѣмъ готовымъ, отпечатавшимся въ то же время на бумажной лентѣ, саади аппарата. По этой лентѣ расходъ билетовъ и касса въ любую минуту могутъ быть проверены. Такія машинки функционируютъ уже на многихъ французскихъ желѣзныхъ дорогахъ.

Новый способъ окраски обоевъ, изобрѣтенный, въ Парижѣ, г. Анри, основанъ на, такъ называемыхъ, цвѣтахъ тонкихъ пластнокъ, то-есть на свойствѣ послѣднихъ разлагать бѣлый лучъ свѣта на его составныя части. Свойство это, проявляющееся въ радужной окраскѣ мыльных пузырей, напримѣръ, или тонкихъ слоевъ какого-нибудь маслянистаго вещества, расплывшагося по поверхности воды, зависитъ отъ того, что эфирныя волны, соответствующія разнымъ цвѣтамъ спектра, обладаютъ разной длиною и потому неодновременно и не въ одномъ и томъ же мѣстѣ отражаются нижней поверхностью тонкой пластинки. Пользуясь этимъ свойствомъ, г. Анри придумалъ покрывать обойную бумагу тонкимъ слоемъ гуттаперчи, растворенной въ скипидарѣ. Скипидаръ испаряется, а гуттаперча остается на бумагѣ, сообщая ей радужный отливъ, напоминающій перламутръ.

Перевозка грузовъ по рѣкамъ и каналамъ, представляющая, какъ извѣстно, самый дешевый способъ транспортированія, совершается, однако же, крайне медленно, такъ какъ барки, въ такихъ случаяхъ, тянутся обыкновенно людьми или лошадьми, по двѣ—по три

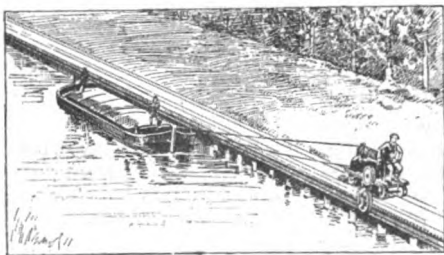

Рис. 15. Перевозка грузовъ по рѣкамъ и каналамъ.

версты въ часъ. Для того, чтобы устранить это неудобство, нѣкто г. Шатцъ предложилъ тянуть ихъ при помощи электрическаго локомотива, идущаго по рельсамъ, проложеннымъ по берегу канала, и цѣпляющагося своими зубчатыми колесами за кремальеръ, который протянутъ по всей набережной, какъ это показано на рис. 15. Предпримчивые американцы тотчасъ же воспользовались выдумкой Шат-

ца и примѣнили уже предлагаемый имъ способъ на нѣкоторыхъ изъ своихъ каналовъ. Примѣненіе это сдѣлано, однако же, такъ недавно, что оцѣнить пригодность способа и его сравнительную стоимость не представляется возможнымъ.

Подводная лодка «Аргонавтъ», построенная недавно въ Америкѣ и пред-

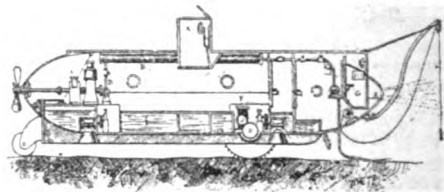

Рис. 16. Подводная лодка «Аргонавтъ».

назначенная для изслѣдованія морского дна на не очень большихъ глубинахъ, представляетъ собою нѣчто въ родѣ толстой сигары, стоящей на трехъ колесахъ и снабженной винтомъ, такъ что она можетъ и плавать и катиться по дну. Длина этой сигары—10 метровъ, диаметръ—2,5 м.; въ передней ея части, какъ это видно на рисункѣ (№ 16), помѣщенъ электрическій фонарь и различныя приспособленія для подводныхъ работъ; въ средней—моторъ для колесъ F, цистерна для воды, накачивая и выкачивая которую, лодка можетъ погружаться и всплывать (I), помѣщеніе для экипажа (E) и цилиндръ со сжатымъ воздухомъ (B). Въ задней части помѣщается моторъ для винта (C), а вверху, надъ поверхностью сигары выдается рубка A, предназначенная для шкипера. При работѣ на небольшихъ глубинахъ лодка снабжается воздухомъ посредствомъ тоненькихъ трубокъ, выходящихъ на поверхность моря и двигается съ помощью керосинового двигателя, а при работѣ на глубинахъ большихъ беретъ съ собою запасъ сжатого воздуха, достаточный на 48 часовъ, и пользуется аккумуляторами. Всего экипажа на ней шесть человѣкъ.

Устройство самодвижущихся торпедъ, давно уже имѣвшихся во флотахъ всѣхъ націй, но никогда не употреблявшихся, хранилось до сихъ поръ въ тайнѣ. Последняя испано-американская война, въ которой онѣ были испытаны, дала возможность разъяснить эту тайну, такъ что теперь въ заграничныхъ иллюстрированныхъ журналахъ встрѣчаются уже подробные рисунки торпедъ разнаго типа. Наиболѣе распространенною изъ нихъ надо считать подводнуюмину Уайтхе-

да, которая, по наружному виду, знакома, вѣроятно, и большинству нашихъ читателей, такъ какъ красовалась на многихъ русскихъ выставкахъ.

Всѣмъ извѣстно, что она представляетъ собою длинную, гладкую, стальную сига-

и отсутствіе ея дѣлаетъ торпеду совершенно безопасной.

Помимо Уайтхедовой, употребляются еще торпеды Хоуэля (рис. 18), въ которыхъ моторомъ служить не сжатый воздухъ, а простой гироскопъ—тяжелое маховое колесо, приводимое въ быстрое вращательное движеніе какъ разъ передъ выстрѣломъ. Остальная часть механизма въ этой торпедѣ такая же какъ и въ Уайтхедовской.

Какъ ни остроумно задуманы эти торпеды, но онѣ, однако же, съ большимъ

трудомъ сохраняютъ разъ данное направленіе, да и не всегда можно заранее опредѣлить его, такъ какъ судно, на которое направлена атака, можетъ внезапно измѣнить курсъ и передвинуться на другое мѣсто. Для того, чтобы устранить это неудобство, придумано множество различныхъ минъ хотя и движущихся автоматически, но направляемыхъ извне, по-

Рис. 17. Торпедѣ Уайтхеда.

ру съ рулемъ и винтомъ на заднемъ концѣ и съ маленькой вертушкой на переднемъ. Всѣ знаютъ также, что она выбирается съ судовъ посредствомъ особой пушки, заряжаемой небольшимъ количествомъ пороха или сжатымъ воздухомъ. Будучи разъ выброшена, она уже сама идетъ подъ воду, по извѣстному направленію и на извѣстной, постоянной и заранее опредѣленной глубинѣ. Это послѣднее обстоятельство составляло главный ея секретъ. Въ настоящее время секретъ этотъ объясняется очень просто: въ одномъ изъ отдѣловъ торпеды (рис. 17 В) помѣщенъ поршень, который подъ вліяніемъ опредѣленного столба воды держитъ руль въ опредѣленномъ направленіи. Какъ только торпедѣ отклонится отъ предназначенной ей глубины вверхъ или внизъ, такъ давленіе воды мѣняется и поршень измѣняетъ положеніе руля. Напряженіе поршня, посредствомъ особыхъ пружинъ, заранее устанавливается именно для извѣстной глубины. Помимо механизма, обуславливающаго погруженіе торпеды, въ ней заключается: А—зарядъ хлопчатобумажнаго пороха, съ детонаторомъ, дѣйствующимъ при столкновении торпеды съ твердымъ тѣломъ; С—резервуаръ сжатого воздуха; б—двигатель, дѣйствующій при помощи этого воздуха и сообщающій движеніе винтовому аппарату, помѣщенному на кормѣ. Вертушка, находящаяся на но-

Рис. 19. Торпедѣ Симсъ-Эдисона.

средствомъ гальваническаго тока. Типичнѣйшею изъ такихъ минъ можно считать торпеду Симсъ-Эдисона, изображенную на рисункѣ 19. Верхняя ея часть представляетъ собою поплавокъ, снабженный флагомъ и бѣлымъ дискомъ, которые, находясь надъ поверхностью воды, позволяютъ издали слѣдить за ходомъ аппарата и направлять его куда нужно. Нижняя часть, связанная съ верхней посредствомъ желѣзныхъ скрѣпленій, содержитъ: камеру съ взрывчатымъ веществомъ—Е; катушку, на которой намотанъ кабель—Г; электромоторъ—М и систему электромагнитовъ, при помощи которыхъ руль—9 можетъ быть повернутъ въ любую сторону электрическимъ токомъ, идущимъ по кабелю, съ берега или съ судна. Кабель, на такихъ минахъ, можетъ достигать до 4000 метровъ въ длину. Торпедѣ Симсъ-Эдисона не выстрѣливается изъ пушки, а пускается просто на воду и затѣмъ приводится въ движеніе съ помощью электрическаго тока отъ батареи, находящейся на мѣстѣ отправленія. Такимъ образомъ, эта торпедѣ и движется, и направляется, и взрывается по волѣ лишь, управляющихъ ея движеніемъ.

Рис. 18. Торпедѣ Хоуэля.

су и приводимая во вращательное движеніе самой водою, назначена только для того, чтобы удерживать на мѣстѣ стержень детонатора, который безъ этого не сталъ бы дѣйствовать. Вертушка эта вставляется только передъ выстрѣломъ,

Клеронъ.

Клара Легри-де-Латюдъ, — или Клеронъ, какъ звали ее попросту, — умерла въ 1802 году, семидесяти девяти лѣтъ отъ рожденія, въ нищетѣ, всѣми оставленная и забытая еще задолго до смерти.

Рѣка Забвенія иногда «течетъ обратно» и выбрасываетъ на берегъ останки жертвъ, унесенныхъ ея безпощадными волнами.

Такъ, почти черезъ сто лѣтъ, французы вспомнили о Клеронъ. Парижскій театръ Comédie-Française разыскалъ и богато украсилъ ея заброшенную могилу на кладбищѣ Père-Lachaise. Въ послѣднемъ салонѣ парижане любовались изящнымъ памятникомъ Клеронъ работы скульптора Анри Гокке и архитектора Гильома. Этотъ бюстъ вытѣпленъ изъ глины. Теперь остается воспроизвести его въ мраморѣ и поставить на площади въ Конде-на-Шельдѣ, родномъ городѣ Клеронъ. Недавно, въ парижскомъ Трокадеро былъ данъ спектакль, точная копія театральныхъ представленій XVIII вѣка, — въ «бенефисъ»... Клеронъ. Сама бенефициантка въ спектакль, конечно, не участвовала, но по причинамъ вполне уважительнымъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ сезоновъ въ нашемъ Михайловскомъ театрѣ тоже былъ устроенъ «бенефисъ безъ участія бенефициантки», которая отсутствовала на сценѣ не вслѣдствіе своей смерти сто лѣтъ тому назадъ, даже не по болѣзни, а потому лишь, что въ бенефисной пьесѣ не нашлось для нея

роли. Публикѣ это показалось нѣсколько страннымъ и какъ будто не вполне извинительнымъ.

Вернемся къ Клеронъ, одной изъ величайшихъ трагическихъ актрисъ Франціи, и расскажемъ въ краткихъ словахъ ея жизнь.

Клеронъ родилась въ 1723 г., на два мѣсяца ранѣе нормальнаго срока. Это случилось во время карнавала.

Конде-на-Шельдѣ — маленькій городокъ. Его жители проводили карнавалъ очень весело, собираясь, по изстари установившемуся обычаю, у богатѣйшихъ буржуа. Кюре и викарій не осуждали этого веселья и сами принимали участіе въ забавахъ.

Бабушка Клеронъ, очень благочестивая особа, увидѣвъ жалкое, слабенькое существо, только-что родившееся на свѣтъ Божій, но не обѣщавшее долго жить, потребовала, чтобы его немедленно отнесли въ церковь для полученія напутствія. Дѣдушка Клеронъ и акушерка отправились съ ребенкомъ въ церковь; она оказалась запертой; церковнаго сторожа они не нашли. Тогда они поѣхали на домъ къ кюре, но и это путешествіе было напрасно. Наконецъ, благодаря указанію одной изъ сосѣдокъ приходскаго дома, они узнали, что кюре и викарій въ гостяхъ у такихъ-то буржуа, гдѣ собрался чуть ли не весь городокъ.

Видъ маленькой Клеронъ произвелъ на юре такое впечатлѣніе, что онъ счелъ опаснымъ и невозможнымъ терять время: музыкантамъ приказали замолчать, и тутъ же на балу были прочитаны установленныя молитвы. Затѣмъ Клеронъ отвезли домой.

Дѣвочка не умерла, а стала расти и хорошѣть, несмотря на жестокое обращеніе своей матери, вполне заслуживавшей имени «мачихи».

Эта скверная женщина часто наказывала свою дочь и, между прочимъ, запирала ее въ отдѣльную комнату. Изъ окна своей тюрьмы Клеронъ могла наблюдать, какъ М-ле Данжевилъ, которой было суждено сдѣлаться одной изъ лучшихъ актрисъ на роли субретокъ, брала уроки пѣнія и танцевъ, какъ она получала комплименты и поцѣлуи отъ своихъ нѣжныхъ родныхъ. Горькій контрастъ!

Въ своихъ «Мемуарахъ» Клеронъ рассказала въ послѣдствіи о томъ знаменательномъ для нея вечерѣ, когда она первый разъ въ жизни увидѣла театральное представленіе. Вотъ ея собственныя слова:

«Я не въ состояніи передать теперь то, что происходило тогда во мнѣ. Я знаю только, что во время спектакля и въ остальную часть того же вечера меня не могли заставить ни сѣсть что-нибудь, ни даже сказать одно слово... Я ничего не видѣла и не слышала вокругъ себя. *Allez vous coucher, grosse bête* ¹⁾, вотъ единственный слова, которые достигли, наконецъ, моего сознанія, и я убѣждала въ спальню; но вмѣсто того, чтобы лечь спать, я стала припоминать, говорить и дѣлать все то, что я видѣла въ театрѣ. На другой день я поразила всѣхъ, повторивъ на память болѣе ста стиховъ изъ трагедій и двѣ трети маленькой пьесы.»

Дѣвочка въ совершенствѣ имитировала тонъ и жесты всѣхъ актеровъ, но ея мать объявила, что было бы гораздо лучше, если бы ея дочь умѣла шить платье или рубаху, нежели повторять «эти глупости».

«Мнѣ объявили, что если я не буду работать, то меня будутъ морить голодомъ и переломають мнѣ руки и ноги... Изъ чувства гордости я удержалась отъ слезъ и рѣшительно сказала: «Ну, такъ убейте меня сейчасъ же, потому что, въ противномъ случаѣ, я буду играть комедію.»

Съ малыхъ лѣтъ Клеронъ запугивали разсказами о привидѣніяхъ и колдунахъ, и она осталась суевѣрной на всю жизнь.

Она сама разсказываетъ, напримѣръ, какъ ее преслѣдовалъ послѣ своей смерти одинъ изъ ея безчисленныхъ обожателей. Умирая, онъ выразилъ желаніе увидѣться съ Клеронъ, но она отказалась прійти, и умирающій воскликнулъ: «Послѣ моей смерти я буду преслѣдо-

вать ее такъ же, какъ преслѣдовалъ при жизни!» Мертвецъ сдержалъ свое обѣщаніе. Ночью подъ ея окнами раздавались жалобные крики. Кто-то стрѣлялъ въ окно ея квартиры, не разбивая, однако, стеколъ, и въ ея карету, когда она проѣзжала мимо дома, въ которомъ жилъ ея покойный обожатель. Однажды Клеронъ

Бюстъ Клеронъ.

(Скульптура Гокье).

вышла вечеромъ на балконъ; раздался выстрѣлъ, и она почувствовала ударъ въ щеку, который, по ея словамъ, можно сравнить съ «сильной пощечиной». На смѣну выстрѣламъ явились звуки хрустящихъ костей, и, наконецъ какой-то небесный голосъ пѣлъ трогательныя гимны.

¹⁾ Идите ложиться спать, дура.

Одинъ изъ современниковъ такъ описываетъ наружность Клеронъ:

«М-лле Клеронъ двадцать два или двадцать три года. Она поразительно была лицомъ. Ея голова очень красива, а большіе глаза полны огня. Ея ротъ украшенъ прекрасными зубами, очертанія бюста правильны, изящны и непринужденны. У нея скромный видъ, располагающій въ ея пользу. Она не совершенная красавица, но, чтобы быть очаровательной, нужно на нее походить.»

Клеронъ была ученицей, а потомъ соперницей знаменитой актрисы Дюмениль; она была учительницей бѣдовой Софи Арну.

Клеронъ божественно играла произведенія Корнеля, Расина и Вольтера. Башмонъ такъ отзывался о ней: «Разъ на афишѣ появляется ея имя,—театръ будетъ полонъ. Одно ея появленіе на сценѣ вызываетъ бурю аплодисментовъ. Она—верхъ совершенства; это — Мельпомена, созданная Фидіемъ.»

Клеронъ произвела счастливую революцію въ драматическомъ искусствѣ: она принесла стремленіе къ правдѣ, къ критическому изученію ролей, заботу о костюмѣ и сценической обстановкѣ, заботу о правдоподобности и естественности. По мнѣнію театраловъ, всякая актриса, желающая выступить въ роли Роксаны¹⁾ должна прочитать критическія замѣтки Клеронъ. Роль Роксаны—одинъ изъ ея самыхъ блестящихъ триумфовъ. Она объявила, что смѣшно играть Роксану въ платьѣ французскаго фасона, и первая во Франціи поняла, насколько реализмъ англійскаго театра выше рутинныхъ требованій французской сцены, на которой въ то время никто не смѣлъ представить Ричарда III съ его горбомъ. Ея «Réflexions

sur la Déclamation théâtrale»¹⁾ драгоценный учебникъ для актеровъ.

Ей первой пришла мысль объ основаніи консерваторіи, гдѣ будущіе актеры могли бы изучать театральное искусство.

Французскій театръ долженъ помнить великія заслуги Клеронъ и свято чтить ея память.

Мы уже говорили, что поклонники и обожатели Клеронъ были безчисленны. Назовемъ маршала Ришелье, Мармонтеля, маркиза Ксименеса, маркиграфа Анспаха и т. д.

Клеронъ посѣщали графини, принцессы, все высшее общество и самъ Людовикъ XV. Опьяненная своимъ триумфомъ, она осмѣлилась сказать, что Помпадуръ обязана своимъ царскимъ величіемъ случаю, а она, Клеронъ,—своему гениальному таланту.

За непокорный нравъ Клеронъ была однажды посажена въ Фортъ-л'Эвекъ, куда сажали обыкновенно лишь государственныхъ людей. Въ тюрьмѣ она устраивала восхитительные ужины («воцѣрежъ divins»), на которые съѣзжалось многочисленное знатное общество, и у воротъ тюрьмы стояла длинная вереница каретъ. Арестантка Клеронъ была царицей тюрьмы.

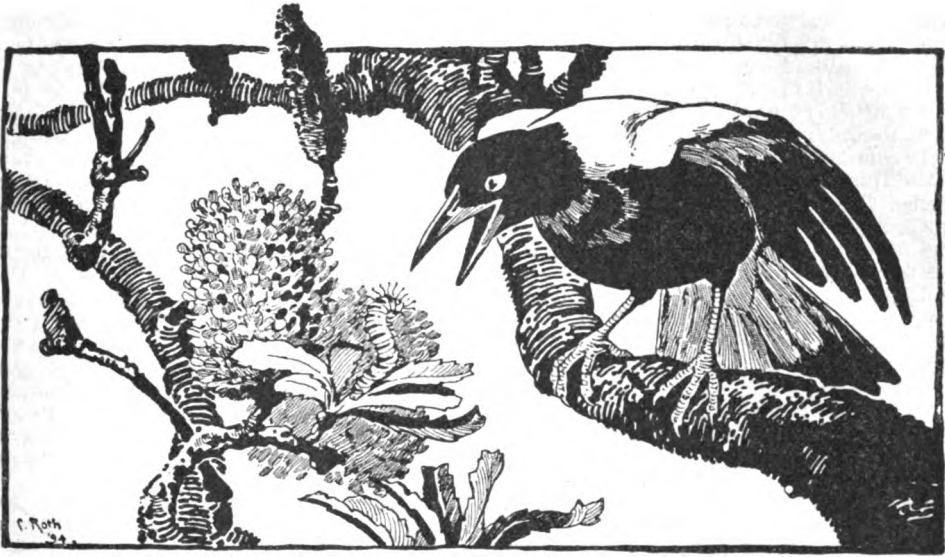
Эта женщина достигла послѣднихъ вершинъ славы. Представьте себѣ ужасъ ея паденія въ бездну нищеты, старости и болѣзней. Представьте Клеронъ въ видѣ морщинистой, сгорбленной старухи, въ рваномъ платьѣ, подметающей свою нищенскую комнатку щеткой, которую едва могутъ удержать ея слабыя исхудалыя руки.

Клеронъ вышла, какъ говорится, «изъ ничего». Ужасное «ничто» ожидало ее впереди на разстояніи восьмидесяти лѣтъ въ концѣ ея жизненнаго пути.

¹⁾ Въ трагедіи Расина «Баязетъ».

¹⁾ Размышленія о театральной декламаци.

ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

Университетскія колоніи.

Англійскіе университеты еще недавно были учреждениями аристократическими и сектаторскими, но съ 1867 года въ нихъ начинается вѣять новый духъ. Фредерикъ Морисъ, Силей, Джоветтъ, Рескинъ (Ruskin) и другіе явились выразителями и распространителями чувства, которое все болѣе и болѣе выяснялось и усиливалось, — чувства общественнаго долга. Университетскіе профессора (среди нихъ первое мѣсто слѣдуетъ отвести Т. Гилль-Грину) объяснили студентамъ, что недостаточно раздавать бѣднымъ одну денежную милостыню и что мы должны удѣлять имъ также нѣкоторую долю нашей интеллектуальной и моральной жизни. Эта проповѣдь съ университетской кафедры не уподобилась сѣменамъ, упавшимъ на бесплодную почву. Подъ ея влияніемъ нѣсколько молодыхъ людей рѣшили поселиться въ восточной части Лондона, среди бѣднаго и темнаго люда. Это было лѣтъ тридцать тому назадъ. Въ 1867 году примѣръ былъ поданъ Эдуардомъ Денисономъ, изъ Оксфорда. Онъ умеръ въ 1871 году, но явились подражатели, въ лицѣ Эдмунда Голланда и Эдуарда Леонарда. Съ 1874 года, среди небольшой группы оксфордскихъ студен-

товъ, установился обычай — проводить часть лѣтнихъ вакацій въ Уайтчепель.

Самымъ выдающимся представителемъ этой группы былъ, безъ сомнѣнія, Арнольдъ Тойнби (Arnold Toynbee). Горячее стремленіе къ познанію истины жило въ немъ на ряду съ постоянной заботой о жизни; никакія научныя абстракціи не могли заслонить и скрыть отъ его взора конкретныхъ образовъ жизни. За принципами и законами онъ замѣчалъ живыхъ людей съ ихъ страданіями и съ ихъ радостями. Онъ былъ похожъ на Мишлэ: поэтическое воображеніе открывало ему дѣйствительность. При изученіи религіозныхъ вопросовъ онъ всегда имѣлъ въ виду потребности и страданія человѣческой души, а въ вопросахъ философіи — метафизическія спекуляціи у него всегда сопровождались психологическими и моральными размышленіями. Онъ обладалъ удивительной способностью угадывать тайны соціальной жизни всѣхъ историческихъ эпохъ: ему было извѣстно, противъ какого ала боролись люди тѣхъ временъ и о какихъ идеалахъ справедливости они мечтали.

Когда въ 1878 году Тойнби сдѣлался

лекторомъ въ коллегіи Балліоля, въ Оксфордѣ, то предметомъ своего преподаванія онъ выбралъ политическую экономію. Вначалѣ всѣ были этимъ очень удивлены: неужели этотъ идеалистъ способенъ заниматься такой холодной наукой?

Но удивленіе исчезло, когда увидѣли, какъ Тойнби понималъ политическую экономію. Онъ относился къ ней какъ историкъ, который не ищетъ въ фактахъ болѣе или менѣе натянутое доказательство законовъ, установленныхъ а priori, но, напротивъ, безъ всякихъ предвзятыхъ мнѣній и безъ желанія подтвердить какіе-либо догматы, прямо изучаетъ условія общественнаго строя, его происхождение и причины его преобразованія. Тойнби не могъ сосредоточиться исключительно въ изученіи прошедшаго: чтобы понять то, что было, необходимо находиться въ постоянномъ общеніи съ тѣмъ, что есть теперь. Тойнби преслѣдовала неотвязная мысль о многочисленномъ бѣдномъ и тяжело трудящемся населеніи предмѣстій большихъ городовъ. Онъ чувствовалъ, что нельзя быть полезнымъ этимъ труженикамъ, не познакомившись съ ними близко и не посвятившись въ тайну ихъ существованія. Съ этой цѣлью онъ пользовался всѣми своими ваканціями и по нѣскольку недѣль подъ рядъ жилъ среди жалкихъ рабочихъ жилищъ въ Уайтчепелѣ.

Лекціи политической экономіи, которыя Тойнби читалъ въ коллегіи по возвращеніи изъ Уайтчепеля, были проникнуты искренней и горячей любовью къ рабочимъ и производили такое сильное впечатлѣніе на слушателей, что многие изъ нихъ, относившіеся прежде совершенно индифферентно ко всякому гражданскому долгу, воспламенились желаніемъ засыпать и уничтожить пропасть, раздѣляющую культурные классы отъ рабочаго сословія.

Молодой апостолъ умеръ скоропостижно 9 марта (н. с.) 1883 года. Его друзья пожелали увѣковѣчить память о немъ. Они начали съ того, что собрали капиталъ въ 25 тысячъ рублей, на русскія деньги. Затѣмъ было рѣшено открыть чтеніе лекцій по политической экономіи въ духѣ покойнаго и открыть въ одномъ изъ бѣднѣйшихъ кварталовъ залу, которая служила бы для различныхъ дѣлъ социальнаго сближенія.

Въ это именно время появляется Самуэль Барнеттъ, викарій церкви св. Іуды въ Уайтчепелѣ. Онъ произноситъ рѣчь на митингѣ, состоявшемся въ маѣ 1883 года въ Оксфордской Сентъ-Джонской коллегіи, и слѣдующимъ образомъ резюмируетъ программу будущихъ дѣйствій:

«Чтобы оказать истинную помощь бѣднымъ, недостаточно одной раздачи денегъ. Бѣдные нуждаются не только въ хлѣбѣ, но также въ чистѣйшихъ и высочайшихъ радостяхъ человѣческой жизни: умственный кругозоръ бѣдныхъ ужасно ограни-

ченъ. Что они знаютъ? Имъ знакомы лишь ихъ ближайшіе сосѣди, между тѣмъ какъ исторія рассказываетъ намъ о жизни человѣчества въ отдаленнѣйшія времена, а усовершенствованные пути сообщенія позволяютъ богатымъ людямъ быстро перенестись въ любой пунктъ земного шара. Неужели бѣдняки не имѣютъ права узнать о практическихъ результатахъ прогресса различныхъ наукъ, а въ особенности медицины, которая успокаиваетъ физическія страданія и продолжаетъ дни жизни? Развѣ это не священный долгъ тѣхъ, кому посчастливилось получить широкое научное образованіе,—разъяснить бѣднымъ и темнымъ высшія предствленія объ идеалѣ, народившіяся въ концѣ нашего вѣка, мучимаго желаніемъ лучшей и болѣе чистой жизни?.. Прійти въ сферу бѣдныхъ и работать для нихъ должны члены университета...»

Воззваніе каноника Самуэля Барнетта не осталось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Было рѣшено основать университетскую колонію въ восточной части Лондона. Образовалось частное общество съ капиталомъ въ 100 тысячъ рублей. Оно купило зданіе одной промышленной школы и приспособило это помѣщеніе для своихъ новыхъ цѣлей. Тамъ сейчасъ же поселились резиденты, или колонисты. Такъ была основана Toynbee Hall (Домъ Тойнби) колонія Науки въ царствѣ Невѣжества.

Адресъ дома Тойнби: Commercial Street, 28 (Коммерческая улица, 28). По обѣимъ сторонамъ широкихъ воротъ расклеены афиши, объявляющія о публичныхъ лекціяхъ, классахъ и т. п.; это входъ въ колонію; узкій и высокій домъ, въ которомъ прорѣзаны эти ворота, служатъ квартирой для каноника Самуэля Барнетта. Онъ живетъ здѣсь вотъ ужъ тринадцать лѣтъ, энергично руководитъ сложнымъ и обширнымъ дѣломъ, воодушевляетъ своихъ сотрудниковъ, среди которыхъ, несмотря на различіе характеровъ и направленій, ему удается поддерживать удивительное единеніе. Пройдя чрезъ ворота, вы войдете на дворъ, вокругъ котораго идетъ рядъ зданій изъ краснаго кирпича, сообщающихся между собой. По стѣнамъ вѣется плющъ; на всѣхъ окнахъ, въ ящикахъ, распускаются цвѣты; нѣтъ ничего отталкивающаго; нѣтъ даже ничего строгаго; все имѣетъ привѣтливый и радостный видъ. Въ первомъ этажѣ находится зала для публичныхъ чтеній, могущая вмѣстѣ до 300 человѣкъ, большой салонъ и столовая. Во второмъ этажѣ—комнаты резидентовъ и зала для уроковъ или для клубныхъ собраній.

Что же дѣлаютъ въ Домѣ Тойнби? Отвѣтъ на этотъ вопросъ вы прочтете въ печатномъ листкѣ, который вручается посетителямъ.

«Toynbee Hall былъ основанъ ассоціаціей университетскихъ колоній (University Settlements), чтобы дать возможность членамъ университетовъ жить въ большихъ промышленныхъ центрахъ. Резиденты занимаютъ это зданіе, которое становится ихъ «home»¹⁾. Они приглашаютъ къ себѣ въ гости своихъ новыхъ друзей изъ сосѣдняго населенія. Каждый изъ резидентовъ беретъ на себя какія-нибудь гражданскія обязанности, благодаря чему легче сближается съ другими гражданами и въ одно и то же время учитъ другихъ и научается самъ. Будутъ ли резиденты членами общественныхъ совѣтовъ или клубовъ, будутъ ли они учителями въ классахъ, будутъ ли они читать публичныя лекціи или принимать гостей, будутъ ли они директорами школъ или участниками дѣтскихъ игръ, будутъ ли членами комитетовъ или лично будутъ посѣщать бѣдныхъ, будутъ ли проповѣдывать Евангеліе или работать для удовлетворенія челоѳеческихъ нуждъ, — во всѣхъ этихъ случаяхъ ихъ главная цѣль останется одна и та же: завязать дружескія отношенія, а затѣмъ поднять уровень жизни своихъ друзей. Резиденты принадлежатъ къ различнымъ политическимъ и религіознымъ мнѣніямъ. Основаніе ихъ единенія, это—сознаніе всѣми ими того долга, который лежитъ на нихъ по отношенію къ средѣ, въ которой они живутъ... Домъ Уадгама и домъ Балліоля (Wadham and Balliol Houses)—отдѣленія Toynbee Hall'a—были основаны для студентовъ (рабочихъ), которые посѣщали классы Toynbee Hall'a и чувствовали потребность въ школьной интернатной жизни, которая дала бы имъ тишину и спокойствіе для занятій и гдѣ бы ихъ усилія поддерживались примѣромъ и соревнованіемъ окружающихъ. Плата, вносимая студентами-рабочими за ихъ содержаніе, покрываетъ расходы заведенія. Каждый изучаетъ какой-нибудь предметъ съ согласія директора Toynbee Hall'a... Надѣются, что со временемъ эти дома образуютъ изъ себя промышленный университетъ.»

Для иллюстраціи этой программы вспомнимъ, между прочимъ, слова Арнольда Тойнби: «Мысль и знаніе должны занять отнынѣ въ филантропіи мѣсто чувства.» Поэтому нѣкоторые изъ колонистовъ посвящали и посвящаютъ себя основательному научному изученію той среды, въ которой они поселились. Примѣръ подали Самуэль Барнеттъ и его жена. Они резюмировали результаты своихъ наблюдений въ одномъ изданномъ ими сочиненіи, гдѣ читатель найдетъ множество крайне важныхъ и вполне достоверныхъ свѣдѣній о жизни лондонскаго ghetto²⁾, о пи-

щѣ и квартирахъ въ восточной части Лондона. Резидентъ Эрнестъ Эвзъ (Ernest Aves) напечаталъ подробный отчетъ о бюджетѣ рабочихъ семействъ; резидентъ Пиддокъ (Pyddock) изслѣдовалъ жизнь бродягъ. Зимой въ 1895—96 году Toynbee Hall занимался изученіемъ условий существованія «рабочихъ безъ работы».

Но колонія преслѣдуетъ не однѣ лишь научныя цѣли. Ея члены содѣйствуютъ всѣмъ тѣмъ предпріятіямъ своего квартала, которыя борются съ невѣжествомъ, нищетой и страданіемъ. Резиденты оказываютъ содѣйствіе санитарнымъ инспекторамъ и побуждаютъ населеніе исполнять существующіе законы. Другіе заботятся о дѣтяхъ и отправляются съ ними на прогулки въ окрестностяхъ. Нѣкоторые отдаютъ себя въ распоряженіе благотворительныхъ обществъ, служатъ, такъ сказать, связующими звеньями между ними и такимъ образомъ удѣсятеряютъ ихъ силу.

Вечеромъ Toynbee Hall превращается въ народный университетъ: систематическіе курсы и лекціи привлекаютъ и соединяютъ въ группы самыхъ разнообразныхъ учениковъ, стараются удовлетворить самыя разнообразныя потребности, дать желаемое какъ наиболее пріятельнымъ изъ своихъ учениковъ, такъ и самымъ скромнымъ. Для того, чтобы оживить классы и курсы и развить въ ученикахъ самостоятельность, были сформированы спеціальныя группы, изъ которыхъ каждая изучала возможно глубже какой-нибудь отдѣльный предметъ: одни занимаются естествознаніемъ, другіе — литературой, третьи—политической экономіей, и т. д. Образовался даже клубъ «путешественниковъ», которые предпринимали, на общій счетъ, болѣе или менѣе отдаленныя путешествія, посѣщаютъ Францію, Германию и Италию.

Публичныя чтенія съ преніями позволяютъ слышать и даже спрашивать политическихъ и другихъ ораторовъ, которые никогда не отвѣчаютъ отказомъ на приглашенія колоніи.

На ряду съ образовательной задачей идетъ также то, что называютъ «соціальнымъ дѣломъ» колоніи, главная цѣль котораго заключается въ сближеніи сословій. Устраиваются прогулки въ окрестностяхъ, обозрѣнія памятниковъ; организовуются клубы мальчиковъ; устраиваются концерты; однимъ словомъ, всѣ средства считаются хорошими, если они уничтожаютъ разстоянія, вызываютъ на сердечную бесѣду, сближаютъ умы и сердца. Развѣ не устраивались художественныя выставки, доставившія посѣтелямъ Toynbee Hall'a величайшее и никогда долѣ не испытанное удовольствіе? Для того, чтобы познакомить жителей East-End'a (восточнаго конца Лондона) съ этимъ новымъ для нихъ языкомъ—языкомъ искусства,

¹⁾ Т. е. они здѣсь—у себя дома.

²⁾ Т. е. самаго бѣднаго и грязнаго квартала.

былъ составленъ каталогъ, въ которомъ вкратцѣ объяснялось содержаніе каждой картины. Каталогъ продавался по 1 пенни за экземпляръ. Объясненія, быть можетъ, поразили бы вѣсть своимъ элементарнымъ, дѣтскимъ характеромъ, но не слѣдуетъ забывать, что они предназначались для людей, которыхъ надо научить смотреть. Прочитавъ «объясненіе», простонародный посѣтитель остается передъ картиной въ долгомъ и задумчивомъ созерцаніи. Картина вызываетъ въ его душѣ цѣлый рядъ образовъ и чувствъ. Каждому посѣтителю при входѣ вручался бюллетень, на которомъ онъ долженъ былъ написать названія двухъ-трехъ картинъ, которыя ему болѣе всего понравились. Затѣмъ эти бюллетени собирались въ урны, и въ концѣ выставки можно было узнать, какая картина угодила вкусу большинства. Вотъ какіе результаты дало голосованье. Пейзажи понравились менѣе всего. Большой успѣхъ имѣли историческія и жанровыя картины, и, наконецъ, пальму первенства,—какъ это ни удивительно на первый взглядъ,—народъ отдалъ картинамъ символическимъ, выражающимъ какія-нибудь высшія нравственныя истины. Такія картины болѣе всего нравятся народу, если въ каталогѣ находится ихъ объясненіе (это—непремѣнное условіе). Въ текущемъ году выставка, открытая 29 марта (н. с.), была посвящена произведеніямъ Миллеса (Millais). Королева Викторія, герцогъ Вестминстерскій и другіе любители живописи прислали нѣсколько картинъ.

Toynbee Hall, поистинѣ, заслуживаетъ названія колоніи университета. Это—не только образовательное заведеніе; это—домъ, въ которомъ масса находитъ то, что до сихъ поръ было привилегіей меньшинства.

«Идеаль университетскаго колониста (University settler)»,—какъ энергично высказался въ 1884 году Самуэль Барнеттъ,—«это—такая община, между членами которой наибольшее распространеніе получаетъ то, что есть лучшаго на свѣтѣ,—такая община, гдѣ бѣднымъ достается то, что придаетъ цѣнность богатству,—такая община, въ которой добро, красота и знаніе—національное достояніе.»

Примѣръ Toynbee Hall'a оказался заразительнымъ. Группа студентовъ, собиравшаяся вокругъ Самуэля Барнетта, своимъ примѣромъ опредѣленно указала университетамъ, въ чемъ заключается ихъ нравственный долгъ. Университетскія колоніи быстро умножились. Такъ возникъ Oxford House (Оксфордскій домъ), въ самомъ сердцѣ того же East-End'a. Члены этой колоніи принадлежатъ исключительно къ Высокой церкви; это — ея характеристическая особенность. Въ Toynbee Hall'a, какъ уже было замѣчено, членами могутъ быть

представители различныхъ вѣроисповѣданій. St-Margaret House находится въ томъ же кварталѣ. Это—отдѣленіе Oxford House'a. Оно замѣчательно тѣмъ, что его члены—женщины.

Mansfield House, основанный въ 1890 году, принадлежитъ главнымъ образомъ, не-конформистамъ. Члены Mansfield House'a принимаютъ въ общественной жизни большее участіе, чѣмъ члены Toynbee Hall'a. Они занимаются политикой и основали клубъ сторонниковъ «новаго» Trade-Unionism'a. Эта колонія организовала юридическія консултации, имѣющія большой успѣхъ среди народа, который съ полнымъ довѣріемъ принимаетъ совѣты колонистовъ-консультантовъ.

Въ 1892 году была основана колонія Berdmondsey Settlement. Ея резиденты болѣею частью изъ Оксфорда или Кембриджа. Каждый изъ нихъ самъ составляетъ себѣ программу дѣятельности. Одни изъ нихъ занимаются обученіемъ дѣтей; другіе знакомятъ народъ съ требованіями гигиены; третьи организуютъ курсы литературы и другихъ наукъ; четвертые обучаютъ гимнастикѣ и т. д.

Назовемъ еще University Hall, основанный въ 1889 году. Вотъ еще рядъ колоній: Mayfield House; Negeroman House, Trinity Court (переименованная лѣтомъ въ Cambridge House); Robert Browning Hall, основанная въ центрѣ Уольуорта (этотъ кварталъ еще бѣднѣе, нежели Уайтчепелъ) въ 1894 году Гербертомъ Стедомъ (Stead), братомъ редактора журнала Review of Reviews, и др.

Всѣ эти учрежденія не питаютъ другъ къ другому ни малѣйшей зависти; напротивъ, ихъ связываютъ искреннѣйшія симпатіи, и недавно, 31 января (н. с.) текущаго года резиденты лондонскихъ университетскихъ колоній собрались на братской конференціи для того, чтобы подѣлиться наблюденіями и мыслями.

До сихъ поръ мы говорили лишь о Лондонѣ, но примѣръ столицы не остался безъ подражанія въ другихъ великобританскихъ городахъ. Въ 1889 году въ Глазго была основана колонія Students Settlement. Въ Эдинбургѣ—двѣ колоніи; одна принадлежитъ официальному университету, другая—свободной церкви.

Безъ сомнѣнія, не далеко то время, когда каждый большой центръ украсится одной или даже нѣсколькими университетскими колоніями.

Перенесемся теперь въ Америку.

Въ 1887 году въ Боуери, самомъ бѣдномъ кварталѣ Нью-Йорка, поселился Стантонъ Койтъ. Онъ уже экспериментировалъ передъ тѣмъ въ Лондонѣ. Для начала Койтъ сталъ собирать у себя молодыхъ людей изъ сосѣднихъ домовъ. Этотъ клубъ быстро разросся, и пришлось искать для него болѣе просторное помѣщеніе, чѣмъ

квартира Койта. Благодаря помощи своих друзей онъ могъ нанять весь первый этажъ того дома, въ которомъ онъ жилъ. Было основано три клуба: клубъ молодыхъ людей, клубъ дѣвушекъ и клубъ маленькихъ мальчиковъ. Койтъ соединилъ всѣ три клуба въ ассоціацію подъ именемъ Neighbourhood Guild (Гильдія Сосѣдей).

До сихъ поръ Койту помогали въ его дѣлѣ великодушныя женщины богатыхъ нью-йоркскихъ кварталовъ. Теперь же къ нему пришли члены университетовъ, слышавшіе о Toynbee Hall'ѣ и другихъ однородныхъ учрежденіяхъ. Ассоціація направила свои усилія на то, чтобы отвлечь населеніе своего квартала отъ грубыхъ и безнравственныхъ удовольствій; были организованы различныя нравственные развлеченія для народа. Въ 1889 году ассоціація переселилась въ новое помѣщеніе, неподалеку отъ прежняго. Теперь она—въ Х-омъ кварталѣ, прозванномъ «Тифомъ» или «Кварталомъ самоубійствъ». Плотность его населенія—ужасна. Кто не былъ очевидцемъ, тотъ не можетъ представить себѣ это грязное нагроможденіе человеческихъ существъ, работающихъ днемъ и ночью въ аловонной, убійственной атмосферѣ. Такой «режимъ» американцы называли «sweating system» (система потѣнія). Жителей въ отверженномъ кварталѣ насчитывалось въ 1890 году около 60 тысячъ. Кабаки и другіе притоны тамъ безчисленны. Профессіональные воры и укrywатели основали въ этомъ кварталѣ свою «главную квартиру».

Вскорѣ группа людей, воодушевленныхъ желаніемъ выполнить свой гражданскій долгъ, образовала тамъ же «Ассоціацію для основанія университетскихъ колоній». Первая колонія устроилась въ 1893 году въ одномъ изъ домовъ улицы Delancey-Street.

Американцы посѣщали Лондонъ съ цѣлью изученія дѣятельности англійскихъ университетскихъ колоній. Вудсъ (Woods) провелъ полгода въ Toynbee Hall'ѣ, остался въ восторгѣ отъ всего имъ видѣннаго и рѣшилъ осуществить подобное же предпріятіе у себя на родинѣ. Онъ прочиталъ пѣлый курсъ объ университетскихъ колоніяхъ студентамъ Андовера (въ Массачусетсѣ) и объ ихъ социальномъ значеніи. Затѣмъ ему удалось основать въ Бостонѣ Andover House, который подъ его управленіемъ сдѣлался образцовой университетской колоніей.

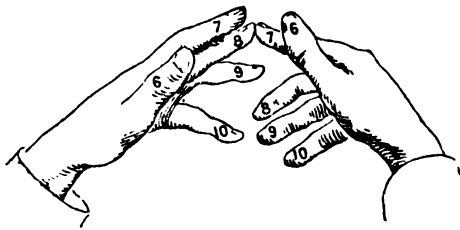
Безъ преувеличенія можно сказать, что

своимъ словомъ и своими сочиненіями Вудсъ способствовалъ болѣе, чѣмъ кто бы то ни было, распространенію этого движенія среди культурныхъ классовъ Америки.

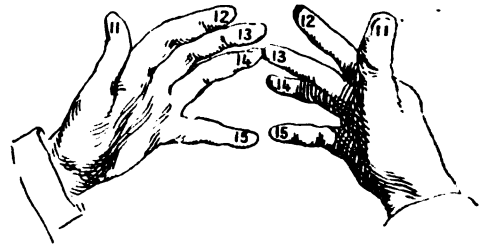
Въ 1889 году американскія образованныя женщины тоже образуютъ ассоціацію для основанія университетскихъ колоній, и въ томъ же году въ «проклятомъ» кварталѣ, въ которомъ работали друзья Койта, возникло первое женское «Settlement». Въ 1892 году та же ассоціація основала колонію въ Филадельфіи среди негровъ. Миссъ Вида Скеддеръ (Vida Scudder) была одной изъ первыхъ колонистокъ, которыя съ геройскимъ самоотверженіемъ рѣшились поселиться среди буйнаго и грубаго населенія. Въ 1893 году миссъ Скеддеръ основала колонію въ Бостонѣ, на Taylor Street, среди бѣднѣйшихъ ирландскихъ эмигрантовъ. Эта колонія была названа Denison House, по имени оксфордскаго студента, который первый возымѣлъ мысль проводить вакаціи среди бѣдняковъ восточной части Лондона.

Миссъ Адамсъ основала колонію въ Чикаго. Для принятія въ число резидентокъ этой колоніи коллегіальный дипломъ не есть непремѣнное условіе: принимаются всѣ женщины, воодушевленные искреннимъ желаніемъ поработать на пользу «малыхъ міра сего». Колонія называется Hull House. Въ скоромъ времени скромный домикъ, въ которомъ нѣсколько самоотверженныхъ женщинъ принимали бѣдныхъ жителей своего квартала, приходившихъ за добрымъ совѣтомъ, превратился въ, такъ сказать, народный университетъ. Знаменитѣйшіе профессора Чикаго не считаютъ теперь униженнымъ для себя читать тамъ публичныя лекціи. Это—источникъ здоровой, интеллигентной и нравственной жизни.

Университетская колонизація сдѣлала большіе успѣхи въ Соединенныхъ Штатахъ. Число колоній умножается; основываются: East Side House (Нью-Йоркъ, 1891 г.), Whittier House (Джерсей, 1894 г.), Westminster House (Буффало, 1895 г.) и другія. Юный университетъ Чикаго, просуществовавшій менѣе 5 лѣтъ, основалъ въ 1894 году колонію Chicago Commons; ею управляетъ профессоръ Грагамъ Тейлоръ. Эта колонія оказываетъ тѣ же услуги XVII-му кварталу, какія XIX-ый кварталъ получаетъ отъ Hull House'а. Наконецъ, назовемъ еще колонію, основанную миссъ Честеръ, въ 1895 году, въ горахъ Южной Каролины.

Фиг. 1.

Фиг. 2.

МЕЛОЧИ.

Умноженіе на пальцахъ.

Польскій математикъ Прокоповичъ придумалъ остроумный методъ для получения съ помощью пальцевъ механизма естественнаго счета, дающаго въ результатъ произведеніе двухъ чиселъ, относящихся къ одинаковой серіи пятковъ, т. е. отъ 6 до 10, 11—15, 16—20 и т. д. Методъ этотъ требуетъ только умѣнія производить умноженіе и сложеніе двухъ чиселъ, изъ которыхъ каждое меньше 5.

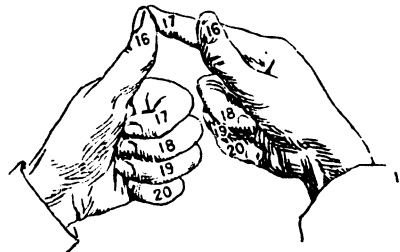
Возьмемъ прежде всего способъ для факторовъ первой серіи, т. е. чиселъ отъ 6 до 10 включительно. Условимся, что большіе пальцы на каждой рукѣ обозначаютъ число 6, указательные—7, средніе—8, безымянные—9 и мизинцы—10. Требуется, напримѣръ, помножить 7 на 8. Соединимъ пальцы съ значеніемъ этихъ чиселъ—указательный и средній (фиг. 1). Сложимъ эти два пальца и тѣ, которые свободны (со стороны большихъ пальцевъ) на обѣихъ рукахъ—получится всего 6 пальцевъ, обозначающихъ число десятковъ произведенія, т. е. 50. Теперь перемножимъ между собой числа пальцевъ каждой руки, находящихся ниже соединенныхъ. На одной рукѣ оказывается два пальца, а на другой—3. Перемноживъ эти числа, 2×3 , получаемъ 6, т. е. цифру единицъ произведенія, а самое произведеніе будетъ равно 56.

При послѣднемъ перемноженіи въ произведеніи можетъ получиться десятокъ, который и слѣдуетъ приложить къ ранѣе полученнымъ десяткамъ. Напримѣръ, при умноженіи 6×6 . Соединяемъ два большіе пальца. Сложивъ ихъ, получимъ два десятка, такъ какъ по сю сторону соединенія пальцевъ больше нѣтъ. По ту сторону имѣется по 4 пальца на каждой рукѣ, что въ произведеніи даетъ $4 \times 4 = 16$ единицъ. Такимъ образомъ, произведеніе 6×6 представляется $20 + 16 = 36$.

Возьмемъ числа второй серіи—отъ 11 до 15. Числа эти распределяются въ порядкѣ между пятью пальцами на каждой рукѣ, начиная съ большаго. Съ десятками поступаютъ такъ, какъ было показано выше. Что же касается единицъ, то прежде всего на каждой рукѣ складываются соприка-

сающіеся пальцы съ пальцами по сю сторону соединенія, и полученныя суммы перемножаются между собой. Множится, напримѣръ, 13×14 . Соединимъ пальцы, соответствующіе этимъ числамъ, т. е. средній и безымянный (фиг. 2). Два этихъ соединенныхъ пальца въ сложности съ 5 пальцами (со стороны большихъ пальцевъ) составляютъ 7 пальцевъ, изъ коихъ 3 на одной рукѣ и 4 на другой. Семь пальцевъ—значить 7 десятковъ произведенія, т. е. 70. Произведеніе $3 \times 4 = 12$. Къ этимъ числамъ прибавляется еще 100 единицъ. Сложивъ $100 + 70 + 12$, получимъ 182, т. е. искомое произведеніе.

Можно примѣнить еще другой способъ. Каждый палецъ изъ расположенныхъ по сю сторону соединенныхъ пальцевъ

Фиг. 3.

принимается за 20, итого $7 \times 20 = 140$. Изъ тѣхъ же, которые находятся по ту сторону соединенія, каждый принимается за 10,—значить, $3 \times 10 = 30$. Единицы получаются вышеуказаннымъ путемъ, т. е. перемноживъ $3 \times 4 = 12$. Такимъ образомъ, получаемъ $140 + 30 + 12 = 182$.

Возьмемъ, наконецъ, третью серію чиселъ отъ 16 до 20 включительно. Соединенные пальцы и тѣ, которые находятся по сю сторону соединенія,—принимаются каждый за число 20; къ результату прибавляется 200. Примѣръ: 16×17 (фиг. 3). Два соединенныхъ пальца и одинъ внѣ составляютъ $20 \times 3 = 60$. По ту сторону соединенія на одной рукѣ 3 пальца, а на другой 4,—значить $3 \times 4 = 12$ единицъ. Все произведеніе будетъ равно $200 + 60 + 12 = 272$.

ИЗБРАННІЯ СОЧИНЕНІЯ СТЕНДАЛЯ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ СТЕНДАЛЯ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПРИМѢЧАНІЯ

В. П. ГИЕНКО

Издание редакціи „Новаго Жуковскаго Музея Иностранной Литературы“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1891

а
л-
и
но
и-
кь
та-
мо-
сть

(13)

СТЕНДАЛЬ (АНРИ БЕЙЛЬ).

«Я стараюсь передать ясно и правдиво то, что происходит въ моемъ сердцѣ.»

Бейль. (Письмо къ Бальзаку).

Анри Бейль, извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ Стендаля, при жизни своей былъ знакомъ какъ писатель весьма небольшому кругу лицъ; брошюры и книги его имѣли очень малое распространеніе, большинство статей его, писанныхъ анонимно и разбросанныхъ въ періодическихъ изданіяхъ, извѣстно было только самымъ завзятымъ наче-
тетчикамъ, которые, впрочемъ, всегда угадывали ихъ автора. Болѣе широкая извѣстность Стендаля началась послѣ появленія горячихъ статей о немъ Мериме и Бальзака а также послѣ изданія полного собранія его сочиненій. Черезъ двадцать лѣтъ послѣ того почти невѣ-
домый дотолѣ авторъ занялъ мѣсто одного изъ крупнѣйшихъ литературныхъ дѣятелей Фран-
ции нашего вѣка, и въ восьмидесятыхъ годахъ говорили уже: «Стендаль и Бальзакъ», какъ го-
ворять: «Гюго и Ламартинъ», «Энгель и Делакруа». Съ необыкновенной прозорливостью пи-
сатель самъ угадалъ свою судьбу и указалъ на восьмидесятые годы какъ на время, когда

наступить его оцѣнка. Литературное наслѣ-
діе Стендаля очень велико, но вещей закон-
ченныхъ въ его трудахъ не много: три ро-
мана и десятка два мелкихъ очерковъ. Все
остальное, — многія книги, — представляетъ
мелкія замѣтки, связанныя какой-нибудь
одной общей задачей или темой, дневники,
наброски и письма, гдѣ отмѣчается все, что
проходитъ передъ глазами наблюдателя, все,
что трогаетъ его въ жизни. «Когда я не былъ
чѣмъ-нибудь тронутъ или взволнованъ, умъ
мой спалъ», говоритъ онъ самъ гдѣ-то, — и
этотъ-то живой умъ, въ которомъ сказыва-
ется скорѣе даже особый складъ чувства
чѣмъ мысли, одновременно и занятый и вол-
нуемый предметами и явленіями, пытливый
и подвижный, хранящій необыкновенно
личный отпечатокъ, освѣщаетъ всѣ эти «не-
правильныя» страницы, написанныя какъ
будто на походѣ, во время минутной оста-
новки. Но какая искусная правильность мо-
жетъ замѣнить эту правдивость, свѣжесть

мысли, какъ будто подмѣченной при самомъ своемъ зарожденіи? Перечитывая эти невольныя признанія писателя, думающаго, что онъ отмѣчаетъ только общія наблюденія, и обнажающаго ежеминутно свои нервы и свое сердце, — всѣ вліянія, создавшія этотъ своеобразный талантъ, становятся видными ясно. Способность самонаблюденія была развита въ немъ необычайно и вдобавокъ была его страстью. Эту личную способность онъ перенесъ и примѣнилъ къ созданіямъ воображенія и сталъ однимъ изъ корифеевъ психологическаго анализа въ романической литературѣ.

Онъ ненавидѣлъ фразу, выше всего ставилъ искренность и правдивость и предпочиталъ казаться сухимъ, но точнымъ, чѣмъ быть краснобаемъ заслушивающимся собственныхъ словъ, какихъ много во французской литературѣ. Главная сила его въ анализѣ, и герои его произведеній надѣлены этою же способностью. Подобно ему самому, они обладаютъ даромъ и дѣйствовать, и быть наблюдателями своихъ дѣйствій, и чувствовать, и давать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ. Онъ разнообразить до безконечности условія, въ которыхъ ставить эту способность своихъ героевъ, и потому предоставляетъ имъ самимъ отмѣчать всѣ особенности, какія эти условія въ нихъ вызываютъ. Два главныхъ произведенія его, романы «Пармскій Картезианскій монастырь» и «Красное и Черное» обнимаютъ огромный кругъ типовъ и явленій. Въ «Шартрезѣ» изображенъ дипломатическій, придворный и политическій міръ Италіи и отчасти средней Европы, вслѣдствіе чего въ одномъ изъ главныхъ лицъ ея, графѣ Моска, долго видѣли психологическій портретъ Метерниха. Это «Правитель» Маккиавелли въ лицахъ и въ современной обстановкѣ. Въ «Красномъ и Черномъ» — на сценѣ все французское послѣ-революціонное общество. Распространившіяся въ немъ идея равенства и доступность образованія дали возможность развитія натурамъ способнымъ, но когда онѣ являются въ жизнь съ сознаніемъ своихъ способностей и правъ, онѣ видятъ, что всѣ мѣста «на пиру жизни» заняты людьми обыденными, — каково большинство, — сплотившимися въ тѣсную дружину. Подобно Жюльену Сорелю, герою романа, люди эти осуждаютъ цѣликомъ весь общественный строй, который поднялъ ихъ какъ бы лишь для того, чтобы больше потомъ унижить, и

вступаютъ въ борьбу съ этимъ обществомъ, считая противъ него возможнымъ все, даже преступленіе. Въ романѣ этомъ Стендаль обнаружилъ огромную прозорливость и освѣтилъ причины явленій и вліяній только зарождавшихся при немъ, а получившихъ полное свое развитіе лишь въ наше время.

Жизнь Стендаля сама по себѣ есть цѣлый романъ и по разнообразію обстоятельствъ имѣетъ мало примѣровъ въ литературной исторіи. Анри Бейль родился въ Греноблѣ въ 1783 году въ семьѣ изъ высшей буржуазіи, придерживавшейся монархическихъ принциповъ и бывшей въ постоянныхъ сношеніяхъ съ дворянствомъ. Онъ рано лишился матери, былъ нелюбимъ отцомъ и не любилъ его взаимно. На первоначальное развитіе его имѣлъ большое вліяніе дѣдъ его, докторъ Ганьонъ, человѣкъ чрезвычайно образованный. Бейль воспитывался сначала въ Гренобльской центральной школѣ, гдѣ выделялся способностями и бралъ всѣ награды. Въ то же время онъ бралъ частные уроки у нѣкоего Гро, республиканца античнаго типа, къ которому необыкновенно привязался. Съ нимъ изучалъ онъ математику, которую любилъ какъ науку, не допускающую лжи, глубоко ему ненавистной. Изъ школы онъ вышелъ въ 1799 году и отправился въ Парижъ, подъ протекціей родственниковъ своихъ Дарю, съ цѣлью вступить въ Политехническую школу. Но проектъ этотъ не осуществился, а, по настоянію вліятельной семьи Дарю, Бейль поступилъ въ 1800 году на службу въ военное министерство, управлявшееся тогда знаменитымъ Карно. Въ Парижѣ онъ скучалъ первое время, занимался живописью у Реньо и посѣщалъ литературные клубы. Въ апрѣлѣ 1800 г., вмѣстѣ съ братьями Дарю, онъ отправился вслѣдъ за арміей Бонапарта въ Италію, при чемъ совершилъ переездъ изъ Женевы въ Миланъ, куда прибылъ въ іюнѣ, верхомъ на лошади. Все приводило его здѣсь въ восторгъ: искусства, общество, женщины, и настроеніе это поднималось еще вслѣдствіе воодушевленія италійцевъ и героическаго духа французскихъ войскъ. Съ той поры Италія навѣки стала для него обѣтованной страной. Семнадцати лѣтъ, Бейль присутствовалъ при битвѣ при Маренго. Бонапартъ учреждаетъ Цизальпинскую республику и назначаетъ бывшаго военнаго министра Петіе губернаторомъ Ломбардіи. Бейль остается служить подъ его начальствомъ. Но, любя

дѣятельность, вскорѣ онъ поступаетъ простымъ вахмистромъ въ драгуны, производится черезъ мѣсяцъ въ офицеры и понадается адъютантомъ къ дивизионному генералу Мишо. Въ послѣдующемъ походѣ, кончившемся Люневильскимъ миромъ, онъ отличается исполнительностью и личной храбростью. Въ это же время онъ получаетъ рану на дуэли. Переведенный опять въ полкъ и скучая бездѣйствіемъ, въ 1802 году онъ подаетъ въ отставку и, послѣ короткаго пребыванія на родинѣ, въ 1803 году переселяется въ Парижъ, съ пенсіей отъ отца въ 150 франковъ въ мѣсяцъ. Здѣсь онъ ревностно предается самообразованію, чтенію, занятіямъ англійскимъ языкомъ и фехтованіемъ и проч., задумываетъ писать комедію, которая никогда не была кончена. Въ 1805 году онъ ѣдетъ опять на родину, увлекаемый не столько желаніемъ видѣть родныхъ, сколько любовью къ актрисѣ Мелани, отправляющейся также въ Гренобль. Но актриса поступаетъ на сцену Марсельскаго театра, и Бейль слѣдуетъ за ней... въ качествѣ приказчика въ магазинъ, — единственное мѣсто, которое онъ наскоро могъ найти, чтобъ не разлучаться съ нею. Это продолжалось цѣлый годъ, пока актриса не вышла замужъ за знатнаго русскаго барина, послѣ чего Бейль сразу почувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ торговлѣ. Онъ отправился опять въ Парижъ и вскорѣ, по настоянію Дарю, поступаетъ вновь въ военное министерство и отправляется къ арміи. Бейль присутствуетъ при битвѣ при Іенѣ, при триумфальномъ входѣ французовъ въ Берлинъ, 27 октября 1806 года, и получаетъ назначеніе въ Брауншвейгъ, гдѣ проводить два года, изучая въ это время нѣмецкій языкъ и философію. Кампанія 1809 года вызываетъ его изъ Брауншвейга; онъ переходитъ въ помощники графа Дарю, главнаго интенданта великой арміи. Послѣ цѣлаго ряда битвъ и заключенія Шенбрунскаго мира, въ 1809 г., онъ возвращается въ Парижъ. Въ 1810 г. онъ получаетъ мѣсто инспектора строительной части и движимости дворцоваго управленія, что позволяетъ ему сводить концы съ концами, такъ какъ прежнія должности его вознаграждались скудно. Въ 1811 году онъ ѣдетъ въ Италію. Дневникъ этого путешествія онъ ведетъ день за днемъ и пишетъ въ концѣ рукописи: «Тетрадь эта предназначается А. Бейлю къ 38 году его рожденія (если онъ будетъ живъ еще въ

1821 году) и пишется человѣкомъ болѣе веселымъ, чѣмъ будетъ тотъ». Въ 1812 году, послѣ большихъ хлопотъ, онъ добивается возможности участвовать въ походѣ въ Россію, который дѣлаетъ весь, а въ 1813 г. мы видимъ его въ Майнцѣ, Эрфуртѣ, Лютценѣ и Дрезденѣ, при главномъ квартирѣ императора. Посланный Наполеономъ въ Гренобль уполномоченнымъ къ арміи, въ то время какъ союзныя войска со всѣхъ сторонъ уже надвигались на Францію, Бейль возвращается въ Парижъ въ тотъ день, 1 апрѣля 1814 г., когда сенатъ провозгласилъ низложеніе Наполеона.

Служебная карьера Бейля была разбита этимъ низложеніемъ, но это не огорчило его, такъ какъ давало ему опять драгоценную свободу. Онъ обратился опять къ странствующей жизни, значеніе которой выразилъ какъ-то въ такомъ афоризмѣ: «Вселенная есть книга, изъ которой мы прочли одну первую страницу, если знаемъ лишь свою родину.» Въ Миланѣ, куда Бейль отправился изъ Парижа, онъ пробылъ подъ рядъ три года. Время это было однимъ изъ счастливейшихъ въ его жизни, отданное всецѣло искусству и обществу. Въ 1817 году любовныя огорченія вернули его опять на время въ Парижъ, откуда онъ ѣздитъ въ Англію. Въ 1820 г. мы видимъ его опять въ Миланѣ, откуда онъ былъ высланъ австрійскимъ правительствомъ, заподозрѣвшимъ его въ карбонаризмѣ, въ слѣдующемъ 1821 году. Съ 1821 по 1830 годъ Бейль жилъ въ Парижѣ, издавъ въ это время нѣкоторые изъ своихъ сочиненій и вращаясь въ самомъ избранномъ обществѣ. Въ эти годы онъ нерѣдко предпринималъ экскурсіи въ Италію, Германію и Англію.

Въ Италіи въ 1816 году онъ сблизился съ Байрономъ, гениемъ котораго восхищался. Лордъ Байронъ, въ свою очередь, ставилъ высоко оригинальность воззрѣній, критическое остроуміе и личныя свойства Бейля. Прочтя отзывъ о себѣ въ анонимной его книгѣ «Римъ, Неаполь и Флоренція», Байронъ писалъ ему: «Мнѣ доставило столько же удовольствія, какъ самыя похвалы, которыми вы меня удостоили, то, что я узналъ (случайно); что я обязанъ ими лицу, добрый отзывъ котораго дѣйствительно былъ мнѣ желателенъ и дорогъ.»

Съ 1821 по 1830 годъ Бейль печаталъ въ Парижѣ свои книги и участвовалъ стать-

ями въ журналахъ французскихъ и англійскихъ. Въ 1840 г. Бейль сталъ чувствовать приступы болѣзни, весьма ухудшились. Личныя средства его разстроились, акъ этому присоединилось банкротство книгопродавца Кольбуерна, издателя «New Monthly Magazine», сотрудничество въ которомъ составляло главное его подспорье. Все это угнетало его до такой степени, что онъ думалъ даже о самоубійствѣ, но выведенъ былъ изъ этого состоянія новымъ любовнымъ увлеченіемъ.

Въ 1830 году, старавіями друзей, онъ получилъ назначеніе французскаго консула въ Триестъ, но назначеніе это не получило утвержденія Австріи, такъ какъ князю Меттерниху извѣстна была враждебность Стендаля къ этой странѣ; Бейль переведенъ былъ повтому консуломъ въ Чивита-Веккію, принадлежавшую тогда Папской области. Городъ этотъ, съ первыхъ же дней, показался ему невыносимымъ для жизни. Ему не легко уже было обходиться безъ привычнаго утонченнаго общества. Что онъ могъ дѣлать въ обществѣ лавочниковъ, лежащихъ спать въ десять часовъ? Онъ бралъ продолжительные отпуска и уѣзжалъ оттуда въ Парижъ. Одинъ изъ такихъ «отпусковъ» длился съ мая 1836 г. по июнь 1839. Въ Парижѣ онъ обращался вновь къ своей жизни литератора и свѣтскаго человѣка, время отъ времени странствуя по Франціи, Испаніи и Шотландіи. Въ это время вышли главныя его сочиненія, напечатанныя при его жизни. Въ 1839 году онъ вернулся въ Чивита-Веккію, проводя время на половину въ Римѣ и зани-

маясь литературной работой. Въ 1840 г. Бейль сталъ чувствовать приступы болѣзни, подагры и апоплексіи. Въ 1841 г. онъ снова прибылъ въ Парижъ и, несмотря на запрещеніе докторовъ, ваялся снова за литературныя занятія, что и отразилось роковымъ исходомъ: новый апоплексическій ударъ поразилъ его на улицѣ, возлѣ самаго подъѣзда министерства иностранныхъ дѣлъ. Онъ умеръ на другой день, 23 марта 1843 года, пятидесяти девяти лѣтъ отъ роду. Бейль погребенъ въ Парижѣ, на Монмартрскомъ кладбищѣ. На памятникѣ его находится составленная имъ самимъ италіанская надпись: «Арриго Бейль, миланецъ. Писалъ, любилъ, жилъ.»

Оба большіе романа Стендаля существуютъ въ русскомъ переводѣ; изъ нихъ «Красное и Черное» переведенъ г. Плещеевымъ, романъ же «Chartreuse» переведенъ небрежно, съ произвольными сокращеніями. Мы предлагаемъ ниже переводъ извѣстнаго эпизода этого романа о Ватерлооской битвѣ. Любопытно сближеніе этихъ страницъ, рисующихъ изнанку войны и мелкія черты большой картины, съ военными страницами гр. Л. Н. Толстого и его описаніями сраженій. Сходство приѣмовъ обоихъ писателей не подлежитъ сомнѣнію и объясняется близостью ихъ дарованій. Мелкія статьи и замѣтки взяты нами изъ разныхъ книгъ Стендаля, въ большинствѣ состоящихъ изъ короткихъ очерковъ и набросковъ. Это такіе же этюды, какъ этюды живописца, превосходящіе иногда непосредственностью впечатлѣнія законченную вдали отъ натуры картину.

ВАТЕРЛОО.

Знатный юноша-италианецъ, Фабрицій Дель Донго, питающій культъ къ Наполеону и къ дѣлу французовъ, покидаетъ родительскій домъ съ цѣлью сражаться за императора въ періодъ Ста дней. Онъ попадаетъ на Ватерлооскую битву и присутствуетъ тамъ скорѣе въ роли зрителя, чѣмъ участника. По возвращеніи въ Миланъ онъ возбуждаетъ противъ себя гнѣвъ отца и поддѣриванія и преслѣдованія австрійскаго правительства...

...Маркиза залилась слезами, узнавъ о сумасбродномъ рѣшеніи своего сына; она не чувствовала героизма его плановъ и силилась сдѣлать все, что только можно, чтобъ удержать Фабрицію. Но, увидѣвъ, что ничто на свѣтѣ, кромѣ стѣнъ тюрьмы, не остановить его, она передала ему небольшое количество бывшихъ у нея денегъ. Потомъ вспомнила, что у нея находились еще, со вчерашняго дня, восемь или десять небольшихъ брилліантовъ, стоящихъ, можетъ быть, тысячъ десять франковъ, которые мужъ поручилъ ей отдать оправить въ Миланъ. Сестры Фабриція вошли въ ту минуту, когда маркиза зашивала эти брилліанты въ дорожное платье нашего героя. Онѣ были въ такомъ восхищеніи отъ его проекта, онѣ цѣловали его съ такою шумною радостью, что онъ взялъ въ руки нѣсколько брилліантиковъ, которыхъ не успѣли еще зашить, и хотѣлъ отправиться въ путь тотчасъ же.

— Вы выдадите меня помимо своей воли! Такъ какъ у меня столько денегъ, то никакихъ лохмотьевъ я съ собой брать не буду, платье можно достать вездѣ.

Онъ поцѣловалъ всѣхъ бывшихъ тутъ дорогихъ ему лицъ и отправился сейчасъ же, не зайдя даже въ свою комнату. Онъ шелъ такъ быстро, боясь верховой погони за собой, что въ тотъ же вечеръ достигъ Лугано.

Слава Богу, онъ былъ теперь въ швейцарскомъ городѣ и не боялся больше быть насильно остановленнымъ на безлюдной дорогѣ нанятыми отцомъ жандармами. Фабрицій купилъ лошадь, перебрался черезъ Сентъ-Готардъ; ѣхалъ онъ поспѣшно и во Францію вступилъ черезъ Понтарнье. Императоръ былъ въ Парижѣ. Тутъ начались несчастія Фабриція. Онъ отправился съ твердымъ намѣреніемъ представиться лично и все рассказать императору. Въ Миланѣ десять разъ на день онъ встрѣчалъ принца Евгенія и имѣлъ возможность говорить съ нимъ. Въ Парижѣ всякое утро онъ ходилъ во дворъ Тюльерійскаго дворца, гдѣ Наполеонъ дѣлалъ смотры войскамъ, но ни разу онъ не могъ приблизиться къ императору. Нашъ герой полагалъ, что всѣ французы, подобно ему, глубоко озабочены крайне опаснымъ положеніемъ, въ какомъ находилось ихъ отечество. За столомъ гостиницы, гдѣ онъ остановился, онъ, не таясь, рассказывалъ о своихъ предположеніяхъ и о приверженности своей дѣлу императора. Слушателями его были молодые люди, чрезвычайно благовоспитанные, еще болѣе восторженные, чѣмъ онъ, но которые въ нѣсколько дней выманили у него рѣ-

питательно всё деньги. Къ счастью, чисто изъ скромности, онъ ничего не сказалъ о брилліантахъ, данныхъ ему матерью. Утромъ, въ слѣдующій день за кутежомъ, во время котораго онъ окончательно былъ обобранъ, онъ купилъ пару прекрасныхъ лошадей, взялъ слугою отставного солдата, служившаго наѣздникомъ у лошадинаго барышника, и, унося презрѣніе къ молодымъ парижанамъ, краснобаямъ и обманщикамъ, отправился къ дѣйствующей арміи.

Онъ зналъ о ней только то, что собираться она должна была возлѣ Мобежа. Едва добрался онъ до границы, какъ счелъ неприличнымъ сидѣть въ какомъ-нибудь домѣ и грѣться возлѣ теплаго камина, въ то время какъ солдаты стояли лагеремъ.

Что ни говорилъ ему слуга, человѣкъ не лишенный здраваго смысла, онъ спѣшилъ присоединиться къ крайней пограничной линіи войскъ, расположенныхъ на дорогѣ въ Бельгію. Какъ только онъ поравнялся съ первымъ батальономъ, стоявшимъ надъ самой дорогой, солдаты съ удивленіемъ стали смотрѣть на этого статскаго, одежда котораго не представляла никакого подобія военной формы. Наступила ночь, дулъ холодный вѣтеръ; Фабрицій приблизился къ одному изъ костровъ и попросилъ позволить ему присосѣдиться, предлагая плату. Солдаты переглянулись съ удивленіемъ, въ особенности при словахъ о платѣ, и добродушно предоставили ему мѣсто возлѣ огня. Слуга устроилъ ему защиту отъ вѣтра. Но часъ спустя полковой адъютантъ проходилъ мимо бивака, и солдаты передали ему о бытіи этого иностранца, плохо говорящаго по-французски. Адъютантъ обратился съ вопросомъ къ Фабрицію, который сталъ говорить ему о своемъ благоговѣніи къ императору съ очень подозрительнымъ акцентомъ, вслѣдъ зачѣмъ офицеръ попросилъ его отправиться съ нимъ вмѣстѣ къ полковнику, квартировавшему въ сосѣдней фермѣ. Слуга Фабриція подвелъ въ это время лошадей. Ихъ видъ, по видимому, такъ поразилъ адъютанта,

что онъ тотчасъ же перемѣнилъ намеренія и сталъ допрашивать также и слугу. Слуга, отставной солдатъ, быстро угадалъ расчетъ своего сосѣдника, сталъ говорить о знатномъ покровительствѣ, какимъ пользуется его баринъ, прибавляя къ этому, что, конечно, у него не стибрать его дорогихъ лошадей. Но въ ту же минуту солдатъ, позванный адъютантомъ, схватилъ его за шиворотъ, другой взялъ у него изъ рукъ лошадей, а адъютантъ строгимъ тономъ приказалъ Фабрицію безъ возраженій слѣдовать за нимъ.

Заставивши его пройти добрую милю пѣшкомъ, среди темноты, казавшейся еще болѣе глубокой рядомъ съ огнями биваковъ, свѣтившимися со всѣхъ сторонъ на горизонтѣ, адъютантъ сдалъ Фабрицію на руки жандармскому офицеру, съ важнымъ видомъ потребовавшему у него документы. Фабрицій предъявилъ ему свой паспортъ, гдѣ онъ былъ названъ продавцомъ барометровъ, везущимъ съ собою свой товаръ.

— Что за глупость! — вскрикнулъ офицеръ, — однако это уже слишкомъ!

Онъ задалъ нѣсколько вопросовъ нашему герою, который сталъ говорить объ императорѣ и свободѣ въ полныхъ пламеннаго энтузіазма выраженіяхъ. Жандармскій офицеръ такъ и покатился отъ хохота.

— Ну, чертъ возьми, не очень же ты ловокъ! — воскликнулъ онъ. Это, однако, черевачуръ ужъ большая дерзость, что къ намъ смѣютъ подсылать молокососовъ въ родѣ тебя!

И что ни говорилъ ему Фабрицій, лѣзшій изъ кожи, чтобы доказать ему, что дѣйствительно онъ не былъ продавцомъ барометровъ, офицеръ отправилъ его въ тюрьму въ Б., маленький сосѣдній городокъ, куда нашъ герой прибылъ въ три часа утра, внѣ себя отъ негодованія и полумертвый отъ усталости.

Сперва изумляясь, потомъ негодуя, не понимая рѣшительно ничего, что съ нимъ происходитъ, Фабрицій провѣлъ тридцать три долгихъ дня въ этой проклятой тюрьмѣ. Онъ писалъ

письмо за письмомъ командиру крѣпости, а передавать ихъ взялась жена тюремнаго сторожа, красивая тридцатилѣтняя фламандка. Но такъ какъ она вовсе не желала, чтобы такого красиваго молодого человѣка разстрѣляли, а между тѣмъ платилъ онъ хорошо, то всѣ эти письма она кидала въ огонь. По вечерамъ, очень поздно, она удостоивала плѣнника своими посѣщеніями и выслушивала его жалобы. Она рассказала мужу, что у молокососа есть деньги, и благоразумный тюремщикъ предоставилъ ей свободу дѣйствій. Она воспользовалась разрѣшеніемъ и получила нѣсколько золотыхъ, такъ какъ адъютантъ ваялъ только лошадей, а жандармскій офицеръ не конфисковалъ ничего. Однажды, въ іюньскій полдень, Фабрицій услышалъ доносившуюся изъ отдаленія частую пушечную пальбу. Итакъ, наконецъ-таки, гдѣ-то сражались! Сердце его трепетало отъ волненія. Къ нему доносился также сильный шумъ изъ города: дѣйствительно происходило большое передвиженіе войскъ, три дивизіи проходили черезъ Б. Когда, въ одиннадцать часовъ вечера, появилась жена тюремщика, чтобы раздѣлить съ нимъ его невзгоды, Фабрицій былъ съ ней еще любезнѣе чѣмъ обыкновенно и, пожимая ей руки, сказалъ:

— Выпустите меня отсюда. Клянусь честью, я вернусь въ тюрьму, какъ только перестанутъ драться.

— Полно вадоръ молотъ! Скажи лучше, есть ли у тебя отмычка?

Вопросъ этотъ встревожилъ его. Онъ не понималъ значенія этого слова. Тюремщица, видя его движеніе, сдѣлала выводъ, что источники изсякаютъ, и, вмѣсто того, чтобы толковать о золотыхъ, какъ она дѣлала обыкновенно, повела рѣчь о франкахъ.

— Послушай,—сказала она,—если ты можешь дать сотню франковъ, я положу по два золотыхъ на глаза капрала, который придетъ смѣнять стражу въ полночь. Онъ не будетъ видѣть, какъ ты уйдешь изъ тюрьмы, и если полкъ его долженъ отправляться завтра днемъ изъ города, то онъ согласится на все.

Торгъ былъ заключенъ тотчасъ же.

Тюремщица согласилась даже спрятать Фабрицію въ своей комнатѣ, откуда ему легче будетъ выбраться завтра утромъ.

На другой день, только забрезжилъ свѣтъ, эта женщина, вся вволнованная, говорила Фабрицію:

— Милый мой мальчикъ, ты слишкомъ еще молодъ, чтобы заниматься этимъ сквернымъ ремесломъ: повѣрь мнѣ, брось это!

— Какъ,—возражалъ Фабрицій,— развѣ желать защищать отечество есть преступленіе?

— Тебя не разубѣдишь! Помни всегда, что я спасла тебѣ жизнь. Дѣло твое ясно, ты былъ бы разстрѣлянъ. Но не говори объ этомъ никому, такъ какъ мы съ мужемъ можемъ черезъ это лишиться мѣста. А, главное, не повторяй никогда своей нелѣпой сказки о миланскомъ дворянинѣ, преобразившемся въ торговца барометрами; это слишкомъ глупо. Слушай меня хорошенько: я дамъ тебѣ платье гусара, умершаго позавчера въ тюрьмѣ; избѣгай разговоровъ сколько возможно. Но если какой-нибудь вахмистръ или офицеръ будетъ разспрашивать тебя и отвѣчать станеть необходимо, скажи, что ты лежалъ больнымъ у одного изъ крестьянъ, подобравшаго тебя изъ состраданія, когда ты бился въ лихорадкѣ въ придорожномъ рвѣ. Если этого отвѣта окажется недостаточно, скажи, что ты идешь догнать свой полкъ. Тебя остановятъ, можетъ быть, изъ-за твоего произношенія; скажи тогда, что ты уроженецъ Пьемонта, рекрутъ прошлагодняго набора, оставшійся во Франціи, и прочее и прочее.

Въ первый разъ, послѣ тридцати трехъ дней негодованія, Фабрицій понялъ смыслъ того, что съ нимъ происходило. Его принимали за шпиона. Онъ сталъ говорить объ этомъ съ тюремщицей, бывшей въ то утро особенно нѣжной; и въ то время, какъ, вооружась иголкой, она приводила въ порядокъ одежду гусара, онъ совершенно ясно рассказалъ свою исторію удивленной женщинѣ. Она повѣрила ему въ эту минуту. у него былъ та-

кой наивный видъ, онъ такъ былъ красивъ въ гусарской формѣ!

— Если у тебя такая охота драться, — сказала она, на половину убѣжденная, — надо было, явившись въ Парижъ, зачислиться въ полкъ. Стоило угостить какъ слѣдуетъ какого-нибудь вахмистра, и дѣло твое было бы сдѣлано.

Тюремщица прибавила къ этому еще много благоразумныхъ совѣтовъ на будущее время и, наконецъ, при первомъ проблескѣ утра, выпроводила отъ себя Фабрицію, заставивъ его сто разъ поклясться, что никогда, что бы съ нимъ ни случилось, онъ никому не назоветъ ея имени. Какъ только Фабрицій вышелъ изъ города, бодро идя съ гусарскою саблею подъ мышкой, какъ имъ овладѣло безпокойство. «Вотъ, — подумалъ онъ, — я теперь въ платѣ и съ бумагами гусара, умершаго въ тюрьмѣ, куда онъ попалъ, какъ говорить, за кражу коровъ и столового серебра! Я, такъ сказать, наслѣдникъ его личности... ни сномъ, ни духомъ не вѣдая и не зная ничего о немъ! Какъ бы не попасть въ тюрьму!.. Съ этимъ проплымъ придется опять страдать въ тюрьмѣ!»

Не прошло и часа съ тѣхъ поръ, какъ Фабрицій покинулъ свою благодѣтельную, какъ началъ лить дождь съ такой силой, что новый гусаръ едва могъ идти, спотыкаясь въ грубыхъ сапогахъ, совсѣмъ не приходившихся ему по ногѣ. На встрѣчу ему попался крестьянинъ верхомъ на скверной лошаденкѣ; онъ купилъ лошадь, изясняясь знаками, такъ какъ помнилъ совѣтъ тюремщицы говорить какъ можно меньше, по причинѣ своего дурного выговора.

Въ тотъ день армія, только-что выигравшая сраженіе при Линьи, шла всею массою на Брюссель. Былъ канунъ Ватерлооской битвы. Въ полдень, при все продолжающемся проливномъ дождѣ, Фабрицій услышалъ выстрѣлы пушекъ. Это счастье заставило его совершенно забыть ужасныя минуты отчаянія, проведенныя въ этой, столь незаслуженной имъ, тюрьмѣ. Онъ шелъ, пока ночь не спустилась совсѣмъ на землю, и, такъ какъ нѣкоторый гдра-

вый смыслъ начинать появляться у него, онъ отправился проситься на ночлегъ въ крестьянское жилье, очень далеко отстоявшее отъ дороги. Хозяинъ дома плакалъ и утверждалъ, что у него все отняли. Фабрицій далъ ему денегъ, — и овесъ нашелся. «Лошадь моя не казиста, — подумалъ Фабрицій, — но ничего не значить, она можетъ пристать по вкусу какому-нибудь адъютанту. И онъ отправился спать въ конюшню, близъ нея. За часъ до разсвѣта, на другой день, Фабрицій былъ въ пути и то понуканьями, то ласками заставилъ рысью идти свою лошадь. Около пяти часовъ онъ услышалъ канонаду: то были первые выстрѣлы боя при Ватерлоо.

Фабрицій встрѣтилъ скоро маркизантокъ, и крайняя благодарность, которую онъ питалъ къ тюремщицѣ въ Б., побудила его заговорить съ ними. Онъ спросилъ у одной изъ нихъ, гдѣ находился 4-й гусарскій полкъ, въ составѣ котораго онъ числился.

— Ты прекрасно сдѣлаешь, если не будешь слишкомъ торопиться, солдатикъ, — отвѣчала маркизантка, тронутая блѣдностью и прекрасными глазами Фабриція. У тебя рука не достаточно еще крѣпка для тѣхъ сабельныхъ ударовъ, какими будутъ обмѣниваться сегодня. Еще если бы у тебя было ружье, куда ни шло, ты могъ бы бросать пулю такъ же, какъ и другой.

Этотъ совѣтъ не понравился Фабрицію, но, какъ ни погонялъ онъ свою лошадь, она никакъ не обгоняла тѣлѣжки маркизантки. Время отъ времени удары пушекъ, казалось, приближались и мѣшали имъ слышать другъ друга, такъ какъ Фабрицій былъ настолько внѣ себя отъ упоенія и счастья, что не могъ молчать и началъ вновь разговоръ. Каждое слово маркизантки удваивало его счастье, заставляя сознавать его.

Кромѣ своего имени и исторіи своего бѣгства изъ тюрьмы, онъ рассказывалъ все этой женщинѣ, казавшейся такой доброй. Она была очень удивлена и не понимала ничего изъ того,

что ей говорилъ этотъ красивый, молодой солдатъ.

— Я понимаю, въ чемъ дѣло!—воскликнула она, наконецъ, торжествующимъ голосомъ. Вы молодой господинъ, влюбленный въ жену одного изъ офицеровъ 4-го гусарскаго полка. Вашавозлюбленная подарила вамъ этотъ мундиръ, что на васъ, и вотъ вы бѣжите вслѣдъ за ней. Какъ Богъ святъ, вы никогда не были солдатомъ. Но, такъ какъ вы славный малый, а полкъ вашъ въ огнѣ, вы хотите быть въ его рядахъ и не показаться трусомъ.

Фабрицій готовъ былъ подтвердить все: это былъ единственный способъ получить нужные ему совѣты. «Я не знаю правотъ и обращенія этихъ французовъ»,—говорилъ онъ себѣ,—«если меня не будетъ руководить кто-нибудь, я опять какъ-нибудь попаду въ тюрьму и у меня украдутъ лошадь.»

— Прежде всего, молодчикъ,—говорила маркизантка, относившаяся къ нему все дружественнѣе и дружественнѣе,—сознайся, что тебѣ нѣтъ двадцати лѣтъ. Тебѣ лѣтъ семнадцать, самое большее.

Это была правда, и Фабрицій сознался въ этомъ охотно.

— Такимъ образомъ, ты даже не новобранецъ, а идешь подставлять лобъ подъ пули единственно ради прекрасныхъ глазъ своей красоти. У нея есть вкусъ, чертъ возьми! Если у тебя еще держатся кое-какіе изъ тѣхъ круглячковъ, что она тебѣ передала, ты долженъ, прежде всего, купить себѣ другую лошадь: видишь, какъ твоя кляча настораживаетъ уши, какъ только звукъ пушки раздается сколько-нибудь ближе. Это крестьянская лошадь, по милости которой тебя убьютъ, едва ты станешь только въ линіи войска. Бѣлый дымъ, что виденъ тамъ, за изгородью,—дымъ ружейныхъ выстрѣловъ, молодчикъ! Готовься правдивать трусу, такъ какъ сейчасъ услышишь, какъ свистать пули. Ты хорошо бы сдѣлалъ также, еслибъ съѣлъ что-нибудь, пока тебѣ еще есть время.

Фабрицій послушался этого совѣта маркизантки и, подавая ей золотой, попросилъ получить съ него за все.

— На него прямо жалко смотрѣть!—воскликнула эта женщина. Бѣдняжка не умѣетъ даже распорядиться со своими деньгами. Ты стоилъ бы того, чтобы, взявши твой золотой, я погнала вскачь свою Кокотку: черта съ два, чтобы кляча твоя догнала ее. Что бы ты, простофиля, сдѣлалъ, если бъ я удрала? Знай, что когда слышны выстрѣлы, золотаникогда показывать не слѣдуетъ. Вотъ тебѣ восемнадцать франковъ и пятьдесятъ сантимовъ; завтракъ твой стоитъ тридцать су. Теперь у насъ скоро будутъ лошади на продажу. За маленькую давай десять франковъ и ни въ какомъ случаѣ не плати больше двадцати, хоть бы это былъ самъ Буцефалъ.

Въ концѣ завтрака маркизантку, продолжавшую болтать, окликнула женщина, шедшая полемъ въ сторону дороги.

— Эй, слушай, Марго,—крикнула эта женщина,—твой 6-й кавалерійскій полкъ стоитъ направо.

— Надо мнѣ тебя кидать, молодчикъ,—сказала маркизантка нашему герою. Но, право, мнѣ тебя жалъ, я почему-то чувствую къ тебѣ дружбу. Ты не знаешь ровно ничего и пропадешь ни за понюшку табаку. Идемъ со мной въ 6-й кавалерійскій полкъ!

— Я сознаю, что ничего не знаю,—сказалъ ей Фабрицій,—но я хочу драться и я рѣшился идти туда, на бѣлый дымъ.

— Посмотри, какъ твоя лошадь прыгаетъ ушами! Какъ только она очутится тамъ, какъ ни мало у нея силы, она закусить удила, пустится вскачь и Богъ знаетъ куда тебя занесетъ. Слушай меня! Какъ только поровняешься съ солдатиками, подыми съ земли ружье и лядунку, стань въ ряды и дѣлай все, какъ они будутъ дѣлать, во всей точности. Да, Боже мой, бьюсь объ закладъ, что ты не умѣешь даже разорвать патрона!

Фабрицій, задѣтый за живое, признался, однако, своей новой пріятельницѣ, что она угадала вѣрно.

— Бѣдный мальчикъ! Его сейчасъ убьютъ, видитъ Богъ! Такъ сейчасъ и повалятъ! Тебѣ непременно слѣдуетъ идти за мною,—сказала маркизантка тономъ, не допускающимъ возраженій.

— Но я хочу драться!

— Ты и будешь драться. 6-й кавалерийский полкъ извѣстенъ хорошо, а сегодня дѣла будутъ довольно для всѣхъ.

— А скоро ли мы придемъ къ вашему полку?

— Не больше какъ черезъ четверть часа.

«Съ рекомендаціей этой славной женщины,—подумалъ Фабрицій,—мое невѣдѣніе всего не заставитъ принять меня за шпиона, и я буду имѣть возможность драться.»

Въ это время пушечные выстрѣлы сдѣлались чаще вдвое, одинъ ударъ не дожидаясь другого. «Они нижутся какъ зерна на четкахъ», подумалъ Фабрицій.

— Уже слышны стали ружейные выстрѣлы,—сказала маркитантка, хлестнувши свою лошаду, которую палба, казалось, крайне воодушевила.

Маркитантка свернула направо и поѣхала проселочной дорожкой, пересѣкавшей равнины; грязи было тамъ на полъ-аршина, маленькая телѣжка загружала совсѣмъ. Фабрицій подталкивалъ ее сзади. Лошадь его упала два раза. Вскорѣ дорога, мѣнѣе залитая водой, превратилась просто въ тропинку среди луга. Фабрицій не проѣхалъ и пятисотъ шаговъ, какъ лошадь его остановилась какъ вкопанная: попереки тропинки лежалъ трупъ, приведшій въ ужасъ и лошадь и всадника.

Лицо Фабриція, обыкновенно очень блѣдное, приняло очень замѣтный зеленоватый оттѣнокъ. Маркитантка, взглянувъ на мертвеца, сказала, какъ бы говоря сама съ собою: «это не нашей дивизіи»; потомъ, поднявъ глаза на своего спутника, разразилась хохотомъ.

— Ой, ой, ой, малютка, вотъ ты уже и испугался!

Фабрицій стоялъ какъ помертвѣлый. Его особенно поразило то, что ноги трупа были страшно грязны. Башмаки были уже сняты съ нихъ, и на тѣлѣ убитого оставлены были одни старые штаны, всѣ забрызганные кровью.

— Подойди ближе,—сказала марки-

тантка,—слѣзь съ лошади. Надо, чтобы ты привыкалъ къ этому. Смотри,—воскликнула она,—онъ убитъ выстрѣломъ въ голову.

Пуля, вошедшая во затылокъ, вышла въ противоположный високъ, страшно обезобразивъ лицо убитого. Одинъ глазъ былъ открытъ.

— Встань-ка, молодчикъ, съ лошади и подай ему руку: увидишь, вернетъ ли онъ тебѣ рукопожатіе.

Не колеблясь ни минуты, хотя ему вернуло душу отъ отвращенія, Фабрицій соскочилъ съ лошади, и взявъ руку трупа, сильно потрясъ ее. Потомъ онъ остановился, какъ бы уничтоженный: онъ чувствовалъ, что быть не въ силахъ сѣсть снова на лошадь. Особенный ужасъ наводилъ на него этотъ открытый глазъ.

«Маркитантка приметъ меня за труса»,—думалъ онъ съ горечью, но въ то же время чувствовалъ невозможность сдѣлать малѣйшее движеніе: ему казалось, что онъ сейчасъ бы упалъ. Эта минута была ужасна. Фабрицій чуть-чуть не лишился чувствъ. Маркитантка замѣтила это, быстро соскочила со своей маленькой телѣжки и, не говоря ни слова, подала ему стаканъ водки, который онъ выпить залпомъ. Онъ могъ теперь сѣсть на свою клячу и продолжалъ путь, не говоря ни слова. Маркитантка время отъ времени искоса поглядывала на него.

— Ты будешь драться завтра, молодчикъ,—сказала она, наконецъ,—сегодня ты останешься при мнѣ. Ты самъ видишь, что тебѣ еще надо обучиться солдатскому дѣлу.

— Напротивъ, я хочу драться сейчасъ!—воскликнулъ нашъ герой съ мрачной отвагой, которая показала маркитанткѣ хорошимъ предназначениемъ.

Выстрѣлы пушекъ сдѣлались чаще вдвое и, казалось, становились ближе. Ударъ отъ удара не отдѣлялся ни малѣйшимъ промежуткомъ, начиная сливаться какъ бы въ несмолкаемый ревъ. И на фонѣ этого рева, казавшагоса какъ бы грохотомъ отдаленнаго потока, отчетливо выдѣлялись ружейные залпы.

Дорога теперь вступила въ чащу маленькаго лѣса. Маркитантка замѣтила трехъ или четырехъ солдатъ, изъ напихъ, бѣжавшихъ изъ всѣхъ силъ по направленію къ ней. Она проворно спрыгнула со своей телѣжки и побѣжала спрятаться шагахъ въ пятнадцать или двадцати отъ дороги. Она забила въ яму, оставшуюся послѣ большого дерева, которое выкопали съ корнемъ.

«Теперь я увижу: трусь я или нѣтъ,» — подумалъ Фабрицій. Онъ остановился близъ телѣжки, брошенной маркитанткой, и обнажилъ свою саблю. Солдаты не обратили на него вниманія и прослѣдовали бѣгомъ черезъ лѣсъ, влѣво отъ дороги.

— Это напѣ, — сказала спокойно маркитантка, возвращаясь, запыхавшись, къ своей телѣжкѣ. Если бѣ твоя лошадь была въ состояніи идти вскачь, я сказала бы тебѣ: проѣзжай впередъ до конца лѣса, посмотри, есть ли тамъ кто на равнинѣ.

Фабрицій не заставилъ повторять себѣ этого два раза; онъ отломилъ вѣтку отъ тополя, обчистилъ листья и сталъ бить свою лошадь изъ всей мочи. Кляча поскакала нѣсколько времени галопомъ, потомъ опять пошла своей обычной мелкой рысью. Маркитантка пустила свою лошадку вскачь.

— Остановись, остановись же! — кричала она Фабрицію.

Вскорѣ они выѣхали изъ лѣсу. Вступивъ на равнину, они услышали ужасающій грохотъ; пушки и ружья гремѣли со всѣхъ сторонъ, справа, слѣва, сзади. И такъ какъ роща, откуда неслись выстрѣлы, расположена была на холмѣ, футовъ на шесть или на семь возвышавшемся надъ равниной, то они очень отчетливо могли видѣть нѣкоторую часть битвы; за лѣскомъ, на лугу не было никого. Лугъ этотъ окаймленъ былъ на разстояніи тысячи шаговъ длиннымъ рядомъ очень раскидистыхъ вербъ; изъ-за вербъ показывался бѣлый дымъ, который время отъ времени подымался къ небу кружась.

— Если бѣ мнѣ узнать только, гдѣ нашъ полкъ! — говорила маркитантка

въ замѣпательствѣ. Прямо черезъ лугъ ѣхать не слѣдуетъ. Кстати, ты, — обратилась она къ Фабрицію, — если увидишь непріятельскаго солдата, коли его остриемъ шпаци, не вдумай пробовать рубить его.

Въ эту минуту маркитантка увидѣла четырехъ солдатъ, о которыхъ мы только-что упоминали: они выходили изъ лѣса на равнину, налѣво отъ дороги.

— Вотъ то, что тебѣ нужно, — сказала она Фабрицію.

— Гола-го! — крикнула она тому, который былъ на лошади, — подѣзжай-ка сюда выпить стаканчикъ водки.

Солдаты приблизились.

— Гдѣ 6-й кавалерійскій полкъ? — крикнула она.

— Тамъ, въ пяти минутахъ отсюда, за каналомъ, что идетъ вдоль этихъ вербъ; у нихъ даже еще только-что убитъ полковникъ Маконъ.

— Хочешь ты пять франковъ за свою лошадь?

— Пять франковъ! Ты — шутница, голубушка! За офицерскую лошадь, за которую я возьму пять золотыхъ не дальше какъ черезъ четверть часа!

— Дай мнѣ одинъ золотой, — сказала маркитантка Фабрицію.

Потомъ, подойдя къ солдату, сидѣвшему на лошади, сказала:

— Слѣзай скорѣе, вотъ тебѣ золотой.

Солдатъ слѣзъ, Фабрицій весело вскочилъ на сѣдло, маркитантка сняла маленькую сумку, что висѣла на клячѣ.

— Помогите же мнѣ, вы, ротозѣи! — сказала она солдатамъ. Стоять и смотреть, какъ дама работаетъ передъ ними!

Но едва купленная лошадь почувствовала на себѣ сумку, какъ стала кидаться на дыбы, и Фабрицій, превосходно ѣздившій верхомъ, долженъ былъ употребить всю силу, чтобъ сдерживать ее.

— Добрый знакъ! — сказала маркитантка, — господинъ не любитъ, чтобъ его щекотала сумка.

— Генеральская лошадь, — воскликнулъ солдатъ, продавшій ее, — лошадь, стоющая десять золотыхъ, никакъ не меньше.

Предъ нимъ былъ свѣтло-бѣлокурый человекъ, съ полнымъ краснымъ лицомъ. «У насъ въ Италіи нѣтъ такихъ лицъ», подумалъ Фабрицій. «Никогда я, блѣдный и каштановолосый, не буду такимъ», сказалъ онъ самъ себѣ съ грустью. Для него слова эти значили: никогда я не буду героемъ. Онъ взглянулъ на гусаря. У всѣхъ, кромѣ одного, были желтые усы. Въ то время, какъ Фабрицій смотрѣлъ на гусаря свиты, всѣ они также смотрѣли на него. Эти взгляды заставили его покраснѣть и, чтобъ скрыть свое смущеніе, онъ повернулъ голову въ сторону непріятеля. Тамъ видѣлись длинные ряды красныхъ людей. Но что удивило его—это то, что всѣ эти люди показались ему маленькими. Ихъ длинныя шеренги, бывшія полками или дивизіями, показывались ему не выше какой-нибудь изгороди. Отрядъ красныхъ всадниковъ ѣхалъ рысью, чтобъ приблизиться къ дорогѣ пониже, по которой шагомъ стали двигаться маршалъ и его свита, мѣся грязь ногами лошадей. Дымъ препятствовалъ различать что бы то ни было въ той сторонѣ, куда они двигались; время отъ времени, на фонѣ этого бѣлаго дыма, видѣлась фигура вскачь пронесившагося всадника.

Фабрицій увидѣлъ четырехъ человекъ, несшихся на нихъ сломя голову со стороны непріятеля. «А, это нападеніе на насъ»,—подумалъ онъ. Потомъ онъ увидѣлъ, что двое изъ этихъ людей говорили что-то маршалу. Одинъ изъ генераловъ его свиты помчался галопомъ по направленію непріятеля, въ сопровожденіи двухъ гусаръ отряда и четырехъ только-что прибывшихъ всадниковъ. Когда всѣ вмѣстѣ перебрались черезъ маленькій каналъ, Фабрицій очутился рядомъ съ вахмистромъ очень добродушнаго вида. «Надо обратиться къ этому съ разговоромъ; можетъ быть, они перестанутъ такъ на меня смотрѣть.» Онъ долго раздумывалъ, что бы такое сказать.

— Я первый разъ присутствую при сраженіи,—сказалъ онъ, наконецъ,—но настоящее ли это сраженіе?

— Немножко похоже на то. А вы, кто вы сами такой?

— А братъ жены одного капитана.

— А какъ фамилія этого капитана?

Герой нашъ очутился въ страшномъ затрудненіи. Онъ не предвидѣлъ этого вопроса. Къ счастью, маршалъ съ конвоемъ помчались въ эту минуту въ галопъ. «Какую бы французскую фамилію ему сказать?»—подумалъ онъ. Наконецъ, онъ вспомнилъ имя ховяина гостиницы, гдѣ стоялъ въ Парижѣ. Онъ подсккалъ поближе къ вахмистру и крикнулъ изо всѣхъ силъ:

— Капитанъ Менье!

Тотъ, не слыша отчетливо за стукомъ ѣдущей пушки, отвѣчалъ ему:

— А, капитанъ Телье? Онъ убитъ.

— «Отлично!» подумалъ Фабрицій. «Капитанъ Телье. Надо принять огорченный видъ.

— Ахъ, Боже мой! — воскликнулъ онъ и сдѣлалъ жалобную фizioномію.

Въ это время вышли изъ глубокой дороги и двигались равниной. Отрядъ мчался во весь опоръ; пули опять стали достигать его; маршалъ направился къ одной изъ кавалерійскихъ дивизій. Теперь ѣхали среди раненыхъ и труповъ. Но видъ ихъ уже не производилъ прежняго впечатлѣнія на нашего героя. Въ умѣ его были другія мысли.

Во время одной изъ остановокъ отряда онъ замѣтилъ маленькую телѣжку маркитантки и, движимый нѣжностью къ этому почтенному сословію, онъ помчался въ галопъ по ея направленію.

— Стойте, куда вы лѣзете! — крикнулъ ему вахмистръ.

«Что онъ можетъ мнѣ сдѣлать здѣсь?» подумалъ Фабрицій, продолжая скакать къ маркитанткѣ. Пришпоривая свою лошадь, онъ питалъ въ душѣ надежду, что это его добрая маркитантка сегодняшняго утра; и лошадь и телѣжка были очень похожи на тѣхъ, но хозяйка ихъ была совсѣмъ другая, очень злого вида, какъ показалось Фабрицію. Когда онъ подѣхалъ къ ней, то услышалъ, какъ она говорила: «А какой вѣдь былъ красавецъ!» Очень скверное зрѣлище ждало новаго солдата: здѣсь отрѣзывали ногу какому-то кирасиру, красивому, молодому чело-

кажется, тоже мечетъ искры, и весь онъ сверкаетъ какъ карбункулъ, а я умираю со смѣху при каждомъ его словѣ.

— И я тоже смѣялась, — сказала Эйяля.

— Но все-таки ты не находишь, чтобы онъ былъ красивъ?

— Нѣтъ, не нахожу. Онъ мнѣ очень нравится, но я нахожу, что онъ замѣчательно дурень. Это все правда о барышнѣ, вышедшей замужъ за мистера Монтгомери, который черезъ мѣсяцъ выбросилъ ее въ окно?

— Я должна тебѣ сказать еще одну вещь о Джонатанѣ, Эйяля. Онъ никогда не говоритъ ни слова правды.

— Это я отрицаю, — сказала маркэза. А вотъ мы и прѣехали. Выходите изъ кареты, дѣвочки, и тотчасъ же ступайте спать.

Засыпая и проснувшись на слѣдующее утро, Эйяля много думала о своемъ новомъ другѣ. Чтобы онъ сверкалъ какъ карбункулъ, — можетъ быть, оно было и вѣрно, но вовсе не соответствовало ея представленію о мужской красотѣ. Да и волосамъ не слѣдовало такъ горѣть. Да, полковникъ Стоббсъ, по ея мнѣнію, былъ положительно очень и очень некрасивымъ, пожалуй, даже самымъ безобразнымъ мужчиной, какого она видѣла въ жизни. Конечно, гораздо хуже Тома, вовсе не отличавшагося, въ концѣ концовъ, особеннымъ безобразіемъ. Но все-таки танцовать съ полковникомъ Стоббсомъ гораздо пріятнѣе, чѣмъ съ Томомъ, даже помимо несноснаго ухаживанія Тома. Это не подлежало сомнѣнію. Вообще танцовать съ полковникомъ не дурно, несмотря на его дурноту. Да, онъ положительно былъ ей симпатиченъ. Благодаря его присутствію, она провела пріятный вечеръ. «Главное дѣло въ томъ, чтобы у человѣка было что сказать!» Таково было рѣшеніе, къ которому она пришла, стараясь объяснить себѣ, какъ это могло случиться, что ей было пріятно танцовать съ такимъ ужасно безобразнымъ господиномъ. Лучезарный ангелъ тоже, конечно, за словомъ въ карманъ не полѣзетъ, но наруганность у него будетъ совсѣмъ иная —

красивая или, по крайней мѣрѣ, необыкновенно интересная, и разговоръ онъ поведетъ совсѣмъ не о томъ. Конечно, не станеть хвастаться своими танцами и рассказывать, какъ даму выкинули въ окно черезъ недѣлю послѣ свадьбы. Нельзя было себѣ представить человѣка, менѣе похожаго на лучезарнаго ангела, чѣмъ полковникъ Стоббсъ, въ этомъ могъ сравниться съ нимъ развѣ одинъ Томъ Трингль. Въ полковникѣ положительно не было ровно ничего ангельскаго, и какъ это онъ могъ, все-таки, производить пріятное впечатлѣніе? Просто необъяснимо! Она нисколько не боялась полковника, пошла бы съ нимъ куда угодно, чувствуя себя въ полной безопасности, и надѣялась видѣться съ нимъ очень часто. Это былъ настоящій геній комизма, а безъ примѣси комизма жизнь становится такой скучной! Въ лучезарномъ ангелѣ, между тѣмъ, необходимо долженъ былъ присутствовать элементъ трагическій или почти трагическій. Эйяля не знала прекраснаго описанія «блѣднаго, поэтическаго юноши съ вертеровскимъ лицомъ», но боюсь, что, создавая образъ лучезарнаго ангела, воображала его чѣмъ-то въ этомъ родѣ.

Время шло и наступилъ, наконецъ, послѣдній день ея пребыванія въ Брукъ-Стритъ; остаться долѣе она не могла, такъ какъ дѣло было въ августѣ, всѣ уѣзжали изъ города, и маркэза съ Ниной отправлялись въ Стальгамъ къ своимъ родственникамъ Альбюри, куда, конечно, не могли взять ее съ собой. Довѣты оставались въ городѣ еще на мѣсяцъ, въ смутной надеждѣ на возможность провести двѣ недѣли сентября въ Пегуель-Беѣ. Но и этого пока не могли обѣщать опредѣленно. Полковникъ Стоббсъ довольно часто посѣщалъ Брукъ-Стритъ. Эйяля привыкла къ нему и смотрѣла на него какъ на большого, смирнаго пса. Когда наступилъ послѣдній день, ей было жаль, что она не увидитъ болѣе полковника. Вечеромъ ее везли въ театръ, а на слѣдующее утро ожидать Кингсбюри-Крессентъ и воды Леты.

Было очень жарко; онѣ сидѣли съ почти наглухо закрытыми ставнями

и рѣшили не выходить цѣлый день и беречь себя къ театру, когда дверь открылась и слуга доложилъ о Томѣ Тринглѣ. Томъ Тринглъ пріѣхалъ навѣстить кузину.

— Лэди Бальдони,—сказалъ онъ,—я надѣюсь, вы не сочтете меня навязчивымъ. Мнѣ хотѣлось повидаться разокъ съ кузиной, пока она у васъ.

Маркэза поклонилась и объявила, что очень рада его видѣть.

— Страшная жарница! — сказалъ Томъ.

— Дѣйствительно, очень жарко,—отвѣчала маркэза.

— Мнѣ кажется, въ Римѣ никогда не бываетъ такъ жарко, какъ здѣсь,—замѣтила Нина.

— Ходить пѣшкомъ нѣтъ никакой возможности,—сказалъ Томъ,—такъ что я нанялъ кабриолетъ собственно для своего употребленія. Во время моего обѣда извозчикъ отправляется домой и мѣняетъ лошадей, потомъ пріѣзжаетъ въ десять часовъ и не разстается со мной, пока я не уйду спать. По-моему, оно выходитъ очень удобно.

Нина спросила, почему онъ не править самъ.

— Можетъ выйти чепуха,—сказалъ онъ. Весь день такая жара, а ночью можетъ пойти дождь. Вы читали, милэди, что мой зять Трафикъ говорилъ вчера въ Палатѣ?

— Боюсь, что пропустила,—сказала маркэза. По правдѣ сказать, я не очень сильна по части преній.

— Да, скучноваты,—сказалъ Томъ, но разъ у кого зять, все-таки интересуешься. По-моему, онъ это все очень ясно говорилъ насчетъ солодоваго налога. Маркэза съ улыбкой кивнула головой.

— Что значить солодовый налогъ?—спросила Нина.

— Пиво,—сказалъ Томъ. Вопросъ въ томъ, кому платить налогъ: бѣдняку, который пьетъ пиво, или фермеру, который добываетъ солодъ? Это очень интересно, если вдуматься.

— Но я, къ сожалѣнію, никогда еще не вдумывалась,—сказала маркэза.

Эйяля все время молчала и, глядя

на кузена, думала о томъ, насколько лучше говорилъ бы на его мѣстѣ полковникъ Стоббсъ. Въ разговорѣ наступила пауза. Томъ всталъ и простился, пожавъ руку кузины,—вотъ и все, чего онъ на сей разъ могъ добиться.

— Какой олухъ! — сказала Эйяля, какъ только дверь за нимъ затворилась.

— Я вовсе этого не нахожу,—сказала маркэза.

— Онъ ничѣмъ не отличается отъ большинства другихъ молодыхъ людей,—замѣтила Нина.

— Очень отличается отъ полковника Стоббса,—сказала Эйяля.

Тутъ маркэза прочла ей краткое наставленіе.

— Полковникъ Стоббсъ, другъ мой,—сказала она,—много терся въ свѣтѣ и научился болтать очень бойко, что нравится дѣвушкамъ, можетъ быть, самою своею пустою. Вашъ двоюродный братъ—человѣкъ дѣльный и, вѣроятно, накопить уже большое состояніе, когда мой бѣдный племянникъ будетъ старымъ, никуда не годнымъ генераломъ, живущимъ на пенсію. Тогда окажется, что въ его болтовнѣ было меньше проку, чѣмъ въ дѣловыхъ способностяхъ вашего кузена.

— Мама,—сказала Нина,—у Джонатана будетъ собственное состояніе.

— Дѣло не въ томъ, душа моя. Мнѣ не нравится, когда кого-нибудь называютъ олухомъ только потому, что онъ дѣльный человѣкъ, а не вертопрахъ какой-нибудь.

Эйяля чувствовала, что получила въ разговорѣ, но это не помѣшало ей остаться при прежнемъ мнѣніи—что Томъ олухъ, а танцовать съ полковникомъ Стоббсомъ очень пріятно. Она твердо помнила, однако, что ни того, ни другого не только на словахъ, но и въ мысленіяхъ нельзя было ставить рядомъ съ лучезарнымъ ангеломъ.

Когда онѣ, уже одѣтыя, шли обѣдать, слуга доложилъ о прибытіи рыжеволосаго джентльмена, который объявилъ, что намѣренъ ѣхать съ ними въ театръ.

— Я былъ въ кассѣ,—сказалъ онъ,—и досталъ мѣсто рядомъ съ вами, все

это уже устроено. Теперь вамъ остается только накормить меня обѣдомъ и дать мѣстечко въ каретѣ. На это ему отвѣтили, конечно, что обѣда, годнаго для насыщенья мужчины, не имѣлось во все; но онъ удовлетворился дамской пищей и просидѣлъ весь вечеръ рядомъ съ теткой на задней скамейкѣ;—переднюю занимали барышни.

Наклонившись впередъ и просунувъ между ними свою безобразную голову, онъ игралъ роль хора во время всего представленья. Эйалия веселилась отъ души, никогда въ жизни, казалось ей, не видала она такой отличной пьесы. Хотя маркиза, по возвращеньи домой, своимъ добродушнымъ и авторитетнымъ тономъ велѣла дѣвочкамъ тотчасъ же идти спать, но Эйалия все-таки ухитрилась сказать словечко, прежде чѣмъ окончательно устроиться на подушкѣ.

—Хорошо твоей мамѣ, Нина, говорить, что дѣловой человѣкъ—лучше всего; но когда я вижу олуха, то не могу не видѣть, что онъ—олухъ, и нисколько не сомнѣваюсь, что кузень Томъ олухъ, а полковникъ Джонатанъ—нѣтъ.

— Ты, кажется, начинаешь влюбляться въ полковника Джонатана,—сказала Нина.

— Влюбляться! Ну, это все равно, что влюбиться въ дикаго медвѣдя; но онъ—не олухъ, и потому нравится мнѣ.

XVII.

Люси очень тверда.

Люси вторично встрѣтилась съ мистеромъ Гамелемъ въ Кенсингтонскихъ садахъ, погуляла съ нимъ около получаса и вернулась домой, созная, что сдѣлала что-то очень дурное, — какъ разъ передъ самымъ возвращеньемъ Тринглей изъ Рима, зимою. Она сознавала также и разныя другія вещи, сознавала, можетъ быть, еще сильнѣе. «Теперь когда мы встрѣтились, неужели мнѣ суждено снова потерять васъ?» Что онъ разумѣлъ, говоря о потерѣ, какъ не то, что Люси была единственной находкой, которой онъ желалъ? Но съ тѣхъ поръ она его не видала, ни слова о немъ не слыхала, хотя,

какъ хорошо помнила, дала ему адресъ тетки Эммелины, еще не зная, что сама будетъ ея постоянной жилищей. Она говорила ему, что тамъ будетъ жить Эйалия, и что ее, Люси, можетъ быть можно будетъ иногда застать у сестры, а теперь сама заняла мѣсто Эйалии и застать ее было такъ не трудно! Тѣмъ не менѣе, о томъ, кто боялся «потерять ее снова», не было ни слуху, ни духу.

Собственные чувства къ Айзедору Гамелю она понимала теперь вполне, ясно. Эйалия въ горячемъ порывѣ спросила ее, отдала ли бы она свою руку и сердце такому человѣку, какъ Томъ, и она вынуждена была отвѣчать, что не сдѣлала бы этого, потому что не могла свободно, — совершенно свободно, — располагать своею рукою и сердцемъ. Слова эти были вырваны у нея силою, но она сознавала, съ ужасающею ясностью сознавала, что въ нихъ заключалась правда. Теперь уже ни о комъ не могло быть и рѣчи, ни о кузень Томѣ, ни о комъ другомъ, ни о такомъ, какъ кузень Томъ, ни о такомъ, какъ кто-нибудь другой. Это маленькое словечко совершенно ее покорило. «Неужели я снова васъ потеряю?» Дѣвушки, по большей части, любятъ, потому что любимы, а не по собственной инициативѣ. Онъ не могуть противостать лестному избранію мужского сердца. «Неужели я снова васъ потеряю?» Пока онъ говорилъ эти слова, вся душа его, казалось, сосредоточивалась въ его глазахъ и голосѣ. Внезапный трепетъ наполнилъ ея душу, и она стала надѣяться ради его счастья, что онъ ее не потеряетъ, а теперь начинала опасаться, что не онъ, а она потеряетъ его.

Мы говорили ранѣе объ отношеніяхъ Айзедора Гамеля съ отцомъ. Оба Гамеля были скульпторами, и отецъ приобрѣлъ уже значительную извѣстность. Щедрый, но весьма склонный къ деспотизму, онъ давалъ сыну средства существованія—существованія очень широкаго, но требовалъ взаимнѣе, чтобы сынъ до нѣкоторой степени сообразовался съ его фантазіями, жилъ въ Римѣ и такъ, какъ

живутъ римляне. Айзедоръ предпочиталъ жить въ Лондонѣ и такъ, какъ живутъ англичане. На нѣкоторое время это было ему разрѣшено и увѣнчалось умѣренными успѣхомъ. Но барыши, выпадающіе на долю молодого художника, добившагося умѣренного успѣха, бываютъ подчасъ менѣе чѣмъ умѣренны. Черезъ нѣсколько времени римскій скульпторъ объявилъ сыну, что если тотъ намѣренъ жить въ Лондонѣ, то долженъ жить на средства, самостоятельно добытыя собственной профессіей; если же вернется въ Римъ, то будетъ съ радостью принять въ качествѣ компаньона въ дѣлахъ отца. Другими словами, если окончательно поселится въ Лондонѣ — будетъ предоставленъ на произволъ судьбы, а если согласится заниматься своимъ искусствомъ въ Италіи — будетъ осыпанъ всевозможными благами самой изысканной роскоши. Но образъ жизни, который отецъ велъ въ Римѣ, не нравился сыну. Старый мистеръ Гамель отрекся отъ всѣхъ предразсудковъ. Предразсудки имѣютъ обыкновеніе исчезать очень быстро одинъ за другимъ; — имъ стоитъ только начать. Для человѣка, который перестаетъ одѣваться къ обѣду, очень скоро становится обременительнымъ умыть руки. Домашняя жизнь — скука. Служба — скука. Церковь — ужасная скука. Семья — скука. Жена — невыносимая скука. Всѣ законы несносны, кромѣ тѣхъ, которыми можно принудить людей низшаго происхожденія къ исполненію возложеннаго на нихъ дѣла. Мистеръ Гамель уволилъ себя отъ многихъ несносныхъ вещей, но былъ твердо убѣжденъ, что въ Лондонѣ онъ играли роль гораздо болѣе важную, чѣмъ въ Римѣ. Айзедоръ не былъ для него несносенъ; онъ желалъ бы имѣть Айзедора всегда при себѣ. Но разъ Айзедоръ вздумалъ «жить по-людски», пусть поплатится за это. Мы должны замѣтить тутъ же, что настоящее возвращеніе на жизнь Айзедора Гамеля находилось въ сильной зависимости отъ Люси Дормеръ и отъ овладѣвшаго имъ сознанія, что Люси Дормеръ вовсе не чужда обще-

распространенныхъ предразсудковъ. Маленькая квартирка гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Фольгемъ-Рода или поближе къ Соутъ-Кенсингтону, очень мило меблированная; двѣ прислуги, съ вѣроятнымъ прибавленіемъ няни по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ; уютный англійскій завтракъ и уютное англійское чаепитіе по вечерамъ, — все это являло образъ жизни весьма согласный съ заурядными правилами и общераспространенными предразсудками. Но таковы именно были стремленія Айзедора въ настоящую минуту, и онъ нисколько не былъ расположенъ ходить на четверенькахъ вмѣстѣ съ отцомъ. При такомъ положеніи дѣлъ много поѣздокъ было совершено въ Римъ и обратно въ теченіе послѣдняго года. Эйалъ видѣлась съ Гамелемъ въ Римѣ, а лэди Тринглъ, помня о его дружбѣ съ ея зятемъ, боялась его.

О немъ наводились справки, и было твердо рѣшено не пускать его въ домъ, если онъ явится къ Эйалѣ. Матери у него не было, или почти-что не было; были маленькіе братья и сестры, у которыхъ тоже почти-что не было матери; мистеръ Гамель-отецъ собиралъ у себя пріятелей по воскресеньямъ нарочно для того, чтобы играть въ карты. Если бы дѣло шло о папистѣ, еще туда сюда; но Мистеръ Гамель не былъ папистомъ, слѣдовательно... Все это и многое другое вышло на свѣтъ Божій въ Римѣ, такъ что Люси, хотя никогда сама не упоминала о мистерѣ Гамелѣ въ Куинсъ-Гетъ, слышала очень дурные отзывы о человѣкѣ, который былъ ей такъ дорогъ.

Она имѣла обыкновеніе совершать ежедневныя прогулки въ обществѣ тетки и Гертруды. Не прокатившись дватри раза по парку, лэди Тринглъ сочла бы, что лишается одного изъ самыхъ драгоценныхъ преимуществъ, какими пользовалась благодаря богатству банкира. Таковъ былъ непреложный законъ, и законъ столь же непреложный предписывалъ. Люси сопровождала тетку. Гертрудѣ, въ качествѣ родной дочери и особы, обладавшей собственнымъ, почти признаннымъ всѣмъ

ми возлюбленнымъ, предоставлялась нѣкоторая свобода выбора. Но для Люси не было выбора. Съ какой это стати будетъ она отказываться отъ катанья! Итакъ, она каталась за два дня до отъѣзда изъ города, сидя въ коляскѣ рядомъ съ дремавшей теткой, какъ вдругъ какой-то молодой человекъ перегнулся черезъ перила и снялъ шляпу. Онъ стоялъ такъ близко, что Люси почти могла достать его рукою, стоялъ совершенно одинъ и, казалось, былъ исключительно занятъ созерцаніемъ проѣзжавшихъ каретъ. Люси чувствовала, что покраснѣла, поклонившись ему, замѣтила, что онъ тоже покраснѣлъ, и тихонько обернулась къ теткѣ, въ надеждѣ, что та все еще спитъ; но тетка Эмелина умѣла спать однимъ глазомъ.

— Кто былъ этотъ молодой человекъ?—спросила она.

— Мистеръ Гамель, тетя.

— Мистеръ Айзедоръ Гамель!—въ ужасѣ проговорила тетка Эмелина. Это тотъ римскій молодой человекъ съ ужаснымъ отцомъ?

— Отца его я не знаю,—сказала Люси,—но онъ живетъ въ Римѣ.

— Конечно, это тотъ самый. Онъ думалъ, было, завести знакомство съ Эйалей, но я не могла этого допустить. Знакомство съ такими господами совершенно лишнее для молодыхъ дѣвушекъ. Отецъ его — ужаснѣйшій человекъ. Надѣюсь, ты съ нимъ не въ дружбѣ, Люси?

— Въ дружбѣ.

Тономъ, какимъ были сказаны эти слова, Люси говорила очень рѣдко; тѣмъ не менѣе онъ доказывалъ, что подъ ея мягкими манерами скрывался самостоятельный характеръ.

— Въ такомъ случаѣ, душа моя, я надѣюсь, что эта дружба прекратится на то время, пока ты у насъ.

— Онъ былъ другомъ папы,—сказала Люси.

— Все это прекрасно. Художникамъ, конечно, приходится знакомиться со своими собратями, какъ бы предосудительно ни было ихъ поведеніе.

— Поведеніе мистера Гамеля вовсе не предосудительно.

Теткѣ Эмелинѣ начинало казаться, что это опять Эйала и опять прежняя исторія.

— Милая моя,—сказала она, стараясь говорить какъ можно внушительнѣе,—я бы думала, что въ такихъ вопросахъ тебѣ слѣдуетъ положиться на меня. Сознайся, что я знаю людей лучше, чѣмъ ты. Знакомство съ такими личностями какъ мистеръ Гамель, совсѣмъ не пристало молодой дѣвушкѣ, занимающей положеніе моей дочери. Я надѣюсь, этого достаточно.

Она откинулась въ глубину коляски и, повидимому, задремала снова, но снова однимъ только глазомъ, на тотъ случаѣ, если мистеръ Гамель появится изъ-за какого-нибудь угла и рѣшится опять поднять руку къ шляпѣ. Нужно же ей было знать о такомъ нарушеніи приличій. Но въ тотъ день мистеръ Гамель болѣе не являлся.

Во время всей прогулки, Люси не сказала болѣе ни слова, а, вернувшись домой, тотчасъ ушла къ себѣ. Пока она сидѣла рядомъ съ теткой и чувствовала, что каждую минуту можетъ появиться любимый ею человекъ,—ей невозможно было собраться съ мыслями и рѣшить, что говорить и что дѣлать. Одно было для нея несомнѣнно: если Мистеръ Гамель появится—она не отречется отъ него. Всѣ разсужденія тетки о неприличіи и тому подобномъ не произвели на нее никакого впечатлѣнія. Человекъ этотъ былъ желаннымъ гостемъ въ домѣ ея отца; никто не возражалъ противъ его дружбы съ нею, а теперь онъ, несомнѣнно, былъ ей дороже всего на свѣтѣ. Никакія тетки Эмелины въ мірѣ не могли заставить ее смотрѣть на него иначе, какъ на самаго дорогого своего друга.

Оставшись одна, она стала обсуждать этотъ вопросъ сама съ собою. Послѣ всего, что было говорено, ей хотѣлось вести все дѣло на чистоту, ничего не скрывая отъ тетки и, главное, не вводя ее въ заблужденіе. «Знакомство съ мистеромъ Гамелемъ не годится для молодой дѣвушки, занимающей положеніе моей дочери.» Такъ говорила тетка. На это, какъ казалось,

по крайней мѣрѣ, Люси, существовалъ только одинъ подходящий отвѣтъ: «Въ такомъ случаѣ, милая тетя, я ни минуты болѣе не могу занимать положеніе твоей дочери, такъ какъ я положительно знакома и не перестану быть знакомой съ мистеромъ Гамелемъ.» Но такому отвѣту съ ея стороны препятствовали два соображенія. Во-первыхъ, въ немъ подразумѣвалось, что мистеръ Гамель ея возлюбленный, чего мистеръ Гамель не давалъ ей никакого права подразумѣвать; во-вторыхъ, что было ей дѣлать тотчасъ послѣ твердаго заявленія о своей непригодности къ положенію дочери, которою она числилась въ настоящую минуту? Несмотря на всю твердость принятаго рѣшенія, она не могла сказать теткѣ, что мистеръ Гамель—ея возлюбленный. Не потому, чтобы это была пока неправда. Ей было бы очень пріятно, если бы тетка узнала всю правду. Но какъ объяснить эту правду? Какъ растолковать такому человѣку, какъ тетка Эмелина, значеніе словъ: «Неужели я снова васъ потеряю?» Пойметъли тетка, что слова эти связывали ее не менѣе брачнаго обѣта, слова, въ которыхъ не заключалось никакого обѣщанія, будь они даже сказаны какимъ-нибудь подходящимъ женихомъ, а со стороны Айзедора Гамеля тетка Эмелина сочла бы ихъ просто дерзостью. Говорить ей объ этомъ было совершенно немыслимо, а что-нибудь сказать—все-таки необходимо. Люси получила приказаніе раззнакомиться съ Айзедоромъ Гамелемъ, и слѣдовало объявить, во что бы то ни стало, что она не послушается этого приказанія. Она не признавала себя обязанной слушаться такихъ приказаній. Дружба была создана ея отцомъ, котораго она должна была слушаться ранѣе всѣхъ. Видя, что она отказывается имъ въ повиновеніи, тетка и дядя, конечно, могли отказать ей въ гостепріимствѣ и лишить непокорное дитя своихъ заботъ и попеченій. Если такъ,—пускай себѣ! Если на всемъ бѣломъ свѣтѣ не найдется мѣстечка, гдѣ бы она могла преклонить голову, то и тогда она не исполнить приказанія отречься

отъ любимаго человѣка. Нужно было просто сказать теткѣ, что она не прекратитъ знакомства съ мистеромъ Гамелемъ, потому что мистеръ Гамель—ея другъ.

Такъ она и сдѣлала рано утромъ слѣдующаго дня.

— Извѣстно ли тебѣ, —спросила тетка Эмелина съ видомъ очень суровымъ,—что онъ незаконнорожденный?

Люси покраснѣла и не отвѣчала ни слова.

— Ты... ты—помолвлена съ нимъ?

— Нѣтъ,—отвѣчала Люси рѣзко.

— Онъ дѣлалъ тебѣ предложеніе?

— Нѣтъ,—отвѣчала Люси.

— Такъ о чемъ же рѣчь?—спросила лэди Трингль тономъ, который ясно говорилъ, что разъ ничего такого не было—дружба не имѣла никакого значенія.

— Онъ былъ другомъ папы.

— Что жъ изъ этого, душа моя? Твой бѣдный отецъ скончался и теперь ты на моемъ и дядиномъ попеченіи. Конечно, ты не можешь не согласиться на то, чтобы мы сами выбирали тебѣ друзей. Мистера Гамеля мы не одобряемъ. Ты едва ли близко знакома съ нимъ, и тебѣ будетъ очень легко, если онъ опять тебѣ поклонится въ паркѣ, показать, что это тебѣ непріятно.

— Да вѣдь мнѣ это пріятно,—сказала Люси энергично.

— Люси!

— Мнѣ пріятно видѣть мистера Гамеля, и я почти увѣрена, что теперь, когда онъ меня видѣлъ, онъ придетъ сюда. Прошлой зимой онъ спрашивалъ мой адресъ, и я дала ему здѣшній.

— Пока жила у тетки Дозетъ?

— Да, здѣшній, тетя Эмелина. Я думала, что тетѣ Маргаритѣ можетъ быть непріятно, если онъ придетъ въ Кингсбюри-Крессентъ, а такъ какъ здѣсь должна была быть Эяля, я сказала, что онъ можетъ прійти и въ Куинсъ-Гетъ.

Тутъ лэди Трингль разсердилась не на шутку.

Не только домъ ея былъ избранъ для самаго неподходящаго употребленія, но тетка Дозетъ, очевидно, внуша-

ла Люси уваженіе и страхъ, которыхъ не внушала тетка Трингль. То, что было слишкомъ неблагоприятно для Кингсбюри-Крессента, считалось легко исполнимымъ въ Куинсъ-Гетъ! Самолюбіе ея страдало жестоко. Да и поступокъ, самъ по себѣ, казался ей такимъ ужаснымъ! Дѣвушка, находившаяся на попеченіи тетки, назначила свиданіе невозможному молодому человѣку въ домъ другой тетки! Назначать свиданіе молодымъ людямъ, во всякомъ случаѣ, очень дурно со стороны всякой дѣвушки. У нея волосы становились дыбомъ при мысли о томъ, какова должна быть особа, способная на такой поступокъ, и о томъ, что эта особа находилась на ея попеченіи, въ качествѣ пріемной дочери.

— Люси,—сказала она чрезвычайно внушительно,—этому слѣдуетъ положить конецъ.

— Этому нельзя положить конецъ,—сказала Люси.

— Ты хочешь сказать, что онъ будетъ сюда приходить, все равно, хотимъ мы съ дядей или нѣтъ?

— Онъ придетъ,—сказала Люси,—навѣрное придетъ. Разъ онъ меня увидѣлъ, навѣрное придетъ сейчасъ же.

— Да почему же, когда между вами ничего нѣтъ?

— Потому что.... сказала Люси и замолчала. Потому что.... Это очень трудно тебѣ объяснить, тетя Эмелина?

— Что жъ ему такъ торопиться? Почему?

— Потому что... Хотя онъ мнѣ ничего не сказалъ такого, какъ ты думаешь,—продолжала запинаться Люси, рѣшившаяся сказать всю правду,—но, мнѣ кажется, онъ скажетъ.

— А ты что же?

— Если скажетъ, я соглашусь.

— У него есть средства?

— Не знаю.

— А у тебя?

— Конечно, нѣтъ.

— И ты согласишься за него выйти послѣ всего, что я тебѣ говорила?

— Да,—сказала Люси,—соглашусь.

— Только ужъ, конечно, не изъ нашего дома; объ этомъ не можетъ быть

и рѣчи. Я ни подъ какимъ видомъ не допущу его сюда.

— Такъ я и думала, тетя Эмелина, потому и сказала тебѣ.

— То - есть, ты хочешь назначить ему свиданіе въ другомъ мѣстѣ?

— Вовсе нѣтъ. Да я и прежде никогда не назначала ему свиданій и не знаю его адреса. Вплоть до вчерашняго дня я считала, что онъ въ Римѣ. Онъ никогда въ жизни не писалъ ко мнѣ ни одной строчки и я къ нему, конечно, тоже.

Выслушавъ все это, лэди Трингль сидѣла молча и не знала хорошенько, какъ продолжать разговоръ. Состояніе головы Люси было для нея такъ непостижимо, что она чувствовала себя не въ силахъ издавать какія то ни было предписанія и рѣшила одно: ни подъ какимъ видомъ не допускать въ свой домъ предосудительнаго молодого человѣка.

— Теперь я тебѣ все сказала, тетя Эмелина,—заклчила Люси. Конечно ты имѣешь право приказывать, но вѣдь и у меня тоже есть свои права. Тѣ велишь мнѣ прекратить знакомство с мистеромъ Гамелемъ, но этого я не могу. Если мы встрѣтимся, я непремѣнно буду продолжать съ нимъ знакомство. Если онъ придетъ сюда, постараюсь съ нимъ увидѣться. Если ты и дядя Томъ захотите прогнать меня,—конечно, можете.

— Все это я скажу дядѣ,—сказала тетка Эмелина сердито,—и передамъ тебѣ его отвѣтъ.

На этомъ разговоръ прекратился.

Въ эту минуту сэръ Томасъ находился, конечно, въ Сити за устроеніемъ своихъ миллионъ, а такъ какъ, по словамъ самой Люси, мистеръ Гамель очень могъ появиться въ тотъ же день, и такъ какъ она, лэди Трингль, твердо рѣшила, что онъ не переступитъ порога Куинсъ-Гета, — слѣдовало принять мѣры немедленно. Черезъ нѣскольکو часовъ мистеръ Гамель, дѣйствительно, явился и спросилъ миссъ Дормеръ. Дверь была отворена ему лакеемъ, прекрасно знавшимъ свое дѣло: съ мрачнымъ видомъ, видомъ, который былъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ, онъ объ-

явилъ, что миссъ Дормеръ нѣтъ дома, а въ отвѣтъ на дальнѣйшіе разпросы выразилъ убѣжденіе, что миссъ Дормеръ не будетъ дома никогда; изъ всего этого явствуется, что тетя Эмелина уже прибѣгла къ сильнымъ мѣрамъ для исполненія своихъ предначертаній.

Услышавъ изъ устъ лакея столь ясно выраженный приговоръ, Гамель не усомнился въ его значеніи. Онъ видѣлъ лицо Люси въ паркѣ и жестъ, который сдѣлала лэди Трингль при его поклонѣ. То, что лэди Трингль не желала принять его, вовсе не было для него неожиданностью.

Ложась спать въ тотъ вечеръ, Люси не сомнѣвалась, что мистеръ Гамель былъ и что его не приняли.

XVIII.

Въ Шотландіи.

Въ свое время всѣ Трингли, вмѣстѣ съ высокопочтенной мистрессъ Трафикъ, выѣхали въ Гленбоджи. Тетка Эмелина сообщила сэру Томасу о провинностяхъ Люси, но сэръ Томасъ придалъ имъ менѣе значенія, чѣмъ она ожидала.

— Найти жениха для Люси было бы не дурно, — сказалъ онъ.

— Да вѣдь у него нѣтъ ни гроша!

— Зато есть профессія.

— Неизвѣстно еще, даетъ ли она ему что-нибудь. Къ тому же, подумай только объ его отцѣ! Вѣдь онъ — незаконный!

Сэръ Томасъ усмѣхнулся довольно презрительно.

— Кабы ты только зналъ, какую жизнь старикъ ведетъ въ Римѣ! Съ утра до ночи сидитъ за картами, — и это въ воскресенье!

Опять сэръ Томасъ усмѣхнулся. Самъ онъ очень строго соблюдать всѣ приличія, но считалъ, что на нихъ можно махнуть рукой, когда дѣло идетъ объ обезпеченіи нисколько не обезпеченной дѣвушки.

— Вѣдь не позовешь же ты его въ Куинсъ-Гетъ? — спросила лэди Трингль.

— Конечно, нѣтъ, если онъ ничего

не зарабатываетъ своей профессіей. По-моему, главный вопросъ въ этомъ.

Тутъ разговоръ прекратился, но тетка Эмелина не исполнила обѣщанія и не передала Люси дядинаго мнѣнія.

Уѣзжая въ Гленбоджи, Люси знала только, что мистеръ Гамель считался «темной личностью», недостойной общества тетки, и что сама она разлучена съ нимъ настолько, насколько разлука зависѣла отъ ея настоящихъ покровителей. Но лишь бы онъ, такъ недавно и такъ горячо радовавшійся, что снова нашелъ ее, не измѣнилъ ей, а она-то ужъ, конечно, не сомнѣвалась въ неизмѣнности своего чувства къ нему.

Въ назначенный день, 20 августа, м-ръ Гаустонъ со всей своей амуницией, чулками и сапогами, предписанными Томомъ, котораго допрашивала по этому предмету сестра Гертруда, пріѣхалъ въ Гленбоджи.

— Я ѣхалъ сюда съ однимъ господиномъ, котораго вы, кажется, знаете, — обратился онъ къ Люси, — знаетъ, по крайней мѣрѣ, ваша сестра, такъ какъ я видѣлъ ихъ вмѣстѣ въ Римѣ.

Господинъ оказался Айзедоромъ Гамелемъ.

— Мнѣ неловко было спросить, не сюда ли онъ ѣдетъ, — сказалъ Франкъ Гаустонъ.

— Нѣтъ, конечно, не сюда, — сказала тетка Эмелина.

— Конечно, нѣтъ, — подтвердила Гертруда, охотно принимавшая сторону матери въ борьбѣ съ мистеромъ Гамелемъ.

— Онъ говорилъ что-то о господинѣ, съ которымъ былъ знакомъ въ Римѣ еще до вашего пріѣзда, племянникъ маркизы Бальдони.

— Дама эта не особенно намъ нравилась, — замѣтила Гертруда.

— Она ужасно важничала и страшно баловала Эйялю, — пояснила тетка Эмелина.

— Эйяля гостила у нея въ послѣднее время, — сказала Люси; — маркиза была къ ней очень добра.

— Теперь это больше до насъ не касается, — сказала тетка Эмелина. Эйяля можетъ гостить вездѣ, гдѣ ей и ея теткѣ угодно... Что жъ этотъ Га-

мель, котораго вы видѣли, въ дружбѣ съ маркизой?

— Онъ, кажется, въ дружбѣ съ племянникомъ маркизы,—продолжалъ Гаустонъ,—нѣкимъ полковникомъ Стоббсомъ. Мы съ нимъ видались въ Римѣ. Это прелюбопытный субъектъ. Зовутъ его Джонатанъ. Въ жизни не видывалъ такого рыжаго человѣка! Онъ гдѣ-то охотится теперь, и Гамель должно быть намѣренъ къ нему присоединиться. Я думалъ, что онъ потомъ пробѣдетъ сюда, такъ какъ въ Римѣ всѣхъ васъ видѣлъ вмѣстѣ.

— Сюда-то ужъ онъ никакъ не пробѣдетъ,—сказала тетка Эмелина. А о полковникѣ Стоббсѣ я даже и не слыхивала.

Изъ времени, назначеннаго на пребываніе Гаустона въ Гленбоджи, прошла уже недѣля, а онъ все еще не возобновлялъ своихъ переговоровъ съ сэромъ Томасомъ. Но въ сношеніяхъ съ Гертрудой никто не стѣснялъ его, и вся семья, казалось, считала ихъ женихомъ и невестой. Мистеръ Трафикъ, по заключенному имъ условію находившійся теперь въ Гленбоджи, сначала не одобрялъ Франка Гаустона. Онъ намекалъ лэди Тринглъ и ясно говорилъ Августу, что молодой человѣкъ, не имѣющій опредѣленныхъ занятій и не получающій никакого дохода по его мнѣнію, совершенно не годился для брачной жизни.

— Будь онъ членомъ Парламента—дѣло другое,—сказалъ онъ Августу.

Но жена оборвала его, объявивъ напрямикъ, что если Гертруда рѣшилась идти противъ воли отца, то ужъ зятю не послушается ни въ какомъ случаѣ.

— Мнѣ что жъ!—замѣтилъ на это мистеръ Трафикъ,—деньги не изъ моего кармана! Но разъ человѣку нечего дѣлать, онъ навѣрное потранжиритъ все, что попадется подъ руку.

Послѣ этого, однако, онъ прекратилъ свои возраженія и не препятствовалъ окружающимъ предполагать съ его стороны готовность породниться съ Гаустономъ, если таково будетъ всеобщее рѣшеніе.

Время шло между тѣмъ и для Гаустона, мѣтившаго въ зятя, и для

Трафика, уже достигшаго желанной цѣли, и оба они знали, что далѣе положеннаго срока не получать ни одной минуты пощады. Франкъ тщательно обдумалъ все дѣло и рѣшилъ, что бѣжать въ Тироль за кузиной Аймоджиной, не исполнивъ предварительно своей обязанности, было бы недостойно мужчины. Итакъ, въ одинъ прекрасный день, вернувшись домой послѣ своей обычной порціи кровопролитія, онъ ухитрился пробраться въ уединенный кабинетъ сэра Томаса и снова взялся за роль Элленъ-э-Дэля.

— Я считалъ, мистеръ Гаустонъ,—сказалъ сэръ Томасъ,—что вопросъ этотъ уже исчерпанъ.

— Не совсѣмъ,—сказалъ Гаустонъ.

— Не знаю, почему вы такъ думаете. Мнѣ казалось, что я высказался совершенно опредѣленно.

— Но вы были такъ добры, что пригласили меня сюда.

— Можно пригласить къ себѣ человѣка, не имѣя никакого намѣренія выдать за него дочь.

Тутъ онъ снова повторилъ важный вопросъ, на который Элленъ-э-Дэль отвѣчалъ когда-то такъ неразумно и такъ удачно.

— Имѣете ли вы средства для содержанія моей дочери?

— Не могу сказать, чтобы имѣлъ, сэръ Томасъ,—сказалъ Гаустонъ, какъ бы извиняясь.

— Значитъ, вы хотите, чтобы средства доставилъ я.

— Это какъ вамъ будетъ угодно, сэръ Томасъ.

— Иначе вы едва ли можете жениться на ней.

— Да, пожалуй, что и нѣтъ; не совсѣмъ могу. По правдѣ сказать, я бы, вѣроятно, и не рѣшился сдѣлать предложеніе, если бы не знать, что у молодой лэди будетъ что-нибудь свое.

— Но у нея ничего нѣтъ своего,—сказалъ сэръ Томасъ.

На этомъ разговоръ прекратился.

— Вы насъ не бросите, лэди Тринглъ?—въ тотъ же вечеръ спросилъ Гаустонъ у матери Гертруды.

— Сэръ Томасъ любитъ поставить на своемъ,—сказала лэди Тринглъ.

— Вѣдь уломалъ же его кто-нибудь относительно Септимуса Трафика.

— Это было совсѣмъ другое дѣло,— сказала лэди Трингль. Мистеръ Трафикъ—членъ Парламента: значитъ, онъ при дѣлѣ. Онъ—сынъ лорда Бордотрѣда и можетъ на-дняхъ получить казенное назначеніе.

— Вы сами знаете, конечно, что если Гертруда будетъ стоять на своемъ, онъ уступитъ. Отцамъ всегда приходится уступать, когда дочери стоять на своемъ. Не все ли ему равно, есть ли у меня занятіе или нѣтъ? Деньги вѣдь все тѣ же, такъ или иначе; эта отсрочка, мнѣ кажется, только ненужная возня!

Лэди Трингль, повидимому, отнеслась къ этимъ словамъ благосклонно и почти признала, что если Франкъ Гаустонъ будетъ неукоснительно стремиться къ своей цѣли, то, вѣроятно, достигнетъ ея. Когда ему пришло время уѣзжать, Гертруда выразила сильное негодованіе на суровость отца.

— Все это чепуха,—сказала она своему возлюбленному. Что за птица лордъ Бордотрѣдъ, чтобы это могло составлять такую разницу? Я имѣю не меньше права выбирать кого вздумается, чѣмъ Августа.

Но суровый фактъ все-таки оставался на лицо: деньги обѣщаны не были, и даже самъ Франкъ не предлагалъ жениться на возлюбленной безъ приложенія ея тысячъ. Вечеромъ наканунѣ отъѣзда изъ Гленбоджи, онъ написалъ второе письмо къ миссъ Досимеръ, слѣдующаго содержанія:

«Милая кузина Имочка,

«Вотъ я и въ Гленбоджи, гдѣ прожилъ недѣлю и ни на волосъ не подвинулъ своего дѣла. Отецъ продолжаетъ разспрашивать о «домахъ и помѣстьяхъ» и никакія ссылки на романтическое величіе моего мѣстожительства не производятъ на него впечатлѣнія. Пожалуй, могу похвалиться тѣмъ, что смотрѣлъ въ глаза дѣвы съ неменьшимъ успѣхомъ, чѣмъ Элленъ-э-Дэль. Но какой толкъ смотрѣть въ глаза дѣвы, когда нечего вѣсть! Элленъ-э-Дэль могъ забраться въ чужой карманъ или отрѣзать у кого-нибудь кошелекъ,—спо-

собность, которой я совершенно лишенъ. Вѣроятно, рано или поздно, добьюсь своего, но, напаявшая хомутъ, я и понятія не имѣлъ, какую тяжесть придется тащить. Кромѣ шутокъ, вслушиваться вопросы о домахъ и помѣстьяхъ отъ джентльмена, который отлично знаетъ, что у тебя ихъ нѣтъ, а что въ его распоряженіи находятся три-четыре дворца,—вовсе непріятно. Такое обращеніе положительно вульгарно. Къ тому же онъ отлично знаетъ, что все это въ концѣ концовъ ни къ чему не поведетъ.

«Дамы всѣ на моей сторонѣ, но madame Трингль-мѣге объявила мнѣ, что я не такая хорошая партія, какъ старый Трафикъ, женатый на другой барышнѣ, потому что я—не сынъ лорда Бордотрѣда! Ничто такъ не удивляетъ меня, какъ дурной вкусъ нѣкоторыхъ людей. Теперь все это откладывается до Рождества, и хуже всего то, что я совершенно не знаю, чѣмъ буду жить.

«Мнѣ можно поприднать нѣкоторое время, а черезъ три недѣли думаю навѣдаться въ Мерль-Паркъ. Прошу васъ, главное, не отговаривать меня отъ того, что я считаю исполненіемъ обязанности. Всѣ ваши аргументы мнѣ отлично извѣстны.

«Преслѣдовать дѣвушку потому, что у нея есть состояніе, по вашему мнѣнію, значитъ быть корыстолюбивымъ. Но развѣ существуетъ какая-нибудь дѣятельность, дающая человѣку средства къ жизни, которая была бы безкорыстна? Судьи, епископы, поэты, члены Королевской академіи и первые министры,—всѣ они корыстолюбивы, а также и тотъ рабочій, что разбиваетъ камни за 2 шиллинга 6 пенсовъ въ день. Если человѣкъ не родился богатымъ, какъ же онъ проживетъ безъ корыстолюбія? Развѣ не всѣ дѣвушки корыстолюбивы? Развѣ она выйдетъ за меня, зная, что у меня ничего нѣтъ? Развѣ вы не выйдете за кого-нибудь, кто будетъ нравиться вамъ несравненно менѣе, только потому, что онъ доставитъ вамъ средства существованія. Конечно, я корыстолюбивъ и не отрицаю этого даже передъ ста-

рымъ Тринглемъ. Теперешняя исторія немножко надобла мнѣ, но если бы я ее бросилъ, то мнѣ бы оставалось только сейчасъ же затѣять такую же въ другомъ мѣстѣ. Я выслѣдилъ своего оленя и долженъ гнаться за нимъ, стараясь держаться съ надлежащей стороны вѣтра, пока не свалю его. Это не красиво, но я вижу ясно, что такова моя обязанность, и исполню ее. Итакъ, прошу безъ наставленій! Терпѣть не могу, чтобы меня бранили.

Всегда преданный вамъ.

Ф. Г.»

Послѣ его отъѣзда, Гертруда отнеслась къ дѣлу менѣе спокойно, чѣмъ онъ; такъ какъ рѣшеніе ея было уже принято и всѣмъ окружающимъ это было извѣстно, она чувствовала, что его надо исполнить во что бы то ни стало. Когда всѣмъ извѣстно, что дѣвушка помолвлена, но помолвка не разрѣшена родителями,—положеніе ея всегда бываетъ крайне непріятно.

— Мамаша,—сказала она,—по-моему, папаша поступаетъ со мною не хорошо.

— Папаша, душа моя, всегда поступаетъ по-своему.

— Положимъ. Но почему же относительно меня поступать хуже, чѣмъ относительно Августа? Вѣдь оказалось же въ концѣ концовъ, что у мистера Трафика нѣтъ ни гроша!

— Папашѣ нравится, что онъ въ Парламентѣ.

— Не всѣмъ же дѣвушкамъ выходить за членовъ Парламента!

— И потомъ ему нравится, что онъ сынъ лорда Бордотреда.

— Лорда Бордотреда! Вотъ это ужъ просто низко! Мистеръ Гаустонъ джентльменъ, и семья его ужъ Богъ знаетъ сколько сотъ лѣтъ владѣетъ Бункомбскимъ помѣстьемъ. Относительно происхожденія и тому подобныхъ вещей, Франкъ, по-моему, за поясъ заткнетъ этого лорда Бордотреда съ его новопеченнымъ перстvomъ. Не можешь ли ты сказать папашѣ, что я все-таки въ концѣ концовъ выйду за мистера Гаустона и что съ его стороны будетъ очень

странно подвергать меня всѣмъ пересудамъ, которые тогда поднимутся?

— Едва ли я могу это ему сказать, Гертруда.

— Ну, такъ я сама скажу. Что-то онъ заговорить, если я убѣгу съ мистеромъ Гаустономъ!

— Не думаю, чтобы Франкъ Гаустонъ сдѣлалъ это.

— Сдѣлаетъ, если я захочу... сію же минуту.

Въ этомъ миссъ Трингль, вѣроятно, ошибалась.

— А если папаша не согласится,—я захочу. Не допущу, чтобы меня обречали на вѣчное несчастье!

Все это происходило въ Гленбоджи, въ Инвернеспайрѣ, на юго-западномъ берегу Лохъ-Неса, гдѣ у сэра Томаса было великолѣпное помѣстье съ лѣсомъ, въ которомъ водились олени, собственнымъ водопадомъ и такимъ количествомъ болотъ, какое можетъ только присниться спортсмену. Ничего столь превосходнаго не было во всей Шотландіи, если не принимать во вниманіе нѣкоторыхъ слуховъ о томъ, что тетеревовъ водилось очень мало, а оленей не водилось почти совсѣмъ. На противоположномъ берегу озера, миля за четыре отъ дома, на краю обрыва, по дну котораго бѣжалъ небольшой ручеекъ подъ названіемъ Коллеръ, стоялъ нескладный, старенькій коттеджъ, построенный не сразу, а постепенно, въ два или три приѣма, и носившій названіе Дромколлеръ. Первая его комната отворялась во вторую, вторая — въ третью. Пройти изъ приѣмной въ «нору», какъ называлась третья комната, можно было или черезъ кухню, или черезъ крытую наружную галлерею, нависшую надъ самымъ краемъ обрыва. Весь домикъ тонулъ въ заросли сосенъ. Судя по наружному виду, тамъ было очень сыро. Да и вообще, едва ли его можно было, не покрививъ душою, назвать удобнымъ помѣщеніемъ для семейнаго человѣка. Но во всей Шотландіи пожалуй не нашлось бы помѣщенія болѣе романтически прекраснаго. Изъ галлерейки, которая едва лѣпилась надъ самыми скалами, и

откуда непрерывно, как близкая музыка, слышался шумъ kloчущаго потока, открывался видъ, производившій впечатлѣніе воплощенной поэзіи. Позади дома и садика узкая тропинка взбиралась по скалѣ, съ вершины которой видна была вся долина Коллера, а за нею блестящая широкая гладь озера. Всѣ, кому былъ извѣстенъ коттеджъ Дромколлеръ, единогласно признавали его самымъ живописнымъ и самымъ неудобнымъ жилищемъ во всей Шотландіи. Даже хлѣбъ приходилось доставлять туда изъ Коллерфута, какъ называлась деревушка на берегу озера, а остальная провизія добывалась изъ города Инвернеса, за двадцать миль.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Гаустона изъ Гленбоджи, двое людей съ трубками въ зубахъ сидѣли на площадкѣ, рядомъ съ такъ называемой «норою», комнатою, куда выходила галлерей. Тутъ была выстроена небольшая платформа, на которой могли помѣститься два кресла, и гдѣ владѣлецъ коттеджа имѣлъ обыкновеніе проводить свое время, когда ему приходила фантазія, по собственному выраженію, «коптить небо» въ Дромколлерѣ. Владѣлецъ этотъ былъ никто иной какъ Джонатанъ Стоббсъ, а его собесѣдникъ въ настоящую минуту—Айзедоръ Гамель.

— Въ Римѣ я совсѣмъ не былъ съ ними знакомъ,—сказалъ полковникъ,—и ни разу не видалъ Эйялю, хотя она такъ часто бывала у моей тетки. Ту зиму я провелъ частью въ Сициліи, а когда вернулся,—всѣ онѣ уже перессорились. Я былъ знакомъ съ племянникомъ; это добрый, но довольно грубый малый. Да и всѣ они, кажется, пошловаты.

— Неужели и Эйяля могла показаться вамъ пошловатою?—спросилъ Гамель.

— Конечно, нѣтъ. Да вѣдь дяди и тетки, племянники и племянницы все не обязаны походить другъ на друга. Эйяля—самое изящнѣйшее и прелестнѣйшее созданіе, какое я когда-либо видѣлъ.

— Я зналъ ея родителей; ихъ-то

ужъ, навѣрное, никто не могъ упрекнуть въ пошлости.

— Когда сестры выходятъ замужъ, онѣ, теряя родственное сходство, дѣлаются похожи на своихъ мужей и воспитываютъ дѣтей въ томъ же духѣ. Въ настоящемъ случаѣ одна изъ сестеръ «отрингилась», какъ сэръ Томакъ, а другая «одормерилась», уподобившись этому безразсуднѣйшему малому, вашему другу художнику. Никакой опытъ, я думаю, не научитъ Эйялю, сколько шиллинговъ въ фунтѣ, а почтеннѣйшей мистрессъ Трафикъ это должно быть доподлинно извѣстно.

— Ужъ не знаю, къ лицу ли дѣвушкамъ такія познанія!—сказалъ Гамель.

— Они бываютъ иногда полезны.

— Можетъ быть, полезно также умѣть зарѣзать барана и содрать съ него шкуру или доить коровъ и готовить сыръ; въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, одно преимущество вытѣсняетъ другое. Если женщина и не хороша собой, она все же можетъ быть граціозна; если она не можетъ возвыситься до поэзіи, все же можетъ быть мягкосердечна и «не отъ міра сего».

— Все это хорошо въ своемъ родѣ, но я стою за кулинарное искусство.

Могу жарить и варить,
Могу тѣсто замѣсить,
И рубашку починить.

Вотъ какую я выберу себѣ дѣвушку, если когда-нибудь вздумаю жениться; при большомъ количествѣ дѣтей и небольшомъ количествѣ денегъ это оказывается гораздо надежнѣе всякой граціи и поэзіи.

— Можетъ быть, можно соединить отчасти то, и другое.

— Отчасти, пожалуй, да; изрѣдка понемножку Байрона, еще туда-сюда, допустить можно; только, чуръ, безъ глупостей... Что до Гленбоджи, онъ прямо противъ насъ, на противоположной сторонѣ озера. Въ Коллерфутѣ вы можете достать лодку и гребца, который свезетъ васъ туда и обратно кроны за полторы. Гленбоджи, кажется, на такомъ же разстояніи отъ противопо-

ложнаго берега, какъ мой коттеджъ отъ этого. Какъ вы туда доберетесь иначе какъ пѣшкомъ—я не знаю, развѣ что напишите сѣру Томасу, чтобы онъ выслалъ за вами лошадь.

— Сѣръ Томасъ не сдѣлаетъ мнѣ такой любезности.

— Вы думаете, онъ не одобряетъ вашихъ отношеній къ его племянницѣ?

— Я просто хочу навѣстить миссъ Дормеръ,—сказала Гамель, краснѣя,—потому что ея отецъ былъ всегда добръ ко мнѣ.

— Я вовсе и не думалъ задавать вамъ никакихъ вопросовъ,—отвѣчалъ полковникъ.

— Да тутъ не о чемъ больше и спрашивать. Мнѣ просто не хотѣлось, находясь поблизости, не навѣстить миссъ Дормеръ.

— Вѣроятно.

— Но боюсь, что ни сѣръ Томасъ, ни лэди Трингль вовсе не расположены оказать мнѣ радушнаго приѣма. Что до разстоянія, я безъ труда пройду его пѣшкомъ и, если они захлопнутъ дверь передъ моимъ носомъ,—приду назадъ.

Итакъ, рѣшено было, что на слѣдующій день, рано утромъ, Айзедоръ Гамель, переправившись черезъ озеро, пойдетъ въ Гленбоджи.

ГЛАВА XIX.

Айзедора Гамеля приглашаютъ завтракать.

На слѣдующее утро, утро понедѣльника 2-го сентября, Айзедоръ Гамель отправился въ путь. Онъ долго думалъ, прежде чѣмъ рѣшиться на это. Въ Лондонѣ дверь передъ нимъ несомнѣнно захлопнули. Онъ сознавалъ это ясно и сознавалъ также, что когда передъ кѣмъ-нибудь захлопываютъ двери,—не слѣдуетъ возобновлять попытокъ отворить ихъ. Но обстоятельство этого дѣла представлялись ему приблизительно вѣрно; онъ не зналъ одного: въ какой мѣрѣ при захлопываніи дверей лэди Трингль пользовалась содѣйствіемъ сѣра Томаса? Люси, во всякомъ случаѣ, не принимала въ немъ никакого участія.

Единственнымъ существомъ, какое ему хотѣлось видѣть въ этомъ домѣ, была именно она, и предполагать, чтобы она не желала принимать его, онъ не имѣлъ пока никакихъ основаній,—напротивъ: на лицѣ ея, когда они встрѣтились въ паркѣ, выразились благосклонность и милостивое расположеніе. Неужели же нужно было отказаться отъ всякой надежды на свиданіе съ нею только изъ-за того, что лэди Трингль вздумалось презирать его? Слѣдовало сдѣлать какую-нибудь попытку. Попытка, по всѣмъ вѣроятіямъ, окажется неудачной. Лакей въ Гленбоджи, навѣрное, получитъ тѣ же инструкціи, что и лакей въ Куинс-Гетъ. Тѣмъ не менѣе, если хочешь чего-нибудь добиться, нужно этого какъ-нибудь добиваться. Сидѣть въ Дромколлерѣ по одну сторону озера и думать о Люси по другую—совершенно бесполезно. Хотя онъ далеко не рѣшилъ еще сдѣлать ей предложеніе,—заработокъ его былъ все еще не великъ, а у нея, какъ ему было извѣстно, ровно ничего не было,—тѣмъ не менѣе чувствовать необходимость приблизиться къ ней, если возможно, и сказать ей что-нибудь, если удастся.

Онъ отказался отъ предложенной полковникомъ телѣжки, сошелъ въ Коллерфутъ пѣшкомъ и переправился въ наемной лодкѣ въ Сендисъ-Кей, мѣстечко, откуда, какъ ему говорили, вела ближайшая дорога съ берега въ Гленбоджи. Но какое было между ними разстояніе, въ Коллерфутѣ, по одну сторону озера, никто опредѣленно не зналъ, а въ Сендисъ-Кей утверждали, что до Гленбоджи двѣнадцать миль; вскорѣ оказалось однако, что у чело-вѣка, доставившаго такіа свѣдѣнія, былъ пони, котораго онъ отдавалъ внаймы. «Добрыхъ двѣнадцать миль будетъ, а то и цѣлыхъ шестнадцать, коли возьмете черезъ долину»,—такъ говорилъ владѣлецъ пони. Но вскорѣ получились свѣдѣнія болѣе успокоительныя: какой-то мальчуганъ взялся показать ему дорогу и довести до дома въ полтора часа. Итакъ, онъ отправился въ путь въ сопровожденіи мальчу-

гана и, прокарабкавшись весьма усердно приблизительно часа два, достиг своего назначенія. Головы их—начала голова мальчика, потом голова скульптора—показались на краю обрыва, высываясь из чащи кустарника, въ ту самую минуту, какъ по проселочной дорогѣ, пролежавшей какъ разъ около обрыва, проѣзжалъ верхомъ на своемъ жеребцѣ сэръ Томасъ.

— «Самъ»,—шепнулъ мальчикъ,—и снова погрузилъ голову въ кусты.

Гамелю, какъ только онъ достигъ твердой почвы, пришлось обратиться назадъ, чтобы не лишиться заработка своего проводника. Грязная рученка протянулась за шестью пенсами, но голова болѣе не появлялась. По сосѣдству, особенно въ Сендисъ-Кей, куда приставали лодки, было хорошо извѣстно, что «самъ» не долбилъ посылителей, являвшихся въ Гленбоджи окольными путями. Пока Гамель расплачивался, сэръ Томасъ остановилъ лошадь, желая посмотреть, кто такъ безцеремонно вторгается въ его владѣнія.

— Здѣсь не проѣзжая дорога,—сказалъ онъ подошедшему молодому человеку. Для Гамеля, который послѣднія четверть часа съ большимъ трудомъ карабкался со дна обрыва по его отвѣсному склону, такое сообщеніе было, пожалуй, излишнимъ.

— Если вы желали попасть въ усадьбу, то вамъ слѣдовало пройти черезъ ворота, вонъ тамъ.

— Не вы ли сэръ Томасъ Трингль?—спросилъ Гамель.

— Я.

— Въ такомъ случаѣ прошу васъ извинить меня за способъ, который я избралъ, чтобы явиться къ вамъ. Я, дѣйствительно, хотѣлъ попасть въ усадьбу, но, перебравшись черезъ озеро въ Коллерфутъ, не зная дороги на этомъ берегу и влѣвъ по обрыву.

Сэръ Томасъ поклонился и ждалъ дальнѣйшихъ объясненій.

— Миссъ Дормеръ, вѣроятно, здѣсь?

— Племянница дома.

— Меня зовутъ Гамель, Айзедоръ Гамель. Я скульпторъ и былъ когда-то знакомъ съ ея отцомъ. Вся семья бы-

ла очень добра ко мнѣ, и мнѣ хотѣлось навѣстить миссъ Дормеръ. Если вы ничего не имѣете противъ, я пойду далѣе, къ дому.

Съ минуту сэръ Томасъ просидѣлъ на своей лошади, не говоря ни слова. Ему нужно было разсудить, имѣетъ онъ что-нибудь противъ, или не имѣетъ. Жена имѣла,—это ему было хорошо извѣстно; извѣстно также и то, что самъ онъ не выразилъ по этому поводу единомыслія съ женою. Почему бы племянницѣ не завести возлюбленнаго, если бы возлюбленный попался подходящий? Нравственность отца и происхожденіе сына сэръ Томасъ не ставилъ ни во что. Этотъ молодой человекъ, говорили ему, умѣлъ дѣлать бюсты. Но, дѣлая бюсты, находилъ ли онъ кого-нибудь, кто бы покупалъ ихъ? Вотъ въ чемъ былъ вопросъ. Жена, конечно, была предубѣждена противъ него и считала, что всякій женихъ, негодный для ея собственныхъ дочерей, негоденъ и для Люси. Такое отношеніе она находила должнымъ. Вдобавокъ, сэръ Томасъ чувствовалъ, что и для собственныхъ дочерей она выбрала жениховъ не особенно удачно.

— О, такъ вы—м-ръ Гамель?—сказалъ онъ, наконецъ.

— Айзедоръ Гамель.

— Вы какъ-то, не очень давно, были въ Куинсъ-Гетъ?

— Былъ,—отвѣчалъ Гамель,—но никого не видалъ.

— Да, не видали, я объ этомъ слышалъ. Ну, если хотите, можете идти въ домъ, но спросите лучше лэди Трингль. Вы, навѣрное, не прочь позавтракать, придя пѣшкомъ изъ Коллерфута. Подождите минутку. Я, пожалуй, пойду съ вами.

Итакъ, они вмѣстѣ направились къ дому. Мистеръ Трингль распространялся о красотахъ Гленбоджи, а Гамель слушалъ.

Пройдя первыя ворота, они подошли ко вторымъ, когда вдали между деревьями показалась молодая дѣвушка.

— Вонъ миссъ Дормеръ,—сказалъ Гамель,—мнѣ можно, я думаю, пойти къ ней?

Сэръ Томасъ не могъ сразу разо-

братъ, слѣдовало или не слѣдовало допустить это свиданіе, но, застигнутый врасплохъ, не имѣлъ духу воспрепятствовать ему. Итакъ, Гамель пошелъ къ Люси, а сэръ Томасъ одинъ поѣхалъ къ дому.

Люси видѣла дядю верхомъ и, привскнувъ видѣть его такимъ образомъ, не сомнѣвалась, что это онъ. Она видѣла съ нимъ также и другого человѣка, но не имѣла ни малѣйшаго понятія о томъ, что Гамель находился поблизости, а потому ей и въ голову не пришло, что другимъ человѣкомъ былъ Гамель. Она поняла, что онъ идетъ къ ней только тогда, когда онъ подошелъ совсѣмъ близко, и, узнавъ его, остолбенѣла отъ изумленія.

— Едва ли вы ожидали увидѣть меня здѣсь!

— Да, не ожидала.

— А я никакъ не ожидалъ встрѣтиться съ вами такимъ образомъ.

— Дядя знаетъ, что это вы?—спросила Люси.

— Конечно. Я встрѣтилъ его, взбравшись по обрыву, и онъ пригласилъ меня зайти въ домъ позавтракать.

Нѣсколько минутъ они шли молча.

— Надѣюсь, вы не примете моего пріѣзда за преслѣдованіе съ моей стороны!

— О нѣтъ, не преслѣдованіе!

Когда Люси услышала свой голосъ, произносившій эти слова, она разсердилась на себя; они звучали такъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ въ его пріѣздѣ, по ея мнѣнію, заключалось что-нибудь предосудительное.

— Конечно, я рада васъ видѣть,—прибавила она,—изъ-за папы, но я боюсь...

— Чего, миссъ Дормеръ?

Она взглянула ему прямо въ лицо, собираясь съ духомъ, чтобы сказать нѣчто, по ея мнѣнію, очень нужное.

— Тетя Эмелина не хочетъ, чтобы вы приходили.

— Да почему же?

— Этого я не могу вамъ сказать. Можетъ быть, если бы я знала, то все-таки не сказала бы. Вы вѣдь были въ Куинсъ-Гетъ, и я знаю, что васъ не

приняли, хотя я была дома. Конечно, тетя Эмелина имѣетъ право выбирать, кому къ ней приходиться. Если бы я жила у себя дома—дѣло другое.

— Но вѣдь меня пригласилъ сэръ Томасъ.

— Въ такомъ случаѣ, лучше войдите въ домъ. Послѣ того, что говорила тетя Эмелина, мнѣ кажется, вамъ лучше не оставаться со мной.

— Вашъ дядя знаетъ, что я съ вами, сказалъ Гамель.

Они вмѣстѣ направились къ дому и нѣкоторое время молчали.

— Неужели вы хотите сказать,—началъ онъ снова,—что никогда не будете со мной видаться, потому что тетка противъ?

— Надѣюсь, что буду видаться съ вами. Вы были другомъ папы, и мнѣ было бы такъ грустно разстаться съ вами навсегда.

— И я всегда останусь для васъ только другомъ вашего отца?

— И моимъ также.

— Но я желалъ бы быть чѣмъ-нибудь больше.

Онъ помолчалъ, какъ будто ожидая отвѣта, но она, конечно, не отвѣчала.

— Я желалъ бы быть чѣмъ-нибудь гораздо больше, Люси.

Она опять-таки не отвѣчала. Бываютъ, однако, случаи, когда въ молчаніи заключается больше краснорѣчія, чѣмъ въ какихъ бы то ни было словахъ.

Гамель, которому никогда не приходилось объ этомъ размышлять, тотчасъ же инстинктивно это почувствовалъ.

— О Люси,—сказалъ онъ,—если вы можете любить меня,—скажите.

— Мистеръ Гамель,—прошептала она.

— Люси...

— Мистеръ Гамель, я говорила вамъ о тетѣ Эмелинѣ: она не позволяетъ. Пока я живу здѣсь, мнѣ не слѣдуетъ допускать, чтобы вы говорили со мной такимъ образомъ.

— Но вѣдь дядя знаетъ, что я съ вами.

— Тетя не знаетъ. Намъ нужно

идти въ домъ. Она не велѣла мнѣ говорить съ вами.

— И вы будете ея слушаться... всегда?

— Нѣтъ, не всегда. Я и не говорила, что буду слушаться ея всегда. Когда-нибудь, можетъ быть, я буду поступать по-своему.

— Тогда вы будете говорить со мной?

— Тогда я буду говорить съ вами,— сказала она.

— И любить меня?

— И любить васъ,—отвѣчала она, снова глядя ему прямо въ лицо.

— А теперь, пожалуйста, пожалуйста, пойдемте,—прибавила она, когда онъ, остановившись среди деревьевъ, протянулъ было руку къ ея рукѣ и хотѣлъ обнять ее. Но она быстро пробѣжала впередъ и почти не отвѣчала на его дальнѣйшіе вопросы, пока они вмѣстѣ не очутились въ передней дома.

Тутъ они встрѣтили лэди Трингль, которая шла въ столовую завтракать, а за нею шли Августа, Гертруда и достопочтенный Септимусъ Трафикъ, такъ какъ, хотя Франку Гаустону и пришлось уѣхать въ назначенный день, достопочтенному Септимусу удалось выторговать еще недѣлку. Августу все еще не покидала надежда, что родительское гостепріимство въ Гленбоджи можетъ быть продолжено до того времени, когда снова распахнетъ свои двери милый Мерль-Паркъ. Сэръ Томасъ тѣмъ временемъ уже прошелъ въ столовую, отрывисто сообщивъ женѣ, что пригласилъ завтракать мистера Айзедора Гамеля.

— Мистера Гамеля! — воскликнула она.

— Да, мистера Гамеля. Не могъ же я морить человѣка голодомъ, когда онъ прошелъ такую даль. Мнѣ не извѣстно о немъ ничего дурного.

Съ этими словами онъ повернулся и пошелъ далѣе въ столовую, а теперь стоялъ спиною къ нетопившемуся камину, въ твердой рѣшимости принять сторону мистера Гамеля, если мистера Гамеля встрѣтятъ не достаточно любезно.

Относительно лэди Трингль это бы-

ло, конечно, жестоко. Она нахмурилась и хотѣла было пройти мимо, сдѣлавъ видъ, что не замѣчаетъ Гамеля, но Люси несмѣло совершила нѣчто въ родѣ обряда представленія.

— Тетя Эмелина, это мистеръ Гамель. Дядя Томасъ встрѣтился съ нимъ гдѣ-то поблизости и пригласилъ его завтракать.

Лэди Трингль присѣла и поклонилась. Одного этого соединенія присѣданія съ поклономъ было бы достаточно, чтобы уничтожить всякаго юношу, котораго бы не поддерживали и не наполняли восторгомъ слова, пять минутъ назадъ сказанныя Люси: «И любить васъ», сказала она. Послѣ этого лэди Трингль могла кланяться и присѣдать сколько ей угодно, не причиняя ему этимъ никакого вреда. Присѣвъ и поклонившись, она прошла мимо. Люси очутилась позади Гертруды, а Гамель—позади мистера Септимуса Трафика.

— Потрудитесь сѣсть вонъ тамъ, мистеръ Гамель,—сказала лэди Трингль, указывая на стулъ по другую сторону стола, вкось, на возможно большемъ разстояніи отъ Люси.

Тамъ онъ и помѣстился, между мистеромъ Трафикомъ и сѣромъ Томасомъ. Но при его настоящемъ настроеніи мѣсто, занимаемое имъ за столомъ, было для него почти совершенно безразлично.

Завтракъ прошелъ въ угрюмомъ молчаніи. Сэръ Томасъ былъ всегда скупъ на слова во время ѣды, а теперь единственными словами, какія ему хотѣлось бы сказать, были бранныя, по адресу жены, столь нелюбезной съ гостемъ. Лэди Трингль держала голову очень прямо и открывала ротъ едва настолько, чтобы просовывать туда пищу. Ей хотѣлось показать, что она недовольна Гамелемъ, и это удавалось ей вполне. Августа принимала сторону матери, глубоко презирая дѣвочекъ Дормеръ и всѣхъ возлюбленныхъ, какіе могли у нихъ случиться. Бѣдная Гертруда въ то самое утро получила страшный нагоняй по поводу бѣдности Франка Гаустона. Люси, само собой разумѣется, говорить не хотѣлось. Достопочтенный

Септимусъ былъ занятъ исключительно завтракомъ, да еще отчасти тѣмъ, чтобы не обидѣть какъ-нибудь хозяина или хозяйку Мерль-Парка. Гамель сдѣлалъ двѣ-три попытки завязать разговоръ съ сэромъ Томасомъ, но вскорѣ замѣтилъ, что сэръ Томасъ предпочитаетъ молчать. Ему, впрочемъ, было до этого рѣшительно все равно. Онъ свершилъ все, чего желалъ, и гораздо больше, чѣмъ рассчитывалъ.

Вставать изъ-за стола и расходиться послѣ завтрака—задача вообще не легкая, но столь осложняемая присутствіемъ гостей, что ихъ никогда не слѣдовало бы приглашать завтракать. Вставаніе изъ-за стола ничѣмъ предвѣстительно не знаменуется, какъ это бываетъ за обѣдомъ.

Но въ настоящемъ случаѣ леди Тринглъ избрѣла знаменіе совершенно внезапно, въ первую же минуту, какъ всѣ перестали ѣсть.

— Мистеръ Гамель, — сказала она очень громко, — не хотите ли сыру?

Мистеръ Гамель слегка вздрогнулъ отъ неожиданности и объявилъ, что сыру не хочетъ.

— Въ такомъ случаѣ, милые мои, пойдемте въ мою комнату.

Затѣмъ всѣ четыре дамы гуськомъ вышли изъ комнаты, при чемъ леди Тринглъ позаботилась, чтобы Люси шла впереди и никакимъ образомъ не могла увернуться. Августа и Гертруда слѣдовали за ней. Всѣ четыре леди были нѣсколько взволнованы, но изъ всѣхъ четырехъ одна Люси чувствовала себя вполне счастливой.

— Вы живете у Стоббса въ коттеджѣ? — спросилъ достопочтенный Септимусъ. Чудакъ этотъ Стоббсъ!

— Отличнѣйшій малый, — сказалъ Гамель.

— Можетъ быть. Есть у него болота?

— Кажется, нѣтъ.

— Должно быть совсѣмъ негдѣ охотиться. Гленстоуеръ ни за какія деньги не уступитъ ни пяди своихъ болотъ.

Рѣчь шла о графѣ Гленстоуерѣ, владѣвшемъ громаднымъ пространствомъ земли по ту сторону озера.

— Что же, скажите на милость, можетъ онъ дѣлать тамъ, сидя на вершинѣ своего утеса?

— Иногда охотится, кажется, когда лордъ Гленстоуеръ дома.

— Ну, ужъ это плохо дѣло, коли нужно ждать приглашенія на денекъ поохотиться, — сказалъ достопочтенный Септимусъ, рѣдко дожидавшійся приглашенія, когда хотѣлъ чѣмъ-нибудь попользоваться.

— Ну, а на счетъ рыбной ловли?

— Ловить иногда форелей въ верхнихъ озерахъ. Впрочемъ, Стоббсъ, кажется, не особенно любитъ охоту и рыбную ловлю.

— Чертъ возьми, что же, въ такомъ случаѣ, онъ дѣлаетъ съ собою въ здѣшнихъ краяхъ?!

Гамель пожалъ плечами, не желая объяснять, что прогулокъ, чтенія и писанія было совершенно достаточно для наполненія досуга и для полного благополучія его пріятели въ Дромколлерѣ.

— Онъ либераль?

— Онъ — что? — переспросилъ Гамель. Либераль? Честное слово не знаю, что онъ такое! Онъ преимущественно поклонникъ табаку, поэзии и военного дѣла.

На это достопочтенный Септимусъ презрительно дернулъ носомъ и прекратилъ дальнѣйшіе вопросы о характерѣ и занятіяхъ полковника Джонатана Стоббса.

— Я очень благодаренъ вамъ за вашу доброту, сэръ Томасъ, — сказалъ Гамель, внезапно поднимаясь со своего мѣста. Такъ какъ до Дромколлера далеко, — я думаю, мнѣ пора отправляться. Дорогу по обрыву я знаю, а по другой навѣрное заблудился бы. Можетъ быть, вы позволите мнѣ вернуться такъ же, какъ я пришелъ.

Сэръ Томасъ предложилъ ему лошадь, но Гамель не принялъ предложенія и отправился въ обратный путь черезъ озеро.

Отойдя нѣсколько шаговъ отъ дверей, онъ повернулъ голову, чтобы взглянуть на домъ, гдѣ обрѣталось существо, на которое онъ смотрѣлъ теперь какъ на свою неотъемлемую собственность; можетъ быть, онъ надѣялся, от-

части, снова какъ-нибудь увидѣть Люси, а если и не надѣлся, то все-таки считать такой случай возможнымъ; но онъ не увидѣлъ ничего, кромѣ неинтереснаго фасада громаднаго дома. Люси была занята совѣтъ иначе. Она выслушивала проповѣдь, въ которой тетка Эмелина разясняла ей, какъ гнусно поступилъ мистеръ Гамель, вторгаясь подъ сѣни Гленбоджи. Проповѣдь была нѣсколько длинна, и тетка Эмелина нашла нужнымъ повторить всѣ прежніе свои аргументы относительно происхожденія нечестивца, отсутствія у него надлежащихъ средствъ и общей гнусности нечестивцева отца. Все это она повторила нѣсколько разъ, съ большою, совершенно необычною для нея энергіей. Потокъ ея краснорѣчія былъ до такой степени стремителенъ, что Люси не могла вставить ни одного слова, пока всѣ упомянутыя злодѣянія не были обличены по два и по три раза. Но тутъ она заговорила.

— Тетя Эмелина,—сказала она,—теперь я помолвлена съ мистеромъ Гамелемъ.

— Что-о?!

— Онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, и я дала ему слово.

— Послѣ всего, что я тебѣ говорила?!

— Тетя Эмелина, я вѣдь тебѣ говорила, что не брошу его. Я не просила его пріѣзжать. Его привелъ сэръ Томасъ. Когда я его увидала, то хотѣла уйти отъ него, говорила, что ему бы не слѣдовало быть здѣсь, такъ какъ ты этого не хочешь, а онъ мнѣ отвѣтилъ, что дядя знаетъ, что онъ со мной. Конечно, когда онъ сказалъ, что любить меня, я не могла отвѣтить ему иначе.

Только молчаніемъ могла тетка Эмелина выразить всю глубину своего негодованія; она удалилась, предоставивъ Люси въ одиночествѣ размышлять о своемъ женихѣ.

— Ну, что, какъ обошлось ваше путешествіе?—спросилъ полковникъ Гамеля, заставшаго его попрежнему на балконѣ, съ книгой въ рукахъ.

— Гораздо лучше, чѣмъ я ожидать. Сэръ Томасъ накормилъ меня завтракомъ.

— А молодая лѣди?

— Молодая лѣди также была ко мнѣ благосклонна; но боюсь, что не могу отозваться столь же одобрительно объ остальныхъ обитателяхъ Гленбоджи. За завтракомъ всѣ три дамы Трингль бросали на меня такіе взгляды, какъ будто я совершенно лишній въ ихъ августѣйшемъ присутствіи.

XX.

Бракъ—по Стоббеу.

Въ тотъ же вечеръ, или, вѣрнѣе, ночь, такъ какъ пріятеля повдно засидѣлись за трубками, Гамель подробно разсказалъ своему другу, полковнику, обо всемъ, что произошло въ Гленбоджи.

— Для этого-то вы и отправлялись туда, конечно?—спросилъ полковникъ.

— На всякій случай.

— Я такъ и зналъ. Никогда не слыхивалъ, чтобы кто-нибудь ходилъ пѣшкомъ за двѣнадцать миль навѣстить молодую дѣвицу только потому, что былъ знакомъ съ ея отцомъ; когда за первымъ посѣщеніемъ, принятымъ не очень благосклонно друзьями молодой дѣвицы, черезъ нѣсколько недѣль послѣдовало второе, мой проницательный умъ тотчасъ подсказалъ мнѣ, что тутъ кроется что-нибудь болѣе старой семейной дружбы.

— Вашъ проницательный умъ провидѣлъ истину.

— Мой проницательный умъ провидитъ и дальнѣйшія событія. Она «можетъ жарить и варить»?

— Навѣрное сможетъ, если попробуетъ.

— И «рубашку починить»? Не подумайте, дружище, чтобы я въ самомъ дѣлѣ предполагалъ, что вашей женѣ придется штопать ваши рубашки. Чинка рубашекъ въ поэмѣ, откуда я ввѣлъ эти слова, служить просто-на-просто эмблемой домашнихъ обязанностей вообще.

— Я приму въ хорошую сторону все, что бы вы ни сказали, потому что вы говорите по дружбѣ ко мнѣ.

— Бракъ, по моему мнѣнію,—началь полковникъ,—самое счастливое состояніе, въ какомъ можетъ обрѣтаться человѣкъ, исключая развѣ только помолвку съ какимъ-нибудь очаровательнымъ созданіемъ, которому можно вполне довѣрять: это, пожалуй, еще чуточку лучше. Человѣкъ получаетъ возможность любоваться собственнымъ отраженіемъ въ душѣ другого, наслаждаться всѣми радостями удовлетвореннаго тщеславія, выпадающими на долю того, кто любимъ, испытывать чувство превосходства надъ всѣмъ міромъ, озаряющее обыкновенно душу счастливаго избранника,—и все это даромъ; ни нравственно, ни физически ему не приходится при этомъ тушить свою трубку. Вслѣдъ затѣмъ идетъ самый бракъ: это единственное средство избавиться отъ сознанія постыдной распущенности, которою отдаетъ, въ большей или меньшей степени, отъ всѣхъ холостяковъ нашего класса. Какъ бы ни былъ юноша преданъ приличіямъ, онъ не можетъ не слышать полуночнаго звона и долженъ быть отчасти повѣсой, чтобы не казаться самому себѣ недостаточно мужественнымъ. Единственный выходъ изъ этого—женитьба. Но...

— Но что?

— Знаете ли вы человѣка, котораго старенькая шляпа всегда тщательно вычищена, пальто можетъ служить образцомъ опрятности, хотя и потерто немножко, если взглянуть попристальнѣе, щеки все еще сохранили нѣкоторый юношескій румянецъ, но походка тяжела и взоръ всегда печаленъ? Серьезность жизни отняла у него способность улыбаться. Онъ приучилъ себя не нуждаться ни въ чемъ, кромѣ того, что нужно для соблюденія общественныхъ приличій и удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей. Маленькія личныя прихоти, столь обыкновенныя для насъ съ вами, такъ же чужды ему, какъ фазаны или драгоценныя каменья.

— Нѣтъ, я, кажется, его не знаю.

— А я знаю... очень хорошо. Я видалъ его въ полку и у дверей присутственныхъ мѣстъ. Я наблюдаю за

нимъ, пока онъ входитъ въ церковный домъ. Вы найдете его у порога адвокатской конторы, гдѣ онъ только-что просидѣлъ девять часовъ подъ рядъ, употребивъ на поддержаніе своего организма два сухаря по пенни каждый. Его сейчасъ узнаешь по убогимъ прядямъ рѣдкихъ волосъ на лбу, тщательно вычищенной шляпѣ и неизмѣнной, тяжелой озабоченности взора. Онъ размышляетъ, обыкновенно, о томъ, что будетъ лучше: постараться продлить свой кредитъ у мясника или попробовать еще какъ-нибудь сократить количество потребляемаго въ домѣ мяса, безъ вреда для здоровья своихъ пяти дочерей.

— Картина очень непривлекательная.

— Но вѣрная?

— Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, конечно, да.

— Въ ней есть, однако, и другія стороны, привлекательныя, — задумчиво продолжалъ полковникъ, только-что набившій вновь свою трубку. А пять-то дочерей и подруга, раздѣляющая бремя заботъ! Ему извѣстно, что имѣть пять дочерей—лучше, чѣмъ большой запасъ баранины,—даже и фазановъ, пожалуй,—и никого, кто бы заботился о его тѣлесномъ благоденствіи въ этомъ мірѣ и духовномъ въ будущемъ. Не знаю, насколько хорошая сторона перевѣшиваетъ дурную въ томъ или другомъ случаѣ; но когда человѣкъ намѣренъ что-нибудь сдѣлать, ему слѣдуетъ знать, что онъ дѣлаетъ.

— Все это значитъ, сказалъ Гамель,—что, если мнѣ удастся жениться на миссъ Дормеръ, у меня будутъ жидкіе волосы, скверная шляпа и долгъ мяснику?

— Такъ это случается съ другими.

— А у иныхъ вмѣсто того—деньги въ банкѣ, и по смерти своей они оставляютъ, къ великому утѣшенію пяти дочерей, тысячу тридцать, а то и сорокъ, и пятьдесятъ!

— Даже и цѣлыхъ сто! Нѣтъ предѣловъ количеству тысячъ, которое можетъ накопить человѣкъ, если ему повезетъ въ его профессіи. Можетъ

быть, вы и будете этимъ именно человекомъ. Но имѣете ли вы достаточное основаніе на это разсчитывать, обзаводясь пятью-то дочерьми? Вотъ въ чемъ вопросъ.

— По-моему,—сказалъ Гамель, необходимость въ такой увѣренности есть просто-на-просто трусость!

— Вопросъ этотъ очень меня занимаетъ. И мнѣ также хотѣлось бы отдѣлаться отъ этого привкуса повѣсничества. Чувствую, что для меня, какъ для Адама, не хорошо быть одному. Я не прочь сдѣлать предложеніе первой же дѣвушкѣ, которую полюблю настолько, чтобы мнѣ захотѣлось слиться съ нею воедино, не взирая на шляпы, мясниковъ и дочерей. Принять на свою спину всѣ тяжести, чувствуя, что она для этого достаточно крѣпка,—дѣло благородное и смѣлое. Но что толку воображать, что можешь тащить мѣшокъ съ овсомъ, когда самъ знаешь навѣрное, что не въ силахъ даже поднять его съ земли?

— Силы явятся,—сказалъ Гамель.

— Да, и скверная шляпа тоже. И еще хуже скверной шляпы—истрепанныя юбки, а съ истрепанными юбками, можетъ быть, и измѣнившееся чувство, а съ измѣнной чувства—отсутствіе той нѣжности, которую женщина въ правѣ требовать отъ мужчины, какъ свое неотъемлемое достояніе.

— Я никакъ не ожидалъ, чтобы именно вы имѣли такъ мало вѣры въ себя.

— То-есть, чтобы я могъ разсуждать такъ серьезно, хотите вы сказать. Теперь я свободенъ и, не имѣя никакихъ опредѣленныхъ обязанностей въ послѣдніе три мѣсяца, самымъ недѣльнымъ образомъ предаюсь мрачнымъ мыслямъ. Вѣроятно, это отчасти отъ табаку. Но можно утѣшаться тѣмъ, что подобныя разсужденія въ устахъ одного человека никогда еще не имѣли ни малѣйшаго вліянія на поступки другого.

Гамель съ большимъ торжествомъ сообщилъ другу о своей помолвкѣ съ Люси Дормеръ, но другъ не оказалъ ему равнаго довѣрія и умолчалъ о томъ,

что во все время разговора и задолго до него въ мысляхъ его виталъ образъ сестры упомянутой выше дѣвицы. Онъ зналъ, что Эйялю подвергли нѣкотораго рода изгнанію изъ дома богатаго дяди и осудили на сравнительную бѣдность Кингсбюри-Кресента, а самъ, хотя и обладалъ въ настоящую минуту средствами, которыми можно считать весьма достаточными для холостяка, но привыкъ жить почти въ роскоши и чувствовалъ свою неприспособленность къ обстоятельствамъ, болѣе стѣсненнымъ. Вопреки собственному совѣту относительно кандидатуры на супружескую жизнь, онъ зналъ себя достаточно, чтобы префчувствовать свою антипатію къ жендѣ съ восплаившимся передъ плитою лицомъ. Не разъ говорилъ онъ себѣ, что искать женщину съ состояніемъ было бы еще хуже, а потому и рѣшилъ, что теперь, по крайней мѣрѣ, лучше остаться попрежнему. Но тутъ ему встрѣтилась Эйяля. Хотя, по выработанной имъ философской системѣ, Эйяля ничего не могла значить въ его жизни, но необходимость безпрестанно возвращаться къ этой истинѣ ясно говорила, что Эйяля значила уже очень многое.

Дня черезъ три, тотчасъ послѣ завтрака, Гамель собрался уѣзжать.

— Какъ гнусно, что вы уѣзжаете,—сказалъ полковникъ, когда на это нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній.

— Въ виду пяти дочерей и скверной шляпы нужно иногда и поработать немножко.

— Почему же вы не можете изготовлять свои изображенія здѣсь?

— Съ тѣмъ, чтобы вы служили мнѣ моделью, а грязь изъ Коллера глиной?

— Я ничего не имѣю противъ. Вы не можете увѣковѣчить своимъ искусствомъ мою отвратительную окраску, какъ это сдѣлалъ тотъ господинъ, что писалъ мой портретъ прошлой зимою. Ну, ужъ если непременно нужно ѣхать, поѣжайте, пожалуй, и лѣпите бюсты по неслыханнымъ цѣнамъ, такъ чтобы пяти дочерямъ жилось, какъ у Христа за пазухой. Можетъ быть, вамъ

нужно зачѣмъ-нибудь, чтобы я побывалъ въ Гленбоджи?

— Развѣ зачѣмъ, чтобы вы осадили Трафика, этого отвратительнѣйшаго въ цѣломъ мірѣ человѣка.

— Осадить мистера Трафика,—сказалъ полковникъ,—задача совершенно невыполнимая. Человѣкъ этотъ обладаетъ силой, которой я завидую отъ души и, пожалуй, болѣе, чѣмъ всѣмъ прочимъ дарамъ боговъ. Никакія слова не могутъ пробить его шкуру. Сатира ему какъ съ гуся вода. Насмѣшка не беретъ его. Самая крѣпкая ругань не можетъ причинить ему никакого ущерба. Онъ постигъ великую истину, что того, кто не хочетъ обижаться, обидѣть нельзя. Такъ какъ съ такимъ господиномъ не стоитъ зачѣмъ продолжать тельную вражду, онъ не страдаетъ ни отъ чьей постоянной непріязни. Никакія стрѣлы не берутъ его. Это, пожалуй, самый счастливый, человѣкъ во всемъ Лондонѣ.

— Въ такомъ случаѣ, вы, къ сожалѣнію, ничего не можете сдѣлать для меня въ Гленбоджи. Смягчить тетку Эммелину было бы, боюсь, намъ не подъ силу. Сэръ Томасъ, насколько я замѣтилъ, не особенно нуждается въ смягченіи.

— Сэръ Томасъ могъ бы дать тысченку-другую молодой особѣ.

— Я предпочту добывать себѣ новыя шляпы какими-нибудь иными путями,—сказалъ Гамель, садясь въ телѣжку, въ которой ему предстояло ѣхать до Коллерфута.

Полковникъ прожилъ въ Дромколдерѣ до конца сентября, когда его присутствіе требовалось въ Альдершотѣ. Онъ много охотился, по радужному настоянію лорда Гленгоуера и вопреки презрительнымъ мианамъ мистера Трафика; много читалъ, много курилъ и относительно препровожденія времени ни мало не нуждался въ состраданіи; свободные часы посвящались имъ частью перепискѣ съ маркизой, его теткой, и двоюродной сестрой Ниной. Прилагаемъ по одному изъ писемъ той и другой и по одному изъ его отвѣтовъ.

Отъ Нины къ ея кузену,
полковнику.

«Дорогой Джонатанъ,

«Лэди Альбюри говоритъ, что тебѣ бы слѣдовало быть здѣсь, и это совершенно вѣрно. Здѣсь отлично. Тутъ есть одинъ мистеръ Понсонби, и мы съ нимъ можемъ побить въ лаунъ-теннисъ какую угодно другую пару. Игра происходитъ подъ навѣсомъ,—это такъ удобно. Играть съ зонтиками, какъ эти барышни Мелькомбъ,—ужасно глупо. Онѣ здѣсь были, но уѣхали. Одна изъ нихъ по уши влюблена въ мистера Понсонби, а въ этомъ увѣрена. Такія вещи, какъ тебѣ извѣстно, всегда бываютъ совершенно односторонни. Онъ не Богъ знаетъ что, но играетъ боже-ственно. Въ концѣ концовъ, мнѣ кажется ничто не можетъ сравниться съ лаунъ-теннисомъ. Вотъ не знаю еще какъ охота,—да, вѣроятно, и никогда не узнаю.

«Мы старались добыть Эйялю; боюсь, однако, что это не удастся. Лэди Альбюри очень добра, но оказалось, что ей не особенно хочется писать къ мистрессъ Дозетъ, такъ что писать пришлось мамѣ; отвѣтъ отъ этой дамы получился очень суровый. По ея мнѣнію, Эйялъ лучше оставаться среди своихъ близкихъ. Бѣдная Эйяля! Не подлежитъ сомнѣнію, что для освобожденія ея изъ плѣна понадобится вооруженный рыцарь. Предоставляю тебѣ рѣшить, кто долженъ быть этимъ рыцаремъ.

«Надѣюсь, ты пріѣдешь на день или на два передъ отъѣздомъ въ Альдершотъ. Мы проживемъ здѣсь до перваго октября. Если не пріѣдешь, это будетъ отвратительно съ твоей стороны. Лэди Альбюри говоритъ, что никогда больше не будетъ тебя приглашать. «О, Стоббсъ», сказалъ сэръ Гарри, «Стоббсъ—одинъ изъ тѣхъ людей, которые никогда не пріѣзжаютъ, если ихъ приглашать.» Конечно, мы всѣ на него накинудись. Тутъ онъ объявилъ, что ты—его лучший въ цѣломъ свѣтѣ другъ, но что онъ не смѣетъ и мечтать о томъ, чтобы ты когда-нибудь опять пріѣхалъ въ Стальгамъ. Можетъ быть, если намъ удастся насчетъ Эйяли,

ты и прїѣдешь. Мама хочетъ попытаться еще. Любящая тебя кузина

Нина.»

Отъ маркизы Бальдони къ ея племяннику, полковнику Стоббсу.

«Дорогой Джонатанъ,

«Я сдѣлала все, что могла относительно своей protégée, но боюсь, что изъ этого ничего не выйдетъ. Ея тетка мистрессъ Дозетъ думаетъ, повидимому, что разъ Эйалъ суждено жить съ нею,—ей лучше покориться своей судьбѣ. Это значитъ, другими словами, что если дѣвушка обречена на скучную жизнь, то ей лучше не начинать съ маленькаго развлеченія. Въ этомъ есть большая доля справедливости, но если бы дѣвушкой была я, я предпочла бы начать съ развлеченія, рискуя реакціей, и, можетъ быть, имѣла бы достаточно самоувѣренія, чтобы предположить съ своей стороны возможность уладить всѣ затрудненія въ этотъ подготовительный періодъ посредствомъ своихъ «beaux yeux». Я видѣла мистрессъ Дозетъ одинъ разъ, а теперь получила отъ нея письмо. Въ концѣ концовъ, мнѣ немножко жаль бѣдненькую Эйалою.

«Намъ живется здѣсь отлично. Маркизъ уѣхалъ въ Комо присмотрѣть за своимъ тамошнимъ имѣньемъ. Не злорадствуй и не говори, что эти два обстоятельства находятся въ связи; но, правду сказать, ему никогда не бываетъ хорошо нигдѣ, кромѣ Италіи. На-дняхъ передъ нимъ поставили кусокъ недожареннаго мяса, и это окончательно побудило его выѣхать тотчасъ.

«Перваго октября мы вернемся въ Лондонъ и проживемъ тамъ до конца ноября. Нину опять зовутъ сюда въ ноябрѣ, чтобы показать ей охоту. Я знаю, чѣмъ это кончится: она непременно попробуетъ черезъ что-нибудь перескочить и сломастъ себѣ ногу. Ты долженъ быть здѣсь, чтобы этого не допустить. Если она поѣдетъ сюда, я, можетъ быть, недѣльки на двѣ съѣзжу въ Брайтонъ.

«Да, по-моему, Эйала Дормеръ—очень хорошенъкая дѣвушка и вдобавокъ умная. Признаю, что она distinguee.

Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы я считала ее именно такой дѣвушкой, на которой долженъ жениться человѣкъ, подобный полковнику Стоббсу. Это—одно изъ тѣхъ человѣческихъ существъ, которыя какъ будто были отправлены изъ этого міра въ какой-то другой, гдѣ и получили свое воспитаніе. Хотя она знаетъ очень многое, чего не знаетъ никто другой, но не знаетъ такихъ вещей, которыя должны быть извѣстны всякому. Чтобы бродить съ тобою по рошѣ, сидѣть у ручья и дрожать на вершинѣ горы,—она была бы прелестна. Сомнѣваюсь, чтобы она была равно хороша, сидя на хозяйскомъ мѣстѣ за твоимъ обѣденнымъ столомъ, ухаживая за дѣтми въ дѣтской и сводя недѣльные счета. Она бы приставала къ тебѣ съ поэзіей и не дѣлала бы даже и вида, что принимаетъ къ свѣдѣнію твои поученія относительно правильнаго передвиженія арміи. Не говорю уже о томъ, что у нея нѣтъ ни одного пенни за душой, а ты именно въ такомъ положеніи, когда человѣку необходимо получить что-нибудь за женой. А потому я положительно противъ всякихъ матримоніальныхъ поползновеній въ этомъ направленіи.

«Любящая тебя тетка

Беатриче Бальдони.»

Отъ полковника Стоббса къ его кузинѣ Нинѣ.

«Дорогая Нина,

«Лэди Альбюри ошибается: мнѣ не слѣдуетъ быть въ Стальгамѣ. Что сталь бы я дѣлать въ Стальгамѣ въ это время года? Я никогда не охочусь на перепеловъ, а объ игрѣ въ лаунъ-теннисъ нечего и думать, такъ какъ я знаю заранѣе, что не слажу съ мистеромъ Понсонби. Если состоится ноябрьская затѣя, я прїѣду и буду охранять тебя на охотѣ. Передай это сэру Гарри и прибавь, что я привезу съ собою трехъ лошадей на недѣлю. Положеніе бѣдной Эйали Дормеръ кажется мнѣ очень плачевнымъ, но что же тутъ можетъ сдѣлать какой угодно рыцарь? Когда дѣвушку отдають на попеченіе дяди или тетки, она стано-

вится исключительной собственностью этого дяди или тетки. Мистрессъ Дозетъ можетъ быть самымъ несноснымъ дракономъ, когда-либо сотвореннымъ на испытаніе и горе прекрасной затворницѣ,—но все же она всемогуща. Оказать миссъ Дормеръ какую-нибудь помощь можетъ только такой рыцарь, который явится съ обручальнымъ кольцомъ въ рукѣ и освободитъ ее изъ плѣна силою брачнаго договора. Твой несчастный кузень столь исключително поглощенъ обязанностью сражаться за свое отечество, что ему некогда даже и подумать о такомъ значительномъ предпріятіи.

«Бѣдная Эйяля! Съ твоей стороны было бы очень глупо вообразить себя, что я жалѣю ее потому, что не могу быть тѣмъ рыцаремъ, который освободитъ ее; но не могу не думать о томъ, какъ счастлива она была бы въ Стальгамъ, стараясь побить въ лаунъ-теннисъ тебя и мистера Понсонби и рискуя сломать себѣ шею на пресловутой ноябрьской охотѣ. Любящій тебя кузень

Д. С.»

Отъ полковника Стоббса къ маркизѣ Бальдони.

«Дорогая тетушка,

Письмо твое достойно царицы Савской, если, какъ оно, вѣроятно, и было, она состояла въ перепискѣ съ царемъ Соломономъ. Что до судьбы Эйяли, если она обречена жить съ мистрессъ Дозетъ, то ей остается только покориться своей участи. Ты не можешь увезти ее въ Италію, а маркизъ не пожелалъ бы, чтобы она раздѣлила съ Ниной его италіанскія сокровища. Бѣдненькая птичка! Она имѣла возможность жить среди брилліантовъ и банковыхъ билетовъ у миллионеровъ Тринглей, но какимъ-то непонятнымъ для меня способомъ лишилась этой возможности. Вѣроятно, она вела себя нелѣпо, но, какъ нарочно, она нравится мнѣ отъ этого еще болѣе. Не думаю, чтобы двѣ недѣли въ Стальгамъ, среди роскошной обстановки сэра Гарри, могли быть ей очень полезны.

«Что до меня, моего обѣденнаго стола и будущей спутницы, обреченной

выслушивать мои воинственные разглагольствованія, я склоненъ думать, что ты права, такъ какъ пицешъ въ духѣ истинной житейской мудрости. Царица Савская, навѣрное, давала царю Соломону совѣты въ этомъ родѣ. Я никогда не слыхивалъ, чтобы женщина, въ откровенной бесѣдѣ, относилась къ браку иначе, какъ съ точки зрѣнія фунтовъ, шиллинговъ и пенсовъ. Въ подобныхъ совѣтахъ о любви никогда не бываетъ и помину. Къ чему она, разъ это продуктъ не стѣдобенный? Не думай, что я говорю такъ въ духѣ порицанія или сатиры. Я вполне раздѣляю твои воззрѣнія и если когда-нибудь женюсь, то женюсь по всѣмъ предписаннымъ тобою правиламъ, принимая въ соображеніе недѣльные сче-ты и твердо рѣшившись избѣгать за-сѣданій на берегахъ ручьевъ.

«Я сообщилъ Нинѣ о своихъ планахъ. Въ ноябрѣ буду въ Стальгамъ и посмотрю, чтобы она не сломала себѣ шею. Твой

Д. С.»

XXI.

Негодование Эйяли.

Мистрессъ Дозетъ была, пожалуй, права отчасти, не давая своего разрѣшенія на предложенную поѣздку въ Стальгамъ. Если судьба обрекала Эйялю на вѣчное жительство въ Кингсбюри-Кресентѣ, веселье очень веселаго дома и богатство дома очень богатаго были бы весьма плохимъ подготовленіемъ къ такой жизни. До поѣздки въ Брукъ-Стритъ къ лэди Бальдони, Эйяля, несомнѣнно, дѣлала все, что могла, чтобы приспособиться къ нравамъ и обычаямъ тетки, хотя дѣлала это, страдая и мучаясь. Она подрублила полотенца, штопала простыни, ходила по лавкамъ, старалась принимать къ сердцу фунты говядины и раздѣлять интересъ, который возбуждали въ теткѣ останки бараньихъ ножекъ, уцѣлѣвшіе послѣ алчнаго обхожденія двухъ служанокъ на кухнѣ. Эйяля была умна, она понимала, что равнодушіе Люси обижало тетку не столько потому, чтобы тетка нуждалась въ трудѣ Люси, сколько потому, что оно указывало какъ будто на низменность и вульгарность теткинскихъ

интересовъ; она старалась войти въ нихъ и отчасти успѣвала въ этомъ. Тетка могла говорить съ нею о маслѣ и стиркѣ, — вопросахъ, которыхъ никогда не касалась въ разговорахъ съ Люси. Мистрессъ Дозетъ видѣла, что Эйала борется съ собой, но думала, что такая борьба ей полезна, и не теряла надежды. Но тутъ приключилась поѣздка въ Брукъ-Стритъ, и Эйала вернулась совсѣмъ другой дѣвушкой. Повидимому, она и не могла и не хотѣла бороться долѣе.

— Терпѣть не могу бараньихъ костей, — сказала она теткѣ однажды утромъ, вскорѣ послѣ возвращенія.

— Конечно, всѣ мы предпочли бы телячьи ножки, — сказала тетка хмурясь.

— И ножекъ терпѣть не могу.

— У маркизы-то тебя, навѣрное, пичкали разными фрикассэ.

— Терпѣть не могу фрикассэ.

— Но вѣдь ты же не можешь не терпѣть ѣсть?

— Терпѣть не могу. Это низко. Природа должна была бы устроить это иначе. Намъ бы слѣдовало получать пищу изъ воздуха черезъ пальцы и волосы, какъ деревья черезъ листья. Тогда бы не было никакихъ мясниковъ, никакого сала, никакихъ мерзкихъ запаховъ изъ кухни... и никакого джина.

Это было хуже всего, — упоминаніе о невинномъ, но не аристократическомъ крѣпкомъ напиткѣ, которымъ, по добротѣ сердечной, довольствовался мистръ Дозетъ!

— Вы возстаете противъ Творца, миссъ, — сказала тетка Маргарита самымъ сердитымъ своимъ тономъ, — противъ Творца, Который создалъ все и въ безконечной своей премудрости опредѣлилъ, что должны ѣсть и пить Его твари.

— А все-таки, — сказала Эйала, — мнѣ кажется, мы могли бы обойтись безъ вареной баранины.

И она обратилась къ лежавшимъ у нея на колѣняхъ предметамъ домашняго рукодѣлья, желая показать, что несмотря на предосудительность своего міровоззрѣнія вовсе не намѣрена предаваться праздности. Но разгнѣванная

мистрессъ, Дозетъ, выхвативъ работу изъ рукъ племянницы, унесла ее изъ комнаты, давая такимъ образомъ понять, что даже наволочка въ ея домѣ не должна быть обязана ни однимъ стежкомъ рукъ столь благодарной и богохульной дѣвицы.

Гнѣвъ ея скоро прошелъ. Эйала, хотя и не каялась, но была кротка, и на слѣдующее утро, возвращаясь домой съ теткой, безропотно тащила въ корзинкѣ фунтъ масла, шесть яицъ и небольшой кусокъ ветчины. Послѣ этого наволочка была вручена ей снова. Но признаки потрясенія, испытаннаго ею вслѣдствіе роскоши Брукъ-Стрита, все еще продолжали обнаруживаться; тетка Маргарита наблюдала ихъ весьма внимательно и въ бесѣдахъ съ мужемъ указывала на нихъ весьма настойчиво.

— Молодымъ людямъ, я думаю, хорошо повеселиться немного, — робко замѣтилъ дядя Реджинальдъ.

— И старикамъ также. Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, если веселье не причиняетъ имъ въ то же время вреда. Ничего не можетъ быть хорошаго для молодой особы въ томъ, что дѣлаетъ ее негодной для положенія, къ которому Господь призвалъ ее. Эйала должна жить съ нами. Конечно, ей пришлось переселить себя, когда она пріѣхала отъ твоей сестры, лэди Трингль, но она сладила съ этимъ очень хорошо, и я была ею очень довольна. Она только-что начала входить въ свою колею, когда нагрянуло это приглашеніе отъ лэди Бальдони, и вотъ она вернулась сама не своя, и ей опять приходится все начинать сначала.

Дядя Реджинальдъ повторилъ свое мнѣніе о желательности небольшихъ развлеченій для молодыхъ людей, но у него не хватило силъ очень настаивать на этой теоріи. Что Эйала, хотя и продолжала бороться съ собой, но была сильно разстроена поѣздкой, — это не подлежало, во всякомъ случаѣ, никакому сомнѣнію.

Тутъ пришло приглашеніе въ Стамъгамъ. Лэди Альбюри написала къ самой Эйалѣ очень любезную записку,

въ которой говорила объ удовольствіи, которое та ей доставитъ прїѣздомъ въ деревню, гдѣ въ то время гостили ея старые друзья, маркиза и Нина. Записка сопровождалась длиннымъ письмомъ отъ самой Нины, подробно описывавшей всѣ прелести Стальгама, не исключая мистера Понсонби и лаунтенисса. Эйяля уже и прежде много слышалась о Стальгамѣ и Альбюри отъ прїятельницы, шепотомъ намекавшей на возможность настоящаго приглашенія, и готова была къ поѣздѣ: пересмотрѣвъ свой гардеробъ, она рѣшила, что платья, годившіяся для Брук-Стрита, годились также и для Стальгама. Но съ той же почтой пришла еще письмо на имя мистрессъ Дозетъ, и, глядя на тетку, пока та читала его, Эйяля замѣтила въ ея нахмурившемся лицѣ выраженіе положительно неблагоприятное Стальгаму.

Это происходило вскорѣ послѣ утренняго чая, тотчасъ по уходѣ на службу дяди Реджинальда, и нѣкоторое время о полученныхъ письмахъ не было сказано ни слова; Эйяля заговорила только послѣ завтрака.

— Тетя,—сказала она,—ты получила письмо отъ лэди Альбюри?

— Да,—отвѣчала мистрессъ Дозетъ зловѣщимъ тономъ,—я получила письмо отъ лэди Альбюри.

Снова наступило молчаніе, длившееся до тѣхъ поръ, пока преисполненная обѣщанными блаженствами Эйяля не прервала его, такъ какъ не въ силахъ была выдержать долѣе.

— Тетя Маргарита,—сказала она,—надѣюсь, ты меняпустишь?

Минуты двѣ отвѣта не было, и Эйяля повторила свой вопросъ.

— Лэди Альбюри хочетъ, чтобы я прїѣхала въ Стальгамъ.

— Она пишетъ мнѣ, что приметъ тебя.

— И мнѣ можно ѣхать?

— По моему глубочайшему убѣжденію, тебѣ лучше не ѣздить,—сказала мистрессъ Дозетъ, подтвердивъ свой приговоръ кивкомъ головы, достойнымъ Юпитера.

— О, тетя Маргарита, почему же?

— Мнѣ кажется, благоразумнѣе будетъ отказаться.

— Да почему же, почему же, почему же, тетя Маргарита?

— Это была бы трата денегъ.

— У меня хватитъ своихъ: изъ тѣхъ, что далъ мнѣ сэръ Томасъ, осталось еще довольно на путешествіе,—сказала Эйяля, отстаивая свои интересы всѣми силами своего краснорѣчія.

— Дѣло не въ однѣхъ деньгахъ. Есть и другія причины, причины очень основательныя.

— Какія же, тетя Маргарита?

— Тебѣ, душа моя, суждено жить съ нами, а не съ такими людьми какъ маркиза Бальдони и лэди Альбюри.

— Да вѣдь я, кажется, и не жалуюсь на это.

— Стала бы жаловаться, если бы привыкла за это время къ роскоши Альбюри-Парка. Я говорю это не въ укоръ тебѣ, Эйяля. Такова природа человѣческая.

— Да вѣдь я не буду жаловаться. Развѣ я жаловалась когда-нибудь?

— Да, душа моя. Ты говорила мнѣ намереніи, что не любишь бараньихъ костей, и тебѣ противно, когда пахнетъ саломъ. Говорю это не съ тѣмъ, чтобы бранить тебя, Эйяля, а съ тѣмъ, чтобы дать тебѣ понять, каковы были бы послѣдствія твоей поѣздки изъ такого дома, какъ нашъ, въ такой домъ, какъ Стальгамъ, и возвращенія изъ Стальгама вотъ въ эту квартиру. Тебѣ лучше довольствоваться собственнымъ положеніемъ.

— Я довольствуюсь своимъ положеніемъ,—прорыдала Эйяля.

— И позволить мнѣ написать лэди Альбюри отказъ на ея приглашеніе.

Но Эйяля не соглашалась взглянуть на дѣло глазами тетки. Напрасно тетка требовала отъ нея утвердительнаго отвѣта,—Эйяля не дала его и, рыдая, выбѣжала, наконецъ, изъ комнаты. Наверху, обсуждая вопросъ сама съ собою, она рѣшила возстать. Конечно, она обязана была до нѣкоторой степени покоряться теткѣ; но развѣ она уже не покорялась достаточно, работая какъ волъ, таская эту корзину съ провизіей и стараясь принимать

участіе въ вопросахъ, интересовавшихъ тетку? Неужели же она такъ всецѣло принадлежала теткѣ, что должна была исполнять всѣ теткинныя желанія, хотя бы цѣною всѣхъ своихъ надеждъ и всѣхъ обѣщанныхъ ей радостей? Она чувствовала, что поѣздка въ Брукъ-Стритъ сошла успѣшно, хотя, конечно, не встрѣтила тамъ никакого лучезарнаго ангела, но зато находилась въ обществѣ людей, которые ей нравились, и говорили съ ней люди, которыхъ пріятно было слушать; она не забыла этого полковника съ удивительнымъ именемъ и безобразнымъ лицомъ, который, наклонившись надъ ея стуломъ въ театрѣ, то смѣшилъ ее своими остротами, то увлекать объясненіемъ происходившаго на сценѣ. Все это, или что-нибудь подобное, къ великой ея радости, навѣрное повторилось бы въ Стальгамѣ. И неужели же отъ всего этого надо было отказаться,—отказаться отъ единственнаго удовольствія, оставагося ей въ жизни, только изъ-за того, что у тетки были строгія понятія о долгѣ и удовольствіи? Другія дѣвушки принимали приглашенія. Въ Римѣ, когда обсуждался вопросъ о маркизиномъ батѣ, она настояла же на своемъ, несмотря на сопротивленіе тетки Эмме-лины и Августы. Конечно, поведеніе ея въ этомъ случаѣ послужило отчасти причиной изгнанія изъ дома дяди Тома; но объ этомъ она въ настоящую минуту не подумала. Надо было возстать и просить о помощи дядю Реджинальда.

Письмо, однако, заключавшее въ себѣ формальное приглашеніе, было адресовано на имя тетки, и тетка имѣла полное право отвѣчать на него по своему усмотрѣнію. Отвѣтъ, можетъ быть, писался уже въ эту самую минуту, и если бы онъ былъ отрицательнымъ, Эйала знала, что не можетъ ему противодѣйствовать. Тетка снова пришла къ ней въ то же утро, чтобы освѣдомиться о ея рѣшеніи; сама она непоколебимо стояла на своемъ, но не хотѣла, повидимому, писать роковой отвѣтъ безъ разрѣшенія Эйали. Эйала увѣряла себя, что имѣетъ собственныя

права, которыхъ тетка не смѣетъ нарушать.

— По-моему, слѣдуетъ позволить мнѣ ѣхать,—сказала она пришедшей теткѣ.

— Даже если, по-моему, это для тебя вредно?

— Это не будетъ вредно. Они очень хорошіе люди. По-моему, мнѣ слѣдуетъ позволить ѣхать.

— Развѣ ты не имѣешь довѣрія къ тѣмъ, кто состоитъ твоими естественными опекунами?

— Мой естественный опекунъ—дядя Реджинальдъ,—сказала Эйала сквозь слезы.

— Прекрасно! Если ты не хочешь руководиться моимъ мнѣніемъ,—какъ будто я тебѣ не тетка!—и ни въ грошъ не ставишь моихъ словъ о томъ, что для тебя лучше и полезнѣе, оставимъ этотъ вопросъ до возвращенія дяди. Я не могу не чувствовать себя глубоко оскорбленной твоимъ пренебреженіемъ. Я изъ всѣхъ силъ старалась дѣлать для тебя все, что могла, какъ родная мать.

— По-моему слѣдуетъ позволить мнѣ ѣхать,—повторила Эйала.

Все это повело, во-первыхъ, къ тому, что отвѣты на всѣ три письма были отложены до слѣдующаго дня. Эйала тщательно обдумала хорошенькія слова, которыми слѣдовало отвѣчать на любезную записку леди Альбюри, и избранная ею форма казалась ей очень изящной. Но если бы дядя не поддерживалъ ее, это было бы ни къ чему, пришлось бы придумывать другое. Никѣ она напишетъ всю правду, сообщитъ ей или о своей безмѣрной радости или о своемъ полномъ отчаяніи и гоненіяхъ, которымъ подвергается. Но ей не вѣрилось, чтобы дядя могъ быть съ нею жестокъ. Онъ всегда былъ добръ неизмѣнно. Когда дядя узнаетъ, до какой степени ей этого хочется, онъ ее пуститъ.

Ставя все дѣло въ зависимость отъ рѣшенія дяди и обаяваясь такимъ образомъ покориться этому рѣшенію, какъ бы оно ни было, бѣдная дѣвушка совершенно упустила изъ виду громадное преимущество, которое давалъ

теткѣ разговоръ, могущій произойти ее на плечо Эйали, какъ бы желая наверху, въ то время, пока глава дома обнять ее. Бѣдная дѣвушка хорошо будетъ мыть руки передъ обѣдомъ. Не поняла это изъясненіе нѣжности. Не за знала она также и того, насколько чѣмъ было бы обнимать ее, если бы ей уготовлялись блаженства Стальгама. Слезы уже стояли у нея на глазахъ, когда она усѣлась въ гостиной, насколько возможно далѣе отъ кресла тетки.

— Я такъ не могу,—сказала мистрессъ Дозетъ въ отвѣтъ на старый аргументъ о полезности веселья для молодежи. Разъ я отвѣчаю за дѣвушку, то должна имѣть возможность распоряжаться ею по своему.хлопотъ и такъ не оберешься, а спасибо никто не скажетъ. Но я все-таки могу и буду стараться исполнить свой долгъ, не ожидая за это никакой благодарности и никакой любви. Я обязана заботиться о ней потому, что она тебѣ племянница, и еще потому, что у нея нѣтъ никакихъ другихъ настоящихъ друзей. Я знала, чѣмъ это кончится, когда она поѣхала въ Брукъ-Стритъ, сплеховала тогда и согласилась, а съ тѣхъ самыхъ поръ дѣвушка бродитъ какъ потерянная. Если теперь мнѣ не дадутъ поступить по-своему, я откажусь отъ нея разъ и навсегда.

Выслушавъ эту властную рѣчь, дядя Реджинальдъ принужденъ былъ сдаться, и положено было послѣ обѣда сообщить Эйалѣ о принятомъ рѣшеніи.

Сидя за обѣдомъ, Эйали вся превратилась въ ожиданіе, но не спрашивала ничего. Не спрашивала и послѣ обѣда, пока дядя медленно, торжественно и печально прихлебывалъ изъ кружки свой холодный джинъ съ водою. Онъ прихлебывалъ очень медленно, вѣроятно, потому, что хотѣлъ отсрочить насколько возможно непріятную минуту, когда придется сообщить племянницѣ рѣшеніе ея участи. Но, наконецъ, меланхолическая кружка была окончена и, по установленному въ домѣ обычаю, мистрессъ Дозетъ, а за нею Эйали и дядя Реджинальдъ направились въ гостиную. На лѣстницѣ, улучивъ минуту, когда жена не смотрѣла на него, мистеръ Дозетъ протянулъ трепещущую руку и положилъ

ее на плечо Эйали, какъ бы желая обнять ее. Бѣдная дѣвушка хорошо поняла это изъясненіе нѣжности. Не за чѣмъ было бы обнимать ее, если бы ей уготовлялись блаженства Стальгама. Слезы уже стояли у нея на глазахъ, когда она усѣлась въ гостиной, насколько возможно далѣе отъ кресла тетки.

Тутъ дядя прерывающимся голосомъ произнесъ свой приговоръ, но это прерываніе не приносило Эйалѣ никакой пользы.

— Эйали,—сказалъ онъ,—мы съ тобой говорили о приглашеніи въ Стальгамъ и пришли къ тому убѣжденію, что тебѣ, другъ мой, лучше не принимать его.

— Почему же, дядя Реджинальдъ?

— Это стоило бы денегъ.

— Я могу заплатить за билетъ сама.

— Понадобилось бы много издержекъ; мнѣ, право, не за чѣмъ входить въ подробности. Въ сущности говоря, дитя мое, бѣдные люди не могутъ жить съ богатыми, не должны этого и пробовать.

— Я и не собираюсь жить съ ними.

— Гостить у нихъ значитъ жить съ ними нѣкоторое время. Мнѣ очень жаль, Эйали, что мы не можемъ поставить тебя въ такое положеніе, гдѣ ты могла бы свободнѣе пользоваться удовольствіями, свойственными твоему возрасту; но ты должна принимать вещи, какъ онѣ есть. Обсудивъ этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, я нисколько не сомнѣваюсь, что тетя права, совѣтуя тебѣ остаться дома.

— Это вовсе не совѣтъ,—сказала Эйали.

— Эйали!—воскликнула тетка негодующимъ тономъ.

— Это не совѣтъ,—повторила Эйали. Конечно, если вы меня не пускаете, я не могу ѣхать.

— Ты очень злая дѣвочка!—сказала мистрессъ Дозетъ. Какимъ тономъ ты говоришь съ дядей, послѣ всего, что онъ для тебя сдѣлалъ!

— Не злая,—сказалъ дядя.

— А я говорю, злая. Но это все равно. Я тотчасъ же напишу къ лэди Альбюри, какъ ты желаешь, и, конеч-

но, о поѣздѣ больше не можетъ быть и рѣчи.

Вскорѣ затѣмъ мистрессъ Дозетъ сѣла къ своему письменному столу и написала письмо, о которомъ маркиза упоминала племяннику. Письмо было, несомнѣнно, суровое и жесткое, и, прочитавъ его, такая женщина, какъ маркиза Бальдони не могла не почувствовать, что мистрессъ Дозетъ едва ли была пріятнымъ товарищемъ для такой дѣвочки, какъ Эйяля. Оно было написано съ полнымъ сознаниемъ, что того требовалъ долгъ, и обороты рѣчи, которые при этомъ употреблялись, хотя тяжелые и неловкіе, выражали твердую рѣшимость исполнить непріятную обязанность.

Когда дѣло было такимъ образомъ рѣшено, Эйяля поспѣшила удалиться въ свою комнату. Вся душа ея кипѣла негодованіемъ на тиранію, которой она, по собственному мнѣнію, подвергалась. Употребленіе невиннаго слова «совѣтъ» разсердило ее болѣе всего. Это не былъ совѣтъ. Этого и не выдавали за совѣтъ. Она получила приказаніе, самое жестокое и несправедливое приказаніе, которому принуждена была повиноваться, потому что не имѣла возможности освободиться отъ своего рабскаго положенія. Хорошъ совѣтъ! Совѣтъ—такая вещь, съ которой тотъ, кто его получаетъ, можетъ сообразоваться или не сообразоваться, по своему усмотрѣнію. Раба должна слушаться приказаній! Ея родной папа и родная мама всегда совѣтовали ей, и она всегда слѣдовала ихъ совѣтамъ, даже когда они выражались только взглядомъ, улыбкой или наклономъ головы. Тогда она знала, что значить получать совѣты. А теперь ей приказывали,—какъ приказываютъ рабамъ; и изъ ея рабства не было никакого выхода!

Ей также нужно было написать отвѣтъ, но хорошенькая, изысканная фраза, которой она думала поблагодарить лэди Альбюри за ея великую доброту, теперь была уже неумѣстна. Послѣ одной или двухъ напрасныхъ попытокъ она убѣдилась, что совершенно не въ состояніи написать къ

лэди Альбюри. Перо ея не находило подходящихъ выраженій. Но Нинѣ она написала.

«Милая, дорогая Нина,

«Они меня не пускаютъ! О моя милая, какъ я несчастна! Почему они меня не пускаютъ, когда есть люди, которые такъ добры, такъ необыкновенно добры ко мнѣ, какъ твоя милая мама и лэди Альбюри! Мнѣ бы хотѣлось просто убѣжать изъ дому и никогда не возвращаться, даже если бы пришлось умереть на улицѣ. Я была такъ счастлива, когда получила ваши письма, твое и лэди Альбюри, а теперь я такая несчастная! Не могу писать къ лэди Альбюри. Пожалуйста, передай ей только, что я очень благодарю ее и что меня не пускаютъ.

«Твой несчастный, но любящій тебя другъ

Эйяля».

XXII.

Благодарность Эйяли.

Эйяля возбуждала большое состраданіе среди обитателей Стальгама. Всеобщія симпатіи, однако, должны были бы относиться скорѣе къ мистрессъ Дозетъ. Слѣдовало бы понять, что тетка исполняла непріятную обязанность, а дѣвушка хотя и не оказывала ей положительнаго сопротивленія, но все же была очень непокладиста. Но всѣ знали, что Эйяля прехорошенькая, а мистрессъ Дозетъ, вѣроятно, дурна собою. Эйяля была интересна, а мистрессъ Дозетъ, по свойству своихъ обстоятельствъ, вовсе не интересна. По единогласному рѣшенію всего Стальгама безъ исключенія, такую хорошенькую птичку, какъ Эйяля, не слѣдовало подвергать вѣчному заключенію въ такой уродливой клѣткѣ. Такой птичкѣ нужно было, по меньшей мѣрѣ, дать возможность привлечь своимъ щебетаньемъ и перышками какого-нибудь подходящаго товарища. Таково было убѣжденіе лэди Альбюри, дамы очень доброй, слегка склонной къ сватовству, очень любившей хорошенькихъ дѣвушекъ и имѣвшей старшаго сына девяти лѣтъ отъ роду, такъ что ни

ей самой и никому изъ ея домочадцевъ не грозило никакой опасности. Много смѣялись въ Стальгамъ надъ мистрессъ Дозетъ и много милыхъ вещей говорилось о птичкѣ, подвергавшейся столь недостойному заключенію въ Кингсбюри-Крессентъ. Наконецъ, составилось нѣчто въ родѣ заговора, съ цѣлью освобожденія птички въ ноябрѣ.

Нельзя сказать, чтобы маркиза принимала дѣятельное участіе въ этомъ заговорѣ. Несмотря на все свое расположение къ Эйалѣ, она не вполне раздѣляла убѣжденіе лэди Альбюри, что съ Эйалей обращаются дурно. Она яснѣе кузины — или жены кузена — понимала суровыя требованія жизни. Эйалиа сама сняла съ себя голову, и плакать по волосамъ ей не приходилось. Дозеты были не виноваты въ своей бѣдности. Они дѣлали для племянницы все, что могли сдѣлать, при своихъ средствахъ и заслуживали скорѣе похвалу, чѣмъ порицаніе. Къ тому же маркиза боялась за племянника. Въ письмѣ къ ней полковникъ Стоббсъ говорилъ, что вполне раздѣляетъ ея воззрѣнія на бракъ, но она почувствовала насмѣшку въ его тонѣ. Хотя племянникъ соглашался съ ней искренно, но выражался саркастически. Хотя племянникъ выражался саркастически, но все же его можно было заставить сообразоваться съ ея воззрѣніями, потому что онъ вполне искренно раздѣлялъ ихъ. Какъ женщина замѣчательно умная, она глубоко понимала людей, отлично знала, въ какомъ именно настроеніи находится племянникъ, и предвидѣла его будущее поведеніе. Племянникъ, вѣроятно, скоро женится, и, весьма вѣроятно, женился бы на дѣвушкѣ съ состояніемъ, если бы подвернулась такая, которая въ то же время удовлетворяла бы требованіямъ его нѣсколько прихотливаго вкуса. Но Эйалиа удовлетворяла имъ, у Эйали не было ни гроша, и маркиза считала весьма правдоподобнымъ, что если Эйало выпустятъ изъ клѣтки и привезутъ въ Альбюри, она сдѣлается мистрессъ Джонатанъ Стоббсъ. Чтобы Эйали могла не захо-

тѣтъ сдѣлаться мистрессъ Джонатанъ Стоббсъ — не приходило въ голову маркизы.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда маркиза съ Ниной вернулись въ Лондонъ, при чемъ Нинѣ было обѣщано, что она снова поѣдетъ въ Стальгамъ въ ноябрѣ и получить разрѣшеніе любоваться всѣми чудесами охоты. Конечно, ей нельзя было скакать съ гончими, это само собою разумѣлось, но можно посмотрѣть, что представляетъ изъ себя свора собакъ, какой видъ имѣютъ охотники въ красныхъ курткахъ и какой звукъ — охотничій рогъ среди полей и лѣсовъ. Было уже рѣшено, что тамъ она встрѣтится съ полковникомъ, и заговоръ имѣлъ цѣлью одновременно освободить изъ клѣтки Эйало.

Стальгамъ былъ прекрасное помѣстье въ Руффордскомъ графствѣ, и сэръ Гарри Альбюри только-что взялъ на себя обязанности завѣдующаго соединенными руффордскими и уффордскими сворами. Полковникъ Стоббсъ, со своими лошадьми, долженъ былъ пріѣхать въ ноябрѣ, а теперь пока съ нимъ видѣлась лэди Альбюри и подговаривала его сдѣлать что-нибудь для освобожденія Эйали. Но что могъ онъ сдѣлать? Хотѣли сначала, чтобы онъ явился въ Кингсбюри-Крессентъ и постарался смячить каменное сердце мистрессъ Дозетъ. Но, по собственному признанію, для подобной миссіи онъ годился менѣе чѣмъ кто-либо.

— Конечно, я не Адонисъ, — говорилъ онъ, — и съ виду не похожъ на Лотарію, а все же въ нѣкоторомъ родѣ молодой человѣкъ, а потому навѣрное окажусь опаснымъ, зловреднымъ и подлежащимъ проклятію въ глазахъ такого чудовища добродѣтели, какъ тетка Дозетъ. По-моему, у меня нѣтъ ни малѣйшихъ шансовъ на успѣхъ.

Это совѣщаніе происходило въ Лондонѣ во второй половинѣ октября и рѣшили, наконецъ, что миссію приметъ на себя сама лэди Альбюри и обратится не къ мистрессъ Дозетъ въ Кингсбюри-Крессентъ, а къ мистеру Дозету въ его канцелярію въ Сомерсетъ-Галлѣ.

— Я, кажется, не вынесла бы мистресс Дозетъ,—сказала лэди Альбюри.

Лэди Альбюри была красивая, свѣтская женщина, высокая, всегда превосходно одѣтая и обладавшая ничѣмъ не поколебимой самоувѣренностью. Она имѣла репутацію преданной жены и хорошей матери, но иные изъ ея друзей находили, тѣмъ не менѣе, что она «немного бойка». Не подлежало сомнѣнію, что она очень любила комедию и имѣла сильную склонность поставить на своемъ всегда, когда для этого являлась какая-нибудь возможность. Теперь ей «загорѣлось» выпустить Эйалю изъ клѣтки, и съ этой цѣлью она приказала кучеру вѣзхать въ обширный дворъ Сомерсетъ-Гауза.

Мистеръ Дозетъ былъ почтенъ въ своей канцеляріи отдѣльнымъ помѣщеніемъ,—маленькой, выходившей на рѣку, комнаткой, гдѣ онъ проводилъ по шести часовъ въ день шесть дней въ недѣлю за составленіемъ каталога обширной библіотеки рукописныхъ копій съ документовъ. Посѣтителі тревожили его весьма рѣдко, а потому, когда одинъ изъ посыльныхъ отворилъ дверь и сообщилъ, что его желаетъ видѣть лэди Альбюри, смущеніе его въ первую минуту было очень сильно. Не принявъ лэди Альбюри, однако, не представлялось никакой возможности. Не успѣлъ посыльный окончить свое донесеніе, какъ она была уже въ комнатѣ и, какъ только дверь затворилась за нимъ, сѣла въ одно изъ двухъ свободныхъ креселъ, стоявшихъ тутъ же.

— Мистеръ Дозетъ,—сказала она,—я взяла на себя смѣлость пріѣхать къ вамъ, чтобы сказать вамъ нѣсколько словъ о вашей племянницѣ, миссъ Эйалѣ Дормеръ.

Когда ему впервые доложили о пріѣзѣ лэди Альбюри, мистеръ Дозетъ, въ своемъ смущеніи, не связавъ съ ея именемъ никакого представленія о дамѣ, приглашавшей къ себѣ Эйалю. Но теперь онъ припомнилъ его и зналъ уже, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

— Вы были такъ добры,—сказалъ онъ,—что звали къ себѣ мою дѣвочку нѣсколько недѣль тому назадъ.

— И теперь я пріѣхала затѣмъ, чтобы звать ее опять.

Мистеръ Дозетъ смутился болѣе чѣмъ когда-либо. Въ какихъ выраженіяхъ отказать отъ просьбы, съ которой эта добрая, но очень важная дама, очевидно, собиралась къ нему обратиться? Какъ объяснить ей всѣ подробности относительно собственной бѣдности и судьбы, обрекавшей Эйалю дѣлать эту бѣдность? Какъ растолковать, что для Эйали не годилось временное пребываніе въ средѣ людей такихъ богатыхъ и живущихъ въ такой роскоши? А если онъ сдѣлаетъ хоть какую-нибудь уступку, съ какимъ лицомъ явится онъ къ женѣ, вернувшись домой въ Крессентъ?

— Вы очень добры, лэди Альбюри,—сказалъ онъ.

— Намъ бы особенно хотѣлось имѣть ее у себя къ концу первой недѣли ноября,—сказала лэди. У насъ будетъ ея подруга, Нина Бальдони, и еще двое или трое другихъ ея знакомыхъ. Мы постараемся немножко повеселиться недѣльку-другую.

— Я нисколько не сомнѣваюсь, что у васъ будетъ очень весело, а у насъ дома очень скучно.

— Но развѣ вы не считаете, что для молодежи полезно повеселиться немного?—спросила лэди, прибѣгая къ тому самому аргументу, посредствомъ котораго бѣдный мистеръ Дозетъ такъ часто пытался отстаивать интересы Эйали.

— Да, повеселиться немного,—сказалъ онъ какъ бы въ порицаніе чрезвычайной жизнерадостности, царившей, по его соображеніямъ, въ Стальгамѣ.

— Конечно, вы согласны, что это полезно,—сказала лэди Альбюри. Бѣдная дѣвчонка! Я такъ много слышала и о ней самой, и о томъ, какъ вы добры къ ней. Мистрессъ Дозетъ, какъ мнѣ говорили, для нея все равно, что родная мать; а все-таки, я думаю ей полезно было бы подышать деревенскимъ воздухомъ. Обѣщайте отпустить ее къ намъ, мистеръ Дозетъ.

Тутъ мистеръ Дозетъ почувствовалъ, что, какъ это ни было неприятно, а все-таки приходилось прочесть пропо-

вѣдь, читанную ему женой, и исполнилъ это. Робко заговорилъ онъ о своей бѣдности и о томъ, что Эйалѣ нужно дѣлать ее. Упомянуть объ опасности, сопряженной съ жизнью въ роскоши, и о недовольствѣ, грозившемъ дѣвушкамъ по возвращеніи домой. Прибавилъ кое-что относительно желательности сожителства равныхъ и заключилъ просьбой извинить и уволить Эйялю. Все это было имъ сказано совсѣмъ не такъ энергично, какъ говорила бы его жена, — тихимъ голосомъ, меланхолическимъ и однообразнымъ тономъ; но возразить было тѣмъ не менѣе трудно, и лэди Альбюри понадобилась вся ея изворотливость, чтобы найти какой-нибудь аргументъ противъ него.

Но лэди Альбюри была умна, и аргументъ нашелся.

— Пожалуйста, не сердитесь на меня, — сказала она, — но я не могу исполнѣ съ вами согласиться. Конечно, вы стараетесь сдѣлать все, что возможно, для счастья этой милой дѣвочки.

— Безъ сомнѣнія, лэди Альбюри.

— Какъ же можно что-нибудь для нея сдѣлать, если вы будете держать ее взаперти? У васъ, насколько я понимаю, общество небольшое.

— Никакого.

— Вы не рассердитесь на меня за то, что я имѣю дерзость объ этомъ упоминать?

— Нисколько. Мы, дѣйствительно, живемъ совершенно особнякомъ.

— И для людей женатыхъ такая жизнь лучше всего, — сказала лэди Альбюри, привыкшая, чтобы въ деревнѣ у нея былъ полный домъ постоянно смѣнявшихся гостей, а въ городѣ приглашенія на всѣ вечера въ недѣлѣ. Но для людей молодыхъ это не совсѣмъ такъ. Какъ же при этомъ можетъ пристроиться молодая дѣвушка?

— Пристроиться? — неопредѣленно повторилъ мистеръ Дозетъ.

— Выйти замужъ, — подсказала лэди Альбюри болѣе прямо.

Мистеръ Дозетъ потрясъ головой. Никогда подобная мысль не приходила ему въ голову. Онъ чувствовалъ, что долженъ доставить сестриному дитяти хлѣбъ и мясо, постель и одежду,

но мужа — нѣтъ. Мужья являлись или не являлись по волѣ Провидѣнія. Посылать Эйялю въ Стальгамъ съ тѣмъ, чтобы она добыла тамъ мужа, — несомнѣнно превышало его попечительскія обязанности.

— Какъ же можетъ дѣвушка предстаться случай выйти замужъ, если она никого не видитъ? Конечно, я говорю это безъ всякаго отношенія къ нашему дому. У насъ не будетъ никакихъ молодыхъ людей, и вообще ничего такого. Но говоря вообще, если такой дѣвушка не даетъ возможности пользоваться тѣми случаями, какіе могли бы ей представиться, — какъ же ей быть? Мнѣ кажется, вы едва ли имѣете право поступать такимъ образомъ.

— Мы имѣли въ виду ея благо.

— Я въ этомъ увѣрена, мистеръ Дозетъ. Надѣюсь, вы передадите мистерссу Дозетъ, что я кланяюсь ей и очень высоко ставлю ея доброту. Я бы сама отправилась къ ней, а не сюда, но заѣзжать въ ту часть города мнѣ не совсѣмъ удобно.

— Вы очень добры, лэди Альбюри, я передамъ ей ваши слова.

— Бѣдная Эйяля! Боюсь, что другая ея тетушка, тетушка Трингль, была менѣе добра къ ней, чѣмъ ваша жена. Я слышала, какъ все это произошло въ Римѣ. Она имѣла тамъ большой успѣхъ. Говорятъ, она замѣчательно хороша собой.

— Ничего.

— Такой родъ красоты встрѣчается теперь очень рѣдко. Къ тому же, она очень, очень умна.

— Эйяля умна, по-моему.

— Ей нужно дать возможность показать себя. Право, нужно. Мнѣ кажется, вы не исполняете свою обязанность относительно такой дѣвушки, если отнимаете у нея всѣ ея шансы. Она, навѣрное, со многими перезнакомится, и ее будутъ приглашать изъ дома въ домъ. Я говорю прямо, потому что вы, по-моему, должны пустить ее къ намъ.

Все это запало глубоко въ сердце дяди Редживальда. Къ добру ли, къ худу ли, но доводы лэди Альбюри ка-

зались ему въ эту минуту неопровержимыми. Если у Эйали были шансы получить что-нибудь хорошее, онъ, конечно, не долженъ былъ лишать ее этихъ шансовъ.

Слова посѣтительницы открыли передъ нимъ цѣлую перспективу новыхъ точекъ зрѣнія на обращеніе съ молодыми дѣвицами. Эйали была несомнѣнно хороша собой, несомнѣнно умна. Мужъ со средствами былъ бы, конечно, вещью очень хорошей. Будущіе мужья со средствами, несомнѣнно, влюбляются иногда въ хорошенькихъ дѣвушекъ. Но можете ли кто-нибудь влюбиться въ молодую дѣвушку, если ее никому не показываютъ? Въ Кингсбюри-Крессентъ мужчины не появлялись годами. Въ первый разъ въ жизни ему пришлось въ голову, что настоящій образъ жизни лишаетъ Эйалию всякой возможности выйти замужъ. Очевидно, онъ не имѣлъ никакого права держать ее въ такомъ заточеніи, это не подлежало сомнѣнію. Итакъ, онъ далъ, наконецъ, обѣщаніе,—опрометчивое, какъ почувствовалъ въ ту же минуту,—попросить жену, чтобы она отпустила Эйалию въ Стальгамъ. Лэди Альбюри, конечно, приняла это за содѣйствіе пріѣзду Эйали и уѣхалаторжествующая.

Настроеніе мистера Дозета, пока онъ шелъ домой черезъ паркъ, было весьма тревожное; онъ много думалъ обо всемъ, что произошло между нимъ и великосвѣтскою дамой. Ему въ высшей степени трудно было рѣшить, кто правъ—великосвѣтская дама или его жена. Если Эйаль суждено было всегда жить такъ, какъ они жили въ Кингсбюри-Крессентъ, если съ теченіемъ времени ей суждено было выйти замужъ за человѣка изъ того же класса, къ которому принадлежали они сами, если ей предстояли постоянныя заботы и соображенія о мелкихъ денежныхъ нуждахъ, тогда, конечно, предстоящая поѣздка могла только повредить ей. А развѣ не было вѣроятно, что именно такая судьба ожидала ее? Не всѣмъ хорошенькимъ дѣвушкамъ въ родѣ Эйали стоитъ только выставить на показъ свою красоту, чтобы добыть мужей; мистеръ Дозетъ зналъ свѣтъ до-

статочно, чтобы понимать это. Кингсбюри-Крессентъ, безъ примѣси опасностей Стальгама, былъ бы всего надежнѣе. Но ему говорили, что Эйаль могли теперь представиться случаи, изъ ряду вонъ выходящіе, и что онъ не имѣетъ права лишать ее ея шансовъ. Все это онъ чувствовалъ тѣмъ болѣе сильно, что дѣло шло не о родной дочери, а только о племянницѣ. Относительно дочери они съ женою могли бы поступать совершенно по своему усмотрѣнію, не допуская ничьего вмѣшательства. Но теперь ему говорили, что онъ не имѣетъ права лишать Эйалию ея шансовъ; онъ чувствовалъ, что, дѣйствительно, не имѣетъ его, и къ тому времени, какъ подошелъ къ Кингсбюри-Крессенту, со многими опасеніями, рѣшилъ въ пользу Стальгама.

Прошло уже нѣсколько недѣль со времени отказа на первое приглашеніе, и недѣли эти были проведены въ Кингсбюри-Крессентъ не особенно пріятно. Эйали грустила и тосковала, какъ будто на нее обрушилось настоящее несчастье. Въ первое время по пріѣздѣ въ Крессентъ она вела себя молодцомъ, была храбра, какъ человѣкъ, который знаетъ, что самъ навлекъ на себя несчастье, и гордится поступкомъ, его причинившимъ. Но когда возбужденіе проходитъ, а несчастье остается,—гордость притуляется, и онъ чувствуетъ только, что ему больно. Такъ случилось и съ Эйалей. Тутъ она поѣхала въ Брукъ-Стритъ. Когда вскорѣ затѣмъ ее пригласили въ Стальгамъ, ей показалось, что передъ нею открывается новый міръ. Наступила минута, когда она снова могла радоваться своей ссорѣ съ теткой Эмелиной. Этотъ новый міръ былъ гораздо лучше, чѣмъ міръ Тринглей. Затѣмъ на нее обрушился великій ударъ, и ей стало казаться, что во всей остальной ея несчастной жизни никогда уже не будетъ больше ничего кромѣ Кингсбюри-Крессента.

Ни одна изъ подробностей всего этого не укрылась отъ глазъ тетки Маргариты. Стальгамъ рѣшилъ, что тетка Маргарита дурна собой и неинтересна. Съ своей точки зрѣнія Стальгамъ былъ

правъ. Тѣмъ не менѣе у Кингсбюри-Крессентской лэди были зрячіе глаза и чувствительное сердце. Она была вспыльчива, но не злопамятна; любила настаивать на своемъ, но умѣла привязываться къ людямъ; считала нужнымъ посвящать Эйялю въ неприглядныя тайны экономіи, но знала, что эти тайны не могутъ пригодиться по вкусу дѣвушкѣ, воспитанной такъ, какъ была воспитана Эйяля. Даже во время самыхъ громогласныхъ обличеній Эйялиной непокорности, сердце ея замирало отъ жалости къ страданіямъ Эйяли. И она много разъ спрашивала себя, справедливо ли было ея рѣшеніе. Имѣла ли она право лишать Эйялю ея шансовъ? Въ частыхъ бесѣдахъ съ мужемъ она продолжала настаивать на безопасности Кингсбюри-Крессента и опасности Стальгама. Но въ глубину души ея закралась сомнѣнія. Видя, какъ молодая дѣвушка томилась и изнывала изо дня въ день, она не могла не усомниться.

— У меня въ канцеляріи была сегодня эта лэди Альбюри, и я почти общалась ей, что Эйяля пріѣдетъ къ ней 8-го ноября.

Такимъ образомъ мистеръ Дозетъ кинулся съ самое жерло своихъ затрудненій, тотчасъ какъ очутился вдвоемъ съ женою наверху.

— Общались?

— Да, другъ мой, почти что. Она много говорила, и я не могъ не согласиться съ ней во многомъ. Эйялѣ нужно дать возможность пользоваться слушаемъ.

— Какимъ случаемъ?—спросила мистрессъ Дозетъ, которой не понравилось это выраженіе.

— Да такъ... видѣть людей. Здѣсь она никогда никого не видитъ.

— Никого — лучше, чѣмъ нѣкоторыхъ,—возразила мистрессъ Дозетъ, желая набросить тѣнь на вѣроятныхъ гостей лэди Альбюри.

— Но если дѣвушка никого не видитъ,—сказалъ мистеръ Дозетъ,—у нея не можетъ быть никакихъ... никакихъ шансовъ.

— У нея есть шансы получать здоровую пищу,—отвѣчала мистрессъ Дозетъ,—не знаю, какіе еще шансы мы съ тобой можемъ ей доставить.

— Она могла бы увидетьъ... Молодого человѣка.

Послѣднія слова были произнесены мистеромъ Дозетомъ очень робко.

— Вздоръ какой! Молодого человѣка! Нужно ждать, чтобы молодые люди являлись сами собой, и никогда о нихъ не думать, если они и совсѣмъ не явятся. Терпѣть не могу этихъ попеченій о молодыхъ людяхъ. Если бы теперь лѣтъ двѣнадцать не было ни одного молодого человѣка, тѣмъ лучше было бы для насъ: по крайней мѣрѣ, нечего было бы о нихъ и думать нѣкоторое время.

Такова была философія мистрессъ Дозетъ; но, несмотря на философію, она сдалась, и въ тотъ же вечеръ было рѣшено въ концѣ концовъ пустить Эйялю въ Стальгамъ.

Пріятная обязанность сообщить о предстоящемъ Эйялѣ на слѣдующій вечеръ выпала на долю мистера Дозета. Если въ этомъ мрачномъ домѣ приходилось сдѣлать что-нибудь пріятное, это всегда поручалось его главѣ.

— Что!—воскликнула Эйяля, вскакивая со стула.

— Восьмого ноября,—сказалъ мистеръ Дозетъ.

— Въ Стальгамъ?

— Лэди Альбюри была вчера у меня въ канцеляріи, и тетка согласилась.

— О дядя Реджинальдъ!—сказала Эйяля, падая на колѣни и пряча лицо у него на груди.

Небо снова разверзлось передъ ней.

— Я никогда этого не забуду,—сказала она теткѣ, которую пришла благодарить—Никогда.

— Надѣюсь только, что это не причинитъ тебѣ вреда.

— И, пожалуйста, прости меня, тетя Маргарита, за то, что я была... была... за то, что я...

Она не могла найти выраженія, чтобы обозначить свою провинность, не

признавая большего, чѣмъ считала зала бы она, если бы могла найти нужнымъ. «За то, что я слишкомъ подходящія слова. — Объ этомъ не за чѣмъ больше отстаивала свои интересы, что не годится для молодой дѣвушки», сказала тетка Маргарита.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Стальгамъ-Паркъ.

Въ назначенный день Эйяля поѣхала въ Стальгамъ. За нѣсколько дней передъ отъѣздомъ она получила письмо, или, лучше сказать, конвертъ, отъ дяди Томаса совложеніемъ чека на 20 фунтовъ. Дамы Трингль слышали о приглашеніи въ Стальгамъ и неодобрительно упоминали о немъ въ присутствіи сэра Томаса. «Мой бѣдный братъ дѣлаетъ это совершенно напрасно», сказала лэди Трингль. «У нея, навѣрно, не на что купить себѣ даже перчатокъ.» Слова эти возымѣли непредвидѣнный ею результатъ, и сэръ Томасъ послалъ чекъ на 20 фунтовъ. Тутъ Эйяля почувствовала, что не только разверзлись передъ нею двери рая, но что нѣжнѣйшіе зефиры понесли ее туда на своихъ крыльяхъ. Мысль о перчаткахъ тревожила ее, и не только о перчаткахъ, а также и о нѣкихъ недостающихъ башмакахъ и, главное, о хорошенькой зимней шляпкѣ. Теперь же она могла добыть и шляпку и башмаки и перчатки, заплатить за дорогу и явиться въ Стальгамъ съ деньгами въ карманѣ. Передъ отъѣздомъ она написала сѣру Томасу очень милую записку.

По пріѣздѣ, всѣ ухаживали за ней, кто во что гораздъ. Лэди Альбюри называла ее пойманной птичкой и поздравляла съ освобожденіемъ изъ клѣтки. Сэръ Томасъ спрашивалъ, знакома ли ей псовая охота. Нина цѣловала ее разъ тысячу. Но болѣе всего,

пожалуй, радовало Эйялю присутствіе въ Альбюри Джонатана Стоббса. Она настолько сошлась съ полковникомъ, что смотрѣла на него какъ на стараго друга, а когда у дѣвушки заведется другъ-мужчина, то, хотя бы она любила его менѣе, чѣмъ друга-женщину, или вовсе не любила, онъ всегда будетъ ей болѣе пріятель или, по крайней мѣрѣ, болѣе интересенъ. О любви къ полковнику Стоббсу, конечно, не могло быть и рѣчи, да и онъ, по глубокому убѣжденію Эйяли, совершенно не способенъ быть въ нее влюбиться. Онъ обращался съ ней совсѣмъ не такъ, какъ обращаются поклонники. Поклонники бываютъ смиренны, нѣжны, поэтичны и склонны къ лести. А онъ всегда обращался съ ней грубовато, иногда почти бранилъ ее. Такая брань, впрочемъ, съ постоянной примѣсью шутки и большимъ количествомъ добродушія, нравилась Эйялѣ. Полковникъ Стоббсъ напоминалъ ей медвѣдя, но медвѣдя очень пріятнаго въ обществѣ. Она была въ восторгѣ, когда онъ поздравилъ ее съ избавленіемъ отъ Кингсбюри-Крессента, а когда назвалъ мистрессъ Дозетъ смѣтившейся Церберкой, сочла, что ему даетъ на то право его дружба съ нею.

— Вы въ моей парѣ?—спросилъ полковникъ на слѣдующее по ея пріѣздѣ утро.

Никто еще не охотился пока, и джентль-

мены бродили безъ дѣла, собираясь пойти пострѣлять немного позднѣе.

— Какой парѣ?—спросила Эйяля, чувствуя, что благополучію ея внезапно положенъ предѣлъ.

Она знала, что полковникъ разумѣетъ блаженства охоты, уготованныя Нинѣ и совершенно недоступныя ей самой. Вопросъ о костюмѣ для верховой ѣзды—вопросъ ужасный для всякой дѣвушки, не имѣющей надлежащихъ приспособленій. Даже если бы у Эйяли хватило времени, она не рѣшилась бы истратить на костюмъ часть дядиныхъ денегъ, въ расчетѣ на то, что лошадь какъ-нибудь найдется; она говорила себѣ, что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, увѣряла себя, что ни капельки объ этомъ не жалѣетъ; довольно и того, что можно ѣхать, и за это она уже слишкомъ благодарна судьбѣ. Но когда полковникъ заговорилъ о парѣ, сердце у нея защемило. Какъ хорошо было бы войти въ составъ этой пары!

— Моей парѣ маленькихъ лошадокъ. Пожалуйста, не считайте это дерзостью съ моей стороны, но я долженъ вамъ сказать, что мои пони будутъ называться Нина и Эйяля.

Тутъ не было никакой дерзости. Если бы онъ и всегда называлъ ее за просто Эйалей, она бы приняла это съ его стороны просто за милое доказательство дружбы. Онъ былъ такой большой, такой рыжий, такой безобразный и такъ очевидно благоволилъ къ ней! Почему бы ему не называть ее Эйалей? Что до пары—этого не могло быть.

— Если дѣло идетъ о верховой ѣздѣ,—сказала она съ важностью,—я не могу быть однимъ изъ пони.

— Конечно, о верховой ѣздѣ. Теперь, когда тутъ нѣтъ маркиза, мы назовемъ это охотой въ уменьшенномъ видѣ.

— Я не могу,—сказала она.

— Но вы должны, миссъ Дормеръ.

— Я тутъ совершенно ни при чемъ. Конечно, вамъ я могу это сказать.

— Вы поѣдете на прелестнѣйшей въ мірѣ лошади, немногимъ больше пони. Она принадлежитъ сестрѣ сэра Гарри, которой теперь здѣсь нѣтъ. Мы

уже все это рѣшили. Это самая смиренная скотинка и перетащить васъ черезъ любой заборъ, такъ что вы и не догадаетесь о его существованіи.

— Но я говорю о платьѣ,—сказала Эйяля и прибавила шепотомъ:—у меня нѣтъ ни амазонки и ничего, что должно быть у всякаго.

— Ну,—сказалъ полковникъ,—въ этомъ я ничего не понимаю. Вѣроятно, Нина все это устроила. Мнѣ былъ порученъ лошадиный вопросъ, и я исполнилъ свою обязанность. Увидите, что вамъ придется-таки ѣхать во вторникъ и пятницу. Во вторникъ собаки будутъ здѣсь, а въ пятницу—въ Руффордѣ. До Руффорда только девять миль. Это все уже рѣшено.

Еще до наступленія вечера всѣ затрудненія были улажены съ помощью не только лошади, но и амазонки миссъ Альбюри. У Эйяли была собственная маленькая черная шляпка, которая, по увѣреніямъ лэди Альбюри, была прелестна для охоты. Примѣривали, улаживали, приходили сначала въ отчаяніе; тѣмъ не менѣе во вторникъ, въ одиннадцать часовъ, Эйяля верхомъ на Спрайтѣ, какъ называлась лошадка, тронулась отъ подѣзда Стальгама и чувствовала себя съ головы до ногъ настоящимъ пони Джонатана Стоббса. Она немного ѣдила верхомъ въ Гленбоджи, потомъ въ Итали, была очень смѣла отъ природы, и полнота ея блаженства не омрачалась никакими опасеніями.

Охота въ ближнихъ къ усадьбѣ участкахъ не представляетъ особенныхъ затрудненій для наѣздицъ, такъ какъ на пути рѣдко попадаются препятствія. Лѣса велики, и воротъ много. Только тогда, когда она переносится въ мѣстности болѣе глухія, въ которыхъ живутъ дикія лисицы, въ густыя заросли бурьяна, гдѣ вдали отъ проѣзжихъ дорогъ и прочихъ слабыхъ оплотовъ цивилизаціи ютятся животныя болѣе благородныя, наѣздническое искусство дамъ должно равняться искусству ихъ мужей и братьевъ. На настоящей охотѣ, послужившей источникомъ величайшихъ наслажденій, по крайней мѣрѣ, для Нины

и Эйали, не было никакой возможности прославиться блестящими подвигами. Одна за другой бѣжали лисы по Альбюрійскому лѣсу, вплоть до самаго завтрака; такимъ поведеніемъ онѣ привели въ полный восторгъ Эйалоу и Нину, но почти разбили сердце стараго Тони, продолжавшаго исполнять обязанности ловчаго при соединенной Руффордской и Уффордской охотѣ.

— Чертъ знаетъ, что за проклятая манера,—сказалъ Тони мистеру Ларри Туэнтиману, одному изъ популярнѣйшихъ habitués охоты,—бѣгутъ себѣ гусемъ, пока, наконецъ, ни одна порядочная собака не отличить которая какая! Въ Альбюри ихъ всегда много, да всѣ онѣ вмѣстѣ вьзтыя не стоятъ выѣденнаго яйца!

Дѣвочки, тѣмъ не менѣе, находили охоту божественной: онѣ скакали во весь опоръ по дорогамъ, и въ калитки видѣли длинныя вереницы охотниковъ, мчавшихся по аллеямъ, и безъ всякихъ затрудненій возвращались на прежнія мѣста. Двухъ-трехъ небольшихъ насыпей, двухъ-трехъ узенькихъ канавокъ, попавшихся на пути, оказалось совершенно достаточно, чтобы убѣдить Эйалоу въ томъ, что никакія преграды не были страшны для Спрайта. Она скоро научилась держаться въ сѣдлѣ во время скачковъ лошади и въ два часа вернулась завтракать съ полною увѣренностью, что постигла всѣ премудрости охотничьяго искусства. За завтракомъ, тѣмъ не менѣе, былъ изданъ приказъ, по которому дальнѣйшая охота въ тотъ день воспрещалась обѣимъ дѣвушкамъ. Нина пыталась было возстать, а Эйали пробовала дѣйствовать краснорѣчіемъ въ видѣ умоляющаго взгляда на полковника, но имъ объявили въ отвѣтъ, что лошади понадобятся въ пятницу и что на нынѣшній день положительно довольно. Тѣмъ временемъ, старый Тони съ собаками пустился рысцой въ Трингль-Горсъ, и джентльменамъ, промѣшкавшимъ за завтракомъ, пришлось догонять его вскачь.

— Трингль-Горсъ совсѣмъ не мѣсто для барышень,—сказалъ сэръ Гарри,

и дѣло окончательно рѣшилось противъ Нины и Эйали.

Часовъ въ шесть сэръ Гарри, полковникъ Стоббсъ и остальные джентльмены вернулись домой. Быстрота, съ которой они скакали изъ Трингль-Горса, была, по ихъ словамъ, просто неслыханная. Миль шесть прямикомъ въ сорокъ минутъ!—сказалъ полковникъ,—и лису покончили, наконецъ, въ открытомъ полѣ!

— Она лежала подъ насыпью,—сказалъ молодой Гослингъ.

— И была въ такомъ видѣ, что не могла бы бѣжать далѣе,—прибавилъ капитанъ Бэтсби, оставшійся дома.

— По моему, это было открытое поле,—замѣтилъ полковникъ.

И охотники, стоя передъ каминомъ съ чашками чая въ рукахъ, принялись обсуждать значеніе словъ «открытое поле», а затѣмъ перешли къ другимъ техническимъ вопросамъ. Эйали слушала наостривъ уши и чувствовала, что то былъ великій день въ ея жизни. О, какъ не похожъ былъ Стальгамъ на Кингсбюри-Крессентъ!

Слѣдующіе два дня прошли также восхитительно. Эйалоу повели въ конюшню, взглянуть на своего конька, и поглаживая атласистую шею Спрайта, она чувствовала, что любить его всей душой. Какъ полонъ радости былъ этотъ новый міръ! Насколько лучше даже Куинсъ-Гета и Гленбоджи! Ослѣпительное великолѣпіе Тринглей нисколько ни походило на роскошный комфортъ Стальгама, гдѣ всѣ чувствовали себя какъ дома, всѣ были добры, всѣ считали какъ будто, что удовольствіе есть единственная цѣль въ жизни. Наканунѣ желанной пятницы, вечеромъ, ее повелъ къ обѣду капитанъ Бэтсби. Она не знала еще навѣрное, нравится ли ей капитанъ Бэтсби, говорившій ей небольшіе комплименты. Но по другую сторону, рядомъ съ нею сидѣлъ полковникъ Стоббсъ, а полковникъ Стоббсъ нравился ей навѣрное.

— Завтра вы полетите какъ птичка, знаю заранѣе,—сказалъ капитанъ Бэтсби.

— Надѣюсь, что нѣтъ, а то не придется прыгать,—сказала Эйяля.

— Но вы были бы такой прелестной птичкой! При этихъ словахъ, произнесенныхъ нараспѣвъ, капитанъ сдѣлалъ Эйяль глазки, и она убѣдилась, что онъ ей не нравится.

— Въ которомъ часу мы выѣдемъ завтра?—спросила она, обращаясь къ полковнику.

— Ровно въ десять. Смотрите, будьте готовы. Сэръ Гарри беретъ насъ съ собою, а онъ не сталъ бы дожидаться и самой Венеры, если бы ей понадобилось еще пять минутъ чтобы подогреть волосы на затылкѣ.

— Она, навѣрное, никогда не тратитъ времени на свой затылокъ; я бы, по крайней мѣрѣ, не стала, если бы была богиней.

— Въ такомъ случаѣ вы были бы богиней очень неопрятной, вотъ и все. Неужели вы неопрятны?

— Да, пожалуй, что да... бываетъ.

— Терпѣть не могу неопрятныхъ дѣвушекъ.

— Благодарю васъ, полковникъ Стоббсъ.

— Мой идеаль—дѣвушка чистенькая, аккуратная, у которой всегда всякая булавка на мѣстѣ. Воротникъ и манжеты на ней твердые, точно стальные, и она никогда не вытираетъ ворсъ съ рукавовъ, облокачиваясь куда попало, какъ другія дѣвушки.

— Какъ я, напримѣръ.

— Моя дѣвица никогда не садится, чтобы не смять платье; ленты на ней никогда не перепутываются; она этого не допускаетъ. Моя дѣвица умѣетъ одѣваться на 40 фунтовъ въ годъ, и всегда кажется, какъ будто ее только что вынули изъ картонки съ туалетными принадлежностями.

— А мнѣ кажется, что у васъ, должно быть, совсѣмъ нѣтъ никакой дѣвицы, полковникъ Стоббсъ.

— Ну, не знаю; пожалуй, что и нѣтъ; она существуетъ только въ моемъ воображеніи.

— «Коли такъ,—значить, и у него тоже есть свой лучезарный ангелъ!

— Вамъ она снится когда-нибудь?

— Ахъ, Боже мой, конечно. Всегда

снится, что она страшно меня ругаетъ, когда мы остаемся наединѣ. Во снѣ, видите ли, я всегда бываю на ней женатъ, и она заставляетъ меня ѣсть рубленую баранину. А отъ рубленой баранины, надо вамъ знать, меня всегда тошнитъ. Я увѣренъ, что когда-нибудь непремѣнно женюсь на ней наяву и буду осужденъ на вѣковѣчное ѣденіе рубленой баранины.

Тутъ въ разговоръ снова вмѣшался капитанъ Бэтсби:

— Я очень бы желалъ взять васъ на свои руки завтра.

— О, благодарю васъ; это, право, было бы лишнее,—сказала Эйяля, не совсѣмъ ясно понимая, о чемъ говорилъ капитанъ, и смутно предчувствуя какую-то угрозу въ его словахъ.

— То-есть взять васъ на свое попеченіе, если будетъ надобность скакать: вы смотрите только на меня, а я буду перепрыгивать черезъ изгороди въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и вы можете рискнуть безъ всякихъ опасеній.

— Ахъ, вы объ этомъ? — сказала Эйяля. Но вѣдь и я и моя подруга поручены полковнику Стоббсу на все время, пока пробудемъ здѣсь.

— Никто не можетъ имѣть на рукахъ двухъ дамъ за разъ,—сказалъ капитанъ, обнаруживая свою опытность. Вы, навѣрное, наскочите другъ на друга, если васъ будетъ двѣ.

— Но маркиза поручила насъ обѣихъ именно полковнику Стоббсу,—сказала Эйяля почти съ сердцемъ.

Затѣмъ она повернулась къ нему спиной и стала сосредоточенно слушать наставленія полковника.

На слѣдующее утро погода была хорошая, и всѣ обитатели Стальгама размѣстились на верху долгуши сэра Гарри. Полковникъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что ему нужно оберегать дѣвицу, усѣлся позади сэра Гарри, а капитанъ Бэтсби и три другіе джентльмена, сидя внутри экипажа, находили утѣшеніе въ неограниченномъ употребленіи табаку.

Такимъ порядкомъ доѣхали они до мѣстечка, называемаго Руфффордскій перекрестокъ, гдѣ нашли Тони Тапета, въ полной безмятежности сидѣвшаго

на своей старой кобылѣ, среди собакъ, сидѣвшихъ кругомъ него на зеленой муравѣ по обѣ стороны дороги. Полный, довольно пожилой на видъ джентльменъ въ красной курткѣ и хорошихъ сапожкахъ съ алыми отворотами, бесѣдовалъ съ нимъ. Это былъ владѣлецъ всей окрестной страны, лордъ Руффордъ, еще недавно пользовавшійся извѣстностью самаго неустрашимого наѣздника во всемъ краю, но выродившійся съ тѣхъ поръ въ человѣка женатаго, счастливаго папеньку полдюжины малютокъ, и почти совсѣмъ переставшаго пересказывать черезъ заборы. На охотахъ онъ, тѣмъ не менѣе, присутствовалъ, когда сборное мѣсто было не слишкомъ далеко, и добросовѣстно исполнялъ первую обязанность англійскаго помѣщика, заключающуюся въ охраненіи лисицъ.

Хотя самъ онъ охотился немного, но поболтать объ охотѣ любилъ какъ никто. Замѣчали, однако, что даже въ этихъ случаяхъ онъ часто ссылаясь на авторитетъ жены.

— О, да, милордъ, — сказалъ Тони, — въ Дильсборо лисица будетъ навѣрное. Да найдемъ лисицу еще и раньше, не дожидая до Руффорда, милордъ.

— Лэди Руффордъ говоритъ, что за послѣднюю недѣлю въ нашихъ лѣсахъ не видали ни одной.

— Милэди это, вѣроятно, извѣстно, — сказалъ Тони.

— Помните ограду, гдѣ лѣтъ шесть назадъ полетѣлъ бѣдный майоръ Кенсбэкъ? — спросилъ лордъ Руффордъ.

— Семь, милордъ; на Рождествѣ исполнится семь, — сказалъ Тони. Такъ съ тѣхъ поръ и не ѣздитъ бѣдняга! Я хорошо его помню: насчетъ скачки-то онъ всегда былъ молодецъ, что и говорить; а вотъ насчетъ гоньбы, — нѣтъ, не могу сказать. Тутъ нужно лошадь-то беречь, чтобы она могла бѣжать сколько понадобится, въ этомъ-то вся и штука, милордъ. А онъ всегда, бывало, норовить перемахнуть черезъ что попало. Никогда я не допущу лошадь прыгать безъ нужды, попусту, милордъ. Ни во вѣки вѣковъ не допущу, вотъ что, милордъ.

— То же самое твердить мнѣ ми-

лэди, — сказалъ лордъ Руффордъ, — и я почти-что всегда дѣлаю такъ, какъ скажетъ мнѣ милэди.

Оказалось, что лэди Руффордъ была на этотъ разъ совершенно права относительно гомъ-ковертовъ. Да она и вообще была, вѣроятно, права почти во всемъ, что говорила о дѣлахъ своего мужа. Обѣхавъ прилегавшіе къ усадьбѣ лѣса, Тони направился къ Дильсборо, загоняя по дорогѣ собакъ въ нѣсколько протекавшихъ поблизости ручейковъ. Эйяля и Нина все время ѣхали рядомъ съ полковникомъ, по обѣ его стороны.

— Каждый разъ, какъ увижу Руффорда, — сказалъ полковникъ, — чувствую, что это приносить мнѣ громадную пользу.

— Какую пользу можетъ принести тебѣ такой толстякъ? — спросила Нина.

— Это немолчная проповѣдь противъ брака. Если бы я могъ видаться съ нимъ разъ въ недѣлю, чувствую, что былъ бы въ безопасности.

— Этотъ старичокъ, кажется, очень доволенъ своей судьбой, — замѣтила Эйяля.

— Старичокъ! Семь лѣтъ тому назадъ онъ считался самымъ неотразимымъ изъ здѣшнихъ кавалеровъ; никому и въ голову не приходило соперничать съ нимъ, и во снѣ не снилось смотрѣть на дѣвицу, если онъ обращалъ свои взоры въ ея сторону. Онъ былъ красивъ какъ Аполлонъ...

— Вотъ такъ Аполлонъ! — сказала Нина.

— Первый изъ Аполлоновъ въ здѣшнихъ краяхъ, и къ тому же обладатель сорока тысячъ годового дохода, что было всѣмъ извѣстно. А теперь вотъ никто въ цѣломъ домѣ не можетъ сравниться съ нимъ въ искусствѣ укачивать младенцевъ.

— Какъ, неужели вы хотите сказать, что онъ самъ нянчить своихъ дѣтей? — спросила Эйяля.

— Похоже на то. Онъ не можетъ отъѣхать десяти верстъ отъ дома, не захвативъ съ собою лэди Руффордъ, а въ половинѣ одиннадцатаго его подтыкиваетъ на ночь собственная горничная милэди. Десять лѣтъ тому назадъ пол-

ночь обыкновенно заставляла его съ картами въ рукахъ и сигарой во рту, а теперь ему разрѣшено двѣ папиросы въ день. Какъ дѣла, мистеръ Туэнтиманъ?—обратился онъ къ красивому молодому человѣку, въ полосатой бѣлой съ розовымъ, курткѣ, имѣвшему видъ фермера высшаго разбора и подѣхавшему верхомъ на замѣчательно крѣпкой лошаdkѣ.

— Благодарю васъ, полковникъ, не дурно, если принять во вниманіе тяжелыя времена, которыя мы теперь переживаемъ. По нынѣшнимъ временамъ всякій, у кого есть нѣсколько десятинъ земли и кто вздумаетъ ихъ обрабатывать, непременно разорится въ конецъ. Я постоянно твержу это женѣ, чтобы она знала заранѣе, что ее ожидаетъ.

Мистеръ Туэнтиманъ женился ровно за годъ передъ тѣмъ.

— Я думаю, она не очень пугается,—сказалъ полковникъ.

— Молода еще, знаете ли,—продолжалъ Туэнтиманъ,—ничего не смыслить, ей и горя мало!

Это былъ тотъ самый мистеръ Лауренсъ Туэнтиманъ, который женился на Кэтъ Мастерсъ, меньшей дочери стараго Мастерса, управляющаго въ Дильсборо, и сестрѣ мистрессъ Мортонъ, жены Брагтонскаго сквайра.

— Батюшки,—проговорилъ Туэнтиманъ внезапно,—а собаки-то выгнали лисицу изъ того вонъ бурьянца!

II.

Руффордскій перекрестокъ.

Эйала, все время внимательно слушавшая рѣчи мистера Туэнтимана, чувствовала, что съ каждой минутой все болѣе посвящается въ новую фазу жизни, старавшаяся связать какъ-нибудь красоты этого новаго міра съ мечтами, которыя никогда ее не покидали, и пришедшая пока къ тому единственному заключенію, что ни лордъ Руффордъ, ни мистеръ Туэнтиманъ, навѣрное, никогда не были лучезарными ангелами, тотчасъ выпрямилась въ сѣдлѣ и приготовилась къ свершенію чего-то необычайнаго.

Мистеръ Туэнтиманъ считалъ, что рѣшительная минута наступила; это она видѣла ясно. Онъ не пустился вскачь, какъ четверо или пятеро другихъ охотниковъ, а постоялъ съ минуту на мѣстѣ, пристально всматриваясь въ нѣкоторые изъ собакъ, которыя, уткнувшись носомъ въ землю и поднявъ развѣвавшіеся по воздуху хвосты, имѣли видъ одновременно рѣшительный и неуверенный, знали, что слѣдъ найденъ, но не могли ясно опредѣлить его направленіе.

Одну минуту, полковникъ, — сказалъ онъ, приподнимаясь на стременахъ, приподнимая лѣвую руку, а въ правой держа поводья и хлысть у самой шеи лошади. Одну минуту!—повторилъ онъ шепотомъ и сердито потрясъ головою, услыхавъ несвоевременные крики одного или двухъ охотниковъ, уже выѣхавшихъ по ту сторону небольшой рощицы.

— Заткнуть бы глотку этому Фрэду Ботсею!—продолжалъ онъ шептать.

— Теперь, полковникъ, пора. Направо лужокъ, а за нимъ ворота. За ними открытое поле, и для барышень не будетъ особенныхъ затрудненій. Я такъ хорошо знаю эти мѣста, что вамъ, пожалуй, лучше будетъ ѣхать пока со мною.

— Ему все это извѣстно,—сказалъ полковникъ Эйаль,—слушайте его.

Эйала и Нина немедленно повиновались.

Туэнтиманъ во весь опоръ помчался по лужайкѣ, за нимъ дѣвушки, а за дѣвушками полковникъ. У воротъ, о которыхъ говорилось выше, имъ попался Тони Тапетъ, нетерпѣливо трусившій въ догоню за собаками, вѣжливо уступившій дорогу барышнямъ, хотя въ душѣ желалъ имъ быть дома въ постеляхъ, но не пропустившій впередъ полковника.

— Чертъ бы ихъ побралъ, дураки набитые!—сказалъ онъ, нагнавъ своего друга Туэнтимана. Ни уха, ни рыла не смыслятъ въ охотѣ, точно сейчасъ изъ-за прилавка. Орутъ, орутъ, какъ будто есть какой прокъ въ оранжи-то! Теперь шабашъ, ея и слѣдъ простылъ, удрала, чай, за Кренбюри-Брукъ!

Послѣднія слова онъ произнесъ тоненькимъ, визгливымъ голосомъ, стараясь придать имъ тонъ шутиливый и сатирическій и, на ѣздѣ, покачивая головой. Мысль о Кренбюри-Брукѣ, по видимому, доставляла ему не малое утѣшеніе.

Тѣмъ же соображеніемъ, глубоко обдуманнѣмъ и твердо обоснованнымъ, руководился и Ларри Туэнтиманъ, остановившись на дорогѣ и взявъ по лужайкѣ въ ворота. Собаки держались, казалось, совѣтъ иного направленія, но Ларри зналъ рожицу, зналъ ручей, зналъ, можетъ быть, и самую лису и то, въ какомъ мѣстѣ она, если понадобится, переплыветъ ручей. Она переплыла его, — слѣдовательно, передовые охотники были теперь отдѣлены отъ нея Кренбюри-Брукомъ.

Сэръ Гарри и два-три фермера присоединились къ Ларри, который ѣхалъ впереди всѣхъ, а за нимъ двѣ дѣвушки. Тони Тапетъ, хотя и догналъ свою, но не пытался слѣдовать за нею по пятамъ, какъ Ларри Туэнтиманъ. Онъ былъ старъ и не честолюбивъ; очень тревожился, если не зналъ, гдѣ собаки, старался быть при нихъ, на случай, если имъ понадобится помочь совѣтомъ и голосомъ, держаться неподалеку, чтобы во время взять у нихъ лисицу, но за славой не гонялся; никогда не перескакивалъ черезъ плетни, если можно было безъ этого обойтись, пролѣзая какъ попало, зная по опыту почти всѣ движенія лисьей души, понимая, какія препятствія могутъ остановить ее, позволяя себѣ быструю ѣзду только тогда, когда препятствія попадались очень рѣдко; ѣзда, сама по себѣ, не доставляла ему никакого удовольствія; но сердце его было переполнено непоколебимой, жестокой, кровожадной рѣшимости убить преслѣдуемаго звѣря.

Чтобы убить лисицу, онъ готовъ былъ сломать себѣ шею; а чтобы отличиться въ верховой ѣздѣ, не согласился бы и сапоги запачкать.

Вслѣдъ за дѣвочками ѣхалъ полковникъ, нѣсколько униженный утратой предводительства надъ ними, но ста-

равшійся не отставать отъ Туэнтимана, который ѣхалъ очень быстро.

— А теперь, барышни, — сказалъ Туэнтиманъ, — отпустите поводья и предоставьте лошадямъ справляться, какъ знаютъ; рядомъ, но не слишкомъ близко отъ меня!

Это былъ ручей, притокъ Кренбюри - Брука, довольно широкій и требовавшій прыжка весьма значительнаго. Молодые лэди, само собою разумѣется, не особенно ясно понимали данныя имъ инструкціи. Онѣ старались объ одномъ: не трусить и задерживать дыханіе. Остальное слѣдовало предоставить инстинкту и случаю. По ту сторону ручья былъ рай, по сю — должно было быть чистилище. Опасаясь, вѣроятно, что приказаніе держаться поодаль не будетъ исполнено въ точности, Ларри прищипорилъ свою лошадь, чтобы обогнать ихъ. Онѣ отстали, тѣмъ не менѣе, всего на нѣсколько шаговъ, и если бы лошадь Ларри споткнулась, бѣда была бы неминуемая. Но все обошлось благополучно; и объ онѣ рядышкомъ перескочили черезъ ручей и очутились на противоположномъ берегу, торжествующія и счастливыя.

— Bravo, сударыни! — крикнулъ Туэнтиманъ.

— О Нина, это божественно! — сказала Эяля.

Нина слишкомъ запыхалась и не могла отвѣтить, она только молча вскинула глаза къ небу и помахала въ воздухѣ хлыстикомъ, желая выразить полноту своего блаженства.

Ларри мчался далѣе, а за нимъ мчались дѣвочки, совершенно не подозревая, что лошадь полковника заартачилась у потока и затѣмъ прыгнула въ его середину, а сэръ Гарри, видѣвшій катастрофу съ полковникомъ, послѣдовалъ за Тони, переѣзжавшимъ потокъ въ бродъ за четверть мили оттуда.

Даже для нѣжныхъ дѣвичьихъ сердецъ изреченіе: «Къ черту отставаго!» можетъ служить самымъ подходящимъ охотничьимъ девизомъ. Ларри Туэнтиманъ, о которомъ онѣ никогда прежде и не слыхивали, сдѣлался те-

перъ ихъ кумиромъ. Куда бы ни поѣхалъ Ларри Туэнтиманъ, онъ, очевидно, должны были слѣдовать за нимъ, даже если бы никогда въ жизни не пришлось больше видѣть бѣднаго полковника. До лисы, до собакъ, до завѣдующаго охотой и даже до самого доѣзжачаго имъ не было ровно никакого дѣла. Впереди былъ тотъ, кто велъ ихъ, и пока была возможность слѣдить за нимъ глазами, каждая изъ нихъ рѣшила, по крайней мѣрѣ, не отставать отъ подруги.

Нужно отдать справедливость Ларри: онъ былъ къ нимъ очень внимателенъ. Каждый разъ, какъ на пути попадался плетень, онъ выискивалъ мѣсто, гдѣ имъ безопаснѣе было перескочить. Ему слѣдовало также помнить, что ихъ было двѣ, а онъ отвѣчалъ за цѣлость обѣихъ. Все это онъ исполнялъ, и исполнялъ хорошо, такъ какъ былъ мастеръ своего дѣла. За исключеніемъ потока, черезъ который пришлось перескочить, мѣстность не представляла затрудненій. Одно время по дорогѣ часто попадались ворота, но Ларри удалось всѣ ихъ открыть молодымъ лѣди, а по сосѣдству съ Дильсборо въ большинствѣ плетней были проломы; тѣмъ не менѣе, дѣвочкамъ казалось, что онѣ скачутъ черезъ чудовищные заборы и прыгаютъ черезъ такія стѣны, что дай Богъ перелѣзть и самому крѣпкому человѣку. Но потокъ, или, какъ казалось имъ, рѣка была все-таки вѣнцомъ ихъ славы. Эйала была увѣрена, что не забудетъ потока никогда. Самъ лучезарный ангелъ едва ли могъ быть божественнѣе потока.

И такъ, лиса бѣжала къ Дильсбороускому лѣсу, — то былъ фактъ, достоверно извѣстный какъ Тони Тапету, такъ и мистеру Лауренсу Туэнтиману. Лиса, которая переплываетъ ручей со стороны Руффорда, навѣрное побѣжитъ въ Дильсбороускіе лѣса. Не успѣлъ Ларри съ двумя дѣвочками добратъ до аллен, какъ они увидали стараго Тони, остановившаго лошадь на поворотѣ и смотрѣвшаго по направлению лѣса. Въ ту же минуту примчалась еще толпа охотниковъ, держав-

шихся дороги и попавшихъ къ лѣсу черезъ ферму мистера Туэнтимана, такъ какъ мѣстожителство и земля, которою владѣлъ и обработовалъ мистеръ Туэнтиманъ, оказалась именно здѣсь. Подѣхалъ и сэръ Гарри съ другими охотниками и полковникомъ Стоббсомъ, сапоги котораго были полны воды, такъ какъ онъ принужденъ былъ сойти съ лошади посреди потока. Сэръ Гарри былъ нѣсколько не въ духѣ.

— Въ жизнь свою не видывалъ подобной ѣзды! — сказалъ онъ такимъ тономъ, какъ будто люди, къ которымъ онъ обращался, совершили ужасное преступленіе. Ларри обернулся и подмигнуть двумъ дѣвочкамъ, понимая, что если было совершено преступленіе, то преступниками были они трое. Дѣвочки ничего не поняли, но продолжали находить, что Ларри — божественный.

Когда всѣ они стояли въ аллеѣ, Тони работалъ безъ устали. Звѣря загнали, но не убили, а отыскать его въ Дильсбороускомъ лѣсу было трудно. Во всей Англіи, я думаю, не нашлось бы болѣе укромнаго храма для лисята божества. Глубокія долины такъ густо заросли терновникомъ и папортникомъ, что ни одна собака, дорожившая своимъ рыломъ, не рѣшилась бы туда сунуться. Низкіе кустарники подъ деревьями сплелись въ непроницаемую чащу, гдѣ никакой охотникъ не могъ ничего разобрать. Были тамъ и темныя лазейки, до такой степени непроходимыя, что всякая лисица, незнакомая съ собственнымъ запахомъ, удивилась бы, какъ могло придти въ голову собакѣ залѣзть въ такое узенькое мѣстечко. Преслѣдуемое животное бросалось изъ одного конца лѣса въ другой и каждый разъ можно было думать, что оно наконецъ собьетъ съ толку своихъ враговъ. Тоже случилось и теперь. Гонъ длился приблизительно три четверти часа, а затѣмъ прошло еще столько же времени, пока бѣдный старый Тони рыскалъ по лѣсу, громко ругая своихъ помощниковъ за то, что собаки не достаточно быстро слѣдовали за нимъ.

— Никогда въ жизни больше не надѣну сапоговъ съ отворотами,—сказалъ полковникъ.

Маленькая кучка всадниковъ собралась тѣмъ временемъ на бугрѣ, въ чащѣ лѣса и ожидала рокового крика облавщиковъ. Въ числѣ ихъ были Нина, Эйяля, полковникъ, Ларри Туэнтиманъ и капитанъ Бэтсби.

— Бросаете сапоги съ отворотами?—проговорилъ Ларри. Неужели думаете охотиться въ черныхъ?

— И черные, и съ отворотами и охотничьи штаны, и красная куртка... съ этой минуты я отрекаюсь отъ всего. Если когда-нибудь покажусь въ отъѣзжее поле, то не иначе, какъ въ туфляхъ и шароварахъ.

— Шутите, полковникъ!—сказалъ Ларри.

— Почему же вы не хотите больше носить красную куртку?—спросила Эйяля.

— Потому что я опозорилъ себя навѣки. Взялся опекать двухъ дѣвицъ, а вмѣсто того шлепнулся въ лужу, а protégées мои тѣмъ временемъ перешли въ руки противника, болѣе сильнаго.

— Ахъ, Джонатанъ, мнѣ это очень жалко,—сказала Нина,—главное-то, что ты попалъ въ воду.

— О, полковникъ Стоббсъ, мы бы должны были остановиться,—сказала Эйяля.

— Единственнымъ моимъ утѣшеніемъ,—продолжалъ полковникъ,—было видѣть, какъ мало во мнѣ нуждаются. Если бы я сломалъ себѣ шею, вмѣсто того чтобы вымочить ноги, для нѣкоторыхъ, я думаю, это бы лобы безразлично.

— О Джонатанъ!—воскликнула Нина съ искреннимъ негодованіемъ.

— Мы бы должны были остановиться. Я знаю, что намъ слѣдовало остановиться,—сказала Эйяля почти со слезами.

— На охотѣ никто никогда ни изъза кого не останавливается,—сказалъ Туэнтиманъ, провозглашая непреложный законъ.

— Еще бы!—сказалъ капитанъ Бэтсби, во все время ни разу не съѣзжавшій съ дороги.

— Полковникъ, навѣрное, не разсердится на меня за то, что я увезъ барышень дальше,—сказалъ Ларри.

— Полковникъ такой вахлакъ,—сказалъ Джонатанъ Стоббсъ,—что у него никогда больше не хватитъ духу ни на кого сердиться. Но ужъ если моя кузина и миссъ Дормеръ не чувствуютъ величайшей признательности за то, что вы для нихъ сдѣлали,—это значить, что всякая благодарность стала чужда сердцу британской женщины. Вы, вѣроятно, доставили имъ минуту самаго высшаго торжества, какое они испытали въ жизни.

— Это ихъ собственная вѣзда, полковникъ, я тутъ ни при чемъ.

— Очень благодарна вамъ, сэръ,—сказала Нина.

— И я тоже,—сказала Эйяля,—хотя такъ жалъ, что полковникъ Стоббсъ попалъ въ воду.

Въ эту минуту раздался давно ожидаемый сигналъ. Тони Тапетъ убилъ свою лисицу, предварительно изъѣздивъ весь лѣсъ вдоль и поперекъ разъ пять или шесть.

— Кончено?—спросила Эйяля, пока они съѣзжали съ бугра, направляясь къ тому мѣсту на опушкѣ лѣса, куда Тони тащилъ трупъ побѣжденнаго врага.

— Для нея, конечно,—сказалъ Ларри. Хорошая была лисица, но ей не суждено больше бѣгать. Это изъ Литлькота. Тѣ, что выращиваются въ Литлькотѣ, всегда бѣгаютъ.

— Чтожъ, она умерла?—спросила Нина. Бѣдняжка! Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы ихъ не нужно было убивать.

Они постояли еще и видѣли, какъ тѣло жертвы, подброшенное кверху, упало на поднятые, окровавленные носы дождавшейся своры.

— А теперь, барышни,—сказалъ Ларри,—я надѣюсь, вы зайдете ко мнѣ взглянуть на мою хозяйку и малыша, и позавтракать, чѣмъ Богъ пошлетъ!

Нина спросила съ безпокойствомъ, не будетъ ли еще лисы. Эйяля также боялась, какъ бы не пропустить чего-нибудь хорошаго, принявъ гостепріимное приглашеніе. Но порѣшили, наконецъ, на томъ, что Тони подождетъ съ

четверть часа пускать собакъ въ Брагтонскіе заказы. Въ ту же минуту Ларри соскочилъ съ лошади, бросился въ домъ и отдалъ приказъ всѣмъ его обитателямъ тащить хлѣба, сыра, хереса и пива. Хотя онъ и жаловался на разореніе, но всѣ знали, что Ларри Туэнтиманъ — малый самый гостепріимный и угощаетъ гостей съ такимъ радушіемъ, какъ никто въ цѣломъ Руффордѣ. Домикъ его стоялъ посреди охотничьихъ земель Руффорда и Уффорда, и количество хлѣба, сыра, хереса и пива, истребляемое тамъ въ охотничій сезонъ, было, по всѣмъ вѣроятіямъ, громадно.

Всѣ, повидимому, были съ нимъ въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ и требовали того, что имъ было нужно, какъ у себя дома. Въ такихъ случаяхъ Ларри бывалъ очень гордъ; во всей странѣ не было человѣка болѣе беззаботнаго и болѣе дорожившаго популярностью.

Толпа гостей, — которая, конечно, не могла бы помѣститься въ столовой, — не сходя съ лошадей, жевала хлѣбъ и сыръ и пила пиво вокругъ входной двери; но Нину и Эйалю, въ сопровожденіи ихъ друга полковника, повели въ домъ повидаться съ мистрессъ Туэнтиманъ и младенцемъ.

— Ну, Ларри, каковъ былъ гонъ? — спросила юная мать. Гдѣ нашли и куда побѣжала?

— Расскажу все потомъ, когда вернусь. Тутъ двѣ барышни, о которыхъ тебѣ надо позаботиться.

Онъ познакомилъ ихъ съ женой и ребенкомъ, котораго она держала на рукахъ.

— Малому всего шесть недѣль, а она вздумала ѣхать на охоту! Поскакала бы съ гончими, если бы я пустил ее.

— Почему же и нѣтъ? — спросила мистрессъ Туэнтиманъ. Мнѣ ужъ во всякомъ случаѣ можно было бы ѣхать въ телѣжкѣ, вмѣстѣ съ малюткой.

— Ему только шесть недѣль! — сказала Нина, наклонившись и цѣлуя ребенка.

— Какой душка! — сказала Эйалья. Надѣюсь, онъ тоже когда-нибудь будетъ охотиться.

— Шесть дней въ недѣлю, если

пойдетъ въ отца, сказала мистрессъ Туэнтиманъ.

— Семь, если поидетъ въ мать, — сказала Ларри.

Они опять сѣли на лошадей и уѣхали по большой дорогѣ въ Брагтонъ. Проводивъ ихъ до воротъ, мистрессъ Туэнтиманъ съ ребенкомъ на рукахъ слѣдила за ними жаднымъ взоромъ, пока Тони съ собаками не скрылся изъ виду.

По части охоты, однако, въ тотъ день не произошло уже ничего, достойнаго описанія. Собаки выслѣдили еще нѣсколько норъ и подняли еще двухъ-трехъ лисицъ, но какимъ-то непостижимымъ образомъ потеряли ихъ слѣдъ. Тѣмъ и кончились блестящіе подвиги того дня. Дѣвушки все время не разставались съ полковникомъ и шутили надъ его приключеніемъ. Полковникъ былъ въ сущности очень доволенъ тѣмъ, что возложилъ свои обязанности на Ларри Туэнтимана, хотя удовольствіе его было бы, вѣроятно, менѣе сильно, если бы ихъ взялъ на себя капитанъ Бэтсби. Онъ наслаждался, глядя на скачущихъ дѣвушекъ, и не отставалъ настолько, чтобы терять ихъ изъ виду. Полковникъ принадлежалъ къ числу людей, которые хотя и любятъ охоту, но не обладаютъ особымъ охотничьимъ самолюбіемъ и не стремятся затмить товарищей наѣздническимъ искусствомъ. Спасовать на охотѣ было для него тоже, что проиграть партію на бильярдѣ или въ вистъ. Пусть пойметъ читатель, что о такой чертѣ его характера здѣсь упоминается вовсе не одобрительно. «Все превозмочь, всѣхъ обогнать!» — вотъ стремленіе, которое, по мнѣнію автора этихъ строкъ, должно воодушевлять всякаго охотника. Философское спокойствіе, съ которымъ нашъ полковникъ относился къ этому вопросу, можетъ быть, дѣлало ему честь какъ человѣку, но не дѣлало ему чести какъ спортсмену.

— Я надѣюсь, вамъ было весело, Эйалья? — сказала онъ, снимая ее съ сѣдла.

— Еще бы, ужасно! — сказала Эйалья, не замѣчая употребленія своего христіанскаго имени. Я такъ наслаждалась и такъ благодарна вамъ!

III.

«Вы—не онъ.»

Эйаля провела въ Стальгамѣ уже недѣлю, и ей, по уговору, уже пора было вернуться въ Кингсбюри-Крессентъ. Она прѣехала на недѣлю и должна была прожить недѣлю. О, что это была за недѣля! Какая блаженная недѣля, преисполненная всевозможныхъ наслаждений, не омраченная ни единымъ облачкомъ. Джонатанъ Стоббсъ сдѣлался для нея самымъ пріятнымъ другомъ. Лэди Альбюри осыпала ее маленькими подарками и была съ ней необыкновенно ласкова. Нина была идеаломъ подруги. Сэръ Гарри ни разу не былъ не въ духѣ, кромѣ той единственной минуты въ лѣсу. Что касается Спрайта,—Спрайтъ почти что воплощалъ ея представленіе о лучезарномъ ангелѣ. О, какъ она была счастлива! Ей предстояло вернуться въ понедѣльникъ, включивъ два воскресенья въ свою удлинненную недѣлю. Блаженство ея приходило къ концу, это она знала, но рѣшила, въ своей благодарности, веселиться и радоваться до самаго конца.

Въ воскресенье, рано утромъ, полковникъ Стоббсъ, однако, замолвилъ словечко лэди Альбюри.

— Эта дѣвочка такъ блаженствуетъ здѣсь. Не можете ли вы удержать ее еще денька на три?

— Ради самой дѣвочки или ради полковника Стоббса, который въ дѣвочку влюбленъ?—спросила лэди Альбюри?

— Для обоихъ,—сказалъ полковникъ очень серьезно.

— Вы это въ самомъ дѣлѣ?

— Что значить: «въ самомъ дѣлѣ»? Мнѣ пріятно видѣть, какъ отъ всего сердца веселится хорошенькое созданье. Если вы оставите ее до четверга, въ среду Альбюри опять дастъ ей эту маленькую лошадку, и она поѣдетъ въ Старъ-Кроссъ.

— Конечно, оставляю; на все лѣто, если вамъ угодно. Если вы говорите серьезно, то дѣвочка эта дѣйствительно счастливая!

Такъ оно и было рѣшено, и лэди Альбюри самымъ любезнымъ образомъ

сообщила Эйаль, что ей не позволять уѣхать, не покатавшись еще разъ на Спрайтѣ.

— Сэръ Гарри говоритъ, что вы сдѣлали имя его лошади и должны окончательно упрочить ея репутацію въ Старъ-Кроссъ.

На душѣ у Эйали было то же, что у Пери, когда врата Эдема открылись передъ ней. До отъезда оставалось четыре дня, и на четвертый предстояла охота. Передъ нею была цѣлая вѣчность блаженства.

— А тетюшка Маргарита?—сказала она, ни минуты, однако, не сомнѣваясь, что останется.

Кому можетъ быть дѣло до хмурой тетки за предѣлами вѣчности? Опасаюсь, что въ своей восторженной радости она забыла данное обѣщаніе всегда помнить доброту тетюшки.

— Я напишу записку къ мистресъ Дозетъ и все это улажу,—сказала лэди Альбюри.

Записка была написана; было ли, нѣтъ ли что-нибудь улажено ею въ Кингсбюри-Крессентъ, неизвѣстно, но Эйаля оставалась въ Альбюри.

Много размышлялъ полковникъ и убѣдился въ томъ, что намѣренія его вполне серьезны. Средствъ, говоритъ онъ себѣ, достаточно для существованія скромнаго, но безбѣднаго. А со смертью дяди, стараго генерала Стоббса, они должны увеличиться. Генералу было уже за семьдесятъ. Что толку въ независимости, если нельзя позволить себѣ жениться на дѣвушкѣ, которую дѣйствительно любишь?

Случалось ли ему хотя разъ въ жизни видѣть существо столь очаровательно-предестное, слышать женскій голосъ болѣе нѣжный? Всѣ ея движенія, ухватки, даже самыя ея шалости были такъ плѣнительны! Когда она вытаращивала глаза и кивала головой, оттопыривъ губы, онъ чувствовалъ, что не можетъ жить безъ нея. Во всякомъ ея словѣ проглядывалъ такой милый юморъ! Дѣло въ томъ, что полковникъ былъ влюбленъ и рѣшилъ дать волю своей любви вопреки тетюшкѣ маркизѣ и вопреки собственной философіи.

Онъ далеко не былъ увѣренъ въ успѣхъ, но все же надѣялся. Съ той минуты, когда, какъ читатель, можетъ быть, помнить, онъ подошелъ къ ней на балу и по просьбѣ маркизы пригласилъ ее танцевать, всѣ окружающіе видѣли ясно, что онъ ей нравится. Они сдѣлались близкими друзьями. Эйяля позволяла ему оказывать себѣ разныя мелкія услуги, которыя по какому-то особому женскому инстинкту ни за что не разрѣшила бы капитану Бэтсби. Полковникъ все это зналъ, но зналъ также, что на это не слѣдовало слишкомъ разсчитывать. Лэди Альбюри говорила ему, что Эйяля будетъ очень счастлива, если онъ «въ самомъ дѣлѣ», и самъ онъ зналъ ея зависимое положеніе и тяжелую жизнь въ Кингсбюри Крессентъ. Она разсказывала ему о Кингсбюри-Крессентъ совершенно откровенно, какъ другу, которому довѣряла. Но на все это нельзя было слишкомъ разсчитывать. Это было недостаточно. Онъ понималъ, что такая дѣвушка какъ Эйяля не можетъ выйти замужъ только для того, чтобы избавиться отъ бѣдности.

Вспоминая, какого рода была эта дѣвушка, онъ испытывать маленькіе уколы сомнѣнія и рѣшилъ, что лэди Альбюри ничего не понимаетъ. Тѣмъ не менѣе, онъ надѣялся. Его рыжіе волосы и некрасивое лицо никогда еще не отталкивали женщинъ, вмѣстѣ съ которыми ему приходилось жить. Успѣхъ научилъ его считать себя человѣкомъ популярнымъ; а Эйяля къ тому же столько разъ выказывала ему свое дружеское расположеніе!

Въ субботу была ружейная охота, и онъ присоединился къ охотникамъ, ничего никому не говоря о своемъ намѣреніи скоро вернуться, но въ три часа былъ уже дома. Оказалось, однако, что Эйяля уѣхала кататься, и ему пришлось ждать. Онъ усылся въ библіотекѣ, и дѣлалъ видъ, что читаетъ, пока не услышалъ звукъ подъѣзжавшей кареты. Вернувшихся дамъ онъ встрѣтилъ въ передней.

— Всѣ ужъ вернулись съ охоты?— спросила лэди Альбюри.

Полковникъ объяснилъ, что вернулъ

ся онъ одинъ: онъ промахнулся три раза подъ рядъ и ушелъ, потерявъ терпѣніе.

— Я самое презрѣнное существо, какое только есть на свѣтѣ,—сказалъ онъ, смѣясь,—то шлепаюсь въ трехъ-футовую канаву...

— Въ потокѣ было, по крайней мѣрѣ, десять футовъ,—сказала Нина, ревниво охраняя славу своего прыжка.

— ...то не могу попасть ни въ одну птицу. Ужъ лучше сразу приняться писать книги и предоставить занятія болѣе суровыя людямъ болѣе подходящимъ.

Затѣмъ онъ круто повернулся къ Эйалѣ и сказалъ ей:

— Будете ли вы достаточно добры, чтобы пойти прогуляться со мною по саду?

Нѣсколько озадаченная такой просьбой, Эйяля взглянула въ лицо лэди Альбюри.

— Пойдите съ нимъ, милочка, если не слишкомъ устали,—сказала лэди Альбюри; онъ заслуживаетъ утѣшенія, послѣ всѣхъ своихъ благодѣяній вамъ.

Эйяля все еще колебалась. Несмотря на милыя дружескія отношенія съ этимъ человѣкомъ, она почти испугалась его просьбы гулять съ нею наединѣ. Но не согласиться, особенно послѣ того, что сказала лэди Альбюри, могло бы показаться страннымъ. Конечно, она нисколько не устала, и такая прогулка, произойди она случайно, доставила бы ей только лишнее удовольствіе; а теперь, хотя она и пошла, но пошла нерѣшительно, и обнаружила свою нерѣшительность.

— Вы боитесь идти со мной?—спросилъ онъ, какъ только они вышли вмѣстѣ на песчаную дорожку.

— Боюсь? Что вы? Нисколько! Съ вами, мнѣ кажется, я не боялась бы пойти куда угодно; только мнѣ показалось странно, что вы не позвали тоже и Нину.

— Хотите, я вамъ скажу почему?

— Почему?

— Потому что я хочу вамъ сказать одну вещь, которую Нина не должна пока слышать. И, кромѣ того, я ду-

малъ, что мы такіе друзья, что вамъ ничего пойти со мной вдвоемъ.

— Конечно, мы друзья, — сказала Эйяля.

— Не знаю почему, но мнѣ кажется, что я знакомъ съ вами давнымъ-давно.

— Можетъ быть, это потому, что вы были знакомы съ папой.

— И еще, вѣроятно, потому, что я узналъ папашину дочку.

— То-есть Люси.

— То-есть Эйялю.

— Это выходитъ повтореніе того же самага. Вы знаете меня потому, что вы меня знаете.

— Именно. Какъ вы думаете, сколько времени я знакомъ съ этой мистрессъ Грегори, что сидѣла противъ насъ вчера?

— Какъ я могу это знать?

— Ровно пятнадцать лѣтъ. Я соби-
рался въ Гарроу, когда она, еще моло-
дая въ то время, дѣвушка, посе-
лилась у моей матери. Наши семьи
знакомы вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ.
За эти года я постоянно видался съ
ней и мы знакомы, конечно, очень
близко.

— Вѣроятно.

— И въ концѣ концовъ я знаю ее
не болѣе, чѣмъ если бы мы жили на
разныхъ планетахъ и говорили на
языкахъ, совершенно другъ другу не-
понятныхъ. У насъ нѣтъ ни одной общей
мысли, ни одного общаго чувства. Я
освѣдомляюсь о ея мужѣ и дѣтяхъ и
сообщаю, что собирается дождь. Она
дѣлаетъ какое-нибудь замѣчаніе о здо-
ровьи стараго генерала; на этомъ все
и кончается. Встрѣтившись снова, мы
начинаемъ сначала.

— Это ужасно неинтересно, — ска-
зала Эйяля.

— Очень неинтересно. На свѣтѣ очень
много всякихъ мистрессъ Грегори, и
вотъ почему я люблю уѣзжать въ
Дромколлеръ и жить одинъ. Можетъ
быть, вы тоже мистрессъ Грегори для
кого-нибудь.

— Съ какой стати я буду мистрессъ
Грегори! Я, кажется, нисколько не по-
хожа на мистрессъ Грегори.

— Для меня—нѣтъ, Эйяля.

Теперь она замѣтила «Эйялю» и смут-
но почувствовала значеніе его словъ.
Бывали минуты, когда ей положительно
не нравилось, что онъ называетъ ее
мистрессъ Дормеръ; но теперь... теперь
пріятнѣе было бы обойтись безъ «Эй-
али». Она постаралась придать своему
лицу серьезное выраженіе, но, придавъ
его, не рѣшалась обернуться. Взоръ,
въ которомъ выражался ея маленький
гнѣвъ, если и былъ какой-нибудь гнѣвъ,
устремлялся въ землю.

— Мнѣ кажется, что я знаю васъ
такъ хорошо именно потому, что вы,
въ моихъ глазахъ, ничего не имѣете об-
щаго съ мистрессъ Грегори. Мнѣ ни-
когда не хочется въ Дромколлеръ, когда
вы со мною, а если и хочется, то не
иначе, какъ съ вами.

— Это, навѣрное, очень хорошенъкое
мѣстечко, но едва ли я его когда-ни-
будь увижу.

— Вы знаете о вашей сестрѣ и
мистерѣ Гамелѣ?

— Да,—сказала Эйяля съ удивлені-
емъ,—она мнѣ говорила. А вы откуда
знаете?

— Онъ жилъ въ Дромколлерѣ, вдво-
емъ со мною, когда отправился дѣлать
ей предложеніе. Никогда въ жизни не
видывалъ, чтобы кто-нибудь былъ такъ
счастливъ, какъ онъ, когда вернулся
изъ Гленбоджи. Онъ достигъ того, чего
желалъ больше всего на свѣтѣ.

— Я такъ люблю его за то, что онъ
ее любитъ.

— А я люблю ее за то, что она
любитъ васъ.

— Это, знаете, совсѣмъ другое,—ска-
зала Эйяля, стараясь обдумать все об-
стоятельно.

— Развѣ мнѣ нельзя ее любить?

— Онъ будетъ моимъ братомъ. По-
этому-то я и люблю его. А она не мо-
жетъ быть вашей сестрой.

Хотя бѣдняжка и старалась все обду-
мать какъ слѣдуетъ, но не очень - то
далеко ушла въ этомъ направленіи.

— Не можетъ?—спросилъ онъ.

— Конечно, нѣтъ. Люси выйдетъ за
мужъ за мистера Гамеля.

— А за меня кто выйдетъ?

Тутъ Эйяля поняла все.

— Эйаля... Эйаля... кто будетъ моей женой?

— Не знаю,—сказала она сурово, но шепотомъ и совѣмъ измѣнившимся тономъ, думая о томъ, какъ хорошо было бы сейчасъ же вернуться въ домъ.

— Развѣ вы не знаете, кого бы я желалъ имѣть женою?

Тутъ онъ почувствовалъ, что слѣдовало говорить прямо: онъ былъ уже увѣренъ, что она не скажетъ ему сразу того, что онъ желалъ, не бросится немедленно въ его объятія. Тѣмъ не менѣе слѣдовало высказаться напрямикъ и затѣмъ отстаивать свои интересы изо всѣхъ силъ.

— Эйаля, я позвалъ васъ съ собою, чтобы просить васъ быть моей женой. Этого-то я и не хотѣлъ, чтобы Нина слышала пока. Если вы протянете руку и скажете, что оно такъ и будетъ, и Нина и весь свѣтъ это узнаетъ. Тогда я буду такъ же гордъ, какъ Гамель, и такъ же счастливъ... счастливѣе, я думаю. Никто, мнѣ кажется, не можетъ любить такъ, какъ я люблю васъ теперь, Эйаля. Чѣмъ больше я васъ видѣлъ, тѣмъ больше росла во мнѣ эта любовь, росла съ каждымъ часомъ, съ той самой минуты, какъ я повелъ васъ танцевать. Помните вечеръ въ театрѣ, когда я все бросилъ и такъ старался побыть съ вами еще передъ вашимъ отъѣздомъ домой? Какъ я любилъ васъ тогда, Эйаля! Но все-таки меньше, чѣмъ теперь. Когда я увидѣлъ вчера, что вы уѣзжаете отъ меня, и не могъ перебраться черезъ ручей, я сказалъ себѣ, что если не поймаю васъ и вы не будете моею, то никогда больше не буду счастливъ. Помните, какъ вы наклонились и поцѣловали этого ребенка на фермѣ? О Эйаля, я рѣшилъ въ эту минуту, что если вы не будете моей женою... моей женою... у меня никогда не будетъ ни жены, ни ребенка, ни домашнего очага.

Она шла рядомъ и слушала, но не находила ни слова въ отвѣтъ. Ей не трудно было отказать Тому Тринглю, отвергнуть его съ презрѣніемъ и сдѣлать ему выговоръ, когда онъ продолжалъ свои ухаживанія; но въ какихъ

выраженіяхъ отказать человѣку, котораго она ставила такъ высоко, который во многихъ отношеніяхъ былъ почти совершенствомъ въ ея глазахъ, который такъ ужасно ей нравился и которому все-таки нужно было отказать? Онъ не былъ лучезарнымъ ангеломъ,—никогда не могъ быть лучезарнымъ ангеломъ. Лазоревыя крылья, на которыхъ должно было парить то почти неземное существо, котораго она удостоить своей любви,—отсутствовали совершенно. Онъ былъ симпатиченъ, добръ, милъ, расположенъ къ ней, въ немъ было все, что нужно въ другѣ или братѣ; но онъ не былъ лучезарнымъ ангеломъ. Въ этомъ она была увѣрена. Она говорила себѣ, что совершенно въ этомъ увѣрена, молча шагая рядомъ съ нимъ по дорожкѣ.

— Вы знаете, что это значить, Эйаля, когда я говорю вамъ, что люблю васъ?—продолжалъ онъ.

Она все-таки не отвѣчала.

— Я встрѣтилъ, наконецъ, то человеческое существо, съ которымъ провести всю жизнь было бы для меня счастьемъ; я встрѣтилъ васъ и прошу васъ быть моей женой. Эта надежда зародилась и росла во мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ я впервые васъ увидѣлъ. Неужели она обманула меня?! Эйаля, могу ли я надѣяться?

— Нѣтъ,—сказала она отрывисто.

— И это все?

— Все, что я могу вамъ сказать.

— Неужели этимъ «нѣтъ» все должно кончиться между нами?

— Я не знаю, что еще должна сказать вамъ, полковникъ Стоббсъ.

— Неужели это значить, что вы никогда не можете меня полюбить?

— Никогда,—сказала она.

— Говорить такъ — жестоко и не по-дружески. Неужели между вами и мной достаточно одного этого жесткаго слова? Хотя я и не смѣлъ думать, что вы скажете, что любите меня, но ожидалъ чего-нибудь добрѣе, мягче:

«Изъ ядовитаго, язвительнаго «нѣтъ»
Чтобъ вынуть злое жало.»

Эйаля не знала этихъ строкъ, но смыслъ ихъ чувствовала очень ясно.

Она желала бы, если бы умѣла, сказать ему, что сердце ея было полно нѣжности къ нему, сестринской нѣжности и ласки, но что она не могла его любить такъ, чтобы сдѣлаться его женой.

«Вы — не онъ, не тотъ лучезарный ангелъ, что явится ко мнѣ, сіяющій поэзіей, прекрасный, преисполненный художественными дарами, вознесенный надъ міромъ своими душевными качествами, — словомъ, такой, какъ долженъ былъ тотъ, кого я признаю достойнымъ своей любви, если когда-нибудь полюблю. Вы — не онъ, и я не могу любить васъ. Вы будете занимать въ моемъ мнѣніи второе послѣ всего мѣсто, и теперь уже такъ дороги мнѣ, что мнѣ хотѣлось бы приласкать и приглубить васъ, если бы я только знала какъ.»

Все это стояло совершенно ясно въ ея головѣ, но слова не находились.

— Я не знаю, что мнѣ слѣдуетъ вамъ сказать! — воскликнула она сквозь слезы.

— Правду, во всякомъ случаѣ, — отвѣчалъ онъ сурово, — всю правду, безъ утайки, не такъ, какъ понимаютъ ее другія дѣвушки. Но думайте, что вамъ можно кривить душою изъ-за того, что правда можетъ быть для меня непріятной или вамъ самимъ непріятно ее говорить. Вопросъ этотъ — вопросъ первостепенной важности для моего счастья; вы имѣете значеніе для него потому уже, что я ставлю его въ зависимость отъ вашей любви. Скажите же, почему вы не можете меня любить?

Измѣнившійся тонъ его голоса, звучащаго теперь нѣсколько сурово, какъ будто придалъ ей болѣе мужества.

— Потому что... — она запнулась.

— Потому что что? Говорите сейчасъ же, что бы это ни было. Если сладить съ этимъ въ силахъ человѣческихъ, я сложаю. Не бойтесь обидѣть меня. Не потому ли, что я безобразенъ? Съ этимъ я сдѣлать ничего не могу.

Она не рѣшилась отвѣчать утвердительно, но взглянула ему въ лицо и

не сдѣлала головой никакого отрицательнаго движенія.

— Въ такомъ случаѣ, да поможетъ мнѣ Богъ, потому что измѣнить этого нельзя.

— Не одно это.

— Такъ не потому ли, что меня зовутъ Стоббсъ, Джонатанъ Стоббсъ?

Въ этомъ она созналась, утвердительно кивнувъ ему головой. Онъ просилъ ее сказать ему правду и ей такъ хотѣлось исполнить его просьбу.

— Если такъ, Эйалъ, я долженъ сказать вамъ, что это фальшиво, фальшиво и глупо съ вашей стороны. Вы увлекаетесь романтическимъ чувствомъ, но романтизмъ этотъ ложный. Сохрани меня Богъ сказать, что я могъ бы сдѣлать васъ счастливой, но счастье ваше не зависитъ отъ такихъ случайностей, я знаю это навѣрное. Можетъ быть, вы думаете, что средства мои недостаточны?

— Нѣтъ, нѣтъ, — закричала она. Я ничего не знаю о вашихъ средствахъ. Если бы я могла любить васъ, я бы не удостоила спрашивать объ этомъ, даже слушать.

— Никого другого нѣтъ, вѣроятно?

— Никого.

— Но вашему воображенію представляется образъ болѣе высокій, чѣмъ я? Она быстро обернулась къ нему и утвердительно кивнула головой.

— Образъ человѣка, болѣе соответствующаго духу поэзіи, живущей въ вашемъ сердцѣ?

Она снова одобрительно кивнула головой, какъ бы желая дать ему понять, что теперь онъ знаетъ всю правду.

— Въ такомъ случаѣ, Эйалъ, я долженъ постараться возвыситься до уровня вашей мечты. Но если вы смѣете желать того, что дѣйствительно высоко, не унижайте себя мелочностью. Не допускайте, чтобы имя могло что-нибудь для васъ значить, или я не повѣрю въ ваши стремленія. А теперь, хотите я отведу васъ въ домъ?

Молча, пошли они домой. Она чувствовала себя пристыженной его послѣдними словами, и если бы онъ еще разъ спросилъ ее, не вліяетъ ли на

нее звукъ словъ «Джонатанъ Стоббсъ», лежащими ангельскими атрибутами,—и она бы какимъ-нибудь знакомъ дала ему понять, что не находитъ болѣе препятствій въ этомъ имени. Но были и другія препятствія,—такія, которыя и онъ не называлъ пустыми. О своемъ безобразіи онъ говорилъ, что это ало непоправимое, и просилъ Бога пожалѣть его въ его безсиліи. А чего-то высшаго, къ чему стремилась ея душа, просто-на-просто собирался достигнуть. Эйала была, однако, увѣрена, что ему это не удастся. Не такой совсѣмъ это былъ человекъ; такимъ людямъ не дается «нѣчто высшее», составляющее неотъемлемую принадлежность лучезарныхъ ангеловъ. Существованія этого «чего-то высшаго» онъ, однако, не отрицалъ.

IV.

«Самый настоящій герой, какого я когда-либо знала.»

Полковникъ съ Эйалей вернулись въ домъ, не говоря ни слова. Когда они вошли въ залу, Эйала тотчасъ повернула къ лѣстницѣ, чтобы идти на верхъ въ свою комнату. Видя это, онъ протянулъ ей руку, которую она взяла, и, все такъ же молча, прошла далѣе. Оставшись одна, она стала обдумывать все происшедшее. Конечно, она поступила правильно. Въ этомъ для нея не могло быть положительно никакихъ сомнѣній. Никакая дѣвушка не должна выходить за человека, котораго она не любитъ. То былъ непреложный законъ. Она не любила этого человека,—слѣдовательно, не должна была выходить за него. Но на сердцѣ у нея скребло немножко при мысли о возможности воплощенія своего воображаемаго кумира. Къ тому же ее обидѣли немного его слова о томъ, что ей не слѣдовало допускать въ себѣ мелочности среди превыспреннихъ стремленій. Ей было обидно, но она знала, тѣмъ не менѣе, что онъ правъ. То же самое желалъ онъ внушить ей, рассказывая глупѣйшую исторію о женщинѣ, выброшенной въ окно. Любить его она не могла; но имя его уже никогда не могло быть для того препятствіемъ. Лишь бы явился ей лучезарный ангелъ съ над-

лежащими ангельскими атрибутами,—и никакой недостатокъ благозвучія въ словѣ не будетъ между ними преградой. Да и никакіе внѣшніе признаки не обусловливали божественнаго сіянія. Лучезарный ангелъ могъ быть даже рыжій. Истина эта начала проникать въ ея сердце, хотя полковникъ и не дѣлалъ ей по этому поводу никакихъ внушеній.

Но какъ вести себя тѣ четыре дня, что оставались ей въ Стальгамъ-Паркѣ? Предстоящее утратило для нея всю свою прелесть. Теперь ей страшно будетъ и ротъ раскрыть въ присутствіи своего прежняго друга. Лэди Альбюри, сдавалось ей, знала, съ какимъ намѣреніемъ онъ повелъ ее въ садъ. Какъ рѣшиться взглянуть въ лицо лэди Альбюри? Какъ отвѣтить Нинѣ, если Нина будетъ разспрашивать о прогулкѣ? Охота въ среду уже не представлялась ей блаженствомъ, какъ прежде. Развѣ могъ теперь полковникъ Стоббсъ наставлять ее въ верховой ѣздѣ и учить какъ вести себя на охотѣ? Всего лучше для нея было бы тотчасъ вернуться въ Кингсбюри-Крессентъ.

Тутъ ей пришло въ голову, что если бы она могла принять предложеніе полковника—всѣ бѣдствія ея житія въ домѣ тетки кончились бы навѣки. Она бы тотчасъ же поднялась до того уровня, на которомъ жилъ онъ. Вмѣсто того, чтобы быть чужестранкой, изъ милости принятой въ такой Элизіумъ, какъ Стальгамъ-Паркъ, она бы сдѣлалась равною тѣмъ, кому этотъ Элизіумъ принадлежалъ по праву. Собственными своими силами она достигла бы той высшей блестящей сферы, въ которой, какъ казалось ей, только и было, что смѣхъ и радость. До средствъ его ей не было никакого дѣла; объ этомъ она не думала вовсе. Онъ жилъ среди мужчинъ, у которыхъ были кареты и лошади и которые проводили время въ пріятныхъ занятіяхъ. А она жила бы среди женщинъ въ щегольскихъ туалетахъ, у которыхъ также были бы кареты и которыхъ были бы совершенно чужды низменныя заботы, дѣлавшія столь томительной и сѣрой

жизнь въ Кингсбюри-Крессентѣ. Одно маленькое словечко—и дѣло было бы сдѣлано, и она могла бы переступить тотъ предѣлъ, который отдѣлялъ ее отъ праздничной части рода человѣческаго.

Но когда она вспомнила все это, рѣшеніе ея стало еще тверже. Если существовать какой-нибудь законъ должнаго и недолжнаго, незыблемо и прочно установленный въ ея душѣ, такъ это именно тотъ законъ, по которому никакія соображенія о счастіи или несчастіи, о страданіи и радости не могли имѣть вліянія на исполненіе ея долга по отношенію къ лучезарному ангелу. Она должна была принадлежать ему, если онъ придетъ за нею; должна была принадлежать ему, если онъ и не придетъ. Должна была принадлежать ему, будь онъ бѣденъ или богатъ—все равно. Пока она увѣряла себя во всемъ этомъ и почерпала силы въ этихъ увѣреніяхъ, въ комнату вошла Нина и освѣдомилась о томъ, придетъ ли она пить чай. Эйалѣ отказалась подъ предлогомъ головной боли и сказала, что желала бы отдохнуть до обѣда.

— Не случилось ли чего-нибудь?—спросила ее Нина, но она попросила ничего пока не спрашивать, потому что у нея болѣла голова.

— Если ты не скажешь мнѣ всего, значитъ, ты не настоящій другъ,—сказала Нина, уходя изъ комнаты.

Когда пришелъ вечеръ, Эйалѣ одѣлась къ обѣду и сошла въ гостиную. Для этого ей пришлось пройти черезъ биллиардную, гдѣ она застала полковника Стоббса, игравшаго шарами.

— Вы уже одѣлись къ обѣду?!—воскликнулъ онъ,—а я-то еще и не думалъ! Сэръ Гарри терпѣть не можетъ, когда кто-нибудь опаздываетъ къ обѣду, но этотъ негодяй Бетсби выигралъ у меня четыре партіи!

Съ этими словами онъ выскочилъ изъ комнаты, загремятъ брошеннымъ кіемъ, и, какъ показалось Эйалѣ, совершенно оправившись отъ своего недавняго огорченія.

Въ гостиной Эйалѣ пробыла нѣсколько минутъ одна, и затѣмъ, къ великой ея радости, вошли три или

четыре дамы за разъ, такъ что лэди Альбюри не могла задавать ей никакихъ вопросовъ. Обѣдать пошли безъ полковника, дѣйствительно опоздаваго, и Эйалѣ повелъ къ столу мистеръ Гослингъ, хорошенькая маленькая жена котораго сидѣла напротивъ. По другую сторону помѣстился лордъ Руфффордъ, пріѣхавшій въ Стальгамъ съ женою дня на два и тотчасъ начавшій поздравлять Эйалѣ со вчерашними подвигами.

— Вы, говорятъ, перескочили Кренбюри-Брукъ,—сказалъ онъ. По моему, отчего ужъ за разъ не перескочить и Серпентину?

— Я перескочила потому, что мнѣ такъ сказали.

— Ахъ,—продолжалъ лордъ Руфффордъ со вздохомъ,—вотъ что значить юность, невинность и неопытность! Что можетъ съ ними сравниться? Но почему же полковникъ Стоббсъ не перескочилъ за вами?

— Потому что полковникъ Стоббсъ не смогъ,—отвѣчалъ самъ этотъ джентльменъ, усаживаясь на пустой стулъ.

— Всякій джентльменъ,—сказалъ сэръ Гарри,—можетъ быть, не въ состояніи перескочить черезъ Кренбюри-Брукъ, но всякій джентльменъ, если постарается немного, можетъ не опаздывать къ обѣду.

— Теперь когда мнѣ досталось со всѣхъ сторонъ,—сказалъ полковникъ—мнѣ, пожалуй, можно приняться за супъ.

Эйалѣ, ожидавшая, сама не знала, какихъ дальѣйшихъ непріятностей и почти боявшаяся, что никто не захочетъ говорить съ ней въ наказаніе за ея дурное поведение,—старалась ободриться, видя, что всѣ окружающіе, не исключая и полковника, любезны съ нею попрежнему. Ей показалось, что лэди Альбюри взглянула на нее особенно, когда полковникъ занялъ свое мѣсто, и она замѣтила, что стулъ его стоялъ уже не рядомъ съ нею. Такія хозяйственные мелочи, какъ ей было извѣстно, находились подъ вѣдѣніемъ самой лэди Альбюри, и при обыкновенномъ положеніи вещей, какъ ей

также было извѣстно, она, навѣрное, была бы помѣщена рядомъ съ полковникомъ. Радуюсь тому, что этого не было, она въ то же время была увѣрена, что лэди Альбюри знала кое-что о происшедшемъ. Вечеръ, однако, прошелъ вполне благополучно; спокойствіе ея нарушилось только разъ, когда полковникъ, подавая ей, по обыкновенію, чашку чая въ гостиной, назвалъ ее крестнымъ именемъ. О, кабы онъ продолжалъ такъ называть ее и не требовалъ при этомъ ничего, кромѣ ихъ старой дружбы!

На слѣдующій день было воскресенье, и всѣ они съ утра отправились въ церковь. По закону, установленному въ Стальгамъ, всѣ его жители обязаны были ходить въ церковь каждое воскресенье. Самъ сэръ Гарри, считавшійся человѣкомъ не особенно религиознымъ, всегда сердился, если кого-нибудь изъ гостей мужескаго пола не хватало на огромной фамильной скамьѣ.

— По-моему, это чертъ знаетъ какъ неприлично!—говорилъ онъ.

Но быть въ церкви дважды въ одинъ день—не требовалось ни отъ кого, а потому никто и не ходилъ на вторую службу. Завтракъ затягивался долѣе обыкновеннаго. Мужчины бродили по усадьбѣ съ сигарами во рту, а дамы уходили читать по своимъ комнатамъ, что кончалось, обыкновенно, тѣмъ, что онѣ спали значительную часть дня. Но въ то воскресенье, о которомъ идетъ рѣчь, лэди Альбюри не заснула, а вмѣсто того заманила Эйялю на верхъ, въ свою маленькую гостиную, гдѣ никого болѣе не было.

— Эйяля,—сказала она, не то улыбаясь, не то хмурясь,—боюсь, что я буду на васъ сердиться.

— Пожалуйста, не сердитесь, лэди Альбюри.

— Если я не ошибаюсь въ своихъ догадкахъ, вамъ было вчера сдѣлано предложеніе, которое могло бы осчастливить любую дѣвушку въ цѣлой Англіи.

Она остановилась, но Эйяля не отвѣчала ни слова.

— Если это дѣйствительно было

такъ, лучший изъ всѣхъ людей, какихъ я знаю, просить васъ раздѣлить съ нимъ его участь.

— Онъ вамъ это говорилъ?

— Вѣдь это было?

— Не скажу,—сказала Эйяля гордо.

— Навѣрное да. Я знаю, что таково было его намѣреніе еще прежде. Извѣстно ли вамъ, какого рода человѣкъ—мой двоюродный братъ, Джонатанъ Стоббсъ? Приходило ли вамъ въ голову, что по своей честности, прямоствѣ, благородству, смѣлости и глубокой нѣжности, это верхъ совершенства, недостижимаго ни для кого изъ толпы, которую вы видите вокругъ?

— Я знаю, что онъ хорошій,—сказала Эйяля.

— Хорошій! Гдѣ вы найдете кого-нибудь, кто бы равнялся съ нимъ? Сравните его съ окружающими и тогда говорите о томъ, хорошъ ли онъ. Возможно ли, чтобы вы отвергли любовь такого человѣка?

— Я не знаю, слѣдуетъ ли говорить со мною объ этомъ,—сказала Эйяля нерѣшительно.

— Милочка, я говорю для вашей же и для его пользы. Когда вы уѣдете отсюда, ему будетъ такъ трудно увидаться съ вами!

— Онъ, вѣроятно, и не захочетъ,—сказала Эйяля.

— Достаточно того, что онъ хочетъ теперь. Чего же лучшаго можете вы ожидать?

— Я не ожидаю ничего,—сказала Эйяля съ гордостью. У меня ничего нѣтъ, и я ничего не жду.

— Онъ дастъ вамъ все, однимъ тѣмъ, что любить васъ. Другъ мой, я бы сочла, что говорить вамъ все это не стоитъ труда, если бы не знала, что это такой человѣкъ, которому не слѣдуетъ отказывать, когда онъ обращается съ подобной просьбой,—ее слѣдуетъ исполнить. Въ его рукахъ счастье ваше было бы вѣрно.

Она замолчала, но Эйяля не находила ни слова въ отвѣтъ.

— И онъ не способенъ повторить ее. Онъ слишкомъ для этого гордъ. Единственной причиной такого отказа мо-

жетъ быть только то, что вы уже помолвлены. Другой причины я не могу себѣ представить. Если есть кто-нибудь другой, тогда, конечно, тутъ и говорить больше нечего.

— Никого нѣтъ другого.

— Тогда, мой другъ, это просто нелѣпость, если принять въ соображеніе то, что ожидаетъ въ будущемъ васъ. Когда умретъ генераль, у него будетъ болѣе двухъ тысячъ въ годъ.

— Какъ будто это можетъ что-нибудь для меня значить!—сказала Эйала гнѣвно, попятившись отъ собесѣдницы и бросая на нее свирѣпыя взоры.

— Это я называю романтизмомъ,—сказала лэди Альбюри. Романтизмъ никогда не дастъ вамъ счастья.

— Ужъ не богатство же во всякомъ случаѣ дастъ мнѣ его. То, что вы называете романтизмомъ, можетъ быть, и есть самое для меня нужное. Какъ бы то ни было, разъ я не люблю полковника Стоббса, конечно, мнѣ не слѣдуетъ за него выходить; и я не выйду.

Послѣ этого, говорить больше было нечего. Эйала думала, что ее, какъ опальную, выгонять изъ комнаты, пожалуй, изъ дома. Но лэди Альбюри, просто-на-просто исполнившая принятую на себя роль, нимало не разсердилась.

— Ну, милочка моя,—сказала она,—пожалуйста, пожалуйста, подумайте объ этомъ хорошенько. Я, конечно, принимаю все это къ сердцу ради кузена, для котораго вопросъ этотъ, повидимому, имѣетъ большое значеніе. Это одинъ изъ тѣхъ людей, которые, если ужъ влюбятся, то влюбятся не на шутку. Но я бы не стала всего этого говорить, если бы не знала навѣрное, что онъ сдѣлаетъ васъ счастливой. Мой кузенъ Джонатанъ—прекраснѣйшій изъ всѣхъ героевъ, какихъ я когда-либо знала. Когда человѣкъ—герой, женщина не должна разбивать его сердце, отказывая ему въ своей улыбкѣ, не правда ли?

— Она не должна ему улыбаться, если не любитъ его,—сказала Эйала, уходя изъ комнаты.

Понедѣльникъ и вторникъ прошли очень тихо. Лэди Альбюри не касалась

болѣе великаго вопроса, а полковникъ велъ себя совершенно такъ, какъ будто о любви никогда не было и помину. Во всѣ эти два дня никто не заговаривалъ съ Эйалей о предстоящей охотѣ, и она начинала уже подумывать, что для нея не предстояло никакой охоты; да и не особенно желала ее. На смѣлые подвиги ея подзадоривалъ полковникъ; съ его же благословенія она отважилась ѣздить верхомъ. Какъ же быть въ среду? Отдаться ли снова подъ его покровительство, или держаться отъ него въ сторонѣ? Когда, вплоть до поздняго вечера вторника, ей ничего еще не было сказано по этому поводу, она почти рѣшила не надѣвать амазонки въ среду утромъ, но въ ту минуту, какъ она брала свѣчу, чтобы отправиться въ спальню, полковникъ Стоббсъ подошелъ къ ней.

— Завтра мы всѣ почти ѣдемъ верхомъ,—сказалъ онъ ей,—но васъ съ Ниной отправятъ до сборнаго мѣста въ телѣжки, чтобы побережъ немножко ваши силы. Все это уже устроено.

Она поклонилась, поблагодарила его и, ложась спать, почти жалѣла, что все это было устроено именно такъ. Утромъ оказалось, что Нина не можетъ ѣздить верхомъ: она повредила себѣ ногу и, явившись спозаранку въ комнату Эйали, со слезами объявила, что не поѣдетъ.

— Ну, такъ и я не поѣду,—сказала Эйала, готовившаяся въ эту минуту надѣвать амазонку.

— Нѣтъ, ты должна. Это все уже рѣшено, и сэръ Гарри обидится, если ты не поѣдешь. Чѣмъ виновать Джонатанъ, что ты не хочешь съ нимъ ѣхать только изъ-за того, что я хромаю!

— Ничѣмъ,—сказала Эйала.

— Ахъ, Эйала, скажи! Я бы все тебѣ сказала. Конечно, ты должна ѣхать на охоту во всякомъ случаѣ. Даже если бы онъ сдѣлалъ тебѣ предложеніе, а ты бы ему отказала, все-таки слѣдовало бы ѣхать.

— Все-таки?—спросила Эйала.

— Такъ ты ему отказала?

— Да. Ахъ, Нина, пожалуйста, не говори объ этомъ; и не думай, если

можешь. Неужели все должно пойти вверхъ дномъ, только изъ-за того, что я была дура?

— Такъ ты считаешь, что была дура?

— Считаютъ другіе, но я во всякомъ случаѣ, буду вѣрна своему дурачеству. То-есть я хочу сказать, что это дѣло кончено, и не за чѣмъ къ нему возвращаться; я знаю навѣрное, что бранить меня не за что; но лэди Альбюри меня бранила.

Затѣмъ Эйала надѣла свои охотничьи доспѣхи, и онѣ вмѣстѣ сошли завтракать.

Въ телѣжкѣ, кромѣ нея, ѣхали еще лэди Альбюри, мистрессъ Гослингъ и Нина, которой хромота не мѣшала доѣхать до сборнаго мѣста. Всѣ мужчины поѣхали верхомъ, и относительно полковника Стоббса не представлялось пока никакихъ затрудненій. Но когда Эйаль пришлось воспользоваться его помощью, чтобы сѣсть на лошадь, когда она отѣхала съ нимъ отъ экипажа, — сердце ея замерло и она почувствовала сильное желаніе быть дома, въ Крессентѣ. Хотя онъ долженъ былъ специально заботиться о ней, но сначала ихъ окружали другіе, и по дорогѣ въ заказъ, гдѣ должна была происходить охота, ей не было нужды принимать участіе въ разговорѣ; но что дѣлать ей, когда она останется съ нимъ наединѣ, какъ это непременно должно было вскоре случиться? Это и случилось очень скоро. Собаки работали въ обширномъ лѣсу, гдѣ, какъ ей говорили, имъ предстояло, можетъ быть, провести большую часть дня; всѣ мужчины не замедлили разѣхаться въ разныя стороны, такъ что около нея не осталось никого, кромѣ полковника.

— Эйала, — сказалъ онъ, — вы, конечно, знаете, что я обязанъ охранять васъ и дѣлать это лучше, чѣмъ въ прошлую пятницу.

— Понимаю, — сказала она.

— Я бы не желалъ, чтобы воспоминаніе о нашей прогулкѣ въ субботу мѣшало вамъ наслаждаться сегодняшнимъ днемъ. Кто знаетъ, когда вамъ придется охотиться еще разъ?

— Никогда! — сказала она. Вѣроят-

но, я никогда больше не буду охотиться.

— *Sacre diem*, — сказалъ онъ смѣясь. Вы знаете, что значитъ *sacre diem*?

— Это, можетъ быть, по-латыни?

— Да, и потому вамъ не полагается этого понимать. Вотъ что это значитъ: если придетъ часъ веселья, не омрачайте его заботой. На нынѣшній день, по крайней мѣрѣ, пусть будетъ все такъ, какъ будто никогда и не было никакой прогулки въ Стальгамскомъ паркѣ. Вонъ Ларри Туэнтимантъ... Если я сплочую, какъ въ пятницу, вы всегда можете обратиться къ его помощи. Вы съ Ларри теперь старые друзья.

«*Sacre diem*, — сказала она про себя. О да, кабы только можно. Но какъ тутъ будешь *sacre diem*, когда на сердцѣ скребутъ всѣ кошки.» Это было тѣмъ болѣе трудно, что человѣкъ, отвергнутый ею, всѣми силами старался о ея благополучіи. Лэди Альбюри сказала ей, что онъ герой, — что по благородству, честности, прямотѣ — это верхъ совершенства; и она склонна была думать, что лэди Альбюри права. Тѣмъ не менѣе... тѣмъ не менѣе, какъ далеко ему до идеала совершенства, созданнаго ежечасными усиліями ея воображенія! Если бы она нашла подходящія выраженія, она бы поблагодарила его, но выраженія эти не находились, а между тѣмъ къ нимъ уже подошелъ, снявъ шляпу и рассыпаясь въ любезностяхъ, Ларри Туэнтимантъ.

— Какъ здоровье малютки, мистеръ Туэнтимантъ?

— Свѣжъ, какъ огурчикъ, и голоденъ, какъ охотникъ.

— А мистрессъ Туэнтимантъ?

— Свѣжѣе и голоднѣе самого малыша. Что вы скажете о нынѣшнемъ днѣ, полковникъ?

— День очень не дурной, Туэнтимантъ; выбраться бы намъ только изъ этихъ огромныхъ лѣсовъ!

Ларри съ важностью покачалъ головой. Мудкомбскіе лѣса, гдѣ происходилъ теперь гонъ, брали иногда у Тони Тапета со всей его сворой цѣлый день, съ одиннадцати часовъ утра и до самыхъ сумерекъ. Это было извѣстно всѣмъ.

— Конечно, намъ придется ихъ объяснять,—сказалъ полковникъ.

Тутъ мистеръ Туэнтиманъ началъ довольно пространно излагать всѣ достоинства Мудкомбскихъ лѣсовъ. Что толку въ краѣ, гдѣ нѣтъ питомника для лисьихъ выводковъ! Лисьи отцы и матери непремѣнно должны имѣть въ своемъ распоряженіи обширныя глухія тущобы, гдѣ имъ можно было бы бродить въ сравнительной безопасности. Безъ этого никакія приспособленія не поведутъ ни къ чему. Именно этого и желала Эйала: такой оборотъ разговора давалъ ей возможность дѣлать вопросы и устранять предметы, которыхъ тяжело было бы касаться.

День, однако, оказался неблагоприятнымъ для охоты. Лисъ нашли много, и двѣ изъ нихъ были убиты въ глубинѣ лѣса, но въ открытомъ полѣ не показывалась ни одна. Для Эйали все обошлось благополучно; она скакала то туда, то сюда, и еще до наступленія вечера почувствовала себя въ состояніи говорить съ полковникомъ своимъ обыкновеннымъ тономъ; но случаевъ покрыть себя славой, какъ это было при Кренбюри-Брукѣ, ей на этотъ разъ не представлялось.

На слѣдующее утро ее отвезли въ Лондонъ и передали съ рукъ на руки теткѣ въ Кингсбюри-Крессентѣ. Полковникъ Стоббсъ болѣе ни слова не упоминалъ о своей любви.

V.

Письмо лэди Альбюри.

— Я получила письмо отъ лэди Альбюри,—сказала тетка Маргарита, едва успѣла Эйала снять пальто и шляпу.

— Да, я знаю, тетя Маргарита. Она просила у васъ позволенія оставить меня еще на четыре дня. Надѣюсь, это было ничего.

— Съ тѣхъ поръ было еще письмо, кажется, въ понедѣльникъ; я рѣшила тебѣ его показать. Вотъ оно. Лучше, прочти его одна, а я приду къ тебѣ черезъ полъ-часа.

Съ большою важностью, но безъ

всякаго гнѣва, мистрессъ Дозетъ вышла изъ комнаты. Въ тоиъ и походкѣ ея было что-то до такой степени торжественное, что Эйала почти испугалась. Письмо, навѣрное, было о полковникѣ Стоббсѣ и писавшая его, навѣрное, бранила Эйалку, которая чувствовала, что, отказавъ полковнику Стоббсу, прибавила еще одинъ грѣхъ къ страшно длинному списку своихъ провинностей. Какой-то злой рокъ устраивалъ такъ, что всѣ друзья ея порицали рѣшительно все, что она дѣлала. Никто изъ нихъ, ни даже Нина, не сочувствовалъ ей вполнѣ. Даже съ Люси она не могла говорить о лучезарномъ ангелѣ съ полной увѣренностью въ сочувствіи. И теперь вотъ, хотя тетка была только торжественна, но не сердита, она предчувствовала, что тасейчасъ будетъ ей говорить объ обязанности выдти за полковника Стоббса. А какъ недавно она же убѣждала ее въ необходимости выдти за Тома! Повидимому, говорила себѣ Эйала, всѣ считали, что дѣвушка должна выдти за всякаго, кто можетъ доставить ей столъ, квартиру и одежду. Таковы были ея размышленія, пока она не спѣша вынимала изъ конверта письмо лэди Альбюри и готовилась читать его. Письмо было слѣдующаго содержанія:

«Альбюри, понедѣльникъ 18 ноября, 18..

«Милостивая Государыня,

«Ваша племянница вернется къ вамъ въ четвергъ, какъ вы того желаете, но я считаю своей обязанностью еще до ея приѣзда сообщить вамъ объ одномъ маленькомъ обстоятельствѣ, имѣвшемъ мѣсто въ моемъ домѣ. Мой двоюродный братъ, полковникъ Джонатанъ Стоббсъ, приходящійся племянникомъ маркизѣ Бальдони, сдѣлалъ предложеніе мисъ Дормеръ. Считаю нужнымъ прибавить, что я это отчасти предвидѣла, когда посѣтила вашего мужа и просила его отпустить къ намъ вашу племянницу. О намѣреніяхъ брата мнѣ не было извѣстно ничего положительнаго, да, вѣроятно, онъ и самъ зналъ о нихъ не болѣе; но я считала это вѣроятнымъ на основаніи дошедшихъ до меня слуховъ, а такъ какъ

выйти за моего кузена, по моему мнѣнію, счастье для всякой дѣвушки, то совѣсть моя была спокойна.

«Онъ сдѣлалъ ей предложеніе, и она ему отказала. Вопросъ этотъ онъ принимаетъ очень близко къ сердцу, и я отъ души желаю ему успѣха, такъ какъ это человѣкъ, который не легко примирится съ неудачей въ такомъ важномъ для себя дѣлѣ. Изъ всѣхъ, кого я знаю, нѣтъ никого, кто былъ бы такъ твердъ въ преслѣдованіи поставленной себѣ цѣли.

«Я взяла на себя смѣлость говорить объ этомъ съ вашей племянницей и склоняюсь къ мысли, что ею руководитъ чувство глупаго романтизма: отчасти ей не нравится имя моего племянника, отчасти то, что онъ не обладаетъ красотою, которая нравится молодымъ дѣвушкамъ; вѣроятно же всего, однако, она создала себѣ какую-нибудь поэтическую фикцію и мечтаетъ сама не знать о чемъ. Если это дѣйствительно такъ, остается пожалѣть, что она упускаетъ случай устроить свою жизнь хорошо и счастливо. Она ссылается на то, что не любитъ его. Хотя опытность моя, вѣроятно, уступаетъ вашей, но все же она научила меня думать, что если мужъ обращается съ женою хорошо во всѣхъ случаяхъ жизни—жена полюбитъ его. Браки по расчету—вещь, конечно, дурная; но очень жаль, по-моему, что такая дѣвушка, какъ ваша племянница, упускаетъ случай быть настоящимъ образомъ счастливой изъ-за какой-то романтической причуды.

«Полковникъ Стоббсъ, которому всего двадцать восемь лѣтъ, причисленъ къ штабу въ Альдершотъ. У него есть частныя средства, которыхъ уже однихъ достаточно, чтобы дать ему право жениться. По смерти его дяди, генерала Стоббса, средства эти значительно увеличатся. Конечно, онъ не богатъ, но состояніе его вполне достаточно для обезпеченія семьи. Относительно прочихъ преимуществъ, по характеру, благородству, мужеству и мягкосердечію, я не знаю никого ему равнаго и ни минуты не усомнилась

бы вручить ему судьбу любой изъ моихъ пріятельницъ.

«Сочла за нужное все это сообщить вамъ, чтобы вы могли по своему усмотрѣнію рѣшить, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ говорить съ вашей племянницей. Если бы возможно было внушить ей, что по мнѣнію самыхъ близкихъ ей людей предложеніе заслуживаетъ одобренія, она, вѣроятно, согласилась бы его принять. Братъ ничего не говорилъ мнѣ о своихъ планахъ на будущее, но мнѣ кажется вѣроятнымъ, что въ дѣлѣ этомъ, имѣющемъ для него важное значеніе, онъ не ограничится первой неудачной попыткой. Если онъ снова обратится къ вашей племянницѣ,—надѣюсь, возрѣвнѣея къ тому времени переменится.

«Примите увѣреніе въ истинномъ уваженіи.

Розалина Эльбюри.»

Эйала успѣла дважды прочесть письмо до прихода тетки и, читая, почувствовала новый приливъ нѣжности къ писавшей его; не то, чтобы оно сколько-нибудь поколебало ее въ принятомъ рѣшеніи, но ей было пріятно, что леди Альбюри старалась ее поколебать. Приводимые ею доводы не имѣли, однако, для Эйали никакой убѣдительности. У полковника Стоббса были средства содержать жену! Если это была причина, то точно также ей слѣдовало выйти и за кузена, Тома Трингля. Полковникъ Стоббсъ былъ человѣкъ хорошій и честный; но въдѣ и Томъ Трингль—вѣроятно, тоже. Она и не думала ихъ сравнивать. Кузень Томъ былъ ей положительно противенъ, а общество полковника доставляло наслажденіе. Но выходить за того или за другого—одинаково не было никакихъ основаній. Единственное условіе, оправдывающее замужство,—это обожаніе жениха, а она знала навѣрное, что нисколько не обожаетъ полковника Джонатана Стоббса. Леди Альбюри говорила въ своемъ письмѣ, что всякая дѣвушка полюбитъ человѣка, который хорошо съ ней обращается послѣ брака; но для нея это было бы недостаточно. Если она когда-нибудь

выйдетъ замужъ, то не иначе, какъ полюбивъ челоуѣка до замужества.

— Ты прочла письмо, душа моя?—спросила мистрессъ Дозетъ, входя въ комнату и осторожно затворяя за собою дверь.

Она говорила почти шепотомъ и какъ-то совѣмъ измѣнилась отъ удивительной важности случая.

— Да, тетя Маргарита, прочла.

— Это все, вѣроятно, правда?

— Правда? Отчасти—да.

— Ты видѣлась съ этимъ полковникомъ Стоббсомъ?

— О да, видѣлась.

— Видалась съ нимъ и прежде?

— Да, тетя Маргарита. Онъ бывалъ въ Брукъ-Стритъ. Вѣдь онъ племянникъ маркизы.

— Что же онъ,—вопросъ этотъ тетя Маргарита задала весьма тихимъ шепотомъ и самымъ торжественнымъ тономъ,—ухаживалъ за тобою въ Брукъ-Стритъ?

— Нѣтъ,—отвѣтила Эйяля рѣзко.

— Нисколько?

— Нисколько. Мнѣ и въ голову ничего не приходило. Ничего такого и не снилось, когда онъ заговорилъ со мною въ Стальгамскомъ паркѣ въ субботу.

— Ты была... была съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ?

— Очень. Мы были совѣмъ друзьями и болтали обо всемъ на свѣтѣ. Я очень его любила и нисколько не боялась, что бы онъ мнѣ ни говорилъ. Онъ Нининъ двоюродный братъ и казался въ родѣ какъ и моимъ также.

— Такъ онъ тебѣ нравится?

— Конечно. Онъ нравится всѣмъ. Но это еще не причина, чтобы я желала за него выдти.

Мистрессъ Дозетъ посидѣла нѣсколько времени молча, переворачивая въ своей головѣ великій вопросъ. Она видѣла ясно, что Эйяля говорила сущую правду; думала, что лэди Альбюри также, вѣроятно, говорила сущую правду. Въ глубинѣ души Эйяля казалась ей душой. Дѣвушка эта, не имѣя ни шиллинга за душой, просто-на-просто обременяя собою родственниковъ, кото-

рыхъ не особенно любила, дѣвушка обреченная на жизнь чрезвычайно ей непріятную (у мистрессъ Дозетъ было достаточно здравого смысла, чтобы понимать всѣ эти обстоятельства, относящіяся и до ея дома, до нея лично), страстно любившая общество веселыхъ и богатыхъ людей,—не хотѣла въ то же время воспользоваться ни однимъ изъ представлявшихся ей случаевъ избавиться отъ того, что ей не нравилось, и уйти къ тому, что любила. Ей были сдѣланы уже два предложенія, оба вполне подходящія и оба съ полного согласія всѣхъ заинтересованныхъ лицъ. Сэръ Томасъ выразилъ сильное желаніе успѣха сыну. А теперь знатные родственники этого полковника Стоббса, повидимому, также были въ пользу брака. Чѣмъ заслужила Айяля такой успѣхъ, мистрессъ Дозетъ понять не могла. Въ ея глазахъ племянница была дѣвушка съ причудами, хорошенькая, правда, но не обладавшая правильной, спокойной красотой, которая, по мнѣнію тетки, составляла величайшую прелесть женщины. Чтобы она могла до такой степени свести съ ума Тома Трингля, казалось теткѣ просто какимъ-то чудомъ, а теперь эта исторія съ полковникомъ Стоббсомъ—чудомъ еще большимъ.

— Эйяля,—сказала она,—тебѣ слѣдуетъ обдумать это хорошенько.

— Что обдумать, тетя Маргарита?

— Видишь, что говорить лэди Альбюри о своемъ двоюродномъ братѣ, полковникѣ Стоббсѣ?

— Такъ что жъ изъ этого?

— Ты вѣришь тому, что она говорить? Въ такомъ случаѣ, почему же бы тебѣ не принять его предложеніе?

— Потому что не могу,—сказала Эйяля.

— Имѣешь ли ты хоть какое-нибудь представленіе о томъ, что тебя ожидаетъ въ будущемъ?—спросила мистрессъ Дозетъ очень серьезно.

— Ни малѣйшаго,—сказала Эйяля.

Но она лгала,—представленіе у нея было: блаженный удѣлъ ожидать ее въ пространствѣ времени, когда она вложитъ свою руку въ руку лучезарнаго ангела.

— Мужчины не всегда будутъ за тобой бѣгать, душа моя.

Это было не лучше, чѣмъ обвиненіе тетки Эмелины въ кокетствѣ съ Томомъ.

— Говорить такъ—стыдно. Я вовсе не хочу, чтобы за мной кто-нибудь бѣгалъ. Никогда не хотѣла.

— Нѣтъ, душа моя, нѣтъ. Я и не думаю, чтобы ты этого хотѣла.

Мистрессъ Дозетъ, которая была воплощеніемъ справедливости, сознавала въ душѣ, что Эйяля была въ этомъ отношеніи совершенно неповинна. Она грѣшила въ противоположномъ направленіи, отказываясь пристроиться и освободить родственниковъ обремененныхъ ея содержаніемъ, когда для этого являлись весьма удобные случаи.

— Я хотѣла только объяснить тебѣ, что надо... надо... надо ковать желѣзо, пока горячо. Ты молода теперь.

— Мнѣ нѣтъ еще двадцати одного года,—сказала Эйяля съ гордостью.

— Двадцать одинъ годъ—возрастъ, очень хорошій для того, чтобы выйти замужъ, конечно, если представится джентльменъ подходящий.

— По-моему, я не виновата, если они кажутся мнѣ неподходящими. Мнѣ совсѣмъ никого изъ нихъ не нужно, и со мной не слѣдуетъ объ этомъ ничего говорить. Если бы мнѣ кто-нибудь нравился, кого бы вы съ дядей Реджинальдомъ считали гадкимъ, тогда вамъ слѣдовало бы со мною объ этомъ говорить. Но, по-моему, ни о комъ не можетъ быть и рѣчи, разъ онъ самой мнѣ не нравится.

На этомъ разговоръ прекратился, и мистрессъ Дозетъ чувствовала себя разбитой на голову.

Письмо лэди Альбюри было показано мистеру Дозету, но онъ не согласился что-либо говорить о немъ племянницѣ. Въ послѣдовавшемъ разговорѣ между нимъ и женою онъ сталъ на сторону племянницы и совершенно отрицалъ необходимость ковать желѣзо, пока горячо.

— Это значитъ просто продать себя,—сказалъ мистеръ Дозетъ.

— Это ужъ вѣдоръ, Реджинальдъ. Конечно, такая дѣвушка, какъ Эйяля,

должна извлечь сколько возможно пользы изъ своей красоты. На что же еще ей разсчитывать?

— Мой зять что-нибудь для нея сдѣлаетъ.

— Надѣюсь, да, хотя не считаю, чтобы за эту соломинку можно было хвататься вполне безопасно, такъ какъ дѣвочка-то уже два раза его обидѣла. Да притомъ всякая изъ нихъ, повѣрь, думаетъ выйти замужъ. Эйяля пришла бы въ ужасъ, если бы ей сказали, что она будетъ старой дѣвой, живущей на 100 фунтовъ въ годъ, данныхъ изъ милости сэромъ Томасомъ. Это могло бы оказаться для нея неизбѣжнымъ, но теперь, когда является случай устроиться иначе,—она должна имъ пользоваться. Она обязана выбрать одного изъ двухъ: или кузена Тома или полковника Стоббса; а ты долженъ сказать ей, что въ противномъ случаѣ откладываешь о ней всякое попеченіе.

Но къ этому мистеръ Дозетъ оказался глухъ совершенно. Онъ зналъ навѣрное, что его попеченіе объ Эйялѣ можетъ прекратиться только съ ея замужествомъ или собственной его смертью, и не хотѣлъ прибѣгать къ угрозѣ, которую исполнить не представлялось возможности. Конечно, онъ былъ бы очень радъ, если бы Эйяля могла заставить себя выйти за любого изъ молодыхъ людей. Но вопросъ этотъ она должна была рѣшить сама, и никто не имѣлъ права вмѣшиваться. Все это повело къ тому, что цѣлыхъ два дня между мужемъ и женою были холодности, и страданія, которыя вынесла за это время мистрессъ Дозетъ, были, поистинѣ, ужасны.

Вскорѣ по возвращеніи Эйяли сестра Люси прѣхала провѣдать ее. Нѣкоторыя обстоятельства вынудили лэди Трингль остаться въ Гленбоджи позднѣе обыкновеннаго, и вся семья была теперь въ Лондонѣ проездомъ въ Мерль-Паркъ. Можетъ быть, причиной промедленія было то, что Трафики удачно вытѣсненные изъ Гленбоджи навѣрное проявились бы въ Мерль-Паркѣ, если бы лэди Трингль поселилась тамъ до окончанія осени. Что Рождество они проведутъ въ Мерль-

Паркъ—подразумѣвалось само собою, къ нескрываемому удовольствію мамы Трингль, любившей имѣть дочь при себѣ, и нескрываемому неудовольствію папашы Трингль, не желавшаго давать болѣе, чѣмъ далъ. Что они останутся тамъ весь январь и далѣе до открытія Парламента—было весьма вѣроятно; но можно было надѣяться, что они вынуждены будутъ найти гдѣ-нибудь самостоятельный кровъ, если сэръ Томасъ на время оставитъ ихъ безъ онаго. Этотъ маленькій заговоръ оказался не вполне удачнымъ, такъ какъ мистеръ Трафикъ посадилъ супругу въ меблированные комнаты, готовясь нагрянуть въ Мерль-Паркъ, какъ только лэди Трингль проведетъ тамъ нѣсколько дней. Туда-то ѣхала теперь лэди Трингль, съ остальною семьею, а сэръ Томасъ послѣднія шесть недѣль провель въ городѣ.

Люси воспользовалась днемъ, который они провели въ Лондонѣ, и ей удалось добраться до Крессента. Она ничего еще пока не слыхала о полковникѣ Стоббсѣ и была преисполнена собственными тревоженіями.

— Ты его не видала?—спросила она сестру.

— Кого «его»?—спросила Эйяля, у которой «ихъ» было двое, и которая думала больше о своихъ двоихъ, чѣмъ о Люсиномъ одномъ.

— Айзедора. Онъ обѣщалъ навѣдаться сюда.

Эйяля объяснила, что не видала его, такъ какъ не была въ городѣ послѣдніе десять дней, въ теченіе которыхъ мистеръ Гамель, дѣйствительно, приходилъ въ Крессентъ.

— Эйяля,—продолжала Люси,—что же мнѣ дѣлать?

— Держись за него,—сказала Эйяля безъ запинки.

— Конечно, буду, но тетка Эмелина говорить, что я должна или отказаться или...

— Или что?

— Или уйти,—сказала Люси очень серьезно.

— Куда же уйти-то?

— Вотъ въ томъ-то и дѣло. Ко-

нечно, онъ приметъ меня, но жениться на дѣвушкѣ, у которой нѣтъ ни гроша, когда того, что онъ зарабатываетъ, едва хватаетъ на собственное содержаніе, было бы гибелью для него. Отецъ разошелся съ нимъ совершенно. Онъ говоритъ, что никто не можетъ помѣшать намъ обвѣнчаться тотчасъ, и что онъ готовъ сію же минуту принять меня къ себѣ; но я знаю, что въ прошломъ году за исключеніемъ всѣхъ издержекъ онъ заработалъ немногимъ больше двухъ-сотъ фунтовъ, и если бы я поймала его на словѣ—это погубило бы его.

— Неужели дядя Томъ прогонитъ тебя?

— Его не было дома почти съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ мистеръ Гамель пріѣзжалъ въ Гленбоджи, и я не знаю, что онъ скажетъ. Тетя Эмелина объявила, что мнѣ можно жить у нихъ только въ качествѣ дочери, а что въ качествѣ дочери я обязана ей слушаться.

— Развѣ Гертруда ея слушается насчетъ мистера Гаустона?

— Гертруда дѣлаетъ съ матерью все, что захочетъ. Да и, къ тому же, родную дочь выгнать изъ дому невозможно. Если она велитъ мнѣ уйти, мнѣ, кажется, больше дѣлать нечего.

— Я бы спросила дядю Тома,—сказала Эйяля. Не можетъ же она выгнать тебя на улицу. Когда ей понадобилось сбыть съ рукъ меня, она могла отослать меня сюда, въ обмѣнъ; но теперь ей уже нельзя сказать, что ты не подошла и взять меня назадъ.

— О Эйяля, какое все это несчастіе! Я просто не знаю, что съ собой дѣлать.

— И я тоже,—сказала Эйяля, вскакивая съ постели, на которой сидѣла. Все это какъ-то шиворотъ-навыворотъ. Тебѣ всѣ запрещаютъ выйти замужъ, а меня всѣ заставляютъ.

— Къ тебѣ все пристають съ Томомъ?

— Теперь ужъ не съ Томомъ, Люси. Явился другой.

— Въ качествѣ поклонника?

— О да, совсѣмъ. Зовутъ его,—что

за имя, Люси!—полковникъ Джона-танъ Стоббсъ.

— Это другъ Айзедора, господинъ, который живетъ въ Дромколерѣ.

— Вотъ именно. Онъ говорилъ мнѣ, что мистеръ Гамель былъ у него въ Дромколерѣ. Хочетъ теперь, чтобы я за него вышла.

— Онъ тебѣ нравится?

— Вотъ это-то и есть хуже всего, Люси. Если бы онъ мнѣ не нравился, мнѣ было бы гораздо легче. Но онъ нравится мнѣ ужасно, и потому я такъ ужасно страдаю. Волосы у него совершенно такого же цвѣта, какъ большая шаль у тети Эмелины.

— Такъ что жъ такое?

— А ротъ—отъ уха до уха.

— Мнѣ было бы все равно до его рта.

— Да и мнѣ почти-что, потому что у него дѣлается такое доброе выраженіе, когда онъ смѣется. Да, впрочемъ, онъ и всегда такой; это самый добрый человѣкъ, какого я когда-либо знала.

— А достаточно ли у него денегъ, чтобы жениться?—спросила Люси, горести которой уже истекали изъ этого обильнѣйшаго источника всевозможныхъ горестей.

— Много, говорятъ, хотя я, впрочемъ, не знаю, что значить много.

— Въ такомъ случаѣ, Эйяля, почему бы тебѣ не выйти за него?

— Потому что не могу,—сказала Эйяля. Какъ полюбишь человѣка, разъ его не любишь? Что онъ мнѣ нравится, это ровно ничего не значитъ. Развѣ по-твоему, тутъ можетъ быть что-нибудь общее?

На вопросъ этотъ не послѣдовало еще отвѣта, когда въ комнату вошла тетка Маргарита съ извѣстіемъ, что лакей Тринглей, проводившій миссъ Дормеръ черезъ паркъ, начиналъ терпѣніе. Сестры принуждены были разстаться, и Люси вернулась въ Куинсъ-Гетъ.

VI.

Миссъ Досимеръ.

— Говорю вамъ прямо, по-моему, вы напрасно такъ поступаете. Это трусость, подлость и малодушіе. Какъ ви-

дите, я вовсе не намѣрена «подкрашивать», какъ вы выражаетесь.

— Вижу.

— Это такой вопросъ, въ которомъ нужно или говорить всю правду, или совсѣмъ ничего не говорить. Я бы ничего не стала говорить, да вы меня заставили. Вы вѣдь нисколько ее не любите.

— Правда. Мнѣ кажется, я не очень то склоненъ къ тому, что вы называете «любить» молодыхъ дѣвицъ. Если я кого-нибудь люблю, такъ это васъ.

— Вѣроятно; но теперь пока оставимъ это. Вы хотите жениться на этой барышнѣ исключительно потому только, что у нея куча денегъ?

— Вотъ именно. Точно такъ же какъ и вы не сегодня—завтра выйдете за какого-нибудь господина только потому, что у него есть деньги.

— Вы не имѣете никакого права такъ говорить, потому что я ни съ кѣмъ не помолвлена. А если бы и была, это было бы совсѣмъ другое дѣло. Если я не выйду замужъ, я—ничто. Я не имѣю никакого самостоятельнаго значенія, и у меня нѣтъ никакого другого средства пробить себѣ дорогу. А вы—мужчина.

— То-есть, по вашему, я могъ бы сдѣлаться купцомъ или адвокатомъ, стать со временемъ лордомъ-канцлеромъ или архіепископомъ Кентерберійскимъ.

— Вы можете жить, ѣсть, пить и ѣздить куда угодно, независимо ни отъ кого. Если бы у меня была ваша свобода и ваши средства, неужели вы думаете, что я вышла бы замужъ изъ-за денегъ?

Мужская роль въ этомъ діалогѣ исполнялась мистеромъ Франкомъ Гаустономъ, мечтавшимъ о женитьбѣ на Гертрудѣ Трингль, а женская—его кузиной и закадычнымъ другомъ, миссъ Аймоджиной Досимеръ. Мѣстомъ дѣйствія была дорожка въ сосновомъ лѣсу, на южномъ склонѣ Тирольскихъ Альпъ, а интересъ происходившаго нѣсколько увеличивался для дѣйствующихъ лицъ тѣмъ обстоятельствомъ, что какъ мистеръ Медбери Досимеръ,

братъ Аймоджины, такъ и свояченица ея, мистрессъ Медбери Досимеръ, сильно совѣтовали ей отнюдь не предпринимать болѣе отдаленныхъ прогулокъ съ ея дальнимъ родственникомъ, Франкомъ Гаустономъ. Прогулка была предпринята вопреки совѣту, и разговоръ въ сосновомъ лѣсу дошелъ тѣмъ временемъ до вышеприведеннаго пункта.

— Никогда не видывалъ, чтобы два человѣка стояли въ спорѣ на такихъ разныхъ точкахъ зрѣнія! — сказалъ Франкъ, нимало не смущаясь суровыми эпитетами, которые были къ нему приложены. Признаю, что все это вы говорите просто потому, что увлекаетесь желаніемъ обмануть себя, тогда какъ обыкновенное лицемѣріе имѣетъ цѣлью обмануть другихъ.

— Въ чемъ я себя обманываю?

— Вы дѣлаете видъ, что люди всѣмъ не такіе, какіе они въ самомъ дѣлѣ; стараетесь убѣдить себя, что я долженъ бы быть героемъ, если и не герой пока. Вы нигдѣ не найдете человѣка, для котораго добыть состояніе не было бы главной цѣлью. Священникъ, проповѣдующій противъ богатства, лижетъ землю подъ ногами своего начальства, чтобы получить званіе епископа. Адвокату все равно — въ какомъ бы грязномъ дѣлѣ не выпачкать руки, лишь бы разбогатѣть. Купецъ такъ ясно сознаетъ свое еже-часное мошенничество, что устраиваетъ себѣ два различныхъ существованія и старается искупить неблаго-видность своихъ поступковъ въ Сити строгимъ исполненіемъ обязанностей въ Вестъ-Эндѣ. Я считаю свою совѣсть настолько чище совѣсти другихъ людей, что не могъ бы заставить себя быть ни архіепископомъ, ни стряпчимъ по дѣламъ казны, ни крупнымъ негодіантомъ. Изъ всѣхъ путей, которые открываются передо мной, — этотъ кажется мнѣ всего менѣе грязнымъ. Я дамъ ей тѣ единственныя двѣ вещи, которыхъ она хочетъ — себя и положеніе въ свѣтѣ. Она дастъ мнѣ единственное, чего я хочу: немножко денегъ. Когда вы выйдете замужъ, то сдѣлаете спекуляцію столь же выгод-

ную, но только вы будете спекулировать на свою красоту.

— Вы не дадите ей себя; не дадите своего сердца.

— Дамъ. Я примирюсь съ ней, и для этого постараюсь ее любить настолько возможно. Конечно я люблю хорошія манеры. Конечно, я люблю красоту. Конечно, я люблю то благоуханіе женской прелести, которое является исключительно вслѣдствіе соединенія ума, красоты, изящества и... воспоминаній дѣтства. Я нисколько не отрицаю, что будущность моя была бы гораздо привлекательнѣе, если бы моей женою были вы, — кабы только у кого-нибудь изъ насъ хватило на то средствъ. Я это признаю. Но признаю также, что мисъ Трингль и 100,000 фун. для меня лучше, чѣмъ вы и ничего; не думаю, чтобы заслужилъ названіе подлеца и труса изъ-за того, что у меня хватаетъ смѣлости говорить правду безъ всякихъ прикрасъ другу, которому я довѣряю. Мое мировоззрѣніе возмущаетъ васъ не потому, чтобы оно было необычно, а потому что не въ обычаѣ его предъ-являть.

Они нѣкоторое время шли по дорожкѣ молча, потомъ миссъ Досимеръ заговорила снова.

— Я должна просить васъ, — сказала она измѣнившимся голосомъ, — никогда не говорить со мной какъ съ женщиной, на которой вамъ, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, возможно было бы жениться.

— Прекрасно. Но вы не пожелаете отнять у меня право думать о возможностяхъ въ прошломъ?

— Желала бы, если бы это было возможно.

— Но это невозможно! Въ мысляхъ своихъ, я думаю, воленъ всякій.

— Вы понимаете, о чемъ я говорю. Мужчина всегда, по мѣрѣ силъ, падить женщину, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, на примѣръ, въ нашемъ, это его непреложная обязанность. Вамъ не слѣдовало ѣхать за нами, разъ вы рѣшились относительно этой дѣвицы.

— Я не преминулъ предупредить

васъ заранѣе, что таково было мое намѣреніе.

— Вамъ не слѣдовало наваливать на меня такую тяжесть. Не слѣдовало писать ко мнѣ.

— Посмотрѣлъ бы я, что бы вы тогда заговорили! Какъ бы вы обрушились на меня, если бы я не написалъ! Развѣ вы не сказали бы, что у меня не хватило смѣлости быть съ вами откровеннымъ!

Онъ подождать ожидая отвѣта, но отвѣта не было.

— Я знаю, впрочемъ, что при настоящемъ положеніи дѣлъ мнѣ должно достаться во всякомъ случаѣ. Я никого не обманывалъ и никому не измѣнялъ. Когда, по поводу нашей будущности я замѣтилъ, что 600 фунтовъ въ годъ при увеличивающейся семьѣ и квартирѣ въ Мэрилебонѣ, — вещь довольно не привлекательная, такая перспектива заставила васъ содрогнуться. Когда я объяснилъ вамъ, что вамъ будетъ хуже, чѣмъ мнѣ, потому что у меня всегда останется мой клубъ, вы почти-что разсердились на то, что я какъ будто предполагалъ возможность какого-нибудь рѣшенія, кромѣ одного.

— Одно и могло быть, пока у васъ не хватило бы мужества самому зарабатывать свой хлѣбъ.

— Но его не хватаетъ. И не хватаетъ. Лучше оставьте это въ покоѣ. Думали ли вы когда-нибудь хоть одну минуту, что я могу зарабатывать свой хлѣбъ?

— Никогда ни секунды не считала васъ способнымъ ни на что столь благородное.

— Такъ зачѣмъ же вы колете мнѣ этимъ глаза? Это неблагородно. Впрочемъ, я чувствую, что бранить меня вы должны непременно. Иначе не могу себя представить, какимъ образомъ произошла бы наша разлука. Но вамъ не слѣдуетъ спускаться до брани площадной.

— И не спускалась, мистеръ Гаустонъ.

— Площадной брани высшего тона. Когда женщина обвиняетъ мужчину

въ трусости, это площадная брань высшего тона. Ну, да все равно. Конечно, я понимаю, что это значитъ. Вы думаете, что вашему брату хочется, чтобы я уѣхалъ немедленно?

— Немедленно, — сказала она.

— Это было бы непріятно и нелѣпо. Вы вѣдь будете мнѣ позировать для этой головки.

— Конечно, вѣтъ.

— Хоть убейте, не понимаю — почему. Что общаго между вопросомъ искусства и выходомъ или невыходомъ замужъ? И съ какой стати мистрессъ Досимеръ такъ на меня разсердилась, разъ она все время знала настоящее положеніе дѣлъ?

— Есть вопросы, на которые отвѣчать совершенно бесполезно. Я пошла съ вами сегодня, потому что считала нужнымъ доставить намъ обоимъ еще одну, послѣднюю, возможность понять другъ друга. Меня вы во всякомъ случаѣ поняли теперь.

— Совершенно. На этотъ разъ вы особенно постарались выражаться какъ можно яснѣе.

— Этого-то я и желала. А такъ какъ вы меня понимаете и знаете, до какой степени я не одобряю вашу философію, то едва ли захотите оставаться у насъ долѣе.

Послѣ этого они проплыли цѣлую милю, не говоря больше ни слова. Они вышли изъ лѣса и спустились по крутой и узкой тропинкѣ въ деревню, гдѣ находился ихъ отель. Черезъ десять минутъ имъ предстояло выдти на большую дорогу. Тропинка проходила въ этомъ мѣстѣ по краю ручейка, который сбѣгалъ внизъ по крутому обрыву, образуя цѣлый рядъ маленькихъ водопадовъ. По другую сторону тропинки былъ плетень, на такомъ близкомъ разстояніи, что пройти можно было только одному за разъ. Франкъ Гаустонъ остановился противъ своей спутницы и преградилъ ей дорогу.

— Аймоджина, — сказалъ онъ, — если мнѣ придется сегодня вечеромъ выѣхать въ Инспрукъ, вамъ лучше теперь же проститься со мной.

— Я съ вами простилась, — сказала она.

— Въ такомъ случаѣ, вы это сдѣлали въ такомъ дурномъ настроеніи, что лучше попробуйте опять. Богу одному извѣстно, какъ и гдѣ мы теперь встрѣтимся!

— Такъ что жъ изъ этого?

— Мнѣ всегда казалось, что у мужчинъ сердце мягче, чѣмъ у женщинъ. У женщинъ мягкія руки, но онѣ могутъ при случаѣ закалить свое сердце такъ, какъ не можетъ ни одинъ мужчина. Не приходится ли вамъ въ голову въ настоящую минуту, что въ былыя времена мы съ вами были искренно привязаны другъ къ другу?

— Я бы хотѣла это забыть.

— И я, можетъ быть, тоже хотѣлъ бы; но фактъ остается фактомъ. Отъ него не отдѣлаешься никакими желаніями. Никакими желаніями не спасешься отъ воспоминаній о первыхъ мечтахъ, сладостныхъ надеждахъ, обманчивыхъ побѣдахъ. Пошлость настоящей дѣйствительности дѣлаетъ для меня мучительнымъ воспоминаніе о ясномъ сіяніи прошлаго. Я не говорю, что не уничтожилъ бы его, если бы могъ, но стереть его нельзя. Какое бы негодованіе я ни накидывать на себя въ настоящемъ,—мысль о прошломъ отъ этого не станетъ для меня легче. То же самое, я думаю, должны бы испытывать и вы.

— Никакого не было сіянія,—сказала она,—хотя пошлость я признаю вполне.

— Была, по крайней мѣрѣ, кое-какая любовь.

— Неумѣстная. Лучше пропустите меня. Я, какъ вы говорите, закалила себя. Я не снизойду ни до какой чувствительности. Я прощусь съ вами въ присутствіи брата и сестры и пожелаю вамъ успѣха въ вашихъ предпріятіяхъ. Здѣсь, у ручья, на горной тропинкѣ, здѣсь, гдѣ никто не можетъ услышать насъ, я не скажу вамъ на прощанье ничего болѣе нѣжнаго, чѣмъ говорила до сихъ поръ. Ступайте и дѣлайте, какъ знаете. Я даю вамъ свое разрѣшеніе. Когда все будетъ уже кончено, я никогда не скажу противъ этого ни одного слова. Но разъ вы меня спрашиваете, хорошо ли, по моему мнѣ-

нію, вы поступаете, могу сказать только, что вы поступаете дурно. Можетъ быть, по отношенію ко мнѣ у васъ и нѣтъ никакихъ обязанностей; но у васъ есть обязанности по отношенію къ ней, а также отчасти и по отношенію къ самому себѣ. А теперь, мистеръ Гаустонъ, я желала бы пройти далѣе.

Онъ пожалъ плечами и посторонился, думая о томъ, какъ мало, въ сущности, зналъ характеръ Аймоджины Досимеръ, несмотря на все, что было между ними. По его расчетамъ, она, въ концѣ концовъ, непремѣнно должна была смягчиться. Но она говорила, что не снизойдетъ ни до какой чувствительности, и, повидимому, намѣревалась сдержать свое слово.

Онъ молча пошелъ впереди, и они молча дошли до гостиницы.

— Мистеръ Гаустонъ,—сказала мистрисъ Досимеръ, передъ обѣдомъ, на которомъ и онъ долженъ былъ присутствовать, я считала дѣломъ рѣшеннымъ, что вы съ Аймоджиной больше не будете предпринимать уединенныхъ прогулокъ.

— Я взялъ билетъ въ дилижансъ, который отходитъ нынче вечеромъ въ Инспрукъ,—отвѣчалъ онъ.

— Можетъ быть, такъ оно и лучше, хотя мы съ Медбери будемъ очень сожалѣть, что лишаемся вашего общества.

— Да, мистрисъ Досимеръ, я занялъ мѣсто въ дилижансѣ. Ваша сестра считаетъ, повидимому, что, если бы я остался до завтрашняго утра и доѣхалъ со всѣми удобствами въ возвращающейся обратно каретѣ, это было бы очень опасно. Терпѣть не могу путешествовать ночью и терпѣть не могу дилижансовъ. Я думаю было ѣхать всю дорогу на почтовыхъ, хоть это и разорило бы меня въ конецъ,—да вотъ подвернулся этотъ проклятый дилижансъ.

— Очень сожалѣю, что вамъ будетъ неудобно.

— Не бѣда. Если такимъ неудобствамъ подвергается человѣкъ одинокій, безъ жены, это всегда считается ничего. Какихъ-нибудь четырнадцать

часовъ... Едва ли вамъ было бы приятно, если бы Досимеръ ѣхалъ со мною.

— Глупости. Вамъ никакой нѣтъ необходимости ѣхать безъ остановки, если вы этого не хотите. Можете ночевать въ Брунекенѣ.

— Брунекенъ только за двѣнадцать миль, это могло бы быть опасно.

— Вы норовите рѣшительно все обратить въ шутку.

— Все-таки лучше, чѣмъ въ драму. Что толку въ слезахъ? Я не могу превратиться въ старшаго сына. Не могу сдѣлать такъ, чтобы у Аймоджины было сто тысячъ фунтовъ. Она сейчасъ мнѣ говорила, что я могъ бы зарабатывать себѣ пропитаніе, но вѣдь она знаетъ, что я на это неспособенъ. Все это очень грустно. Но что толку грустить?

— Вамъ, во всякомъ случаѣ, лучше быть отъ нея подальше.

— Уѣзжаю... нынче же вечеромъ. Ужъ не выдти ли мнѣ сейчасъ же, безъ обѣда, и пройти полъ-дороги пѣшкомъ? Желалъ бы я, чтобы вы послушали, что только она мнѣ наговорила. Тогда вы бы не думали, что я пошелъ съ ней гулять для своего удовольствія.

— Развѣ вы не заслужили всего этого?

— Мнѣ кажется, нѣтъ; однако я все перенесъ. Жѣнщина, конечно, можетъ говорить что ей угодно. А вонъ и Досимеръ; надѣюсь, онъ, по крайней мѣрѣ, не назоветъ меня трусомъ.

Мистеръ Досимеръ вышелъ на террасу, на которой стояли двое собесѣдниковъ, съ физіономіями чрезвычайно кислыми.

— Онъ сегодня къ вечеру уѣзжаетъ въ дилижансѣ въ Инспрукъ,—сказала мистрессъ Досимеръ.

— Зачѣмъ было прѣзжать? Если бы у него была хотя капля сердца, онъ бы и не сунулся сюда.

— Ну, Досимеръ,—сказалъ Франкъ,—пожалуйста, не ворчи. Твоя сестра все утро ругала меня какъ послѣдняго жулика, а у жены такой видъ, какъ будто и она не прочь бы, да не рѣшается. Что жъ я, нѣ существуя, сдѣлать такого, по-вашему, дурного?

— Что подумаютъ дома,—сказала мистрессъ Досимеръ,—когда узнаютъ, что вы опять съ нами? Какіе у нея могутъ быть шансы, если вы будете преслѣдовать ее такимъ образомъ?

— Теперь уже мнѣ не долго ее преслѣдовать,—сказалъ Франкъ,—крылья мои скоро подрѣжутъ, и я никогда больше не буду летать.

Они ходили взадъ и впередъ по террасѣ и нѣкоторое время молчали; о спорномъ вопросѣ ни у кого, повидимому, не находилось болѣе ни слова. Затѣмъ Гаустонъ снова принялся за свою защиту.

— Конечно, всѣ мы сыграли дураковъ. Вы все знали и не протестовали, а потому не имѣете никакого права обвинять меня.

— Мы думали, что послѣ смерти твоего дяди деньги будутъ,—проворчалъ себѣ подъ носъ Досимеръ.

— Вотъ именно и я тоже. Вы никакъ не можете сказать, чтобы я обманывалъ кого-нибудь—ее ли, васъ ли.

— Все должно было кончиться, когда эта надежда не сбылась.

— Конечно, должно было. Нечего было и мечтать о возможности жениться на 600 фунтовъ въ годъ. Если бы всѣ мы не были дураками, мы бы раскланялись другъ съ другомъ и распрощались навѣки, какъ только выяснилось положеніе дѣла старика. Мы были глупы, но мы были глупы сообща, и никто изъ насъ не имѣетъ права винить остальныхъ. Когда я познакомился съ этой барышней въ Римѣ, между нами было уже рѣшено, что мы съ Аймоджиной должны искать счастья порознь.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ вамъ было преслѣдовать ее?—снова спросила мистрессъ Досимеръ.

Въ эту минуту сама Аймоджина вышла къ нимъ на террасу.

— Мэри,—сказала она свояченицѣ,—надѣюсь, ты не продолжаешь военныхъ дѣйствій противъ мистера Гаустона. Я сказала уже все, что было нужно.

— Тебѣ бы слѣдовало попридержатъ языкъ и не говорить ничего,—проворчалъ ея братъ.

— Какъ бы тамъ ни было, я ска-

зала, и онъ понялъ ясно, какого я придерживаюсь мнѣнія. Пообѣдайте съ миромъ, и пусть онъ себѣ продолжаетъ свои странствія. Онъ свободенъ, и весь свѣтъ передъ нимъ — свѣтъ, который онъ вскроетъ какъ устрицу, хоть и не носить меча.

Вскорѣ послѣ того они сѣли обѣдать и за обѣдомъ занимались исключительно тѣмъ, что бранили мясо и вино и придирались къ тирольской кухнѣ, какъ будто ни у кого изъ нихъ не было на душѣ заботы болѣе тяжелой. Ровно въ шесть часовъ тяжелый дилижансъ остановился у двери отеля, и Гаустонъ, который въ это время курить съ Досимеромъ на террасѣ, всталъ прощаться. Мистрессъ Досимеръ была съ нимъ ласкова, почти нѣжна; на глаза ея навернулась слезинка.

— Ну, дружище, — сказалъ Досимеръ, — береги себя. Можетъ быть, въ одинъ прекрасный день, и даже очень скоро, все обернется какъ нельзя лучше.

— Прощайте, мистеръ Гаустонъ, — сказала Аймоджина, едва коснувшись его руки.

— Да благословить васъ Богъ, Аймоджина! — сказалъ онъ.

И на его глаза также навернулась слезинка. Но она, стоя рядомъ, сухими глазами смотрѣла на его приготовленія къ отъѣзду и до конца больше не сказала ему ни слова.

— А теперь, — сказала она, когда они втроемъ остались на террасѣ, — у меня есть къ вамъ большая просьба: пожалуйста, никогда больше не будемъ упоминать о мистерѣ Гаустонѣ.

Она ушла, и во весь вечеръ они уже болѣе ея не видали.

Оставшись одна, она также пролила нѣсколько слезъ, хотя сердилась и теряла терпѣніе, чувствуя, что онѣ навертываются ей на глаза. Пожалуй, она плакала не объ одной своей утраченной любви. Если бы никто ничего не зналъ объ этой любви и о томъ, что она ее утратила, — она, пожалуй, не стала бы плакать. Но на эту безплодную исторію, на привязанность къ человѣку, который теперь оставилъ ее съ собственнаго же ея согласія, она истратила лучшіе годы своей свѣжей

юности, и это было извѣстно всѣмъ, кто зналъ ее. Онъ говорилъ, что ей суждено купить себѣ мужа цѣною своей красоты. Можетъ быть, это было и вѣрно. Въ красотѣ своей она не сомнѣвалась нисколько. Но если ее дѣйствительно ожидала такая участь, — поэзія и прелесть жизни утрачивались ею навѣки. Она была совершенно согласна съ тѣмъ, что шестьсотъ фунтовъ въ годъ и квартира въ Мэриленбонѣ были бы невыносимы; но что же оставалось ей въ будущемъ, что не было бы невыносимо? Онъ могъ быть счастливъ, имѣя въ перспективѣ деньги Гертруды Трингль; но она не могла быть счастлива, имѣя въ перспективѣ нелюбимаго мужа, котораго ей предстояло купить своею красотою.

VII.

Въ Мерль-Паркѣ. № 1.

Настоящіе свои годовые праздники сэръ Томасъ проводилъ въ Гленбоджи, гдѣ, за дальностью разстоянія отъ Ломбардт-Стрита, миллионы не могли ежечасно втягивать его въ свой круговоротъ. Онъ, обыкновенно, проводилъ въ Гленбоджи шесть недѣль, отнюдь не самыя счастливыя для него шесть недѣль въ году. Изъ всѣхъ великихъ житейскихъ благъ, которыя онъ приобролъ своимъ трудомъ и энергіей, всего болѣе онъ любилъ свои миллионы. Не потому, чтобы они были его собственностью, — да они, въ сущности, ею и не были. Нѣкоторый осадокъ отъ нихъ, который онъ считалъ своимъ процентомъ, ежегодно поступалъ въ его владѣніе; но онъ любилъ характеръ человѣка, авторъ долженъ воздавать ему должное. Къ своему личному богатству сэръ Томасъ относился благосклонно. Гдѣ тотъ богатый человѣкъ, который бы относился къ нему иначе, и гдѣ тотъ бѣднякъ, которому бы не хотѣлось имѣть такой объектъ для своей благосклонности? Но что онъ дѣйствительно любилъ, такъ это миллионы, находившіеся въ распоряженіи Траверса и Тризона. Траверсъ и Тризонъ были онъ самъ, хотя имя его даже не зна-

натѣ, вы съ сердцемъ бросали въ огонь свой молитвенникъ; это было кощунственно; а затѣмъ сказали, что уронили его нечаянно,—грѣхъ, смертный грѣхъ! Смотрите: я подписалъ внизу: «ложь» и подчеркнул. Говорю же я вамъ, что меня обмануть нѣтъ возможности...

— Но, государь...

— Подождите, подождите. Вечеромъ вы сказали, что кардиналъ изъ личной ненависти приговорилъ къ сожженію невиннаго.

— Повторяю это, утверждаю и докажу, государь. Таково величайшее преступленіе чловѣка, котораго вы не рѣшаетесь лишить своей милости, хотя онъ доставляетъ вамъ много горя. Надъ Урбаномъ Грандье было совершено преступленіе, а не судъ, я самъ при этомъ присутствовалъ въ Луденѣ. Да лучше всего, государь, разъ у васъ есть эти собственноручныя записки, перечтите доказательства, которыя я въ то время вамъ приводилъ.

Людовикъ отыскалъ страницу, гдѣ было описано путешествіе изъ Перпиньяна въ Парижъ и внимательно перечелъ весь рассказъ.

— Какой ужасъ!—воскликнулъ онъ. Какъ я могъ все это забыть! Онъ околдовалъ меня, это ясно! Ты—мой истинный другъ, Сень-Марсъ! Какой ужасъ! Царствованіе мое будетъ опозорено этимъ преступленіемъ. Подумать только, что онъ перехватилъ всѣ письма, которыя писали ко мнѣ мѣстные дворяне и высокопоставленные лица! Сожженъ, сожженъ заживо! Безъ доказательствъ! Изъ личной мести! Чловѣкъ, цѣлый народъ взывалъ ко мнѣ напрасно, цѣлая семья теперь проклинаетъ меня. О какъ несчастны короли!

Король бросилъ рукопись и заплакалъ.

— О государь, какъ прекрасны ваши слезы!—воскликнулъ Сень-Марсъ въ искреннемъ восторгѣ. Если бы вся Франція могла видѣть ихъ вмѣстѣ со мною! Да она бы не повѣрила глазамъ своимъ!

— Франція? Неужели она такъ мало меня знаетъ?

— Да, государь,—сказалъ д'Эффиа откровенно,—никто не знаетъ васъ; я самъ не рѣдко васъ обвиняю въ холодности и равнодушіи къ людямъ.

— Въ холодности, когда я умираю отъ горя! Въ равнодушіи, когда я всего лишился ради нихъ! Неблагодарный народъ, для него я пожертвовалъ всѣмъ, даже гордостью; отказался даже отъ счастья лично править имъ, потому что боялся за него же непрочности своей жизни; отдалъ скипетръ чловѣку, котораго ненавижу, потому что считалъ его руку сильнѣйшею; переносилъ зло, которое онъ причинялъ мнѣ, ради блага, котораго ожидалъ отъ него для народа; осушалъ слезы подданныхъ, скрывая собственные; и теперь вижу, что жертва моя была даже больше, чѣмъ я предполагалъ, такъ какъ она никѣмъ не была замѣчена; робость мою сочли неспособностью, недоувѣріе къ себѣ—бесиліемъ. Но что мнѣ до этого,—Богъ видитъ и знаетъ меня.

— О, государь, пусть Франція узнаетъ васъ такимъ, какой вы въ дѣйствительности; верните себѣ незаконно похищенную у васъ власть. Изъ любви къ вамъ, народъ согласится на все, къ чему его нельзя было принудить силой. Вернитесь къ жизни, войдите снова на свой престолъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, дитя мое, жизнь моя приходитъ къ концу; я болѣе не способенъ нести труды высшей власти.

— О, государь, одна эта мысль лишаетъ васъ силъ. Пора, наконецъ, перестать смѣшивать власть съ злодѣйствомъ и называть ихъ союзъ гонимъ. Возвысьте голосъ, чтобы возвести вселенной, что съ вашимъ воцареніемъ вопарится добро, и враги, которыхъ такъ трудно одолѣть путемъ зла, падутъ по первому вашему доброму слову. Никто не знаетъ, что можетъ сдѣлать съ французскимъ народомъ благость его короля, съ этимъ народомъ, который такъ легко увлекается всѣмъ прекраснымъ, такъ готовъ на всякую жертву. Государь, вашъ родитель правилъ нами своею улыбой. Чего не сдѣлала бы единая изъ вашихъ слезъ! Вамъ стоитъ сказать одно только слово!

Слушая Сень-Марса, удивленный король безпрестанно краснѣть, покашливать и обнаруживать признаки сильного смущенія, что случалось съ нимъ каждый разъ, какъ его заставляли на что-нибудь рѣшиться; онъ чувствовалъ, что разговоръ начинать принимать оборотъ черезчуръ возвышенный, и по врожденной робости боялся его поддерживать. Чтобы избавиться отъ тяжелой необходимости отвѣчать себе-сѣднику, онъ попробовалъ, было, прикинуться больнымъ, хмурилъ брови и съ страдальческимъ видомъ безпрестанно хватался за грудь. Но потому ли, что увлекся, или потому, что рѣшилъ довести дѣло до конца, Сень-Марсъ не обратилъ на это никакого вниманія и продолжалъ говорить, совершенно подавляя Людовика своимъ торжественнымъ тономъ. Наконецъ, уже совершенно прижатый къ стѣнѣ, Людовикъ сказалъ:

— Но, подумайте, Сень-Марсъ, какъ же я могу отдѣлаться отъ министра, который въ эти восемнадцать лѣтъ окружилъ меня своими приверженцами?

— Онъ вовсе не такъ силенъ,—сказалъ оберъ-штальмейстеръ,—вамъ стоитъ кивнуть головой, и друзья его обратятся въ злѣйшихъ враговъ. Старинная лига принцевъ мира существуетъ и до сихъ поръ, государь, и только уваженіе къ выбору вашего величества мѣшаетъ ей заявить о своемъ существованіи.

— Ахъ, Господи Ты Боже мой, можешь сказать имъ, чтобы не стѣснялись мною, я имъ не мѣшаю, ужъ меня-то никто не назоветъ кардиналистомъ. Если братъ дастъ мнѣ возможность замѣнить Ришелье, я готовъ, съ величайшимъ удовольствіемъ.

— Думаю, государь, что онъ сегодня же будетъ говорить съ вами о герцогѣ Бульонскомъ; всѣ роялисты желаютъ его назначенія.

— Я ничего противъ него не имѣю,—сказалъ король, поправляя подушку на кушеткѣ,—нисколько не ненавижу герцога, хоть онъ и крамольникъ немножко. Мы вѣдь родня, знаешь ли, милый другъ (онъ произнесъ это любимое свое выраженіе съ особеннымъ

чувствомъ)? Знаешь ли, что онъ происходитъ по прямой линіи отъ Людовика Святого, черезъ Шарлотту Бурбонскую, дочь герцога де-Монпансье? Знаешь ли, что семь принцессъ королевской крови вступили въ его домъ и что восемь принцессъ изъ этого дома сочетались бракомъ съ принцами крови? Одна изъ нихъ была даже королевой! О, я ничего противъ него не имѣю; этого я никогда не говорилъ, никогда.

— Такъ вотъ, государь,—сказалъ Сень-Марсъ доверчиво,—герцогъ вѣистъ съ его высочествомъ объяснять вамъ сегодня, во время охоты, какія сдѣланы приготовленія, къ которымъ можно замѣнить приверженцевъ кардинала, на какихъ военачальниковъ и полководцевъ можно рассчитывать противъ Фабера и Перпиньянскихъ кардиналистовъ. Вы увидите, что партія министра очень не велика. Королева, Монсиенъ, дворянство и парламентъ на нашей сторонѣ; разъ ваше величество дали свое согласіе, дѣло можно считать рѣшеннымъ. Нѣкоторые предлагали раздѣлаться съ Ришелье точно такъ же, какъ раздѣлались съ пропавшимъ безъ вѣсти маршаломъ д'Анкротъ, который заслуживалъ этого гораздо менѣе.

— Какъ съ Кончини?—сказалъ король. О нѣтъ! не надо... Мнѣ, право, не хотѣлось бы... Онъ священникъ и кардиналъ,—насъ могутъ отлучить отъ церкви. Но если есть какой-нибудь другой способъ, я согласенъ; такъ и скажи своимъ друзьямъ, и я, съ своей стороны, тоже подумаю объ этомъ.

Разъ слово было сказано, Людовикъ далъ волю своему гнѣву, какъ будто этотъ гнѣвъ уже получилъ удовлетвореніе и послѣдній ударъ былъ нанесенъ. Сень-Марсу это не понравилось: онъ боялся, что чувство короля, найдя такой исходъ, продлится не долго; однако все же не могъ не повѣрить его послѣднимъ словамъ, особенно когда, послѣ нескончаемыхъ жалобъ, тотъ прибавилъ:

— Представь себѣ, что вотъ уже два года, съ тѣхъ поръ, какъ я оплакиваю мать и онъ такъ жестоко на-

смѣялся надо мной въ присутствіи всего двора, прося о ея возвращеніи, когда уже знать о ея кончинѣ, съ того самаго дня и до сихъ поръ я добиваюсь и не могу добиться, чтобы ее похоронили во Франціи, рядомъ съ моими предками. Онъ изгналъ даже ея прахъ!

Въ эту минуту Сень-Марсу почудился на лѣстницѣ какой-то шумъ. Король слегка покраснѣлъ.

— Ступай,— сказалъ онъ,— ступай скорѣе готовиться къ охотѣ. Ты будешь верхомъ сопровождать мою карету. Ступай, я такъ хочу, слышишь?

И онъ сталъ выталкивать Сень-Марса изъ двери, въ которую тотъ пришелъ.

Фаворитъ удалился, но волненіе повелителя не укрылось отъ его вниманія.

Медленно спускался онъ по широкимъ ступенямъ, стараясь припомнить, не самъ ли чѣмъ-нибудь встревожилъ короля, какъ вдругъ на противоположной сторонѣ двойной витой лѣстницы послышались чьи-то будто поднимавшіеся кверху шаги; онъ остановился—шаги замолкли, взомель опять наверхъ—шаги какъ-будто направились внизъ; сквозь пролеты зданія ничего нельзя было разсмотрѣть; онъ это зналъ, и, выведенный, наконецъ, изъ терпѣнія досадной игрою, въ сильномъ безпокойствѣ, рѣшился уйти. Ему хотѣлось дожидаться у входной двери и посмотреть, кто сойдетъ сверху, но напрасно: едва онъ поднялъ занавѣсъ въ караульный залъ, какъ очутился въ толпѣ ожидавшихъ его придворныхъ. Пришлось отойти, чтобы сдѣлать кое-какія распоряженія по службѣ, принять привѣтствія, дружескія сообщенія, просьбы, совѣты, увѣренія, поцѣлуя,—словомъ, всѣ выраженія отношеній къ фавориту, требующія постоянного, напряженного вниманія, такъ какъ малѣйшаго промаха достаточно, чтобы причинить большія несчастья. Въ этой суматохѣ Сень-Марсъ почти забылъ ничтожный случай, который могъ быть просто игрою воображенія, и, предаваясь всегдѣ радостямъ своего непрерывнаго апопоеоза, вышелъ

на широкій дворъ и, окруженный толпою благородныхъ пажей и знатнѣйшихъ вельможъ, сѣлъ на лошадь.

Вскорѣ прѣхалъ Monsieur со своими приближенными, а затѣмъ не прошло и часа, какъ появился государь, блѣдный, утомленный, окруженный четьрьмя поддерживавшими его людьми.

Сень-Марсъ сошелъ съ лошади и помогъ ему сѣсть въ маленькій, чрезвычайно низкій экипажъ на двухъ колесахъ, который въ то время назывался тачкой. Людовикъ XIII самъ правилъ ея смиренными и послушными лошадьми; по обѣ ея стороны пѣшіе охотники держали на сворахъ собакъ; при звукахъ рога сотни молодыхъ людей сѣли на лошадей, и все общество направилось къ мѣсту охоты.

Король назначилъ сборнымъ пунктомъ нѣкую ферму Ормажъ, и придворные, зная его привычки, разсѣялись по аллеямъ парка, пока государь, въ сопровожденіи оберъ-штальмейстера и чегирекъ лицъ, которыхъ онъ знакомъ подозвалъ къ себѣ, тихонько ѣхалъ по уединенной тропинкѣ.

Эта забава представляла зрѣлище самое зловѣщее; приближалась зима, листья съ старыхъ дубовъ парка облетѣли, и ихъ черныя вѣтви, какъ погребальные канделябры, рисовались на сѣромъ небѣ; легкій туманъ возвѣщалъ близость дождя; сквозь порѣдѣвшій лѣсъ и унылые сучья видѣлись медленно подвигавшіеся тяжелыя придворныя кареты, въ которыхъ ѣхали женщины, одѣтыя въ черное ¹⁾,—онѣ были обречены дожидаться результатовъ охоты, для нихъ невидимой; издали доносились лай собакъ и звуки рога, похожіе на стонъ. Рѣзкій и холодный вѣтеръ принуждалъ всѣхъ кутаться, нѣкоторыя изъ дамъ, закрывъ лица вуалями или черными бархатными масками, чтобы спастись отъ непогоды, отъ которой не защищали занавѣсы каретъ (стекло въ тогдѣ еще не было), напоминали своими костюмами нынѣшнія домино.

¹⁾ Придворный костюмъ былъ установленъ приказомъ отъ 1639 года. Онъ былъ п^о покроя и черного цвѣта.

Всюду царили смерть и уныніе. По временамъ только кучки молодыхъ людей, увлеченныхъ охотой, съ громкими криками, какъ вѣтеръ, проносились въ концѣ какой-нибудь аллеи, оглашавшейся звуками рога, и все погружалось въ вящее безмолвіе; такъ небо послѣ ракеты кажется еще темнѣе.

На дорожкѣ, параллельной съ тою, по которой медленно ѣхалъ король, собралось нѣсколько закутанныхъ въ плащи придворныхъ; они, казалось, весьма мало интересовались охотой и, сидя въ сѣдлахъ, на высотѣ королевскаго экипажа, не теряли его изъ виду и вполголоса переговаривались:

— Хорошо, Фонтраль, отлично! Мы побѣдили! Король безпрестанно беретъ его за руку. Посмотрите, какъ онъ ему улыбается! Вотъ г. Легранъ сходить съ лошади и садится съ нимъ рядомъ. Ну, теперь, что и говорить, старый котъ пропалъ!

— Э, да это еще что! Вы видѣли, какъ государь дотронулся до руки Monsieur! Онъ дѣлаетъ вамъ знаки, Монтрезоръ, смотрите, смотрите, Гонди!

— Да, смотрите! Легко сказать. Своими-то глазами я вѣдь ничего не вижу; принужденъ довольствоваться очами вѣры и вашими. Ну, что жъ тамъ еще? Эхъ, жаль, что я такъ близорукъ! Разскажите-ка, что они тамъ дѣлаютъ.

Монтрезоръ продолжалъ:

— Король наклонился къ уху герцога Бульонскаго и говорить съ нимъ... продолжаетъ говорить, дѣлаетъ жесты и говорить не переставая. О, онъ будетъ министромъ.

— Онъ будетъ министромъ,—сказалъ графъ де-Людь.

— Онъ будетъ министромъ,—сказалъ Фонтраль.

— Это ясно,—подтвердилъ Монтрезоръ.

— Надѣюсь, что тогда, по крайней мѣрѣ, мнѣ дадутъ полкъ и я женюсь на кузинѣ!—воскликнулъ Оливье д'Антрегъ тономъ пажа.

Аббатъ Гонди, посмѣиваясь и глядя въ небо, началъ напѣвать охотничью пѣсню:

«Скворцы почуяли весну...»

— Мнѣ кажется, господа, что зрѣніе у васъ еще хуже, чѣмъ у меня, или что въ дѣто отъ воплощенія Бога Слова 1642 совершаются чудеса: герцогъ Бульонскій такъ же далекъ отъ званія министра, какъ я, хотя бы король распѣловалъ его. У него есть большія достоинства, но онъ никогда ничего не достигнетъ по своей прямолинейности; все-таки я очень цѣню его изъ-за его дурацкаго, огромнаго Седана, гдѣ мы всегда найдемъ уютное, очень уютное помѣщеніе!

Монтрезоръ и всѣ остальные были такъ погружены въ наблюденія надъ королемъ, что не отвѣчали ни слова.

— Вотъ г. Легранъ взялъ вожжи и править лошадьми,—сказалъ кто-то. Аббатъ продолжалъ напѣвать:

«Коль будешь кучеръ, красавецъ молодой,
Не опрокинь, смотри, мою коляску.»

— «Ахъ, аббатъ, вы, наконецъ, съ ума меня сведете!—воскликнулъ Фонтраль—неужели у васъ есть пѣсни на всѣ случаи жизни?»

— Есть также случаи на всѣ пѣсни,—отвѣчалъ Гонди.

— Клянусь честью, настоящій случай мнѣ по вкусу,—сказалъ Фонтраль, понизивъ голосъ. Теперь врядъ ли Monsieur пошлетъ меня въ Мадридъ со своимъ проклятымъ договоромъ, и мнѣ это очень на руку; порученіе довольно щекотливое: перебраться черезъ Пиринеи не такъ-то легко, какъ онъ думаетъ, и къ тому же на дорогѣ кардиналъ.

— Ахъ, Боже мой!—воскликнулъ Монтрезоръ.

— О Господи! воскликнулъ Оливье.

— Ну что тамъ еще? Ахъ да охъ; что вы тамъ высмотрѣли?—спросилъ Гонди. Чему радуетесь?

— Король ваялъ за руки герцога Орлеанскаго! Каково! Скажемъ: слава Богу, господа! Вотъ мы и избавились отъ кардинала! Затравили стараго кабана! Кто же возьмется его покончить? Нужно будетъ бросить его въ море.

— Нѣтъ, онъ этого не стоитъ,—сказалъ Оливье,—надо предать его суду.

— Конечно!—отозвался аббатъ. Еще бы, у насъ не будетъ недостатка въ

обвинительныхъ пунктахъ противъ державеннаго, который осмѣлился отказать пажу! Не правда ли?

Аббатъ осадилъ лошадь, пропустилъ впередъ Оливье и Монтрезора и, наклонясь къ графу де-Люду, который велъ бесѣду съ двумя людьми болѣе степенными, сказалъ ему:

— Знаете ли, заодно ужъ не открытъ ли все дѣло и моему лакею? Никогда не видывалъ, чтобы къ заговору относились такъ легкомысленно. Важныя предпріятія требуютъ тайны; дѣло наше было бы въ отличномъ положеніи, если бы съ нимъ обращались осторожнѣе. Наша партія самая сильная изъ всѣхъ, о которыхъ мнѣ когда-либо случалось читать въ исторіи; мы могли бы, если бы захотѣли, ниспровергнуть хоть три государства, но вѣтреностію можно все испортить. Это было бы досадно и чрезвычайно при-скорбно для меня. Я и вообще имѣю большую склонность къ такого рода предпріятіямъ, но къ настоящему отношусь особенно горячо, такъ какъ въ немъ есть что-то великое; да, есть, это несомнѣнно. Не правда ли, д'Обижу? Не правда ли, Мооръ?

Въ то время, пока происходили эти разговоры, шаговъ за двѣсти позади собесѣдниковъ, по той же аллеѣ, подвигалось нѣсколько громоздкихъ и тяжелыхъ каретъ въ четыре и шесть лошадей; занавѣсы въ нихъ были подняты съ лѣвой стороны, что позволяло видѣть государя. Въ первой каретѣ ѣхала королева; она сидѣла въ самой глубинѣ экипажа, одна, въ черномъ платьѣ и вуалѣ. На передней скамейкѣ помѣщалась маркиза д'Эффіа, а у ногъ королевы — принцесса Марія на табуретѣ сбоку, при чемъ платье ея высывалось изъ кареты и ноги опирались на золоченую подножку, — въ тогдашнихъ каретахъ, какъ мы уже говорили, не было дверецъ. Марія также старалась разсмотрѣть сквозь вѣтви деревьевъ, что дѣлалъ государь, и часто наклонялась впередъ, такъ какъ ей мѣшали лошади. князя-палатина и его свиты, безпрестанно сновавшія мимо.

Сѣверный князь былъ присланъ изъ Польши подъ предлогомъ какихъ-то

важныхъ государственныхъ переговоровъ, но въ сущности для того, чтобы приготовить герцогиню Мантуанскую къ браку со старымъ королемъ Владиславомъ VI. Познанскій палатинъ щеголялъ всею роскошью польскаго двора, считавшагося въ Парижѣ варварскимъ и скнескимъ, и вполне оправдывалъ эти названія странностію восточнаго костюма. Онъ былъ очень красивъ собою; какъ и вся свита, носилъ длинную и густую бороду и потурецки брилъ голову; на немъ была мѣховая шапка и короткая куртка, вышитая брилліантами и рубинами; конь, выкрашенный въ красную краску, былъ наряженъ въ перья. Свита состояла изъ отряда польской гвардіи въ красныхъ и желтыхъ мундирахъ, въ широкихъ плащахъ съ длинными рукавами, небрежно накинутахъ на плечи. Кромѣ того, палатина сопровождали польскіе вельможи, одѣтые въ серебро и золото. Одинокая прядь волость, развѣвавшаяся позади ихъ бритыхъ головъ, придавала имъ видъ татаръ или азіатовъ, о которыхъ при дворѣ Людовика XIII имѣли не болѣе понятія, чѣмъ о москвичихъ. По мнѣнію женщинъ, все это было довольно дико и страшновато.

Глубокіе поклоны и восточныя любезности чужестранца и его свиты чрезвычайно надоѣдали Маріи Гонзагъ. Проѣзжая мимо нея, онъ считалъ своимъ долгомъ каждый разъ отпустить ей какой-нибудь комплиментъ на ломаномъ французскомъ языкѣ, съ неловкими упоминаніями о «надеждахъ» и царствованіи. Чтобы какъ-нибудь отъ него отдѣлаться, Марія стала подносить платокъ къ носу и довольно громко сказала королевѣ:

— Эти иностранцы, государыня, пахнутъ такъ дурно, что меня тошнитъ.

— Вамъ придется, однако, справиться съ этой тошнотою и привыкнуть къ нимъ, — отвѣчала Анна Австрійская довольно сухо и затѣмъ уже прибавила шутивымъ тономъ, боясь, что огорчила Марію:

— Еще привыкнете, точно такъ же какъ привыкли мы всѣ; а вѣдь вы

знаете, что по части запаховъ я очень прихотлива. Г. Мазарини какъ-то говорилъ, что въ чистилищѣ я въ видѣ наказанія буду нюхать дурные духи и спать на голландскихъ простыняхъ.

Несмотря на эти шутливыя слова, королева была очень серьезна и молчалива. Она откинулась въ глубину кареты, закуталась въ мантилью и, по-видимому, нисколько не интересовалась окружающимъ; движение кареты указывало ее. Марія не переставала наблюдать за королемъ и говорила вполголоса съ маркизой д'Эффиа; обѣ женщины старались внушить другъ другу надежды, которыхъ не имѣла ни одна изъ нихъ, и любя обманывали другъ друга.

— Сударыня, поздравляю васъ: г. Легранъ сидитъ рядомъ съ королемъ; никогда дѣло не заходило такъ далеко, — говорила Марія и замолкала надолго, а карета печально катилась по сухимъ помертвѣлымъ листьямъ.

— Да, я это вижу и радуюсь, король такъ добръ! — отвѣчала маркиза, и вздыхала глубоко.

Наконецъ, между ними воцарилось долгое унылое молчаніе; когда онѣ взглянули другъ на друга, оказалось, что на глазахъ обѣихъ стояли слезы; ни та, ни другая не рѣшались болѣе заговорить. Марія понурила голову и не видѣла передъ собою ничего, кромѣ убѣжавшей подъ колеса коричневой мокрой земли. Печальное раздумье охватило ея душу. Хотя на глазахъ ея первый изъ дворовъ Европы преклонялъ колѣна передъ любимымъ ею человекомъ, она боялась всего и не могла отогнать мрачныхъ предчувствій.

Вдругъ мимо нея вихремъ промчался всадникъ; она подняла глаза и успѣла узнать Сень-Марса; онъ не смотрѣлъ на нее; лицо его было блѣдно какъ смерть, глаза скрывались подъ тѣнью нахмуренныхъ бровей и нахлобученной на лобъ шляпы. Марія въ трепетѣ слѣдила за нимъ глазами: онъ остановился въ толпѣ всадниковъ, ѣхавшихъ впереди кареты и снявшихъ шляпы при его приближеніи, и черезъ минуту, въ сопровожденіи одного изъ нихъ, углубился въ чащу лѣса, издали

оглянувшись на дѣвушку и провожая глазами карету. Затѣмъ Марія показала, что онъ передалъ спутнику какой-то свертокъ. Спустившійся туманъ помѣшалъ ей видѣть далѣе. Такіе туманы вовсе нерѣдкость на берегахъ Луары. Солнце превратилось сначала въ маленькую кровавую луну, окутанную разодраннымъ саваномъ, а черезъ полчаса скрылось совершенно. Марія съ трудомъ различала ближайшихъ къ каретѣ лошадей, а всадники, проѣзжавшіе мимо, казались сѣроватыми тѣнями. Холодный паръ осѣдалъ мелкимъ, частымъ дождемъ и поднимался смраднымъ облакомъ. Королева посадила прекрасную герцогиню рядомъ съ собой и пожелала вернуться домой; тихимъ шагомъ, молча, поѣхали они обратно въ Шамборъ. Вскорѣ звуки рога возвѣстили окончаніе охоты и стали созывать разбѣжавшихся собакъ; мимо кареты, громко перекликаясь, безпрестанно мелькали охотники, отыскивавшіе дорогу въ туманѣ. Марія различала въ печальной тѣсной мглѣ то голову лошади, то ея темный силуэтъ и напрасно старалась разслышать какія-нибудь слова. Вдругъ сердце ея забилося: звали Сень-Марса. «Король спрашиваетъ г. Леграна. Куда дѣвался г. оберъ-штальмейстеръ?» спрашивали со всѣхъ сторонъ. «Онъ пропалъ», сказалъ кто-то рядомъ съ нею. Она затрепетала при этихъ простыхъ словахъ, и въ своей печали придала имъ зловѣщее значеніе; всю дорогу до дома они преслѣдовали ее, она не могла отъ нихъ отдѣлаться и въ своихъ комнатахъ, куда заперлась тотчасъ по возвращеніи.

Вскорѣ послышался шумъ: это вернулись король и герцогъ Орлеанскій; въ лѣсу раздалось нѣсколько выстрѣловъ, но огня не было видно. Тщетно старалась она рассмотреть что-либо въ узкія окна, какъ будто завѣшенные снаружы бѣлымъ сукномъ, не пропускавшимъ свѣта.

Въ это время у опушки лѣса, по направленію къ Монерро, блуждали два всадника; имъ надоѣло отыскивать дорогу въ однообразной путаницѣ тропинокъ и деревьевъ, и они уже

хотѣли, было, остановиться на берегу пруда, какъ вдругъ изъ чащи выскочили какіе-то люди, челоѣкъ восемь или десять, бросились на нихъ и, не давъ имъ времени взяться за оружіе, повисли на ихъ рукахъ, ногахъ и поводяхъ лошадей, липая такимъ образомъ всякой возможности двигаться. Въ то же время хриплый голосъ крикнулъ изъ тумана:

— Кто вы? Роялисты или кардиналисты? Кричите: «Да здравствуетъ г. Легранъ!» или готовьтесь къ смерти!

— Негодяи!—отвѣчалъ одинъ изъ всадниковъ, стараясь открыть кобуры своихъ пистолетовъ,—я велю васъ повѣсить за злоупотребленіе моимъ именемъ.

— «Dios el señor!» — крикнулъ тотъ же голосъ.

Нападавшіе тотчасъ выпустили своихъ жертвъ и помчались въ лѣсъ; послышался дикий взрывъ хохота, и къ Сень-Марсу подошелъ какой-то челоѣкъ.

— Amigo, развѣ вы меня не узнали? Все это шутка Жака, испанскаго капитана.

Фонтраль подѣхалъ ближе и сказалъ тихонько Сень-Марсу:

— Сударь, вотъ предприимчивый малый, советую вамъ воспользоваться его услугами, не слѣдуетъ пренебрегать ничѣмъ.

— Слушайте,—продолжалъ Жакъ де-Лобардемонъ,—времени терять нечего. Я вѣдь не то, что отецъ, не стану болтать зря. Вы оказали мнѣ содѣйствіе, да и теперь приносите пользу, хотя сами того не знаете; въ вашихъ маленькихъ бунтикахъ я порядочно поправилъ свои дѣла. Если хотите, я могу оказать вамъ важныя услуги; у меня подъ руками есть нѣсколько смѣлыхъ людей.

— Какія услуги?—спросилъ Сень-Марсъ. Посмотримъ!

— Во-первыхъ, имѣю вамъ нѣчто сообщить. Нынче утромъ, когда вы сходили отъ короля по одной лѣстницѣ, по другой къ нему поднимался отецъ Жозефъ.

«О Боже, вотъ чѣмъ объясняется эта внезапная, непостижимая пере-

на. Возможно ли! Король Франціи! И онъ допустилъ, чтобы мы ему открыли всѣ наши планы!»

— Ну что же? И все тутъ? Вы ничего болѣе не имѣете мнѣ сказать? Однако вамъ извѣстно, что у меня съ этимъ капуциномъ старые счеты! Какое же мнѣ дѣло?!

Сень-Марсъ опустилъ голову и глубоко задумался.

— Дѣло вамъ большое, такъ какъ стоить сказать слово—и я васъ избавлю въ какіе-нибудь тридцать шесть часовъ, хоть онъ теперь уже далеко, должно быть, около Парижа. Если угодно, заодно прихватимъ и кардинала.

— Отстаньте, мнѣ не надо кинжаловъ,—сказалъ Сень-Марсъ.

— Да, да, понимаю: вы правы, вамъ пріятнѣе будетъ, если его покончатъ шпагами. Правильно! Онъ стоитъ того уже по одному своему сану. Это дѣло лучше пристало знатнымъ вельможамъ: чтобы отправить его на тотъ свѣтъ, надо мѣтить, по крайней мѣрѣ, въ маршалы. Ну, я безъ претензій; не слѣдуетъ слишкомъ гордиться, хоть и отличаешься въ своей профессіи. Кардиналъ не по моей части, это кусочекъ королевскій, я не долженъ его трогать.

— Ни его, ни другихъ,—сказалъ оберъ-шталмейстеръ.

— Эхъ, ужъ оставьте намъ капуцина!—сказалъ Жакъ умоляющимъ тономъ.

— Вы напрасно отказываетесь отъ этого предложенія, — сказалъ Фонтраль,—такія вещи случаются каждый день. Витри началъ съ Кончини и его сдѣлали маршалами. Нѣкоторые вельможи, пользующіеся большимъ почетомъ при дворѣ, собственноручно убивали своихъ враговъ на парижскихъ улицахъ, а вы не рѣшаетесь раздѣлаться съ такой дрянью! У Ришелье есть свои негодяи, вамъ слѣдуетъ завести своихъ; я не понимаю такой разборчивости!

— Не приставайте къ нему,—сказалъ Жакъ грубо,—я это все знаю, самъ испыталъ, когда былъ малъ и глупъ. И монаха бы не обидѣлъ! Погодите-ка, я съ нимъ поговорю.

Онъ обратился къ Сень-Марсу:

— Послушайте, когда участвуешь въ заговорѣ, значить, замышляешь что-нибудь, смерть или, по крайней мѣрѣ, погибель. Не такъ ли?

Онъ помолчалъ.

— Значить, ужъ во всякомъ случаѣ, идешь противъ Господа Бога и заодно съ дьяволомъ. Не такъ ли? Secundo, какъ говорятъ въ Сорбоннѣ, если ужъ попадать въ адъ, такъ не все ли равно за многое или за малое? Не такъ ли? Ergo, все равно, убить одного, что тысячу. Что вы можете на это возразить?

— Вы говорите какъ по писанному, почтеннѣйшій докторъ преступленія,—сказалъ Фонтраль, невольно засмѣявшись. Вижу, что изъ васъ выйдетъ прекрасный дорожный товарищъ, и, если вамъ угодно, возьму васъ съ собою въ Испанію.

— Куда, какъ мнѣ извѣстно, вы везете договоръ,—замѣтилъ Жакъ. Могу провести васъ черезъ Пиренеи такими тропинками, о которыхъ не знаетъ ни одна живая душа; а все же мнѣ ужасно грустно, что передъ отъѣздомъ не придется свернуть шею этому старому козлу, котораго мы оставляемъ позади, какъ коня въ шахматной игрѣ. Повторяю вамъ, сударь,—съ умоляющимъ видомъ снова обратился онъ къ Сень-Марсу,—побойтесь Бога, не отказывайте мнѣ. Вспомните слова нашихъ отцовъ богослововъ Хуртадо де-Мендоза и Санхеца; они доказали, что тайное убійство врага позволительно, такъ какъ избавляетъ отъ двухъ грѣховъ: во-первыхъ, подвергать опасности собственную жизнь, во-вторыхъ—отъ дуэли. Я всегда руководствуюсь этимъ великимъ и утѣшительнымъ правиломъ.

— Отстаньте!—сказалъ Сень-Марсъ, задыхаясь отъ ярости,—я не о томъ думаю.

— Едва ли о чемъ-нибудь болѣе важномъ,—сказалъ Фонтраль,—это можетъ имѣть весьма большое значеніе на вѣсахъ нашей судьбы.

— Хотѣлъ бы я знать, сколько вѣсить на нихъ сердце короля,—отвѣчалъ Сень-Марсъ.

— Вы приводите меня въ ужасъ; это ужъ слишкомъ.

— Вы поняли меня превратно, милостивый государь,—отвѣчалъ д'Эффиа сурово. Короли жалуются, когда поданные измѣняютъ имъ, вотъ о чемъ я думаю. Ну, война—такъ война! Пылайте, междоусобныя, международныя войны, пылайте во всей своей ярости! Въ моихъ рукахъ огонь, я поднесу его къ минѣ. Пусть гибнетъ государство, пусть гибнутъ, если понадобится, двадцать государствъ! Незаурядныя бѣдствія должны знаменовать измѣну короля своему подданному! Слушайте меня.

Онъ отвелъ въ сторону Фонтраль.

— Я поручилъ вамъ только приготовить намъ безопасное убѣжище и помощь въ случаѣ, если король насъ покинетъ. Сейчасъ я понялъ по его принужденной любезности, что это весьма возможно, и рѣшился васъ от править, когда въ заключеніе разговора онъ сообщилъ о своемъ намѣреніи ѣхать въ Перпиньянъ. Я боялся Нарбонны: вижу теперь, что онъ ѣдетъ туда, чтобы сдаться въ плѣнъ кардиналу. Поѣзжайте, поѣзжайте тотчасъ. Кромѣ писемъ, которыя я уже далъ вамъ, возьмите вотъ этотъ договоръ,—онъ подписанъ вымышленными именами; но вотъ другой такой же документъ, за подписью его высочества, герцога Бульонскаго и моею. Этого будетъ вполне достаточно для графа Оливареса. Вотъ еще бланки герцога Орлеанскаго, вы можете вписать въ нихъ, что вамъ заблагорассудится. Поѣзжайте; черезъ мѣсяцъ буду ждать васъ въ Перпиньянъ и отворю ворота Седана семнадцати тысячамъ испанцевъ изъ Фландріи.

Затѣмъ онъ подошелъ къ Жаку, который ожидалъ его.

— А вамъ, пріятель, разъ вы такъ хвалитесь своею смѣлостью, поручаю проводить этого господина до Мадрида, за что вы получите хорошее вознагражденіе.

— Не обошлось-таки безъ меня!—отвѣчалъ Жакъ, закручивая усы,—видно, что вы человѣкъ умный и со вкусомъ. Знаете ли, что меня призывала королева Христина Шведская и хотѣла

приблизить къ себѣ въ качествѣ до-
вѣреннаго лица! Густавъ-Адольфъ,
по прозванію Сѣверный Левъ, воспи-
тывалъ ее подъ грохотъ пушекъ. Она
любитъ запахъ пороха, ей нравятся
смѣлые люди, но мнѣ не хотѣлось слу-
жить ей, такъ какъ она гугенотка, а
у меня есть нѣкоторыя правила, отъ
которыхъ я не отступаю никогда. Такъ,
напримѣръ, клянусь вамъ святымъ
Яковомъ, что проведу этого господина
черезъ Пириней въ Олоронъ такъ же
благополучно, какъ вотъ черезъ этотъ
лѣсъ, а если понадобится, буду защи-
щать его противъ самого черта и бу-

маги ваши тоже; мы принесемъ вамъ
ихъ обратно въ цѣлости и сохранно-
сти. А насчетъ награды—я въ ней не
нуждаюсь и всегда нахожу ее въ томъ,
что дѣлаю. Къ тому же, никогда не
беру платы, потому что я дворянинъ.
Лобардемоны—старинная и очень хо-
рошая дворянская фамилія.

— Прощайте же, благородный чело-
вѣкъ, — сказалъ Сень-Марсъ. Сту-
пайте.

Онъ пожалъ руку Фонтралю и съ
тяжелымъ сердцемъ пошелъ лѣсомъ
по направленію къ Шамбору.

XX.

Чтеніе.

Обстоятельства раскрываютъ передъ нами цар-
ственное значеніе гения, послѣднее убжище отжи-
вающихъ народовъ. Великіе писатели, эти безымен-
ные владыки, правящіе посредствомъ силы харак-
тера и величія идей, избираются на царство са-
мыми событіями, которыми руководятъ. Безъ пред-
ковъ и потомства, единственные представители сво-
его рода, свершивъ свое назначеніе, они исчезаютъ,
но оставляютъ будущему завѣты, въ точности имъ
исполняемые.

Однажды вечеромъ, вскорѣ послѣ сѣди, несмотря на страхъ воровъ,
описанныхъ нами событій, у малень-
каго, довольно красиваго домика на
углу площади Рояль стояло множество
каретъ, и дверь, къ которой вели три
ступени, отворялась безпрестанно. Со-

отворяли окна и жаловались на шумъ
въ столь поздній часъ; дозорные оста-
навливались съ удивленіемъ и продол-
жали свой путь только тогда, когда
замѣчали у каждой кареты по десяти

или двѣнадцати слугъ съ палками и зажженными факелами.

Молодой человѣкъ, въ сопровожде-
ніи трехъ лакеевъ, вошелъ въ домъ
и спросилъ г-жу де-Лормъ; при немъ
была длинная рапира, украшенная ро-
зовыми лентами; огромные розовые бан-
ты на башмакахъ почти совершенно
скрывали ноги, которыя онъ, по то-
гдашней модѣ, сильно выворачивалъ на-
ружу. Онъ безпрестанно закручивалъ
своималенькіе завитые усики, и входя,
причесалъ легкую остроконечную бо-
родку. Общій крикъ привѣтствовалъ его
появленіе.

— Вотъ онъ, наконецъ!—воскликнулъ
звонкій молодой голосъ. Однако, вы-
таки заставляете себя ждать, милѣйшій
Дебарро. Ну, возьмите же стулъ, сяди-
те съ поскорѣе къ столу и читайте.

Такъ говорила женщина лѣтъ двад-
цати четырехъ, стройная и красивая,
несмотря на очень курчавые черные
волосы и желтоватый цвѣтъ лица. Въ
манерахъ ея проглядывало что-то муж-
ское, можетъ быть, заимствованное отъ
окружающаго общества, состоявшаго
исключительно изъ мужчинъ; она до-
вольно безцеремонно хватала ихъ за
руки и говорила не стѣсняясь, что со-
общалось также и имъ. Рѣчи ея отли-
чались скорѣе оживленіемъ, чѣмъ ве-
сельемъ; онъ не рѣдко возбуждали смѣхъ
но веселость окружающихъ поддержи-
валась исключительно умомъ хозяйки,
такъ какъ ея собственная физіономія,
хотя и полная страсти, казалась со-
вершенно неспособной къ улыбкѣ, а
большіе голубые глаза въ соединеніи
съ черными какъ смоль волосами при-
давали ей видъ на первый взглядъ
немного странный.

Дебарро съ отмиѣнной любезностью
поцѣловалъ ей руку и обошелъ, бесѣ-
дуя съ нею, довольно просторную го-
стиную, гдѣ собралось уже человѣкъ
тридцать. Одни сидѣли въ большихъ
креслахъ, другіе стояли подъ навѣсомъ
огромнаго камина, третьи разговари-
вали въ амбразурахъ оконъ, завѣшен-
ныхъ тяжелыми коврами. Были между
ними и темные люди, теперь весьма
знаменитые, были и знаменитости со-
вершенно неизвѣстныя для насъ, по-

томства. Между послѣдними, Дебарро
никогда поклонился господамъ д'Обижу,
де-Бріону, де-Монмору и другимъ
весьма блестящимъ и знатымъ лицамъ,
собравшимся въ качествѣ критиковъ;
нѣжно и почтительно пожалъ руки
господамъ де-Монтерюзю, де-Сирмону,
де-Малевилю, Баро, Гамбо и другимъ
ученымъ, почти безъ исключенія име-
новавшимся великими людьми въ анна-
лахъ ими же основанной академіи,
называвшейся то «Académie des
beaux esprits», то «Académie émi-
nente». При этомъ онъ небрежно и
покровительственно кивнулъ головою
юному Корнелю, бесѣдовавшему въ
уголѣ съ какимъ-то незнакомцемъ и
молодымъ человѣкомъ, котораго пред-
ставили хозяйкѣ дома подъ именемъ
г. Покелэна, сына королевскаго камер-
динера. Одинъ изъ нихъ былъ Мольеръ,
другой—Мильтонъ¹⁾.

Прежде чѣмъ начать обѣщанное чте-
ніе, молодой сибаритъ вступилъ въ
горячій разговоръ со своими собратъ-
ями по литературѣ; они очень бѣгло и
оживленно болтали между собою на
языкѣ, совершенно непонятномъ для
простого, непосвященнаго смертнаго,
горячо жали другъ другу руки, обмѣ-
ниваясь дружескими привѣтствіями и
безпрестанно ссылаясь на произведенія
другъ друга.

— А, вотъ, наконецъ, и вы, знаме-
нитый Баро!—воскликнулъ послѣдній
изъ пришедшихъ. Я прочелъ вашъ но-
вый сизень²⁾. Ахъ, какой сизень!
Какъ онъ выдержанъ въ духѣ любез-
ности и нѣжности!

— А что вы скажете о Нѣжности?—
прервала Маріонъ де-Лормъ. Знакома
ли вамъ эта страна? Вы, кажется, оста-
новились въ деревушкѣ Остроумія
и Хорошенькихъ Стишковъ и не
пошли далѣе. Если господину комен-
данту Нотръ-Дамъ-де-Лагардъ угодно
будетъ ссудить намъ свою новую кар-
ту, я покажу вамъ, гдѣ вы теперь на-
ходитесь.

¹⁾ Мильтонъ въ этомъ году былъ въ Пари-
жѣ, проѣздомъ изъ Италіи въ Англію. (См.
Жизнь Мильтона, соч. Тейланда.)

²⁾ Шестистигіе.

Скюдери всталъ, съ хвастливымъ и педантскимъ видомъ развернулъ на столѣ нѣчто въ родѣ географической карты, украшенной голубыми бантами, и началъ объяснять значеніе проведенныхъ на ней рововыхъ линій.

— Вотъ лучшее мѣсто изъ «Клеліи», — говорилъ онъ, — эту карту считаютъ очень изрядной, но она просто-на просто забава ума, предназначенная для увеселенія нашей маленькой литературной шайки. Зная, однако, что на свѣтѣ попадаются особы весьма удивительныя, я опасюсь, что не всѣ, кто увидятъ ее, окажутся достаточно смѣтливыми, чтобы ее уразумѣть. Вотъ дорога, ведущая отъ Новой Дружбы къ Нѣжности; при этомъ замѣтите, господа, — точно такъ же, какъ говорятъ: «Кумы на Ионическомъ морѣ», «Кумы на Тиренскомъ морѣ», слѣдуетъ говорить: Нѣжность-на-Склонности, Нѣжность-на-Уваженіи и Нѣжность-на-Благодарности. Сначала вы поживете въ деревняхъ: Мужество, Великодушіе, Аккуратность, Мелкія услуги, Любезная записка и, наконецъ, Любовное письмо!

— О, до какой степени это тонко! — воскликнули Вожеда, Коллетъ и всѣ остальные слушатели.

— Обратите вниманіе, — продолжалъ авторъ, гордясь своимъ успѣхомъ, — что слѣдуетъ взять на Благосклонность и Чувствительность, а если выберешь другую дорогу, то рискуешь проплутать до Охлажденія и Забвенія и потонуть въ озерѣ Равнодушія.

— Прелестно! Прелестно! Просто наверхъ галантности! — восклицали слушатели. Какой необыкновенный геній!

— А теперь, сударыня, — продолжалъ Скюдери, — объявляю вамъ всенародно: это произведеніе хоть и напечатано подъ моимъ именемъ, но принадлежитъ

Чтеніе.

собственно не мнѣ, а моей сестрѣ; она же съ большою пріятностью перевела Сафо.

И безъ всякой просьбы съ чьей бы то ни было стороны онъ началъ высокопарнымъ тономъ декламировать стихи, оканчивавшіеся такъ:

«L'amour est un mal agréable ¹⁾
Dont mon cœur ne saurait guérir;
Mais quand il serait guérissable,
Il est plus doux d'en mourir!»

(Любовь приятная болѣзнь, она неизлѣчима въ моемъ сердцѣ, но даже если бы возможно было ее излѣчить—приятнѣе умереть отъ нея.)

— Неужели эта гречанка была такъ умна!—воскликнула Маріонъ де-Лормъ. Невѣроятно! А все-таки насколько г-жа де-Скюдери выше ея! Мысль, которая выражена въ этихъ стихахъ, навѣрное принадлежитъ вашей сестрѣ; заставьте ее вставить ихъ въ «Клелію», они будутъ такъ кстати въ повѣсти изъ римской жизни!

— Чудесно, превосходно! подтвердили единогласно ученые. Горацій, Арунцій и любезный Порсенна—такіе галантные любовники!

Они наклонялись надъ картой Нѣжноты и проводили сталкивавшимися пальцами по всѣмъ извивамъ любовныхъ рѣкъ. Молодой Покелэнъ осмѣлился, наконецъ, возвысить свой робкій голосъ и поднять на окружающихъ меланхолическій тонкій взглядъ.

— Къ чему все это? — спросилъ онъ. Развѣ это дѣлаетъ кого-нибудь счастливымъ или доставляетъ кому-нибудь удовольствіе? Господинъ авторъ, мнѣ кажется, не особенно счастливъ, а я не испытываю особеннаго удовольствія.

Въ отвѣтъ, онъ получилъ презрительные взгляды и въ видѣ утѣшенія сталъ обдумывать «Les précieuses ridicules».

Дебарро готовился прочесть благочестивый сонетъ, который, по собственному признанію, написалъ во время болѣзни; повидимому онъ очень стыдился, что вспомнилъ о Богѣ въ тяжелую минуту, и конфузился такой слабости.

— Теперь еще рано читать ваше прекрасное стихотвореніе,—остановила его хозяйка дома,—могутъ прервать. Мы ожидаемъ еще г. оберъ-штальмейстера и другихъ; допустить такого великаго гения говорить при суматохѣ и

шумѣ—равнялось бы смертоубійству. Тототъ молодой англичанинъ, что здѣсь проѣздомъ изъ Италіи въ Лондонъ, говорятъ, сочинилъ какую-то поэмю, право, не знаю о чемъ; пусть прочтеть намъ что-нибудь оттуда. Многие изъ господъ академиковъ знаютъ англійскій языкъ; что касается остальныхъ, они могутъ пользоваться вотъ этими листками, что лежатъ на столѣ: это копіи съ перевода, сдѣланнаго по просьбѣ автора прежнимъ секретаремъ герцога Букингамскаго. Переведено какъ разъ то, что будетъ читаться сегодня.

Маріонъ взяла листки и раздала ихъ ученой компаніи. Всѣ устѣлись, и наступило молчаніе.

Убѣдить молодого иностранца покинуть амбразуру окна, гдѣ онъ, повидимому, отлично ладилъ съ Корнелемъ, и начать чтеніе—оказалось, однако, не такъ-то легко. Наконецъ, онъ подошелъ къ столу и съ болѣзненнымъ видомъ сѣлъ или, скорѣе, упалъ въ кресло. Опершись локтемъ на столъ и закрывъ рукою глаза, прекрасные и большіе, но нѣсколько воспаленные безсонными ночами или слезами, онъ началъ наизусть декламировать отрывки поэмы; иные изъ зрителей смотрѣли на него высокомерно или, по меньшей мѣрѣ, покровительственно; другіе лѣниво пробѣгали переводъ стиховъ.

Голосъ поэта, вначалѣ глухой, становился все чище по мѣрѣ произнесенія имъ гармоническихъ строфъ; вскорѣ онъ совершенно забылся въ порывѣ поэтическаго вдохновенія и сталъ походить исполненнымъ свѣта взоромъ поднятыхъ къ небу глазъ на молодого евангелиста, изображеннаго Рафаэлемъ. Онъ говоритъ въ своей поэмѣ о первомъ непослушаніи человѣка и взывалъ къ Св. Духу, для Котораго лучшій храмъ—простое и чистое сердце, Который знаетъ все и присутствовалъ при началѣ временъ.

Такое вступленіе было принято глубокимъ молчаніемъ и послѣ заключительной мысли въ публичкѣ пронесся ропотъ. Поэтъ не слышалъ ничего, облако заволакивало его глаза, онъ жилъ въ мірѣ своей фантазіи и заговорилъ далѣе. Говорилъ о духѣ зла, привязан-

¹⁾ См. «Clélie» т. I.

номъ алмазными цѣпами среди карающаго пламени, о девяти дняхъ и девяти ночахъ, протекшихъ для смертныхъ во время его паденія, о мракѣ вѣчныхъ темницъ и пылающемъ океанѣ, гдѣ тонуть падшіе ангелы; громовымъ голосомъ произнесъ онъ воззваніе владыки ада: «Ты ли это, ты ли, сіявшій ослѣпительнымъ блескомъ въ блаженныхъ селеніяхъ дня? О, какъ низко ты палъ! Пойдемъ со мною! Что намъ за дѣло до этого поля нашей небесной битвы? Ужели для насъ все погибло? При насъ осталась непреклонная воля, ненасытная жажда мщенія, смертельная ненависть, неодолимое мужество,—ужели это не побѣда?»

Тутъ слуга возвѣстилъ громкимъ голосомъ о прибытіи гг. Монтрезора и д'Андрега. Они раскланялись, заговорили, двигали кресла и ,наконецъ, усѣлись. Слушатели тотчасъ воспользовались перерывомъ: началось множество частныхъ разговоровъ; отовсюду слышались порицанія и упреки дурного вкуса; нѣкоторые умники, погрязшіе въ рутинѣ, вопили, что ничего не понимали, что это выше ихъ разумнія (они и не подозрѣвали, что говорятъ правду), и притворнымъ смиреніемъ вызывали комплименты себѣ и оскорбленія поэту—двойной барышъ. Кое-кто упомянулъ даже о поруганіи святыхъ.

Прерванный поэтъ закрылъ лицо руками, облокотился на столъ и старался не слышать всего этого шума, любезностей и критики. Только три человека подошли къ нему: какой-то офицеръ, Покелэнтъ, да Корнель. Послѣдній шепнулъ ему на ухо:

— Совѣтую вамъ переимѣнить картину: это выше пониманія слушателей.

Офицеръ пожалъ ему руку и сказалъ:

— Всей душою преклоняюсь передъ вами.

Удивленный англичанинъ взглянулъ на него и увидѣлъ остроумное, страстное и болѣзненное лицо.

Онъ слегка поклонился, подумалъ и заговорилъ снова. Голосъ его звучалъ теперь очень мягко и спокойно; онъ воспѣвалъ безгрѣшное блаженство двухъ прекрасныхъ существъ; описы-

валъ ихъ величавую наготу, смѣлость и ясность взора, прогулки среди львовъ и тигровъ, которые играли у ихъ ногъ; чистоту утренней молитвы, прелесть улыбки, рѣзвая забавы юности и столь мучительную для духа зла любовь, которой исполнены были ихъ рѣчи.

Сладостныя, невольныя слезы катились изъ глазъ прекрасной Маріонъ де-Лормъ; вопреки уму, природа нашла доступъ къ ея сердцу; поэзія пробудила въ ней высокія, торжественныя мысли, отъ которыхъ отвлекало опьяненіе свѣтскихъ удовольствій; цѣломудренная любовь впервые являлась во всей своей красотѣ, и, какъ по мановенію волшебнаго жезла, Маріонъ превратилась въ прекрасную блѣдную статую.

Корнель, его юный другъ и офицеръ молчали и не рѣшались выразить своего восторга, такъ какъ послѣднія слова поэта покрылись, къ его удивленію, довольно громкими замѣчаніями.

— Силь моихъ нѣтъ!—воскликнулъ Дебарро,—это приторно до тошноты!

— И при томъ всякое отсутствіе граціи, галантности и пылкости!—холодно замѣтилъ Скудери.

— То ли дѣло нашъ безсмертный Дюрфэ!—сказалъ Барро, продолжатель «Астреи».

— Куда ужъ ему до «Аріадны» или «Астреи»!—вопилъ Годо, составитель примѣчаній.

Таковыми любезностями награждала поэтъ возмущенная публика, но до него онѣ доносились только въ видѣ смутнаго гула; однако онъ понялъ, что впечатлѣніе было неблагоприятное, и погрузился въ раздумье, собираясь коснуться новой струны своей лиры.

Въ эту минуту доложили о пріѣздѣ совѣтника де-Ту. Онъ скромно поклонился, молча пробрался за спину автора и сталъ рядомъ съ Корнелемъ, Покелэномъ и молодымъ офицеромъ.

Мильтонъ продолжалъ. Онъ говорилъ о появленіи небеснаго гостя въ райскихъ садахъ, подобномъ второй зарѣ среди бѣлаго дня, о томъ, какъ съ каждаго взмахомъ божественныхъ крыль-

евъ въ воздухѣ распространялось чудное благоуханіе, и ангелъ открывалъ смертному исторію небесъ, о томъ, какъ возмутился Люциферъ и, одѣтый въ алмазную броню, сидя на ослѣпительной какъ солнце колесницѣ, окруженной сверкающими херувимами, ополчился на Господа; какъ на живой колесницѣ Всевышняго явился Эммануиль и двѣ тысячи громовъ съ страшнымъ трескомъ покатались изъ десницы его въ преисподнюю, гдѣ армія бѣсовъ погибла подъ гигантскими обломками разрушеннаго неба.

Тутъ уже всѣ поднялись со своихъ мѣстъ, и чтеніе было окончательно прервано: къ отсутствію вкуса присоединились еще религіозные предразсудки. Всюду слышались восклицанія, столь неслестныя для поэмы, что хозяйка дома принуждена была приложить всѣ старанія, чтобы скрыть ихъ отъ автора. Впрочемъ, это было не трудно: душа его въ эту минуту не имѣла никакой связи съ землею, поглощенная всецѣло своими высокими мыслями; а когда, наконецъ, онъ опомнился—его окружали четверо поклонниковъ, и слова ихъ заглушали говоръ публики.

— Послушайте,—сказалъ ему Корнель. Если вы хотите славы въ настоящемъ, не ждите ея отъ столь прекраснаго произведенія. Чистая поэзія доступна очень немногимъ, для большинства нуженъ, кромѣ того, болѣе реальный интересъ драмы. Мнѣ хотѣлось сдѣлать поэму изъ «Поліевкта», но я сокращу его, выкину небо и превращу поэму въ трагедію.

— Что мнѣ за дѣло до славы въ настоящемъ!—отвѣчалъ Мильтонъ. Я вовсе не думаю объ успѣхѣ, пою потому, что чувствую себя поэтомъ, иду, куда влечетъ вдохновеніе; то, что оно производитъ,—всегда хорошо. Если мои стихи будутъ читаться только черезъ сто лѣтъ послѣ моей смерти, я все же буду писать ихъ.

— О, я въ восторгѣ отъ нихъ еще ранѣе, чѣмъ они написаны,—сказалъ молодой офицеръ. Я вижу въ нихъ Бога, Чей образъ нахожу врожденнымъ въ своей душѣ.

— Кто же говорить со мной такъ благосклонно?—спросилъ поэтъ.

— Я Рене Декартъ,—отвѣчалъ тихонько офицеръ.

— Какъ, сударь! воскликнулъ де-Ту,—ужели вы такъ счастливы, что приходите сродни автору «Принциповъ?».

— Этотъ авторъ—я самъ.

— Вы, сударь! Вы... но... какъ же? Извините меня... но вѣдь вы военный?—спросилъ совѣтникъ въ изумленіи.

— Что же общаго между жизнью духа и одеждой? Да, я ношу шпагу и участвовалъ въ осадѣ Ларошели; я люблю военное дѣло за высокій строй мыслей, который порождается постоянной готовностью жертвовать жизнью; но это дѣло не поглощаетъ всего человѣка, нельзя постоянно думать о немъ, а въ мирное время оно совсѣмъ не требуетъ нашего вниманія. Къ тому же всегда можно опасаться, что умственная нападѣтельность будетъ прервана внезапной, смѣшной и неумѣстной случайностью; если человѣка убьютъ ранѣе, чѣмъ онъ успѣетъ выполнить задуманное, потомство будетъ убѣждено, что онъ не задумалъ ничего или задумалъ дурное; а это очень больно.

Де-Ту съ радостной улыбкой слушалъ слова великаго человѣка; этотъ простой языкъ правился ему болѣе всякаго другого, кромѣ языка сердца. Онъ пожалъ руку юному Туренскому мудрецу и увелъ его въ сосѣдную комнату, вмѣстѣ съ Корнелемъ, Мильтономъ и Мольеромъ, и тамъ между ними завязался одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, которые заставляютъ считать потеряннымъ все предшествовавшее и послѣдовавшее за ними время.

Уже два часа провели они въ очаровательной бесѣдѣ, какъ вдругъ послышались звуки музыки. Гитары и флейты играли менуэты, сарабанды, аллеманды и испанскіе танцы, введенные въ моду молодой королевой. Группы молодыхъ женщинъ съ громкимъ смѣхомъ проходили мимо. Очевидно, начинался балъ. Очень молодая и красивая дама съ большимъ вѣеромъ,

который держала какъ скипетръ, съ блестящей свитой изъ десяти молодыхъ людей, которыми управляла какъ настоящая королева, вошла въ маленькую уединенную гостиную и окончательно обратила въ бѣгство ученыхъ собесѣдниковъ.

— Прощайте, господа, — сказалъ де-Ту, — уступаю свое мѣсто г-жѣ де-Ланкло и ея мушкетерамъ.

— Какъ, господа, — воскликнула юная Нинонъ, — неужели вы насъ боитесь? Или мы вамъ помѣшали? Вы имѣете видъ заговорщиковъ.

— Ну, заговорщики-то, пожалуй, скорѣе мы, чѣмъ они, хоть и танцуемъ, — сказалъ Оливье, который велъ ее подъ руку.

— Но вы злоумышляете только противъ меня, г. Пажъ, отвѣчала Нинонъ, поглядывая на другого кавалера и предоставляя третьему свободную руку, пока остальные старались на-лету поймать ея блестящій взоръ, скользящій по нимъ какъ легкое пламя по свѣтильникамъ, которые вспыхиваютъ одинъ за другимъ при его приближеніи.

Де-Ту спасся бѣгствомъ, — никто и не думалъ удерживать его; но на широкой лѣстницѣ онъ столкнулся съ маленькимъ аббатомъ Гонди. Тотъ только-что пришелъ и, весь красный, въ поту, запыхавшись, весело и возбужденно оставилъ молодого человека:

— Куда, куда вы? Дайте развѣхаться ученымъ и чужимъ, вы вѣдь изъ нашихъ. Я пришелъ немного поздно, но наша прекрасная Аспазія проститъ меня. Что это вамъ вздумалось уйти? Развѣ все уже кончено?

— Должно быть, что такъ; развѣ начались танцы, значить, чтенія больше не будетъ.

— Чтенія, — да. А присяга? — спросилъ аббатъ тихо.

— Какая присяга?

— Развѣ г. Легранъ не пріѣзжалъ?

— Я и самъ думалъ найти его здѣсь, но, должно быть, онъ или еще не пріѣзжалъ или уже уѣхалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, идите со мной! воскликнулъ вѣтранный аббатъ, — вы изъ

нашихъ, чертъ возьми! Это само собой разумѣется. Пойдемте!

Де-Ту не рѣшился отказаться; даже въ забавахъ, которыя были ему не по вкусу, ему хотѣлось быть заодно съ друзьями, а потому онъ послѣдовалъ за аббатомъ черезъ двѣ комнаты и спустился потаенной лѣстницей. Съ каждымъ шагомъ яснѣе доносился гулъ мужскихъ голосовъ. Гонди отворилъ дверь. Неожиданное зрѣлище представилось ихъ взорамъ.

Комната, куда они вошли, озаренная таинственнымъ полусвѣтомъ, казалась предназначенной для любовныхъ свиданій. Съ одной стороны, подъ вышитымъ, украшеннымъ перьями и кружевами балдахинномъ, стояла золоченая постель; остальная мебель, также золоченая, была обита свѣтло-сѣрой шелковой матеріей, великолѣпно расшитой; у подножія каждаго кресла былъ разостланъ на толстомъ коврѣ четырехугольный кусокъ бархата. Маленькія зеркала, соединенныя серебряными рамами, представляли огромное сплошное зеркало, — роскошь въ то время неизвѣстную, — и сверкали повсюду своей блестящей гранью. Ни одинъ звукъ снаружи не могъ проникнуть въ это убѣжище нѣги, но люди, собравшееся въ немъ, были, казалось, очень далеки отъ мыслей, которыя оно могло вызвать. Толпа мужчинъ, въ которыхъ де-Ту узналъ придворныхъ и военныхъ, тѣснилась у входа и наполняла соседнюю, болѣе просторную комнату; всѣ съ глубокимъ вниманіемъ слѣдили за происходившимъ въ спальнѣ. Десять молодыхъ людей, стоя вокругъ большого стола съ обнаженными и опущенными къ землѣ шпагами, обернувшись лицомъ къ Сень-Марсу, повидимому приносили ему присягу; оберъ-штабмейстеръ, погруженный въ глубокую задумчивость, скрестивъ на груди руки, стоялъ у камина одинъ. Маріонъ де-Лормъ была тутъ же; она имѣла видъ торжественный и важный и, казалось, только-что представила молодыхъ людей Сень-Марсу.

Не успѣлъ онъ замѣтить друга, какъ бросился къ двери, схватилъ его за обѣ руки и, съ грознымъ взглядомъ въ

сторону Гонди, остановилъ на послѣдней ступенькѣ.

— Что вы тутъ дѣлаете?—спросилъ онъ глухимъ голосомъ. Кто васъ привелъ? Чего вы хотите отъ меня? Если войдете—вы погибли.

— А сами вы что дѣлаете? Что происходить въ этомъ домѣ?

— Послѣдствія того, что вамъ уже извѣстно; уходите, говорю вамъ, здѣшній воздухъ отравленъ для всякаго, кто дышетъ имъ.

— Уже поздно: меня видѣли; что скажутъ, если я уйду? Это лишить ихъ смѣлости, и тогда вы погибли.

Они говорили вполголоса и очень быстро; при послѣднемъ словѣ де-Ту оттолкнулъ друга и твердымъ шагомъ прошелъ по комнатѣ къ камину. Сень-Марсъ задыхался отъ гнѣва; онъ вернулся на прежнее мѣсто, въ раздумьи понурилъ голову, и когда поднялъ ее—лицо его было уже спокойнѣе. Онъ продолжалъ рѣчь, прерванную приходомъ де-Ту:

— Примкните же къ намъ, господа; теперь мы можемъ дѣйствовать уже болѣе открыто. Помните, что когда человѣкъ съ твердой волей на что-нибудь рѣшится, онъ долженъ преслѣдовать свою цѣль, не заботясь о послѣдствіяхъ. Ваша храбрость будетъ имѣть примѣненіе болѣе широкое, чѣмъ придворная интрига. Благодарите меня: вмѣсто заговора я даю вамъ войну. Герцогъ Бульонскій уже уѣхалъ, чтобы стать во главѣ своей италіанской арміи; черезъ два дня я ѣду въ Перпиньянъ и буду тамъ ранѣе короля; поѣзжайте и вы, насъ ожидаетъ роялистская часть войска.

Сень-Марсъ обвелъ окружающихъ спокойнымъ и довѣрчивымъ взоромъ; всѣ устремленные на него глаза блестя радости и восторгомъ; но онъ еще противился заразительному волненію, предшествующему великимъ предпріятіямъ,—нужно было сначала увѣриться въ товарищахъ.

— Да, война, милостивые государи,—повторилъ онъ торжественно,—подумайте объ этомъ—открытая война! Въ Ларошели и Наваррѣ снова поднимутся кальвинисты; италіанская ар-

мія прибудетъ съ одной стороны, его высочество присоединится къ намъ съ другой; мы окружимъ, побѣдимъ кардинала, сотремъ его съ лица земли. Парламенты пойдутъ за нами слѣдомъ и поднесутъ королю свое прошеніе—это оружіе, не менѣе сильное чѣмъ наши шпаги; а послѣ побѣды мы бросимся къ ногамъ Людовика XIII, нашего повелителя, и будемъ молить его о прощеніи за то, что предупредили его и избавили его отъ кроваваго честолюбца.

Онъ посмотрѣлъ кругомъ и прочелъ еще большую рѣшимость въ глазахъ и движеніяхъ слушателей.

— Какъ,—продолжалъ онъ, скрепивъ на груди руки и съ трудомъ сдерживая собственное волненіе,—вы не отступаете передъ дѣломъ, которое въ глазахъ другихъ людей можетъ показаться возстаніемъ? Вы не думаете, что я преступилъ границы данной мнѣ вами власти? Я зашелъ въ этомъ дѣлѣ очень далеко; но бываютъ случаи, когда монархамъ надо служить помимо ихъ воли. Все предусмотрено, вы это знаете. Седанъ откроетъ намъ свои ворота, а въ Испаніи мы увѣрены. Мы приведемъ къ Парижу двѣнадцать тысячъ человѣкъ стараго испанскаго войска, но ни одной крѣпости не отдадимъ иностранцамъ; во всѣхъ будетъ французскій гарнизонъ, и мы будемъ брать ихъ именемъ короля.

— Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ союзъ! Новый союзъ, святая лига!—единодушно крикнули собравшіеся юноши.

— Вотъ онъ,—воскликнулъ Сень-Марсъ восторженно,—вотъ онъ, наконецъ, счастливѣйшій день моей жизни! О, юность, юность! Изъ вѣка въ вѣкъ тебя называютъ легкомысленной, вѣтренной! Въ чемъ же могутъ обвинить тебя теперь? Самое обширное, праведное, благотѣльное предпріятіе возникло, окрѣпло и готово осуществиться подъ предводительствомъ двадцатидвулѣтняго вождя! Друзья, что такое геройская жизнь, какъ не мечта юности, осуществленная зрѣлымъ возрастомъ? Юность орлинымъ взглядомъ пристально смотритъ въ

что деньги ей доставлены, при чемъ онъ ей подаль мѣшокъ съ золотомъ. Быстрымъ движеніемъ руки оттолкнула она мѣшокъ и громко вскричала:

— Ни одинъ оболъ изъ этихъ проклятыхъ денегъ не присоединю я къ нашимъ деньгамъ, да и Ганно ихъ не возьметъ. Пока сердце одного изъ нихъ не перестанетъ биться, до тѣхъ поръ соединяютъ ихъ неразрывныя узы. Какъ! Она хочетъ откупиться деньгами отъ брака, законнаго брака, точно военнопленный?! Быть можетъ, для того, чтобы послѣдовать за другимъ?! Ганно, мой храбрый мальчикъ, былъ готовъ идти въ огонь и въ воду для нея, и вотъ чѣмъ она его за это вознаграждаетъ, покрываетъ стыдомъ его и всю его семью! О время, о свѣтъ! Съ грязью мѣшаютъ то, что прежде считалось святымъ и неприкосновеннымъ. Нѣтъ, не всѣ еще такія. Несмотря на испорченность нравовъ, которую къ намъ занесли греки, брачная вѣрность и честь еще сохраняются среди насъ. Но да будетъ проклята она, которая насмѣялась надъ святыней и попала ногами наши нравы и обычаи! Пусть она сдѣлается добычей жулды, голода, болѣзней и смерти!

Казалось, силы оставили ее совсѣмъ, и она опустилась на подушки. Біасъ началъ ее успокаивать на ихъ родномъ языкѣ и передалъ ей, что хотя Ледша и бросила мужа, но, какъ видно, не оставила плана мести, потому что онъ долженъ передать отъ нея имени два таланта золотомъ въ храмъ Немезиды.

— Немезидѣ! — повторила старуха, дѣлая тщетныя усилія приподняться.

Біасъ ей помогъ вновь принять сидячее положеніе, и она воскликнула:

— Немезидѣ, которая ей помогла и должна дальше помогать мстить! Да, да, хорошо... Пять талантовъ это много, очень много денегъ. Но пусть! Чѣмъ больше, тѣмъ вѣрнѣе успѣхъ. Отнеси ихъ также Немезидѣ. Пусть гриффы, подвластные этой страшной богинѣ, раздерутъ своими когтями красивое лицо проклятой біамитянки, пусть они вырвутъ ей сердце! Да будетъ она дважды проклята за то горе и стыдъ, ко-

торые она причиняетъ сыну моего добраго Сатабуса.

Затѣмъ она спросила, не замѣшанъ ли кто-нибудь въ ея бѣгствѣ, и когда узнала, что Ледшѣ сопутствуетъ галлъ Лутариусъ, она внѣ себя закричала:

— Да, отнеси сейчасъ же это золото Немезидѣ; мы не хотимъ и не возмемъ этихъ денегъ. И мой Сатабусъ благословитъ меня за мой отказъ отъ нихъ!

Затѣмъ, обращаясь къ вольноотпущеннику, она медленно, съ трудомъ проговорила:

— Ты ее увидишь; расскажи ей, на что употребила таланты старуха Табусъ, и какая страшная месть, я надѣюсь, обрушится на нее. Передай ей также мое проклятiе и скажи, что ея друзья станутъ отнынѣ моими врагами, а враги ея найдутъ во мнѣ благодѣтельному.

Нѣсколько секундъ просидѣла она молча, какъ бы обдумывая что-то, затѣмъ, обратившись къ Гермону, сказала:

— Пойди сюда, слѣпой грекъ. Тебѣ бросили въ лицо горящій факель, не такъ ли? И теперь ты слѣпъ на оба глаза?

Послѣ утвердительнаго отвѣта Гермона она приказала ему опуститься передъ ней на колѣни и дрожащими пальцами, но умѣло и ловко приподняла она ему одно вѣко за другимъ и, долго, внимательно осмотрѣвъ его глаза, пробормотала какъ бы про себя:

— Точно такъ же, какъ у чернаго Псоти и храбраго Симеона, и все же они выздоровѣли.

— Можешь ли ты мнѣ помочь? — воскликнулъ въ сильномъ волненіи Гермонъ, — отвѣчай мнѣ правду, ты мудрая и опытная женщина! Возврати мнѣ только зрѣніе, и ты можешь потребовать отъ меня, чего только хочешь. И, кромѣ того, отдамъ я тебѣ все, что у меня еще есть, — деньги и драгоценности.

— Сохрани все для себя, — отвѣтила превратно Табусъ. Не ради денегъ возвращу я тебѣ то, что ты потерялъ и что считается самымъ драгоценнымъ для человѣка, а потому,

что ты тотъ, которому она, проклятая, желала больше всего причинить зла. Когда она призывала мсть на твою голову, она думала, что исполненіе этого желанія и есть то счастье, которое ей было предсказано въ ночь полнолунія. Сегодня также появится полный дискъ луны между рогами Астарты, и ты сейчасъ получишь изъ моихъ рукъ то, что вновь возвратитъ тебѣ зрѣніе.

Призвавъ прислуживающую ей біамитянку, она приказала ей принести ящикъ съ травами и мазями и, вынувъ изъ него банку съ мазью, она пробормотала:

— Да, пріятно уничтожить врага, но иногда еще пріятнѣе помочь врагу!

Обращаясь затѣмъ къ Біасу, она громко сказала:

— Ты же, рабъ, долженъ передать женѣ Ганно слѣдующее: старая Табусъ подарила скульптору, ослѣпленному по ея приказанію, то лѣкарство, которое вернуло черному Псоти зрѣніе. Да, дѣти мои, Сатабусъ и Ганно, если это— послѣднее, что можешь сдѣлать вамъ старая мать, вамъ оно все же доставитъ удовольствіе.

Заставивъ еще разъ Гермона стать на колѣни передъ ней, она помазала ему глаза, говоря:

— Остатки отдаю я тебѣ, но это хватитъ тебѣ, и мазь такъ же свѣжа и пахуча, какъ будто только-что слѣлана.

Сильное волненіе, казалось, овладѣло ею, и, когда блѣдный свѣтъ луны проникъ къ ея ложу, она провела нѣсколько разъ руками передъ лицомъ слѣплого, произнося слова заклинанія. Лунный свѣтъ все больше проникалъ въ комнату, а съ нимъ вмѣстѣ какъ бы возрастало волненіе старой лѣкарки. Наконецъ, она громкимъ, твердымъ голосомъ произнесла:

— Ближе, еще ближе ко мнѣ! При блескѣ луны, лучи которой насъ пріивѣтствуютъ, говорю тебѣ, ты будешь видѣть. Въ тихомъ мѣстѣ, въ чистомъ воздухѣ, вдали отъ города, ожидай терпѣливо твоего выздоровленія. Избѣгай того, чѣмъ вы, греки, опья-

няете себя, и всего, что волнуетъ кровь мужчины. Выздоровленіе твое приближается; я вижу уже, какъ оно наступаетъ! Ты будешь вновь видѣть, повторяю тебѣ, и это такая же правда, какъ правда то, что я проклинаю ту, которая нарушила вѣрность мужу. Она торжествовала и радовалась твоей слѣпотѣ, а теперь будетъ скрежетать зубами отъ злости и отчаянія, когда услышитъ, что Табусъ вновь освѣтила мракъ, окружающій тебя.

Говоря это, она въ изнеможеніи упала на свое ложе. Еще разъ хотѣла поблагодарить ее Гермона, но она не дала ему ничего высказать, прервавъ его презрительнымъ тономъ.

— Право, не затѣмъ дала я тебѣ мазь, чтобы тебѣ оказать благодареніе, о, нѣтъ, совсѣмъ не для того.

Указавъ ему еще разъ, какъ онъ долженъ примѣнять мазь, и повторивъ совѣтъ избѣгать солнечнаго свѣта, какъ злѣйшаго врага, и защищать отъ него глаза повязкой и зонтикомъ, она замолчала. Когда же Біасъ обратился къ ней съ новымъ вопросомъ, она, показавъ рукой на дверь, произнесла:

— Прочь, скорѣй прочь отсюда!

Они тотчасъ же исполнили ея приказаніе, унося съ собой драгоценное лѣкарство. На другой день передалъ Біасъ пораженному жрецу Немезиды богатый даръ, предназначенный для этой грозной и мстительной богини. Онъ также сообщил своему господину собранныя имъ свѣдѣнія о томъ, что Гула помирилась съ мужемъ, вновь принявшимъ ее въ свой домъ. Опасенія же Таусъ, младшей сестры Ледши, что молодой біамитъ, который за нее сватался, откажется отъ своего намѣренія, узнавъ о ея посѣщеніяхъ мастерской Гермона, оказались напрасны, и она уже давно стала его женой. Послѣ долгаго и утомительнаго плаванія по вновь вырытому каналу, соединяющему Средиземное съ Краснымъ моремъ, достигли путешественники сѣвернаго узкаго мыса—цѣли ихъ путешествія и гдѣ, какъ Біасъ надѣялся, господинъ его найдетъ покой, необходимый для его выздоровленія.

XXIX.

Гермонъ давно не чувствовалъ себя такимъ спокойнымъ и довольнымъ, какъ во время этого путешествія. Твердо и увѣренно надѣялся онъ на свое выздоровленіе. Какимъ-то чудомъ спасся онъ нѣсколько дней тому назадъ отъ близкой смерти, и этимъ спасеніемъ былъ онъ обязанъ Дафнѣ. Теперь, когда онъ вновь побывалъ въ храмѣ Немезиды, имъ овладѣла полная увѣренность въ томъ, что богиня прекратила свое преслѣдованіе. Правда, его слѣпые глаза не могли видѣть ея грознаго образа, но онъ не чувствовалъ ни ужаса, ни содроганія въ ея присутствіи. Уже тамъ, въ Александріи, когда онъ покинулъ пиръ Проклоса, перестала она его преслѣдовать. Иначе, избѣжалъ ли бы онъ открытой передъ нимъ пасти смерти? Вѣдь ей стоило сдѣлать лишь незначительное движеніе рукой, чтобы свергнуть его туда подобно другимъ. И не только эта богиня, но и всѣ боги, благодаря происшедшей съ нимъ нравственной перемѣнѣ, простили ему его прежнія прегрѣшенія. Они охраняли его во время его путешествія такъ же заботливо, какъ во дни его дѣтства. Ихъ образы ясно рисовались въ его воображеніи: когда онъ чувствовалъ лучи солнца, ему казалось, что онъ видитъ Феба-Аполлона—бога свѣта и чистоты; слухъ плескъ волнъ, онъ представлялъ себѣ выходящей изъ лазуревой воды Афродиту, богиню, воплощающую все прекрасное. А Деметра! Онъ не могъ себѣ ее представить иначе, какъ съ лицомъ Дафны, полной доброты и женственности. Вѣсь свѣтъ казался ему своимъ полнымъ боговъ и богинь, и въ сердцѣ своемъ ощущалъ онъ ихъ божественное присутствіе. То мѣсто, куда его привезъ вѣрный Біасъ, находилось на возвышенномъ берегу моря; благодаря ключамъ, орошающимъ здѣсь песокъ пустыни, зеленѣли тутъ высокія пальмы и низкорослыя колючія акаціи. Подъ тѣнью этихъ пальмъ разбилъ Біасъ палатку для своего господина; тамъ же жила та семья амале-

китянъ, которую Біасъ зналъ съ дѣтства. Женщины занимались огородничествомъ, а мужчины проводили караваны съ товарами, которые шли изъ Египта черезъ Синайскій полуостровъ въ Хевронъ. Дочь стараго шейха, главы семьи, хорошо помнила Біаса и привѣтствовала ихъ дружески, обѣщая вольноотпущеннику, что его господинъ будетъ считаться почетнымъ гостемъ всей ихъ семьи. Устроивъ все, что только было въ его власти и силахъ, покинулъ преданный слуга своего господина. Плача, сѣлъ онъ на корабль, который долженъ былъ его вести къ Ледшѣ; Гермонъ также съ грустью расстался съ нимъ. Долго еще не покидало художника волненіе и возбужденіе,—послѣдствія всего пережитаго за эти дни. Ему слышался въ плескѣ волнъ уличный шумъ Александріи, но уже спустя нѣкоторое время тишина пустыни стала благотѣльно дѣйствовать на него, и ночи его стали спокойны, живительный сонъ не покидалъ больше его ложа. Правда, это была монотонная жизнь, и вначалѣ бывали часы, когда ея однообразіе тяготило его. Но онъ не испытывалъ скуки; его внутренняя жизнь была слишкомъ богата, мысли его такъ разнообразны, что ему не было времени ощущать ее. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ пересталъ посѣщать философскую школу, избѣгалъ онъ предаваться серьезнымъ размышленіямъ; тутъ же ему стало это доставлять большое наслажденіе, и никогда еще такъ свободно не работало его умъ. Все его прошлое пронеслось передъ нимъ. Все, что онъ пережилъ, изучилъ, думалъ и ощущалъ когда-либо, все, къ чему онъ стремился и чего достигъ въ своемъ искусствѣ, все это ясно и отчетливо представлялось его умственнымъ взоромъ; онъ впервые могъ дать себѣ отчетъ, въ чемъ состояло его нравственное богатство, и могъ рассмотреть, какъ онъ пользовался имъ до сихъ поръ, и какъ долженъ онъ въ будущемъ поступать. Всѣ его ошибки, всѣ дурные поступки и отклоненія отъ истины сильно мучили его, но и тутъ опять пришла ему на

помощь его истинная греческая натура, которая не дала ему предаваться мучительным угрызениям совести. Надо было только избѣгать того, что онъ теперь призналъ за неправильное, и постараться въ будущемъ лучше употребить свои нравственные богатства. Тутъ въ тиши пустыни научился онъ здраво мыслить и прислушиваться къ требованіямъ своего сердца. Да, онъ все еще былъ слѣпымъ, но никогда яснѣе не видалъ онъ, какъ теперь, что такое человѣческая жизнь и вся обстановка, въ которой она протекаетъ, и это несмотря на то, что глаза его перестали видѣть. Какъ много изъ того, что онъ считалъ истиной и что казалось ему правильнымъ; представлялось ему теперь совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Теперь только понялъ онъ, какъ односторонне смотрѣлъ онъ на искусство. Дѣйствительность и природа, то, что онъ въ искусствѣ ставилъ выше всего, давали ему много художественнаго матеріала, но какъ много его было и въ той области, которую онъ до сихъ поръ не признавалъ и избѣгалъ въ области идей и чувствъ. Точно по мановенію волшебнаго жезла открылся тутъ передъ нимъ обширный міръ идей и идеальныхъ представленій. Онъ всегда стремился выказать въ своихъ произведеніяхъ всю силу своего творчества, хотѣлъ достигнуть великаго, даже сверхчеловѣческаго. Это стремленіе заставило его въ его группѣ «Борющіяся Менады» переступить границы дозволеннаго, пренебречь всякими законами эстетики. Но если бъ теперь какая-нибудь божественная сила вернула ему возможность творить, онъ бы этимъ иначе пользовался. О если бъ ему впоследствии было дано изобразить Феба-Аполлона, побѣждающаго чудовище мрака и невѣжества. Онъ много думалъ объ Арахнеѣ и о Деметрѣ, но теперь онъ не хотѣлъ изображать эту богиню мирно и добродѣтельно благословляющей все живущее: она ея являлась въ образѣ матери, у которой только-что похитили Прозерпину. Природа и наблюдение посредствомъ зрѣнія были те-

перь недоступны слѣпому художнику. Дѣйствительность была для него какъ бы закрыта, но зато его умъ нашелъ путь въ мірѣ идей и идеаловъ. И какой это былъ богатый міръ! Онъ, который еще недавно считалъ, что все то, что нельзя осязать руками, не годится для искусства, открылъ въ немъ сотни сюжетовъ для своихъ произведеній. Трудность выполнения этихъ сюжетовъ его нисколько не пугала. Напротивъ! Притомъ онъ чувствовалъ свои силы и знаніе. Его тихая спокойная жизнь научила его еще тому, что можно проводить пріятные и счастливые часы въ одиночествѣ; прежде ему казалось, что пиры и праздники и многочисленное общество друзей необходимы для его жизни, какъ воздухъ для дыханія. Еще въ началѣ его пребыванія многое ему не нравилось въ пустынѣ, многое раздражало его, главнымъ образомъ вѣчно недобольный голосъ его раба Патрона, которому надоѣла однообразная жизнь и который считалъ для себя, ученаго писца, униженнымъ готовить своими искусными руками грубую пищу для его господина. Но и это скоро прекратилось.

Въ одинъ прекрасный день Патронъ исчезъ, захвативъ съ собой кошелекъ и серебряный кубокъ Гермона. Этотъ мошенническій поступокъ слуги, къ которому слѣпой почти по-братски относился, опечалилъ Гермона, но затѣмъ онъ почувствовалъ большое облегченіе отъ того, что избавился отъ присутствія этого угрюмаго челоѣка. Веселый и услужливый мальчикъ изъ семьи, живущей подлѣ него, охотно прислуживалъ ему и служилъ проводникомъ, а мать его готовила художнику, очень скоро привыкшему къ ихъ простой и скудной пищѣ. Хотя у него сохранились еще нѣсколько золотыхъ монетъ, на которыя онъ легко могъ приобрести въ ближайшемъ портовомъ городѣ мясо, дичь и вино, но онъ помнилъ совѣтъ старой Табусъ, да и дочь шейха, которая ему мазала глаза снадобьемъ старой ворожеи и плела ему изъ листьевъ зонтики для защиты глазъ отъ солнца, точно такъ же

совѣтовала ему избѣгать всякой горячительной пищи.

Однажды во время перевязки показалось Гермону, что слабый лучъ свѣта какъ бы слегка освѣтилъ окружающую его такъ давно мрачную ночь. Какъ забилося его сердце уже отъ этого одного проблеска свѣта! Въ одинъ мигъ расцвѣла вновь надежда въ его душѣ, и, подобно бабочкѣ, возвращающейся къ распустившемуся цвѣтку, вернулась къ нему его веселость. Радостныя мечты показывали ему образъ его возлюбленной, а его самого—въ мастерской за работой новыхъ произведеній. Онъ всегда былъ большимъ другомъ дѣтей; маленькіе амалекитяне это уже давно поняли и теперь радостно окружали слѣпого чужестранца, который возился съ ними и умѣлъ, несмотря на завязанные глаза и зеленый вонтикъ, такъ искусно, какъ имъ казалось, вырѣзывать изъ тростника разныя дудки и другія игрушки. Увѣренность въ томъ, что зрѣніе вернется къ нему, все сильнѣе и сильнѣе росла въ немъ и поддерживалась въ немъ увѣреніями амалекитянки, что близко то время, когда онъ будетъ вновь видѣть. Только бы ему видѣть, вновь наслаждаться тѣмъ, что ему будутъ показывать его глаза. Да, онъ теперь знаетъ, что красота имѣла такія же права, какъ истина и правда; изображая красоту, можно было оставаться вѣрнымъ правдѣ. Пусть только его глаза откроются, и онъ своими произведеніями докажетъ свое поклоненіе истинной красотѣ. И надежда все росла и принимала все болѣе реальныя формы; лучъ свѣта становился все сильнѣе, а въ одинъ прекрасный день онъ увидалъ, какъ бы выступающій изъ тумана, колющій стволъ акаціи воулѣ его палатки. Самый восторженный любитель природы не могъ бы найти это дерево красивымъ, но Гермону оно показалось прекраснѣе самаго красиваго: это вѣдь былъ первый предметъ, который онъ, наконецъ, увидалъ.

Онъ тотчасъ же послалъ въ сосѣдній городъ положить, какъ жертву на алтарь врачующей Изиды, одно изъ

своихъ драгоценныхъ колецъ. Какъ горячо сталъ онъ молить Аполлона, бога свѣта, и Афродиту, богиню красоты, о возвращеніи ему зрѣнія! Спустя недѣлю при новой перевязкѣ увидалъ онъ темновеленыя волны Краснаго моря, очертанія пальмъ, палатку, амалекитянку и мальчугана, прислуживающаго ему. Все это видѣлъ онъ. Восторженную благодарность воздать онъ милостивымъ богамъ, въ существованіи которыхъ онъ, вопреки своему учителю Стратону, теперь больше не сомнѣвался. Какіе планы, какія темы для работы зарождались въ его мозгу! И то, что онъ хотѣлъ творить, не должно было изображать исключительно реальность и дѣйствительность. Нѣтъ, онъ хотѣлъ теперь воплощать самыя высокія идеи, самыя отвлеченныя идеалы. Онъ знаетъ теперь, что ему не нужно для этого натуры, что ему не надо было рабски ее копировать, и все-таки, несмотря на это, онъ могъ придерживаться правды. Каждый мускулъ, каждый палецъ, малѣйшій локонъ волосъ должны были быть вѣрны съ натурой, но вмѣстѣ съ тѣмъ его творенія должны были проникнуты и какъ бы одухотворены идеей. Его произведенія должны были быть отраженіемъ идеи и его индивидуальности, вѣрны правдѣ безъ всякой условности, но должны строго подчиняться правиламъ пропорцій. Этотъ новый взглядъ на искусство явился плодомъ его долгихъ, одинокихъ размышленій объ искусствѣ и художественныхъ произведеніяхъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вновь увѣровалъ въ боговъ, онъ чувствовалъ, что Музы избрали его своимъ жрецомъ и что онъ долженъ имъ служить, онъ долженъ своими произведеніями не только удовлетворять зрѣніе зрителя, но возвышать его сердце и умъ, показывая ему въ нихъ все то, что возвышаетъ его собственную душу: правду, красоту, величіе и вѣчность. Во всей природѣ чувствовалось присутствіе этихъ четырехъ силъ, и ихъ изображать и передавать будетъ теперь его художественной задачей. Въ вѣчной неутомимой творческой силѣ, ко-

торая постоянно обновляет природу, придавая ей неизсякаемую прелесть, чувствовал онъ божественную силу. И ему казалось страннымъ, почти невозможнымъ то, что онъ могъ такъ долго отрицать боговъ. Пока онъ отрицалъ душевную жизнь, онъ не признавалъ никакой силы надъ собой, а теперь какимъ онъ себя чувствовалъ слабымъ и ничтожнымъ передъ этой силой! Но онъ чувствовалъ, что можетъ достигъ того, что среди смертныхъ дано достигать однимъ художникамъ: общенія съ божествомъ и возможности посредствомъ его произведений возвысить и зрителей до пониманія идеаловъ и красоты.

Второй мѣсяцъ его пребыванія въ пустынѣ подходилъ уже къ концу, когда мальчикъ, присутствовавшій при перевязкѣ, вскричалъ:

— Твои глаза становятся совсѣмъ чистыми и блестящими; знаешь, все бѣлое почти исчезло. Навѣрно, ты теперь уже можешь мнѣ вырѣзать львиную голову на моей палкѣ.

Быть можетъ, это бы и удалось Гермону, но онъ побоялся подвергнуть свои глаза такому испытанію, зато его съ необычайной силой потянуло вернуться въ свѣтъ, къ Дафнѣ; ему казалось, что теперь уже настала пора для этого. Старый шейхъ и его дочь принялись его уговаривать не торопиться, и, быть можетъ, эта поспѣшность повредить его зрѣнію. Благоразуміе Гермона одержало верхъ надъ его нетерпѣніемъ, и онъ согласился носить повязку и оставаться въ пустынѣ до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ и та легкая пленка, которая еще не позволяетъ ему ясно различать детали предметовъ. Правда, спокойствіе послѣднихъ дней его совсѣмъ покинуло, къ этому присоединилась еще забота о близкихъ его сердцу. Онъ до сихъ поръ не имѣлъ о нихъ не малѣйшаго извѣстія, и когда онъ себя представлялъ, какая судьба ожидала Архіаса и его дочь, попадали они въ руки грознаго царя Птолемея, имъ овладѣвалъ смертельный ужасъ, заглушавшій всю ту радость, которую онъ испытывалъ отъ возвращенія его зрѣнія.

Страхъ за нихъ, этихъ самыхъ дорогихъ ему людей, пересилилъ всякое чувство осторожности, и онъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, покинуть пустыню и раздѣлить съ ними ихъ судьбу.

XXX.

Нѣсколько дней спустя отправился Гермонтъ на закатѣ солнца на берегъ моря. Какое-то для него самого необъяснимое волненіе овладѣло имъ. Глаза его ужъ безъ повязки, защищенные только отъ свѣта зонтикомъ изъ зеленыхъ листьевъ, показывали ему солнечный шаръ склоняющимся къ горизонту; красивые, сверкающіе и яркіе переливывы красокъ на всемъ небосклонѣ казались восторженному Гермону какъ бы злой насмѣшкой надъ безпокойствомъ, царящимъ въ его измученной душѣ. Лодка, приближающаяся къ берегу, не обратила на себя его вниманія: сюда приставало столько лодокъ съ путешественниками, отправляющимися во внутрь Аравіи, а за послѣднее время число ихъ какъ бы еще возросло. Внезапно услышалъ онъ знакомый ему призывъ; этими самыми звуками предупредилъ онъ всегда прежде о своемъ прибытіи домой. Радостно, почти безсознательно отвѣтилъ онъ на него, и ему теперь показалось, что вечерняя заря превратилась для него въ утреннюю, возвѣщавшую ему наступленіе счастливыхъ для него дней. Хотя его все еще слабые глаза не позволяли ему узнать того, кто стоялъ въ лодкѣ и посылалъ ему привѣтственные знаки руками, все же онъ почти навѣрно могъ сказать, кого привезла ему эта лодка.

Вскорѣ услышалъ онъ и привѣтствіе вѣрнаго Біаса и съ сильно бьющимся сердцемъ протянулъ онъ ему обѣ руки. Вольноотпущенникъ исполнилъ всѣ возложенныя на него порученія, и теперь его уже никакая клятва не обязывала молчать и скрывать что-либо отъ его господина. Ледша отпустила Мертилосо и его на свободу, а сама, насколько могъ понять Біасъ изъ подслушанныхъ разговоровъ, отправилась въ сопровожденіи галла Лутариуса въ Поротоніумъ, пограничный городъ

Египетскаго царства. Мертилось чувствовалъ себя совершенно здоровымъ и сильнымъ и послалъ его къ Гермону, который больше нуждается въ его услугахъ. Но, кромѣ того, преданный слуга привезъ извѣстія о Дафнѣ и Архіасѣ. Оба были здоровы и въ безопасности отъ преслѣдованій царя Птолемея. На робкій вопросъ вольноотпущенника о томъ, въ какомъ состояніи находятся его глаза, снялъ Гермонъ зонтикъ и показалъ, какъ успѣшно шло его выздоровленіе.

Вѣрнымъ Біасомъ овладѣла такая радость, что онъ, полу-плача, полу-смѣясь, сталъ цѣловать руки и одежду своего дорогого господина. Онъ долго не могъ успокоиться и затѣмъ произнесъ глубокомысленно:

—Безмертныепоступаютъ иначе, чѣмъ люди. Мы, скульпторы, можемъ только тогда творить хорошія произведенія, когда у насъ есть для этого хорошія матеріалы и хорошіе инструменты. Боги же иногда пользуются самыми дурными чувствами и побужденіями и достигаютъ самыхъ лучшихъ результатовъ. Такъ, напримеръ, они превратили ненависть старой волшебницы въ средство, возвратившее тебѣ, господинъ, зрѣніе. За это да будетъ миръ ея костямъ. Она умерла, и, какъ мнѣ передалъ землякъ, котораго я недавно встрѣтилъ, смерть припла за ней тотчасъ же послѣ нашего отъѣзда.

Пересказавъ еще разныя новости объ Архіасѣ, Дафнѣ и Мертилось, онъ передалъ Гермону два письма: одно было отъ его возлюбленной, другое—отъ Мертилоса. Какъ только Біасъ засвѣтилъ огонь въ палаткѣ, онъ тотчасъ же принялся за трудную для него работу чтенія этихъ писемъ. Нельзя сказать, чтобы вѣрный слуга сталъ образцовымъ чтецомъ, но и то, чего онъ достигъ въ этомъ искусствѣ, дѣлало большую честь терпѣнію его учителя, Мертилоса. Онъ началъ съ посланія Дафны, которое по желанію осторожнаго Архіаса заключало въ себѣ очень мало подробностей. Но увѣреніе въ любви и нѣжныя слова, которыми было наполнено письмо, заставляли чувствительнаго Біаса не разъ прервать чте-

ніе. Мертилось, напротивъ, очень подробно описывать свой образъ жизни и сообщалъ другу, что онъ для него и для себя ожидалъ отъ будущаго. Содержаніе этихъ писемъ сильно облегчило душу Гермона, такъ встревоженную долгой неизвѣстностью; онъ зналъ теперь, что можетъ надѣяться опять на совмѣстную жизнь съ тѣми, которые были ему дорожее всѣхъ на свѣтѣ. Кромѣ того, они объяснили ему многое такое, что было неясно въ разсказахъ Біаса.

Сначала находился Архіасъ вмѣстѣ съ Дафной въ городкѣ Митиленѣ на островѣ Лесбосѣ; туда приставали корабли съ путешественниками, которые отправлялись въ Пергамонъ, гдѣ теперь жилъ Мертилось. Послѣ того, какъ онъ исполнилъ всѣ требованія Ледши и освободился отъ данной ей клятвы, посѣтилъ скульпторъ дядю и Дафну, а передъ самымъ отъѣздомъ вольноотпущенника переселился тотъ съ дочерью также въ Пергамонъ. Онъ былъ очень дружественно принятъ намѣстникомъ того края и былъ склоненъ поселиться тамъ на болѣе продолжительное время. Мертилось же съ тѣхъ поръ какъ Ледша отпустила его на свободу, жилъ въ Пергамонѣ и тамъ въ полномъ уединеніи и тиши принималъ за работу и исполнилъ громадный горельефъ «Тріумфальное шествіе Діонисія». Такъ какъ слава, окружавшая имя Мертилоса, достигла и туда, то всѣ художники и высшія власти города толпами стремились въ его мастерскую полюбоваться художественнымъ произведеніемъ знаменитаго александрійца. Вскорѣ и намѣстникъ края Филитеросъ, управляющій уже семь лѣтъ этимъ краемъ, пожелалъ ближе узнать художника. Онъ и его наслѣдникъ покровительствовали и любили искусство; они предложили художнику изваять изъ мрамора исполненный имъ пока изъ гипса горельефъ, предназначая его для храма Діонисія въ Пергамонѣ. Въ особенноти наслѣдникъ стараго Филитероса подружился съ Мертилосомъ и старался всѣми способами удержать его навсегда въ Пергамонѣ. И это ему удалось, потому что Мертилось

въ прекрасномъ и обширномъ домѣ, который ему предложилъ Эйменесъ для жилья и мастерской, чувствовалъ себя физически здоровѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Кромѣ того, онъ думалъ, что его другъ Гермонтъ по многимъ причинамъ не пожелаетъ жить въ Александріи, и что присутствіе Архіаса и Дафны подбѣиваетъ притягательно и заставить его также избрать Пергамонтъ мѣстомъ жительства. Ему нечего было увѣрять слѣпого, что, если его слѣпота не пройдетъ, онъ всегда найдетъ въ немъ любящаго и заботливаго брата; если же зрѣніе къ нему вернется, то Мертилось попрежнему будетъ ему товарищемъ по искусству, съ которымъ можно дружно и хорошо работать. Мертилось разсказалъ наслѣднику Эйменесу о даровитомъ слѣпомъ родственникѣ, о его своеобразномъ искусствѣ, и тотъ съ жаромъ принялся уговаривать скульптора убѣдить друга переѣхать въ Пергамонтъ, гдѣ много знаменитыхъ врачей. Онъ также давалъ слово оказывать слѣпому художнику почести и уваженіе, а если боги ему вернуть зрѣніе, поручить ему большіе заказы. Какъ глубоко тронуло Гермона это дружеское письмо! Какая будущность открывалась для него: любовь, дружба будутъ ее наполнять, а какая, можетъ быть, откроется плодотворная жизнь для его искусства! «Видѣть, только бы вновь видѣть!»

Эта мысль примѣшивалась теперь ко всему, что онъ ощущалъ, думалъ или говорилъ. Даже во снѣ преслѣдовала она его. Для того, чтобы вновь обрѣсти зрѣніе, готовъ онъ былъ охотно перенести самыя ужасныя пытки. Въ одной Александріи находились тѣ знаменитые врачи, которые могли довершить то, что уже сдѣлала мазь этой старой ворожеи.

И онъ, во что бы то ни стало, туда отправится, если бъ ему пришлось даже заплатить за это жизнью. Знаменитѣйшій хирургъ того времени Эризистратосъ, правда, отказался ему когда-то помочь, но Гермонтъ надѣялся, что съ помощью Филиппоса, который былъ очень друженъ съ хирургомъ, ему удастся упротить его. А старый ко-

мендантъ находился какъ разъ недалеко отъ него. Царская флотилія только-что стала на якорь у перешейка, соединяющаго Африку съ Азіей. Жрецъ Аполлона въ сосѣднемъ городѣ Клисма разсказалъ Гермону, какая честь выпадетъ на долю этой восточной гавани. Появленіе паря и парицы объяснялось не однимъ только желаніемъ основать тамъ новый городъ и торжественной встрѣчей возвращающагося побѣдителемъ предводителя флота, но основывалось на болѣе важныхъ соображеніяхъ. За послѣдніе годы овладѣлъ невѣрующимъ въ боговъ царемъ Птоломеемъ II тяжелый недугъ, который заставляетъ теперь царя искать помощи у древнихъ египетскихъ боговъ. Онъ хочетъ предаться изученію этой мистической и таинственной вѣры и узнать всю магическую силу ихъ жрецовъ. Опасаясь близкой смерти, воздвигъ уже Птоломей въ Александріи величественный храмъ могущественному богу смерти, котораго одинаково почитали греки и египтяне; онъ надѣялся этимъ заручиться будущей жизнью. По той же причинѣ хотѣлъ онъ и здѣсь построить храмъ и заслужить расположеніе египетскихъ жрецовъ. Для исполненія всѣхъ этихъ плановъ нуждался онъ прежде всего въ деньгахъ; вотъ почему онъ стремился къ усиленію доходности своей и безъ того богатой страны. Онъ напелъ въ своей сестрѣ, Арсиноѣ, отличную помощницу въ государственныхъ дѣлахъ. Дочь того же отца и матери она имѣла тѣ же права, какъ и онъ, на уваженіе жрецовъ и на подчиненіе народа, который по религіи страны видѣлъ въ царѣ и его сестрѣ представителей бога Солнца. Браки между братьями и сестрами въ Египтѣ не только допускались, но считались по религіи и преданіямъ священными. Поэтому Птоломей, пославъ въ изгнаніе свою первую супругу Арсиноу, взявъ себѣ въ жены сестру свою, также Арсиноу. Тотчасъ же послѣ брака наименовалъ онъ себя Филадельфомъ, т.-е. «любящимъ сестру», и даровалъ то же имя своей супругѣ. Правда, союзъ этотъ вызвалъ у остро-

умныхъ и насмѣшливыхъ александрійцевъ много ѣдкихъ шутокъ. Но царь не жалѣлъ о своемъ выборѣ, несмотря на то, что царица достигла почтеннаго сорокалѣтняго возраста, и несмотря на многія убійства, совершенныя по ея приказанію, когда она была царицей Оракіи, Арсиноя была очень мудрая правительница и обладала все еще большой красотой. Она сопровождала царя въ его путешествіи на востокъ. Тамъ хотѣлъ онъ основать городъ, назвать его въ честь царицы «Арсиноя» и, дабы заслужить благосклонность и благодарность жрецовъ, рѣшилъ онъ тамъ же воздвигнуть огромный храмъ въ честь бога Тума. Кромѣ того, онъ съ нѣкоторыхъ поръ вступилъ въ сношенія съ африканскими прибрежными городами, желая, чтобы они открыли свои гавани египетскимъ торговымъ кораблямъ. Завязать эти сношенія было поручено предводителю флота Эймедису, сыну престарѣлаго Филиппоса и Тіоны. Этотъ храбрый воинъ прекрасно выполнилъ возложенное на него порученіе. Онъ не только основалъ на принадлежащемъ эіопскому народу берегу Краснаго моря городъ, названный имъ въ честь царя «Птоломаисъ», но также убѣдилъ всѣхъ прибрежныхъ правителей войти въ торговые сношенія съ Египтомъ. Теперь возвращался онъ обратно съ цѣлымъ грузомъ драгоценностей и подарковъ, и ему готовилась торжественная встрѣча. Больной царь рѣшилъ по окончаніи всѣхъ торжествъ и праздниковъ удалиться въ глубь пустыни и провести въ этой здоровой мѣстности, вдали отъ дѣлъ и шума столицы, цѣлый мѣсяцъ, надѣясь этимъ восстановить свое здоровье.

Пребываніе царственныхъ особъ и ожидаемыя торжества привлекли къ берегамъ Краснаго моря многія тысячи зрителей, и на другое утро послѣ прибытія Біаса къ Гермону въ почти пустынной до сихъ поръ гавани близъ Клисмы сновали сотни лодокъ всевозможныхъ формъ и величинъ. Не могло быть и сомнѣнія въ томъ, что престарѣлый комендантъ и его супруга Тіона будутъ присутствовать при торжествен-

ной встрѣчѣ ихъ сына Эймедиса. По этому Гермонтъ, желающій посовѣтоваться со своими старыми друзьями, рѣшилъ отправиться въ Херсонполисъ, гдѣ должно было состояться это торжество. Лодка, въ которой вольноотпущенникъ съ нему пріѣхалъ, должна была ихъ туда отвезти. Художникъ почти съ грустью покидалъ это мѣсто, которое ему принесло столько успокоенія и гдѣ къ нему вернулась надежда вновь обладать зрѣніемъ. Онъ дружески распрощался съ семьей амалекитянъ, также очень опечаленныхъ его отъѣздомъ. Когда они сѣли въ лодку, имъ пришлось убѣдиться, что имъ не такъ-то легко будетъ достигнуть мѣста назначенія. Несмотря на усилія трехъ сильныхъ гребцовъ, лодка съ большимъ трудомъ и очень медленно пробиралась между безчисленными кораблями, лодками и челноками. Два огромныхъ корабля съ роскошно расшитыми парусами по повелѣнію царя выѣхали сюда изъ Херсонполиса, чтобы раньше другихъ привѣтствовать возвращающагося героя. Къ нимъ присоединилась цѣлая флотилія небольшихъ судовъ и лодокъ, переполненныхъ любопытными. Какую оживленную и пеструю картину представляло въ этомъ мѣстѣ море! Какое разнообразіе и яркость цвѣтовъ среди богато расшитыхъ парусовъ! Какой шумъ и плескъ отъ сотни поднимаемыхъ и опускаемыхъ веселъ!

— Смотри, господинъ! — вскричалъ Біасъ: — вотъ этотъ большой корабль изъ Александріи также посланъ на встрѣчу герою!

— А этотъ откуда? — спросилъ Гермонтъ, глаза котораго, хотя все еще не позволявшіе исполнѣ отчетливо различать предметы, увидели на палубѣ большого грузового корабля шесть огромныхъ африканскихъ слоновъ, и до слуха его достигъ ревъ львовъ и пантеръ съ того же корабля.

— Это подарки для царя и придутся ему, навѣрно, по вкусу. Такого количества дикихъ звѣрей не привозилъ ему еще никто, и они значительно пополняютъ его рѣдкую коллекцію, — отвѣтилъ біамитъ.

— А тамъ, смотри-ка, сколько обезъ-

янь и пестрых попугаевъ!—радостно вскричалъ амалекитскій мальчикъ, провозжающій Гермона, но тотчасъ же прибавилъ онъ тихо, нѣжно дотрогиваясь до руки художника:—Не правда ли, господинъ, ты вѣдь можешь ихъ также видѣть?

— Конечно, мой милый, хотя и не такъ ясно, какъ ты, — отвѣтилъ Гермонъ, ласково проведя рукой по волосамъ мальчика, такъ заботившагося о немъ.

Въ это время сталъ медленно приближаться корабль, на палубѣ котораго зоркіе глаза Біаса различили фигуру адмирала Эймедиса, слѣдящаго за проходомъ въ каналъ судовъ его флота. Точно вылитый изъ бронзы, стоялъ онъ на своемъ посту, и, казалось, ни громкія привѣтствія народа, ни шумъ, ни масса окружающихъ его лодокъ не могли отвлечь его вниманіе отъ исполненія его обязанностей. Онъ уже успѣлъ повидаться съ отцомъ и матерью, потому что, по словамъ Біаса, лавровый вѣнокъ, украшающій его шлемъ, былъ ему переданъ отцомъ отъ имени царя.

Вѣрный рабъ прибавилъ совздохомъ:

— Онъ еще такъ молодъ, а сколько почестей уже выпало на его долю! Ты вмѣстѣ съ нимъ, господинъ, посѣщаешь школу борцовъ въ Александріи, и онъ всегда тебя отличалъ среди другихъ товарищей. Одного твоего знака будетъ достаточно, чтобы онъ тебя замѣтилъ, и, навѣрно, разрѣшитъ онъ тебѣ пересѣсть на его корабль или, по крайней мѣрѣ, отдастъ приказаніе пропустить насъ скорѣй въ каналъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—перебилъ его Гермонъ,—я могу ему только помѣшать теперь!

— Ну, тогда дай о себѣ знать госпожѣ Тіонѣ или ея супругу. Навѣрно, позовутъ они насъ на большой корабль, а оттуда, хотя твои глаза и не обладаютъ еще зоркостью ястреба, ты все же, навѣрно, увидишь все торжество встрѣчи и всѣхъ принимающихъ въ ней участіе.

Къ великому удивленію вольноотпущенника, его господинъ отклонилъ и это предложеніе, скромно добавивъ:

—Я уже болѣе не тотъ Гермонъ, котораго когда-то отличалъ передъ другими Эймедисъ. Что же касается до почтенной Тіоны, то пусть въ эту, столь радостную для ея материнскаго сердца минуту ничто не напоминаетъ ей о печали другихъ. Завтра или послѣ завтра увижусь я съ ней, хотя мнѣ жаль, что не Дафна первая увидитъ мои выздоравливающіе глаза.

Гермонъ, произнося эти слова, почувствовалъ, что рука Біаса дружески пожала его руку, и этотъ знакъ сочувствія со стороны преданнаго слуги въ такой моментъ, когда восторженная встрѣча и крики, привѣтствующіе Эймедиса, растравили его сердечныя раны, успокоительно подѣйствовалъ на него. Съ какимъ достоинствомъ и спокойствіемъ принималъ Эймедисъ всѣ эти восторги толпы, а какъ они подѣйствовали на него и какъ они вскружили ему тогда голову! Нѣтъ, не напрасно прошелъ онъ черезъ всѣ муки несчастья: онъ подобно огню очистилъ его. Онъ хотѣлъ стать болѣе достойнымъ жизни, прошлое не должно омрачать тѣхъ хорошихъ дней, которые могутъ еще для него наступить.

Облегченно вздохнувъ и гордо выпрямившись, во весь ростъ, приказалъ онъ гребцамъ постараться пройти въ каналъ. Тѣ вначалѣ опасались, что благодаря узкому проходу и множеству участвующихъ въ праздествѣ правительственныхъ судовъ входъ въ каналъ будетъ имъ воспрещенъ. Но ловкому рулевому удалось пройти подъ прикрытіемъ большого корабля незамѣтно для часовыхъ въ то время, когда много другихъ лодокъ и мелкихъ судовъ не были вовсе допущены въ каналъ.

Послѣ долгаго и утомительнаго пути подъ лучами палящаго солнца удалось, наконецъ, Гермону и Біасу къ вечеру высадиться въ гавани Гереонполиса. Біасъ тотчасъ же отправился на поиски корабля готоваго на другой день отплыть въ Александрію.

Возвратившись, рассказалъ онъ своему господину, что видѣлъ почтенную Тіону, которая велѣла ему передать, что завтра, какъ только кончится торже-

ство въѣзда и приѣма, она или сама посѣтить Гермона, или пришлетъ за нимъ. Родная мать, по мнѣнію Біаса, врядъ ли могла больше радоваться, чѣмъ Тіона, когда услышала о наступившемъ улучшеніи въ состояніи здоровья Гермона, и она непременно хотѣла тотчасъ же къ нему отправиться, но престарѣлый Филиппосъ не позволилъ ей этого въ виду того, что почтенная матрона была слишкомъ утомлена длиннымъ путемъ и всѣми событіями этого радостнаго для нихъ дня. Гермонтъ также послѣдовалъ совѣту вольноотпущенника отдохнуть въ ожиданіи завтрашняго свиданія съ его старой пріятельницей, которая, навѣрно, подастъ ему дружескій и умный совѣтъ относительно выбора врача.

На другое утро яркое солнце освѣщало своими золотистыми лучами пустыню, зеленую воду гавани и желтые стѣны пограничной крѣпости. На этомъ клочкѣ земли, омываемомъ водами двухъ морей, казалось, сошлись три части свѣта для торжества: греки—представители Европы, египтяне—Африки, наконецъ, семиты—сыны Азіи. Египетскіе жрецы съ изображеніями боговъ и различными священными предметами стояли по одной сторонѣ обширной пристани; за ними, какъ бы для охраны, стояли цѣлые ряды полуголыхъ египетскихъ воиновъ и другихъ африканцевъ. Всевозможныя оружія, копья, луки, колчаны со стрѣлами блестяли на солнцѣ. По другую сторону собрались начальники мелкихъ азіатскихъ племенъ, финикійскіе и сирійскіе купцы; къ нимъ присоединились кочевники и гордые бедуины въ развивающихся плащахъ верхомъ на прекрасныхъ коняхъ. Средину занимали греки; для зрителей не могло быть и сомнѣнія въ томъ, что они были господствующей націей въ этомъ царствѣ; ихъ мужественныя и стройныя фигуры выдѣлялись среди всѣхъ, а ихъ гордые лица съ большими блестящими глазами, ихъ головы, увѣнчанныя цвѣтами, невольно привлекали взоры всѣхъ. Ихъ спокойныя, полныя достоинства манеры рѣзко отличали ихъ отъ худощавыхъ на-

смѣшливыхъ египтянъ и юркихъ, подвижныхъ азіатовъ.

Звуки трубъ и барабанный бой огласили воздухъ, возвѣщая начало торжества; египетскіе жрецы пропѣли хвалебную божественную пѣсню богу-царю и богинѣ-царицѣ, затѣмъ греческій многоголосный хоръ запѣлъ торжественный гимнъ, при звукахъ котораго появились царь Птоломей и его супруга, сидящіе на высокомъ золотомъ тронѣ, который несли великаны эѳіопы. Высокіе стройные юноши несли бѣлыя опахала изъ страусовыхъ перьевъ, долженствующія защищать царственную пару отъ лучей палящаго солнца; за ними шли рядами родные и друзья царя, высшіе сановники, благородные греческіе юноши, составляющіе царскую стражу, отряды македонскихъ воиновъ, ученые Александрійскаго музея, художники; богатые негодіанты греческаго и іудейскаго происхожденія, приглашенные Птоломеемъ присутствовать, замыкали шествіе.

При громкихъ привѣтствіяхъ многочисленныхъ зрителей царь и вся его свита вступили на палубу большого, роскошно убраннаго корабля, гдѣ должно было произойти свиданіе царя съ прибывшимъ предводителемъ флота. Эймедисъ тотчасъ же перешелъ со своего корабля на царскій. Дружески привѣтствуя его, обнялъ его царь, а царица передала ему вѣнокъ изъ розъ, которымъ герой украсилъ свой шлемъ, уже увѣнчанный присланнымъ отъ царя лавровымъ вѣнкомъ. Отовсюду, со всѣхъ кораблей и лодокъ, съ пристани и крѣпости раздались привѣтственные крики въ честь Эймедиса; толпа восторженно встрѣчала своего храбраго молодого полководца. Но больной царь не могъ удѣлить болѣе часу на торжество встрѣчи; ему предстояло еще много утомительныхъ празднествъ; поэтому, повинаясь его приказанію, цѣлыя сотни рабовъ перенесли на сушу клѣтки со львами, тиграми и пантерами; погоняемые длинными бичами эѳіопскихъ погонщиковъ, прошли передъ царемъ и Арсиноей газели, антилопы, жирафы, обезьяны и борзые собаки. Видъ шести-

десяти громадных слоновъ вызвалъ у сдержаннаго царя восклицаніе радости, вѣдь эти великаны представляли въ своемъ родѣ вспомогательный отрядъ, могущій обратить въ бѣгство цѣлую непріятельскую конницу; поэтому онъ и царица благосклонно слушали краткій рассказъ Эймедиса о томъ, какъ ему посчастливилось благодаря удачнымъ охотамъ заполучить такое количество этихъ благородныхъ животныхъ. Нѣсколько кораблей были наполнены золотомъ, слоновою костью, пряностями, чернымъ и краснымъ деревомъ и звѣриными шкурами, но царь повелѣлъ отложить осмотръ этихъ богатствъ до болѣе удобнаго времени, послѣ закладки храма и города; на досугъ хотѣлъ онъ все это рассмотреть, теперь же надо было спѣшить.

Солнце еще не достигло полудня, какъ царь и царица въ сопровожденіи свиты покинули корабль и отправились въ близлежащій городъ Пиеомъ, гдѣ ихъ ожидали новыя торжества, но зато и цѣлый мѣсяцъ отдыха.

Точно сквозь туманъ видѣлъ Гермонъ все, что происходило вокругъ него, и онъ подумалъ, что въ продолженіе всей своей жизни, когда онъ обладалъ зрѣніемъ, видѣлъ онъ такимъ образомъ все его окружающее. Только поверхность всего происходящаго, то, что ему показывали его глаза, была для него доступна; внутренній же смыслъ всего сталъ онъ постигать, только когда онъ ослѣпъ, только когда научился онъ доискиваться внутренняго содержанія всѣхъ явленій жизни. Если боги услышатъ его молитвы и возвратятъ ему зрѣніе, и туманъ, разстилающійся передъ его глазами, совершенно исчезнетъ, онъ и тогда сохранить вновь приобретенную способность и будетъ примѣнять ее къ своей будущей жизни и къ своему искусству.

XXXI.

Послѣ полудня явился къ Гермону посланный престарѣлаго Филиппоса. Это былъ молодой гиппархъ, тотъ самый, который сопровождалъ комен-

данта Пелузіума во время его пребыванія въ Теннисѣ. Онъ явился съ порученіемъ отвѣсти художника въ колесницѣ Филиппоса въ Пиеомъ, гдѣ онъ и Тіона въ данный моментъ находились по повелѣнію Птоломея. По дорогѣ рассказалъ гиппархъ своему спутнику, какъ стойко выдержала Тіона, несмотря на ея преклонные годы, всѣ тревоженія и хлопоты длиннаго пути и этого дня. Вчера еще ѣздила она навстрѣчу къ сыну, а сегодня принимала участіе въ торжествѣ, и все же она не чувствовала утомленія. Тотчасъ же по возвращеніи съ корабля, первая ея мысль была повидать какъ можно скорѣе ея молодого друга, боясь, что послѣдующія торжества въ Пиеомѣ, при которыхъ она должна была присутствовать въ свитѣ Арсиной, займутъ все ея время и, быть можетъ, такъ утомятъ ее, что ей нельзя будетъ заняться дѣломъ Гермона. Они очень быстро достигли небольшого городка, посвященнаго богу Туму. Онъ былъ теперь весь разукрашенъ развѣвающимися флагами, триумфальными арками, вѣнками и гирляндами. При вѣздѣ въ него были разбиты палатки для царя и его свиты. Не зная Гермонъ того, что царь рассчитываетъ пробыть здѣсь цѣлый мѣсяцъ, его должна была бы поразить ихъ многочисленность и то большое пространство, которое занимать этотъ лагерь. Тутъ находились не только совѣтники и придворные Птоломея, но и множество ученыхъ, художниковъ, пѣвцовъ и актеровъ, которые должны были развлекать царя во время его пребыванія въ этой отдаленной отъ остальной части его царства мѣстности. Домъ, который занимала престарѣлая чета и ихъ знаменитый сынъ Эймедисъ, принадлежалъ богатѣйшему купцу этого города. Это было обширное строеніе въ формѣ четырехугольника, окружающаго большою дворъ. Гиппархъ ввелъ туда своего спутника; воины и матросы стояли тамъ группами, дожидаясь повелѣній стараго и молодого полководцевъ. Посланные, слуги и рабы сновали взадъ и впередъ. Въ тѣневой части двора были поста-

влены скамьи и стулья, занятые уже большей частью посѣтителеми и посѣтительницами, прибывшими привѣтствовать и поздравить мать знаменитаго предводителя флота. Посреди нихъ отдыхала на ложѣ почтенная Тіона, съ трудомъ подчиняясь тѣмъ общественнымъ обязанностямъ, которыя налагало на нее ея высокое положеніе. Она то минутно привѣтствовала вновь прибывающихъ, дружески прощалась съ тѣми, кто уходилъ, и поспѣвала еще отвѣчать на многочисленные вопросы, которыми ее со всѣхъ сторонъ осыпали. Она чувствовала сильное утомленіе, хотя старалась скрыть его отъ всѣхъ присутствующихъ. Завидя входящаго Гермона подѣ руку съ молодымъ гиппархомъ, она, забывъ усталость, поспѣшно встала и пошла къ нему навстрѣчу, дружески протягивая ему обѣ руки. Хотя художникъ и не могъ еще вполне ясно видѣть ея доброе лицо, но онъ чувствовалъ ея почти материнское къ нему расположеніе въ пожатіи ея рукъ, звукъ ея голоса, произносившаго ласковое привѣтствіе. Его сердце радостно забилося, и, полный самаго почтительнаго чувства, поцѣловалъ онъ нѣсколько разъ ея добрую старую руку. Послѣ того повела его Тіона къ своему мѣсту посреди всѣхъ присутствующихъ, которымъ она его представила, какъ сына ея умершей подруги дѣтства, и назвала его имя. Почти всѣ посѣтели принадлежали къ свитѣ царя, и имя Гермона вызвало среди нихъ большое волненіе, которое тотчасъ же выдало художнику ту печальную истину, что чужіе лавры, которыми онъ себя когда-то украсилъ, не позабыты въ этомъ кругу. Неприятное чувство овладѣло Гермонамъ, привыкшимъ къ тишинѣ пустыни, и внутренний голосъ сталъ неотвязчиво твердить ему: «Прочь отсюда, какъ можно дальше отъ нихъ.» Но онъ не послѣдовалъ этому голосу, потому что его вниманіе было тотчасъ же обращено на необыкновенно высокаго и широкоплечаго мужчину съ сѣдой длинной бородой и выразительнымъ лицомъ, въ которомъ онъ, какъ ему казалось, узналъ знаменитаго врача

Эризистратоса. Врачъ подошелъ къ Тіонѣ и спросилъ:

— Не вижу ли я передъ собою чело-
вѣка, удалившагося отъ свѣта въ
пустыню и обрѣвшаго тамъ вновь
зрѣніе?

— Да, это онъ самый и есть, —
отвѣтила Тіона и, наклоняясь къ Эри-
зистратосу, шепотомъ прибавила: —
мною овладѣваетъ страшная уста-
лость и слабость, а между тѣмъ мнѣ
нужно о многомъ и очень важномъ
переговорить съ тобой и съ тѣмъ бѣд-
нымъ другомъ моимъ.

Врачъ дотронулся рукой до головы
почтенной матроны и произнесъ гром-
кимъ, для всѣхъ слышнымъ голосомъ:

— Ты очень утомилась, почтенная
Тіона, и было бы лучше, если бы ты
легла и постаралась бы успокоиться.

— Конечно, безъ сомнѣнія, — под-
твердила одна изъ посѣтительницъ, —
мы и такъ злоупотребили твоими си-
лами и теперь только мѣшаемъ тебѣ,
дорогая пріятельница.

Эти слова подѣйствовали и на дру-
гихъ посѣтелей, и вскорѣ всѣ уда-
лились, не удостоивъ Гермона даже
легкаго поклона, потому что, кромѣ
исторіи со статуей, имя художника
было замѣшано въ заговоръ противъ
царя, который, какъ говорили, очень не-
милостиво относился какъ къ худож-
нику, такъ и къ его дядѣ, изгнанному по
его повелѣнію изъ Александріи. Когда
послѣдній гость покинулъ ихъ, Тіона
отдала немедленно приказаніе домо-
правителю не принимать больше посѣ-
телей.

А Эризистратосъ, весело потирая ру-
ки, сказалъ:

— Первѣйшая обязанность врача
удалять отъ пациента все, могущее
вредить ему, будь то даже его ближніе.

Затѣмъ обратился онъ къ Гермону
и принялся уже разспрашивать его о
состояніи его зрѣнія, какъ появился
домоправитель и доложилъ, что какой-
то очень знатный господинъ, назвав-
шійся Герофилосомъ изъ Халкедона,
настаиваетъ на томъ, чтобъ его приняли,
Тіона и врачъ обмѣнялись радостны-
ми взглядами, и Эризистратосъ поспѣ-

шилъ на встрѣчу своему знаменитому сотоварищу.

Посреди двора остановились оба знаменитыя свѣтила науки, и между ними завязался очень оживленный разговоръ; въ то же время Тіона попросила Гермона пересказать ей еще разъ все то, что она знала о немъ отъ Біаса. Наконецъ, Эризистратосъ пригласилъ Тіону, которая, казалось, совершенно позабыла свою усталость, хотя передъ тѣмъ жаловалась и на нее, принять участіе въ ихъ совѣщаніи.

Гермонъ же смотрѣлъ издали на знаменитыхъ врачей, и сердце его усиленно забилось; если они оба примутся за его лѣченіе, то онъ могъ не сомнѣваться въ томъ, что его самое горячее желаніе будетъ исполнено: зрѣніе вернется къ нему вполнѣ. Должно быть, почтенная Тіона уговариваетъ ихъ взять на себя его лѣченіе, иначе что бы могло заставить ее покинуть его тутъ одного и такъ оживленно говорить съ ними, да еще прежде, нежели она, хотя бы однимъ словомъ, упомянула о Дафнѣ. Точно окруженныхъ какимъ-то облакомъ видѣлъ Гермонъ ихъ всѣхъ троихъ, стоящихъ посреди двора. Хотя онъ передъ тѣмъ видѣлъ Эризистратоса очень неясно, но онъ встрѣчалъ его не разъ у ложа больного Мертилоса, а кто хоть разъ видѣлъ это умное выразительное лицо, тотъ не могъ его забыть. Онъ также зналъ и другого врача Герофилоса, потому что онъ усердно посѣщалъ лекціи анатоміи этого извѣстнаго ученаго, когда жилъ въ Александріи и слушалъ философовъ въ музеѣ. Уже тогда волосы его были совершенно бѣлые, и какъ тогда, такъ и теперь его большіе пытливые глаза были полны жизни, а умъ его сохранилъ всю силу и свѣжесть молодости. Гермонъ зналъ, что отъ него могъ онъ получить только хорошій совѣтъ, потому что этотъ неутомимый изслѣдователь почти не занимался лѣченіемъ. Онъ посвящалъ все свое время и знаніе труднымъ и почти неизвѣстнымъ до него изслѣдованіямъ. Даже царь интересовался имъ и поощрялъ его занятія, посылая ему для его работъ осужденныхъ на смертную казнь

преступниковъ. Онъ благодаря своимъ анатомическимъ трудамъ первый опредѣлилъ, что мѣсто нахожденія души есть мозгъ и что въ мозгу же находится источникъ, такъ сказать, начало нервовъ. Эризистратосъ, напротивъ, имѣлъ огромную практику, что не мѣшало ему сдѣлать нѣсколько очень важныхъ для науки открытій. Даже среди художниковъ знали то, что онъ говорилъ о крови въ венахъ, а также о томъ, какъ происходитъ дыханіе, и что онъ нашелъ при изслѣдованіи сердечныхъ клапановъ. Но больше всего прославился онъ въ области хирургіи. Одному больному рабу Архіаса, за которымъ сама Дафна ухаживала и отъ котораго отказались всѣ врачи, вскрылъ онъ полость живота, и больной не только остался живъ, но и совершенно поправился. Звуки его голоса, долетающіе до Гермона, напомнили ему его разговоръ съ нимъ въ Александріи и то, какъ знаменитый врачъ отказался тогда посвятить ему свое время и свое знаніе. Быть можетъ, онъ былъ правъ тогда: его нравственная личность не была достойна того, чтобы Эризистратосъ терялъ для него свое драгоценное время; но теперь онъ сталъ совсемъ другимъ. Должно быть, Тіона передала ему все, что она слышала отъ Гермона и отъ Біаса о его жизни и о перемѣнѣ его характера за послѣднее время. Да, потому что врачи обратились къ нему съ разспросами, и съ какимъ участіемъ слѣдила она за разговоромъ, добавляя подробности или поощряя дружескимъ словомъ признанія скульптора, который чувствовалъ, что всѣ вопросы задаются ему не изъ любопытства, а изъ желанія ему помочь, и поэтому отвѣчалъ прямо и откровенно на все, о чемъ его спрашивали врачи. Выслушавъ его, Эризистратосъ обратился къ товарищу, говоря:

— Что это за умная старуха! Право, ничего иного нельзя было ему предписать, и я бы ничего другого не придумалъ. Строгая діета, запрещеніе употреблять вино, мясо, приносы — и никакихъ внутреннихъ лѣкарствъ; право, отлично. И нашъ пациентъ пи-

тался молокомъ и подобными же простыми, но здоровыми дарами природы. Ну совсѣмъ такъ, какъ я бы ему предписалъ! Растенія, изъ которыхъ старая ворожея сдѣлала свою мазь, вѣроятно, очень цѣлебны. Что же касается до ея заклинаній, то и это хорошо. Повредить они не могли, а зато часто отлично дѣйствуютъ на психическое состояніе пациента.

Затѣмъ онъ попросилъ Гермона описать ему, что онъ чувствуетъ и какія еще ненормальныя явленія онъ наблюдаетъ въ своемъ зрѣніи. То, съ какимъ интересомъ и какъ подробно осматривали оба врача его глаза, еще сильнѣе укрѣпило надежды художника. Онъ съ удвоеннымъ вниманіемъ прислушивался къ тому, что теперь врачи говорили между собой, и разобралъ только слѣдующія слова: «бѣлые рубцы на роговой оболочкѣ» и «операция». Затѣмъ, Герофилосъ принялся громко убѣждать товарища, что причиной, вызвавшей слѣпоту, было именно поврежденіе роговой оболочки факеломъ. При его изслѣдованіяхъ, которыя привели его къ открытію сѣтчатой оболочки глаза, приходилось ему не разъ видѣть такія поврежденія. И такой случай какъ бы созданъ для того, чтобы показать искусство и опытность Эризистратоса. Какой радостью наполнилось сердце Гермона, когда нѣсколько минутъ спустя этотъ величайшій хирургъ его эпохи обратился къ нему съ предложеніемъ, по пріѣздѣ въ Александрію, подвергнуться небольшой операциі. Онъ хотѣлъ попробовать, сдѣлавъ нѣсколько надрѣзовъ, удалить бѣлые рубцы, мѣшающіе ему ясно видѣть. Художникъ принялся горячо благодарить врача, а почтенная Тіона, прекрасно понимавшая, что должно происходить въ его душѣ, задала врачу вопросъ, нельзя ли здѣсь и не дальше, какъ завтра приступить къ этой операциі, и хирургъ согласился исполнить ея желаніе. Нужные ему инструменты всегда находились при немъ. Оставалось только узнать, найдется ли въ переполненномъ пріѣзжими городѣ подходящее помѣщеніе, гдѣ бы можно было совершить опе-

рацію, и гдѣ больной могъ находиться до окончательнаго выздоровленія. Тіона отвѣтила, что въ этомъ огромномъ домѣ, предоставленномъ въ ихъ распоряженіе, найдется, навѣрно, такое помѣщеніе. Призванный домоправитель подтвердилъ ея предположеніе. Тогда Эризистратосъ назначилъ временемъ для операциі слѣдующее утро. Во время закладки храма въ домъ такъ же, какъ и въ городѣ, будутъ господствовать тишина и спокойствіе, потому что всѣ отправятся на мѣсто закладки. Діету, которую онъ считалъ нужнымъ назначать пациентамъ передъ операцией, Гермонъ уже выдержалъ.

— А чистый воздухъ пустыни, — добавилъ онъ, — будетъ способствовать, быстрѣйшему выздоровленію. Операциія эта очень легкая и неопасная. Спустя уже нѣсколько дней можно будетъ рѣшиться, удалась ли она или нѣтъ. Я остаюсь здѣсь при царѣ только... — и онъ остановился въ раздумьѣ, — гдѣ же я найду себѣ помощника?

Тогда Герофилосъ, лукаво усмѣхаясь, поглядѣлъ на своего товарища и произнесъ:

— Если ты найдешь, что старецъ изъ Халкедона обладаетъ достаточной ловкостью для этого, то онъ къ твоимъ услугамъ, старый другъ.

— Герофилосъ! — могла только воскликнуть Тіона, чувствуя, какъ на ея глазахъ выступили слезы отъ радостнаго волненія, а Гермонъ старался найти слова для выраженія своей благодарности, но Эризистратосъ, перебивъ его, схватилъ руку своего стараго товарища и пожимая ее, сказалъ:

— Полководцу, облеченному въ пурпуръ можетъ только дѣлать честь, если онъ самъ дѣйствуетъ лопатой при шанцевыхъ работахъ.

— Переговоривъ еще о томъ, что нужно было приготовить для операциі, оба врача удалились, обѣщая рано утромъ вернуться и приступить къ дѣлу. Они сдержали слово и приступили къ операциі въ то самое время, какъ на мѣстѣ закладки храма въ честь бога Тума раздавались музыка и пѣніе жрецовъ, которое доносилось даже въ комнаты больного,

а царица Арсиноя во главѣ процессіи шла къ мѣсту предназначенному для постройки, чтобы вмѣстѣ заболѣвшаго царя положить первый камень. Когда же музыка, пѣніе и восторженные клики народа умолкли, операція была окончена. Гермонъ попытался вновь выразить врачамъ свою благодарность, но Герофилосъ прервалъ его словами:

— Употребивъ вновь полученное тобой зрѣніе, юный мастеръ, на то, чтобы создать прекрасныя произведенія искусства, и мы будемъ исполнѣ вознаграждены за нашъ незначительный трудъ тѣмъ, что возвратили всему греческому міру художника и тѣмъ оказали ему большую услугу.

Въ полутемномъ помѣщеніи пробылъ послѣ операціи Гермонъ семь дней и ночей. Его преданный Біасъ и старая рабыня Тіона ходили за нимъ и охраняли отъ назойливыхъ посѣщеній. Даже Филиппосъ, Тіона и ихъ сынъ допускались только на короткое время къ больному, зато Эризистратосъ посѣщать его ежедневно и слѣдить за выздоровленіемъ и послѣдствіями операціи. Она ни въ какомъ случаѣ не представляла опасности, и ему не нужно было такъ часто посѣщать пациента, но этому ученому и стойку доставляло удовольствіе видѣть, съ какой радостью возвращался этотъ молодой и талантливый художникъ къ надеждѣ, и выслушивать его планы будущихъ работъ. Гермонъ правдиво и прямо открылъ свою душу великому ученому и то, что узналъ при этомъ Эризистратосъ, еще болѣе укрѣпило въ этомъ цѣлитель тѣлесныхъ страданій убѣжденіе, что для человѣческой души нѣтъ лучшаго врача, какъ горе и познаніе самого себя. И съ удовольствіемъ думалъ онъ, большой любитель искусства, о томъ, какой плодотворной будетъ творческая сила Гермона, когда ему можно будетъ вновь приступить къ работѣ. На седьмой день снялъ Эризистратосъ повязку съ глазъ художника, и тотъ восторгъ, съ какимъ обнялъ его Гермонъ, исполнѣ вознаграждать его за всѣ его заботы и попеченія о немъ. Ясно, рѣзко, до мельчайшихъ подроб-

ностей видѣлъ скульпторъ все то, на что ему указывалъ врачъ. Да, теперь можно было написать въ Александрію Герофилосу, что операція удалась исполнѣ. Но самъ Гермонъ долженъ былъ еще недѣли двѣ избѣгать солнечнаго свѣта и не утомлять глазъ, но затѣмъ онъ могъ пользоваться своимъ зрѣніемъ безъ всякаго ограниченія и даже призвать Музъ на помощь въ его работахъ, приняться за которыя ему ужъ больше ничего не помѣшаетъ. Почтенная Тіона присутствовала при этомъ объясненіи врача и, когда тотъ удался и она справилась съ овладѣвшимъ ею волненіемъ, мѣшавшимъ ей произнести даже слово благодарности Эризистратосу, она обратилась къ Гермону съ вопросомъ:

— Ну, а, страшна Немезида? Надѣюсь, что она скрылась передъ твоими вновь обрѣтенными глазами.

Гермонъ съ большимъ чувствомъ пожалъ ея руку и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, Тіона. Хотя карающая богиня, преслѣдующая преступниковъ, прекратила свои преслѣдованія, и мнѣ нечего ея опасаться, но зато мнѣ нужно страшиться другой Немезиды, ограничивающей слишкомъ большое человѣческое счастье, и я боюсь, какъ бы она не повернула свое колесо именно въ то время, когда я вновь увижу Дафну, или буду вновь работать въ мастерской.

Теперь нечего было избѣгать посѣтителей. Сынъ престарѣлаго коменданта, предводитель флота Эймедисъ сталъ часто бывать у него; они много говорили о пережитомъ и испытанномъ во время ихъ богатой происшествіями жизни, и скоро самая тѣсная дружба соединяла ихъ. Когда же Гермонъ оставался наединѣ съ почтенной Тіоной, разговоръ всегда переходилъ на Дафну и ея отца. Тутъ только узналъ художникъ, кому былъ обязанъ Архіасъ тѣмъ, что смертный приговоръ надъ нимъ не былъ приведенъ въ исполненіе, и его большія богатства не были конфискованы. Неоспоримые и ясные документы показали при слѣдствіи, какія крупныя суммы далъ взаймы богатый Архіасъ

парицѣ, которая употребляла ихъ для подкупа заговорщиковъ противъ царя.

А завистники и недоброжелатели Архіаса сдѣлали все возможное, чтобы возстановить противъ него Птолемея и вторую парицу Арсиною. Но престарѣлый комендантъ безстрашно вступился за своего многолѣтняго друга, и царь не могъ оставаться глухимъ ко всѣмъ увѣреніямъ и просьбамъ Филиппоса. Царь писалъ исторію Александра Великаго, этого завоевателя міра, и Филиппосъ, единственный оставшійся въ живыхъ соучастникъ и другъ македонскаго героя, помогалъ ему въ этомъ, передавая факты и происшествія, очевидцемъ которыхъ онъ былъ, и царь боялся лишиться этой помощи, откажись онъ даровать жизнь Архіасу. Тѣмъ не менѣе онъ оставался очень враждебно настроеннымъ противъ богатаго купца и, разрывая его смертный приговоръ, сказалъ Филиппосу:

— Денежныя мѣшочки, жизнь котораго я тебѣ дарю, были другомъ моихъ враговъ. Пусть онъ остерегается: моя кара можетъ настигнуть его въ далекомъ изгнаніи.

Его ненависть была такъ сильна, что онъ даже теперь не хотѣлъ принять Гермона, несмотря на просьбу Эймедиса разрѣшить такъ чудесно исполненному художнику явиться къ нему.

— Нѣтъ, не теперь, потому что онъ пока остается въ моихъ глазахъ несправедливо награжденнымъ заговорщикомъ. Пусть онъ создастъ дѣйствительно художественное произведение, достойное того таланта, которымъ онъ, по моему мнѣнію, обладаетъ, и тогда, быть можетъ, я его признаю достойнымъ моей милости.

При такомъ положеніи дѣлъ благоразуміе совѣтовало Архіасу и Дафнѣ избѣгать близости Александріи, и престарѣлая чета могла только одобрить рѣшеніе Гермона, какъ только его отпустить Эризистратосъ, отправиться, въ Пергамонъ. Письмо Дафны, полученное въ это время Тіоной, усилило и безъ того страстное желаніе художника возможно скорѣе отправиться въ тотъ городъ, гдѣ жила теперь его возлюбленная. Молодая дѣвушка умоляла въ своемъ письмѣ почтенную пріятель-

ницу сообщить ей правдиво, ничего не утаивая, все, что касалось Гермона. Если ему удалось выздоровѣть, и зрѣніе вернулось къ нему, то онъ узнаетъ, гдѣ онъ можетъ ее найти; если же ничто не помогло, и онъ ослѣпъ навсегда, то она сама къ нему пріѣдетъ и поможетъ ему, насколько это въ ея силахъ, нести тяжесть его печальнаго существованія. Хрисилла будетъ ее сопровождать; что касается до отца, то она можетъ спокойно покинуть его на нѣсколько мѣсяцевъ, потому что онъ найдетъ въ своемъ племянникѣ Мертилосъ какъ бы второго сына, а правитель страны Филотеросъ станетъ для него самымъ благосклоннымъ другомъ. Послѣ этого письма принялся Гермонъ ежедневно упрасивать врача разрѣшить ему уѣхать, но Эризистратосъ не поддавался ни на какія просьбы, хотя и зналъ, куда такъ стремится его юный другъ. И только въ концѣ четвертой недѣли послѣ операціи вывелъ онъ самъ Гермона изъ темной комнаты на улицу и позволилъ ему подвергаться солнечному свѣту. Увидавъ вновь дневное свѣтило во всемъ его блескѣ, художникъ въ восторгѣ протянулъ къ нему руки и съ устъ его сорвались слова горячей искренней молитвы. Черезъ нѣсколько дней царь долженъ былъ отправиться въ Александрію, и тотчасъ же послѣ его отъѣзда могли Филиппосъ и Тіона уѣхать обратно въ Пелузіумъ; съ ними рѣшилъ ѣхать и Гермонъ, а тамъ уже найти корабль, который отвезетъ его въ Пергамонъ. Въ сопровожденіи Эймедиса въ ожиданіи дня отъѣзда осматривалъ онъ окрестности, и многое, что теперь представлялось его глазамъ и на что онъ прежде не обратилъ бы никакого вниманія, доставляло ему громадное наслажденіе и наполняло его сердце благодарной радостью. Чувство благодарности, казалось, овладѣло всѣмъ его существомъ, и съ каждымъ біеніемъ сердца, съ каждымъ взглядомъ на окружающую природу, съ каждой мыслью о будущемъ расло въ немъ это чувство все сильнѣе и сильнѣе. Да и многое, что здѣсь происходило, было достойно вниманія, могло вызывать удивленіе и казаться почти чудомъ. Какъ будто сюда, въ эту пустыню, по-

слѣдовали за царемъ и Арсиноей все богатство и очарованіе красоты, ума и знанія, которые составляли сущность бытія грековъ. На безплодномъ желтомъ пескѣ пустыни повсюду, куда можно было насыпать плодородной земли, были разбиты цвѣтники и сады; красивые, украшенные статуями фонтаны снабжали всѣхъ свѣжей прозрачной водой. Посреди группъ кустарниковъ въ садахъ были разставлены съ большимъ вкусомъ колонны и мраморныя статуи, прекрасно выдѣляющіяся на зелени. Изъ легко-перевозимаго матеріала быстро выстроились благородные по формамъ и простотѣ греческіе храмы, открытыя залы, крыши которыхъ подпирали многочисленныя колонны, и даже театръ, гдѣ зрители могли наслаждаться музыкой и прекрасно исполненными драмами и трагедіями. Была также выстроена палестра, гдѣ каждое утро молодые эфебы упражнялись въ борьбѣ и метаніи диска. Съ какимъ удовольствіемъ проводилъ тамъ время Гермонъ, любуясь красивымъ зрѣлищемъ этихъ стройныхъ, обнаженныхъ тѣлъ и ихъ ловкими, гибкими движеніями. Какую богатую пищу для его ума доставляли ему тѣ часы, когда онъ, сидя въ палаткѣ Эризистратоса, слѣдилъ за бесѣдой великихъ ученыхъ, поспѣвавшихъ за царемъ въ пустыню. Слушая въ обществѣ Филиппоса и Тіоны и избраннаго кружка друзей рассказы Эймедиса о пережитыхъ приключеніяхъ на водѣ и на сушѣ во время его недавняго путешествія по Эіопіи, въ продолженіе котораго онъ являлся въ одно и то же время изслѣдователемъ, посредникомъ, защитникомъ торговыхъ интересовъ своей страны и предводителемъ флота, Гермонъ сожалѣлъ только объ одномъ, что Дафна не могла всего этого видѣть и слышать. И этотъ клочокъ однообразной и безплодной пустыни по желанію царя превратился въ такое мѣсто, гдѣ собралось все, что только человѣческая жизнь могла дать самаго разнообразнаго по уму, знанію и красотѣ. Каждый день приносилъ съ собой что-либо новое, и только-что появился поэтъ Каллимахосъ съ новымъ гимномъ, прибыли новыя картины Антифилотоса и Ни-

кіаса, какъ пронеслось извѣстіе, что прилетѣли быстрокрылые вѣстники — голуби, птицы богини Афродиты. Но на этотъ разъ они не были посланниками любви, возвѣщающими новыя радости и увеселенія,—нѣтъ, они принесли страшныя вѣсти, обратившія всѣ радости и наслажденія въ горе и печаль. Полчища алчныхъ грубыхъ варваровъ напали на Александрію, и это извѣстіе положило конецъ той полной праздности и наслажденій жизни, которую вели тутъ въ продолженіе многихъ недѣль царь Птоломей и его свита. Четыре тысячи галловъ, присланныхъ царемъ Антіохомъ, какъ вспомогательное войско противъ враждебнаго Кирена, отказались повиноваться греческимъ начальникамъ и намѣревались разграбить до-гла столицу. Подобно грозовой тучѣ, нависла эта страшная бѣда надъ богатой Александріей. Хотя полководецъ Сатирось, командующій войскомъ, оставленнымъ для защиты города, и писалъ, что у него достаточно военной силы для того, чтобы прогнать эту разбойническую орду, но прилетѣвшіе вторые голуби принесли извѣстіе о нападеніи и о томъ, что врядъ ли можно спасти столицу. Тотчасъ предводитель флота Эймедисъ со всѣми кораблями и военной силой, которая была у него въ распоряженіи, отплылъ въ Александрію. Царь и царица въ сопровожденіи свиты и царской стражи сѣли въ приготовленныя для нихъ лодки, чтобы переправиться на египетскій берегъ, а тамъ уже ждали ихъ колесницы, чтобы ѣхать въ Мемфисъ и подъ защитой этой недоступной крѣпости выжидать, когда возобновятся порядокъ и безопасность въ столицѣ. За ними поспѣдовали ихъ приближенные, въ томъ числѣ и врачъ Эризистратосъ. Прощаясь съ Гермонъ, знаменитый хирургъ высказалъ ему свое сожалѣніе о томъ, что имъ приходится такъ внезапно покинуть другъ друга и именно въ то время, когда онъ искренно привязался къ молодому художнику, которому когда-то отказалъ въ своей врачебной помощи.

XXXII.

Вѣстѣ съ Филиппосомъ и Тіоной отправился Гермонъ въ Пелузіумъ,

гдѣ престарѣлому коменданту предстояло много дѣла по созыву войска и принятію мѣръ къ защитѣ. Въ этой пограничной крѣпости терпѣніе художника подверглось большому испытанію: въ ея гавани не нашлось ни одного корабля, который бы согласился въ такое неспокойное время отправиться въ Пергамонъ или Лесбосъ. Филиппосъ былъ страшно занятъ, но его распоряженія не были еще всѣ приведены въ исполненіе, какъ уже прилетѣлъ голубъ и принесть извѣстіе, что нападеніе галловъ было довольно успѣшно отражено. Его сыну Эймедису поручилъ царь Птоломей преслѣдовать и страшно наказать этихъ варваровъ, и флотъ его теперь стоялъ на якорѣ въ одномъ изъ устьевъ Нила. Вскорѣ было получено повелѣніе царя, призывающее Филиппоса къ нему въ Александрію. Комендантъ рѣшилъ немедленно послѣдовать этому приказанію, а такъ какъ путь его пролегалъ недалеко отъ того мѣста, гдѣ теперь находился его сынъ, онъ хотѣлъ по дорогѣ повидаться съ нимъ и узнать всѣ подробности происшедшаго. Гермонтъ долженъ былъ имъ сопутствовать. Въ одной изъ гаваней этого обширнаго города можно было рассчитывать найти корабль, заходящій во всѣ гавани Средиземнаго моря, и художникъ могъ пересѣсть на него, не побывавъ въ городѣ. Военная галера всегда стояла въ гавани готовая сняться съ якоря по приказанію коменданта, и уже на слѣдующее утро отправились на ней Филиппосъ, Тіона и Гермонтъ въ сопровожденіи своего вѣрнаго Біаса.

День былъ пасмурный, и сѣрые тучи низко носились по небу. Вѣтеръ, надувая паруса, подгонялъ «Галатею», и можно было рассчитывать, если онъ не перемѣнится, къ солнечному восходу прибыть въ то устье Нила, гдѣ стояли корабли Эймедиса. Престарѣлая чета рано удалилась на отдыхъ въ свою каюту, но Гермонтъ не могъ оставаться въ душномъ помѣщеніи и, накинувъ плащъ, отправился на палубу. Полный дискъ луны уже поднялся на горизонтъ; хотя время отъ времени темныя тучи скрывали ее отъ глазъ художника, но скорѣ всѣ онъ разсѣялся, и луна, подобно лебедю, выплыв-

шему изъ берегового тростника на зеркальную поверхность озера, величественно поплыла по синему небу. Съ какимъ восторгомъ смотрѣлъ Гермонтъ на это зрѣлище. Какъ счастливъ былъ онъ, что могъ онъ вновь видѣть усѣянный звѣздами небосклонъ и всю красоту природы. Теперь эти вѣчные небесные странники уже не были для него бездушными тѣлами: въ блестящемъ дискѣ луны видѣлъ онъ вновь нѣжную богиню Селену. Это волнующееся кругомъ него море было царство Посейдона, а завтра утромъ, когда оно станетъ спокойно, онъ вознесетъ свою молитву морскому богу Глокосу. Вѣтеръ также не былъ только простымъ колебаніемъ воздуха, онъ также исходилъ отъ божества, и вся природа, какъ и во дни его юношескихъ вѣрованій, вновь была населена богами.

И всѣ эти образы, которые онъ ощущалъ въ каждомъ явленіи природы, всѣ они какъ бы ждали только того, чтобы онъ посредствомъ своего искусства воплотить ихъ въ своихъ статуяхъ. Въ тѣ дни, когда непроглядный мракъ окружалъ его, они являлись такъ ясно передъ нимъ, и онъ зналъ, что стоитъ ему только приняться за работу—они вновь всѣ явятся передъ нимъ. Какое страстное желаніе творчества овладѣло имъ уже съ того часа, когда онъ вновь прозрѣлъ. А теперь какъ охотно превратилъ бы онъ луну въ солнце, а галеру въ мастерскую и принялся бы за дѣло. Да, онъ уже зналъ, что будетъ его первой работой. Аполлона—бога свѣта, попирающаго ногами убитаго дракона, духа тьмы, хотѣлъ онъ прежде всего изваять. И это произведеніе навѣрно ему удастся, онъ это чувствовалъ. Взглянувъ опять на небо, онъ увидать уже прямо надъ собой дискъ луны, и тотчасъ же вспомнилась ему подобная же ночь полнолунія, та страшная ночь, которая принесла ему столько страданій и бѣдъ.

Но онъ сознавалъ теперь, что гнѣвъ Немезиды не былъ вызванъ ни тѣмъ молчаливымъ свѣтиломъ, тамъ наверху, ни той мстительной дѣвушкой. Въ тиши пустыни онъ позналъ, что то, что навлекло на него страшную карту, было его безвѣріе, его гордость и самонадѣянность; онъ не хотѣлъ объ этомъ

вспоминать, онъ чувствовалъ въ себѣ достаточно силы оставаться на всю жизнь вѣрнымъ его теперешнимъ убѣжденіямъ. Его новая жизнь ясно и отчетливо рисовалась передъ нимъ. Ничѣмъ, а менѣе всего бесполезными само-мучительными сожалѣніями о прошлыхъ ошибкахъ не хотѣлъ онъ омрачать той свѣтлой будущности, того свѣтлаго утра, которое наступало для него, призывая его къ плодотворной работѣ, къ благодарности и любви. Вдохнувъ съ облегченіемъ свѣжій ночной воздухъ, сталъ онъ ходить по палубѣ, залитой серебристымъ свѣтомъ луны. И опять эта луна напомнила ему Ледшу. Онъ не чувствовалъ никакого озлобленія противъ нея. То, чѣмъ она хотѣла его наказать и уничтожить, обратилось для него въ благодѣяніе. Въ пустынь уже понималъ онъ, что человѣкъ часто благословляетъ то, что вначалѣ казалось ему страшнымъ несчастіемъ.

Какъ ясно предсталъ образъ біамитянки передъ его взволнованной душой! Вѣдь любилъ же онъ ее когда-то! Иначе какъ могъ онъ, сердце котораго тогда уже всецѣло принадлежало Дафнѣ, почувствовать себя оскорбленнымъ и огорченнымъ, когда Біасъ разсказалъ ему, что Ледша покинула не-любимаго мужа и послѣдовала за этимъ галломъ, которому онъ, Гермонъ, спасъ жизнь! Была ли то ревность, или же его самолюбіе почувствовало себя болѣзненно задѣтымъ сознаніемъ того, что онъ изгнанъ изъ сердца, которое, какъ ему казалось, даже ненавидя его, принадлежало только ему одному? Нѣтъ, позабыть его она не могла! Погруженный въ эти размышленія и воспомина-нія сѣлъ онъ на скамью; вскорѣ сонъ овладѣлъ имъ, и голова его опустилась на грудь. И во снѣ продолжалъ онъ видѣть біамитянку, но уже не женщиной, а паукомъ — Арахнеей. Передъ его глазами выросъ этотъ паукъ до необычайныхъ размѣровъ и спустился на маякъ Состратоса. Тамъ, нетронутый пламенемъ маячнаго огня, сталъ онъ опутывать длинными сѣрыми нитями паутины всю Александрію, покрывая ими храмы, дворцы, статуи, пристани и корабли, пока не появилась Дафна, которая хладнокровно одну за другой перерѣзала всѣ эти нити.

Его разбудилъ рѣзкій свистокъ, призывающій гребцовъ къ весламъ. Слабый желтоватый свѣтъ окрашивалъ восточный горизонтъ; все остальное небо было покрыто сѣрыми тучами. Налѣво отъ галеры простирался плоскій коричневый берегъ, такой низменный, что, казалось, лежалъ ниже, нежели грязноватая волна неспокойнаго моря. Холодный туманъ носился надъ этимъ необитаемымъ пустыннымъ берегомъ. Ни деревца, ни куста, ни человѣческаго жилья не было нигдѣ видно на немъ. Всюду, куда человѣческій глазъ достигалъ, видѣлись только песокъ и вода. Мрачныя волны разстилались длинными рядами по бесплодной пустынь, но тотчасъ же, какъ бы уstraшенные печалью, царствующей на этомъ берегу, возвращались обратно въ родное море. Къ ропоту волнъ примѣшивались провзительные крики чаекъ и хриплое карканье голодныхъ вороновъ. Чувство холода овладѣло Гермономъ при видѣ этой печальной пустыни; дрожь пробѣжала по его тѣлу, и онъ плотнѣе закутался въ свой плащъ. Въ это время къ нему подошелъ ноархъ (капитанъ галеры) и указалъ ему на цѣлую флотилію судовъ, стоящихъ большимъ полукругомъ передъ берегомъ. Зачѣмъ стояли тамъ эти суда и чего они, казалось, ожидали—не могъ рѣшить даже этотъ опытный морякъ; во всякомъ случаѣ, это не предвѣщало ничего хорошаго, тѣмъ болѣе, что несмѣтные стаи вороновъ носились надъ судами и кружились надъ берегомъ. Появление на палубѣ Филиппоса прервало разсужденія ноарха; озабоченно указавъ онъ и коменданту на мрачныхъ птицъ. Филиппосъ отвѣтилъ ему только приказомъ обратить больше вниманія на руль и паруса. Повернувшись же къ Гермону, онъ сказалъ ему, что эти суда принадлежатъ къ флоту его сына, но что могло ихъ привести сюда, является и для него загадкой. Спустя нѣкоторое время къ ихъ галерѣ приблизился корабль Эймедиса въ сопровожденіи еще двухъ судовъ; остальные корабли въ числѣ болѣе пятидесяти остались стоять полукругомъ въ виду устья Нила и песчаной пустынной косы. Они составляли часть царскаго флота; на палубѣ каждого изъ

нихъ видѣлись воины, вооруженные длинными копьями, а по бортамъ стояли тѣсными рядами стрѣлки, держа наготовѣ туго-натянутые луки. Куда и въ кого должны были быть направлены ихъ стрѣлы? Экипажъ «Галатеи» увидать теперь на берегу много движущихся точекъ, — то были какіе-то люди: одни стояли сбившись въ кучу, другіе группами шли въ одиночку, темныя пятна на свѣтломъ пескѣ показывали, что многіе лежали, другіе стояли на колѣняхъ, какъ бы въ отчаяніи закрывая голову руками. Кто были эти люди и откуда они взялись тутъ, на этомъ необитаемомъ безплодномъ берегу? Невооруженнымъ глазомъ было трудно различить, къ какой національности они принадлежатъ. Филиппосъ былъ того мнѣнія, что это галлы, тѣ самые возставшіе галлы, наказать которыхъ царь поручилъ его сыну. Старый полководецъ былъ правъ. Едва «Галатея» ближе подошла къ берегу, какъ человѣкъ тридцать кинулись въ море на встрѣчу галерѣ. Да, это были галлы. Ихъ можно было узнать по свѣтлой кожѣ и по длиннымъ спутаннымъ рыжимъ и бѣлокурымъ волосамъ. Филиппосу были они знакомы по битвамъ, въ которыхъ они принимали участіе, а Гермонтъ вспомнилъ, при видѣ ихъ, ту необузданную и дерзкую толпу галловъ, которую онъ встрѣтилъ во время своей ночной поѣдки изъ Пелузіума въ Теннисъ къ больному Мертилосу. Имъ не долго пришлось наблюдать за галлами. На стоящихъ вблизи кораблей раздалась команда, стрѣлки подняли свое оружіе, стрѣлы просвистѣли въ воздухѣ, и человѣческія фигуры тамъ, въ водѣ, одна за другой стали погружаться въ волны, которыя окрасились кровью убитыхъ и раненыхъ. Ужась объять художника, престарѣлый комендантъ закрылъ себѣ лицо плащомъ, а Тіона, плача и призывая имя сына, послѣдовала его примѣру. А ноархъ молча указалъ на черныхъ птицъ, нивко летающихъ теперь надъ водой, но раздавшійся громкій крикъ рулевого: «Лодка съ корабля командира!» отвлекъ вниманіе стараго моряка отъ всего остального. Тридцать сильныхъ гребцовъ, несмотря на большія волны,

направляли лодку къ «Галатей», и съ легкостью юноши взобрался по веревочной лѣстницѣ Эймедисъ на ея палубу. Онъ поспѣшно подошелъ къ своимъ родителямъ; мать рыдая отвѣтила на его далеко не радостное привѣтствіе, а Филиппосъ мрачно произнесъ:

— Я еще ничего не знаю, но уже обо всемъ догадываюсь.

— Отецъ мой, — отвѣтилъ предводитель флота, снимая передъ старымъ воиномъ свой шлемъ, — мнѣ нужно прежде всего сообщить кое-что Гермону; быть можетъ, тогда вамъ станетъ все яснѣе и поможетъ понять то ужасное, что здѣсь происходитъ. Домъ твоего дяди, Гермонтъ, разрушенъ до-тла и обращенъ въ пепелъ, и тѣ тамъ на этой песчаной косѣ виновники...

— Какъ! — перебилъ его Филиппосъ, — въ Александріи позволили они себѣ это!

А Гермонтъ удивленный воскликнулъ:

— Чѣмъ могъ навлечь на себя Архисъ ненависть этихъ разбойниковъ?! Но теперь, когда наказаніе зависить отъ тебя, Эймедисъ, они, надѣюсь, поплатятся за это своеволие и нарушеніе мира.

— Дорогой цѣной заплатятъ они за это, по моему мнѣнію, даже слишкомъ дорогой, — отвѣтилъ глухо Эймедисъ.

На вопросы отца, какъ все это произошло, и что повелѣлъ ему царь, сталъ онъ рассказывать все, что случилось съ того момента, какъ онъ покинулъ Пиеомъ и прибылъ въ Александрію. Эти галлы въ числѣ четырехъ тысячъ человѣкъ направлялись подъ предводительствомъ греческихъ начальниковъ къ египетской границѣ, но, еще не достигнувъ Паратоніума, отказались они повиноваться своимъ иноземнымъ предводителямъ, когда же тѣ хотѣли заставить ихъ продолжать путь, они перевязали всѣхъ начальниковъ и, лишая ихъ жизни, покинули на дорогѣ, а сами направились въ Александрію. Галламъ было извѣстно, что богатая столица осталась послѣ отъѣзда царя почти безъ войска и врядъ ли могла защищаться. И дѣйствительно, они безпрепятственно проникли черезъ городъ мертвыхъ въ Александрію, перешли Драконовъ каналъ и направились къ самой населенной части въ Врухіумъ; тамъ, у храма Діонисія, раз-

дѣлились они на два отряда: одинъ направился на площадь рынка, а другой—къ царскимъ дворцамъ. До сихъ поръ эта дикая орда воздерживалась отъ грабежа и воровства; казалось, она сохраняла всѣ свои силы для нападенія на царскіе дворцы и дома богатыхъ купцовъ на рыночной площади; люди очень хорошо знакомые съ Александріей служили ихъ проводниками. Зачинщикомъ возстанія считали одного изъ предводителей галловъ, но онъ былъ убитъ въ самомъ началѣ, а на его мѣсто былъ избранъ какой-то строитель мостовъ и съ нимъ вмѣстѣ его спутница, женщина, не принадлежащая къ галльскому народу. Эта женщина, рѣшительная, храбрая и обладающая рѣдкой красотой, проходя съ отрядомъ, направляющимся къ царскимъ дворцамъ, приказала слѣдующимъ за ней мятежникамъ разграбить и разрушить домъ, въ которомъ прежде жилъ Гермонъ, когда считался на слѣдникомъ Мертилоса. Ея спутникъ велъ другой отрядъ на площадь рынка и началъ прежде всего съ дома Архіаса, который велѣлъ поджечь послѣ того, какъ все, что въ немъ находилось, было украдено и унесено. Но этими двумя домами и закончились всѣ ихъ грабежи. Комендантъ Александріи, Сатирось, котораго вѣсть объ ихъ приближеніи застала врасплохъ, успѣлъ собрать войска и окружилъ со всѣхъ сторонъ галловъ на площади, и имъ не осталось другого выхода, какъ сдаться. Отряды конницы продѣлали то же самое съ тѣми изъ нихъ, которые отправились къ царскимъ дворцамъ, и съ помощью подоспѣваго войска Эймедиса взяли ихъ всѣхъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ и ту женщину. Изъ Мемфиса же пришелъ приказъ царя перевести плѣнниковъ на эту пустынную косу между устьемъ Нила и моремъ и тамъ ихъ укажать. Всѣ, до единого человѣка, были они осуждены на смерть, и голодъ долженъ былъ замѣнить имъ палача; онъ же, Эймедисъ, состоитъ на царской службѣ, и его долгъ—исполнять повелѣніе царя.

— Да, это твой долгъ,—грустно произнесъ Филиппосъ—но какой грозный приказъ и какое грозное наказаніе!

Тіона, покачивая задумчиво своей сѣдой головой, сказала:

— Четыре тысячи человѣческихъ жизней! Это повелѣлъ этотъ философъ и историкъ, сидящій на царскомъ тронѣ и мнящій себя тонкимъ цѣнителемъ и знатокомъ искусства, и который такъ заботится о мирѣ и благоденствіи страны! Какую же необычайную власть имѣютъ и надъ нимъ духи мрака.

Затѣмъ она добавила почти шепотомъ:

— Кровь двухъ братьевъ запятнала уже его руки и совѣсть. Старшаго, которому принадлежалъ престолъ, устранилъ онъ съ дороги, а второго, нашего друга и лучшаго помощника его отца... Да, Филиппосъ, и тебя за то, что ты вадумалъ за него просить, изгналъ онъ, хотя и на почетное мѣсто, потому что твои услуги ему нужны, но все же изгналъ тебя въ этотъ дальній пограничный Пелузіумъ, гдѣ мы были бы и по сіе время, если бъ...

— Жена, будь осторожнѣе, придержи языкъ свой! — перебилъ ее строгимъ тономъ Филиппосъ. Ехидны, изображенные на коронѣ Верхняго и Нижняго Египта, представляютъ наглядно власть царя надъ жизнью и смертью его подданныхъ. Для египетскаго народа Птоломей и Арсиноя—боги. И можемъ ли мы ихъ осуждать за то, что они пользуются своимъ всемогуществомъ?

— И при томъ, матушка,—прибавилъ съ живостью Эймедисъ,—не слѣдуетъ ли въ этомъ царь примѣру величайшихъ боговъ среди безсмертныхъ? Когда тѣ же галлы четыре года тому назадъ напали на Дельфы и грабили тамъ, развѣ не сами боги ихъ наказали, развѣ не Зевсъ Громовержецъ кидалъ въ нихъ смертельныя стрѣлы своихъ молній и не по его ли повелѣнію глыбы скалъ, оторванные отъ потрясенныхъ его громами горъ, обрушились на нихъ? Многие изъ тѣхъ, которые тамъ на берегу ожидаютъ смерти, спаслись тогда, но развѣ это ихъ исправило? Нѣтъ, преступленіе за преступленіемъ прибавляли они къ первому, и теперь ожидаетъ ихъ расплата за все. Чѣмъ тяжелѣе злодѣяніе, тѣмъ кровавѣе расплата и месть. Всѣ до единого должны погибнуть, таковъ приказъ царя, и я долженъ повиноваться, но въ

моей власти иамѣнить родъ смерти; я думаю, матушка, что ты одобришь меня, если я вмѣсто медленнаго и мучительнаго голода употреблю быстрыхъ стрѣлы. Теперь вы все знаете, и было бы лучше для васъ всѣхъ покинуть возможно скорѣе эти печальныя мѣста. Мнѣ же повелѣваетъ мой долгъ вернуться на мой корабль.

Говоря это, онъ подаль руку Гермону, но тотъ удержалъ ее въ своей и спросилъ, не скрывая овладѣвшаго имъ волненія:

— Какъ зовутъ ту женщину, которой, хотя она не одного съ ними рода, повиновались эти необузданные варвары?

— Ледша,—отвѣтилъ Эймедисъ.

Точно ужаленный скорпіономъ, при-вскочилъ при этомъ имени Гермонъ и воскликнулъ:

— Гдѣ она?

— На моемъ кораблѣ, если только он успѣли ее перевезти на берегъ.

— Какъ!—вскричала Тіона голосомъ полнымъ негодованія,—для того, чтобы подвергнуть ее такой же участи?

— Нѣтъ, матушка, она отправится туда въ сопровожденіи моихъ людей; быть можетъ, тамъ она, наконецъ, заговорить. Намъ надо узнать, не было ли въ самомъ дворцѣ соучастниковъ этого мятежа и нападенія. Да притомъ мы хотимъ знать, кто она такая и откуда.

— Я могу тебѣ самъ о ней все рассказать, — увѣренно сказалъ Гермонъ, — позволь мнѣ только сопровождать тебя. Я долженъ ее видѣть и переговорить съ ней.

— Это твоя Арахнея изъ Тенниса?—спросила Тіона.

Художникъ молча кивнулъ утвердительно головой, а Тіона продолжала:

— Какъ! Та самая безсердечная дѣвушка, которая умолила Немезиду обрушить на тебя свой гнѣвъ и которая теперь сама находится во власти этой богини! И ты хочешь ее видѣть! Что же ты хочешь отъ нея?

Гермонъ наклонился къ почтенной матронѣ и прошепталъ:

— Облегчить ея страшную участь, на сколько это будетъ въ моей власти и силѣ.

— Ну, тогда ступай. А ты, мой сынъ, — прибавила она, обращаясь къ Эймедису, — выслушай то, что тебѣ расскажетъ Гермонъ объ этой женщинѣ, ко-

торая такъ много значила въ его жизни, и когда очередь дойдетъ и до нея, вспомни о твоей матери.

— Она женщина, — отвѣтилъ Эймедисъ, — а приказъ царя повелѣваетъ мнѣ наказать только мужчинъ. Я ей общаю помилованіе, если она во всемъ признается.

— И что же? — быстро спросилъ Гермонъ.

— Ни угрозами, ни обѣщаніями нельзя было ничего до сихъ поръ добиться отъ этой страшной, наводящей ужасъ красавицы.

— И, навѣрно, ничего не добьетесь, — увѣренно отвѣтилъ художникъ.

XXXIII.

Лодка доставила ихъ быстро на корабль Эймедиса. Ледши они тамъ не застали: ее свезли на берегъ, гдѣ ей хотѣли показать тѣхъ, кого подозревали въ томъ, что они служили проводниками мятежнымъ галламъ. Погруженный въ глубокое раздумье, сидѣлъ Гермонъ на палубѣ, ожидая Эймедиса, котораго задерживали на кораблѣ различныя служебныя обязанности. Онъ думалъ о Дафнѣ. Потеря дома, а, можетъ быть, почти всего состоянія, будетъ, навѣрно, болѣшимъ ударомъ для ея отца, но, превратись онъ теперь даже въ нищаго, это бы ничего не значило: есть кому позаботиться о немъ и о его дочери. Онъ, Гермонъ, можетъ вновь работать, и какимъ счастливымъ будетъ онъ себя считать, если ему дана будетъ возможность челоѣку, сдѣлавшему для него такъ много, отплатить за всю его доброту. Ему бы казалось особенной милостью судьбы, если бъ все до послѣдней драхмы погибло въ пламени, и тогда ему, только ему одному обязана была бы всѣмъ Дафна, и съ какой радостью онъ будетъ работать, чтобы ей дать все и окружить ее той роскошью, къ которой она привыкла. Всѣ эти мысли такъ поглотили его вниманіе, что онъ даже на время позабылъ о томъ, что происходило тамъ на томъ страшномъ берегу. Поднявъ теперь голову, онъ увидалъ, что стрѣлки продолжаютъ свое смертельное дѣло. Корабль Эймедиса стоялъ на якорѣ такъ близко къ берегу, что Гермонъ

могъ прекрасно различать отдѣльныя фигуры галловъ. Одни изъ нихъ, повинувшись присущему всѣмъ живымъ существамъ чувству самосохраненія, спѣшили укрыться въ такія мѣста, куда не достигали стрѣлы, другіе же напротивъ искали смерти и тѣснились на берегу. Какое ужасное, душу раздирающее зрѣлище, а вмѣстѣ съ тѣмъ какое обиліе мотивовъ для него, художника. Въ особенности не могъ онъ позабыть одной сцены: два брата, прекрасно сложенные, съ гордо поднятой головой, подставили богатырскую грудь смертоноснымъ стрѣламъ; какъ храбро и отважно стояли они у самаго берега, смотря вызывающе на непріятели! Это былъ ужасный, мрачный сюжетъ, но достойный того, чтобы увѣковѣчить память о нихъ посредствомъ его искусства. Только послѣ полудня присоединился къ нему Эймедисъ, освободившійся, наконецъ, отъ служебныхъ дѣлъ. Несмотря на падающій дождь и сильный вѣтеръ, оставались они на палубѣ. Что могла для нихъ значить непогода? Одинъ изъ нихъ, вновь переживая прошлое, рассказывалъ другу о томъ, какъ ненависть этой оскорбленной женщины навлекла на него гнѣвъ и страшную кару Немезиды, и охватившее его при этомъ волненіе мѣшало ему замѣчать ее, а для Эймедиса, подвергающагося постоянно бурямъ и смертельнымъ опасностямъ, какъ на водѣ, такъ и на сушѣ, и теперь внимательно слушающаго рассказъ Гермона, погода не имѣла никакого значенія. Да, совершенно такой, какъ ее описывалъ Гермонъ, представлялъ онъ себѣ эту Ледшу. Ничего низкаго, мелкаго не могло быть въ этой красивой, страстной женщинѣ, которая, оскорбленная, не задумываясь прибѣгала къ защитѣ грозной Немезиды, и которой сильныя грубые мужчины повиновались безропотно и охотно. Теперь ни для одного изъ нихъ не могло быть и сомнѣнія въ томъ, что только страшная ненависть заставила бѣллитянку послѣдовать за галлами и принять участіе въ нападеніи на Александрію. Яснымъ доказательствомъ этого служило то, что прежде всего были разграблены домъ Мертилоса, по слухамъ, все еще при-

надлежащій Гермону, и домъ Архіаса, гдѣ, какъ она предполагала, могла находиться та Дафна, въ которой она уже въ Теннисѣ видѣла счастливую соперницу и которую тогда же возненавидѣла.

Короткій ноябрьскій день быстро подошелъ къ концу; дождь пересталъ; солнце, готовое закатиться, пробилось сквозь темныя тучи и окрасило горизонтъ яркимъ пурпуровымъ цвѣтомъ, подобнымъ зареву громаднаго пожара. Наступилъ моментъ заката: пламя потухло, и ночная тьма объяла море и ту песчаную косу. Карканіе голодныхъ воронъ все громче и громче раздавалось подъ ночнымъ небомъ. Время отъ времени крики ярости и стоны отчаянія людей покрывали голоса птицъ и шумъ волнъ. Изрѣдка доносился съ кораблей звукъ команды или пронзительный сигналъ. На носу и мачтахъ судовъ засвѣтились слабыя огни, на берегу же господствовала темнота, только тамъ, гдѣ были на скорую руку устроены укрѣпленные навѣсы для часовыхъ, виднѣлся мигающій свѣтъ фонарей. На темномъ до того небѣ загорѣлись одна за другой безчисленныя звѣзды, и серебристый дискъ полной луны побѣдоносно пробился сквозь облака, гонимыя вѣтромъ. Въ концѣ перваго часа послѣ солнечнаго заката приказалъ Эймедисъ подать лодку; въ полномъ вооруженіи, точно отправляясь въ бой, сѣлъ онъ въ нее, уговоривъ и Гермона надѣть подъ хламиду панцырь и опоясаться короткимъ, но сильно отточеннымъ мечомъ. Хотя ихъ долженъ былъ сопровождать отрядъ прекрасно вооруженныхъ и храбрыхъ македонскихъ воиновъ, но кто могъ заранѣе предвидѣть исходъ этой поѣздки! Быть можетъ, имъ придется отбиваться отъ нападенія плѣнниковъ, ярость и отчаяніе которыхъ могли удвоить ихъ силу.

Плоскій берегъ, куда они вскорѣ высадились, былъ теперь освѣщенъ лунной; черныя высокія силуэты галловъ рѣзко выдѣлялись на пескѣ, на которомъ они стояли, сидѣли или лежали. На западной сторонѣ косы небольшой холмъ наскоро окружили песчанымъ валомъ, за нимъ укрывались вооруженные воины и стрѣлки. Посреди холма возвышался поддерживаемый стол-

бами навѣсь; подѣ этимъ навѣсомъ любви, еще менѣе ненавистью или былъ произведенъ днемъ допросъ, и признанные за зачинщиковъ галлы, привязанные къ сваямъ, ожидали рѣшенія своей участи. Тамъ же находилась женщина; это была Ледша. Она сидѣла, прислонившись къ низкимъ сваямъ, окружавшимъ съ внутренней стороны валъ, хотя и не представлявшій особенной обороны, все же онъ обозначалъ мѣсто, до котораго могли только отваживаться подходить плѣнники. Того, кто осмѣлился бы переступить эту ограду, ожидала мѣтко направленная стрѣла македонскаго воина. И здѣсь, по крайней мѣрѣ, не могла Ледша видѣть того ужаса и смятенія, которые господствовали тамъ, на песчаной отмели среди галловъ. Подойдя къ оградѣ, Эмедишь приказалъ сопровождавшимъ его воинамъ остаться позади нея. Указавъ рукой на сидящую Ледшу, онъ шепотомъ сказалъ Гермону:

— Какой таинственной, клянусь поясомъ Афродиты, даже внушающей ужасъ красотой обладаетъ эта женщина. Хотѣлъ бы я знать, для кого теперь эта Медея мысленно готовить новый ядовитый напитокъ?

Затѣмъ онъ поручилъ Гермону передать ей, что ей будетъ даровано прощенье, если она согласится рассказывать о томъ, были ли у галловъ сообщники въ царскихъ дворцахъ, и называть ихъ. Но Гермонъ рѣшительно отказался передавать подобныя предложенія гордой Ледшѣ. Эмедишь ожидалъ подобнаго отказа и выразилъ только свое намѣреніе переговорить съ Ледшей послѣ того, какъ Гермонъ съ ней поведается. Какой бы строптивой она ни оказалась, онъ хотѣлъ ее спасти и совершенно помирловать, уже ради своей матери, почтенной Тіоны; поэтому Гермонъ долженъ ей только сказать, что военачальникъ не желаетъ ей зла, а, напротивъ, хочетъ облегчить ея участь. Пожавъ другу руку, отправился онъ осмотрѣть другіе сторожевые посты. Никогда еще, ни при какой угрожавшей ему опасности не испытывалъ Гермонъ такого сердцебіенія, какъ въ данный моментъ, передъ предстоящей ему встрѣчей съ біамитяжкой. Нѣтъ, то, что привело его въ такое волненіе, не было уже чувствомъ

любви, еще менѣе ненавистью или низкимъ желаніемъ дать почувствовать своему врагу, что месть ея не удалась. Побѣдителю легко быть великодушнымъ, а еще того легче, если онъ—художникъ и имѣетъ дѣло съ такимъ красивымъ противникомъ, и Гермонъ долженъ былъ сознаться мысленно, что онъ никогда не видалъ Ледшу такой прекрасной, какъ теперь. Какъ красивъ былъ овалъ ея лица, какой тонкій профиль и какими огромными казались ея блестящіе глаза, и при свѣтѣ луны можно было различить ея черныя, густыя, почти сросшіяся брови. Время какъ будто только увеличило очаровательность этого прекраснаго существа! Но вотъ она быстро поднялась и съ какой-то лихорадочной поспѣшностью стала ходить взадъ и впередъ, но вдругъ она остановилась; одинъ изъ привязанныхъ къ сваямъ галловъ, въ которомъ Гермонъ узналъ спасеннаго имъ когда-то Лутаріуса, громко произнесъ ея имя и, когда она повернула къ нему голову, воскликнулъ на ломанномъ греческомъ языкѣ:

— Только еще разъ, одинъ только разъ, молю я тебя, приложи твою руку къ моему лбу, а если и это для тебя слишкомъ много, скажи мнѣ только одно доброе слово прежде, чѣмъ все будетъ для меня кончено. Я хочу только услышать, что ты меня не ненавидишь, какъ врага, и не презираешь, какъ собаку. Что тебѣ стоитъ это сказать! Только въ двухъ словахъ скажи мнѣ, что ты сожалѣешь о томъ, что была такъ жестока со мной!

Она отвѣтила рѣзко и рѣшительно:

— Одна и та же участь ожидаетъ насъ обоихъ. Когда настанетъ мой чередъ и глаза мои закроются, тогда высшимъ наслажденіемъ для меня будетъ мысль, что они никогда больше не увидятъ тебя, ненавистный безбожникъ!

Крикъ ярости вырвался изъ груди Лутаріуса, и онъ съ такой силой рванулъ за веревку, которой былъ привязанъ къ сваѣ, что свая запаталась. Ледша спокойно отвернулась отъ него и пошла подѣ навѣсь. Въ раздумьѣ прислонилась она къ одному изъ столбовъ, поддерживающихъ крышу, а художникъ съ возрастающимъ вниманіемъ

слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ, поднымъ благородства и изящества. Приложивъ руку къ прекрасному лбу, смотрѣла она на луну. Гермонъ чувствовалъ, что ему уже давно слѣдовало заговорить съ ней, но окликнуть ее теперь, нарушить то мечтательное настроеніе, которое ею теперь овладѣло, казалось ему какимъ-то святотатственнымъ поступкомъ. Такъ, именно такъ должна была стоять Арахнея послѣ того, какъ богиня въ порывѣ несправедливаго гнѣва ударила ее, эту болѣе искусную смертную! Какъ грозно сдвинулись ея брови и нахмурился ея лобъ въ то время, какъ на губахъ появилась улыбка торжества, ея прелестный ротъ полуоткрылся, и бѣлые мелкіе зубы, которыми когда-то такъ восторгался Гермонъ, заблестѣли. Подобно астрологу, который до послѣдней возможности слѣдитъ и старается удержать въ своей памяти какое-нибудь необычайное явленіе, замѣченное имъ на небѣ, тогда какъ надвигающіяся тучи грозятъ скрыть его отъ его глазъ, точно такъ же смотрѣлъ Гермонъ и старался запечатлѣть ея образъ въ своемъ умѣ. Въ этой позѣ хотѣлъ онъ ее изобразить совершенно такъ, какъ она теперь передъ нимъ стояла, безъ покрывала, сорванного, вѣроятно, во время преслѣдованія, съ этими длинными распутившимися волосами; да, онъ передать даже ея носъ съ легкимъ изгибомъ вопреки древнимъ правиламъ искусства, допускающимъ у красивыхъ женщинъ только прямой носъ. Но этотъ реальный образъ такъ воплощалъ собой его идею, что малѣйшее уклоненіе отъ правды могло только повредить впечатлѣнію цѣлаго. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ стояла Ледша совершенно неподвижно, какъ бы повинувая мысленному желанію художника; а тотъ точно прикованный не спускалъ съ нея глазъ до тѣхъ поръ, пока Лутаріусъ опять позвалъ ее. Тогда Ледша быстрыми шагами направилась въ противоположную сторону къ сваямъ, тамъ остановилась она и замѣтила мужскую фигуру, наблюдавшую за ней. Она тотчасъ же увидала, что это былъ эллинъ. Черная борода украшала его красивое серьезное лицо. На немъ была хламида такого же покроя, какую она уже ви-

дала на другомъ, только у того не было этого короткаго меча, привѣшеннаго по греческому обычаю къ широкому поясу. Она вдругъ почувствовала, какъ вся кровь бросилась ей въ голову, и, боясь упасть, обхватила она обѣими руками сваю, затѣмъ нагнулась она впередъ всѣмъ тѣломъ, желая разглядѣть того, чей видъ привелъ ее въ такое странное волненіе. Громко, почти провозительно прозвучалъ ея голосъ, произнося имя Гермона.

— Ледша! — мягко отвѣтилъ Гермонъ и, полный искренняго сочувствія, протянулъ ей обѣ руки. Она не обратила никакого вниманія на это движеніе и тономъ, въ которомъ звучало непонятное для него самодовольство, проговорила:

— Какъ, и въ несчастіи посѣтитъ ты меня! Даже здѣсь ты, слѣпой, смѣлъ меня найти!

— Охотнѣе увидать бы я тебя окруженной высшимъ счастьемъ, — сказалъ Гермонъ. Но я уже не слѣпой. Безсмертные вновь даровали моимъ глазамъ способность наслаждаться твоей чудной красотой!

Рѣзкій, полный злобы смѣхъ прервалъ его и съ трудомъ, точно задыхаясь отъ него, произнесла она нѣсколько разъ:

— Не слѣпой, больше не слѣпой...

Есть слезы горя и радости; точно такъ же и смѣхъ, этотъ спутникъ радости, вырывается среди отчаянія и страданія. Этотъ смѣхъ отчаянія поразилъ сердце художника болѣе, нежели самый дикій вопль ярости. Когда же Ледша произнесла: «Не слѣпой, выздоровѣлъ. Богатъ и видитъ, онъ вновь владѣетъ глазами!», тогда только понялъ онъ ее вполне и могъ объяснить себѣ ея самодовольный тонъ, который его вначалѣ такъ удивилъ. Не въ силахъ произнести ни слова, смотрѣлъ онъ на Ледшу, продолжавшую говорить, изрѣдка смѣясь этимъ ужаснымъ для его ушей смѣхомъ.

— Такъ вотъ какова карающая справедливость! Настъ, бѣдныхъ женщинъ, позволяетъ она попирать ногами, а сама и пальцемъ не пошевелитъ для нашей защиты. Моя месть! Какъ молила я и преклонялась передъ Немезидой! Какую сладость испытывала я отъ сознанія, что моя месть такъ хорошо удалась! И что же? Все это было только ложь

и обманъ! Слѣпой вновь видитъ! Тотъ, кто долженъ былъ погибнуть отъ отчаянія, тому дозволяютъ съ мечомъ за поясомъ присутствовать при нашей гибели, наслаждаться нашимъ несчастіемъ! Слушай же, если только эта пріятная для тебя вѣсть не достигла еще до твоихъ ушей: я также осуждена на смерть! Но какое мнѣ дѣло до меня, и развѣ я думаю о себѣ?! Навѣрно, менѣе нежели тѣ безсмертные, которыхъ мы просимъ и которымъ мы молимся, думаютъ о насъ, оскорбленныхъ и обманутыхъ женщинахъ. Теперь только познала я ихъ. Вотъ благодарность Немезиды за всѣ мои богатые жертвоприношенія. На порогѣ смерти ставить она на моемъ пути тебя, вѣроломнаго и безнаказаннаго. Я должна допустить самое ужасное для меня, а именно то, что ты, ненавистный, ослѣпленіе котораго являлось единственной радостью моей испорченной жизни, можешь дерзко тѣшиться моимъ видомъ и моимъ несчастіемъ.

При такомъ несправедливомъ обвиненіи негодованіе овладѣло Гермонамъ; схвативъ ея руку, лежавшую на свѣѣ, и смотря ей прямо въ глаза, онъ громко вскричалъ:

— Остановись, безумная, ни слова больше, а то я буду принужденъ вспоминать и думать о тебѣ, какъ объ ядовитой змѣѣ и отвратительномъ паукѣ!

Пока онъ говорилъ, она употребила напрасныя усилія вырвать свою руку; окончивъ, Гермонамъ выпустилъ ее. Ледша, пораженная и точно ища помощи, посмотрѣла на него и едва слышно проговорила:

— Когда-то, ты самъ знаешь когда, я была совсѣмъ другой. Другой была я и тогда, когда надѣялась, что моя месть удалась мнѣ вполне. А теперь! Все, чѣмъ я хотѣла тебя наказать, все это уничтожила Немезида. Между тѣмъ отвратила ли она отъ меня самыя тяжкія обиды? Мечь же, на которую я имѣла полное право, ту отняла она у меня!

Подобно надломанному колосу, поникла она головой и умолкла. Гермонамъ же почувствовалъ, какъ его гнѣвъ превратился въ сожалѣніе. Тепло и дружески спросилъ онъ, неужели ничто не можетъ примирить ее съ нимъ; онъ готовъ умолять ее простить ему все

дурное, что онъ ей когда-либо сдѣлалъ, и будетъ просить даровать ей не только жизнь, но и свободу. Но Ледша задумчиво произнесла:

— Что мнѣ останется въ жизни безъ ненависти, и на что мнѣ жизнь? Какое мнѣ, несчастной, дѣло до всего остального, что люди считаютъ самыми высшими и самыми лучшими благами?

Гермонамъ сказалъ, указывая на связаннаго Лутаріуса:

— Въ обществѣ этого галла покинула ты человѣка, законной женой котораго была, и въ немъ нашла, вѣрно, ты замѣну потерянной любви.

— Въ немъ!—вскричала она громко, тономъ безконечнаго презрѣнія и отвращенія. Спроси-ка этого негодяя: пусть онъ тебѣ объ этомъ расскажетъ! Мнѣ нуженъ былъ проводникъ, который могъ бы меня увести далеко отъ нелюбимаго мужа. И только потому, что онъ могъ помочь мнѣ, уничтожить твое новое и незаслуженное счастье, осталась я съ нимъ среди его соплеменниковъ. Мнѣ рассказали многіе александрійцы, что ты счастливо живешь, утопая въ роскоши, а этотъ презрѣнный общалъ мнѣ превратить тебя и твоего богатаго дядю въ жалкихъ нищихъ, если удастся нападеніе на столицу. И онъ сдѣлалъ это, хотя зналъ, что именно ты подобралъ его на улицѣ и спасъ ему жизнь. Въ его ничтожной душѣ нѣтъ мѣста для благороднаго чувства. Онъ желалъ только обладать мною, но еще сильнѣе было его желаніе обладать золотомъ александрійскихъ богачей. Подлѣе волка, который лижетъ руку человѣка, перевязавшаго его раны, оскалитъ онъ зубы противъ своего спасителя. Если онъ осужденъ погибнуть здѣсь отъ голода и жажды, то это будетъ только то, что я о немъ думаю! Этотъ кровожадный хищникъ не осмѣливался даже дотронуться до моей руки. Спроси его самъ! Вотъ онъ, пусть онъ тебѣ расскажетъ, какъ я выслушивала его любовныя клятвы и увѣренія... Скорѣе, нежели допустить, чтобы онъ, этотъ безбожникъ, вызвалъ вновь къ жизни то, что ты такъ безжалостно растопталъ въ моемъ сердцѣ, я бы...

Ее прервалъ Лутаріусъ, разразившійся пѣлымъ градомъ проклятій, но часовой, привлеченный его крикомъ,

появился съ длиннымъ бичемъ въ руки и заставилъ его умолкнуть. Гермонъ спросилъ Ледшу:

— Такъ это твоя безумная ненависть принудила галловъ напасть на Александрию?

— Нѣтъ, — отвѣтила она просто. Послѣ того, какъ нападеніе было уже рѣшено, и его избрали на мѣсто убитаго предводителя, стали галлы почему-то повиноваться мнѣ безпрекословно; я этимъ воспользовалась и заставила ихъ прежде всего разграбить твой домъ и Архіаса. Они должны были, покончивъ съ царскими дворцами, напасть на храмъ Деметры.

— Итакъ, — продолжалъ Гермонъ, — ты находила, что лишеніе зрѣнія не достаточная кара для того, кого ты такъ ненавидѣла?

— Нѣтъ, — произнесла она рѣшительно.

— Все, что только можетъ дать хорошаго жизнь, кромѣ зрѣнія, могъ ты приобрести за твое золото, тогда какъ въ моей душѣ царилъ мрачное отчаяніе, и оно было темнѣе и мрачнѣе окружавшей тебя ночи. Все, рѣшительно все, чѣмъ дорожить женское сердце, было отнято у меня тобой, домъ отца, его любовь, любовь сестры... И даже радостное сознание моей красоты, которое ты пробудилъ во мнѣ твоими лстивыми словами, превратилось, благодаря тебѣ, въ отвращеніе къ самой себѣ!

— Почему же благодаря мнѣ? — вскричалъ Гермонъ, удивленный несправедливостью взводимого на него обвиненія, но Ледша отвѣтила увѣренно:

— Да, ты былъ виноватъ во всемъ! Ты, искусство котораго могло превращать обыкновенныхъ смертныхъ женщинъ въ богинь, хотѣлъ изобразить меня въ видѣ несчастной поруганной женщины съ веревкой на шеѣ, готовой на самоубійство и превращающейся въ самое отвратительное изъ насѣкомыхъ. «Противный сѣрый паукъ!», гворила я сама себѣ, когда подымала руки, и мнѣ казалось, что тѣнь моя, падающая на освѣщенную солнцемъ землю, есть тѣнь громаднаго паука. Когда я въ долгіе часы одиночества рѣшала сѣсть за прядку, я думала: «точно паукъ, вытягивающій нити».

«Твой образъ», думала я, находя гдѣ-нибудь въ пыльномъ углу паука, выжидающаго въ паутинѣ свою добычу. Отвращеніе къ себѣ самой все росло и росло во мнѣ. И при этомъ знать, что твоя Деметра, которой ты придаешь черты дочери Архіаса, вызываетъ восторгъ всѣхъ жителей Александрии и привлекаетъ въ храмъ толпы вѣрующихъ и поклоняющихся ей, какъ святынѣ. Она — предметъ поклоненія многихъ тысячъ людей; я же, столь восхваляемая тобой прежде красавица, — предметъ отвращенія для самой себя! Это и была причина, которая поддерживала и увеличивала днемъ и ночью мое желаніе мести, и она заставляла меня оставаться въ сообществѣ съ этимъ негодяемъ, потому что онъ мнѣ общалъ, какъ только они покончатъ съ царскими дворцами, разбить вдребезги передъ моими глазами статую Деметры, образъ дочери Архіаса, доставившую тебѣ столько славы и почестей.

— Безумная! — запальчиво вскричалъ Гермонъ и рассказавъ ей въ немногихъ словахъ, насколько всѣ ея свѣдѣнія были невѣрны.

Съ широко открытыми глазами, точно передъ ней предстало какое-то страшное видѣніе, слушала она его рассказъ о томъ, что та статуя въ храмѣ была произведеніемъ Мертилоса, а не его, что наслѣдство его друга уже давно ему больше не принадлежитъ, и что онъ такой же бѣднякъ, какимъ былъ въ Теннисѣ, когда она его любила.

— А твоя слѣпота? — спросила она почти шепотомъ.

— Она превратила мнѣ жизнь въ длинную непроглядную ночь, куда не проникалъ ни одинъ лучъ свѣта, — былъ его отвѣтъ, — но благодаря безсмертнымъ я вновь прозрѣлъ, и старая Табусъ изъ «Совинаго гнѣзда», искусство которой ты такъ часто восхваляла, дала мнѣ лѣкарство и совѣты: они помогли мнѣ, и я опять вижу такъ же хорошо, какъ и прежде.

Тутъ онъ замолчалъ; Ледша блѣдная отъ волненія, готовая упасть, обхватила руками сваю; тогда, понявъ, какъ должно было на нее дѣйствовать все то, что она теперь только узнала, онъ ласково и мягко принялся ее утѣшать. Но она, казалось, не слушала

его; ея большіе глаза безпомощно и печально смотрѣли то на песокъ, разстилающійся подъ ея ногами, то подымались къ полному диску луны, которая ярко освѣщала небо и землю. Наконецъ, она глухо проговорила:

— Теперь я все понимаю! Ты встрѣтился съ Табусъ именно въ то время, когда Біасъ возвращалъ ей отъ моего имени брачный выкупъ. Какъ это должно было ее возмутить и возстановить противъ меня! Я долго раздумывала, какъ мнѣ сдѣлать, чтобы не нанести ей этого удара, но кому другому, если не ей, могла я возратить то, что заплатилъ за меня Ганно? Вѣдь она хранила сокровища всего рода! А она считала бракъ тайнствомъ, святыней, которую могла только нарушить смерть. Женщина, нарушившая супружескую вѣрность и покинувшая мужа, была для нея какимъ-то необъяснимымъ чудовищемъ. И какъ она любила сына и внуковъ! Зло, причиненное мною Ганно, да, я знала это заранѣе, не могла она мнѣ никогда простить. Уже ради этого захотѣла она помочь человѣку, котораго я такъ страшно ненавидѣла.

— Но почему ты знаешь?—сказалъ Гермонъ. Быть можетъ, моя загубленная молодость и жизнь внушили ей сожалѣніе, и она повтому помогла мнѣ.

— Можетъ быть,—отвѣтила въ задумчивости Ледша. Вѣдь она была тверда какъ сталь, но могла быть и мягкой какъ нѣжная дѣвушка. Я это на себѣ испытала. И подумать только, что она должна была умереть въ такомъ страшномъ гнѣвѣ противъ меня! Какое у нея было вѣрное доброе сердце, какъ она была добра ко мнѣ даже тогда, когда я ей призналась въ моей любви къ тебѣ и рассказала, какъ ты меня оскорбилъ! Къ ея услугамъ были алые духи тьмы и повиновались ей. Они-то, вѣрно, еще раньше донесли ей, какъ глубоко я оскорбила Сатабу-са, и какъ тяжела была жизнь Ганно со мной. Вотъ почему она уничтожила все то, чего я достигла моей местию. Да, я объ этомъ уже тогда думала, когда узнала, что смерть, отъ которой я ее ужъ разъ и съ такимъ трудомъ отстояла, наконецъ, унесла ее. Но мрачные духи тьмы продолжаютъ повино-

ваться волѣ умершей. Куда бы я ни пошла, они слѣдуютъ за мной и уничтожаютъ все, на что я надѣюсь и чего желаю. Теперь я это вполне сознаю, и все мнѣ ясно.

— Нѣтъ Ледша, нѣтъ,—увѣренно произнесъ Гермонъ,—со смертью прекращается всякая власть, даже власть заклинательницы надъ демонами. Ты должна получить свободу. Куда ты пожелаешь, туда и можешь ты, бѣдныжка, отправиться. А я сдѣлаю статую по твоему образу и подобию, но не паука, а красавицу. Тысячи людей будутъ ею любоваться, и тотъ, кто, очарованный красотой моей статуи,—да помогутъ мнѣ въ этой работѣ Музы!—спроситъ: «Кто послужилъ моделью для нея?», получить въ отвѣтъ: «Это Ледша, дочь Шалита, красавица-біамитянка, которую Гермонъ изъ Александріи нашелъ достойной изваять изъ мрамора для потомства.»

Она глубоко вздохнула и, взглянувъ ему въ глаза, тихо проговорила:

— И это правда, и я могу этому вѣрить?

— Это такъ же вѣрно, какъ то, что теперь надъ нами сіяетъ нѣжная богиня ночи Астарта и освѣщаетъ насъ своимъ мягкимъ всепрощающимъ свѣтомъ.

— Полнолуніе...—прошептала она почти про себя, взглянувъ на небо, и, обернувшись къ Гермону, громко продолжала:—Демоны старой Табусъ общали мнѣ въ ночь полнолунія величайшее блаженство, ты вѣдь это знаешь. А между тѣмъ образъ паука отравлялъ мнѣ днемъ и ночью все счастье моей жизни. Хочешь ли ты мнѣ дать клятву, что ты изваяешь по моему образу прекрасную статую, видъ которой будетъ вызывать восхищеніе всѣхъ, кто ее увидитъ? Восхищеніе, слышишь ли ты, а не отвращеніе! Еще разъ спрашиваю я тебя, хочешь ли ты...

— Да, хочу и, я увѣренъ, мнѣ это удастся,—съ горячностью перебилъ онъ ее, протягивая ей руку черезъ загородку.

Она теперь охотно вложила въ нее свою руку, еще разъ взглянула на луну и сказала:

— Этого разъ, да, я хочу вѣрить, сдержишь ты данное тобой слово не такъ, какъ тогда въ Теннисѣ. А я...

я перестану желать тебѣ зла и хочу сказать тебѣ—почему. Наклони ко мнѣ твое ухо, чтобы мнѣ было легче въ этомъ сознаться.

Охотно исполнилъ онъ ея просьбу; она же прислонила къ нему свою прекрасную голову, и онъ почувствовалъ, какъ по ея щекамъ катились крупныя слезы. Запинаясь, тихо проговорила она наконецъ:

— Потому, что сегодня ночь полнолуныя, и она мнѣ, наконецъ, принесла то, что мнѣ такъ давно обѣщали демоны, и еще потому, что, хотя я мужественна и сильна, я все же женщина. Блаженство!.. Давно уже перестала я надѣяться испытать его когда-нибудь... но теперь!.. Да, то, что я теперь испытываю, это и есть блаженство. Я чувствую себя безконечно счастливой и не могу сказать и объяснить почему. Моя любовь! О, да! Она была все же сильнѣе и горячѣе самой жгучей ненависти! И теперь ты это знаешь, Гермонъ! А я... Ты говоришь, я буду свободна... Старая Табусъ, какъ хвалила она покой... вѣчный покой! Милый... если бъ ты зналъ, какъ измучено мое бѣдное сердце! Если бъ ты могъ себѣ представить, до чего я устала!

Она замолчала, а Гермонъ, на котораго она продолжала смотрѣть съ безконечной нѣжностью, почувствовалъ чье-то прикосновеніе къ его поясу. Но онъ не обратилъ на это никакого вниманія,—такъ поглощенъ онъ былъ тѣмъ, что слышалъ; казалось, до глубины его сердца проникли эти мягкіе, страстные звуки ея голоса.

— Ледша! — задумчиво произнесъ онъ и протянулъ руки, какъ бы желая обнять ее.

Но она уже отошла отъ него, и тутъ только понялъ онъ значеніе того движенія, которое онъ передъ тѣмъ почувствовалъ: она вытащила его мечъ изъ ноженъ, и при свѣтѣ луны увидать онъ, какъ сверкнулъ клинокъ и затѣмъ исчезъ. Въ тотъ же мигъ перескочилъ онъ черезъ валъ и поспѣшилъ къ ней. Но Ледша уже опустилась на колѣни, и въ то время, какъ онъ, обхвативъ ее руками, старался приподнять ее, услыхалъ онъ, какъ ея голосъ нѣжно, но все тише и тише прошепталъ нѣсколько разъ его имя и слова: «Полнолуныя, блаженство».

Голосъ умолкъ, и, подобно прекрасному цвѣтку, сломанному бурей, упала ея голова ему на грудь.

XXXIV.

— То, что произошло, есть, быть можетъ, самая лучшая развязка для нея и для насъ,—сказалъ Эймедисъ послѣ того, какъ молча долго стоялъ передъ мертвой Ледшей, глядя на ея прекрасное, теперь такое спокойное лицо.

Онъ велѣлъ ее немедленно похоронить, созвалъ своихъ воиновъ и часовыхъ, и отдалъ слѣдующій приказъ:

— До восхода солнца здѣсь должно быть все покончено. Пусть всѣ, у кого есть оружіе, исполняютъ свое дѣло. Луна свѣтитъ достаточно ярко для такой страшной работы.

Грозный приказъ былъ исполненъ, и стрѣлы, разнося повсюду смерть, отняли у голода и жажды предназначенную для нихъ добычу. Наступившее утро застало на палубѣ обоихъ друзей, еще погруженныхъ въ серьезный разговоръ. Безоблачное небо разстилось надъ голубымъ моремъ. Бѣлыя чайки носились надъ кораблемъ, сопровождаемымъ веселыми, смѣлыми дельфинами. Раздавались свистки гребцовъ, и, повинаясь громкой командѣ, ставили матросы паруса. Суда быстро неслись, подгоняемые попутнымъ вѣтромъ. Гермонъ въ послѣдній разъ взглянулъ на плоскую пустынную косу; она казалась лишь сѣрой туманной полосой на далекомъ горизонтѣ, но надъ ней, подобно мрачной грозовой тучѣ, носились безчисленные стаи воронъ и коршуновъ. Слабо, но все еще слышны были ихъ жадные крики и карканіе; самый зоркій глазъ не могъ ничего различить на далекомъ берегу, кромѣ небольшихъ движущихся точекъ,—опять-таки вороны и коршуны. Всѣ человѣческія существа, которыя еще вчера тамъ двигались и метались, успокоились теперь навѣки; для нихъ уже больше не существовали ни кровавыя добычи, ни побѣды, ни пораженія; они не испытывали больше ни ярости и отчаянія, ни страха смерти. Эймедисъ указалъ родителямъ на обширную могилу на берегу моря и сказалъ:

— Приказъ царя исполненъ. Изъ четырехъ тысячъ человѣкъ не оста-

лось ни одного живого существа, которое могло бы передать своему народу это страшное извѣстіе.

Престарѣлый воинъ Александра Великаго молча пожалъ руку сына, а почтенная Тіона, положивъ свою руку на плечо Гермона, проговорила:

— Тамъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ эти мрачныя птицы затемняютъ свѣтъ дня, погребено и то, что навлекло на тебя гнѣвъ Немезиды. Ты долженъ покинуть Египетъ. Говорятъ, что жизнь на чужбинѣ, вдали отъ дорогой родины, тяжела, но Пергамонъ стоитъ на греческой землѣ, и я уже вижу, какъ тамъ засіяютъ для тебя двѣ звѣзды, которыя отнынѣ будутъ освѣщать твой жизненный путь: искусство и любовь.

И предсказаніе почтенной Тіоны, этого добраго, преданнаго друга Гермона, исполнилось.

Повѣсть объ Арахнеѣ окончена. На берегу Нила завершилась она. Въ Пергамонѣ же началась для Гермона новая жизнь. Сдѣлавшись мужемъ Дафны и живя подъ одной кровлей съ Мертилосоу, Архіасомъ и вѣрнымъ Біасомъ, нашелъ Гермонъ на этой новой родинѣ все то, о чемъ онъ во время своей слѣпоты мечталъ и въ чемъ видѣлъ благороднѣйшія стремленія и цѣль человѣческой жизни: искусство, любовь и дружбу. Онъ нисколько не сожалѣлъ о веселой оживленной жизни въ Александріи, потому что Пергамонъ, быстро разрастаясь, превратился въ такой городъ, который не уступалъ никакому другому греческому городу ни въ умственной жизни, ни въ художественномъ развитіи. Изъ многочисленныхъ работъ Гермона сохранилась только одна голова галла. Но и это единственное его художественное произведение показываетъ потомству, что Гермонъ остался вѣренъ тому направлению въ искусствѣ, которое основывалось на правдивой и реальной передачѣ натуры. Эта голова есть часть группы, названной Гермономъ изъ мрамора, и сюжетомъ для которой онъ взялъ тѣхъ двухъ братьевъ галловъ, такъ мужественно подставлявшихъ свою грудь стрѣламъ македонскихъ воиновъ тамъ, на томъ страшномъ берегу, гдѣ онъ увидалъ Ледшу въ по-

слѣдній разъ. Филотеросъ, правитель Пергамона, приобрѣлъ эту группу и послалъ ее въ даръ Птоломею, избавившему своимъ ужаснымъ приказомъ и его страну отъ хищниковъ-галловъ. Въ египетской землѣ при раскопкахъ нашли эту голову¹⁾.

Много мотивовъ заимствовалъ Гермонъ изъ дѣйствительной жизни, но онъ не избѣгалъ больше и идеальныхъ сюжетовъ. Ему, слѣпому, открылся міръ идей и идеальныхъ представлений, и его богатое воображеніе черпало отсюда матеріалъ для великихъ произведеній, а то настоящее счастье, которое онъ нашелъ въ любви Дафны, и слава, доставляемая ему его работами, увеличивали еще больше его творческую силу. Плоды его неутомимой дѣятельности, — «Аполлонъ, богъ свѣта, убивающій духа тьмы», такъ же, какъ и его прекрасная «Арахнея», гордо смотрящая на только-что оконченную ткань, благодаря которой она, болѣе искусная ткачиха, побѣдила богиню, — погибли для потомства. Въ этой послѣдней статуѣ призналъ вольноотпущенникъ Біасъ тотчасъ же образъ своей соплеменницы Ледши и молча подолгу смотрѣлъ на нее съ восторгомъ. Исчезли также и колоссальныхъ размѣровъ произведенія: «Битва Амазонокъ» и «Боги моря», заказанныя для храма Посейдона въ Пергамонѣ. То, что было индивидуальнаго въ талантѣ Гермона, его стремленіе къ правдѣ и реальности, является отличительнымъ признакомъ всѣхъ произведеній его потомковъ, которыми до нашихъ дней восторгаются и которыя стали извѣстны подъ собирательнымъ названіемъ: «Пергамское искусство». Для Гермона такъ же, какъ и для Дафны и Мертилоса, этотъ городъ сталъ второй родиной. Архіасъ былъ выбранъ въ городской совѣтъ и окруженъ уваженіемъ и почестями. Счастье его единственной дочери, здоровые и умные внуки, слава, окружающая имена Гермона и Мертилоса, все это радовало его и было для него источникомъ самой чистой и благородной гордости. И все же его страстно тянуло на старую родину, съ потерей

¹⁾ Она находится въ Гивехскомъ музеѣ, близъ Каира.

которой его ничто не могло помирить. Поэтому Гермонъ считъ однимъ изъ самыхъ счастливыхъ дней своей жизни тотъ день, когда ему удалось получить для Архіаса позволеніе вернуться въ Александрію. Царь Птоломей Филадельфъ прислалъ, наконецъ, художнику, такъ сильно возбудившему его недовѣріе, лавровый вѣнокъ и поручилъ своему посланному передать Гермону, Мертилосу, а также и ихъ изгнанному родственнику приглашеніе возвратиться въ его столицу. Въ благодарность за высокое наслажденіе, доставляемое ему и его супругѣ работами Гермона, согласился онъ простить и позабыть все то, что послужило поводомъ къ изгнанію Архіаса.

Радостно, точно ему возвратили его утерянную молодость, отправился немедленно Архіасъ въ сопровожденіи домоправителя Грасса въ свою возлюбленную Александрію. Тамъ нашелъ онъ опять неутомимую, вѣчно оживленную дѣятельность и жизнь, македонскій совѣтъ, рынокъ, разнообразную и увлекательную бесѣду, ѣдкое остроуміе, знакомые и любимые памятники искусства,—однимъ словомъ, все, чего ему, несмотря на любовь и счастье близкихъ, такъ не хватало въ Пергамонѣ, и къ чему онъ всѣмъ сердцемъ стремился. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ наслаждался всѣмъ этимъ, но, побывавъ однажды въ царскомъ дворцѣ, гдѣ были выставлены вновь присланные произведенія пергамскихъ художниковъ, онъ вернулся домой въ сильномъ волненіи, и какое-то безпокойство овладѣло имъ. Онъ подобно другимъ любовался произведеніями Мертилоса, изображающими сельскія сцены. Но произведеніе, которое его поразило и затронуло, какъ ни одно до того времени, большая группа изъ мрамора «Похищеніе Прозерпины», было изваяно Гермономъ. Его родительское сердце узнало въ образѣ Деметры черты горячо любимой Дафны, а старшая дочь ея Эригона, названная такъ въ честь матери Гермона, была изображена въ образѣ Прозерпины. Какой прелестной показалась, ему его внучка;

сколько женственности и красоты было во всей ея фигурѣ! Ни одна статуя не производила такого впечатлѣнія на этого стараго любителя и знатока искусства. Грассъ слышалъ, какъ его господинъ не разъ громко произносилъ среди ночи имена Дафны и Эригона; поэтому его не удивило, когда ему на слѣдующій день былъ отданъ приказъ все приготовить къ скорому отъѣзду. Но большая радость наполнила его вѣрное сердце при этомъ извѣстіи, потому что Гермонъ, Дафна и ихъ дѣти были для него дорожее всѣхъ наслажденій столицы.

Нѣсколько недѣль спустя вернулся Архіасъ къ своимъ въ Пергамонъ и ужъ больше никогда не покидалъ ихъ, несмотря на то, что дожилъ до глубокой старости и могъ еще видѣть и восхищаться первыми произведеніями старшаго сына Дафны и слышать, какъ восхваляли ихъ другіе. Этотъ внукъ Архіаса сталъ въ послѣдствіи учителемъ цѣлаго поколѣнія художниковъ, исполнившихъ тѣ произведенія Пергамскаго искусства, при видѣ которыхъ невольно является вопросъ: откуда и почему явились въ этихъ произведеніяхъ тѣ качества и особенности, которыми они такъ рѣзко отличаются отъ всѣхъ произведеній греческаго искусства? Не былъ ли правъ Гермонъ, когда боролся такъ упорно за избранное имъ направленіе въ искусствѣ, и къ которому мы возвращаемся въ наши дни? Наука и искусство идутъ теперь по этому пути они должны пойти и, навѣрно, пойдутъ и дальше въ томъ же направленіи. Мысли же, высказанныя Гермономъ, не утратили значенія и въ наши дни:

«Мы должны оставаться вѣрными служителями правды, но въ ней одной не найдемъ мы ключа къ святилищу искусства. Кому Аполлонъ—богъ свѣта и чистоты, а также Музы—подруги вѣчной красоты не откроютъ туда доступа, для того двери его останутся навсегда закрытыми, какъ сильно и настоячиво онъ бы ни стучался въ нихъ.»

КОНЕЦЪ.

Такія именно слова и мечтала Ирина услышать отъ своего героя. Но ей тяжело стало при мысли, что благодарность можетъ быть преградой къ сближенію между ними.

Она отвѣчала ему съ нескрываемымъ жаромъ:

— «О Дромундъ! Ты мнѣ далъ больше, чѣмъ получить самъ. Ты говоришь, что я спасла тебя отъ смерти? Ты же вызвалъ меня къ жизни. Будешь ли ты добрымъ властителемъ сердца, которое тебѣ отдалось? Помнишь ли, я полюбила тебя за твою вѣру, за твои страданія и за то, что и въ минуту передъ казнью въ тебѣ жила вѣчная любовь!»

Онъ улыбался, такъ какъ теперь чувствовалъ и видѣлъ въ ней только прелестную женщину. Уступая своему радостному, почти дѣтски-веселому, восторгу, онъ прикинулся ревнующимъ и отвѣчалъ на вопросъ вопросомъ, пользуясь вызовомъ, который ему былъ сдѣланъ.

— «Ужъ не любишь ли ты тѣхъ молодыхъ людей, такихъ красивыхъ, такихъ смѣлыхъ въ разговорѣ, которые пришли съ тобой тогда на набережную Буколеона?»—спросилъ Дромундъ тономъ, выразившимъ больше любезности, чѣмъ упрека.

Ирина почувствовала себя счастливой, что имѣетъ случай высказать ему, какъ чиста была до сихъ поръ ея душа, и отвѣчала:

— «Тѣ, про кого ты говоришь,—мои братья. Ихъ братская любовь оберегала свѣжесть моей души, сохранившей всѣ силы любви, готовые излиться теперь на одного тебя!»

Неудержимое опьяненіе волновало ея грудь и вызывало блескъ въ глазахъ.

Оно сообщилось также Дромунду, и онъ, торжественно поднявъ руку къ небу, вскричалъ:

— «Я проводилъ цѣлыя годы на морѣ. Я плавалъ по рѣкамъ съ цвѣтущими берегами... Я жегъ незнакомые мнѣ города... Я брать въ плѣнъ женщинъ, какъ часть добычи... Я видѣлъ дѣвъ, принявшихъ крещеніе и въ объятіяхъ моихъ товарищей забывавшихъ все,

даже не исключая самаго имени Бѣлаго Человѣка. Я принуждалъ невольницъ вышивать мнѣ туніки. Я ихъ мѣнялъ на оружіе и браслеты... Но я никогда не любилъ!»

Испугавшись того, что Дромундъ въ неудержимомъ порывѣ любви заключить ее въ свои объятія, Ирина понемногу отступала къ скамейкѣ, удерживая своего влюбленного жестами и маня его взоромъ.

XVII.

Чувство.

Полулежа на постели, Ирина смотрѣла на Дромунда, который сидѣлъ на ступени, у ея ногъ, обративъ къ ней свое мужественное лицо. Она жалѣла, что они не могутъ остаться такъ навсегда, въ видѣ двухъ мраморныхъ статуй, увѣковѣчивающихъ минуты несказаннаго счастья.

Пожирая Ирину своимъ свѣтлымъ взглядомъ, Дромундъ сказалъ:

— «Не снится ли мнѣ все это? Живу ли я? Не прикованъ ли я еще къ столбу? И у твоихъ ли я ногъ? Твое ли дыханіе чувствую на своемъ лицѣ?»

Радость переполнила сердце Ирины и разлилась по жиламъ ея жгучимъ потокомъ. Голова сладко кружилась. Черезъ полузакрытыя, отяжелѣвшія вѣки лицо воина казалось ей какъ бы въ туманѣ. Волненіе ея росло, стѣсняло дыханіе, уносило въ невѣдомую даль, лишая силъ и самообладанія. Отдаваясь уносившему ее потоку, она страстно захотѣла еще разъ услышать голосъ, который вызвалъ въ ней жизнь, далъ увидеть свѣтъ неба, далъ ей столько счастья!..

— «Спой!»—нѣжно сказала она Дромунду.

Поднявшись на ноги, онъ улыбнулся при видѣ того, какъ исчезала въ ней послѣдняя тѣнь сопротивленія.

Стоя на ступенькѣ и опираясь рукой на мечъ, онъ запѣлъ звучнымъ голосомъ гимнъ, сочиненный однимъ варяжскимъ княземъ въ честь несчастной любви.

Въ этомъ гимнѣ говорилось, какъ во дни плаванія на ладьяхъ, среди

тумана, окружающаго пловцовъ темной могилы, тоска любви охватываетъ сердце гребца.

«Мы дрались мечами! Мое судно оставляло за собою кровавый слѣдъ, змѣвившійся по рѣкѣ, какъ пурпурная лента. А несмотря на это дѣва изъ племени руссовъ меня отвергаетъ.

«Мы дрались мечами! Печенѣжскія стрѣлы образовали надъ нашими головами сводъ, затемнявшій солнце. Я сразился съ королемъ, схватилъ его за волосы и свернулъ ему голову. А дѣва изъ племени руссовъ все же меня отвергаетъ!

«Мы дрались мечами! Тысячи людей убивалъ я. Когда-нибудь убьютъ и меня... Тогда я буду встрѣченъ съ улыбкой Валкирейей, а дѣва изъ племени руссовъ будетъ меня оплакивать!»

Переживая радости любви, Дромундъ глѣлъ о смерти и страданіяхъ.

Подавленная избыткомъ чувства, Ирина хранила молчаніе. Она не могла вернуться къ дѣйствительности, въ ея ухахъ все еще раздавалось бряцанье мечей, въ глазахъ стояли льющіеся, какъ вино, наливаемое въ кубки, потоки крови.

Ей было страшно и жутко. Она не могла понять, осталась ли она прежнею Ириною—женою Никифора, Ириною—крещенною патриархомъ Поліевктомъ, ставшею христіанкой, вѣрающею въ истиннаго Бога и ожидающею будущей жизни; или превратилась въ ту самую богиню, украшенную племомъ, вооруженную копьемъ и встрѣчающую поцѣлуемъ своихъ алыхъ устъ освобожденныхъ отъ тѣла души героевъ.

Горя желаніемъ дать такой поцѣлуй, она страстно придвинулась къ Дромунду и прошептала:

— «Моя душа вливается въ твою, какъ весенній ручей въ широкую рѣку... Я хочу забыться въ твоемъ поцѣлуѣ, съ которымъ любовь и возникаетъ и кончается. Твой голосъ меня чаруетъ и восхищаетъ!...»

Сильными, могучими руками, столько разъ избавлявшими воина отъ смертельной опасности, привлекъ онъ къ себѣ Ирину, обнимая ея трепещущій

станъ, точно желая испепелить ее своею любовью.

Безсильная въ его рукахъ, Ирина покорно отдавалась его объятіямъ и, не въ силахъ отвести глазъ отъ его горячаго взора, едва шептала:

— «Возьми меня! Ты далъ мнѣ душу, и я твоя, твоя!...»

Какъ буря на морѣ, готовомъ поглотить все въ своихъ грозныхъ волнахъ, бушевала любовь въ сердцахъ Дромунда.

Забывъ, что можетъ причинить ей боль кольцами своей твердой кольчуги, онъ прижалъ ее къ пылающей груди, весь отдаваясь своей страсти, своему счастью, своей любви.

Любовь, превышающая человѣческія силы, уносила ихъ отъ земли. Они были представителями разныхъ климатовъ, разныхъ расъ, разныхъ періодовъ исторіи. Ихъ союзъ былъ одновременно свадебнымъ пиромъ и грозной битвой. Имъ казалось, что сама жизнь должна окончиться съ ихъ счастьемъ, съ ихъ поцѣлуемъ...

Послѣдніе лучи вечерней зари погасли. Темная, южная ночь окутала своимъ таинственнымъ покровомъ Босфоръ, дворцы, сады, гинекеи, гдѣ кипѣло такъ много желаній, монастыри, гдѣ схоронено столько разбитыхъ надеждъ. Окутала и счастливыхъ влюбленныхъ, забывшихъ весь міръ въ объятіяхъ другъ друга.

XVIII.

Сомнѣніе.

Дромундъ съ Ириной совсѣмъ забылись въ сладкой дремотѣ, которую ничто не нарушало.

Ирина унеслась въ тотъ волшебный край, гдѣ нѣтъ всеразрушающаго времени, гдѣ цѣлты не отцѣлываютъ, поцѣлуй не прерывается и любовь живетъ вѣчно.

Дромундъ тоже находилъ какъ бы въ томъ ожидаемомъ раю, гдѣ Балкирии встрѣчаютъ лаской героевъ.

Воспоминанія о жаркихъ битвахъ и веселыхъ оргіяхъ замѣнились въ его душѣ блаженствомъ близости чистаго, любящаго существа.

Самъ побѣжденный своимъ торжествомъ, онъ наслаждался покоемъ, при которомъ въ душѣ чувствовалось такъ много силъ и жизни.

Журчаніе фонтана пробудило Дромунда къ сознанию. Онъ не сожалѣлъ о пріятномъ забытьѣ, такъ какъ ясное сознаніе давало ему еще большее счастье.

Не отрываясь отъ устъ Ирины, онъ улыбнулся своему блаженству.

Полуразбуженная этимъ движеніемъ, Ирина медлила открыть глаза, чувствуя себя какъ бы въ плѣну въ сильныхъ рукахъ Дромунда; она боялась, что вмѣстѣ съ прерваннымъ сномъ исчезнетъ и милая неволя.

Въ саду, между тѣмъ, еще полнымъ волшебныхъ тѣней, готовилось нѣчто, ускорившее ея пробужденіе.

Не способная удержаться даже и въ этомъ случаѣ отъ шутки Евдокія подговорила Троила и Агаѳію спрятаться подъ деревьями и оттуда слѣдить за влюбленной парочкой.

Къ дружбѣ, которую питала Евдокія къ благоразумной Иринѣ, примѣшивалось нѣкоторое чувство зависти и желанія увидать паденіе этой образцовой добродѣтели. Она страдала отъ необходимости съ уваженіемъ преклоняться передъ женщиной, которую любила.

Неспособная удержаться отъ каприза или прихоти, она съ удовольствіемъ видѣла теперь это. Ирина не нашла счастья въ своей сдержанности и въ концѣ концовъ отдалась любви такъ неудержимо и такъ страстно.

Паденіе сестры хотя и веселило Троила и Агаѳію, но и внушало имъ нѣкоторое безпокойство. Они такъ безгранично пользовались ея расположеніемъ, что появленіе въ ея сердцѣ другой любви пугало ихъ эгоистическое чувство.

Несмотря на это, однако же, они не могли лишиться себя маленькаго развлечения, подшутить надъ сестрой.

Спрятавшись въ тѣни деревьевъ, они слѣдили за нею и подслушивали.

— «Что тамъ дѣлается?» — спрашивалъ Троиль.

— «Все еще шепчутся», — отвѣчаль Агаѳія.

— «Да это журчитъ вода.»

— «Нѣтъ же!»

— «Я тебѣ говорю навѣрное: вода.»

— «Дайте же слушать!» — нетерпѣливо прервала ихъ Евдокія.

Услыхавъ глѣнне Дромунда, они притихли, очарованные его удивительнымъ голосомъ; но когда, послѣ глѣнія, въ покоѣ наступила долго длившаяся тишина, трое шалуновъ весело переглянулись!

— «Наконецъ-то!» — сказали Агаѳія.

— «Ну, слава Богу!» — добавилъ Троиль. «А то этотъ сѣверный великанъ мнѣ становился подозрителенъ.»

— «Нѣтъ, я въ немъ никогда не сомнѣвалась!» — воскликнула Евдокія смѣясь.

Внезапно у нихъ явилась мысль спѣть подъ окнами серенаду, при чемъ Евдокія взялась акомпанировать ихъ глѣнію на псалтеріонѣ. Агаѳія и Троиль должны были пѣть по очереди, такъ какъ голоса ихъ не подходили другъ къ другу: Агаѳія пискливо визжала, а голосъ Троила напоминалъ собою звукъ паденія каменьева въ воду.

Они пережидали пока длившееся молчаніе еще больше подтвердило ихъ догадку. При свѣтѣ луны, волшебное озарившемъ все кругомъ, наконецъ, полилась ихъ глѣсенка, сопровождаемая дребезжаніемъ натянутыхъ струнъ.

«Милая, ночь такъ прекрасна,
И сердце надежды полно,
Но счастье долго не дится,
Скоро проходитъ оно.»

Услыхавъ слова этой глѣсенки, Дромундъ приподнялся и сталъ нетерпѣливо искать въ ногахъ постели свой мечъ.

Ирина удержала его въ своихъ объятіяхъ, сказавъ:

— «Не бойся за меня, это поютъ они, вѣчные школьники, все обращающіе въ шутку, — Троиль, Евдокія и Агаѳія.»

Ирина успокоивала Дромунда, хотя сама глубоко чувствовала боль отъ этой неумѣстной шутки, такъ сильно дисконирующей съ настроеніемъ, въ которомъ она находилась, что лучше

предпочла бы погибнуть, чѣмъ услышать пустую, жестокую насмѣшку.

Но голоса между тѣмъ продолжали:

«Скоро день настанетъ,
Все тогда поймешь,
Пожалѣешь подѣлуя,
Что теперь даешь!»

Дромундъ сидѣлъ на концѣ постели и едва сдерживался, прислушиваясь къ словамъ пѣсни.

Ирина прижалась къ его плечу, какъ бы ища защиты отъ нахлынувшихъ тяжелыхъ мыслей и предчувствій, которыя заставляли ее такъ сильно страдать.

— «О Боже!» — шептала она, — «почему эта пѣсня еще сильнѣе заставляетъ меня любить и еще больше желать тебя? Она скрыла лицо на его широкой груди. А пѣсня подъ окномъ между тѣмъ продолжала дальше свои жестокия предсказанія:

«Переполненные кубки
Фалернскаго вина
Печали, муки сердца
Лишь утѣлять тогда.»

Это было болѣе, чѣмъ могла вынести взволнованная Ирина. Точно желая разбить себя и избавиться отъ невыносимой мысли, она приподняла голову и съ силой стукнула ею о грудь Дромунда.

Изъ ея устъ, только-что улыбавшихся отъ наслажденія счастьемъ, вырвался крикъ отчаянной тоски.

И она зарыдала.

XIX.

К л я т в а.

Съ гнѣвно нахмуренными бровями прислушивался Дромундъ къ раздававшимся аккордамъ псалтеріона, едва сдерживая желаніе наказать и уничтожить своихъ обидчиковъ. Плачъ и горе Ирины лишили его послѣдняго самообладанія. Бережно положивъ свою возлюбленную на подушки, онъ вышелъ на террасу ярко освѣщенную луной.

Появленіе его грозной фигуры моментально прекратило игру Евдокія и заставило смолкнуть одинъ за другимъ голоса братьевъ.

Испугавшись разгнѣваннаго Дромунда, наши три музыканта, какъ школьники, пустились бѣжать, и ихъ веселый смѣхъ опять послышался уже далеко, въ концѣ аллеи.

Оставшись одна, Ирина заплакала еще сильнѣе. Она какъ бы уже переживала страданія, которыя ей предсказывались въ пѣснѣ. Но страхъ потерять любимаго человѣка изъ-за минутнаго гнѣва или несдержанности, которая могла повести къ трагической развязкѣ, заставилъ ее сдерживать горе. Приподнявшись, она стала смотрѣть въ окно.

Полная луна щедро разливала кругомъ свой мягкій, волшебный свѣтъ. Въ саду деревья бросали таинственные тѣни. Купола и крыши Царицы міра искрились и блистали, стѣны же зданій казались совсѣмъ молочно-бѣлыми. Надъ Босфоромъ торжественно сіялъ лазурный сводъ небесъ, а на горизонтѣ виднѣлись стоявшіе какъ призраки темные лѣса.

Дромундъ сильно взволнованный продолжалъ стоять на залитой луннымъ свѣтомъ террасѣ и тревожно смотрѣлъ на звѣзды.

Днемъ, среди обычнаго оживленія Буколеона, подъ горячими привѣтливыми лучами солнца, озарявшего дворцы и улицы, Дромундъ не чувствовалъ обыкновенно присутствія боговъ. Безъ сомнѣній и трепета вѣлъ онъ веселую жизнь воина; но таинственный свѣтъ луны заставилъ его оглянуться на свои византійскія увлеченія и припомнить трезвые вѣрованія своей родины.

Считая земную жизнь какъ бы преддверіемъ рая, онъ боялся оскорбить будущую вѣчную любовь горячностью здѣшней страсти.

Ирина подошла и склонила свою голову къ нему на грудь, на которой было нататуировано изображеніе ладьи, обвинила его станъ руками и съ страданіемъ смотрѣла на его глаза, обращенные къ небу. Она не боялась, что какая-нибудь женщина отниметъ его отъ нея; но она чувствовала гдѣ-то далеко въ пространствѣ существованіе неземной соперницы, съ которой у нея не хва-

тило бы силъ бороться. Отъ избытка страданія она, наконецъ, вскричала:

— «Вернись ко мнѣ, или я умру!»

Разбуженный этой мольбой, онъ медленно опустилъ голову, и только тогда замѣтилъ, что Ирина лежала на его груди, когда взглянулъ на ея грустное лицо, казавшееся отъ тѣни распущенныхъ волосъ страшно блѣднымъ.

Она показала ему какимъ-то неземнымъ существомъ, и онъ невольно подумалъ:

— «Она не долго будетъ жить.»

Тысячу разъ со своими товарищами онъ проливалъ кровь. Ничто ихъ не останавливало, ни ужасъ женщинъ, ни беззащитность дѣтей. Они смѣялись надъ мольбами, надъ отчаяніемъ. Никогда ни одна слеза не навернулась на его свѣтлыхъ глазахъ, и никогда сожалѣніе не лишило его сна.

Теперь же при видѣ этой женщины, готовой отдать за его любовь всю жизнь, онъ почувствовалъ, какъ подъ кольчугой больно защемило его сердце; женщина эта стала ему такъ дорога, какъ не была и въ бурную минуту страсти.

Это новое чувство, нарушившее покой Дромунда, давало его душѣ неизвѣданный сладость.

Онъ подумалъ, что никакія клятвы существу, котораго любовь уже наполовину разбила, не стѣснятъ его и не поставятъ ему въ вину. Завтра же звукъ рога и призывъ полководца Фоки возвратятъ его на настоящій путь. И потому онъ можетъ убаюкать тоску этой женщины лаской и любовью, не измѣняя своимъ надеждамъ и своимъ богамъ.

— «Ирина», — сказалъ онъ, бросая послѣдній взглядъ на звѣзды, какъ бы прося у нихъ прощенія, — «позволь своей любви свободно нестись навстрѣчу моему поцѣлу...»

И онъ старался заглушить въ ней ревность новыми ласками, вливая въ нихъ всю возвращающуюся силу своей любви и страсти.

Ему вспомнилось, какъ овладѣлъ онъ этой душой, и что, должно быть, сами Азы сдѣлали его пѣніе такимъ

чарующимъ, что такъ всецѣло отдалось ему сердце Ирины.

Опьяняя свою возлюбленную самыми горячими ласками, Дромундъ, подъ акомпаниментъ тихаго шелеста ночи, запѣлъ:

— «Если бъ передъ моими ослѣпленными очами показалась гордая богиня и молвила: «Твой часъ насталъ! Одинъ открываетъ для тебя двери рая!» Я бы отвѣчалъ тогда Валькиріи:

«Изъ-за любви къ смертной я отказываюсь отъ вѣчной дѣвы. Я на землѣ нашелъ мой рай!»

Ирина далеко была отъ подозрѣнія и потому не могла различить въ душѣ этого богатыря чувства, отождествляющаго ее съ загробными тѣнями, чувства, въ которомъ ея земное счастье должно было погибнуть.

Напротивъ того, ея сердце наполнилось сладкой увѣренностью, которая могла бы выразиться въ такихъ словахъ: «Онъ мною овладѣлъ... Теперь онъ самъ мой невольникъ...»

Счастье было почти не по силамъ Ирины; Дромундъ снова почувствовалъ, что она падаетъ, и, нѣжно обхвативъ ея станъ, онъ унесъ ее въ окутанный мракомъ альковъ.

XX.

Упоеніе.

Ночь мирно шла. Луна ярко сіяла въ вышинѣ и освѣщала забывшихся покойнымъ сномъ, въ объятіяхъ друга друга, Дромунда и Ирину.

Кругомъ царила торжественная тишина. Лишь иногда донесется изъ отдаленныхъ улицъ Буколеона лай собаки, или въ кипарисовой аллеѣ звучно раздадутся торопливые шаги запоздалаго раба. Иногда мимолетное облачко закроетъ дискъ луны, и опять наступаетъ тишина и опять свѣтло, опять ясная южная ночь хранить покой и счастье влюбленныхъ, какъ бы праздную свадьбу.

Съ первымъ прокравшимся въ комнату лучемъ утренней зари Дромундъ и Ирина проснулись. Изъ міра очаровательныхъ грезъ и восторговъ опять пришлось возвращаться къ дѣйстви-

тельной жизни. При этомъ они оба почувствовали, что нѣчто прекрасное прошло и уже никогда болѣе не возвратится.

Цѣлуя глаза своей возлюбленной, Дромундъ стеръ слезу съ ея длинныхъ рѣсницъ.

— «Это роса, которую ночь оставляетъ въ каждомъ цвѣткѣ», — сказала Ирина, протягивая къ нему, какъ ребенокъ, свои руки.

Онъ нѣжно поднималъ ее и, поддерживая, подвелъ къ бассейну.

Но когда Дромундъ увидалъ ее спускающуюся съ послѣдней ступени мраморной лѣсенки и совсѣмъ готовой погрузиться въ прозрачную воду, въ которой дрожалъ, отражаясь, ея чудный образъ, онъ не могъ удержаться отъ крика восхищенія:

— «Подожди, подожди меня! Я хочу съ тобой вмѣстѣ погрузиться въ воду...»

Улыбаясь, она смотрѣла, какъ спѣшилъ онъ распустилъ поясъ, разстегнуть кольчугу и сбросить съ себя куртку изъ лосиной кожи. Отвернувшись потомъ, она подала ему руку.

Бассейнъ Евдокіи былъ устроенъ по образцу тѣхъ, которые базилисса Теофано приказала соорудить въ садахъ гинекея. Посрединѣ его стоялъ столбъ, служившій убѣжищемъ для голубей. Кукающейя пріятно было видѣть въ зеркалѣ воды свое отраженіе, окруженное этими снѣжно-бѣлыми птицами. Но скромная Ирина, смущенная прозрачностью воды, поспѣшила взволновать гладкую ея поверхность, хлопая по ней руками, при чемъ испуганные голуби разлетѣлись въ разныя стороны.

Послѣднія звѣздочки давно уже погасли на небосклонѣ, когда влюбленные вышли въ садъ, освѣжившись прохладной водой и подкрѣпившись фигами, полную корзину которыхъ, поставленную заботливымъ слугою Евдокіи, они нашли на балконѣ. На двѣ корзины лежала записка послѣдней, вполне изглаживающая непріятное впечатлѣніе серенады.

Евдокія писала:

«Хорина обѣщаетъ мнѣ удержать твоего мужа за городомъ до завтра.

Не прерывай своего счастья. Я уступаю тебѣ мой домъ. Вечеромъ приходи въ конецъ сада, гдѣ я буду ждать тебя съ носилками, въ которыхъ мы и отправимся въ твой дворецъ, такъ что никто насъ не увидитъ.»

Успокоенная такой заботливостью, Ирина объ руку съ Дромундомъ направилась въ таинственную глубину сада. Никогда до сихъ поръ не испытавъ любви, Дромундъ не замѣчалъ красотъ природы и не любовался весенней утренней зарей. Теперь же онъ чувствовалъ, что ароматы проснувшихся цвѣтовъ, пѣніе птицъ, журчанье ручейковъ, — все сливалось въ одинъ стройный хоръ, воспѣвавшій его счастье.

Долго гуляли влюбленные подъ тѣнью кипарисовъ, упиваясь новыми для нихъ ощущеніями, и, наконецъ, по лабиринту извилистыхъ аллей, поднялись на возвышенную террасу, съ которой открывался восхитительный видъ на городъ.

Группы домовъ Буколеона, сверкая различными красками — розовой, лиловой, бѣлой, сливались между собою въ нѣкоторое подобіе пчелинаго улья, въ которомъ пробуждалась уже жизнь. Въ прозрачномъ утреннемъ воздухѣ ярко сіяли золоченныя крыши и круглыя купола церквей, которые казались грандіозными хрустальными шарами, громоздившимися одинъ надъ другимъ. А внизу разстилался Босфоръ, какъ бы опоясанный блѣднымъ поясомъ тумана. Блѣдно-розовый цвѣтъ зари понемногу принималъ оттѣнокъ пурпура, и небо на востокѣ, казалось, горѣло яркимъ пламенемъ. Это огненное зарево, разливаясь по городу, придавало зданіямъ красноватый оттѣнокъ и какъ бы обхватывало ихъ пожаромъ, въ которомъ колонны большого дворца казались огненными столбами.

Пораженный этой волшебной картиной Дромундъ воскликнулъ:

— «Смотри! Пожаръ! Весь городъ въ огнѣ!»

Но зарево восхода отразилось и на ихъ лицахъ. Взглянувъ на своего возлюбленного, Ирина съ радостнымъ восторгомъ увидала въ его расширенныхъ зрачкахъ всю силу этой варварской души, въ которой опьяненіе убій-

ствомъ, битвами, дикими оргіями и бурными порывами страсти замѣнилось теперь чувствомъ восторга передъ красотой, передъ прекраснымъ.

Видя выраженіе экстаза въ его глазахъ, она забыла весь міръ и сосредоточилась на одномъ желаніи доставить ему полное счастье, познакомить его съ блаженствомъ, даваемымъ широкой мыслью, сильнымъ чувствомъ, красотой, страданіемъ, короче—полной сознательной жизнью.

Въ эту минуту въ ней сказала душа византійки, выросшей среди золота и мишурнаго блеска, среди красоты и растлѣнія, среди аскетизма монастырей и разврата гинекеевъ, и съ страстнымъ жестомъ, какъ бы желая обнять весь горизонтъ со всѣми церквами, садами, дворцами и даже хижинами азіатскаго берега, она бросилась на шею варвара, воскликнувъ:

— «Море съ его кораблями, городъ со всѣми его сокровищами, весь Божій міръ,—все, все твое!»

XXI.

На могилахъ.

Никифоръ, между тѣмъ, наблюдавъ въ маломъ портѣ за разгрузкой судовъ съ зерномъ.

Вдыхая зловредныя испаренія морского берега, онъ заразился тяжелой лихорадкой. Мучимый, попеременно, ознобомъ и жаромъ, онъ то приказывалъ разводить огонь въ жаровняхъ, чтобы согрѣть коченѣющіе члены, то кидался раздѣтый на каменный полъ, желая хоть немного охладиться.

Несмотря на то, что жадность къ деньгамъ сдѣлала его жизнь совсѣмъ жалкой, Никифоръ все-таки страшно боялся умереть. Можетъ быть, его пугало то возмездіе, которое на томъ свѣтѣ, какъ обѣщали священники, ожидало всѣхъ скрягъ, а, можетъ быть, онъ былъ увѣренъ, что въ раю не позволяется копить золото; и этой увѣренности уже было достаточно для того, чтобы не желать попасть туда.

Болѣзнь настигла его при ссыпкѣ испорченнаго зерна, которымъ онъ на-

мѣревался кормить солдатъ Фоки; по-этому онъ принялъ ее какъ наказаніе Божіе, но, не будучи въ силахъ отказаться отъ возможности увеличить свое богатство, онъ вздумалъ войти съ небомъ въ сдѣлку.

Для этого Никифоръ отправился въ модельню патріарха, гдѣ Поліевктъ принималъ избранныхъ овецъ своего духовнаго стада, и со свойственной торговымъ людямъ манерой утаивать положеніе своихъ дѣлъ сказалъ ему:

— «У меня есть проектъ, благодаря которому положеніе стариковъ въ пріютѣ очень бы улучшилось, и если бы только Господь Богъ испѣлилъ меня, то проектъ этотъ тотчасъ же былъ бы выполненъ. Мое выздоровленіе и небу принесло бы пользу.»

— «Богъ,»—сказалъ строго набожный монахъ,—«не нуждается ни въ какой выгодѣ. Молись ему, смиряя свою гордость, и онъ поможетъ, если ты будешь достоинъ спасенія.»

— «Благодарю за добрый совѣтъ,»—отвѣчалъ банкиръ. «Въ такомъ случаѣ я отправлюсь въ монастырь на Олимпъ и буду молиться о своемъ выздоровленіи, а на пріютъ все же прошу принять мою лепту.»

При этомъ онъ подаль Поліевкту довольно значительную сумму денегъ.

Принимая презрѣніе патріарха къ золоту за проявленіе этикета, обязательнаго для духовныхъ лицъ, Никифоръ былъ увѣренъ, что за плату Поліевктъ все же помянетъ въ своихъ молитвахъ такого щедрого благотворителя. Онъ радовался, что такъ удачно обошелъ большое препятствіе: Богъ получить теперь выгоду съ хлѣбнаго дѣла, безъ большой потери для діавола.

Съ такими набожными мыслями Никифоръ сѣлъ въ носилки и отправился на богомолье.

Весь блѣдный отъ страха, поднимался онъ по крутому подъему священной горы. Посѣтилъ всѣ монастыри, побывалъ во всѣхъ келіяхъ и молился вмѣстѣ съ отшельниками, подвергая себя благодѣтельнымъ вліяніямъ воздержанія и пребыванія на чистомъ воздухѣ.

Пользуясь его отлучкой, Ирина со

своимъ возлюбленнымъ отдавалась, между тѣмъ, восторгамъ любви...

Они уходили гулять въ отдаленные кварталы, гдѣ ихъ близость не обращала на себя ничьего вниманія. Хотѣла всего они взбирались по горѣ до церкви Всѣхъ Святыхъ, находя среди могилъ нужное имъ уединеніе.

Вокругъ стариннаго храма, который былъ сооруженъ еще Юстиніаномъ, находилось царское кладбище. Тутъ лежали всѣ умершіе базилевсы, какъ храбрые и воинственные, проведеншіе свою жизнь на полѣ брани, въ заботахъ о защитѣ и укрѣпленіи своего государства, такъ и мудрые правители, не покидавшіе своихъ дворцовъ, подобнотѣмъ мозаичнымъ ихъ изображеніямъ, которыя красовались на стѣнахъ гинекея.

Гробницы были расположены или рядомъ, подъ портиками, около церкви, или поодинокѣ, въ кладбищенскомъ саду. Онѣ были сдѣланы изъ прекраснаго мрамора, привезеннаго за дорогую цѣну изъ отдаленныхъ провинцій.

На ихъ крышкахъ высѣчены были кресты и тексты изъ Св. Писанія. Каждая гробница была изукрашена рѣдкими драгоценностями и обнесена золоченой рѣшеткой съ самоцвѣтными камнями.

Дромундъ, какъ ребенокъ, любовался игрой этихъ камней, переливавшихся всѣми цвѣтами радуги подъ яркими лучами солнца; онъ съ наслажденіемъ проводилъ рукой по остроконачнымъ крышкамъ саркофаговъ и разглядывалъ высѣченныя на мраморѣ изображенія.

Иринѣ нравилось, собственно, кладбище, такъ много говорившее о смерти, въ силу контраста съ тѣмъ яркимъ и живымъ чувствомъ, которое горѣло въ ея душѣ, а кромѣ того подъ портиками было такъ тихо, такъ уединенно. Ничто не нарушало молчаливаго покоя гробницъ, только вѣтеръ, доносившійся съ Босфора, легкой дрожью пробѣгалъ по травѣ и густой зелени кипарисовъ.

Однажды вечеромъ, сидя передъ совершенно новымъ и роскошно украшеннымъ драгоценностями саркофа-

гомъ, высѣченнымъ изъ рѣдкаго блѣдно-розоваго мрамора Сангорскихъ копей, Ирина спросила:

— «Знаешь ли ты имя императора, который покойся въ этой гробницѣ?»

— «Тутъ лежитъ Порфирородный», отвѣчалъ Дромундъ.

— «Кто же сказалъ тебѣ это?»

— «Я самъ видѣлъ его похороны. При мнѣ сняли съ его чела корону, и я слышалъ, какъ патріархъ вскричалъ три раза: «Отыди съ миромъ, Базилевсъ! Царь царствующихъ, Господь господствующихъ тебя призываетъ.»

— «Итакъ же была при погребеніи», сказала Ирина. «Я находилась въ свитѣ, сопровождавшей базилису Теофано. Всѣ подробности этого дня я живо помню. Будто и теперь стоятъ передъ глазами ряды императорской стражи изъ руссовъ, армянъ, скандинавовъ, венеціанцевъ и амальфитянъ. Будто вижу двойной рядъ заостренныхъ съ обѣихъ сторонъ сѣкиръ, изогнутыя сабли, щиты, пики; вижу пансебаста и главнаго гетеріарха. О мой милый! Какъ же случилось, что я не замѣтила тебя!.. Почему мои глаза не увидали твоего лица среди толпы? Какъ время, канувшее въ вѣчность, потеряны для насъ часы, когда мы не знали другъ друга, не сливались въ поцѣлуѣ любви!»

И Ирина прижалась къ Дромунду, желая вознаградить и утѣшить себя лаской; но густыя брови ея вольюбленнаго нахмурились, въ глазахъ его блеснулъ огонь, выдававшій всю дикость этой нетронутой натуры, и онъ сказалъ:

— «Ты помнишь, конечно, и Ангуля? Женщины всегда обращаютъ вниманіе на знатныхъ начальниковъ, выдающихся изъ рядовъ тѣмъ, что ѣдутъ впереди верхами. Не стыдишься ли ты, что полюбила меня, шедшаго тогда пѣшкомъ, въ строю воиновъ? Не желала ли бы ты, чтобъ друзья твои, видя проходящую дружину, съ завистью восклицали: «Вотъ избранныкъ Ирины, этотъ воинъ, блистающій красотой и силой.»

Чувствуя страданіе подъ жесткостью его тона, Ирина не оскорбилась этими словами и мягко отвѣтила:

— «О, Дромундъ! Не по зависти другихъ наша любовь даетъ намъ счастье! Я люблю тебя и не нуждаюсь въ томъ, чтобъ другія женщины находили тебя достойнымъ любви. Я упиваюсь твоей красотой, твоей силой не потому, что всѣ превозносятъ ихъ. Я ставлю тебя выше, чѣмъ можетъ это сдѣлать мнѣніе людей,—такъ высоко, что никакая земная власть не въ силахъ поставить тебя на такую высоту, ничей взглядъ, горящій завистью или восхищеніемъ, не достигнетъ до тебя. Ты владѣешь мною безраздѣльно, въ мечтахъ и на дѣлѣ, на землѣ и на небѣ, а, пожалуй, между небомъ и землею, такъ же далеко отъ Бога, какъ и отъ людей, въ уединеніи нашей взаимной любви.»

Дромундъ опустилъ голову. Онъ желалъ, чтобъ Ирина любила его иначе. Его душа дикаго пирата гордилась побѣдой надъ женщиной, какъ удачной добычей. Онъ желалъ бы хвастаться ею, какъ богатымъ чеканнымъ вооруженіемъ, браслетами, кольцами подаренными ему возлюбленной. Онъ много разъ просилъ Ирину отправиться съ нимъ въ ту таверну, гдѣ собирались дружинники играть въ кости и пить пиво. Отказы Ирины ему оставались непонятны. Онъ не допускалъ въ ней чувства самолюбія, считая ее совершенно завоеванной.

Скромность же ея души была для него загадкой, передъ которой онъ терялся, впадая въ безсознательное безпокойство, тяготившее и вызывавшее въ немъ гнѣвъ. Ирина между тѣмъ сказала:

— «Я оставлю тебя на минутку...»

— «Куда же ты пойдешь?»

— «Въ церковь.»

— «Что ты тамъ будешь дѣлать?»

— «Я хочу помолиться Богу объ нашей любви.»

— «Какому Богу?»

— «Моему Богу.»

— «Что Бѣлому человѣку?»—спросилъ Дромундъ, съ презрѣніемъ пожавъ плечами, и добавилъ:—«Ты увидишь, какъ поможетъ тебѣ твоя Христосъ, когда разразится гнѣвъ Азовъ и когда Нор-

манны сдѣлаютъ изъ Царицы міра кладовую для солонины!»

Это дикое восклицаніе вызвало красоту на лицѣ Ирины. Ей вспомнились тѣ львы, которыхъ она видала въ циркѣ. Усталые отъ продолжительнаго морского пути, едва успѣвшіе расправить свои члены, утомленные долгимъ сидѣніемъ въ клѣткахъ, они вдругъ выпрямлялись и злобно рыкали при видѣ оскорблявшей ихъ своею близостью толпы. Слезы брызнули изъ глазъ Ирины отъ обиды, что въ своей страсти къ разрушенію онъ забывалъ совсѣмъ о ней.

— «Тогда я не отъ моего Бога буду ждать защиты, а отъ тебя!»—сказала она.

При этихъ словахъ дѣтски-милая улыбка мелькнула на губахъ дружинника. Онъ сжалъ Ирину въ объятіяхъ и своимъ музыкальнымъ голосомъ, звучавшимъ какъ лира въ душѣ его возлюбленной, промолвилъ:

— «Прости меня, если я ревную тебя къ твоему Богу! Я отказался отъ своего рая ради тебя. Не открывай же мнѣ двери и въ твой... Мы знаемъ такое небо, гдѣ мы царимъ одни. Унесемся же туда!..»

XXII.

Торжество.

Радостная вѣсть о взятіи Хандакса была очень пріятна бавилевсу, проводившему все свое время въ объятіяхъ красавицы Теофано. Чѣмъ менѣе эта удача была имъ заслужена, тѣмъ болѣе она его радовала. Мысль о дерзости сарацинъ какъ кошмаръ давила Романа и пробуждала его среди ночи, мѣшая спокойно отдаваться своему личному счастью. Теперь же Хандаксъ былъ превращенъ въ развалины, въ которыхъ догоравшіе пожары тушились кровью.

Воины Фоки, ворвавшись, какъ ураганъ, въ побѣжденный городъ, прошли по всѣмъ его кварталамъ и побывали въ каждомъ домѣ. Двѣсти женщинъ были истерзаны и задушены. Маленькихъ дѣтей стрѣльцы разбивали о камни. Стариковъ пристрѣливали

на улипахъ, а людей способныхъ работорговать приводили въ портъ и продавали въ рабство.

Старый эмиръ Корунасъ съ сыномъ и съ женами были связаны и ожидали позорной казни, которая должна была украсить триумфъ побѣдителей. Богатство добычи превзошло всѣ ожиданія.

Въ продолженіе полтора ста лѣтъ пираты Средиземнаго моря собирали въ свою берлогу награбленныя съ тысячи городовъ богатства. Только одна продажа невольниковъ, годныхъ для составленія дружинъ, наполняла золотыми денаріями племени воиновъ. Цѣлое судно со священными реликвіями, нѣкогда взятыми изъ святыхъ храмовъ и хранившихся для того, чтобъ при случаѣ продать ихъ за большія деньги, было послано въ Византію. Кроме того, красивыя сарапинки пополнили надолго запасъ невольницъ для гинекеевъ.

По старому обычаю, полководецъ, возвращающійся изъ похода увѣнчаннымъ славою побѣды, долженъ былъ войти въ городъ съ большимъ триумфомъ и пышностью; для него устраивалась торжественная встрѣча.

Въ ожиданіи этой встрѣчи, базилевсъ предложилъ Фокѣ занять свой загородный дворецъ, который соединялся съ Византіей непрерывнымъ садомъ. По своей подозрительности и малодушію Романъ боялся, однако же, отдать полководцу надлежащія почести.

Въ большомъ дворцѣ вообще не любили военнначальниковъ, которыхъ боготворило войско, и потому Фокѣ пришлось обойтись безъ триумфальной колесницы.

Но онъ не страдалъ отъ этого. Онъ зналъ, что народъ воздастъ ему всѣ почести, въ которыхъ отказывалъ императоръ.

И какъ Романъ ни окружалъ своего себя плѣнными сарацинами, народъ зналъ, кто побѣдилъ и привелъ ихъ въ Византію.

Праздникъ, который долженъ былъ окончиться представленіемъ въ циркѣ, начался церемоніей на форумѣ. Опо-

санная со всѣхъ сторонъ портиками, эта площадь, находящаяся между дворцомъ, сенатомъ и соборомъ, была самымъ сердцемъ Царицы міра и носила названіе Августеона. На ней возвышалось множество колоннъ изъ разноцвѣтнаго мрамора, стояли статуи императоровъ и императрицъ, отлитыя изъ золота и серебра, а также рѣдкія египетскія изваянія, изображенія библейскихъ животныхъ,—исторія и химера одновременно.

Яркое солнце заливало Августеонъ, когда около полудня автократоръ взошелъ на верхнюю ступень пьедестала колонны, поставленной въ память Константина, гдѣ надъ его головой возвышался крестъ со святой надписью.

Направо отъ императора, на паперти собора, находился патріархъ, окруженный духовенствомъ, а обѣ стороны площади были заняты толпою сановниковъ.

Романъ сдѣлалъ знакъ копьемъ, которое держалъ въ правой рукѣ, и тогда изъ сосѣдняго перистила вывели стараго эмира Корунаса съ сыновьями, улемовъ и другихъ плѣнныхъ сарацинъ. Закованные въ цѣпи, какъ дикіе звѣри, они медленно подвигались къ срединѣ площади, при чемъ ихъ бѣлыя одежды ярко блестѣли на солнцѣ.

Несмотря на то, что ихъ униженіе радостно возбуждало всѣхъ присутствующихъ, на площади господствовала полная тишина. Всѣ ждали, когда солистъ императорской капеллы запоетъ триумфальный гимнъ.

Онъ началъ:

— «Господь моя крѣпость и сила!..»

Напѣвъ гимна былъ торжественный и грандіозный; слова полны глубокаго смысла. Энтузіазмъ охватилъ слушателей. Голоса придворныхъ пѣвчихъ, а съ ними и всего народа слились въ одинъ восторженный хоръ.

Тогда, среди воиновъ и архонтовъ, сопровождавшихъ сарацинъ, произошло неудержимое волненіе. Побѣдители побуждали побѣжденных пасть ницъ къ стопамъ императора. Прото-нотарій схватилъ за плечи Корунаса и бросилъ его на землю. Но оскор-

бывшійся этимъ старый эмиръ настойчиво приподнялъ голову, которая опять была насильно пригнута къ подножію балдахина.

За исключеніемъ такихъ неустрашимыхъ жестокостей, вся церемонія представляла собой веселый, оживленный праздникъ.

Дворцы и дома исчезали подъ массой гирляндъ изъ зелени, подъ драпировками изъ азіатскихъ матерій съ вытканными на нихъ фигурами людей и животныхъ. Лавровыя деревья, душистые цвѣты, ароматичныя куренья наполняли воздухъ благоуханіемъ. Обитатели домовъ выставляли на балконы и окна золотыя и серебряныя вещи, посуду и дорогое оружіе. При ослѣпительномъ блескѣ солнца повсюду горѣли жаровни и факелы.

Взоры всѣхъ были обращены на Фоку.

Базилисса Теофано со своими приближенными и евреями любовалась на церемонію изъ-за рѣшетки церкви Святой Маріи и, когда Фока проходил мимо, она очень заволновалась. Старааясь получше разсмотрѣть героя, избавившаго ее отъ постоянного страха, она приподняла голову и заглянула ему въ глаза.

Фока какъ бы ожидалъ этого взгляда, въ которомъ онъ прочтетъ ея мысли, и потому ни одна черта не дрогнула въ его лицѣ, когда онъ встрѣтился съ нею глазами.

Для внимательнаго наблюдателя, однако же, одинъ этотъ маленькій эпизодъ могъ выдать тайну честолюбія Фоки, въ которомъ Теофано была самой высшей ступеню...

Въ ту же минуту нетерпѣніе другой женщины подстерегало появленіе въ циркѣ другого воина.

Ирина разсѣянно смотрѣла на небывалыя представленія, видъ которыхъ вызывалъ потрясающіе аплодисменты.

Ее мало занимали блескъ золота и серебра, восточныя рѣдкости, пурпуръ Дамаска, персидскіе ковры, издѣлія изъ слоновой кости и черного дерева, изъ раковинъ и перламутра; ее не интересовали сабли, палаши, каски, инкрустированные золотомъ щиты. Мало

возбуждали въ ней любопытства и плѣнныя принцессы. Не прельщали ее ни арабскія лошади съ ихъ завитыми гривами и хвостами, ни вереницы верблюдовъ съ ихъ качающейся, стройной походкой и неприятнымъ ревомъ, пугавшимъ дружины руссовъ.

Ирина ждала триумфа своего возлюбленнаго, такъ какъ онъ долженъ былъ появиться на квадригѣ, на которую возвела его ея любовь.

Наконецъ, эта квадрига показалась, а на ней могучій торсъ Дромунда, въ накинутаго, поверхъ серебряной кольчуги, хитонѣ, который, по вышитымъ на немъ золотымъ кистямъ винограда и листьямъ папоротника, насывался родоботриномъ.

Въ правой рукѣ Дромундъ держалъ пику съ ярко-краснымъ норвежскимъ значкомъ. Въ лѣвой рукѣ его были вожжи отъ четырехъ лошадей, которыми онъ такъ ловко правилъ, что, казалось, квадрига плыла какъ ладья по волнамъ, а онъ при этомъ походилъ на одно изъ тѣхъ золотыхъ изваяній, которыми украшаютъ носы галеръ.

Въ моментъ, когда Дромундъ проѣзжалъ мимо ложи Ирины, выраженіе его лица на мгновеніе измѣнилось. Его свѣтлые глаза, смотрѣвшіе черезъ отверстіе забрала на лошадей, поднялись и обратились на ложу.

Онъ взглянулъ на свою возлюбленную. Этотъ взглядъ вознаградила ее за все...

XXIII.

Т а в е р н а.

Въ разношерстной толпѣ, которую велъ за собой Фока, особенной страстностью въ проявленіяхъ энтузіазма отличались норманны.

Въ ихъ могучихъ тѣлахъ таился большой запасъ нетронутыхъ силъ.

Выросшіе въ борьбѣ съ природой, приученные къ полному воздержанію условіями морской жизни, попадая на почву Византіи и сталкиваясь съ ея соблазнами, они смущались обыкновенно. Но смущеніе это разсѣивалось отъ первой чаши вина. Вино вызывало наружу тлѣвшее въ нихъ пламя,

которое и отражалось въ ихъ свѣтлыхъ глазахъ пурпурнымъ отблескомъ. Оно горячило кровь въ ихъ жилахъ и доводило ихъ нетронутыя души до состоянія галлюцинацій, до буйнаго помѣшательства. Оно возбуждало норманновъ какъ напитокъ, который прибиваютъ къ пищѣ дикихъ звѣрей, желая придать имъ больше ярости.

Между тѣмъ къ буйнымъ крикамъ ихъ оргій тоска по родинѣ была какъ бы постояннымъ припѣвомъ. Часто сѣверные великаны чувствовали усталость отъ знойнаго солнца, пурпура и блеска Царицы міра; имъ надоѣдало даже искрящееся въ кубкахъ вино. Родные сосны и снѣга вставали передъ ихъ очами; зеленныя волны моря, бьющіяся объ острыя скалы, утлыя ладьи, въ которыхъ гребцы наслаждались страхомъ гибели и жаждой крови, вновь манили ихъ къ себѣ.

За дворцами и виллами, составлявшими продолженіе города, находилось выстроенное самими норманнами, изъ накраденныхъ бревенъ, обширное помѣщеніе, темное и закопченное, какъ междупалубное пространство на суднѣ. Тамъ собирались они по ночамъ и усаживались вокругъ огня. Тамъ осушали они переходящую чередовую чашу, сдѣланную изъ дерева, съ высокой ручкой въ видѣ лошадиной головы, или кубокъ въ формѣ рога, выложенный металломъ.

Упиваясь пивомъ, тутъ же свареннымъ изъ египетскаго ячменя, норманны ссорились за игрой въ кости; ихъ громкая брань на далекое разстояніе нарушала ночную тишину и походила на рычанье волковъ, грызущихся въ конюшняхъ цирка.

Вечеромъ, послѣ торжества, всѣ свободные отъ караула въ большомъ дворцѣ норманны собрались въ тавернѣ, чтобъ промочить виномъ свои пересохшія отъ неистовыхъ криковъ глотки и обмѣняться впечатлѣніями отъ богатства добычи, выставка которой возбуждала до головокруженія ихъ страсть къ грабежу.

Послѣ грубыхъ упрековъ императору за то, что онъ не отпустилъ свою самую вѣрную дружину въ по-

ходъ на Хандаксъ, войны вспоминали парадъ норманновъ въ циркѣ.

— «Дромундъ»,—сказалъ одинъ изъ дружинниковъ,—«былъ настоящимъ триумфаторомъ. Придетъ ли онъ сегодня выпить съ нами?»

Возлюбленный Ирины былъ очень популяренъ въ тавернѣ, такъ какъ не долго берегъ сокровища, которыми снабжала его любовь. Все уходило на игру въ кости и на чаши пива. Вся дружина имѣла свою часть въ его счастіи.

— «Дромундъ»,—возразилъ одинъ изъ играющихъ въ кости,—«принадлежитъ сегодня своей возлюбленной.»

— «Той, которая заплатила за колесницу.»

— «И за родоботринъ.»

— «Онъ стоитъ восемьдесятъ литръ.»

— «Или сто.»

— «Да, Дромундъ очень любимъ.»

Шумъ раздавшихся шаговъ заставилъ всѣхъ оглянуться на двери таверны.

Дромундъ и Гаральдъ входили въ сопровожденіи Ирины и Евдокіи.

По манерамъ, по драгоценностямъ, украшавшимъ руки этихъ женщинъ, закутанныхъ въ легкія вуали, всѣ поняли, что это были не цыганки, а кто-нибудь изъ патриціанокъ, которыхъ они видали ежедневно посѣщавшими императорскій гинекей.

Привыкшіе въ своемъ родномъ краю къ полному равенству, норманны даже не привстали со своихъ мѣстъ, и только полная тишина наступила въ ту минуту, когда двѣ женщины вошли въ таверну.

Пользуясь экзальтаціей, охватившей Ирину въ циркѣ, Дромундъ упросилъ ее довершить его триумфъ, согласясь побывать въ тавернѣ и показаться его товарищамъ.

Евдокія, увлекаясь новизною этого безразсудства, постаралась побѣдить нерѣшительность своего друга и сказала:

— «Исполни его просьбу. Я тоже буду сопровождать васъ.»

— «Ты общаешься?»

— «Мнѣ только нужно провожатаго.»

— «Возьми Троила...»

— «А какъ же тогда Агаоій?»

— «Возьми ихъ обоихъ...»

— «Нѣтъ, ни того, ни другого. Они будутъ дуться, такъ, что съ ними какъ разъ попадешь въ непріятность. Я возьму лучше друга твоего возлюбленнаго, того молчаливаго Гаральда, котораго ты тогда выкупила.»

Счастіе Ирины возбуждало нѣкую зависть въ Евдокіи. Она не понимала, что оно завистло отъ чувства самой Ирины, и приписывала его качествамъ возлюбленнаго, такого первобытнаго и сильнаго. Потому-то она надѣялась и сама испытать новыя ощущенія отъ нетронутости Гаральда.

Въ такомъ расположеніи духа всѣ маленькія приключенія въ дорогѣ — обмѣнъ ругательствами съ лодочникомъ, рѣзкость Дромунда съ пьяными рабами, — все, что непріятно сжимало сердце Ирины, служило развлеченіемъ Евдокіи.

Она черпала наслажденіе въ томъ, что не находило отголоска въ душѣ ея подруги.

Переступая порогъ таверны, Ирина чувствовала себя неловко, Евдокія же, напротивъ того, оживленно смѣялась, довольная новизною забавы.

Только-что они сѣли, какъ одинъ дружинникъ, осушивъ громадный рогъ пива и покачиваясь на ногахъ, отвѣдно подошелъ къ нимъ и, хлопнувъ по плечу Дромунда, крикнулъ ему въ ухо:

— «Откуда ты? Мы тебя звали, а ты и не откликнулся на свое имя.»

Дромундъ нахмурилъ брови; онъ не любилъ, чтобъ даже въ шутку поднимали на него руку.

— «Не хочешь ли попробовать моего меча?» — сказалъ онъ, вставая, чтобъ оттолкнуть нахала.

Ирина заслонила его собой и прошептала:

— «Дромундъ!»

Подъ складками вуаля она протянула къ нему руки, такъ умоляюще, такъ любовно, что онъ не могъ удержаться, чтобы не поцѣловать ея дрожащія отъ испуга уста, и, переходя отъ гнѣва къ ласкѣ, сказалъ:

— «О моя Ирина, чего можешь ты

тутъ бояться! Эти люди мои братья. Тысячу разъ пируя на счетъ твоей щедрости, они желали увидать красоту твоего лица. Откинь, ради моего удовольствія, твое покрывало. Я хочу, чтобъ они видѣли мою царицу и чтобъ ихъ сердца переполнились восторгомъ.

Колеблясь между неловкостью и желаніемъ угодить своему возлюбленному, Ирина воскликнула:

— «О Дромундъ!»

Но было уже поздно противиться его настойчивому желанію. Когда головы товарищей обернулись на ея крикъ, газъ, закутывавшій фигуру Ирины, лежалъ у ея ногъ.

XXIV.

И г р а.

Желая угодить Дромунду, Ирина осталась въ томъ же нарядѣ, въ которомъ была въ циркѣ, и только, сверхъ его, закуталась въ газъ.

Не имѣя права, по рангу своего мужа, носить поясъ патриціанскій, она заказала лучшимъ мастерамъ сдѣлать себѣ тунику, подобную той, въ какой была изображена святая Ирина на фрескѣ въ ея модельнѣ.

Эта длинная туника, вышитая по серебряному фону цвѣтнымъ шелкомъ, красивыми складками драпировала фигуру Ирины, а край ея былъ перекинутъ на руку, по образцу древнихъ тогъ, что придавало томную красоту этой фигурѣ.

Густые, темные волосы Ирины красивымъ, пышнымъ узломъ были собраны на затылкѣ; въ нихъ сверкали опалы, брилліанты, аметисты, жемчугъ, окружавшіе какъ ореоломъ блѣдное лицо красавицы.

Когда вуаль, отброшенный какъ облако, открылъ это чудное лицо, норманны вскопили съ крикомъ дикаго восторга. Имъ казалось, что передъ ними появился божественный геній, которому, по ихъ религіи, слѣдовало поклоняться во время полнолунія.

Давъ товарищамъ налюбоваться этимъ волшебнымъ видѣніемъ, Дромундъ, какъ хранитель святыни, опять опустилъ вуаль на голову Ирины и сказалъ:

— «Твоя красота служигъ мнѣ оправданіемъ! А вы, мои дорогіе товарищи, не упрекайте меня за то, что часто не раздѣляю вашего веселья и мѣняю его на такое сокровище, котораго не превзойдетъ ни стоимость триумфа, ни все золото агарянь.»

Взволнованная удовольствіемъ и страхомъ, Ирина, между тѣмъ, говорила Евдокіи, поправлявшей на ней газъ:

— «Какъ могу я отказать ему! Сегодня утромъ, когда онъ появился въ циркѣ и отыскалъ меня глазами, я едва удержала готовое сорваться съ моихъ губъ восклицаніе: «Смотрите! Онъ мой! Я засыпаю у него на груди! Я цѣлую его губы!»

Въ первый разъ Ирина свободно говорила съ подругой о своей страсти.

Евдокія, покачавъ головою, замѣтила:

— «Берегись, чтобъ твоя радость не открыла для завистливыхъ глазъ твоего секрета! Я же, которой нечего бояться на этомъ свѣтѣ и которая не промѣняетъ ни на что свободу своихъ желаній, пойду и постараюсь побольше понравиться моему временному возлюбленному.»

Подойдя къ Гаральду и взявъ его за бороду, она сказала:

— «Ну, молчаливый красавецъ, надо поучить тебя. Женщины любятъ, когда ими любятъ! Смотри же на меня.»

Съ этими словами она раздвинула толпу присутствующихъ и вышла на середину залы.

Евдокія славилась умѣньемъ танцовать. Часто базилисса Теофано, уставъ отъ болтовни придворныхъ и отъ сплетенъ безбородыхъ евнуховъ, приказывала Евдокіи развлекать себя танцами. Скука, навѣянная придворнымъ этикетомъ, тотчасъ же проходила, лица оживлялись, въ глазахъ вспыхивалъ огонекъ страсти, разбуженной граціозными и соблазнительными движеніями танцовщицы.

Позы и движенія эти, увлекавшія и возбуждавшія принцессъ, взволновали толпу варваровъ, какъ бурное море. Они пришли въ полное смятеніе. Ка-

ждый хотѣлъ прикоснуться къ такой красивой женщинѣ.

Въ сторонѣ отъ этого общаго истовства, Дромундъ бросалъ косы. Ему не везло.

— «Я проигралъ! Получайте!» — вскричалъ Дромундъ, сорвавъ съ себя ожерелье, которое Ирина повѣсила ей на шею на другой день послѣ ихъ перваго свиданія, и бросилъ его на столъ.

Выигравшій воинъ спросилъ его:

— «Не хочешь ли еще разъ попововать счастья?»

— «Да, хочу. Квитъ или вдвое.»

— «Ну, бросай.»

— «Шесть!»

— «Десять...»

Ирина смотрѣла на играющихъ и не могла прогнать грустнаго выраженія со своего лица, такъ что Дромундъ съ мольбой взглянулъ на нее и сказалъ:

— «О моя возлюбленная, боги противъ насъ! Дай мнѣ твои браслеты... Я долженъ отыгаться...»

Ирина носила очень дорогія вещи; снимая и подавая ему ихъ, она мягко сказала:

— «Все, что у меня есть, — твое, Дромундъ. Но перестань лучше играть. Съ тѣхъ поръ, какъ ты добиваешься выигрыша, ты ни разу не взглянулъ на меня...»

Почувствовавъ неудовольствіе, промелькнувшее между ними, но не будучи въ состояніи удержаться отъ желанія играть, Дромундъ, голосомъ, передъ которымъ не могла устоять Ирина, сталъ шептать ей на ухо:

— «Дорогая моя, я клялся твоимъ поцѣлуемъ, что забуду на твоей груди и океанъ, и родину, и Валгаллу; но перестать испытывать счастье — это для меня то же, что погасить огонь на вершинѣ мачты, то же, что вытѣщить судно на сушу... Ирина, жизнь тоже игра!»

Ирина склонила голову.

— «О чемъ сожалѣешь ты? Твои браслеты? Я ихъ выкупию. Долги? Гаральдъ напелъ у кого занять денегъ, у одного ростовщика... Онъ будетъ тутъ сегодня же вечеромъ, онъ снабдитъ насъ ими.»

Успокоивъ возлюбленную, Дромундъ возобновилъ игру.

Ирина не смотрѣла больше на играющихъ. Она думала только о томъ, что Дромундъ не обратилъ вниманія на ея просьбу.

Одна Евдокія получала больше удовольствія, чѣмъ даже ожидала.

Раздавъ по кусочкамъ этимъ дикимъ, но восторженнымъ поклонникамъ свою вуаль, она продолжала танцовать съ открытой шеей и съ распустившимися волосами.

Отступая къ рядамъ стоявшихъ зрителей, чтобъ дать себѣ больше простора для танцевъ, она почувствовала на своемъ плечѣ чью-то руку и, думая, что это Гаральдъ, обернулась, но готовая сорваться съ ея устъ вызывающая шутка замѣнилась крикомъ ужаса при видѣ того, что представилось ей глазами.

— «Никифоръ!» — воскликнула она, пораженная неожиданностью.

XXV.

Ростовщикъ.

Неожиданное возвращеніе Фоки прервало богомолье Никифора и прекратило его лихорадку. Мысль, что онъ можетъ пропустить такой удобный случай для лишней наживы, восстановила его силы. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что награбленное золото, денаріи съ изображеніями калифовъ, драгоценности и лошади не долго удержатся въ рукахъ торжествующихъ побѣдителей. Всѣ эти богатства скоро протекутъ въ чадъ вина и шумныхъ оргій.

Никифоръ любилъ, вмѣстѣ съ Хориной, обдѣлывать крупныя дѣла, которыя ставятъ на карту большія деньги, захватываютъ всего человѣка, овладѣваютъ его вниманіемъ и мечтами. Но онъ отдыхалъ отъ этихъ эмоций въ мелкихъ аферахъ, которыхъ не могъ больше открыто вести, съ тѣхъ поръ какъ промѣнялъ свой прилавокъ на перекресткѣ на мраморный дворецъ.

Его продолжало тянуть къ низменнымъ, подлымъ сдѣлкамъ, среди солдатъ и мелкихъ людей, которыхъ онъ и притѣснялъ и обиралъ. Тутъ, въ

кварталѣ дружинниковъ и простого народа, мужъ Ирины былъ такъ же извѣстенъ въ качествѣ ростовщика, какъ среди аристократіи въ качествѣ банкира.

Возвратясь въ Византію утромъ этого дня, Никифоръ прятался отъ всѣхъ, такъ какъ не желалъ вызвать конкуренціи въ другихъ мѣнялахъ и скупщикахъ. Удовольствіе, которое испыталъ онъ, заставъ въ такомъ мѣстѣ подругу своего компаніона, чуть было не заставило его позабыть цѣли визита въ таверну.

— «Гдѣ же Хорина?» — насмѣшливымъ тономъ спросилъ онъ Евдокію. «Отсутствуетъ? Но, моя милая, Никифоръ — скромнень. И твоя честь въ моихъ рукахъ будетъ неприкосновенна.»

Евдокія, уже успѣвшая оправиться отъ удивленія, спокойно отвѣчала:

— «Такъ же, какъ и твоя въ моихъ! Такая любопытная женщина, какъ я, легко можетъ разыграть роль цыганки изъ Египта, когда такой финансистъ, какъ ты, становится мелкимъ закладчикомъ. За скромность — двойная скромность. Не будемъ же стѣсняться въ своихъ дѣлахъ. Мы преслѣдуемъ тутъ слишкомъ разныя цѣли. Я ищу удовольствія, а ты — вѣроятно, золото?»

Никифоръ отошелъ отъ нея и, подойдя къ играющимъ, спросилъ:

— «Кто просилъ у меня денегъ?»

— «Я, — сказалъ Дромундъ вставая и заслоняя собой Ирину. Но Никифоръ уже успѣлъ замѣтить молодую женщину. По выдающейся красотѣ дружинника, по богатству его вооруженія, онъ заключилъ, что тутъ кроется интрига какой-нибудь знатной патриціанки, и улыбнулся, предвидя выгоду отъ предстоящей сдѣлки.

— «Сколько же тебѣ нужно?» — спросилъ онъ любезнымъ шепотомъ.

— «Сто литръ».

— «Почему же не двѣсти? Когда предлагаютъ такой залогъ, можно просить цѣлое состояніе!»

И Никифоръ старался получше разглядѣть молодую женщину, но каждый разъ Дромундъ стоялъ передъ нимъ, какъ ширмами заслоняя собой Ирину.

Наконецъ, Никифоръ тихо спросилъ:

— «Она замужняя?»

— «Какое тебѣ до этого дѣло?»

— «Я не хочу больше ссужать куртизанокъ. Хорошій мужъ, прекрасная незнакомка,—лучшее ручательство для заимодавца.

Эти слова Никифора вызвали въ окружающей толпѣ взрывъ веселости; среди хохота Евдокія крикнула ему въ отвѣтъ:

— «Нашъ супругъ изъ финансовъ...»

— «А, сотоварищъ! Тѣмъ лучше!»

И, обратясь къ Иринѣ, онъ добавилъ:

— «Когда настанетъ срокъ платежа, а вашъ кошелекъ окажется пустымъ, вы, красавица, сумѣете, конечно, его наполнить. Вы знаете любимыя кушанья вашего ревнивца! Не жалѣйте только вина и приностей, угощая его. Потомъ, не давъ ему совсѣмъ осовѣть отъ сытныхъ блюдъ, возьмите его нѣжно за подбородокъ и проводите къ себѣ въ спальню. Ваши требованія будутъ исполнены. Какой мужъ устоитъ передъ такой любовной комедіей?..»

— «А ты не боишься, старый шутъ, что въ одинъ прекрасный день твоя собственная жена дастъ тебѣ такое представленіе?»

— «Моя жена?»

Несмотря на то, что Ирина никогда не давала серьезнаго повода къ ревности, Никифоръ въ эту минуту страшно испугался, такъ что даже мыслъ о барышѣ выскочила у него изъ головы. Лицо его налилось кровью, онъ сжималъ кулаки, при чемъ зрачки его вытянулись и сверкали какъ двѣ блестящія черточки. Едва сдерживая дрожь, отъ которой тряслась его борода, Никифоръ съ искаженнымъ лицомъ посмотрѣлъ на Дромунда и сказалъ:

— «Хорошо! Ты просишь у меня взаимны сотню червонцевъ?»

— «Или двѣ сотни»,—небрежно прибавилъ Дромундъ.

Никифоръ не сталъ спорить, и отвѣчалъ:

— «Такъ! Но я ставлю одно условіе.»

— «Скажи, какое?»

— «Я хочу, чтобы эта незнакомка на минуту открыла свое лицо»,—сказалъ

Никифоръ, протягивая руку, чтобъ сорвать покрывало съ Ирины.

Но Дромундъ съ такою силою отшвырнулъ его, что онъ ударился объ стѣну и расшибъ до крови руку.

— «Ты шутишь, скаредъ!..»

— «Я требую...»

— «Ты съ ума сошелъ!..»

— «Я, во что бы то ни стало, узнаю, кто эта распутница, взявшая тебя въ любовники!»

Испуганная Ирина, покидая таверну, едва успѣла замѣтить, что Никифоръ, разъяренный своимъ безсиліемъ, какъ кошка бросился на Дромунда, который, превосходя его ростомъ и силой, схватилъ его за горло. И Дромундъ задумалъ бы Никифора, если бы товарищи не высвободили послѣдняго изъ тисковъ. Они хохотали между тѣмъ и кричали:

— «Ура, Никифоръ! Въ атаку на Дромунда! Вотъ храбрый ростовщикъ! Покачаемъ его на щитѣ. Ура, ура, Никифоръ!»

И, перевернувъ большой щитъ, которымъ можно было укрыться съ головы до ногъ, они взвалили на него Никифора. Руки и ноги послѣдняго болтались, голова поднималась отъ ужаса, но, не обращая вниманія на крики и мольбы своей жертвы, норманны подбросили его до потолка таверны.

Варахтаясь, съ выпученными глазами, взбѣшенный отъ злобы, Никифоръ все еще искалъ Дромунда съ его таинственной спутницей. Но ихъ уже не было. Тогда Никифоръ гнѣвно взглянулъ на Евдокію, которая танцевала, чествуя его шутовской триумфъ.

При выходѣ изъ таверны, она обернулась и игриво сказала ему:

— «Будь сиромень, Никифоръ! Честь—самое дорогое сокровище для банкира, такъ же какъ и для женщины.»

XXVI.

Коварные замыслы.

Перепуганная на смерть Ирина, между тѣмъ, поспѣшно бѣжала по темнымъ улицамъ, и когда Дромундъ достигъ и остановилъ ее, то долго не узнавала своего возлюбленнаго и выбивалась изъ его рукъ.

Наконецъ, увидавъ, что ея отчаяніе приводитъ его въ ярость, она сдержалась и покорилась. Дромундъ былъ чело-вѣкъ настолько горячій, что спосо-бенъ былъ возвратиться назадъ въ таверну и убить Никифора, какъ нѣ-когда убилъ Ангуля.

Неспособная къ хитростямъ и удов-камъ, Ирина не могла долго перено-сить затрудненій, въ которыя вводила ее эта связь; она не сомнѣвалась, что послѣдняя неминуемо должна кончить-ся, и только желала, чтобы время рас-платы наступило не такъ скоро. Сердце Ирины готово было разорваться отъ горя, когда, подходя къ саду ея дворца, Дромундъ простился съ ней, рѣшивъ не проводить эту ночь въ ея объятіяхъ, а возвратиться въ Кабалларій.

Напрасно всю ночь Ирина въ сле-захъ обращалась съ наивной мольбой къ Богу о ниспосланіи ей нѣкоторой без-застѣнчивости для того, чтобы спокой-нѣ перенести первую минуту встрѣчи со своимъ супругомъ. Высказывая, въ порывѣ отчаянія, такія желанія, про-тиворѣчившія всякой святости, она была, однако же, настолько искренна, чтобы не обѣщать, въ знакъ благодар-ности за поддержку, принести въ жер-тву свою любовь. Грѣхъ былъ для нея еще слишкомъ милъ, чтобы отъ него отказаться.

Заря застала Ирину колѣнопрекло-ненной въ своей моленной.

Но день прошелъ, а Никифоръ не появлялся; прошла и еще ночь, и еще день, и такъ цѣлая недѣля.

Едва живымъ и весь покрытый си-няками, вырвался Никифоръ изъ рукъ своихъ преслѣдователей.

Переплывъ въ ладѣ Босфоръ, онъ укрылся на одной виллѣ на лѣвомъ берегу, которая примыкала къ заго-родному дворцу. Поселившись тамъ, чтобы переждать пока исчезнуть слѣды побоевъ съ его лица, онъ страшно му-чился мыслью, что Ирина узнаетъ обо всемъ съ нимъ случившемся. Къ тому же онъ слышалъ, что Фока жаловался на испорченный провіантъ, которымъ снабжали его армію; при этомъ Ники-форъ, конечно, не сомнѣвался, что Хо-рина не пощадитъ его, если автокра-

торъ настоитъ на отысканіи виновнаго. Онъ зналъ тоже, что и общественное мнѣніе обрадуется его несчастью. По-этому онъ измышлялъ уловку, съ по-мощью которой можно бы было откло-нить вниманіе и молву отъ совершен-наго имъ мошенничества при поставкѣ хлѣба.

Обуреваемый такимъ безпокойствомъ онъ находилъ даже нѣкоторое удоволь-ствіе въ увѣренности насчетъ измѣны жены. Онъ зналъ, что Дромундъ встрѣ-чается съ Ириной то въ базарныхъ лавкахъ, то во дворцѣ Евдокии.

Затрудненіе, въ какомъ они очутились, благодаря громадному долгу, сдѣлан-ному на устройство триумфальной ко-лесницы, заставляло ихъ поступать неосторожно. Ихъ тайна была въ рукахъ ростовщика, который конечно не дастъ пощады и непременно потре-буетъ полной уплаты своей ссуды.

Ожиданіе этого момента было пріят-но Никифору. Скандалъ, который про-изойдетъ въ Византіи, при обнаруженіи проступка Ирины, слышшей такой бла-горазумной, дастъ пищу толкамъ и уто-литъ ненасытную злобу общества.

Привыкшій постоянно вызывать смѣхъ своими странностями, Никифоръ не останавливался ни на минуту на какомъ-нибудь рѣзкомъ рѣшеніи. Же-стокое убійство, напримѣръ, могло удовлетворить только одну его ревность, а онъ мало думалъ объ этомъ.

Ему нуженъ былъ кричащій процессъ, который бы привлекъ общее вниманіе. Тогда всѣ кліенты обратятся къ Ники-фору ради одного только любопытства, чтобы посмотреть на его униженіе; и онъ давалъ себѣ слово заставить ихъ дорого поплатиться за насмѣшки, гри-масы и намеки, какими награждаютъ, обыкновенно, обманутаго мужа, поло-женіе котораго среди всеобщей весело-сти на его счетъ, дѣйствительно, тра-гическое. Надо было, однако же, хоро-шенько обдумать всѣ обстоятельства и условія этого страшнаго скандала.

Никифоръ хорошо помнилъ набож-ность Ирины и зналъ, что это качество, свойственное ея мягкой натурѣ, сильно развилось еще отъ постоянной грусти. Онъ не сомнѣвался, что даже въ пылу

любовнаго увлеченія оно не могло въ ней не сказаться. Онъ зналъ, что, давъ религиозный обѣтъ, она никогда бы его не нарушила, а потому остановился на рѣшеніи обратиться къ патриарху. Одинъ Поліевктъ могъ принудить Ирину къ полному сознанию.

Его монашеская строгость къ грѣшницѣ не смягчится никакими мольбами. Онъ былъ способенъ потребовать отъ преступной супруги публичнаго покаянія на паперти большого собора.

Придя къ такому мудрому рѣшенію, Никифоръ терпѣливо ждалъ пока его синяки не перейдутъ черезъ всѣ цвѣта радуги.

Какъ только ожиданіе это исполнилось, а лицо Никифора приняло приличный видъ, онъ отправился къ патриарху, доложилъ ему, что молитвой святыхъ отцовъ поправился отъ болѣзни, что жертвуетъ на пріютъ для старцевъ еще большую сумму денегъ въ память своего выздоровленія, и просилъ Поліевкта почтить своимъ присутствіемъ праздникъ, устраиваемый въ честь благополучнаго своего возвращенія.

XXVII.

Обвиненіе.

Въ то утро, когда банкиръ взомель въ свой дворецъ, съ видомъ возвратившагося съ курса лѣченія на водахъ, Ирина была еще въ постели. Запретивъ ее будить, Никифоръ отправился на кухню, чтобъ обсудить съ своими слугами всѣ подробности роскошнаго пира.

Такое поведеніе Никифора не внушило Иринѣ ни малѣйшей тревоги. Она только успѣшила написать приглашеніе своимъ братьямъ на предполагаемое пиршество. Въ этотъ день Ирина совсѣмъ не видала Дромунда, такъ какъ ей пришлось возиться со своимъ кредиторомъ и упрашивать его подождать уплаты долга. Она обращалась съ нимъ мягко, какъ съ отцомъ, снисходительно улыбаясь его цинизму. Оставивъ же его, почувствовала себя такой униженной, что не могла пойти на свиданіе съ возлюбленнымъ, а, напротивъ, отправилась въ церковь и

тамъ, прижавшись въ темномъ уголкѣ и не смѣя молиться, обливалась горючими слезами.

При входѣ въ парадный залъ, лишенная своихъ драгоценностей, она робко встрѣтила пронизательный взглядъ Никифора.

Патриархъ Поліевктъ былъ уже тамъ. Отказавшись отъ всякой роскоши, которую его предшественники такъ оскорбляли набожныхъ прихожанъ, онъ внѣ церковныхъ церемоній носилъ поверхъ лиховаго подрясника темно-коричневую рясу, на которую спускалась его длинная сѣдая борода. Бѣлосвѣжныя локоны его еще густыхъ волосъ ниспадали по плечамъ. Даже на пиру онъ былъ крайне воздержанъ и ѣлъ только яйца да хлѣбъ, а пилъ простую воду. На его исхудаломъ лицѣ цвѣта старой слоновой кости жили только глаза. Бдительные, пронизательные, они какъ стрѣлы пронизывали сердца людей.

Когда обѣдъ кончился и Поліевктъ прочелъ благодарность Богу и хозяевамъ, Никифоръ пригласилъ его посидѣть на закрытой террасѣ, выходящей въ садъ.

Тамъ, усадивъ патриарха на курульное кресло, онъ скорбно и смиренно сталъ налагать ему свое горе.

Въ волненіяхъ бурной жизни Никифоръ привыкъ придавать лицу своему любое выраженіе. Но въ эту минуту, когда успѣхъ готовъ былъ увѣнчать всѣ его хитрыя соображенія, подъ притворнымъ смиреніемъ на его лицѣ промелькнула такая жестокая ненависть, что Ирина угадала, о чемъ заговорить онъ, и сердце у нея похолодѣло. — «Владыко, сказалъ Никифоръ, прости, что обращаюсь къ тебѣ съ затрудненіемъ, которое меня гнететъ. Одинъ мой другъ женился на бѣдной дѣвушкѣ-сиротѣ. Она была беззащитна и одинока. Этотъ человѣкъ думалъ, что угождаетъ Богу, давая ей пріютъ. У нея не было друзей,—онъ окружилъ ее цѣлымъ дворомъ. Она должна была поступить безъ призванія въ монастырь,—онъ открылъ ей двери въ гинекей. Онъ ей не отказывалъ ни въ чемъ, ни въ драгоценностяхъ, ни въ

нарядяхъ, ни въ чемъ, что составляетъ удовольствіе всякой женщины. И какъ же быть онъ вознагражденъ?»

Никифоръ остановился на минуту. Не сводя своего пристального взгляда съ лица патріарха, онъ все же наслаждался томленіемъ Ирины, какъ самымъ вкуснымъ плодомъ. Помолчавъ немного, онъ продолжалъ съ жестокой медленностью:

— «Эта женщина не только посягнула на честь своего супруга, но готова была разорить его. Она довершила свое паденіе еще тѣмъ, что выборъ ея палъ на низкаго человѣка, продающаго свои ласки за деньги!»

При перечисленіи преступленій Ирины глаза Никифора блеснули такимъ огнемъ, который былъ зажженъ не одной только ревностью. Его рука поднялась было, чтобы указать на виновницу; но этотъ мстительный жестъ не былъ dokonченъ, такъ какъ чья-то другая рука, дрожащая отъ гнѣва, опустила на его плечо.

— «Кого касается эта исторія?»

— «Тише, Агаѳій! Она касается насъ всѣхъ. Твоя сестра назоветъ намъ имя своего любовника»...

Высказавъ это, онъ какъ бы освободился отъ тяжести, его давившей. Но Троилъ, въ свою очередь, бросился къ нему со сжатыми кулаками:

— «Видить Богъ! Ты оскорбляешь нашу кровь.»

— «Успокойся, Троилъ.»

— «Владыко, я требую правосудія!»

— «Того же хочу и я... Пусть патріархъ разсудитъ мужа съ его преступной женой.»

Тогда близнецы обратились къ сестрѣ:

— «Ирина; милая сестра, оправдайся же.»

— «Къ чему?»

Ея губы, сохранившія слѣды поцѣлуевъ возлюбленнаго, отказывались провозносить ложь.

Минута, приближенія которой Ирина такъ боялась, настигла ее уже подготовленной, какъ тѣхъ, которымъ единое, великое чувство даетъ силы переносить страданія мученицъ.

Полиевктъ задумчиво смотрѣлъ на

разстилавшійся передъ нимъ городъ. Казалось, что только тѣло его было тутъ, на этомъ крестѣ, душа же находилась тамъ, передъ алтаремъ, въ большомъ соборѣ, главы котораго виднѣлись съ террасы.

Не удостоивая взглядомъ Никифора, онъ произнесъ строгимъ голосомъ:

— «Никифоръ, обвиненіе—тяжелая вещь. Дашь ли ты доказательства, которыя я отъ тебя потребую?»

— Я удовольствуюсь признаніемъ самой виновной. Допроси ее самъ, владыко, заставь ее поклясться спасеніемъ души. Если мои подозрѣнія окажутся несправедливыми, то я готовъ искупить свою ошибку, раздавъ бѣднымъ столько, сколько ты на меня возложишь; но если, изъ страха попасть въ адъ, какъ того заслуживаетъ, Ирина признается въ своей преступной любви, то дай мнѣ сейчасъ же разводъ, чтобы я могъ выбросить за дверь виновницу моего безчестія.»

— «Согласенъ»,—сказалъ, вставая со своего мѣста, Полиевктъ.

XXVIII.

Исповѣдь.

Никифоръ не ошибался, полагая, что уваженіе къ религіи и вѣра въ будущую жизнь восторжествоуютъ въ душѣ Ирины надъ всѣми чарами страсти. Съ этой стороны она была болѣе всего беззащитна, хотя и думала, что любовь сдѣлаетъ ее неуязвимой.

Послѣднія слова мужа вызвали въ ней чувство негодованія, вырвавшее изъ ея устъ крикъ, котораго не могло вырвать даже страданіе; только примѣшавшееся къ гнѣву презрѣніе заставило ее сдержаться. Опустивъ голову, пошла она за Полиевктомъ въ домашнюю молельню.

Молельня эта была настолько обширна, что годилась бы и для церкви. На первомъ мѣстѣ въ ней висѣлъ большой образъ святой базилисы Ирины, которая была такой страстной гонительницей иконоборцевъ и повелѣла ослѣпить даже своего родного сына, чтобы прекратить его развратную жизнь.

Много разъ горячо молилась Ирина

передъ этимъ святымъ изображеніемъ, отстраняя отъ себя кровавыя воспоминанія и умиляясь надъ терпѣніемъ, которое святая базилисса проявляла въ распряхъ со своимъ супругомъ, автократоромъ Львомъ. Передъ ней воскресали дни, когда, свергнутая съ престола великимъ логоуетомъ, эта базилисса съ полной покорностью волѣ Божіей, вмѣстѣ съ простыми женщинами Лесбоса, прядла шерсть.

Но съ тѣхъ поръ, какъ страсть къ Дромунду овладѣла сердцемъ Ирины, она перестала посѣщать моленную.

Ей трудно было переносить пристальный взглядъ, смотрѣвшій на нее съ этой иконы.

Поднимаясь послѣ земного поклона передъ святой мученицей, патриархъ оперся рукой на налож, при чемъ его пальцы стерли легкій слой пыли, покрывавшій верхнюю доску послѣдняго.

Это обстоятельство обратило на себя вниманіе Поліевкта, и онъ, обернувшись къ Иринѣ, сказалъ:

— «Ты перестала молиться?»

— «О, Владыко!»

Его взоръ пронизывалъ ее еще сильнѣе, чѣмъ глаза, смотрѣвшіе съ иконы. Ирина предпочла бы лучше открыть свое сердце передъ святой базилиссой. Эта послѣдняя понимала ласки любви, такъ какъ переживала ихъ до того времени, пока различіе вѣрованій не возстановило противъ нея супруга. Въ строгости же патриарха было нѣчто другое, большее чѣмъ цѣломудріе: въ ней чувствовалась ненависть къ наслажденіямъ плотской любви, о которой онъ зналъ только по наслышкѣ и которую проклиналъ съ презрѣніемъ, усиливавшимся отъ чувства зависти.

Приказавъ Иринѣ стать на колѣни, онъ сказалъ:

— «Правда ли, что забыла ты свой долгъ?»

Едва дыша, она прошептала:

— «Владыко, Никифоръ такъ ревнивъ и жаденъ.»

Она старалась обвинять въ свою очередь.

Патриархъ рѣзко отвѣчалъ ей:

— «Какъ бы я ни былъ далекъ отъ сплетенъ, которыми вы, женщины,

другъ друга осыпаете, я все-таки слышалъ много дурного о твоёмъ поведеніи. Тебя встрѣчали слишкомъ часто внѣ дома, по вечерамъ, подъ арками, въ уединенныхъ садахъ и кладбищахъ...»

Ирина стояла, опустивъ глаза на мозаичный полъ, рисунокъ котораго прыгалъ въ ея глазахъ, какъ лилин на поверхности воды.

Почти безъ мысли, желая только выиграть время, она сказала:

— «Владыко, мнѣ дурно, не могу ли я выйти на минуту?»

Поліевктъ, рѣшась овладѣть этой душою, которая ускользала изъ его рукъ, гнѣвно сказалъ:

— «Не лги, женщина, своему пастырю! Если Христосъ общается милосердіе кающимся грѣшникамъ, то адъ готовитъ огонь вѣчный для тѣхъ, кто не хочетъ отказываться отъ грѣховнаго наслажденія. Бойся гнѣва Господня!»

Уже давно адъ не представлялся Иринѣ огненнымъ жерломъ, но онъ казался ей теперь темной ночью, гдѣ голосъ возлюбленнаго не будетъ раздаваться, гдѣ ея объятія не найдутъ его и гдѣ разумъ ея постоянно будетъ сознать ужасную истину:

«Вѣка придутъ и я больше его не увижу!»

Вотъ этотъ-то ужасъ и заставлялъ ее стонать. Она протянула руки, какъ бы желая отстранить эту вѣчную разлуку, и залилась слезами, протестующими противъ неумолимаго правосудія, стремящимися умоливать палача.

Но эта слабость продолжалась одну лишь минуту. Ирина была готова принять всякія страданія послѣ смерти, только бы доставить лишній день счастья своему Дромунду. Въ глазахъ ея не стало больше слезъ, рыданія прекратились, и, отнявъ руку отъ лица, она опять была готова на борьбу.

Поліевкта это разсердило. Онъ не могъ себѣ представить, чтобы преступная любовь совершала такіа чудеса! Онъ видѣлъ въ этой любви только эгоизмъ и испорченность, совершенно не считая ее способной быть источникомъ самопожертвованія и героизма.

— «Вотъ что я отъ тебя требую»,—

сказалъ онъ:—«Ты проведешь сегодняшній день въ постѣ и молитвѣ; эту ночь — передъ святой иконой. Завтра же на зарѣ, одѣтая, какъ вдова, въ черное платье, ты выйдешь изъ дома въ сопровожденіи мужа, братьевъ и другихъ родственниковъ. Въ моемъ присутствіи на паперти церкви дашь обѣтъ исправиться. Тогда и Господь тебя простить.»

Зрачки Ирины расширились. Руки вытянулись впередъ, какъ бы желая оттолкнуть открывшееся передъ ней ужасное видѣніе.

Раньше она видала выполненіе такихъ церемоній, при подобныхъ же обстоятельствахъ. Потому ей казалось, что она уже стоитъ передъ патриархомъ, слышитъ грубыя замѣчанія толпы, чувствуетъ, какъ дрожатъ святыя мощи въ ея клятопреступныхъ рукахъ. И у нея вырвался крикъ отчаянія:

— «Владыко! Святой отецъ! Только не это! Я поклонюсь передъ тобою! Не требуй отъ меня большаго. Не выставляй меня на площади! Богъ тутъ, такъ же, какъ и тамъ. Онъ услышитъ меня. Если я солгу, онъ низвергнетъ меня въ адъ... Зачѣмъ ты хочешь моего публичнаго униженія?»

На ея мольбы Поліевкъ строго сказалъ:

— «Довольно слезъ! То, что чисто, можетъ предстать безнаказанно передъ глазами людей. А что грязно,—то должно очиститься передъ всѣми! Придешь ли ты?»

Замѣтивъ, что она молится, онъ удержался отъ проклятій, которымъ хотѣлъ поразить ее въ случаѣ отказа, и сталъ ждать, что Господь наставитъ на добро ея сердце.

Ирина возбужденно молилась, слова отрывочно вырывались изъ ея устъ, будто волны, гонимыя бурей, ритмически бились о берегъ.

Она не думала уже больше ни о Богѣ, ни объ адѣ. Она искала возможности спасти свой разумъ отъ послѣдствій такого потрясенія. У нея была только одна настоятельная мысль: остаться одной и обдумать. И потому она произнесла слова, нужныя для того, чтобы патриархъ могъ уйти:

— «Я повинюсь.»

XXIX.

Передъ лицомъ Божиимъ.

Удалявшіеся шаги Поліевкта уже перестали раздаваться, а Ирина все оставалась на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ ее оставилъ.

Все сознаніе ея сосредоточивалось только въ одномъ протестѣ противъ насилія совѣсти:

«Нѣтъ, такъ не можетъ быть!»

Часто чувствуя упреки совѣсти, Ирина сравнивала свою слабость съ жестокимъ эгоизмомъ Никифора. И, какъ бы ни чувствовала она себя униженной своимъ проступкомъ, какой-то внутренней голосъ говорилъ ей:

«Я все же лучше этого человѣка!».

Она знала, что милосердіе Никифора есть не что иное, какъ лицемеріе, что пожертвованія дѣлаются имъ только изъ тщеславія или трусости. Не могло же такое притворство обманывать Бога, какъ оно обмануло Поліевкта.

Господь справедливъ,—думала она. Онъ читаетъ въ сердцахъ людей. Онъ не принесетъ ее въ жертву Нисефору.

Ирина была воспитана своею матерью въ страхѣ Божиимъ и преклоненіи передъ вѣчной правдой его.

Въ память матери, она жила эти годы, строго слѣдуя правдѣ и своимъ обязанностямъ, какъ рѣка, которая бѣжитъ по привычному руслу, не ища другого пути для своего теченія. Но Никифоръ, подобно камню, упавшему въ чистый потокъ, вызвалъ мутную тину лжи и эгоизма, которая теперь такъ загрязнила эту благородную натуру. Онъ купилъ ее, какъ покупаютъ христіанскихъ невольниковъ, которыхъ агаряне выводятъ голыми на рынокъ, чтобы покупатель могъ лучше рассмотреть товаръ. Что въ томъ благословеніи, которое супруги получили въ большемъ соборѣ? Оно было такою же ложью, какъ и все остальное, такъ какъ закрѣпляло собой принужденное рабство.

Мысль, что, замышляя ея погибель, Никифоръ воспользовался собственнымъ ея признаніемъ, возбудила въ Иринѣ такое негодованіе, которое вывело ее изъ оцѣпенѣнія.

Она поднялась на ноги, ломая руки, и стала говорить, какъ будто самъ Богъ стоялъ передъ ней на томъ мѣстѣ, съ котораго только-что ушелъ Полѣвекъ:

— «Нѣтъ, нѣтъ, Господи, ты не допустишь такой несправедливости! Ты не для того установилъ въ религіи клятву, чтобъ она служила орудіемъ пытки въ рукахъ палача! Ты—защита страждущихъ, Ты исходительнѣе къ любви, чѣмъ къ ненависти! Ты обѣщалъ милосердіе сознающимъ свою слабость передъ искушеніями діавола! Ты знаешь, что я была чиста; я мечтала посвятить Тебѣ свою жизнь, я хотѣла предстать передъ Тобою невинной дѣвственницей; я отказалась отъ этого только ради братьевъ. Не моя вина, что чувство во мнѣ возмutilось отъ насилія, сердце взволновалось отъ страданія... Я полюбила сама, потому что не пощадили меня. И если забыла свой долгъ, то потому, что и купившій меня въ полное рабство злоупотребилъ своимъ правомъ!»

Ирина смолкла. Выраженіе досады на ея лицѣ, вызванное воспоминаніемъ о Никифорѣ, смѣнилось религіознымъ экстазомъ. Любовь, опять наполнившая ея душу, вызвала передъ ней дорогой образъ Дромунда. Онъ представлялся ей такимъ, какимъ она видѣла его въ первый разъ на набережной Буколеона, привязаннымъ къ столбу, полнымъ мужественнаго спокойствія, мечтательно-грустнымъ передъ надвигавшейся смертью, освѣщеннымъ сіяніемъ золотыхъ лучей заходящаго солнца.

Тамъ онъ былъ, и она стояла передъ нимъ. Какъ могли очутиться они другъ передъ другомъ, если не было на то воли Божіей? Когда Евдокія съ братьями пришла за ней, въ ея спокойное жилище, не была ли она тогда занята своими домашними хлопотами? Не достаточно ли было какой-нибудь случайной встрѣчи въ дворцовомъ саду, другого направленія пути, которое они могли легко принять, машинально избирая только болѣе удобный для ходьбы склонъ, чтобъ никогда не увидеть того, кто измѣнилъ ея судьбу? Богъ,

Которому она ежедневно молилась, не могъ отвернуться отъ нея въ такую рѣшительную минуту! Если онъ покинулъ ее въ слабости, то какъ же можетъ теперь такъ осуждать?

Она жаждала опять услышать тотъ голосъ, то пѣніе, полное мольбы, мужественной рѣшимости, которому отдалось ея сердце. Да, ее унесло тогда какъ бы вѣтромъ, подняло въ высь надъ видимымъ міромъ, въ царство любви, гдѣ не нужно видѣть, гдѣ не хочется понимать, гдѣ можно носить-ся какъ вольное, счастливое облачко.

Въ этомъ миломъ голосѣ выражалась вся душа возлюбленнаго, вся его нравственная сила. Онъ ласкалъ и въ то же время повелѣвалъ; онъ сжималъ какъ объятія и вдохновлялъ какъ призывъ къ свободѣ; въ немъ слышалось и страстное томленіе, заставляющее закрывать глаза на весь міръ и энергичный порывъ дикой воли, влекущей къ дѣятельности, къ подвигу. Геройство и наслажденіе, сладострастіе и самопожертвованіе, радость господства и радость подчиненія—все, все совмѣщало въ себѣ этотъ чарующій голосъ, начало и конецъ, жизнь и смерть, блаженство любви и горе разлуки...

Воспоминаніе о счастіи, испытанномъ на груди Дромунда, такъ переполнило ея душу, что даже мысль о раѣ безъ него ей стала невыносимой. За поцѣлуй своего возлюбленнаго она охотно заплатила бы вѣчной гибелью своей души. Но мысль о такомъ нечестивомъ желаніи, въ которомъ она невольно признавалась въ этой моленной, передъ святой иконой, среди молитвы, вызвала въ душѣ молодой женщины новый порывъ страстнаго раскаянія. Сознавая глубину своего паденія, она вскричала:

— «Выборъ! Надо сдѣлать выборъ! Боже мой! Не допустишь же Ты, чтобъ изъ любви къ нему я лишилась радости лицезрѣть Тебя! Что выбрать: вѣчное блаженство или вѣчную казнь? Его любовь, здѣсь на землѣ, или созерцаніе Твоего величія въ жизни будущей!»

Съ мольбой протянула Ирина руки къ иконѣ, какъ будто находясь уже

передъ судомъ Божиимъ и оправдыва-
ясь въ своемъ преступленіи.

Приближающіеся шаги заставили ее
обернуться.

— «Отъ Евдокіи»,—сказалъ вошед-
шій слуга, подавая Ирину записку. На
самомъ дѣлѣ, она была отъ Дромунда и
заклучала только одну строчку:

«Если ты промедлишь придти еще
одинъ часъ, то я явлюсь самъ.»

XXX.

Искуплёніе.

Въ сумерки Ирина направилась по
дорогѣ къ базару.

Каждая подробность этого пути на-
поминала ей тѣ волшебныя эмоціи, ко-
торыя она испытывала въ первомъ
опьяненіи своей любви, беззавѣтно от-
даваясь Дромунду. На каждомъ шагѣ
вспоминалось безпокойство, тогда ее
охватывавшее, тотъ ужасный и вмѣ-
стѣ съ тѣмъ чудно-радостный страхъ,
символъ который просвѣчивало ожида-
ющее впереди счастье.

Сегодня же она шла какъ сомнам-
була, руководимая прежней привыч-
кой. Возможность быть узанной ни-
сколько ее не заботила. Ей было бы
все равно, если бъ кто-нибудь указалъ
на нее пальцемъ, говоря:

— «Это Ирина!»

Мнѣніе людей для нея не существо-
вало больше. Она чувствовала себя
дошедшей до того поворота на жизнен-
номъ пути, который скоро сокроетъ ее
отъ всѣхъ взоровъ.

Дромундъ ждалъ Ирину, вперивъ
глаза въ землю. Они не видались
больше съ того несчастнаго вечера,
когда простились у входа во дворецъ
Никифора—Ирина совсѣмъ потерянная
отъ испуга, а Дромундъ—взбѣшенный
необходимостью отказаться провести
эту ночь, послѣ триумфа, вмѣстѣ съ
своей возлюбленной.

Взволнованный Дромундъ не заго-
варивалъ съ Ириной и даже не по-
смотрѣлъ на нее; она сама бросилась
къ нему на шею, но, боясь встрѣ-
тить взглядъ упрека, неутѣшно зары-
дала и спрятала свое лицо на его груди.

Иливъ въ обильныхъ слезахъ свое

горе, она смокнула. Въ объятіи, кото-
рымъ поддерживалъ ее Дромундъ, ей
почувствовалась нѣжность, и ощуце-
ніе это придало ей силу, которой не
хватило бы для того, чтобъ перенести
упреки. Приподнявъ свое блѣдное лицо,
Ирина, какъ цвѣтокъ къ солнцу, про-
тянула къ нему свои губы, еще мо-
крыя отъ слезъ.

— «Не будемъ омрачать»,—сказала
она,—«упреками и досадою этотъ по-
слѣдній лучъ нашего счастья. Я при-
шла, чтобъ сказать тебѣ прости на-
всегда...»

Вмѣсто того чтобъ взглянуть въ
лицо Ирины и лучше понять то, что
она сказала, Дромундъ порывисто от-
толкнулъ ее отъ своей груди:

— «Что ты сказала?»

У Ирины опять не хватало силы вы-
держать этотъ взрывъ гнѣва, и она по-
никла какъ птичка, готовая испустить
дыханіе.

— «Отвѣчай же!»—бросивъ ее на
софу, добавилъ онъ.

Распростершись у его ногъ и поло-
живъ руку къ нему на колѣни, она
сказала:

— «О мой возлюбленный, не увели-
чивай моихъ страданій твоимъ гнѣ-
вомъ. Между мной и тобой тѣ, кото-
рыхъ я ненавижу, придумали поста-
вить Бога! Они знали, что я пожертвую
всѣмъ на свѣтѣ ради тебя, что для меня
перестала существовать разница между
справедливостью и несправедливостью,
между правдой и ложью; чтобъ тебя
сохранить, я сдѣлала бы все, что только
было бы нужно; я могла бы унижаться
и возмущаться, могла быть покорной
слугой или показывать когти какъ
львица. Вотъ и рѣшили они поставить
меня передъ лицомъ Божиимъ! Въ при-
сутствіи священниковъ и народа я
должна буду поклясться, что не при-
надлежу тебѣ больше!»

— «Ну, что жъ... поклонись!..»

Онъ приподнялся и потянулся къ
ней.

Ирина изумленно глядѣла на него,
такъ какъ въ улыбка на этомъ доро-
гомъ ей лицѣ промелькнуло выраженіе
чего-то страшнаго, непонятнаго, но что,
между тѣмъ, больно кольнуло ея душу.

Дикій варваръ не отступилъ бы, конечно, передъ ложью, какъ только эта ложь оказывалась нужною.

— «Сами Авы»,—воскликнулъ Дромундъ,—«учили людей обманывать своихъ враговъ! Я тебѣ скажу, какими словами поклясться.»

Любя, она не могла его осуждать.

Только въ печальныхъ глазахъ возлюбленной Дромундъ могъ бы прочесть еще большую грусть.

— «О, Дромундъ!»—сказала Ирина,—«все счастье, какое отпущено на мою долю въ земной жизни, я отдала тебѣ. Остальное принадлежитъ моей душѣ. Снисходя къ нашей любви, она принесла себя въ жертву. Она согласилась страдать изъ-за нашего счастья, надѣясь искупить этимъ все, что было въ немъ нечистаго. Но принесеніе ложной клятвы, какъ ты требуешь, нельзя ни искупить, ни очистить страданіями; оно прямо низвергнетъ виновную въ огонь вѣчный. Противъ этого душа возмущается и протестуетъ; отдаваясь и отъ меня и отъ тебя; она оставляетъ въ твоихъ объятіяхъ, Дромундъ, лишь одну только мертвую оболочку нашей любви!»

Часто Дромундъ страдалъ отъ мысли, что эта христіанка заставляетъ его нарушать вѣрованія, всосанныя съ молокомъ матери и отъ которыхъ онъ отказаться не могъ. Онъ зналъ, что если не умереть случайной смертію, то кончить жизнь не подъ жгучими лучами солнца Византіи, а на холодномъ сѣверѣ, распростертымъ на кострѣ изъ сосенъ, при магическомъ свѣтѣ луны. Почувствовать въ Иринѣ вѣру, противную своей, Дромунду было очень тяжело, это уменьшало въ его глазахъ цѣнность жертвы, принесенной ею его любви.

Онъ вспыхнулъ отъ досады и сказалъ:

— «Ты любишь свой рай больше, чѣмъ меня!»

Поднявъ на него свой правдивый взоръ, Ирина отвѣтила:

— «Богъ свидѣтель, что душа моя не побоялась бы никакихъ мукъ, если бы за общее блаженство она раздѣлила бы съ тобой и общее страданіе. Она

забыла бы свою скорбь, сокрушаясь о твоей, такъ же какъ моя радость удвоивалась, видя тебя счастливымъ; но въ той жизни наши дороги различны: христіанка, преступившая клятву, не можетъ разсчитывать на отеческое милосердіе Всевышняго, которое ожидаетъ такого темнаго и невѣдующаго человека, какъ ты, Дромундъ! Тутъ же, на землѣ, должно окончиться наше общее счастье и страданіе. Неумолимый Судія не исполнитъ моей просьбы и не соединитъ наши страждущія души въ одномъ пламени!»

Онъ понималъ въ ея словахъ только сопротивление и воскликнулъ:

— «Оставь ихъ и слѣдуй за мной!»

Любовь въ ней заговорила, заслонивъ собою всѣ ея набожныя размышленія, понесла, какъ волну, гонимую силою вѣтра, и она вскрикнула въ порывѣ полного довѣрія:

— «Дромундъ! Ты этого хочешь? Мы переплывемъ Босфоръ... Мы скроемся подъ буками. Жить въ палатѣ подъ твоей защитой, твоимъ трудомъ, любить тебя!»

Но она остановилась, такъ какъ брови Дромунда нахмурились отъ непривычной заботы.

— «О я сумасшедшая! Не для того ты покинулъ свой край, чтобъ вести такую тихую, бѣдную жизнь! Твое счастье въ боевой славѣ, въ побѣдномъ звукѣ трубъ. Я болѣе не та Ирина, которая могла украшать тебя какъ божество и силою своей любви возвышать надъ толпой и завистниками. Теперь я буду для тебя только облакомъ, затемняющимъ твою судьбу... Посмотри же ласково на меня еще разъ, прежде чѣмъ я удалюсь. Любовь сдѣлала меня и скромной и вмѣстѣ гордой и дала мнѣ такія страданія, что я жду, какъ освобожденія, той минуты, когда даже воспоминанія о счастьи не обезпокоятъ меня больше...»

Тѣма спустилась надъ ихъ догорающей любовью. Поникнувъ, Ирина ждала отъ Дромунда, послѣдней ласки, которая облегчила бы хоть немного ея душу.

Но этой ласки не было.

Воинъ оставался неподвижнымъ и молчалъ. Онъ обдумывалъ положеніе,

которое удовлетворило бы его гордость. Онъ уже не думалъ больше о блаженствѣ, такъ жадно отъ него ожидаемомъ.

XXXI.

К л я т в а.

Была уже ночь, когда Дромундъ вышелъ на улицу. Проходя по форуму, онъ съ ожесточеніемъ показаль кулакъ соборной церкви. Подъ этими сводами находилась непонятная ему сила, которая покушалась отнять у него возлюбленную. Но онъ рѣшилъ оспаривать ее у этого таинственнаго вліянія; любовь и гнѣвъ наполняли его душу, всѣ силы его дикой природы готовы были на сопротивленіе неумолимому року.

Онъ прошелъ ворота Кабалларія, не разбудивъ добрыхъ псовъ, которыхъ часто кормилъ въ честь Локи. Товарищи его уже спали, когда онъ вошелъ въ залу, служившую имъ общей спальней.

По обычаю сѣвера, они спали на своемъ оружіи. Постоянная готовность вступить въ борьбу выражалась даже въ ихъ привычкѣ спать—прижавъ къ груди руки.

Почти всѣ норманны казались сраженными въ борьбѣ, и спальня походила на поле битвы, усыпанное тѣлами мертвыхъ богатырей.

Свѣтившая въ открытыя окна луна таинственно бросала длинныя полосы свѣта на эти распростертыя тѣла.

Дромундъ осторожно прошелъ между спавшими товарищами и, подойдя ближе къ окну, сталъ искать среди нихъ того, съ которымъ хотѣлъ подѣлиться своей заботой. Едва сдерживая свое волненіе, онъ разбудилъ Гаральда.

— «Мнѣ сейчасъ снилось»,—сказалъ послѣдній, проснувшись,—«что я уже возсѣдаю среди избранныхъ воиновъ... И Ангиль дѣлаетъ мнѣ вызовъ...»

— «Кто знаетъ, можетъ быть, эта ночь будетъ послѣдней, какую мы проведемъ на службѣ у автократора. Но вставай же... То, что я тебѣ долженъ сказать, требуетъ тайны.»

Они вышли изъ залы и направились по аллеѣ Кабалларія. Луна и звѣзды

ярко освѣщали ихъ взволнованныя лица. Лучи играли и блестя въ застѣжкахъ шлемовъ, а гигантскія тѣни воиновъ дрожали и двигались вслѣдъ за ними.

— «Возникла борьба между Авами и Бѣлымъ Человѣкомъ»,—сказалъ Дромундъ. «Хитрости его священниковъ оспариваютъ у меня женщину, которую я побѣдилъ. Завтра они поведутъ ее къ порогу собора. Они хотятъ подвергнуть ее магическому заклинанію. Они наполнили ея душу такимъ страхомъ, что она готова признаться въ нашей любви, и эти люди унижать и завладѣютъ ею, если я не спасу ее.»

Брови его нахмурились отъ страданія при мысли, что могли вырвать изъ его рукъ залогъ, данный ему любовью.

— «Какъ думаешь ты: пойдутъ ли защищать меня дружинники? Сколько разъ я пойду ихъ виномъ; мое золото и драгоценности перешли въ ихъ руки. Оставятъ ли они меня теперь въ нуждѣ? Достаточно будетъ имъ показаться въ полномъ вооруженіи на площади, испускающая нашъ боевой крикъ,—всѣ здѣшніе монахи разбѣгутся передъ нами, форумъ опустѣетъ, и мы побѣдоносно унесемъ невольницу моей любви, которую Бѣлый Человѣкъ хочетъ забрать въ свой гаремъ.»

Дойдя до конца аллеи и усѣвшись на скамью, Гаральдъ сказалъ:

— «Хорина истощилъ терпѣніе нашей дружины. Съ тѣхъ поръ, какъ автократоръ сдѣлалъ его великимъ гетеріархомъ, все наше жалованье идетъ на штрафы и мы должны были бы жить какъ бѣдные гребцы, если бѣ византійки не влюблялись въ наши бѣлокурые волосы. Да еще этотъ разстрига осмѣливается говорить, что запретить выходить изъ казармъ подъ страхомъ штрафа въ двадцать золотыхъ! Его посланный ушелъ вчера, съ разбитымъ въ кровь лицомъ, и наши волки заснули со злобой на сердцѣ. Разожги ее, когда они проснутся... Скажи имъ, что великій гетеріархъ притѣсняетъ тебя и твою возлюбленную. Они съ радостью восстанутъ на него. Твоя щедрость такъ же памятна имъ, какъ и обиды Хорины; да къ

тому же кровь кипить въ ихъ жилахъ съ тѣхъ поръ, какъ пришлось имъ стоять на гипподромѣ позади воиновъ Фоки.»

— «Я такъ и думалъ», — сказалъ Дромундъ. «Не для того же, чтобы только держать караулъ у входа въ гинекей, да сторожить этихъ евнуховъ, мы покинули нашъ край, отражаемъ руссовъ и печенѣговъ, выдерживаемъ палящую жару солнца и притупляемъ зрѣніе, смотря на это море, которое синѣе самого неба. Мы желали обогатиться на счетъ агарянъ, но такъ какъ по волѣ базилевса мы остались заключенными въ Византію, то, возмущившись, поживимся тѣмъ, что есть подъ руками!»

Разсказы о тѣхъ возмущеніяхъ, при которыхъ нѣкоторые кварталы города предавались огню и мечу, были всегда самой любимой темой разговора между норманнами. Хотя каждый разъ послѣ такихъ мимолетныхъ успѣховъ возстанія были казнены зачинщики, но это соображеніе нисколько не измѣнило рѣшимости Гаральда и Дромунда. Они даже улыбнулись при мысли о такой смерти, обольстительной какъ путешествіе, открывающее новые горизонты.

— «Хочешь: мы спросимъ луну, чтобы знать, покровительствуютъ ли намъ Азы?»

Начертивъ на пескѣ, передъ Кабалларіемъ, различные круги, кабалистическіе знаки и магическія фигуры, которые луна должна была послѣдовательно освѣтить, они присѣли на корточки, одинъ противъ другого, и стали ждать указаній оракула.

Гаральдъ началъ нагѣвать заклинаніе, которое заставляло звѣзды нисходить съ неба.

Оба друга избѣгали поднимать глаза къ небу, боясь оскорбить недовѣріемъ божество, которое вопрошали. Когда тѣнь меча, воткнутого въ землю, посреди магическихъ круговъ, упала, наконецъ, на тринадцатый изъ нихъ, то оба друга притаили дыханіе, и Гаральдъ, переставъ пѣть, прошепталъ едва слышно:

— «Она нисходитъ...»

XXXII.

П л о щ а д ь.

Посреди форума, между императорскимъ дворцомъ, сенатомъ и большимъ соборомъ, часовня Св. Константина прилежала своей задней стѣной къ порфировой колоннѣ. На этомъ мѣстѣ всегда толпилось много народа.

Много было тутъ путешественниковъ изъ провинціи, пріѣхавшихъ осмотрѣть достопримѣчательности Византіи, много богомольцевъ, желающихъ приложиться къ святымъ мощамъ, и просто звѣзды, разсказывающихъ другъ другу новости дня.

По пятницамъ толпа удваивалась благодаря приливу простого народа изъ отдаленныхъ кварталовъ, являвагося затѣмъ, чтобы посмотрѣть на церемоніи очистительныхъ клятвъ, которыя, обыкновенно, совершались на этомъ мѣстѣ. Всѣ уже знали часъ, когда патріархъ сопровождалъ выносъ мощей Св. Ирины въ часовню. Однообразіе этой церемоніи не мѣшало любопытству толпы, которая любила видѣть значительныхъ людей, склонившихъ свои головы наравнѣ съ простолюдинами, въ набожномъ покаяніи.

Каждый разъ сторожамъ церкви и прислуживающимъ монахамъ приходилось отталкивать своими бѣлыми жезлами любопытную толпу. Они чертили на мраморныхъ плитахъ мѣломъ черты, которыхъ народъ, подѣ страхомъ грѣха, не долженъ былъ переходить, а передъ открытіемъ церковныхъ дверей герольдъ объявлялъ обвинительную жалобу и имя того, кто долженъ принести очистительную присягу.

Слухъ о томъ, что банкиръ Никифоръ требуетъ свою жену къ такой присягѣ, надѣлалъ большого шума. Всѣ, даже мелкіе люди, хорошо знали закладчика, кто лично, кто по слухамъ; всѣ слышали про удивительную красоту Ирины, про ея умъ, ея привѣтливость, которая согрѣвала и ласкала всѣхъ ея окружающихъ.

Потому въ толпѣ слышалось много замѣчаній:

— «Неужели и эта обманула мужа, какъ и другія?»

— «А Никифоръ еще удивляется!»

— «Изъ-за такихъ пустяковъ беспокоить святія мощи!»

— «Придется выставить мощи на площади, если всѣ такіе негодяи полѣзутъ къ Богу со своими несчастіями.»

Въ толпѣ интересовались знать имя соучастника, но никто не могъ назвать Дромунда, такъ какъ никогда Ирина не подражала тѣмъ безстыдницамъ, которыя афишируютъ свою любовь, прибавляя къ грѣху еще и скандальную славу.

Приближающаяся изъ одной изъ улицъ группа лицъ вызвала всеобщее молчаніе. Къ мѣсту, занятому монахами, медленно подвигались мужчины и женщины, печальный видъ которыхъ напоминалъ похоронную процессію.

На пути вся группа пріостановилась, какъ бы давая собраться съ силами одному изъ идущихъ въ ея средѣ.

Въ толпѣ пронесся шепотъ:

— «Никифоръ идетъ впереди...»

— «А кто же эти молодые люди?»

— «Это Троиль и Агаеій.»

— «Братья Ирины?»

— «А за ними кто?»

— «Это сама Ирина.»

— «Кто же это ее поддерживаетъ.»

— «Евдокія.»

— «Подруга Хорины!»

— «Тише, вотъ они подходятъ!»

— «Господи, какъ она блѣдна!»

— «Боже, какъ она прекрасна!»

За руку со своимъ другомъ, Ирина, шатаясь, медленно подвигалась.

Черное покрывало, которое Поліевкть приказалъ ей надѣть, на половину прикрывало страшно блѣдное ея лицо. Она какъ бы уже уходила отъ взоровъ окружающихъ людей, съ опущенными вѣками и съ готовымъ вырваться изъ ея груди послѣднимъ вздохомъ, который освободилъ бы ея душу.

Евдокія смотрѣла на толпу съ гордымъ, вызывающимъ видомъ, готовая отравить оскорбленія...

Но на лицахъ окружающихъ она увидала лишь выраженіе участія.

Женщины плакали, какъ надъ покойникомъ, очарованныя, нѣжной красотой Ирины, досадовали на ревнивца, который разбилъ жизнь такого чуднаго созданія.

Троиль и Агаеій съ удовольствіемъ прислушивались къ выраженіямъ такого сочувствія толпы. И когда процессія достигла священнаго мѣста, они приступили къ банкиру съ угрожающими жестами.

— «Ну»,—сказалъ Троиль,—«вотъ достигли мы, наконецъ, вершины нашей Голгоѣ! Твоя жена обезпечена твоимъ несправедливымъ обвиненіемъ!»

— «Трепещи»,—воскликнулъ Агаеій,—«чтобъ тебя не отдали на растерзаніе этой толпы! Не Ирину тутъ судятъ, а тебя, Никифоръ!..»

Никогда Никифоръ не рассчитывалъ на расположение толпы и хорошо зналъ, какую ненависть питали къ нему братья Ирины; поэтому онъ размѣстилъ по площади своихъ должниковъ, которые въ случаѣ опасности, могущей угрожать ему, были бы готовы его защитить. Чувствуя, такимъ образомъ, нѣкоторую безопасность, онъ давалъ братьямъ проницскіе отвѣты.

Между тѣмъ Ирина боялась упасть отъ сильной слабости, раньше чѣмъ вынесутъ на паперть мощи.

Она шептала:

— «Евдокія, поддержи меня, идущую на казнь...»

Рука ея, обхватившая шею подруги, безсильно упала.

Евдокія опять положила эту руку на свое плечо и нѣжно сказала Ирине:

— «Будь тверда! Подними глаза свои! Посмотри, эта толпа презираетъ и ненавидитъ только одного Никифора!»

Едва переводя дыханіе, Ирина промолвила:

— «Мнѣ нѣтъ дѣла ни до Никифора, ни до всего этого народа! Я думаю только о Богѣ, Который читаетъ въ моей душѣ и передъ Которымъ я готова произнести клятву!»

Евдокія такъ же легкомысленно относилась къ добродѣтели, какъ и ко всему другому. Чтобъ быть около Ирины, она даже не обратила вниманія на гнѣвъ Хорины.

Безъ всякаго страха она готовилась встрѣтить негодованіе толпы, но не могла допустить, чтобы Ирина отказалась принести ложную клятву. Она стала убѣждать ее въ неизбежности такого грѣха, въ необходимости его для соблюденія приличій и даже то усиліе, какое приходится дѣлать для этого христіанской душѣ, возводила въ искупленіе и заслугу. Вѣдь не могла же Ирина предать Дромунда зловому враговъ.

— «Думай»,—нашептывала Евдокія въ ухо Иринѣ,—«думай отвоемъ возлюбленномъ.»

Глубокій вздохъ вырвался изъ груди Ирины и она молвила:

— «О, для него я подвергаю себя вѣчному проклятію. Онъ, какъ дитя, любитъ все блестящее; ему нужны драгоценности, лошади, колесницы. Игра его опьяняетъ... Золото возбуждаетъ его... А я за его радость плачу гибелью своей души!...»

XXXIII.

Клятва.

По принятому обычаю, во все время очистительной присяги колокола должны были звонить какъ по покойнику.

Много разъ прежде, когда Иринѣ, занятой своими скромными, домашними работами, приходилось услышать этотъ однообразный звонъ, сердце ея сжималось отъ тоски и жалости. Теперь же первый ударъ колокола, какъ громомъ, поразили ее. Ей показалось, что произошло землетрясеніе и что портикъ церкви колеблется. Глаза Ирины закрылись; она не различала уже больше ни гула толпы, ни разговора своихъ братьевъ, продолжавшихъ упрекать Никифора, ни нашептыванія Евдокіи. Ее унесла эта волна звуковъ, и когда за закрытыми еще дверями собора раздалось пѣніе хора, она не могла различить, были ли то голоса пѣвчихъ, звучавшіе подъ сводами, или сама душа ея рыдала, переполненная страданіями.

Пѣніе хора между тѣмъ продолжалось, сопровождаемое рѣдкими ударами колокола.

Казалось, что не подъ сводами собора звучали эти невидимые голоса, а неслись съ выси небесной; точно какъ будто сами святые и ангелы, знавшіе тайну смерти и справедливость Судіи, просили за жертву, переносившую тяжелое бремя. Даже слова псалма легко можно было разслышать.

«О Господь Милосердный! О Христосъ, простившій разбойника на крестѣ, поддержавшій Магдалину въ ея отчаяніи, Ты даешь намъ всѣмъ надежду на спасеніе!»

Когда открылись церковныя двери, то вся толпа народа опустилась на колѣни. Голосъ патріарха, поддерживаемый пѣніемъ хора, произнесилъ слова псалма:

— «Ты еси Богъ милосердный и человеколюбивый!»

Ирина старалась почерпнуть надежду на прощеніе въ этихъ словахъ, звучавшихъ для нея такимъ утѣшеніемъ. Но рядъ священниковъ, стоявшихъ на паперти, напомнилъ ей неутолимую дѣйствительность.

Милосердіе, которое славилъ патріархъ, было обѣщаемо только раскаявшимся душамъ, отрѣзавшимся отъ грѣха и добровольно умершимъ для всѣхъ земныхъ радостей, чтобы возвратить потерянный ими рай.

Никогда Ирина не могла смотрѣть безъ страха на патріарха, даже и тогда, когда совѣсть ея была чиста какъ кристалль, но въ эту минуту, когда предсталъ онъ передъ нею, среди раздававагоса пѣнія и ударовъ колокола, въ митрѣ, съ посохомъ въ рукѣ, она онѣмѣла отъ ужаса, остановившаго всѣ ея мысли.

Патріархъ благословилъ народъ, который, кланаясь своему любимому пастырю, кричалъ:

— «Многія лѣта преосвященному владыкѣ, благочестивому, достойному святыхъ апостоловъ! Да прославится православный патріархъ! Да укрѣпитъ онъ вѣру среди христіанъ! Да поможетъ ему Христосъ!»

Склонивъ свою почтенную голову, патріархъ отвѣчалъ:

— «Любезные христіане, собравшіеся передъ святою церковью, изгоните

изъ сердець вашихъ праздное любопытство. Молитесь вмѣстѣ съ вашимъ пастыремъ Богу. Взывайте въ общемъ крикъ къ Его вѣчному милосердію.»

Патріархъ стоялъ во входѣ часовни. Величественнымъ жестомъ приказалъ онъ открыть ея двери.

Онѣ открылись, и четыре діакона торжественно вынесли раку со святыми мощами, приподнявши ее надъ головами.

Рака, въ видѣ тѣхъ гробницъ, въ которыхъ у церкви Всѣхъ Святыхъ покоились останки базилевсовъ, была сдѣлана изъ прозрачнаго хрусталя, а потому, черезъ узоръ украшеній изъ золота и камней, ясно было видно лежащее въ ней нетлѣнное тѣло святой базилисы.

Какъ только діаконы опустили рядомъ съ патріархомъ свою священную ношу, въ народѣ поднялась страшная давка. Женщины протягивали своихъ дѣтей, безногіе калѣки едва протискивались на своихъ костыляхъ, увѣчные потрясали своими обезображенными членами, — всѣ хотѣли избавиться отъ страданій близостью къ чудотворнымъ мощамъ.

Монахъ-препозитъ отстранилъ толпу и, очистивъ дорогу, коснулся бѣлымъ жезломъ до плеча Ирины, приглашая ее подойти.

Ирина не сопротивлялась. Сдѣлавъ два шага впередъ, она упала на колѣни.

Рака ослѣпляла ее своими блестящими украшениями. Патріархъ подавлялъ своимъ величіемъ.

Онъ громко провозгласилъ:

— «Вотъ женщина, которую мужъ обвиняетъ въ измѣнѣ. Помолись», — обратился онъ къ Иринѣ, — «такъ какъ ты принесешь сейчасъ присягу, которая рѣшитъ твою участь. Если ты безупречна, то Богъ докажетъ твою невинность. Если же ты преступна, то онъ ниспошлетъ тебѣ прощенье за искреннее признаніе. Но если ты солжешьъ передъ глазами всего народа, Онъ низвергнетъ тебя въ огонь вѣчный!»

Ирина, казалось, ничего не понимала.

Потомъ патріархъ твердымъ голосомъ сказалъ:

— «Подойди.»

И въ ту минуту, какъ обвиняемая поднималась на ноги, хоръ священниковъ заплѣлъ.

Въ ихъ голосахъ и лицахъ не было больше милосердія. Они призывали торжество правды. Ихъ грозное пѣніе могло вырвать душу изъ нѣдръ грѣха и въ страхъ и ужасъ повергнуть передъ судомъ Божиимъ.

Ирина не понимала смысла гимна, такъ же какъ утопающій не слышитъ грохота волнъ, стараясь справиться съ ихъ свирѣпостью. Она не спускала глазъ съ Поліевкта, и его взглядъ прожигалъ ее, какъ жертву вѣчнаго огня.

Возложивъ руку на святыя мощи, патріархъ сказалъ:

— «Въ этой ракѣ изъ чистаго кристалла, до которой касается твоя голова, покоятся мощи Святой Ирины. Съ высоты небесной она незримо присутствуетъ при испытаніи. Положи руку твою на ея святыя мощи и повторй за мной клятву!»

Кристаллъ раки, къ которому приклонялась Ирина, освѣжалъ ея горячую голову, какъ свѣжая роса. Ей хотѣлось забыться, заснуть вѣчнымъ сномъ, пока ея губы не произнесли проклятой ложной клятвы.

Молчаніе Ирины приводило патріарха въ нетерпѣніе. Онъ повторилъ:

— «Ну, повторй же! Устами, которыми приносятъ свидѣтельство...»

Голосъ Ирины былъ такъ слабъ, что народъ его не слышалъ вовсе.

Голоса изъ толпы кричали:

— «Смотрите, она колеблется!»

— «Повтори!» — приказалъ Поліевктъ.

Она заикаясь начала:

— «Устами, которыми принесутъ свидѣт...»

Силы ее оставили.

Народъ заволновался:

— «Она боится! Она дрожитъ!»

Но голосъ патріарха заглушилъ эти замѣчанія.

Онъ продолжалъ:

— «Этимъ сердцемъ, въ которомъ горитъ божественная любовь, я влянусь...»

Ирина не пробовала даже повторить всю молитву. Она едва прошептала:

— «Я...»

Въ глазахъ у нея потемнѣло, языкъ онемѣлъ; и она не слыхала даже торжествующаго возгласа Никифора, обращеннаго къ народу:

— «Она призналась!»

Какъ будто тяжесть вуали была ей не подъ силу, Ирина склонилась на мраморныя плиты.

XXXIV.

Признаніе.

Страшный шумъ поднялся на площади. Клиенты Никифора воспользовались этою неожиданностью, чтобы выразить свое негодованіе.

Они стали кричать:

— «Измѣнница!»

— «Въ монастырь ее!»

— «Побить камнями!»

— «Втоптать въ грязь!»

Эти крики заставили нѣкоторыхъ подумать, что тутъ скрываются еще и слѣды государственнаго преступленія, почему шумъ еще больше усилился.

Другіе же, добрые люди, выражали состраданіе. Это были бѣдные, которымъ Ирина прежде помогала, женщины, которыхъ ужасала строгость наказанія за проступокъ, такъ легко совершающійся изъ-за любви, мужчины, растроганные нѣжной красотой Ирины, падшія дѣвушки, рыночныя торговцы, побывавшіе въ когтяхъ Никифора и жестоко пострадавшіе. Ихъ негодованіе усиливалось еще отъ грубаго торжества Никифора при видѣ безчестія своего дома, и только присутствіе святой раки удерживало ихъ отъ расправы съ нимъ.

Увѣренный въ своей безопасности, Никифоръ торжествовалъ надъ женой, съ братьями и народомъ.

Онъ разговаривалъ съ духовенствомъ, сопровождая свои слова жестами мѣнялы, доказывающаго фальшивость документа. Наконецъ, визгливымъ голосомъ онъ вскричалъ:

— «Разводъ! Владыко! Разводъ!»

— «Ты имѣешь на это право»,—отвѣ-

чалъ Поліевектъ, дѣлая торжественный жестъ разединенія тою самою рукою, которая нѣкогда соединяла супруговъ.

Это послужило сигналомъ, котораго какъ будто только и ждала толпа, всегда готовая къ буйству. Языческая жажда крови пересилила въ ней христіанское милосердіе. Нѣкоторые уже поднимали съ земли камни, забывъ и благодѣянія Ирины, и ея красоту, и долговременную безупречную жизнь. Толпа образовала какъ бы кругъ, готовый поглотить свою жертву.

Поліевектъ остановилъ ее грознымъ взглядомъ:

— «Прочь камни! Вѣроотступники, язычники! Недостойные христіане, думающіе замѣнить своею местию Божественное правосудіе! Удалитесь, пока преступленіе этой грѣшницы не привело васъ самихъ къ преступленію. Бейте этими камнями себя въ грудь, за жестокосердіе, съ которымъ судите слабость ближняго.»

По обычаю требовалось, чтобы виновную послѣ признанія отпѣвали такъ же, какъ покойника при погребеніи. А потомъ родные и даже мужъ, котораго она оскорбила, должны были подходить къ виновной и вѣткой вербы, помоченной въ святой водѣ, окропить ее. Это служило какъ бы знакомъ прощенія и доказательствомъ того, что на раскаившуюся уже нисходитъ милосердіе Божіе.

Патріархъ медлилъ съ этою церемоніей, пока народъ подъ портиками разоидется.

Діаконы молча отнесли въ часовню святыя мощи. Наконецъ, около распростертой у ногъ Поліевекта Ирины остались только братья, Никифоръ и Евдокія. Принесли въ урнѣ святую воду. Поліевектъ первый омочилъ въ ней вѣтку и, дѣлая ею крестное знаменіе, окропилъ лежащую у его ногъ страдалицу.

— «Братья мои, сестра»,—началъ онъ, пронизывая своимъ взглядомъ сердца близнецовъ, Евдокія и Никифора. «Братья! Богъ требуетъ, чтобы вы съ милосердіемъ и прощеніемъ отошли отъ той, которая обезчестила родныхъ

и близкихъ своихъ. Простите же ее отъ всего сердца, чтобъ самими стать достойными милосердія на страшномъ судѣ Господнемъ!»

Мужъ Ирины, привыкшій къ лицемерію, подготовился къ этой трогательной минутѣ, но все же не могъ хорошо скрыть торжествующей радости, подъ маской смиренія.

На лицѣ его появилось выраженіе, съ какимъ, обыкновенно, рисуется на святыхъ иконахъ Іуда предатель.

Ирина не чувствовала больше отвращенія, только сердце ея сжалось отъ тоски, когда Поліевктъ подозвалъ ея братьевъ.

Не ожидая признанія, они теперь не годовали на Ирину. Они забыли ея прежнюю къ нимъ любовь, ея страданія изъ-за нихъ, ея заботы; они сознавали только, что теперешняя ея слабость многого ихъ лишила. Поэтому сдѣланное ими вѣткой, омоченной въ святую воду, крестное знаменіе скорѣе походило на удары бичемъ, чѣмъ на символъ прощенія.

Евдокія подошла послѣднею. На ея вѣчно смѣющемся лицѣ было теперь новое выраженіе, представляющее собою смѣсь презрѣнія, досады и почти дикой жестокости.

Въ паденіи Ирины, а главнымъ образомъ въ ея признаніи Евдокія видѣла только себя,—непріятный скандалъ, упрёки Хорины и убытки, какіе это приключеніе влекло за собою. Слишкомъ вспыльчивая Евдокія не хотѣла подчиниться требованію патріарха и, оттолкнувъ вѣтвь, предлагаемую ей прислужникомъ, она приблизилась къ Иринѣ и гнѣвно крикнула ей въ лицо:

— «Идіотка!»

XXXV.

Божіе—Богу.

Теперь, когда любовная связь разбилась передъ страхомъ ложной клятвы, Ирина опять стала для Поліевкта достойной христіанскаго милосердія. Онъ забылъ въ ней ту грѣшницу, которая упорствовала въ своемъ грѣхѣ, а видѣлъ теперь только душу, гото-

вую, какъ бабочка, оставить свой тѣсный коконъ. Желая помочь этой метаморфозѣ, онъ обратился къ Иринѣ со словами ободренія и утѣшенія:

— «Дочь моя, раскаяніе низвергло тебя на эти мраморныя плиты»,—сказалъ онъ,—«но вспомни, что Господь простилъ падшую женщину за однѣ только слезы раскаянія, которыми она оросила Его ноги. Какъ и она, ты можешь вымолить Его прощеніе.»

Послѣ всего происшедшаго Иринѣ показалось, что все ея горе было только дурнымъ сномъ.

Никогда не была она женой Никифора; никогда не испытала къ нему физическаго отвращенія; не была обманута вѣтренной дружбой; никогда злой демонъ не соблазнялъ ее гордиться страданіями своей души, и никогда она не знала того, которому сейчасъ измѣнила. Ей казалось, будто вся ея жизнь прошла въ тиши монастыря, да и теперь не мраморъ форума заставляетъ болѣть ея колѣни, а полъ монашеской кельи. А этотъ священникъ, находящійся около,—ея духовникъ, который повелительнымъ жестомъ указываетъ ей небо.

Она прошептала:

— «Отецъ, подними меня, сложи мои руки, такъ какъ силы оставили меня. Мое сердце слышало слова твои, и я исполнѣ отдаюсь твоей волѣ.»

Она упала на руки патріарха, склонивъ свою бѣдную голову на панатію, висѣвшую у него на груди.

«Осанна!», вырвавшаяся изъ устъ владыки, пронеслась по паперти церкви, была радостно подхвачена діаконами и всѣмъ клиромъ, а звуки органа, раздавшіеся изнутри базилики, казались голосомъ Самого Бога.

Они разливались какъ волны, восхваляя силу Божію, возбуждая милосердіе, унося печали, какъ порывъ урагана уноситъ легкую соломинку; они зажигали въ сердцахъ надежду и утѣшеніе.

Припавъ блѣднымъ лицомъ къ груди Поліевкта, Ирина чувствовала, какъ это чудное пѣніе утишало боль ея сердца. Она жила теперь безъ сожалѣнія, безъ воспоминаній, какъ бы избран-

ница, проникнутая словами Божиими. Райскія мелодіи раздавались въ ея ушахъ, звуки арфъ, пѣніе ангеловъ, побѣдныя трубы архангеловъ доносились сначала издалика, а потомъ все ближе и ближе. Все ближе и ближе слышались ритмическіе шаги небеснаго воинства...

Вотъ оно уже тутъ, близко, на форумѣ, на которомъ раздается топотъ лошадей, бряканіе оружія и рѣзкіе звуки мѣдныхъ фанфаръ...

Ирина содрогнулась.

Она подняла голову, врачки ея расширились, изъ устъ вырвался крикъ любви, взволновавшей ея грудь; закинувъ руки за голову, какъ бы отъ невыносимой муки, она въ неудержимомъ порывѣ, голосомъ, покрывшимъ шумъ на форумѣ, торжественное пѣніе на паперти и въ церкви, воскликнула:

— «Дромундъ!»

XXXVI.

Дромундъ.

Да, это былъ онъ! Въ блестящемъ племѣ, въ наброшенномъ, какъ въ день торжества, сверхъ серебряной кольчуги, въ золотомъ хитонѣ, расшитомъ гроздьями винограда и листьями папоротника, съ мечемъ въ рукѣ, ловко сидя верхомъ на кровномъ сирійскомъ жеребцѣ, подѣзжалъ съ торжественно неподвижнымъ лицомъ Дромундъ. Рядомъ съ нимъ ѣхалъ Гаральдъ, тоже верхомъ, держа въ рукѣ красное норманское знамя. За ними толпились норманны, опьяненные выпитымъ пивомъ, которымъ на славу угостилъ ихъ въ этотъ разъ Дромундъ.

При видѣ этого явленія Ирина со всѣмъ потерялась.

Принятое ею рѣшеніе заставляло ее слѣдовать за патриархомъ, а непреодолимое очарованіе влекло къ воину. Она долго боролась съ собою, но, наконецъ, какъ бы моля о прощеніи за то, что ея губы произнесутъ еще разъ имя, которое должно быть забыто, она воскликнула:

— «Прости меня, Дромундъ, я разбита нашу любовь!»

Сильно натянувъ поводья, Дромундъ

сразу осадилъ своего жеребца на заднія ноги; остановленные такъ неожиданно норманны столкнулись, звеня оружиемъ.

Съ паперти перкви патриархъ слѣдилъ, какъ дружина наполняла форумъ. Онъ стоялъ впереди другихъ священниковъ, какъ бы посланникъ Божій, и, обратясь къ норманну, сказалъ:

— «Удались, язычникъ! Несовершенство нечистаго дѣла. Эта женщина больше не принадлежить тебѣ; она возвратилась ко Христу.»

Взрывъ хохота опрокинулъ назадъ голову, увѣчанную племомъ; потомъ, бросивъ поводья такъ быстро, что никто другой не успѣлъ ихъ подхватить, Дромундъ соскочилъ съ лошади и, поднявъ свой мечъ, бросился на Поліевкта, но принужденъ былъ остановить свой ударъ, такъ какъ Ирина стояла между ними.

Онъ смотрѣлъ на Ирину, скрестивъ руки на своей широкой груди, на которой она такъ любила отдыхать. Дромундъ казался ей въ эту минуту сверхъестественнымъ явленіемъ, призракомъ прошлаго.

Онъ произнесъ:

— «Ты мнѣ дала слово!»

Иринѣ было горько сознавать, что онъ считаетъ ее обманщицей.

— «О Дромундъ!» — сказала она, — «никогда я тебя не обманывала! Въ тебѣ я дѣйствительно любила представителя вѣчной любви, идеаль не отъ міра сего!»

Въ голосѣ воина послышалась нѣжность, когда онъ сказалъ:

— «Пока не перестанетъ биться мое сердце, я буду любить тебя!»

Невыразимымъ утѣшеніемъ пролились эти слова въ душу Ирины, послѣ столькихъ тяжелыхъ испытаній.

— «Но я умираю, Дромундъ!» — сказала она, нѣжно улыбаясь. «Примирись съ тѣмъ, что я раньше тебя пойду умолять Судію Всевышняго, чтобъ Онъ соединилъ наши души въ живни вѣчной.»

Это еретическое желаніе Ирины разсердило патриарха, и онъ рѣзко сказалъ:

— «Выбирай же!»

Ирина прошептала

— «Я ваша.»

Дромундъ схватилъ ее своими желѣзными руками. Онъ не желалъ причинить ей боль, онъ только хотѣлъ заставить ее посмотрѣть себѣ въ глаза и нѣжно шепталъ ей:

— «Ирина, вспомни...»

Она умоляла:

— «Пощади!..»

Онъ продолжалъ:

— «Вспомни эту волшебную ночь... первую въ саду... при лунѣ. Ночь, когда душой и тѣломъ ты вся отдалась мнѣ! Наши души слились тогда на всегда.»

— «Сжался!»

— «Вспомни!..»

Онъ смолкъ, оставляя воспоминаніямъ оживать въ ней.

Полиевктъ почувствовалъ, что любовь побѣдитъ эту страждущую душу, и воскликнулъ:

— «Прочь, сатана!»

— «Ирина...»

Она не могла оторвать глазъ отъ лица Дромунда. Заикаясь, она все же прошептала:

— «Владыко! Не оставляй меня!»

И, бросившись наруки Полиевкту, она прижалась щекой къ его жесткой сѣдой бородѣ.

Желая вызвать въ Ирину сознание, которое въ ней понемногу затемнялось, патріархъ спросилъ:

— «Кого же выбираешь ты, Бога или этого человѣка?»

Дромундъ стоялъ, тоже наклонившись надъ Ириной и, пристально смотря въ лицо, ждалъ отвѣта. Она шептала какъ бы въ агоніи:

— «Бога...»

— «Уми же!»—воскликнулъ Дромундъ, вонзая свой мечъ въ ея грудь.

— «Благодарю!..»

«То дворцовый садъ, гдѣ гуляетъ нарядная толпа. Троилъ и Агаоій тамъ и Евдокія тоже; они болтаютъ смѣясь, вдругъ съ берега моря доносится голосъ...»

«О милые братья, скажите, кто это поетъ? Его голосъ меланхоличенъ, какъ догорающей день... Онъ поетъ о томъ, что живетъ въ моемъ сердцѣ. Какъ онъ прекрасенъ, какъ силенъ

этотъ человѣкъ, обреченный на казнь! Уйди, палачъ! Это добыча не для тебя, онъ принадлежитъ Ирину. А она ему! О мой милый, возьми меня! Мой поцѣлуй, моя честь—все, все твое! Бери и дѣлай, что хочешь... Тебѣ нужна моя душа? Я отдаю ее. Ты хочешь моихъ мученій? Готова къ нимъ. Ты берешь мою жизнь? Возьми,—она твоя!»

Смертельный ударъ безъ страданій поразилъ Ирину, и въ предсмертномъ забытѣ она улыбалась воспоминаніямъ, которыя, какъ послѣднія видѣнія, сливались съ ослѣпительнымъ свѣтомъ небесъ.

XXXVII.

Валкирія.

Страшное смятеніе произошло на паперти большого собора. Священники, діаконы, монахи, на смерть перепуганные, закрывались стихарями и эпитрахилиями. Дикіе крики ужаса вырывались у пѣвчихъ. Скрываясь отъ неравной, оскорбляющей духовный санъ, борьбы, священники бѣжали черезъ открытыя двери въ церковь. Болѣе храбрые изъ нихъ останавливались на минуту, умоляли Полиевкта слѣдовать за ними и искать спасенія въ бѣгствѣ.

При видѣ меча, вонзившагося въ грудь Ирины, патріархъ въ ужасѣ отступилъ. Онъ хотѣлъ благословить ее, но было уже поздно. Ирина упала какъ жертва къ ногамъ Дромунда, стоявшаго въ торжествующей позѣ побѣдителя, готоваго наступить ногой на голову побѣжденной.

Молодой норманнъ и старый первосвященникъ посмотрѣли другъ другу въ глаза, первый потрясая мечемъ, а другой шепча проклетіе.

Старецъ не выдержалъ и, думая лишь о спасеніи своей жизни, поспѣшилъ скрыться черезъ двери, которыя перепуганное духовенство немедленно затворило за нимъ.

Оставшись одинъ, Дромундъ опустилъ глаза внизъ и содрогнулся отъ ужаса, какъ бы только-что увидавъ лежащую передъ нимъ Ирину. Будто неожиданно наткнулся на ея тѣло. Точно не онъ, а патріархъ убилъ ее.

— «Ирина!..» — нечеловѣческій крикъ вырвался изъ груди его.

Но вслѣдъ затѣмъ, подъ вліяніемъ страшной ярости, онъ скомандовалъ атаку.

— «Ко мнѣ! Дѣти Локи! Огня! Костры! Грабьте! Жгите! Ура! А! Прислужникъ Бѣлаго Человѣка, ты мнѣ заплатишь за все!»

Смерть Ирины, какъ порывъ вѣтра, разбудила ярость норманновъ. Неистово бросились они на форумъ, съ громкими криками опрокидывая, какъ могучій приливъ, все встрѣчное на своемъ пути. Вся дружина слилась въ ослѣпительномъ блескѣ въ одно цѣлое, въ какое-то море мѣдныхъ кирасъ и оружія, надъ которымъ, какъ буруны надъ волнами, поднимались косматые гривы племени. Головы драконовъ, ястребовъ и разныхъ фантастическихъ чудовищъ, украшавшія эти племени, со своими хищными клювами и разинутыми пастьями, казались живыми животными, жаждавшими крови и добычи.

Первый ударъ топора въ двери большого собора звучно пронесся по пустой церкви и эхомъ отдался подъ высокими ея сводами.

Казалось, базилика жаловалась и негодовала на нечестивое оскорбленіе. Неистовый шумъ поднялся на площади похожій на шумъ свирѣпыхъ волнъ въ Лофоденскомъ архипелагѣ, осаждавшихъ неприступную скалу жреца Имера. Вдругъ, какъ пыль отъ разбившейся волны, поднялось облако дыма. Огонь охватилъ кедровыя двери собора. Еще минута, и все слилось въ общемъ пламени — дворецъ, колонна, часовня и вся Византія исчезла въ облакахъ дыма, въ которыхъ дружинники продолжали ожесточенную борьбу.

Стоя на колѣняхъ передъ тѣломъ Ирины, Дромундъ заботливо, какъ бы раненую, поддерживалъ ее, орошая ея блѣдное лицо своими первыми слезами.

Освѣщенная ими какъ росой, Ирина открыла глаза, протянула къ нему руки и нѣжно посмотрѣла на него. Улыбка счастья, смѣняясь тѣнями смерти, играла на ея устахъ. И голосомъ, какимъ нѣкогда ласкала его, она прошептала:

— «Мое сердце стремится къ тебѣ,

душа улетаетъ въ пространство. О, удержи ее, сожми меня въ своихъ объятіяхъ и дай такъ уснуть. Твоя грудь будетъ для меня зеленымъ лугомъ, твое сердце — глубокой могилой, гдѣ я хочу отдохнуть.»

Слившись съ милымъ въ поцѣлуй, Ирина перестала и жить и страдать.

Голосъ Гаральда вывелъ Дромунда изъ забвѣты:

— «Тревога! Насъ окружаютъ! Хочешь ли, чтобъ враги ваяли тебя живымъ!»

— «Помоги мнѣ», — сказалъ Дромундъ.

Они вмѣстѣ положили Ирину на щитъ. Сорвавъ съ себя золотомъ вышитый родоботринъ, Дромундъ подложилъ его подъ голову своей милой, а траурнымъ вуалемъ прикрылъ ей ноги. Лавровый вѣнокъ, вѣнчавшій его въ день триумфа, онъ возложилъ на чело Ирины, а въ похолодѣвшую руку ея вложилъ мечъ, прервавшій эту чудную жизнь.

Потомъ четыре воина, взявшись за углы щита, подыали на свои плечи эту легкую ношу.

Дромундъ же вскочилъ опять на лошадь. Съ сѣдла онъ продолжалъ смотрѣть на Ирину, наклоняясь такъ близко къ ней, что могъ бы поцѣловать ея лобъ, но теперь онъ думалъ лишь о битвѣ, о смерти, которую желалъ въ ней найти.

Поднявъ взоръ на охваченный пламенемъ куполъ церкви, онъ съ вызывающимъ видомъ, какъ тогда у столба, ожидая казни, запѣлъ торжественный гимнъ:

— «Въ минуту, когда мое дыханіе замирало на твоихъ губахъ, я на твоей груди уже мечталъ, что та вѣчная дѣва, которая меня ожидаетъ, — будешь ты.

«Я наслаждался играми и битвами! Изъ-за твоей сверхъестественной любви я охладѣлъ къ радостямъ жизни!»

«Войдемъ же вмѣстѣ въ таинственный мракъ! Прими же меня, Валгалла!»

Бросивъ послѣдній взглядъ на свою возлюбленную, лежавшую на щитѣ, Дромундъ прищипорилъ коня и бросился въ кружившееся вихремъ пламя, изъ котораго съ серьезнымъ лицомъ и жгучими глазами дѣва Валкирія уже манила его къ себѣ...

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ РЕДАКЦИИ
„НОВАГО ЖУРНАЛА ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“:

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ ПОСЛѢДНІЙ РОМАНЪ
АЛЬФОНСА ДОДЭ

„ОПОРА СЕМЬИ“

Съ портретомъ автора. Въ переводѣ М. Л. Лихтенштадтъ.

Цѣна 75 коп., пересылка 25 коп.

Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 1 руб. 25 коп.

Для подписчиковъ „Новаго Журнала Иностранной Литературы“ пересылка
бесплатно.

Съ требованіями обращаться: Редакція «Новаго Журнала Иностранной Литературы» (С.-Петербургъ, Конногвардейскій бульваръ, 13).

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ ПОСЛѢДНІЙ РОМАНЪ
ЭМИЛЯ ЗОЛА

ПАРИЖЪ

Въ переводѣ М. Л. Лихтенштадтъ.

Цѣна 75 коп., пересылка 25 коп. Для подписчиковъ «Новаго Журнала Иностранной Литературы» пересылка бесплатная.

Съ требованіями обращаться въ редакцію «Новаго Журнала Иностранной Литературы» (С.-Петербургъ, Конногвардейскій бульваръ, 13).

БОРЬБА МІРОВЪ

Романъ *УЭЛЛЕСА*

Съ англійскаго переводъ К. К. Толстого!

Цѣна 50 коп., пересылка 20 к. Для подписчиковъ «Новаго Журнала Иностранной Литературы» пересылка бесплатно.

Съ требованіями обращаться въ редакцію «Новаго Журнала Иностранной Литературы» (С.-Петербургъ, Конногвардейскій бульваръ, 13).

ВЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ
НОВЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РАЗСКАЗЫ

для дѣтей средняго и старшаго возраста

З. Н. Булгаковой и В. А. Даниловой.

Съ оригинальными рисунками А. Д. Кившенко, К. Я. Крижицкаго, Р. Ф. Штейна и др.

Содержаніе. 1. Счастливый несчастливоецъ (изъ повѣсти Георга Эберса).—
2. Эзопово счастье (по разсказамъ Александра Дюма-сына).—3. Мальчикъ - герой
(по разсказу Захеръ-Мазоха).—4. Маленькій савояръ (по разсказу Делэна).—
5. Крестникъ смерти (передѣлка съ французскаго).

Цѣна 1 р., въ пакѣ 1 р. 25 к., въ роскошномъ переплетѣ 1 р. 60 к.;
пересылка 25 к.

Иногородніе, выписывающіе эту книгу изъ редакціи «Новаго Журнала Иностранной Литературы» (Спб., Конногвардейскій бульваръ, 13), за перес. не платятъ.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ШЕКСПИРА.

Продается во всѣхъ извѣстныхъ магазинахъ

ШЕКСПИРЪ

въ переводѣ и объясненіи А. Л. Соколовскаго

въ 8-ми томахъ.

ТОМЪ I. Шекспиръ и его значеніе въ литературѣ. Трагедіи: *Отелло*. — *Король Лиръ*. — *Макбетъ*.

Къ переводу этихъ пьесъ приложены историко-критическіе о нихъ этюды и 363 объяснительныхъ примѣчаній.

ТОМЪ II. Трагедіи: *Гамлетъ*. — *Ромео и Джульетта*. — *Тимонъ Аѳинскій*. Къ переводу этихъ пьесъ приложены историко-критическіе о нихъ этюды и 323 объяснительныхъ примѣчанія.

ТОМЪ III. Драмы: *Венеціанскій купецъ*. — *Мѣра за мѣру*. — *Цимбелинъ*. — *Зимняя сказка*. — *Периклъ*.

Къ переводу этихъ пьесъ приложены историко-критическіе о нихъ этюды и 352 объяснительныхъ примѣчанія.

ТОМЪ IV. Трагедіи изъ древняго міра: *Коріоланъ*. — *Юлій Цезарь*. — *Антоній и Клеопатра*. — *Троилъ и Крессида*.

Къ переводу этихъ пьесъ приложены историко-критическіе о нихъ этюды и 408 объяснительныхъ примѣчаній.

ТОМЪ V. *Драматическія хроники*: *Король Іоаннъ*. — *Король Ричардъ Второй*. — *Король Генрихъ Четвертый* (части 1-я и 2-я). — *Король Генрихъ Пятый*.

Къ переводу этихъ пьесъ приложены историко-критическіе о нихъ этюды и 382 объяснительныхъ примѣчанія.

ТОМЪ VI. *Драматическія хроники*: *Король Генрихъ Шестой* (части 1-я, 2-я и 3-я). — *Король Ричардъ Третій*. — *Король Генрихъ Восьмой*.

Къ переводу этихъ пьесъ приложены историко-критическіе о нихъ этюды и 369 объяснительныхъ примѣчаній.

ТОМЪ VII. *Комедіи*: *Сонъ въ лѣтнюю ночь*. — *Виндзорскія проказницы*. — *Укрощеніе своенравной*. — *Много шума изъ пустяковъ*. — *Двѣнадцатая ночь*. — *Два Веронца*.

Къ переводу этихъ пьесъ приложены историко-критическіе о нихъ этюды и 338 объяснительныхъ примѣчаній.

ТОМЪ VIII. *Комедіи*: *Буря*. — *Какъ вамъ угодно*. — *Конецъ вѣнчаетъ дѣло*. — *Потерянные труды любви*. — *Комедія ошибокъ*. — Трагедія: *Титъ Андроникъ*.

Къ переводу этихъ пьесъ приложены историко-критическіе о нихъ этюды и 562 объяснительныхъ примѣчанія.

Кромѣ полнаго стихотворнаго перевода всѣхъ 37 пьесъ Шекспира, въ этомъ новомъ изданіи сочиненій Шекспира напечатаны обширные историко-критическіе этюды о каждой пьесѣ и болѣе 3000 объяснительныхъ примѣчаній. Всѣ эти статьи, взятая въ отдѣльности, составляютъ обширную (болѣе 700 стр.) монографію о Шекспирѣ.

Цѣна за 8 томовъ — 10 р., каждый томъ отдѣльно — 1 р. 25 к. Пересылка по разстоянію. Годовые подписчики «Новаго Журнала Иностранной Литературы», адресующіеся непосредственно въ редакцію его (Спб., Конногвардейскій бульваръ, 13), пользуются уступкой 10% съ 10 рублей.

AP 50

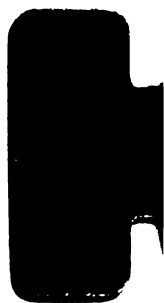
. N 688

g. 2

t. 6

okt. noia br' - den.

1898

PENN STATE UNIVERSITY LIBRARIES

A000053238511